

3
том 21
2019

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Bulletin of Kemerovo State University
2019, 21(3): 574–880

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67989.

Издается с 1999 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01;
vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2019

© Авторы научных статей, 2019

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф., Потсдамский университет (Потсдам, Германия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИПО, зам. главного редактора (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., д-р ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67989.

Founded in 1999.

Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2019
© The authors of scientific articles, 2019

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Prof., Academician of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof., Potsdam University (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Prof., Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development, Vice Editor-in-Chief (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D. History, Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и археология

- Особенности трасологического анализа артефактов из кости
в археологии
Вальков И. А. 574
- Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале
Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)
Докучаева И. Г. 585
- Политика царского правительства по отношению к этническим
регионам России (XVI–XIX вв.)
Земцов Б. Н. 595
- Эволюция технологии земледелия как фактор становления и развития
средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья
Зиняков Н. М. 606
- Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике
первой половины XVIII в.
Лупанова Е. М. 614
- Гора Туру-Алты в Горном Алтае и проблема идентификации древних
святилищ
Мартынов А. И., Сивина К. Н., Мецкерский Р. Д. 626
- Историография и источники о развитии жилищ хакасов и русских
старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XXI вв.
Прищепа Е. В. 635
- Перспективы поиска объектов горного дела древности
на севере Кузнецкого Алатау
Савельева А. С. 644
- Основные этапы и особенности изучения городищ I тыс. н. э.
лесостепного Алтая
Сайберт В. О. 654
- Петроглифы горы Кременной и вопросы их хронологии
Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. 663

Психология

- Опыт применения психолого-педагогических технологий
сопровождения становления психологической готовности к отцовству
Борисенко Ю. В. 674
- Деформация свойств системы идентичности в процессе
профессионального выгорания специалистов деонтологического
профиля
Браун О. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В., Билан М. А. 685
- Исследования якутского менталитета в психологии и смежных науках
Елисеева Н. Д. 695
- Особенности социальной тревожности при аффективных расстройствах
личности
Кадыров Р. В., Капустина Т. В., Догадина В. А., Исаева Т. С. 707
- Социокультурные факторы психического здоровья детей младшего
школьного возраста
Куфтяк Е. В., Тихонова И. В. 716

Ценностно-мотивационные факторы удовлетворенности трудом сотрудников системы здравоохранения Марин Е. Б., Цой С. Ю.	726
Содержательно-динамические характеристики профессионально- ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России Самойлик Н. А.	741
Имитация и способность формировать социальный опыт на основе модели психического в дошкольном возрасте Смирнова Я. К.	751
Социальные факторы и психологические предикторы удовлетворенности образом жизни у курсантов военного вуза Сысолятин М. В.	763
Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации Шаповал И. А.	770
Языкознание	
Родовые корреляты как элиминация лакун Акай О. М.	780
Словообразовательные категории адъективов со значением «признак по действию» в современном русском языке Алтеева Л. В.	788
Предлоги и падежные формы русского языка как предмет идентификационной лингвистики Голев Н. Д., Напреенко Г. В.	801
Информативность публицистических текстов XVIII в. в журналах Н. И. Новикова Корниенко Е. Р.	811
Электронный художественный текст в рамках текстологии постструктурализма Кучина С. А.	821
Диалогическая природа локализованных киноназваний Панкратова С. А.	830
Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения Савельева И. В.	839
That и this в сопоставлении с тот и этот Теренин А. В.	850
Структура и свойства концепта экономический заголовок в немецкоязычной лингвокультуре Чертоусова С. В.	860
Семантика и прагматика слова в масонской традиции Шунейко А. А., Чибисова О. В.	869

History and Archeology

- Traceological Analysis of Bone Artifacts in Archeology
Valkov I. A. 582
- Educational Institutions of Labor Reserves in Western Siberia
at the Beginning of the Great Patriotic War (1941–1942)
Dokuchaeva I. G. 594
- Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia
in XVI–XIX Centuries
Zemtsov B. N. 604
- Development of Farming Technology as a Factor in the Formation of Cities
in Southern Kazakhstan and the Semirechie
Zinyakov N. M. 612
- Economic Policy in the Field of Forest Exploitation in the Baltic States
of the First Half of the XVIII Century
Lupanova E. M. 624
- Mount Turu-Alty in the Mountain Altai and the Identification Problem
of Ancient Shrines
Martynov A. I., Sivina K. N., Meshcherskiy R. D. 633
- The Historiography and the Sources on the Development of the Dwellings
of the Khakass and Russian Long-Term Residents of the Khakass-Minusinsk
Region in XVIII–XXI Centuries
Prishchepa Y. V. 641
- The Search Possibilities of the Ancient Ore Mining Sites in the North
of the Kuznetsky Alatau
Savelieva A. S. 652
- Main Features and Stages of the 1st Millenium AD Hillforts in the Altai
Forest-Steppe
Saibert V. O. 660
- Petroglyphs of Mount Kremennaya and Problems of Their Chronology
Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. 672

Psychology

- Empirical Results of Practical Application of Psychological and Pedagogic
Support of Fatherhood Readiness
Borisenko Y. V. 682
- Deformation of Properties of Identity System in the Process of Professional
Burnout in Specialists of the Deontological Profile
Braun O. A., Arkuzin M. G., Arshinova Y. V., Bilan M. A. 693
- Yakut Mentality Studies in Psychology and Related Sciences
Eliseeva N. D. 703
- Social Anxiety in Affective Personality Disorders
Kadyrov R. V., Kapustina T. V., Dogadina V. A., Isaeva T. S. 713
- Sociocultural Factors of Mental Health in Children Primary Schoolers
Kuftyak E. V., Tikhonova I. V. 723
- Value-Motivational Factors of Job Satisfaction in Public Health Care
Workers
Marin E. B., Tsoy S. Y. 738

Substantive and Dynamic Characteristics of Professional Value Orientations in Cadets of the Educational Organizations of the Federal Penal Service of Russia	
<i>Samojlik N. A.</i>	749
Imitation and Ability to Form Social Experience Based on a Mental Model in Preschoolers	
<i>Smirnova Y. K.</i>	759
Social Factors and Psychological Predictors of Life Satisfaction at Military Institutes	
<i>Sysolyatin M. V.</i>	768
Psychological Scenarios and Indicators of Non-Equilibrium State of the Person at the Borderline Situation	
<i>Shapoval I. A.</i>	778

Linguistics

Generic Correlates as Lakunae Elimination	
<i>Akay O. M.</i>	786
Word-Formation Categories of Adjectivities with the Meaning "Attribute by Action" in the Modern Russian Language	
<i>Alpeeva L. V.</i>	798
Prepositions and Case Forms of the Russian Language as a Subject of Identification Linguistics	
<i>Golev N. D., Napreenko G. V.</i>	809
The Informativity of Publicistic Texts of the XVIII Century in N. I. Novikov's Journals	
<i>Kornienko E. R.</i>	819
Electronic Literary Text in the Framework of Post-Structuralism Textology	
<i>Kuchina S. A.</i>	828
The Dialogical Nature of Localized Filmonyms	
<i>Pankratova S. A.</i>	837
Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model	
<i>Saveleva I. V.</i>	848
"That" and "This" vs "Tot" and "Etot"	
<i>Terenin A. V.</i>	858
Structure and Characteristics of the Concept "Economic Headline" in German Linguaculture	
<i>Chertousova S. V.</i>	867
Semantics and Pragmatics of the Word in Masonic Tradition	
<i>Shuneyko A. A., Chibisova O. V.</i>	878

20 лет

Дорогие авторы и читатели!

У нашего журнала юбилей!
Все эти годы мы стремились
сделать журнал качественным
и привлекательным для научного
сообщества. Из локального журнала
КемГУ мы переросли в журнал
с международным составом
редакционной коллегии, рецензентов
и авторов.

Благодаря людям, стоявшим у истоков
нашего журнала: Борису Павловичу
Невзорову, доктору педагогических
наук, профессору, ответственному
редактору на протяжении всех этих
лет, и Марине Ивановне Рябовой,
кандидату химических наук,
доценту – Вестник Кемеровского
государственного университета
стал не только площадкой
для обмена мнениями и дискуссий
авторитетных ученых с мировым
именем, но и своеобразной школой
для начинающих исследователей.

Для редакции журнала особую
значимость имеет глубокий интерес
читателей, придающий смысл
ее деятельности. Надеемся, что
результат нашей совместной
работы дает импульс к достижению
новых научных, исследовательских
и профессиональных вершин.

Спасибо членам редакционной
коллегии, рецензентам, редакторам
и авторам журнала за проделанную
работу.

С наилучшими пожеланиями,
Андрей Викторович Серый,
главный редактор, профессор, доктор
психологических наук

оригинальная статья

УДК 903.01

Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии

Иван А. Вальков^{а, @}^а Алтайский государственный университет, 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61[@] valkow92@mail.ru

Поступила в редакцию 26.05.2019. Принята к печати 18.06.2019.

Аннотация: Рассматривается вопрос о специфике экспериментально-трасологических исследований древних артефактов, изготовленных из костей животных. Подчеркивается исключительная значимость костяных предметов как археологического источника. На основании результатов отечественных и зарубежных исследований, а также опыта трасологического изучения костяных предметов с памятников эпохи бронзы лесостепного Алтая делается заключение о своеобразии трасологического анализа артефактов из кости. Анализируются методологические проблемы, возникающие в процессе экспериментально-трасологического исследования коллекций костяных предметов с археологических памятников. В статье выделяются сырьевые, технологические, функциональные и тафономические факторы, которые вносят коррективы в методику изучения характера макро- и микроповерхности костяных артефактов, делают ее отличной от методики изучения каменных индустрий. В качестве ведущего фактора определяются сырьевые особенности кости, обуславливающие ускоренный процесс образования и уничтожения следов на поверхности орудий и изделий, возможность использования костного сырья в различных физических состояниях, наличие деформаций и следов естественного (биологического) характера. Как следствие, ставится под сомнение тезис о возможности полного переноса методики трасологического изучения предметов из камня на орудия и изделия из кости, объясняется необходимость выработки специализированных методов и приемов анализа древних костяных индустрий.

Ключевые слова: трасологический анализ, органические материалы, костяная индустрия, костяные орудия, следы, косторезное дело

Для цитирования: Вальков И. А. Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 574–584. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-574-584>

Введение

В последние несколько десятилетий экспериментально-трасологические исследования древних артефактов прочно вошли в практику археологических исследований. История метода начинается в середине прошлого века, когда известный отечественный археолог С. А. Семенов впервые разработал и апробировал на археологическом материале оригинальную методику определения функционального назначения орудий труда по следам от работы, образовавшимся на их поверхности. Новаторский подход и результаты его применения на практике С. А. Семенов представил в своем ставшем классическим для трасологов труде «Первобытная техника» [1]. За более чем полувековую историю метод доказал свою принципиальную значимость для археологических исследований, получил развитие в работах множества отечественных и зарубежных археологов. Тем не менее, зародившись в недрах палеолитоведения, метод всегда был преимущественно ориентирован на изучение каменных артефактов. Несмотря на то, что

значительная часть «Первобытной техники» посвящена анализу предметов из кости (гл. III), можно констатировать, что и к настоящему времени методика изучения следов на костяных орудиях находится лишь на стадии разработки [2, р. 20]. Ярко проявляется отставание от аналогичных исследований каменных индустрий. Этот факт определяет актуальность рассматриваемой в настоящей статье проблемы.

Краткая история трасологических исследований костяных предметов

Центральной идеей, лежащей в основе экспериментально-трасологического метода, является положение о том, что в результате соприкосновения двух поверхностей обязательно образуются следы. Соответственно, на любом орудии, бывшем в употреблении, должны сформироваться следы от работы. Они не могут не возникать и вследствие других процессов – технологических операций при изготовлении предмета, соприкосновения с кожей человека, залегания

артефакта в слое. Для трасолога, умеющего обнаружить и – самое важное – верно интерпретировать следы, последние становятся ценным источником информации, представляющим широкие возможности для реконструкции хозяйства древних обществ.

Даже без приведенных выше простейших теоретических построений, следы на древних костяных орудиях не могли не привлечь внимание археологов уже на заре становления археологии как науки. Так, следы технологической обработки на костях вымерших животных приводились как доказательство глубокой древности человека еще в XIX в. П. Турналем, Э. Ларте, Т. де Мортилье [3, с. 8]. Первые же трасологические наблюдения, как для каменных, так и костяных орудий, были сделаны П. П. Ефименко на материалах известной палеолитической стоянки Костенки I [4, с. 63]. Именно Петр Петрович впервые (еще в 1930-х гг.) обратил внимание на характер поверхности каменных и костяных орудий труда, выполнил их графическую фиксацию, а также представил собственную интерпретацию следов. Иное дело, что монография П. П. Ефименко, подводившая итог многолетним исследованиям Костенок, вышла даже на год позже «Первобытной техники» С. А. Семенова, где на совершенно ином качественном уровне была изложена методика трасологического анализа каменных и костяных орудий труда [5, с. 233]. Труд же С. А. Семенова поистине фундаментален, и постоянные отсылки в современных публикациях к его работам – не простая дань памяти, а признание сохраняющейся актуальности его выводов.

Как уже отмечалось выше, С. А. Семенов предложил использовать новую методику не только для изучения артефактов из камня, но и кости, показав на конкретных примерах ее возможности. Неоднократно С. А. Семенов обращался в своих исследованиях к изучению функционального назначения костяных предметов. В «Первобытной технике» подробно рассматриваются не только технологические приемы обработки кости, но и приводятся исследования по выяснению функционального назначения костяных лоуш из Костенок, роговой лопаты из Шигирского торфяника, лоушных костей из Луки Врублевцевой, шлифовальных и полировальных костей из Ольвии [1]. Вопрос о землекопных орудиях с памятников Елисеевичи и Пушкари I поднимался им как в «Первобытной технике», так и в специальной статье [6]. Детально рассматривалась проблема назначения так называемых «коньков» [7].

В дальнейшем советские специалисты в области трасологии также касались тематики изучения предметов из костей животных. Можно отметить отдельные работы Г. Ф. Коробковой, Т. А. Шаровской, К. И. Красильникова, посвященные анализу костяных индустрий различных эпох [8; 9]. Однако костяным предметам отводилась вторая роль

на фоне господства трасологии камня. Анализу подвергались лишь единичные (наиболее интересные с точки зрения исследователей) артефакты или немногочисленные их категории. Массовые же предметы оставались в тени, что объяснялось отсутствием каких-либо сложностей их типологической интерпретации. Трасологические исследования последних лет, включающие целостный анализ костяных индустрий, наглядно продемонстрировали ошибочность такого подхода. Уже в 1980–1990-х гг. систематические и целенаправленные исследования костяных орудий труда с памятников эпохи камня и бронзы осуществлял В. В. Килейников [10; 11]. Особенно ценными являются наблюдения исследователя относительно характера износа тупиков и скребков из ребер, распространенных в культурах эпохи поздней бронзы. Несмотря на значимость работ В. В. Килейникова, аргументированность и проработанность экспериментально подтвержденных выводов, в них практически не поднимаются вопросы методологического характера.

В 1996 г. выходит в свет монография Г. Ф. Коробковой и В. Е. Щелинского «Методика микромакроанализа древних орудий труда», задумывавшаяся как своего рода учебное пособие по трасологии [12]. Данная работа была посвящена именно теоретическим и методологическим вопросам трасологического анализа. Однако, показательным, на наш взгляд, моментом является то, что в монографии даже не затрагиваются вопросы анализа некаменных орудий. Этот факт еще раз наглядно демонстрирует полное смещение акцентов в отечественной археологии в сторону разработки методики изучения каменных орудий и игнорирования проблем исследования костяных индустрий.

В постсоветский период, несмотря на сохранившуюся традицию пренебрежения костяными изделиями, наметился существенный интерес к комплексным исследованиям костяных индустрий, включающим трасологический анализ. Среди таковых можно отметить работы А. П. Бородавского, посвященные косторезному делу эпохи бронзы – раннего железного века Сибири [3; 13], и М. Г. Жилина, в которых анализируется костяная индустрия мезолитических памятников Восточной Европы [14–15]. В них присутствует тщательное описание особенностей кости как материала для изготовления орудий и изделий, рассматриваются технологические приемы обработки, модели утилизации. Несмотря на детально проработанную методику комплексного изучения костяных коллекций с памятников археологии, интересующие нас вопросы методологии трасологического исследования указанными исследователями не затрагивались.

Проводившиеся в последнее десятилетие работы, посвященные анализу древних артефактов из кости, в большей степени ориентируются на выработку критериев для анализа следов износа и обработки на костяных орудиях. Ряд

работ, освещающих особенности трасологического анализа костяных предметов, был опубликован Е. Ю. Гирей, в частности совместно с К. Конте, Й. Мэгро и др. [16–18]. Эти исследования отличаются тщательным документированием характера поверхности исследуемых изделий, а также, что наиболее важно, грамотной доказательной базой, опирающейся на этнографические параллели и экспериментальное моделирование трудовых процессов. Значительное внимание различным аспектам трасологического изучения костяных предметов в последнее время уделяется Н. Б. Ахметгалаевой [19], С. Н. Скочиной [20] и др.

В зарубежной археологической науке трасологический метод получил распространение значительно позже, чем в отечественной. Импульс трасологическим изысканиям был задан выходом монографии С. А. Семенова на английском языке в 1964 г. [21]. Как и в России, основной плоскостью практического применения методики трасологического анализа (на Западе метод получил не вполне удачное название *use-wear analysis*, т. е. дословно «анализ износа использования») стали исследования каменных орудий. Устойчивый интерес к изучению костяной индустрии возникает лишь к 1980–1990-м гг., когда выходит ряд работ, посвященных трасологическим исследованиям костяных орудий труда [22; 23 и др.]. Разработка методики трасологического анализа костяных предметов связана с именами Д. Кампаны (D. Campana), А. Чойке (A. Choyke), Ж. Лемуан (G. LeMoine), Ф. Д’Эрикко (F. D’Errico) и др. [24, р. 7–8; 22; 23; 25–27]. В методическом плане особенно ценна работа Д. Кампаны, который, пожалуй, впервые детально описал методику применения трасологического анализа для кости, заострив внимание именно на особенностях трасологии предметов из органических материалов [22].

В последние два десятилетия исследованиями костяных индустрий занимаются Й. Мэгро (Y. Maigrot), И. Сидера (I. Sidera), А. Легрэн (A. Legrand), Н. Бук (N. Buc) и др. [24, р. 8–9]. Ценными в методологическом плане являются работы М. Альварес (M. Alvarez), Н. Пэл (N. Pal), М. Мансур (M. Mansur), М. Эворы (M. Evora), Дж. Брэдфилда (J. Bradfield) [2; 28; 29]. Особым образом следует отметить исследования, проводимые на высоком уровне украинскими археологами А. Н. Усачуком и В. Б. Панковским [30–33 и др.]. В своих работах исследователи уделяют значительное внимание выяснению вопросов технологии и характера утилитарного износа костяных изделий, тщательно документируя и подтверждая экспериментами полученные данные, привлекая широкий круг аналогий.

Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени в отечественной и зарубежной археологической науке произошел значительный сдвиг в трасологическом изучении костяных индустрий, многократно возросло

количество исследований по данной тематике. Но, к сожалению, по-прежнему непроработанными остаются многие методологические аспекты экспериментально-трасологического изучения костяных предметов. Проанализировав научные публикации, посвященные экспериментально-трасологическим исследованиям костяных предметов, можно прийти к выводу, что наиболее распространены два подхода:

- а) полный отказ от обращения к методологическим проблемам, концентрация исключительно на описании трасологических наблюдений, характера следов на костяных орудиях и изделиях, сравнении их с экспериментальными данными;
- б) провозглашение отсутствия какой-либо разницы между методикой анализа каменных и костяных артефактов.

На наш взгляд, оба подхода являются неверными, игнорирующими бесспорные методологические особенности экспериментально-трасологического изучения костяных предметов. Цель настоящей статьи – обратить внимание исследователей на наличие ряда особенностей, которые необходимо учитывать при изучении макро- и микроследов на древних костяных орудиях и изделиях.

Специфика трасологического анализа костяных предметов

Разработавший методику экспериментально-трасологического анализа С. А. Семенов не акцентировал внимания на каких-либо особенностях изучения костяных предметов и не указывал на них в «Первобытной технике». Тем не менее в одной из своих статей он подчеркнул слабую степень исследования с трасологической точки зрения костяных орудий, что объяснил именно значительным своеобразием последних [34, с. 366]. В частности, он заметил, что в отличие от камня, практически непригодного в нетронutom или слегка подправленном виде, кость могла зачастую использоваться лишь с незначительной подправкой естественной формы. Результатом этого становится то, что определенную часть орудий невозможно выделить традиционным для археологии типологическим методом. Методика трасологического анализа, по мнению С. А. Семенова, должна была избавить костяные орудия от попадания в разряд «костных остатков» [34, с. 366]. Пожалуй, эту характеристику и можно отметить в качестве первой особенности кости как сырья для изготовления орудий – возможность полностью или частично использовать естественную форму.

На наш взгляд, факторы, обуславливающие необходимость коррекции методики экспериментально-трасологического анализа для успешного ее применения в исследованиях костяных индустрий, можно объединить в несколько групп. В зависимости от природы этих факторов

можно выделить *сырьевые, технологические, функциональные и тафономические* группы.

I. Фактор сырья. Собственно говоря, сырьевые особенности кости во многом и предопределяют ту самую специфику трасологических исследований костяных предметов, о которой мы ведем речь. Кость – сырье достаточно своеобразное. Оно принципиально отличается от других видов сырья, использовавшихся человеком в хозяйственной деятельности. Стоит отметить, что в данном случае термин *кость* мы трактуем достаточно широко, включая не только собственно кости скелета животных, но и рог, бивень, зубы, раковины и пр. Именно отличительные черты костей животных как сырья во многом и определяют специфику трасологического анализа костяных предметов. Поэтому рассмотрение трасологических аспектов изучения костяных предметов целесообразно будет начать именно с характеристик сырья.

В значительной степени сказываются физические свойства кости. Вследствие того, что кость более мягкая и пластичная, она более удобна для обработки. Это обуславливает вариативность форм орудий, делает их типологический состав более разнообразным. Из кости изготавливался целый ряд предметов, для производства которых невозможно было использовать камень или другие материалы (игельники, разбивники, тупики и др.) [35, с. 40].

Одним из важнейших обстоятельств с точки зрения трасологии, определяющим отличие костяных орудий от каменных, является то, что благодаря вышеуказанной пластичности кости в десятки раз ускоряется процесс образования следов от работы на поверхности костяных предметов [36, р. 69]. Различные следы и механические изменения поверхности (такие как царапины, заполировка, образование фасок) появляются уже в течение первых минут использования инструмента. Этот факт делает необходимым корреляцию полученных трасологических данных с данными экспериментов по выявлению скорости образования следов и трансформации рабочего края у различных типов орудий в разных трудовых операциях. С другой стороны, ввиду ускоренного процесса образования следов на кости более легкой становится задача выявления использовавшихся человеком предметов. В случае же с камнем непродолжительная работа орудием может порой вообще не отразиться на характере рабочей поверхности. Следы просто не успеют образоваться.

Следует, учитывая и то, что использование костяных орудий в различных операциях значительно усложняет, а порой делает невозможным вообще изучение технологических следов, т. к. каждый новый слой следов уничтожает предыдущий. Поэтому особенность костяных изделий –

не только в скоротечном образовании следов, но и достаточно быстром их уничтожении.

Еще одной ключевой сырьевой особенностью кости и рога является то, что они могли использоваться в различных физических состояниях: свежими, сухими, влажными (вымоченными), замерзшими [28, р. 159]. Сегодня влияние этого фактора на механику и характер образования микроследов только начинают изучаться. Однако, можно с большой долей вероятности отметить, что физическое состояние кости и климатические условия накладывали отпечаток как на особенности обработки, так и на характер следов использования на костяных предметах.

Необходимо обратить внимание на то, что кость – сырье органическое. Прежде чем стать скребком, лошлом, наконечником стрелы или украшением, кости, рога, зубы и другие виды остеологического сырья проживают свою собственную жизнь в составе скелета животного. Они задействованы в различных биологических процессах. Иногда эти процессы оказываются очень схожими со следами обработки или утилизации, возникающими в результате деятельности человека. Наглядно иллюстрирует эту проблему исследование, проведенное В. Б. Панковским, Е. Ю. Гирей и М. В. Саблиным [37]. В работе доказана возможность образования следов пиления и сверления в результате естественных процессов (болезней и патологий, влияния паразитов и пр.). Иллюзия намеренной модификации человеком кости может возникать и по причине незнания видовых особенностей строения скелета, его возрастных изменений у различных видов животных, расположения кровеносных сосудов. Хорошо иллюстрирует подобные случаи исследование Д'Эрикко, посвященное так называемым тензорам (*tensors*) – метатарзальным костям оленя с естественными деформациями, долгое время определявшихся в качестве орудий для растяжения нитей, веревок, разжигания огня и музыкальных инструментов [27].

Помимо описанных выше примеров, на костях могут возникать следы, образовавшиеся от разделки. Поэтому наличие порезов и переломов на свежей кости может свидетельствовать о человеческой активности, связанной с обработкой туши (разделка, извлечение костного мозга и т. д.), а отнюдь не с намерением изготовить из кости некий предмет. Повторяющиеся размеры и морфология некоторых фрагментов недостаточны для идентификации костей как инструментов. Разрушение кости для пищевых целей может дать фрагменты, которые похожи по размеру и форме. Распространенной иллюстрацией этого является массовое выделение многочисленных проколов из фрагментов расколотых диафизов трубчатых костей. Не отрицая самого факта использования кухонных отходов в качестве проколов, следует критически подходить к приписыванию

всех острых осколков к проколам [38]. Поэтому у трасолога должно быть и четкое понимание того, каким образом кость ломается и разрушается, а также четкие критерии выделения следов функционального использования.

II. Технологические факторы. Второй блок составляют особенности технологического плана, т. е. связанные с процессом изготовления костяных орудий и предметов (здесь стоит еще раз обратить внимание на неверное понимание трасологии исключительно как метода выяснения функций). Кость и рог, согласно точке зрения М. Г. Жилина, занимают промежуточное положение между твердыми хрупкими материалами (например, камень) с одной стороны и мягкими пластичными (дерево) с другой [15, с. 8]. В связи с этим в процессе изготовления орудий из кости и рога были задействованы различные технологические приемы, которые применялись человеком для обработки как твердых, так и мягких материалов. Например, одним из первых приемов обработки кости, возникающим еще в нижнем палеолите, является техника скалывания (оббивки), а также ретуши, что было спроецировано человеком с камня на кость [39, с. 13]. Так, к примеру, Е. Ю. Гирия, Г. А. Хлопачев провели эксперименты по скалыванию пластин с бивня мамонта, распрямлению бивней [40]. Собственно и для кости применялся целый ряд технологических приемов, который нельзя было применить для камня (скобление, строгание, резание и др.). Идентификация следов от различных приемов и способов обработки – также важная задача трасологии.

Зачастую крайне сложной проблемой при трасологическом изучении костяных предметов становится дифференциация следов обработки и утилизации. Не всегда удается установить, изменилась ли поверхность в процессе работы или же технологической обработки предмета. Хорошими примерами являются широко известные шлифованные астрагалы МРС, а также «коньки» из пястных и плюсовых костей [41; 42].

В контексте рассматриваемого нами вопроса важно отметить, что трасологический анализ кости представляет особенное значение зачастую не столько с точки зрения именно функциональных определений, а с точки зрения выяснения инструментов, использовавшихся в процессе технологической обработки исследуемых артефактов. Особенно актуальным этот вопрос становится для эпохи энеолита – раннего бронзового века. Получение трасологической информации об использовании в процессе обработки кости металлических изделий для памятников, на которых таковые обнаружены не были, становится косвенным свидетельством существования металлургии [43].

III. Функциональные факторы. Третий блок мы склонны связывать со спецификой использования костяных предметов по непосредственному назначению. Как и для кремневых

орудий, для кости характерна определенная сложность в дифференциации следов намеренной модификации и «неутилитарного износа» (транспортировка, коллекционирование, ношение на теле или одежде). Выше нами отмечалось появление «псевдоорудий» в результате биологических и биохимических процессов. Еще одним довольно распространенным заблуждением является функциональная интерпретация костяных предметов лишь на основании их «округлого» или «полированного» внешнего вида [27]. Чтобы этого избежать, следует детально анализировать топографию заполировки, ее характер.

Износ на костяных орудиях представлен, как правило, тремя основными категориями: 1) сглаживание и полировка поверхности кости, скругление краев; 2) сколы и переломы острых кончиков и краев; 3) царапины, надрезы и выбоины [22, р. 7]. Важным сюжетом здесь является проблема заполировки. С ней связан целый комплекс особенностей кости. Как и в случае с кремневыми изделиями, заполировка зачастую оказывается важнейшим критерием для функциональной интерпретации. Однако ее достаточно сложно документировать, а также объективно оценивать. Заполировка наблюдается трасологами в виде бликов, во многом зависящих от освещения. Поэтому картирование полировки представляет трудности, поскольку полированные области не имеют острых краев, и, следовательно, их запись является субъективной [22, р. 8]. Несмотря на то, что мы не можем делать выводы относительно физических и химических особенностей заполировки, можно отметить то, что в случае с костяными орудиями заполировка является фактором, сохраняющим кость от разрушения. Нельзя исключать, что именно этот фактор обуславливает большее присутствие в выборках с памятников костяных изделий, использующихся в качестве орудий кожевенного дела.

Примечательно, что на костяных орудиях зона образования микроследов и заполировки гораздо больше, чем на каменных, где, как правило, анализируется лишь сама рабочая кромка. Стоит согласиться с позицией Д. Кампаны, заключающейся в том, что, несмотря на полезность в частных случаях значительного увеличения, для изучения костяных артефактов в основном достаточно умеренного увеличения от 50 до 100 крат и от 5 до 15 крат для фотофиксации поверхности [22, р. 7]. Отсюда вытекает еще одна, пожалуй, важнейшая особенность трасологического анализа костяных предметов – ключевое значение изучения микро- и макротопографии следов на поверхности предметов (т. е. характера взаимного расположения следов на поверхности орудия). Нередко изучение топографии позволяет выявлять на конкретных типолого-морфологических категориях предметов наиболее перспективные зоны для выявления тех или иных блоков следов, а также оказывает решающее

влияние при интерпретации наблюдаемых следов обработки и утилизации [44].

IV. Тафономические факторы. Тафономические особенности нахождения в слое оказывают, конечно, свое влияние и на каменные орудия. Однако для кости это влияние многократно возрастает. Тафономические модификации, которым подвергаются костные материалы, очень многообразны и зачастую приводят не только к разрушению поверхности кости, но и способствуют формированию новых ее признаков, приводя к существенной трансформации вплоть до создания псевдоинструментов [28, р. 159–160].

Плохая сохранность предметов осложняет трасологические исследования костяных индустрий ввиду ограниченности выборки. Целые костяные орудия – скорее исключение, нежели правило [23, р. 19]. Отсюда сложность с применением статистических методов.

В связи с особенностями тафономических изменений кости, приводящим к образованию различных деформаций, заполировке из-за кислотности почвы и других показателей, некоторые исследователи предвзвешивают трасологический анализ детальной оценкой сохранности и особенностями залегания предметов в слое на конкретном памятнике [45].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, не вызывает сомнений тот факт, что в процессе применения методики трасологического анализа костяных индустрий следует учитывать целый ряд факторов, делающих эту методику специфичной, отличающейся от исследований каменных артефактов. По нашему мнению, имеет смысл выделять следующие группы факторов, обуславливающих указанную специфику: *сырьевые* (ускоренный процесс образования и уничтожения следов, возможность использования естественной формы кости, применение в различных физических состояниях, наличие естественных деформаций в зависимости от возрастных и видовых особенностей животных, патологий и др.), *технологические* (применение для кости приемов обработки как твердых, так и мягких материалов, высокое значение идентификации следов обработки для индустрий энеолита-бронзы, сложность разграничения следов обработки и утилизации), *функциональные* (большая зона образования следов и важность учета топографии износа, сложные процессы образования заполировки, неоднозначность ее интерпретации,

преимущественное использование небольших увеличений для анализа следов износа и др.) и *тафономические* (большая по сравнению с камнем подверженность химическому и физическому влиянию окружающей среды, на первый план выходит сохранность предметов, затрудняющая трасологический анализ, образование «псевдоинструментов» вследствие залегания в слое). Безусловно, ключевым среди них является фактор сырья, а все остальные в той или иной степени производными от него.

Важно отметить, что мы не стремимся в данном случае доказать наличие некоей пропасти между методиками трасологического изучения каменного и костяного инвентаря. Проблема заключается скорее в том, что исследователи при изучении костяных предметов принимают во внимание абсолютно те же диагностические особенности, что и при изучении камня. Среди трасологов, занимающихся изучением костяных индустрий, к настоящему времени нет единства в понимании того, какие особенности в том или ином случае являются более актуальными для определения функций, нет согласованности в используемых терминах, а описания трасологических наблюдений слишком субъективны. Все это порождает недоверие к экспериментально-трасологическим исследованиям костяных индустрий. К этому примешивается и наблюдаемая недооцененность костяных предметов как исторического источника о материальной и духовной культуре древнего человека.

Исходя из вышеперечисленного, можно констатировать значительное отставание методики трасологического анализа кости от изучения каменных предметов. Нам представляется, что значимыми задачами для совершенствования методики экспериментально-трасологического анализа костяных индустрий на сегодняшний день являются следующие:

- 1) выработка исследователями общих методологических принципов и унифицированных диагностических критериев для анализа костяных предметов, единого понятийного аппарата, уточнение методики;
- 2) осуществление «перекрестной проверки» результатов, организация «слепых тестов» для верификации полученных данных;
- 3) создание единой базы для сравнения полученных результатов (качественные фото макро- и микроследов износа, обработки, тафономических изменений на экспериментальных и археологических образцах).

Литература

1. Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий труда по следам работы). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
2. Alvarez M., Mansur M. E., Pal N. Experiments in bone technology: a methodological approach to functional analysis on bone tools // Traceology today. Methodological issues in the Old World and the Americas: Proc. XVI UISPP World Congress. British Archaeological Reports, International Series. 2014. Vol. 2643. P. 19–26.

3. Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
4. Гиря Е. Ю. Палеолитическая стоянка Костёнки I (верхний слой) как опорный памятник и источниковая база развития экспериментально-трассологической методики в отечественной археологии // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятинский сборник / отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015. Вып. 4. С. 60–102.
5. Гиря Е. Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / ред. В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, Е. Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.
6. Семенов С. А. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I // Советская археология. 1952. № XVI. С. 120–128.
7. Семенов С. А. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Т. II. 1959. С. 353–361.
8. Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические вести. 2001. № 8. С. 88–98.
9. Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры // Советская археология. 1979. № 2. С. 77–91.
10. Килейников В. В. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи / отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1989. С. 119–126.
11. Килейников В. В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2009. С. 96–113.
12. Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.
13. Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.
14. Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 326 с.
15. Жилин М. Г. Преемственность и трансформации в развитии костяной индустрии бутовской культуры. М.: ИА РАН, 2014. 299 с.
16. Гиря Е. Ю. Гравировки на клыке моржа из Рюрикова городища: сравнительный трассологический анализ // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты). Замятинский сборник / отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2011. Вып. 2. С. 219–249.
17. Кlemente Конте И., Гиря Е. Ю. Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой, раскопки 1996–97 гг.) // Археологические вести. 2003. № 10. С. 47–59.
18. Гиря Е. Ю., Мэгро Й., Кlemente Конте И., Лозовский В. М., Лозовская О. В. Трассология костяных рыболовных крючков Замостье 2 (мезолит и неолит центральной части Русской равнины) // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне верхней Волги / ред. В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Кlemente Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 110–117.
19. Ахметгалеева Н. Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта, 2015. 254 с.
20. Сkochина С. Н. Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2. С. 25–36.
21. Semenov S. A. Prehistoric Technology. N. Y.: Barnes and Noble, 1964. 211 p.
22. Campana D. V. Natufian and Protoneolithic bone tools: The Manufacture and Use of Bone Implements in the Zagros and the Levant. British Archaeological Reports, International Series. Oxford. Vol. 494. 1989. 156 p.
23. Choyke A. M. An analysis of bone, antler and tooth tools from Bronze Age Hungary // Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1984. № 12–13. P. 13–57.
24. Stemp W. J., Watson A. S., Evans A. A. Topical review: Surface analysis of stone and bone tools // Surface Topography: Metrology and Properties. 2016. Vol. 4. P. 1–25.
25. Maigrot Y. Tracéologie des outils tranchants en os des Ve et IVe millénaires av. J.-C. en Bassin Parisien. Essai méthodologique et application // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1997. № 94. P. 198–216.
26. LeMoine G. M. Use wear on bone and antler tools from the Mackenzie Delta, Northwest Territories // American Antiquity. 1994. Vol. 59. P. 316–334.

27. D'Errico F. Criteria for identifying utilised bone: The case of the Cantabrian "tensors" // *Current Anthropology*. 1993. Vol. 34. № 3. P. 298–311.
28. Evora M. A. Use-wear methodology on the Analysis of Osseous Industries // *Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology*. 2015. P. 159–170.
29. Bradfield J. Use-trace analysis of bone tools: a brief overview of four methodological approaches // *South African Archaeological Bulletin*. 2015. Vol. 70. P. 3–14.
30. Усачук А. Н. Результаты анализа костяных изделий срубного поселения Капитаново-I // *Донно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: тезисы докладов и материалы конф. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 60–63.*
31. Усачук А. Н. Костяные изделия поселения Устье I // *Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье* / отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 331–362.
32. Панковський В. Б. Кістяна і рогова індустрія з поселення сабатинівської культури Новогригорівка // *Матеріали та дослідження з археології Східної України: Від неоліту до киммерійців*. Луганськ, 2007. Вип. 7. С. 234–243.
33. Панковский В. Б. Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное // *Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. С. 1003–1038.*
34. Семенов С. А. Техника обработки кости в палеолите // *Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 366–373.*
35. Сорокин А. Н. К вопросу о специфике костяных и роговых орудий в качестве археологических источников // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2014. Т. 7. С. 37–53.
36. Legrand A., Sidéra I. Methods, Means, and Results when Studying European Bone Industries // *Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies. British Archaeological Reports, International Series*. 2007. Vol. 1622. P. 67–79.
37. Панковский В. Б., Гирия Е. Ю., Саблин М. В. Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остатков фауны с естественными видоизменениями // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015. № 1. С. 169–184.
38. Грушин С. П., Вальков И. А. Особенности изготовления и использования костяных орудий в кожевенном деле населения елунинской культуры // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. № 4-2. С. 68–73.
39. Филиппов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // *Технология производства в эпоху палеолита* / ред. А. Н. Рогачев. Л.: Наука, 1983. С. 9–71.
40. Хлопачев Г. А., Гирия Е. Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.
41. Федорук А. С., Вальков И. А. Орудия кожевенного производства поселения Жарково-3 // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 4-2. С. 229–234.
42. Вальков И. А., Федорук А. С. К вопросу о функциональном назначении костяных коньков // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края* / отв. ред. А. А. Тишкин, В. П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 60–64.
43. Cristiani E., Alhaique F. Flint vs. metal: the manufacture of bone tools at the Eneolithic site of Conelle di Arcevia (Central Italy) // *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth – Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn, 2005. P. 397–403.
44. Вальков И. А. Особенности топографии следов обработки и утилизации на костяных проколах (по материалам поселения Березовая Лука) // *Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 10–11.
45. Buc N., Loponte D. Bone Tool Types and Microwear Patterns: Some Examples from the Pampa Region, South America // *Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies. Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies* / eds. St-Pierre C. Gates, Walker R. B. *British Archaeological Reports*, 2007. Vol. 1622. P. 143–157.

Traceological Analysis of Bone Artifacts in Archeology

Ivan A. Valkov^{a, @}

^a Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049

@ valkov92@mail.ru

Received 26.05.2019. Accepted 18.06.2019.

Abstract: The paper features the problems of traceological analysis of ancient artifacts made from animal bones. The exceptional importance of bone objects as an archaeological source cannot be overestimated. The authors studied Russian and foreign scientific literature and summarized their own experience of trace examination of bone artifacts from Bronze Age monuments of the forest-steppe Altai. The paper describes some methodological problems that arise during trace examination of archaeological bone collections. It studies the material, technological, functional, and taxonomic features of macro- and micro-surfaces of bone artifacts that make the examination different from analysis of stone artifacts and have to be taken into account. The leading factor is the raw material features of the bone. They cause an accelerated process of formation and destruction of traces on the surface of tools and products, the possibility of using bone material in various physical states, as well as the presence of deformations and traces of a natural (biological) nature. The authors challenge the thesis that the method applied to trace examination of stone objects can be transferred to bone tools and products. They declare that bone artifacts require specialized methods and techniques.

Keywords: traceological analysis, organic materials, bone industry, bone tools, traces, bone carving

For citation: Valkov I. A. Features Trace Examination of Bone Artifacts in Archeology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 574–584. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-574-584>

References

1. Semenov S. A. *Primitive technology (the experience of studying working traces on ancient tools)*. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1957, 240. (In Russ.)
2. Alvarez M., Mansur M. E., Pal N. Experiments in bone technology: a methodological approach to functional analysis on bone tools. Traceology today. *Methodological issues in the Old World and the Americas*: Proc. XVI UISPP World Congress. British Archaeological Reports, International Series, 2014, 2643, 19–26.
3. Borodovskii A. P. *Ancient bone carving industry in the south of Western Siberia*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1997, 224. (In Russ.)
4. Girya E. Yu. Kostenki's Paleolithic site (upper layer) as a supporting monument and source base for the development of an trace examination methodology in Russian archeology. *Ancient cultures of Eastern Europe: reference monuments and supporting complexes in the context of modern archaeological research. Zamyatinsky collection*, ed. Khlopachev G. A. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2015, iss. 4, 60–102. (In Russ.)
5. Girya E. Yu. Traces as a kind of archaeological source (outline of unpublished lectures). *Traces in history. To the 75th anniversary of Vyacheslav E. Schelinsky*, eds. Lozovskii V. M., Lozovskaia O. V., Girya E. Yu. Saint-Petersburg: IIMK RAN, 2015, 232–268. (In Russ.)
6. Semenov S. A. Bone digging tools from the Palaeolithic sites Eliseevich and Pushkari I. *Sovetskaia arkheologiya*, 1952, (XVI): 120–128. (In Russ.)
7. Semenov S. A. On the appointment of "skates" and bones with cuts from Sarkel – Belaya Vezha. *Reports of the Volga-Don Archeological Expedition*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959, vol. II, 353–361. (In Russ.)
8. Korobkova G. F., Sharovskaya T. A. Stone age bone tools (diagnostics of wear traces on the basis of archaeological and experimental evidence). *Arkheologicheskie vesti*, 2001, (8): 88–98. (In Russ.)
9. Krasil'nikov K. I. Bone products from Saltov culture. *Sovetskaia arkheologia*, 1979, (2): 77–91. (In Russ.)
10. Kileinikov V. V. Labor tools of the Lukyanovka late Bronze Age settlement. *Problems of the archaeological study of the Don-Volga forest-steppe*, ed. Siniuk A. T. Voronezh: VGPI, 1989, 119–126. (In Russ.)
11. Kileinikov V. V. Processing of hides and skin tanning by the population of the Bronze Age in the forest-steppe Don region. *Archeology of the Eastern European forest-steppe*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2009, 96–113. (In Russ.)

12. Korobkova G. F., Shchelinskii V. E. *The method of micro-macroanalysis of ancient labor instruments*. Saint-Petersburg: IIMK RAN, 1996, Part 1., 80. (In Russ.)
13. Borodovskii A. P. *Ancient carved horn of Southern Siberia (the epoch of paleometal)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2007, 176. (In Russ.)
14. Zhilin M. G. *Bone industry of the Mesolithic forest zone of Eastern Europe*. Moscow: URSS, 2001, 326. (In Russ.)
15. Zhilin M. G. *Continuity and transformations in the development of the bone industry of the Butovo culture*. Moscow: IA RAN, 2014, 299. (In Russ.)
16. Giryа E. Yu. Engravings on the walrus tusk from the Rurik settlement: comparative trace analysis. *Arms and art of bone in the ancient cultures of Northern Eurasia (technological and functional aspects)*. *Zamyatinsky collection*, ed. Khlopachev G. A. Saint-Petersburg: Nauka, 2011, iss. 2, 219–249. (In Russ.)
17. Clemente Conte I., Giryа E. Yu. L'analyse des outils des cotes d'elan de Zamostje 2 (la septieme couche, la fouilles 1996–1997 annees). *Arkheologicheskie vesti*, 2003, (10): 47–59. (In Russ.)
18. Giryа E. Yu., Maigrot Y., Clemente Conte I., Lozovskii V. M., Lozovskaya O. V. Trace examination of bone fishing hooks from Zamost'e 2 (Mesolithic and Neolithic epochs of the central part of the Russian Plain). *Zamost'e 2. Lake settlement of ancient anglers of the Mesolithic-Neolithic era in the Upper Volga basin*, eds. Lozovskii V. M., Lozovskaia O. V., Clemente Conte I., Saint-Petersburg: IIMK RAN, 2013, 110–117. (In Russ.)
19. Akhmetgaleeva N. B. *Stone Age of Poseymya: Upper Paleolithic site Byki-7*. Kursk: Mechta, 2015, 254. (In Russ.)
20. Skochina S. N. Koshkino bone and horn artifacts from Mergen-6. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010, (2): 25–36. (In Russ.)
21. Semenov S. A. *Prehistoric Technology*. N. Y.: Barnes and Noble, 1964, 211.
22. Campana D. V. *Natufian and Protoneolithic bone tools: The Manufacture and Use of Bone Implements in the Zagros and the Levant*. *British Archaeological Reports, International Series*. Oxford, 1989, vol. 494, 156.
23. Choyke A. M. An analysis of bone, antler and tooth tools from Bronze Age Hungary. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*, 1984, (12–13): 13–57.
24. Stemp W. J., Watson A. S., Evans A. A. Topical review: Surface analysis of stone and bone tools. *Surface Topography: Metrology and Properties*, 2016, (4): 1–25.
25. Maigrot Y. Tracéologie des outils tranchants en os des Ve et IVe millénaires av. J.-C. en Bassin Parisien. Essai méthodologique et application. *Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise*, 1997, (94): 198–216.
26. LeMoine G. M. Use wear on bone and antler tools from the Mackenzie Delta, Northwest Territories. *American Antiquity*, 1994, (59): 316–334.
27. D'Errico F. Criteria for identifying utilised bone: The case of the Cantabrian "tensors". *Current Anthropology*, 1993, 34(3): 298–311.
28. Evora M. A. Use-wear methodology on the Analysis of Osseous Industries. *Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology*, 2015: 159–170.
29. Bradfield J. Use-trace analysis of bone tools: a brief overview of four methodological approaches. *South African Archaeological Bulletin*, 2015, (70): 3–14.
30. Usachuk A. N. The results of the analysis of bone products from the logging settlement Kapitanovo-I. *Don-Donetsk region in the system of antiquities of the Bronze Age of the Eastern European steppe and forest-steppe*. Proc. Conf. Voronezh, 1996, iss. 2, 60–63. (In Russ.)
31. Usachuk A. N. Bone products of the Mouth I settlement. *Ancient Ustye: a fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals*, ed. Vinogradov N. B. Chelyabinsk: Abris, 2013, 331–362. (In Russ.)
32. Pankovskii V. B. Kistiana i rogova industriia z poseleennia sabatinivskoi kulturi novogrigorivka. *Materiali ta doslidzhennia z arkheologii Shkidnoi Ukraini. Vid neolitu do kimmeriitsiv*. Lugansk, 2007, iss. 7, 234–243. (In Ukr.)
33. Pankovskii V. B. Structural and raw materials and investigative examination of bone and horn objects from the Glinoe burial ground. Telnov N. P., Chetverikov I. A., Sinika V. S. *Scythian burial ground III–II centuries. BC. at s. Glinoe*. Tiraspol: Stratum plus, 2016, 1003–1038. (In Russ.)
34. Semenov S. A. Bone processing technique in the Paleolithic. *Proceedings of the Commission for the study of the Quaternary*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957, vol. 13, 366–373. (In Russ.)
35. Sorokin A. N. The Question of the Specificity of Bone and Horn Tools as Archaeological Sources. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2014, (7): 37–53. (In Russ.)

36. Legrand A., Sidéra I. Methods, Means, and Results when Studying European Bone Industries. Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies. *British Archaeological Reports, International Series*, 2007, (1622): 67–79.
37. Pankovskiy V. B., Giryа E. Yu., Sablin M. V. Discrimination between prehistoric artworks and naturally modified faunal remains in the light of traceological studies. *Stratum plus. Arkheologiya i kulturnaya antropologiya*, 2015, (1): 169–184. (In Russ.)
38. Grushin S. P., Valkov I. A. Peculiarities of manufacturing and using bone tools for tanning purposes by Eluninsky culture population. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (4-2): 68–73. (In Russ.)
39. Filippov A. K. Problems of technical shaping of labor tools in the Paleolithic. *Production technology in the Paleolithic era*, ed. Rogachev A. N. Leningrad: Nauka, 1983, 9–71. (In Russ.)
40. Khlopachev G. A., Giryа E. Yu. *Secrets of ancient bone carvers of Eastern Europe and Siberia: methods of processing the mammoth's tusk and reindeer antlers (according to archaeological and experimental data)*. Saint-Petersburg: Nauka, 2010, 144. (In Russ.)
41. Fedoruk A. S., Valkov I. A. Tools of tanning production of Zharkovo-3 Settlement. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (4-2): 229–234. (In Russ.)
42. Valkov I. A., Fedoruk A. S. On the functional purpose of bone skates. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, eds. Tishkin A. A., Semibratov V. P. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017, iss. XXIII, 60–64. (In Russ.)
43. Cristiani E., Alhaique F. Flint vs. metal: the manufacture of bone tools at the Eneolithic site of Conelle di Arcevia (Central Italy). *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth – Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn, 2005, 397–403.
44. Valkov I. A. Features of the topography of traces of processing and disposal of bone punctures (according to the materials of the settlement Berezovaya Luka). *Interdisciplinary study of archeology of Western Siberia and Altai*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014, 10–11. (In Russ.)
45. Buc N., Loponte D. Bone Tool Types and Microwear Patterns: Some Examples from the Pampa Region, South America. Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies. *Bones as Tools: Current Methods and Interpretations in Worked Bone Studies*, eds. St-Pierre C. Gates, Walker R. B. British Archaeological Reports, 2007, vol. 1622, 143–157.

Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)

Ирина Г. Докучаева^{a, @}

^a Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630005, Россия, г. Новосибирск, ул. Ломоносова, 56

[@] i.dokuchaeva2010@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.02.2019. Принята к печати 26.06.2019.

Аннотация: Эвакуация промышленных предприятий, учебных заведений и миллионов граждан СССР из районов, подвергшихся оккупации в период Великой Отечественной войны, – одна из драматических страниц истории России. Частью этой сложнейшей кампании были эвакуация и размещение в тыловых районах сотен училищ и школ фабрично-заводского обучения, готовивших квалифицированных рабочих. В статье описывается масштаб и сложности восстановления работы учебных заведений трудовых резервов в условиях Западной Сибири на начальном этапе войны. Дается анализ процесса перестройки деятельности ранее созданных училищ и школ фабрично-заводского обучения, оценивается значение мобилизационных мероприятий по привлечению молодежи для ускоренного производственного обучения. Раскрывается вопрос о взаимоотношениях руководства трудрезервов с промышленными и транспортными предприятиями, где учащиеся проходили практику и устраивались на работу по окончании училищ и школ. Специфической стороной мобилизационных процессов являлось уклонение от призыва молодежи в заведения трудрезервов, самовольный уход учащихся из училищ и школ фабрично-заводского обучения по разным причинам. Характеризуются итоги и последствия коллективных действий организаций и учреждений Сибири по налаживанию непрерывного выпуска квалифицированных рабочих в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения в условиях войны. Приводится сравнительная статистика роста численности учебных заведений и учащихся в них.

Ключевые слова: мобилизация, эвакуация, ремесленные училища, школы фабрично-заводского обучения, рабочие кадры, промышленность

Для цитирования: Докучаева И. Г. Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 585–594. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-585-594>

Введение

Важным элементом советской мобилизационной модели в период Великой Отечественной войны служила созданная в октябре 1940 г. система трудовых резервов, призванная готовить кадры квалифицированных рабочих для ключевых отраслей оборонной промышленности и транспорта. Изучение этой системы, ее места и роли в условиях войны продолжает вызывать научный интерес, отражением которого служит появление новых публикаций [1–9]. В представленной статье ставится задача показать ход и масштаб процесса эвакуации в Западную Сибирь учреждений профессионально-технического образования и организации всей системы трудрезервов региона в первые месяцы войны.

Трагическое для СССР начало войны, огромные территориальные потери в первые ее месяцы привели к резкому сокращению сети ремесленных училищ (РУ) и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) в Европейской части страны, побудив советское руководство развернуть

дополнительную сеть учебных заведений в тыловых районах СССР. Значительная роль в решении этой задачи отводилась регионам Западной Сибири.

Эвакуация, размещение и перестройка действующих учебных заведений

Процесс эвакуации и размещения прибывавших трудовых коллективов являлся одним из самых напряженных и драматических эпизодов войны. В соответствии с решением Совета по эвакуации от 21 октября 1941 г. многие учебные заведения вывозились одновременно с базовыми предприятиями. Только в 1941 г. были эвакуированы 344 училища в составе 59753 человек и 219 школ ФЗО с контингентом 26012 человек. Вместе с учащимися на новое место прибыли 1415 работников трудрезервов. Удалось также вывезти 1531 единицу оборудования из 9808. Учебные заведения были размещены в 30 областях, краях и республиках СССР. Наибольшее количество

эвакуированных учащихся приняли Урал и Западная Сибирь¹. Всего за 1941–1942 гг. из прифронтовых областей были эвакуированы в восточные районы страны 473 ремесленных и железнодорожных училища (ЖУ) и 242 школы ФЗО со 125 тыс. учащихся. В том числе из Украины – 276 училищ и школ ФЗО с 46143 учащимися, из Ленинграда и области – 91 заведение с 25864 учащимися, из Москвы и области – 97 с 141180 учащимися, из Калининской области – 16 училищ и школ ФЗО. Не удалось вывезти учебные заведения из западных областей Украины и Белоруссии [10, с. 208].

На 1 февраля 1942 г. в Сибирь перебазировалось более 15 % всех эвакуированных училищ, основная часть которых была размещена в Новосибирской области (таблица 1²).

Таблица 1. Количество учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, прибывших в Сибирь из западных районов СССР (на 1 февраля 1942 г.), человек

Table 1. The number of students that arrived in Siberia from the western regions of the USSR (February 1, 1942), people

Регион	Всего прибыло	В том числе учащихся	
		училищ	школ ФЗО
Алтайский край	527	526	1
Красноярский край	616	496	120
Новосибирская область	15629	10718	4911
Омская область	1988	1923	65
Итого	18760	13663	5097

Во второй половине 1941 г. в Новосибирскую область прибыла еще одна большая группа учащихся, главным образом из Белорусской ССР: РУ № 4 из Могилева (220 человек), РУ № 1 металлостроителей (283 человека), РУ № 14 речного транспорта из Гомеля (85 человек), РУ № 15 из Рогачева (26 человек), ЖУ № 5 из Гомеля (150 человек), ЖУ № 2 из Жлобина (95 человек), школы ФЗО № 16 строителей, № 27 – металлостроителей и № 87 – промышленности стройматериалов (всего 198 человек). Из Пскова было эвакуировано РУ № 2 металлостроителей (253 человека), из Запорожской области – 8 РУ и 2 ЖУ в составе около 2 тыс. человек. В Омскую область, Алтайский и Красноярский края прибыли учащиеся Калининской, Орловской, Одесской, Смоленской, Московской, Сумской областей³. Основную массу прибывших учащихся составляли будущие рабочие

ведущих специальностей: металлостроители, железнодорожники, строители. Учитывая имеющиеся материальные условия прибывших учебных заведений, часть училищ и школ ФЗО сохранили как отдельные единицы, а остальных учащихся распределили в существующие здесь училища и школы. Учебные заведения направлялись преимущественно в крупные города, где одновременно запускались в строй эвакуированные промышленные предприятия. В течение 1942 г. в регионы Сибири (Новосибирск, Кузбасс, Алтайский край, Омск) была перебазирована новая партия учебных заведений трудрезервов вместе с учащимися из Ленинграда, Воронежской, Ворошиловградской, Ростовской областей, Краснодарского края, Сталинграда, Азова и Астрахани⁴. По ориентировочным данным, за годы войны Западная Сибирь приняла около 40 тыс. учеников и работников трудрезервов. Крупнейший индустриальный район – Новосибирская область (вместе с Кузбассом) – приняла 150 училищ и школ ФЗО и свыше 30 тыс. учащихся. Положение эвакуированных учебных заведений было исключительно тяжелым. Многие из них не имели мастеров производственного обучения и преподавателей, не смогли вывезти оборудование и инструменты. Они нуждались в большой помощи для организации учебного процесса на новом месте.

Местные советские, партийные и общественные организации вместе с работниками трудрезервов Западной Сибири проделали огромную работу по приему эвакуированной молодежи. На вокзалах, станциях вводилось постоянное дежурство, организовывались пункты питания и выдачи продуктов, медицинской помощи и санобработки. Для размещения людей были построены бараки, землянки, оборудовано подобие клубов, спортплощадок, выделены места в больницах. Многих подростков приняли семьи сибиряков. Эвакуированным учебным заведениям оказывалась посильная помощь в организации учебного процесса на новом месте: в короткий срок выделялись помещения под учебные кабинеты, производственные мастерские и общежития, необходимое оборудование и инвентарь. Все эвакуированные училища и школы были размещены главным образом в родственных, а также во вновь созданных самостоятельных учебных заведениях Новосибирска, Гурьевска, Ленинска-Кузнецкого, Кемерово, Белова, Новокузнецка, Анжеро-Судженска, Омска, Томска, Барнаула и других городов и рабочих поселков.

Заботой и вниманием были окружены училища и школы, эвакуированные на Алтай. В 1942 г. из Ленинграда

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9507. Оп. 1. Д. 196. Л. 3.

² Составлено по: ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 196. Л. 3, 4.

³ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 196. Л. 17–23.

⁴ Там же, л. 34–38.

в Алтайский край прибыли 1200 учащихся РУ и школ ФЗО. Местные организации приняли все меры, чтобы организовать лечение и отдых ослабленных блокадой подростков. Учащихся разместили на лечение и обучение в Алейске и Барнауле. После лечения и отдыха значительная часть из них (413 человек) в октябре 1942 г. направили работать на авиазавод в Челябинской области⁵. Большое внимание размещению училищ и школ эвакуированных из западных районов уделяли организации Новосибирской области. 3 марта 1942 г. Новосибирский обком ВКП(б) детально обсуждал вопрос о приеме и размещении 2000 учащихся из Ленинграда. Директорам предприятий, областному управлению Трудрезервов, хозяйственным организациям было поручено в короткий срок обеспечить нормальные условия жизни эвакуированных учащихся. Персональная ответственность за выполнение постановления возлагалась на начальника областного управления трудовых резервов, секретарей горкомов и председателей горисполкомов⁶.

Эффективную работу по устройству эвакуированных учащихся проводили томские организации. Летом 1942 г. в Томск прибыли 1400 учащихся профтехшколы. В очень сжатые сроки их распределили по училищам и школам ФЗО города, несмотря на крайнюю тесноту и проблемы с питанием. В школу ФЗО № 24 были направлены 313 человек, школу № 10 – 250, школу № 11 – 94, школу № 30 – 94 человека. Остальная молодежь была распределена по четырем РУ. Общее количество учащихся трудрезервов Томска стало составлять 2718 человек вместо 800 человек в начале войны⁷. В зависимости от профиля подготовки учащихся каждому училищу и школе ФЗО было определено базовое предприятие, где проходило практическое обучение с одновременным выполнением конкретного плана. Чаще всего ими становились эвакуированные заводы, фабрики, строительные учреждения. Поэтому работа учебных заведений и базовых предприятий составляла единый процесс. Учащиеся, как правило, строили и монтировали цеха предприятий, являлись частью рабочего коллектива этих предприятий. В короткий срок, в один-два месяца, большинство училищ и школ ФЗО, принявшие эвакуированную молодежь, получали дополнительные помещения под учебные корпуса, столовые, необходимый инвентарь для их оборудования. Одновременно проводилась большая работа по созданию новых училищ и школ ФЗО, увеличению контингента учащихся.

Во второй половине 1941 г. в Алтайском крае были созданы 12 РУ в Барнауле, Алейске, Камне, Славгороде, Бийске, в Тальменском, Павловском, Белоглазовском районах. В Рубцовске были открыты ЖУ № 3 помощников машинистов и слесарей-паровозников, в 1942 г. в школе ФЗО – рабочих массовых профессий для тракторного завода «Алтайсельмаш» и других предприятий⁸. На начало 1942 г. в Алтайском крае действовали 22 училища и школы с контингентом учащихся 7,6 тыс. человек. По сравнению с началом 1941 г. сеть учебных заведений и контингент учащихся увеличились в 7 раз⁹. В начале Великой Отечественной войны контингент учащихся трудрезервов Новосибирской области был увеличен на 4150 человек. В декабре 1941 г. школы и училища области выпустили 8330 новых рабочих. Однако это пополнение не покрывало потребности в квалифицированных работниках. Были приняты дополнительные меры по организации набора городской и сельской молодежи в училища и школы, по укреплению учебно-материальной базы, подбору педагогических кадров. В результате контингент учащихся только ЖУ увеличился в 1,7 раза. В середине 1942 г. общая численность учащихся трудрезервов Новосибирской области составила 17850 человек¹⁰.

В условиях военного времени значительно возрос объем перевозок на железнодорожных магистралях страны, в том числе Сибири. Организация четкой работы транспорта потребовала расширить подготовку рабочих кадров. На основании решения Государственного Комитета Обороны от 10 июня 1942 г. и приказа Главного управления трудовых резервов от 23 июня 1942 г. на базе управлений дистанций пути Омска, Ишима, Тюмени, Барабинска, Новосибирска, Болотной, Тайги, Татарска, Инской, Белова и некоторых других железнодорожных станций Сибири были созданы новые школы ФЗО. Они готовили путевых рабочих, путеобходчиков, стрелочников, составителей поездов и другие массовые специальности. В целом по Западной Сибири за 1940–1943 гг. количество училищ и школ увеличилось в 4 раза, а численность учащихся в них – почти в 6 раз [11, с. 62].

Исключительную остроту в военные годы имела проблема сохранения набранных учащихся, удержания их в стенах учебных заведений, т. к. значительное число мобилизованных, а также эвакуированных молодых людей, рано оторванных от дома и семьи, стремилось самовольно покинуть

⁵ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 631. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 591. Л. 34, 35.

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 4. Л. 125.

⁸ ГААК. Ф. 631. Оп. 1. Д. 4. Л. 25, 38.

⁹ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 191. Л. 4.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 39. Д. 93. Л. 47–49.

учебные заведения. В докладной записке Главного управления Трудрезервов, направленной Советом Народных Комиссаров СССР, сообщалось о самовольно ушедших (дезертировавших) из училищ и школ ФЗО 72 тыс. человек, т. е. 3,5 % общего числа обучавшихся в течение 1940–1942 гг.¹¹ По этой причине только за 1 полугодие 1942 г. из училищ и школ ФЗО были отчислены около 40 тыс. учащихся, в том числе в Горьковской области свыше 3,5 тыс., Челябинской – 4,5, Пермской – 3, Новосибирской – 2 тыс. [11, с. 64]. Основными причинами отчисления были следующие: некачественная работа призывных комиссий по отбору молодежи, отсутствие должного внимания об устройстве быта учащихся и их питания, высокая трудовая нагрузка, влияние полуказарменных взаимоотношений внутри молодежных групп. Многие коллективы успешно справлялись с задачей закрепления молодежи в учебных заведениях. Но в целом проблема бегства учащихся сохраняла острый характер на протяжении всего периода войны, а также и в послевоенное время.

Таким образом, процесс эвакуации и размещения в Сибири РУ и школ ФЗО представлял собой сложную массовую кампанию, протекавшую в напряженной военной обстановке. В нее были вовлечены десятки тысяч молодых людей – учащихся РУ и школ ФЗО, многие советские организации, учреждения, работники промышленных предприятий, задачей которых стало быстрее налаживание военного производства в тыловых районах. Западная Сибирь была одним из главных регионов страны, где в срочном порядке пришлось принимать основную часть эвакуируемых предприятий и на их базе создавать новые центры подготовки молодых рабочих. Организуя на новых местах ускоренное обучение квалифицированных рабочих кадров, учебные заведения системы трудрезервов формировали до 50 и более процентов от общей численности рабочих отдельных заводов и тем самым вносили огромный вклад в достижение общей победы в войне.

Не менее напряженной была и работа по перестройке жизни и учебного процесса действовавших в Сибири учебных заведений. Производственный профиль училищ и школ ФЗО определялся потребностью ведущих отраслей народного хозяйства в рабочих кадрах. Развитие военной экономики с особой остротой поставило задачу значительно расширить подготовку металлистов, металлургов, горняков, химиков, железнодорожников и строителей. Поэтому большое внимание партийных и советских органов, инженерно-педагогических работников трудрезервов было обращено на подготовку рабочих по основным, наиболее

важным профессиям, необходимым для нормального функционирования военного хозяйства, об этом свидетельствуют данные таблицы 2¹² о плановых заданиях по подготовке рабочих по группам профессий.

Таблица 2. Подготовка молодых рабочих в учебных заведениях трудовых резервов Сибири по группам профессий (% на 1 января), 1941 г. и 1944 г.

Table 2. Training young workers in educational institutions of Labor Reserves of Siberia according to occupation (% , January 1), 1941 and 1944

Группы профессий	1941	1944
Металлисты	100	798
Строители	100	328
Горняки	100	183
Металлурги	100	645
Химики	100	400
Железнодорожники	100	245
Работники связи	100	316
Работники других профессий	100	600

Итак, плановые задания по подготовке металлистов увеличились в 8 раз, а их удельный вес среди всех готовившихся рабочих составил на начало 1944 г. 66,8 %, металлургов – в 6,5 раза (удельный вес – 3,9 %), строителей – в 3,2 раза (удельный вес – 9,8 %), горняков – в 1,8 раза (удельный вес – 4,6 %), химиков – в 4 раза.

В годы войны ведущее место среди учебных заведений заняли училища и школы, готовящие рабочих металлистов и базирующиеся на предприятиях оборонной, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Обучение рабочих данного профиля происходило также в училищах и школах на предприятиях транспорта, пищевой промышленности, Наркомата земледелия. В 1943 г. в Алтайском крае подготовкой металлистов были заняты 11 РУ из 12 и 6 школ ФЗО из 11, всего 17 учебных заведений (более 65 тыс. учащихся). Вслед за металлистами шла подготовка рабочих для железнодорожного транспорта. Этим были заняты 4 ЖУ и 2 школы ФЗО с общим количеством учащихся 3200 человек. Третье место занимала подготовка строительных рабочих. Подготовка новых рабочих кадров была организована в основном там, где имелась необходимая производственная база, приближенная к предприятиям, нуждавшимся в этих кадрах.

Основная масса учащихся была направлена для прохождения производственной практики в цеха предприятий.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 54. Л. 1, 4.

¹² Составлено по: ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 215. Л. 32, 62, 72, 94, 96, 158, 164.

Например, в июне 1942 г. 31817 учащихся (80 %) Новосибирского областного управления трудовых резервов непосредственно обучались на производстве¹³.

В учебных мастерских РУ и ЖУ производственную подготовку получали новые контингенты молодежи в первоначальный период обучения. Затем они переводились на производство. Обучение учащихся школ ФЗО с первых дней проводилось непосредственно на рабочих местах в цехах предприятий, на строительных площадках, в депо железнодорожных станций. Следует отметить, что в Новосибирской области процент молодежи, обучавшейся на производстве, был выше, чем в целом по системе трудовых резервов. В 1942 г. производственные мастерские училищ страны готовили 41 % общего контингента учащихся, и 59 % молодежи проходили производственную практику на предприятиях. В мастерских школ ФЗО обучались 5 % юношей и девушек, 95 % – на производстве¹⁴. В этой же области многие учебные заведения переживали организационный период. Они имели небольшие или совсем не имели своих учебно-производственных мастерских. Это было характерно и для других районов Сибири. В Алтайском крае, Омской области обучение учащихся проводилось преимущественно на производстве.

Производственная практика молодежи была построена на выполнении специальных и оборонных заказов. В мастерских учебных заведений готовились инструменты, станки, оружие и боеприпасы. Во второй половине 1941 г. Госплан СССР включил в план производства боеприпасов мастерские училищ и школ ФЗО. К концу 1941 г. 50 учебно-производственных мастерских выпускали военную продукцию. Выпуск боеприпасов и вооружения школами и училищами осуществлялся в соответствии с планом, установленным Главным управлением трудовых резервов при СНК СССР, по каждой области, краю, республике. Местные управления трудовых резервов размещали государственные задания по учебным заведениям, учитывая наличие у них производственных площадей, станочного оборудования и количество подготовленных для работы кадров¹⁵.

К изготовлению боеприпасов и вооружений были привлечены многие училища и школы ФЗО Сибири. Юноши и девушки готовили в мастерских комплекты инструментов для самолетов истребительной авиации, выпускали мины, гранаты, детали и снаряды для «катюш» и много другой боевой техники и продукции для фронта. Каждый коллектив считал для себя честью принять участие в выполнении специальных и оборонных заказов. Получив задание, работники и учащиеся направляли все силы и средства на то, чтобы

сделать его в установленные сроки. Большинству коллективов удавалось успешно справляться с порученным делом.

Быстрыми темпами росло производство оборонной продукции в мастерских училищ и школ ФЗО Омского областного управления трудовых резервов. В 1941 г. они выпустили продукции на сумму 1078 тыс. руб., в том числе боеприпасов и различных спецзаказов на 359,5 тыс. руб., или 33 %. За 1942 г. учащиеся изготовили продукции на 7418 тыс. руб., в том числе боеприпасов – на 5548,3 тыс. руб., специальных заказов ГКО – на 1405,5 тыс. руб., что составило 6953,7 тыс. руб., или 93,7 % общей суммы за год¹⁶.

В итоге в 1942 г. выпуск всей продукции мастерскими вырос в 6,8 раза по сравнению с 1941 г., а производство продукции оборонного значения увеличилось в 20 раз. Изготовление боеприпасов, выполнение специальных заказов стало основой производственной деятельности мастерских учебных заведений Омской области. Аналогичным образом строилась работа училищ и школ ФЗО Новосибирской, Иркутской и Читинской областей, Алтайского, Красноярского краев, а затем и Кемеровской области. Тысячи учащихся в процессе производственного обучения в учебных мастерских и в цехах предприятий оказывали существенную помощь фронту и тылу. В годы войны подростки, пришедшие на производство, вынуждены были на трудовом посту заменять взрослых. В суровые годы войны воспитанники трудовых резервов Сибири со своими наставниками – мастерами и преподавателями – не выходили из мастерских училищ и цехов заводов по 12 и более часов в сутки, вместе с кадровыми рабочими выполняли военные заказы.

Приближение работы училищ и школ к производству выдвинуло вопрос о взаимоотношениях с предприятиями, об увязке производственных заданий и учебных задач. Во время войны связи учебных заведений и базовых предприятий окрепли. Тесное взаимодействие их работы стало насущной необходимостью. Она вызывалась тем, что, во-первых, материальная база училищ и школ нередко оказывалась недостаточной для обучения больших контингентов учащихся или вовсе отсутствовала; во-вторых, предприятия испытывали острый недостаток в кадрах. Поэтому объединение усилий коллективов предприятий и учебных заведений давало дополнительные возможности для исполнения оборонных заданий.

По решению советского руководства были введены определенные обязанности для наркоматов и предприятий в отношении училищ и школ ФЗО. На основании ряда постановлений СНК СССР директора предприятий

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 128. Л. 78.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

¹⁵ ГААК. Ф. 631. Оп. 1. Д. 12. Л. 117.

¹⁶ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2168. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

должны были оказывать учебным заведениям практическую помощь в организации обучения и бытового обслуживания учащихся: выделять из фондов предприятий безвозмездно станки, машины, различное оборудование и инструменты, обеспечивать топливом, электроэнергией, водоснабжением; строить и ремонтировать учебные корпуса, мастерские, общежития, другие культурно-бытовые объекты; предоставлять оборудование, помещения для питания молодежи, выдавать спецодежду учащимся, проходившим производственное обучение на предприятиях, направлять на работу в училища и школы квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников¹⁷. Испытывая огромные трудности в первые годы войны, предприятия снабжали учебные заведения всем необходимым, создавали условия для работы молодежи на производстве.

Руководители предприятий, общественные организации активно участвовали в развитии производственного обучения молодежи. Они обеспечивали учащихся рабочими местами, инструментом, материалами, спецодеждой, проводили большую политико-воспитательную работу. Вместе с работниками училищ и школ они направляли усилия на то, чтобы научить подростков соблюдать правила внутреннего распорядка предприятий и цехов, выполнять технологический процесс и технологическую дисциплину. Начальники цехов, заместители директоров по производственной части, старшие мастера согласовывали учебные планы на каждый цикл производственного обучения по группам, устанавливали последовательность в подборе работ, передвижения учащихся по операциям из цеха в цех, что давало возможность освоить весь комплекс технологических требований¹⁸. Тесный контакт в работе администрации цехов и работников учебных заведений позволял сочетать выполнение производственных планов с одновременной подготовкой учащихся по профессиям.

Производственное обучение было организовано непосредственно в цехах, на строительных площадках, в шахтах, во всех сменах, установленных на данном предприятии. Для учеников был утвержден 8-часовой рабочий день, однако часто практиковались и сверхурочные работы. Юноши и девушки либо работали самостоятельно на станках и агрегатах, составляя бригады, целые смены, либо использовались в качестве дублеров.

Обеспеченность учащихся рабочими местами ясно отражается на примере некоторых училищ Новосибирского областного управления трудовых резервов. В 1941 г. на авиазаводе

им. Чкалова все 420 учеников РУ № 4 работали самостоятельно на станках, на заводе «Сибметаллстрой» («Сибсельмаш») из 840 человек, направленных РУ № 1, 800 имели рабочие места, в РУ № 3 из 495 учащихся самостоятельно работали 125 человек, в РУ № 5 из 692 – 488, в РУ № 6 из 465 – 319¹⁹.

Ученики школ ФЗО в основном были обеспечены работой на предприятиях и стройках. Своим трудом молодежь помогала производственным коллективам выполнять государственные плановые задания. В Кузбассе только за сентябрь 1941 г. учащиеся школ ФЗО добыли свыше 32 т угля, уложили 289400 шт. кирпича, 487 м³ бетона, 180 т арматуры, отштукатурили 9700 м², построили 6 барак. Стоимость всех работ, выполненных за один месяц, составила сумму почти в 250 тыс. руб.²⁰

Значительный вклад в выполнение производственной программы Новосибирским авиазаводом им. Чкалова внесли 900 юношей и девушек школы ФЗО № 27. 195 лучших учащихся, работая самостоятельно на станках, добились перевыполнения норм в 3–4 раза. Дирекцией завода была объявлена благодарность и выданы премии 15 ученикам²¹.

Вместе с тем в первые годы войны в организации производственной практики учащихся системы трудовых резервов имелись существенные недостатки, которые отрицательно влияли на качество подготовки молодых рабочих. Некоторые руководители, ответственные в основном за выполнение производственных программ, не занимались всерьез организацией учебного процесса. Они уклонялись от создания необходимых условий для обучения молодежи даже тогда, когда это было возможно. На таких предприятиях многие учащиеся не обеспечивались рабочими местами, использовались в качестве вспомогательной рабочей силы на подсобных работах. Ученики РУ и ЖУ в течение продолжительного периода задерживались на одной освоенной ими операции. Подготовить квалифицированных рабочих 4–5 разряда на простейших массовых работах было практически невозможно. Часть учащихся использовалась на работах, не соответствующих изучаемой профессии. Кроме того, по требованию предприятий в процессе обучения изменялись специальности целых групп, что нарушало планомерность в подготовке кадров, вело к дополнительной затрате средств и времени. Продукция, изготовленная учениками, отдельно не учитывалась, а включалась в общие показатели предприятий, труд молодежи оплачивался несвоевременно. Фиксировались факты неявки учащихся на работу по тем

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 13. Л. 100.

¹⁸ ГАО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 129. Л. 84.

¹⁹ ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 480. Л. 50.

²⁰ ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 480. Л. 51.

²¹ ГАО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 129. Л. 86.

или иным причинам, проведение различных мероприятий в рабочее время. Все это снижало уровень квалификационной подготовки молодых рабочих.

В декабре 1942 г. Новосибирское областное управление трудовых резервов выпустило 5353 учащихся школ ФЗО. На квалификационных испытаниях значительная часть молодежи показала слабые знания по профессии. В целом по управлению 33 % выпускников получили разряды ниже установленных программой. Значительный процент молодых рабочих ФЗО получили низкие разряды. В школе ФЗО № 11 он составлял 30 % выпуска, в школе ФЗО № 5 – 42 %, в школе ФЗО № 2 – 49 % и т. д.²²

РУ и ЖУ передали на производство со 2–3 разрядами (вместо 4–5) 38 % всех рабочих, направленных ими за вторую половину 1942 г. В РУ № 6 из 1066 человек 282 учащихся получили 2 и 3 разряды, или 26 % выпуска. Наряду с недостатками, трудностями учебно-производственного процесса на успеваемость молодежи влияли досрочные выпуски. В училище полный курс обучения прошли все 737 человек²³.

С первых дней войны среди учащейся молодежи трудовых резервов Сибири развернулось патриотическое движение. Партийные и комсомольские организации, возглавлявшие это движение, направили его на выполнение конкретных дел по оказанию максимальной помощи фронту. В соответствии с условиями переживаемой эпохи во всех учебных заведениях были проведены собрания преподавателей, мастеров и учащихся, на которых были обсуждены приказ начальника Главного управления трудовых резервов при СНК СССР от 23 июня 1941 г. «О революционной дисциплине, порядке и организованности в работе школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ в условиях Отечественной войны» и письмо «О задачах ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в условиях военного времени»²⁴. Эти мероприятия сыграли мобилизующую роль в перестройке всей работы училищ и школ на военный лад. Преподаватели и мастера брали на себя обязательство коренным образом улучшить производственно-техническое обучение учащихся и в короткий срок устранить недостатки в учебно-воспитательной работе. Особое внимание обращалось на политическое и военно-патриотическое воспитание молодых рабочих. В итоге учащиеся проявляли горячее желание и решимость отдать все силы и знания общенародному делу разгрома фашистских захватчиков.

Учащиеся школ ФЗО и училищ широко привлекались к участию во всенародном патриотическом движении по созданию Фонда обороны, сбору средств на постройку боевой техники, теплых вещей, подарков для воинов, в шефстве над госпиталями, семьями фронтовиков. В Новосибирской области в мае 1942 г. большинство учащихся добились полного выполнения производственных заданий, а многие из них выполнили за смену по 2–3 нормы и больше. РУ № 1 г. Новосибирска за образцовую подготовку кадров и трудовые успехи неоднократно присуждались Красные знамена ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, СНК СССР.

На производстве многие ученики показывали образцы высокопроизводительной работы. В ЖУ № 5 г. Кемерово в 1942 г. не было ни одного учащегося, не выполнявшего нормы взрослого рабочего, а некоторым ученикам (Атаманенко, Назаренко, Зосимов) удавалось выполнять по 15–30 норм [12, с. 352].

Учащиеся и работники трудовых резервов Сибири активно участвовали во всех формах патриотического движения по созданию фонда обороны. Основная масса средств, поступавших от училищ и школ ФЗО в фонд обороны, была заработана на воскресниках. На оснащение авиации, флота и танковых войск молодежь Западной Сибири собрала свыше 180 млн руб. Только за один день – 12 января 1943 г. – учащиеся РУ и ФЗО Новосибирской области – фактически подростки – сдали в Госбанк 44565 руб. на строительство эскадрильи «Трудовые резервы»²⁵.

Воспитанники училищ и школ ФЗО Сибири активно участвовали в патриотической акции своих товарищей из РУ № 4 Москвы по проведению Всесоюзного воскресника учащихся и работников государственных трудовых резервов в фонд обороны. Отработав два дня, они внесли свой вклад в 25 млн руб., переданных в фонд обороны. На эти средства были построены бригада танков, полк самолетов, звено торпедных катеров²⁶. За сбор средств на танковую колонну «Трудовые резервы» Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР И. В. Сталин прислал на имя Красноярского краевого управления трудовых резервов телеграмму, в которой выражалась благодарность учащимся и работникам РУ и ЖУ и школ ФЗО Красноярского края, собравшим 255 тыс. руб. на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи «Трудовые резервы»²⁷.

Учащиеся и работники трудрезервов были активными участниками подписки на военные займы, средства

²² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 8. Д. 206. Л. 79.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 123. Л. 67.

²⁴ ГААК. Ф. 631. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–18.

²⁵ Новосибирцы – Красной Армии // Советская Сибирь. 1943. 14 января.

²⁶ Трудовым резервам – 25 лет. М.: Знание. 1965. С. 7.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 295. Л. 187 об.

от которых шли на расширение военного производства, участвовали в сборе теплых вещей и посылок для воинов. В учебных заведениях был организован пошив теплого белья, рукавиц, кисетов и т. д. Учащиеся оказывали большую помощь семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны, проявляли заботу о раненых воинах, находившихся на излечении в госпиталях; дежурили в палатах; читали газеты, журналы, книги; писали письма; давали концерты.

Важное место в воспитательной работе с учащимися занимали вечера встреч со стахановцами предприятий, с бывшими учащимися, участниками Великой Отечественной войны, вечера художественной самодеятельности.

Одной из важнейших задач воспитания молодежи являлась военно-физическая подготовка. В обстановке Великой Отечественной войны училища и школы готовили молодых рабочих, способных не только хорошо трудиться, но и готовых защищать Родину. С первых дней войны во всех учебных заведениях развернулась работа по военно-патриотическому воспитанию учащихся. В учебные планы училищ и школ были включены занятия по начальной военной подготовке для юношей и по военно-санитарному делу для девушек.

Быстрый рост училищ и школ ФЗО, численности в них учащихся, успешное завершение перестройки работы учебных заведений в соответствии с требованиями военного времени позволили значительно увеличить выпуск новых рабочих. В 1941–1942 гг. училища и школы ФЗО Сибири и Дальнего Востока подготовили 140050 человек (таблица 3²⁸).

Доля Сибири и Дальнего Востока в общем числе подготовленных рабочих в системе трудовых резервов СССР составила 13,8 %. Более половины – 74053 рабочих – подготовили училища и школы ФЗО Западной Сибири (6,3 %). Выпускники трудрезервов были направлены на предприятия, имеющие важное оборонное значение.

Большинство из них стали рабочими ведущих профессий. Металлисты, металлурги, угольщики, строители, химики и железнодорожники составляли основную массу рабочих, подготовленных учебными заведениями трудрезервов Новосибирской, Кемеровской, Читинской, Иркутской областей, Алтайского и других краев. Подготовка новых кадров в системе трудрезервов, а также подготовка непосредственно на предприятиях дала возможность быстро заменить рабочих, ушедших на фронт, своевременно обеспечить ими эвакуированные предприятия.

В Омской области за 1941–1943 гг. училища и школы ФЗО передали на производство 26935 рабочих, из них металлостроителей было 9953 человека, строителей – 6619, железнодорожников – 4419, работников связи – 1362, резинщиков – 793, текстильщиков – 667 и других специалистов – 3118²⁹. Металлисты, железнодорожники, строители, химики составляли значительную часть молодых рабочих, подготовленных трудовыми резервами других районов Сибири. Наряду с подготовкой кадров коллективы учебных заведений наладили в мастерских производство боеприпасов и другой боевой техники. Молодежь трудрезервов принимала непосредственное участие в выполнении производственных планов по выпуску военной продукции предприятиями Сибири.

Заключение

В первые годы Великой Отечественной войны обучение новых кадров рабочих для промышленности и транспорта приобрело важнейшее народнохозяйственное значение. Задача, поставленная перед системой трудовых резервов, – сохранить и расширить сеть учебных заведений, значительно увеличить контингент обучающихся в них, перестроить всю учебно-воспитательную работу в соответствии с требованиями военного времени – была выполнена

Таблица 3. Выпуск молодых рабочих из ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО Сибири и Дальнего Востока в 1941–1942 гг., человек

Table 3. Young workers that graduated from vocational schools, railway schools, and Labor Reserves in Siberia and the Far East in 1941–1942, people

Регион, всего	Школы ФЗО			РУ и ЖУ		
	всего	1941	1942	всего	1941	1942
Западная Сибирь, 74053	47286	10227	37059	26767	1808	24959
Восточная Сибирь, 33567	26662	7060	19602	6905	296	6609
Дальний Восток, 31430	25912	8945	16967	6518	934	5584
Итого по Сибири и Дальнему Востоку, 140050	99860	26232	73628	40190	3038	37152
По СССР, 1008596	741865	366025	375840	266731	73496	193235

²⁸ Составлено по: Архив Госкомитета Совмина СССР по производственному и техническому обучению. Ф. 14. Оп. 46. Д. 86. Л. 6–7.

²⁹ ИАОО. Ф. П-17. Оп. 18. Д. 79. Л. 146.

в исключительно короткий срок. Работники трудрезервов смогли организованно провести прием и размещение в Западную Сибирь эвакуированных училищ и школ ФЗО, быстро возобновить в них учебный процесс, создать необходимые материально-бытовые условия учащимся новых учебных заведений. Управлениям трудовых резервов была оказана поддержка в обеспечении училищ и школ кадрами мастеров и руководящих работников.

Система трудовых резервов Западной Сибири, несмотря на трудности первого периода войны, недостатки в организации учебно-воспитательной работы, справились с подготовкой новых кадров рабочих. В сложных условиях приема и размещения эвакуированных предприятий, расширения индустриального строительства, ввода в действие новых оборонных предприятий они направили в важнейшие отрасли промышленности большое число квалифицированных рабочих массовых профессий.

Литература

1. Тальцев А. Н. Трудовая мобилизация в повседневной жизни жителей Ставрополя в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С. 157–165.
2. Докучаева И. Г. Образование системы Государственных Трудовых резервов СССР и начало ее деятельности в Сибири (1940–1942 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 16–18.
3. Яворский Р. Л. Руководство партийной организации Кузбасса подготовкой кадров для промышленности через систему трудовых резервов (1940–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1959. 270 с.
4. Трубников С. В. О подготовке квалифицированных рабочих через систему профессионально-технического образования // Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961 гг.). М., 1964. С. 87–99.
5. Андреев В. П. Трудовые резервы Томска и Томской области в годы Великой Отечественной войны // 50 лет Великой Победы: тезисы научной конференции / ред. З. П. Галаганов, Т. О. Машковская, Н. П. Шуранов. Кемерово: Изд-во ОблИУУ, 1995. С. 50–52.
6. Шевченко В. Н. Сибирский арсенал Победы. Становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграрного ун-та, 2008. 450 с.
7. Букин С. С., Исаев В. И. Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск: Сибирское Научное Изд-во, 2008. 270 с.
8. Исупов В. А. Главный ресурс победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй Мировой войны (1939–1945 гг.) / отв. ред. С. А. Папков. Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.
9. Папков С. А. Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 201–205.
10. Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 574 с.
11. Докучаева И. Г., Чирков А. Д. Трудовые резервы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1993. 185 с.
12. Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1973. 423 с.

Educational Institutions of Labor Reserves in Western Siberia at the Beginning of the Great Patriotic War (1941–1942)

Irina G. Dokuchaeva^{a, @}

^a Novosibirsk State University of Economics and Management, 56, Lomonosov St., Novosibirsk, Russia, 630005

@ i.dokuchaeva2010@yandex.ru

Received 28.02.2019. Accepted 26.06.2019.

Abstract: The evacuation of industrial enterprises, educational institutions, and millions of Soviet citizens during the Great Patriotic War is a tragic page in the history of Russia. This complex operation involved the evacuation and placement of hundreds of schools and factory training institutions in the rear areas of the country. The article describes the scale and complexity of the restoration of the work of educational institutions of Labor Reserves in the conditions of Western Siberia at the initial stage of the war. It includes an analysis of the restructuring process of Labor Reserve schools. The author evaluates the importance of mobilization measures taken to attract young people to accelerated vocational training. The paper also features the problem of the relationship between the management of the Labor Re-serves and the industrial and transport enterprises where students had to do practical training and got employed after graduation. The research offers a comparative statistics of growth in the number of educational institutions and students.

Keywords: mobilization, evacuation, vocational schools, factory training schools, workers, industry

For citation: Dokuchaeva I. G. Educational Institutions of Labor Reserves in Western Siberia at the Beginning of the Great Patriotic War (1941–1942). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 585–594. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-585-594>

References

1. Tal'tsev A. N. Labor mobilization in the everyday life of Stavropol residents during the Great Patriotic war. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, (5): 157–165. (In Russ.)
2. Dokuchaeva I. G. Formation of the system of the USSR State Manpower Reserves and the beginning of its activity in Siberia (1940–1942). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 16–18. (In Russ.)
3. Iavorskii R. L. *Management of training personnel for industry via the system of labor reserves (1940–1950) by the party organizations of Kuzbass*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1959, 270. (In Russ.)
4. Trubnikov S. V. On the training of skilled workers via the system of vocational education. *Formation and development of the Soviet working class (1917–1961)*. Moscow, 1964, 87–99. (In Russ.)
5. Andreev V. P. Labor reserves of Tomsk and Tomsk region during the Great Patriotic War. *50 years of the Great Victory: Proc. Sci. Conf.*, eds. Galaganov Z. P., Mashkovskaia T. O., Shuranov N. P. Kemerovo: Izd-vo ObIIUU, 1995, 50–52. (In Russ.)
6. Shevchenko V. N. *Siberian Arsenal of Victory. The formation and development of the defense industry of Si-beria during the Great Patriotic War*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiar. gos. agrarnogo un-ta, 2008, 450. (In Russ.)
7. Bukin S. S., Isaev V. I. *Novosibirsk Essays on the history of everyday life. Late XIX – early XXI centuries*. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izd-vo, 2008, 270. (In Russ.)
8. Isupov V. A. *The main resource of victory. The human potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)*, ed. Papkov S. A. Novosibirsk: Sova, 2008, 378. (In Russ.)
9. Papkov S. A. Siberian home front during the Great Patriotic War: problems of historiography. *Problems of the history of state administration and local self-government of Siberia in the late XVI – early XXI centuries: Proc. VII All-Russian Sci. Conf.* (Novosibirsk, June 6–8, 2011). Novosibirsk: Nonparel, 2011, 201–205. (In Russ.)
10. Mitrofanova A. V. *The working class of the USSR during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka, 1971, 574. (In Russ.)
11. Dokuchaeva I. G., Chirkov A. D. *Labor reserves of Siberia and the Far East during the Great Patriotic War*. Barnaul, 1993, 185. (In Russ.)
12. Dokuchaev G. A. *The working class of Siberia and the Far East during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Moscow: Nauka, 1973, 423. (In Russ.)

Политика царского правительства по отношению к этническим регионам России (XVI–XIX вв.)

Борис Н. Земцов^{а, @}

^а Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, Россия,

г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, стр. 1

[@] zemtsovbn@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2019. Принята к печати 04.09.2019.

Аннотация: Статья посвящена определению сущности политики царского правительства России по отношению к этническим регионам. Существующие в современной историографии разные точки зрения в отношении этих регионов вызваны, прежде всего, признанием прогрессивных, в основном однонациональных, государств и концентрацией внимания на этнических регионах без учета общеисторической ситуации, в которой находилась страна в каждый конкретный исторический период. Методологической основой является положение о наличии потенциала развития не только однонациональных, но и полиэтнических стран. Показано, что начиная с XVI в. власть вполне осознавала этнические различия между русскими и населением новых территорий, но это не стало основанием для восприятия этнической принадлежности в качестве основного социального маркера. Выбранные властью социальные критерии – вероисповедание, сословность, место проживания – являлись надэтническими. Мы полагаем, что гетерогенная политика царской России в отношении этнических окраин, при всех издержках, обеспечивала жизнеспособность государства и способствовала постепенному интегрированию различных этносов в единое общество.

Ключевые слова: национальная политика, инородцы, русификация, полиэтническое государство, многонациональное государство

Для цитирования: Земцов Б. Н. Политика царского правительства по отношению к этническим регионам России (XVI–XIX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 595–605. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-595-605>

Введение

В настоящее время большинство стран мира являются полиэтническими, поэтому проблемы межэтнического взаимодействия в рамках одной страны, поиск адекватной модели национальной политики являются актуальными. Поскольку Россия является полиэтнической страной, это относится к ней в полной мере.

Историография данной проблематики одна из наиболее обширных. Историки продолжают уточнять нюансы проблемы, вводить в научный оборот новый архивный материал. Интерес вызывают публикации зарубежных коллег, предлагающих как свой взгляд на национальные процессы России, так и сравнительный анализ этих процессов в других странах и регионах мира. Но пока нет единства взглядов в теоретическом аспекте и по всему комплексу конкретно-исторических национальных проблем. Основная причина, по всей видимости, заключается в исчерпанности привычного подхода к национальной проблематике. Его суть состоит в том, что прогрессивными в основном признаются однонациональные государства. Такой подход

является абсолютизацией исторического опыта стран Западной Европы, где в последние 200 лет доминировали именно такие государства.

Эта методологическая установка в работах историков из национальных регионов России трансформируется, например, в утверждение, что башкирские восстания XVII–XVIII вв. были направлены именно против «гнета» царской России, а русские отряды, посланные на их подавление, были «карательными» [1, с. 9], что «угнетенное население Урала и Среднего Поволжья» подвергалось нещадной «эксплуатации», что русские «захватывали башкирские земли» [2, с. 1048]. Правда, подобные обобщения возникают не только из гипотетического предположения, что дальнейшее историческое развитие могло быть прогрессивным лишь при условии создания однонациональных государств. Не меньшую роль играет выбор предмета научного исследования: этнические окраины без учета тех же тенденций в великорусских регионах. Кроме того, есть объективная реальность (в рамках которой существует государство), предопределяющая направленность

действий. В национальных «историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится» [3, с. 167].

Региональная тематика вполне может быть объектом и предметом изучения, но вероятность спорных обобщений в этом случае многократно возрастает. Среди большого числа публикаций существенной методологической новизной обладают статьи американского историка А. Степана [4] и отечественного историка А. И. Миллера [5] о государстве-нации. Суть этих статей состоит в утверждении, что помимо национальных государств – нации-государства – существуют государства-нации, состоящие из двух и более национальных сообществ, которым в рамках этой второй модели вполне комфортно. Самодержавная Россия как раз и была таким государством-нацией, т. е. патерналистским, надэтническим государством.

Этой же проблеме, но с другой терминологией, посвятил свою статью В. Э. Багдасарян [6]. Он исходит из того, что нации-государства – исторический плод развития одного региона – Западной Европы. Полиэтнические же государства, по терминологии В. Э. Багдасаряна, государства-цивилизации, развивались по-другому. Причем в истории человечества доминировали государства именно этого типа. Дореволюционная Россия была государством-цивилизацией: «В Российской империи можно было быть татарин, грузин или калмыком этнически, но цивилизационно идентифицироваться в качестве русского» [6, с. 48].

Однако данная проблема столь сложна, что только новой методологии для ее решения недостаточно. Не менее важная составляющая – используемая терминология. Хотя термины *нация*, *народ* относятся к числу ключевых, единство взглядов на них отсутствует. В рамках данной работы наиболее важен термин *нация*, материал по которому в немецком проекте по истории понятий занимает 500 страниц¹. Нет единства взглядов по этому вопросу и среди отечественных исследователей. Например, О. Б. Леонтьева [7] и В. Б. Киор [8] ставят знак равенства между национальностью и этносом, Б. Н. Миронов же их разделяет [3].

Разумеется, многообразие нюансов может вместить в себя только специальная работа. Когда же требуется применять термин для исследования в другом контексте, то в западной литературе нация понимается как территориально-политическая общность, возникшая в период и после буржуазных революций. Причем в соответствии с особенностями историко-политического развития под нацией понимается гражданское общество (без учета этнических характеристик отдельных его групп). В России с учетом

особенностей исторического пути нация трактуется как государство (национальная безопасность, национальный интерес). В политическом и академическом западно-европейском лексиконе нация – это система, общество в целом. В таком контексте словосочетания *национальное меньшинство*, *многонациональный народ* – нонсенс, в России же законодатель эти словосочетания закрепил конституционно (ст. 3 Конституции РФ²).

Менее дискуссионными, но столь же неоднозначными являются понятия *народ* и *этнос*. Сложность создания какой-то одной классификационной схемы состоит в том, что различные компоненты этих субъектов истории (этнос, народ, нация) могут эволюционировать и вычленение тенденций их совокупного развития в широких хронологических рамках – задача довольно трудная.

Исходя из наиболее общепринятых характеристик данных терминов можно было бы составить их следующую градацию:

- этнос – биосоциальная общность, обладающая единством происхождения, языка и культуры;
- народ – не качественный рост одного этноса, а сумма нескольких этносов, проживающих в рамках одного государства, ключевым признаком народа является государство;
- нация – территориально-политическая общность, скрепленная едиными духовными ценностями и идеями.

Это означает, что если объектом научного анализа является национальная политика, то предметом будет не политика в отношении этнических территорий, а формирование единых для всего населения страны духовных ценностей, идеологии, экономических связей. Политика же в отношении этнических территорий в этом контексте национальной быть не может. Вольное обращение с терминами *нация*, *национальный* допустимо в публицистике, в науке же оперировать ими следует с большой осторожностью.

Формирование полиэтнического государства

Истоки формирования России как многонационального государства связаны с тяжелейшим внешнеполитическим положением в XVI–XVII вв. Тогда, в условиях отсутствия естественных преград от агрессивных соседей, Московская Русь должна была вести политику активной обороны, отодвигая границы от центра страны. Первым неславянским регионом, включенным в состав Московской Руси, оказалось полиэтническое Казанское ханство, где кроме татар проживали мордва, марийцы (черемисы), чуваша, удмурты (вотяки) и башкиры. В 1556 г. было покорено

¹ Лекция Алексея Миллера об эволюции понятия «нация» // Полит.ру. 07.07.2016. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2016/07/07/miller/> (дата обращения: 26.05.2019).

² Конституция РФ // Российская газета. 25.12.1993. № 237. Ст. 3.

Астраханское ханство. В 1557 г. в состав Московской Руси добровольно вошли башкиры. Вскоре началось движение в сторону Сибири, в частности Якутского края [9].

В течение последующих 300 лет в составе России оказалось большое число племен и народов. С терминологической точки зрения этот процесс можно классифицировать следующим образом:

- завоевания (Казанское и Астраханское ханства, Эстляндия и Лифляндия, Крымское ханство, второй и третий разделы Польши, Финляндия, Старший жуз, Западная Грузия, Северный Кавказ, Азербайджан);
- присоединения (первый раздел Польши, Закавказье, Средняя Азия);
- добровольные присоединения (Башкирия, Украина, Калмыкия, Молдавия, Кабарда, Карачаево-Черкессия и Осетия, Малый и Средний жузы, Армения, Восточная Грузия).

Эта классификация условна. Например, завоевание Крымского ханства являлось активной обороной. Завоевание же Финляндии – результат великодержавного статуса России. В XVIII–XIX вв., став субъектом общеевропейских отношений, Россия стала вести войны иного типа – коалиционные. Но и в этом случае они велись не для ограбления. Это предопределяло иной тип отношений с народами, включенными в состав России, нежели те, что устанавливали европейские страны со своими колониями.

Национальная политика лояльности правительства к этническим регионам

Одним из первых источников, раскрывающих отношение царского правительства к населению этнических регионов, является Никоновская летопись. В ней сообщается, что после взятия Казани в 1552 г. в окружении царя обсуждались два варианта дальнейших действий: оставить оккупационную армию или сохранить национальную систему управления. По всей видимости, из-за нехватки сил первое не представлялось возможным. Поэтому сразу же после победы в местные улусы были разосланы жалованные грамоты: «Чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а кто лихо чинил, тем бог мстил, а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним царем»³. В последующие дни и недели из многих мест явились марийские и татарские вожди, чтобы присягнуть русскому царю и уплатить ясак.

Устанавливая размеры налогов, царское правительство следовало нормам средневекового права, по которым их уплата, «наряду с принесением присяги, являлась основной формой признания подданства (нахождения под данью).

В этом случае уплата ясака имела не столько экономическое значение, сколько политическое, фиксировавшее подчинение края России» [10, с. 135]. Поэтому в ущерб интересам казны Иван IV приказал взимать ясак в меньших размерах, чем это было при ханах в середине XVI в.

Возможно, на установлении минимального экономического давления могла сказаться бедность самого московского княжества: являясь частью общества с ограниченно прибавочным продуктом, московское правительство и для населения разгромленных Казанского и Астраханского ханств, Башкирии и Сибири устанавливало налоги, не превышавшие те, что платили русские крестьяне и посадское население.

Политика центра по отношению к этническим окраинам имела объективные основания. Б. Н. Миронов считает, что она предопределялась «относительной малочисленностью русского этноса, недостатком административных и финансовых ресурсов, неразвитостью информационной и транспортной инфраструктур» [3, с. 169]. Разумеется, эти факторы играли свою роль, но все-таки главными были мотивы внешней политики, а среди них не было цели получить доход в результате завоеваний.

Практически в каждом царствовании мы найдем исходившие от монархов документы, например указ, который подписала Екатерина II 28 февраля 1792 г. В частности, администрации новых территорий Северного Кавказа в нем предписывалось «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями... Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам»⁴.

В отношении населения новых территорий страны центральная власть стремилась, прежде всего, к обеспечению политической лояльности. Ради этого она оставляла максимальный объем административной свободы даже за теми, кто недавно оказывал русским войскам активное сопротивление. Так, после завоевания в 1710 г. шведских провинций Эстляндии и Лифляндии Россия сохранила за местной аристократией и городской верхушкой все прежние права и преимущества, корпоративный строй, лютеранское вероисповедание, использование немецкого языка в делопроизводстве и судебной практике. Вершиной этой политики являлась позиция России относительно завоеванных Хивы и Бухары. Утрата независимости двумя этими среднеазиатскими государствами состояла в невозможности вести самостоятельную внешнюю политику. При этом хан и эмир, зная сохраняли все свои полномочия, миссионерская деятельность православной церкви была запрещена.

³ Никоновская летопись. Режим доступа: <http://bookree.org/reader?file=735722&pg=16> (дата обращения: 26.04.2018).

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): собрание второе. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1848. Т. 23. № 17025. С. 307–308.

Обеспечение политической лояльности этнической элиты достигалось путем инкорпорации этнической аристократии в состав российского дворянства и с учетом местных административных особенностей и духовных традиций. Уже в XVIII в. сановники с нерусскими фамилиями составили значительную долю в составе высших органов власти. Красноречивую иллюстрацию этому дал в своих воспоминаниях А. де Кюстин. Во время аудиенции в Михайловском замке с Николаем I государь обратил его внимание на присутствующих: «Нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы различались бы так сильно, как в России, – сказал Николай I. – ... Вот, извольте взглянуть, неподалеку от нас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое из верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы, случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов, вон один из них»⁵. К началу XX в. в законосовещательных и исполнительных органах, судебной системе, в армии были представлены практически все этносы [3, с. 164].

Лояльность основной массы коренного населения этнических регионов обеспечивалась главным образом путем сохранения за ними используемых ими земель [11, с. 51]. Разумеется, объем льгот и свобод, данных в определенных исторических условиях, не мог оставаться неизменным. В XVII в. их уменьшение предопределялось утратой всеми социальными группами имевшихся незначительных прав в стране в целом. И рост давления на служилых и податное население центральных уездов страны был не меньше, чем на население и аристократию этнических регионов.

В последующие века для сокращения льгот и свобод в каждом конкретном этническом регионе возникали свои причины. Например, как отмечает А. В. Цюрюмов, в XVII в. русское государство во внутренние дела калмыков практически не вмешивалось. Но в первой половине XVIII в. казахи отодвинули калмыков из мест их традиционного кочевья в междуречье Волги и Яика, а появление русских крепостей по Тереку отодвинуло калмыков от предгорий Кавказа. Ханы активизировали связи с враждебными России Крымом, Кабардой, Персией и Средней Азией. Однако это уже не устраивало Россию, что вызвало изменение улусной системы и усиление контроля за внешней политикой калмыцкого ханства [12, с. 44].

Процесс *вхождения* ранее зачастую свободных этносов в состав другого государства психологически был болезненным и сложным. Но с академической точки зрения усиление налогового бремени и общее ухудшение материально-

бытового положения означало не угнетение, а эксплуатацию. О. Г. Усенко [13] и В. Я. Мауль [14, с. 165] обратили внимание на значительную разницу между этими понятиями. Эксплуатация – «чисто экономическая категория: это регулярное изъятие прибавочного продукта (частично или целиком) у непосредственных производителей. Угнетение же – понятие социально-психологическое, а именно принуждение человека к чему-либо вопреки его воле или ограничение свободы его жизнедеятельности, вызывающее у него какие-либо негативные эмоции» [13, с. 62].

С момента включения в состав России первых этнических территорий власть осознавала их инородность. Первоначально маркеры, с помощью которых определялись различные группы нерусского населения, носили этнический характер: татары, башкиры, калмыки. В Соборном уложении 1649 г. появляется уже обобщенный термин – *ясачные люди*. Однако власть воспринимала их не как этносы, а как часть общегосударственных тягловых и служилых сословий. Со временем некоторые этносы, например мордва в 1719 г., переводились на положение государственных крестьян, т. е. были приравнены к русскому тягловому населению. В 1722 г. был принят указ о сборе рекрутов с мордвы и марийцев [11, с. 50].

Власть одергивала даже государственных деятелей, которые воспринимали этнические окраины страны как колонии. Например, министр финансов Е. Ф. Канкрин в 1827 г. в проекте управления землями в Закавказье определял Грузию колонией. Но итоговый документ вышел без такого определения. В 1873 г. генерал-губернатор К. фон Кауфман в своем проекте *Положения об управлении Туркестанского края* сравнивал российские владения в Центральной Азии с Британской Индией и тоже предлагал управлять ими как колонией [15, с. 87]. Как и в случае с Е. Ф. Канкриным, итоговый документ такого определения не содержал. В 1882 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой в ответ на рассуждение своего чиновника о статусе Сибири резко заметил: «У нас нет колоний» [16, с. 158].

Вывод об осторожном и толерантном отношении царского правительства к этническим регионам является общим для совершенно разных научных школ. Так, в 1947 г. Н. В. Устюгов писал: «Московское правительство не разрушало тех общественных отношений, которые заставляло у народностей, вошедших в состав Русского государства» [17, с. 36]. Этот вывод в 1992 г. подтвердил В. А. Кабузан: на многие национальные регионы страны не распространялось крепостное право, рекрутская повинность, соблюдалась нерушимость традиционных

⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году / под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. I / пер. В. Мильчиной и И. Стаф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 198.

хозяйственных устоев [18, с. 214–215]. В 2011 г. такой же вывод на основе новых методологических подходов сделал А. Н. Чеботарев: «Статус инородческих окраин в составе России по большинству параметров не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности» [19, с. 167].

В каждом национальном регионе – Сибири, Малороссии, Остзейском крае, Царстве Польском, Финляндии, Бессарабии, на Кавказе, в Туркестанском крае – существовала своя модель административного управления и судопроизводства. В зависимости от конкретных исторических обстоятельств, административные возможности этнических институтов варьировались: они то сокращались (как после восстания в Польше в 1863–1864 гг.), то возрастали (например, в Финляндии во второй половине XIX в.).

Общие принципы управления нерусских территорий были разработаны М. М. Сперанским в 1822 г. и заложены в уставе *Об управлении инородцев*. В нем предусматривалось сохранение за покоренными народами местных форм самоуправления, многих норм обычного права и традиционных судов. Через 70 лет, фактически в новой политической обстановке, в *Положении об инородцах* 1892 г. законодатель повторил: «строго запрещается русским самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных; русские могут брать у инородцев места в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами», за инородцами сохраняется право создавать органы родового самоуправления; упрощенный порядок судопроизводства; право «приносить жалобы на стеснение и обиды» и т. д.⁶

Если после введения общеимперского законодательства оказывалось, что в этническом регионе оно не «работает», то его отменяли. Так, в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств в 1868 г. были восстановлены местные суды.

Даже в условиях русификации правительство сохраняло многообразие форм управления этническими территориями. Эту политику наместник Кавказа (в 1905–1915 гг.) граф И. И. Воронцов-Дашков в докладной записке Николаю II выразил следующим образом: «Я не допускаю возможности управления Кавказом из центра, на основании общих формул, без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения, разнообразного по вероисповеданиям, по племенному составу и по политическому прошлому. Централизация допустима только тогда, когда она в силах внимательно следить за всеми

проявлениями жизни населения на определенной территории и регулировать их в известном направлении, иначе она опасна, так как ведет к разобщению частей государства» [20, с. 164].

Такой же прагматически-толерантной была политика правительства и в конфессиональной сфере. При Иване IV конфессиональная политика состояла в наделении представителей неправославных народов в случае их крещения разного рода льготами. В последующие двести лет наряду с политикой льгот выдвигались разного рода ограничения (мусульманам запрещалось селиться рядом с крещеными, использовать труд православных, вступать в брак с православными, земли феодалов-мусульман могли наследовать лишь крещенные родственники и т. д.). Пиком насильственной христианизации мусульман Поволжья стала деятельность Комиссии новокрещенских дел в 1730–1740-х гг.

Со второй половины XVIII в. в этой сфере начались перемены. Считается, что в отношении мусульман изменение политики было вызвано русско-турецкой войной 1768–1774 гг., восстанием Е. Пугачева (1773–1775) и присоединением Крыма в 1783 г. Однако поездка Екатерины II в Казань состоялась в 1767 г. Да и первым проявлением толерантности к неправославным конфессиям стало отношение к немцам, приехавшим в 1763 г. для освоения Среднего и Нижнего Поволжья по приглашению Екатерины II. Так что, скорее всего, изменение политики императрицы к мусульманам было ее личной позицией. Последующие события лишь блокировали сопротивление противников из ее ближайшего окружения. Так или иначе серия указов Екатерины II (1773 г. – указ, запрещавший архиереям вмешиваться в религиозные дела других конфессий; 1782 г. – учреждение в Уфе муфтията; 1783 г. – разрешение верующим самим избирать муллу; 1789 г. – учреждение в Уфе Духовного собрания магометанских законов) для мусульман оказалась столь значительной, что Екатерина II получила среди татарского населения почетное звание *Эби патиша* (Бабушка-царица).

Положение католиков и протестантов в России было лучше положения мусульман. После разделов Речи Посполитой римско-католическая церковь сохранила привилегии и материальные средства, превышавшие те, которыми располагало формально господствующее православие. Там могли существовать и развиваться католические епархии, многочисленные монастыри, отделения духовных орденов, братства, семинарии, монастырские и приходские школы. В Прибалтике имперские власти в угоду лютеранской элите в 1840-х гг. сдерживали эстонцев и латышей, желавших принять православие. При Александре II в крае были сняты

⁶ Положение об инородцах. Издание 1892 года // Свод законов Российской Империи. Книга первая / под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. И. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. СПб.: Деятель, 1912. Т. 2. С. 531.

сохранявшиеся ограничения на публичные отправления католического культа, местные органы власти закрывали глаза на переходы из православия в католицизм [21, с. 54].

В XIX в. политика веротерпимости облекалась во все новые формы. В 1844–1846 гг. было издано семь законов, результатом которых стала замена на российских орденах, вручаемых мусульманам, символов христианской веры (креста, фигур святых и т. п.) изображением императорского орла. В 1849 г. вышел указ, разрешавший освобождать арестантов-мусульман в пятницу от работ для совершения молитвы и переносить их на воскресенье [22, с. 42].

Разумеется, основной целью конфессиональной политики всегда оставалось обращение в православие нерусского населения с последующей его русификацией и ассимиляцией. При всех административных издержках и перекосах на местном уровне политика правительства в отношении населения этнических регионов была толерантной. Б. Н. Миронов определяет ее как «этнопатернализм» [3, с. 177].

В этнические регионы правительство вкладывало средств больше, чем в великорусские. Н. В. Михайлова и В. А. Михайлов сравнили уровень социально-экономического развития центральных великорусских губерний с национальными окраинами и пришли к выводу о более высоких темпах развития и большем внимании правительства именно к этническим окраинам:

- на окраинах на одно учебное мужское заведение в среднем приходилось 185113 человек мужского населения, в русских губерниях – 229596 человек. «Если же принять во внимание, что и в великорусских средних учебных заведениях воспитывался некоторый процент нерусских, можно утверждать, что на одного воспитанника-великоросса приходилось два воспитанника на окраинах, а в Остзейском крае – даже четыре» [23, с. 145];
- на один рубль выплачиваемого налога отдельные территории получали обратно в виде разного рода дотаций в Северо-Западном крае – 1 руб. 31 коп.; в Прибалтийском – 1 руб. 29 коп.; в Царстве Польском – 1 руб. 14 коп.; в Малороссии – 92 коп.; в Южных губерниях – 89 коп.; в Юго-Западных – 82 коп.; в Северных – 81 коп.; в Восточных – 80 коп.; в Средних промышленных – 72 коп.; в Центральных Черноземных – 47 коп.;
- на один крестьянский двор приходилось сборов в Тамбовской губернии 22 руб. 30 коп., а в Гродненской – только 13 руб. 5 коп.;
- за 1897 г. смертность в центре и на востоке Европейской России составляла соответственно 43 % и 37 % на тысячу

жителей, между тем как на окраинах она колебалась между 24 и 19 % [23, с. 145–147].

Но в Польше толерантная и патерналистская политика воспринималась как национальный гнет. В отличие от России, где население представляло собой сумму народов, в жизни которых идеология не играла существенной роли, поляки были нацией, т. е. общностью, скрепленной не только языком и культурой, но и единым духовным пространством. Поляки были католиками, увлеченными идеями либерализма и однопатерналистского государства. Поэтому, несмотря на то, что в Польше до 1860-х гг. школьное обучение велось на польском языке, издавались польские газеты и книги, люди свободно посещали католические храмы, Россия воспринималась как враг [24, с. 224].

В любой полиэтнической системе присутствует опасность сепаратизма. Одной из первых ее почувствовала Екатерина II. В 1764 г. в секретном наставлении генерал-прокурору А. А. Вяземскому она с тревогой отмечала: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся подтвержденными им привилегиями: нарушить оные все вдруг весьма непристойно было, однакож и называть их чужестранными, и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупостию. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу»⁷. Но конкретных шагов в направлении русификации тогда сделано не было. Не пришел черед такой политики и в первой половине XIX в.

В 1849 г. Ю. Ф. Самарин опубликовал «Письма из Риги», где предложил правительству поддержать прорусски настроенных эстонцев и латышей против немецких помещиков Остзейского региона. Это шло в разрез с традиционными целями российского правительства в отношении этнических окраин: добиваться политической лояльности прежде всего местной аристократии. Поскольку немецкое дворянство по отношению к Санкт-Петербургу было вполне лояльно, власть логично отправила автора на три месяца в Петропавловскую крепость. В следующий раз власть довольно ясно высказалась относительно значения для нее этнических и политических проблем в 1871 г. На встрече с приглашенными редакторами петербургских газет министр внутренних дел А. Е. Тимашов обратил внимание присутствующих на то, что «ультрапатриотическая» печать «в Остзейском крае создала вопрос балтийский и не перестает разглагольствовать об опасностях, которые будто бы угрожают оттуда России». По словам министра,

⁷ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1871. Т. 7. С. 348.

периодическая печать лишь щеголяет своим патриотизмом, рисуя ради этого опасность там, где ее нет [25].

Правительство в основном проводило надэтническую политику. Это проявлялось самым разным образом, например в титулах русских самодержцев. Титул Ивана IV звучал следующим образом: Бога в Троице славимого милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, Володимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных государств и великий князь Новгорода Низовския земли, Черниговский. Создававшийся в эпоху феодализма титул состоял из названий присоединенных, ранее независимых уделов.

К началу XX в. принцип составления титула не изменился. Хотя в титуле Николая II встречаются этнические термины – Польша, Литва, Армения, Кабарда – они трактовались составителями как географические определения: Божию поспешествующею милостию Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь Грузинский; государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; государь и великий князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северная страны повелитель; и государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных наследный государь и обладатель, государь Туркестанский; наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая.

В течение веков власть идентифицировала население не по национальному, а конфессиональному, сословному и региональному признакам, поэтому, с одной стороны, правительство не поддержало в 1840-е гг. славянофилов А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина, а с другой – с 1871 по 1882 гг. запрещало высказываться по национальному вопросу М. Н. Каткову, который в журналистской среде был лидером консервативно-охранительных взглядов. Хотя с XVI в. в делопроизводственной доку-

ментации начала употреблялась этническая топонимика, до конца XIX в. не существовало отдельного национального направления в политике правительства в масштабах страны. О. Б. Леонтьева права, когда отмечает, что сегодня многие действия в отношении регионов характеризуются как национальные, хотя в реальности правительство преследовало совсем иные цели [7, с. 31]. Существовали лишь действия в отношении отдельных этнических общностей, появившиеся со значительным временным интервалом. «Мотивы, мера и интенсивность нивелирования конкретных регионов под общероссийский уровень также были неодинаковы» [26, с. 142]. Только в конце XIX в. под влиянием национального самосознания части русского общества правительство увидело в населении этнических регионов иные народы.

Политика русификации также не должна вводить в заблуждение. Как отмечает А. И. Миллер, эта политика не означала стремление власти сделать нерусских русскими [27], поскольку к концу XIX в. критериев русскости не существовало. Симптоматично, что в Географическо-статистическом словаре Российской империи (четыре тома которого печатались с 1863 г. по 1873 г.) были статьи, посвященные литовцам, полякам и проч., но отсутствовали статьи о русских, «великорусах» или «белорусах» [7]. Русификация представляла собой, прежде всего, средство достижения все той же политической лояльности, а в итоге – создания единого в своей ментальной основе общества. Эта идея восходит к указу Екатерины II от 28 мая 1772 г., согласно которому все губернаторы бывших польских губерний были обязаны отныне вести делопроизводственную переписку не на польском, а на русском языке. Но русский язык распространялся среди инородцев в качестве официального языка центральной власти, а не языка поработителей. В ст. 3 Конституции 1906 г. говорилось: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных установлениях»⁸. Эта политика соответствовала утвердившейся в Западной Европе тенденции: в течение XIX в. все европейские правительства приняли меры к установлению государственного языка и сокращению использования диалектов и языков меньшинств.

Считается, что катализатором политики русификации стало восстание в Польше в 1863–1864 гг. Действительно, уже в 1863 г. был принят указ, запрещавший на Украине в публицистике «рідную мову». Однако указ касался только публицистики. Судя по версии, изложенной в циркуляре, поводом к его появлению стали попытки осуществления «сепаратистских замыслов» под предлогом «распространения

⁸ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/apr1906.htm> (дата обращения: 20.01.2018).

грамотности и просвещения»⁹. Следующий указ о запрете публикации на украинском языке появился лишь в 1876 г. В Прибалтийском крае делопроизводство и переписка должностных лиц на русском языке была введена в 1885 г., в средних учебных заведениях – в 1887 г. В 1900 г. появился указ о постепенном введении русского языка в делопроизводство Великого княжества Финляндского. Характерно, что в отношении мусульманского населения Туркестана, Волжского и Уральского регионов, тюркоязычных мусульман Крыма политика русификации не осуществлялась.

Русский язык позволял населению этнических регионов выходить за привычные географические рамки. Например, Е. И. Кобахидзе [28, с. 77], Г. К. Мартиросиан [29, с. 22] отмечают, что и на Северном Кавказе, и в Закавказье знание русской грамоты не только значительно поднимало авторитет общинника в глазах односельчан, но и позволяло подняться по социальной лестнице на ступеньку, а то и на две выше. Нередко они отдавали своих детей русским в услужение без всякой платы, с единственным условием – выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски.

При этом политика русификации не перерастала в административную унификацию. До 1917 г. в стране сохранялась система управления национальными окраинами, учитывавшая конфессиональные, культурные, бытовые, правовые особенности народов.

Заключение

В течение четырехсот лет был накоплен уникальный опыт совместного проживания народов в рамках одного государства. Эти народы находились на разных уровнях исторического развития, в разных географических условиях и экономической ситуации, поэтому применяемые государством по отношению к ним средства и методы отличались достаточным разнообразием. Гетерогенная политика в отношении этнических окраин, при всех издержках, во многом обеспечивала жизнеспособность государства

и способствовала постепенному интегрированию различных этносов в единое общество.

Беспристрастный анализ национальной политики центральных органов власти позволяет увидеть ее конструктивный потенциал и реабилитировать имперскую практику строительства полиэтнического государства [7, с. 28]. Разумеется, оказавшись в рамках одного государства, бывшие независимые народы утрачивали возможность создания собственного государства. Но даже антирусски настроенным современным исследователям не удается найти убедительного подтверждения национального гнета. Возникшее время от времени в этнических регионах социальное напряжение было связано не с национальным притеснением, а с недостаточными возможностями империи решить социальные проблемы страны в целом.

Начиная с XVI в. власть вполне осознавала этнические различия между русскими и населением новых территорий. Это не являлось основанием для превращения этноса в основной социальный маркер. Выбранные в этом качестве вероисповедание, сословность, место проживания носили надэтнический характер. Эта многослойная система идентификации в тех исторических условиях оказалась удачной. Вброс же идеи национального самоопределения как в 1917 г., так и в 1991 г. «имел для общностей данного типа последствия системного распада» [6, с. 48].

Современное пристальное внимание к национальным проблемам в определенной степени является итогом преувеличения роли этничности и культуры в жизни общества в советский период. Как справедливо отмечает Е. И. Филиппова, признавая, что групповые идентификации играют существенную роль, нельзя не признать также, что выбор этноса в 1920-е гг. в качестве универсальной категории групповой принадлежности был искусственным и произвольным [30]. Но тенденция создана. Поэтому одна из современных политических задач заключается в определении духовных ценностей и политических институтов, которые в будущем позволят обществу консолидироваться.

Литература

1. Акманов И. Г., Касимов С. Ф., Гайсин У. Б., Обыденнов М. Ф., Даутов А. А. Волнения и восстания башкир в конце XVI – 60-х гг. XVII в. // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4. С. 9–16.
2. Худайгулов Т. С. Причины и начало восстания башкир в 1755–1756 гг. // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 1048–1049.
3. Миронов Б. Н. Об этнической дискриминации в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 1. С. 164–184.
4. Stepan A. Ukraine: Improbable democratic "nation-state" but possible democratic "state-nation"? // Post-Soviet affairs. 2005. № 4. P. 279–308.

⁹ О книгах, издаваемых для народа на малороссийском наречии. 18.07.1863. Режим доступа: <http://histpol.pl.ua/ru/novosti?id=588> (дата обращения: 17.03.2019).

5. Миллер А. И. Нация-государство или государство-нация? // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 127–138.
6. Багдасарян В. Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 1. С. 47–50.
7. Леонтьева О. Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник Самарского государственного университета. История, педагогика, филология. 2012. № 8-2. С. 27–46.
8. Киор В. Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2010. № 4. С. 204–218.
9. Юрганова И. И. Инкорпорация Якутского края в Российскую империю на примере христианизации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 2. С. 95–98.
10. Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.
11. Сушкова Ю. Н. Правовое положение мордовского народа в истории России (XVI–XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 1. С. 45–58.
12. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: геополитические процессы XVIII в. // Русь, Россия. Политические аспекты истории: мат-лы XXIV Всеросс. заоч. науч. конф. (Санкт-Петербург, 01 января – 31 декабря 2002 г.). СПб.: Нестор, 2002. С. 43–45.
13. Усенко О. Г. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Вып. 6 / отв. ред. Т. Г. Леонтьева. Тверь: Научная книга, 2006. С. 60–80.
14. Мауль В. Я. Разинское восстание в хаосе временного коллапса (размышление об одной новой книге) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 164–169. DOI: 10.17223/19988613/51/23
15. Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 85–91.
16. Ремнев А. В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи [1700–1917] / ред. А. Мартин. М.: НЛО, 2010. С. 150–181.
17. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 24. С. 30–110.
18. Кабузан В. А. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.
19. Чеботарев А. Н. Многонациональная Россия: «тюрьма народов» или «модель мира»? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 3. С. 166–170.
20. Исмаил-Заде Д. И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: Центрполиграф, 2005. 511 с.
21. Империя, нации и конфессиональная политика в эпоху реформ: мат-лы круглого стола / сост. И. А. Христофоров // Российская история. 2012. № 4. С. 52–56.
22. Мухамедов Р. А. Политика царского правительства в отношении неправославных конфессий в XVIII–XIX вв. // Поволжский педагогический поиск. 2012. № 1. С. 39–44.
23. Михайлова Н. В., Михайлов В. А. Была ли царская Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. № 6. С. 143–162.
24. Шиллер-Валицка И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 223–243.
25. Кругликова О. С. Обсуждение вопроса о русификации иноэтнических окраин Российской Империи в московской консервативной печати 1860-х гг. // Медiascope. 2016. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2209> (дата обращения: 26.04.2019).
26. Теплоухова М. В. Этно-национальная политика в Российской империи XIX – начала XX вв. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 139–144.
27. Миллер А. И. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.
28. Кобахидзе Е. И. Ресурсы позднеимперской «русификации» на Северном Кавказе // Российская история. 2016. № 3. С. 74–82.
29. Мартиросиан Г. К. Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ: Свет, 1925. 117 с.

30. Филиппова Е. И. Вместо введения. «Этническая» или «региональная» идентичность? (Как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей) // Французские тетради: диалоги и переводы / отв. ред. Е. И. Филиппова. М.: Росинформаротех, 2008. С. 5–21.

Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia in XVI–XIX Centuries

Boris N. Zemtsov^{a, @}

^a Bauman Moscow State Technical University, buil. 1, 5, 2nd Baumanskaya St., Moscow, Russia, 105005

[@] zemtsovbn@mail.ru

Received 09.06.2019. Accepted 04.09.2019.

Abstract: The paper features the policy of the royal government of Russia towards ethnic regions. There are different views on these regions in modern historiography. The ambiguous situation is primarily due to the fact that progressive single-nation states and ethnic regions were studied without taking into account the general historical situation. The present research was based on the assumption that multi-ethnic countries have a great development potential. From the XVI century on, the authorities were aware of the ethnic differences between the Russians and the population of the new territories. However, they did not perceive ethnicity as the main social marker. The social criteria chosen by the authorities included religion, class, and place of residence, i. e. they were of supranational character. The author believes that the heterogeneous policy of Tsarist Russia towards ethnic provinces, lacking as it was, ensured the viability of the state and contributed to the gradual integration of various ethnicities.

Keywords: national policy, foreigners, rusification, multi-ethnic state, multinational state

For citation: Zemtsov B. N. Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia in XVI–XIX Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 595–605. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-595-605>

References

1. Akmanov I. G., Kasimov S. F., Gaisin U. B., Obydenov M. F., Dautov A. A. Disorders and revolts of Bashkirs at the end of XVI – the 60th of the 17th century. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 9–16. (In Russ.)
2. Khudaigulov T. S. Reasons and beginning of the Bashkir uprising in 1755–1756. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2008, 13(4): 1048–1049. (In Russ.)
3. Mironov B. N. Ethnic discrimination in late imperial Russia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, 2017, 62(1): 164–184. (In Russ.)
4. Stepan A. Ukraine: Improbable democratic "nation-state" but possible democratic "state-nation"? *Post-Soviet affairs*, 2005, (4): 279–308.
5. Miller A. I. Nation-state or state-nation? *Rossia v global'noi politike*, 2008, 6(5): 127–138. (In Russ.)
6. Bagdasaryan V. E. Nation building or empire building: fork approaches. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2014, 7(1): 47–50. (In Russ.)
7. Leontieva O. B. National and confessional policy of the Russian Empire in contemporary historiography. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya*, 2012, (8-2): 27–46. (In Russ.)
8. Kior V. B. State national policy of Imperial Russia. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*, 2010, (4): 204–218. (In Russ.)
9. Yurganova I. I. Incorporation of the Yakutsk region of the Russian Empire as an example of Christianization. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 2012, 9(2): 95–98. (In Russ.)
10. Bakhtin A. G. *XV–XVI centuries in the history of the Mari Territory*. Yoshkar-Ola: Mariiskii poligraficheskoye-izdatel'skii kombinat, 1998, 192. (In Russ.)
11. Sushkova Yu. N. Legal status of the mordvins in history of the Russian State (XVI–XVIII centuries). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2016, (1): 45–58. (In Russ.)

12. Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as part of Russia: geopolitical processes of the XVIII century. *Ancient Rus and Russia. Political aspects of history*: Proc. XXIV All-Russian extramural Sci. Conf., Saint-Petersburg, January 1 – December 31, 2002. Saint-Petersburg: Nestor, 2002, 43–45. (In Russ.)
13. Usenko O. G. Social protest in Russia before XX century: terminology and classification. *From the archive of Tver historians*. Iss. 6, ed. Leontieva T. G. Tver: Nauchnaia kniga, 2006, 60–80. (In Russ.)
14. Maul V. Ya. Razin Uprising in the chaos of a temporary collapse (thinking about new book). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018, (51): 164–169. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/51/23
15. Khodarkovsky M. In what things Russia outstrips Europe, or Russia as a colonial empire. *The political conceptology: journal of metadisciplinary research*, 2013, (2): 85–91. (In Russ.)
16. Remnev A. V. Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without a ministry of colonies – the Russian "Sonderweg"? *Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire [1700–1917]*, ed. Martin A. Moscow: NLO, 2010, 150–181. (In Russ.)
17. Ustyugov N. V. Bashkir Uprising 1662–1664. *Historical notes*, ed. Grekov B. D. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1947, vol. 24, 30–110. (In Russ.)
18. Kabuzan V. A. *The peoples of Russia in the first half of the XIX century: Size and ethnic composition*. Moscow: Nauka, 1992, 216. (In Russ.)
19. Chebotarev A. N. Multinational Russia: "prison of the peoples" or "model of the world"? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2011, (3): 166–170. (In Russ.)
20. Ismail-Zade D. I. *Graf I. I. Vorontsov-Dashkov. Governor of the Caucasus*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005, 511. (In Russ.)
21. Empire, nations and confessional politics in the era of reforms: round-table materials, comp. Khristoforov I. A. *Rossiiskaia istoriia*, 2012, (4): 52–56. (In Russ.)
22. Mukhamedov R. A. Policy of the tsarist government against non-orthodox faiths in XVIII–XIX centuries. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk*, 2012, (1): 39–44. (In Russ.)
23. Mikhailova N. V., Mikhailov V. A. Was the Tzarist Russia a "prison of peoples"? Impartial analysis, based on the information of published materials of official statistics. *Free Thought*, 2013, (6): 143–162. (In Russ.)
24. Schiller-Walicka J. Myths and stereotypes: some comments on the history of education in the Kingdom of Poland in the 19th century. *Voprosy obrazovaniya*, 2014, (3): 223–243. (In Russ.)
25. Kruglikova O. S. The controversy about the problem of Russification in the conservative press in Moscow in the 1860s. *Mediascope*, 2016, (4). Available at: <http://www.mediascope.ru/2209> (accessed 26.04.2019). (In Russ.)
26. Teploukhova M. V. Ethnic and national politics of the Russian empire in the XIX – beginning of XX. *Ojkumena. Regional researches*, 2011, 2, 139–144. (In Russ.)
27. Miller A. I. Russifications: classified and explained. *Ab Imperio*, 2002, (2): 133–148. (In Russ.)
28. Kobakhidze E. I. Limits of the late Imperial "Russification" on the North Caucasus. *Rossiiskaia istoriia*, 2016, (3): 74–82. (In Russ.)
29. Martirosyan G. K. *Socio-economic foundations of the revolutionary movements in the Terek region*. Vladikavkaz: Svet, 1925, 117. (In Russ.)
30. Filippova E. I. In lieu of a preface. "Ethnic" or "regional" identity? (How the methods of classifying the population adopted in Russia and France affect the formation of collective identities). *French notebooks: dialogs and translations*, Filippova E. I. Moscow: Rosinformagrotekh, 2008, 5–21. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 902/904

Эволюция технологии земледелия как фактор становления и развития средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья

Николай М. Зиняков^{а, @}^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ nmzinyakov@rambler.ru

Поступила в редакцию 20.09.2018. Принята к печати 04.04.2019.

Аннотация: Рассматривается развитие технологии земледелия на всех этапах работ годового сельскохозяйственного цикла как фактор, обусловивший формирование средневековых городов Казахстана. Согласно данным археологических источников, население изучаемой территории с середины I тыс. до н. э. до конца I тыс. н. э. переживало аграрную революцию, связанную с переходом к мотыжному, а затем к пашенному земледелию, в значительной степени определивших характер социально-экономических процессов в регионе. Исследования показали, что прогрессивное развитие технологии земледелия привело к значительному росту производительности труда земледельцев на основных этапах сельскохозяйственных работ, включая выращивание, переработку и хранение продуктов полеводства. Основу производства продукции растениеводства, овощеводства, виноградарства и плодоводства составляло поливное земледелие. Возделывание культурных растений на неполивных землях было возможно лишь в отдельных предгорных зонах, где выпадало достаточное количество осадков. Рост производительности в сельскохозяйственной отрасли сельского хозяйства имел определенные экономические и социальные последствия. В экономической сфере происходило расширение посевных площадей и увеличение объемов производимой зерновой продукции, необходимой для пропитания растущего городского населения. В социальном плане это повлияло на увеличение численности и плотности населения, укрупнение размеров оседлых поселений, освобождение части населения от сельскохозяйственных работ, перемещение рабочей силы в ремесленную и торговую сферы, концентрацию массы людей в крупных населенных пунктах, разраставшихся до размеров мелких, средних и крупных городов с новой, постепенно формирующейся социальной структурой и новыми экономическими связями населения.

Ключевые слова: аграрная революция, культурные растения, производительность труда, фактор влияния

Для цитирования: Зиняков Н. М. Эволюция технологии земледелия как фактор становления и развития средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 606–613. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-606-613>

Введение

Научный интерес к истории средневековых городов на территории Казахстана возник во второй половине XIX в. после публикаций П. И. Лерха [1] и В. В. Бартольда [2] о результатах исследовательских поездок в Туркестанский край и Среднюю Азию. К настоящему времени написано и опубликовано значительное количество крупных монографических работ, отдельных статей, докторских и кандидатских диссертаций. Окончательное оформление историографии истории средневекового города Казахстана произошло во второй половине XX в. Важный вклад в изучение рассматриваемого феномена внесли Е. И. Агеева, К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Б. А. Байтанаев, Л. Б. Ерзакович, Н. М. Зиняков, Т. В. Савельева, Е. А. Смагулов, Т. Н. Сенигова. В опубликованных работах рассматриваются актуальные проблемы и исторические закономерности возникновения и развития городской культуры средневеко-

вого Казахстана, динамика и этапы развития урбанизационных процессов в регионе, локализация и топография средневековых городов, состояние их материальной и духовной культуры, взаимодействие города и степи, развитие городской застройки и архитектуры, хозяйственные занятия населения, демография городов, влияние согдийской колонизации и взаимодействие тюрок и согдийцев.

Целью данной статьи является изучение развития технологии земледелия как важнейшего фактора, обусловившего формирование средневековых городов Казахстана. Согласно современным исследованиям, в эпоху раннего и зрелого средневековья наиболее активно процессы урбанизации протекали в районах Южного Казахстана, юго-западного и северо-восточного Семиречья. В отдельных районах урбанизационные процессы имели некоторую специфику [3, с. 183], но в целом были подвержены общим закономерностям.

Аграрная производственная революция

Важнейшим условием образования и функционирования средневекового города было обеспечение его продуктами питания, прежде всего хлебом. Основой производства продуктов питания выступало земледелие, включавшее в себя растениеводство, овощеводство, виноградарство и плодоводство. Система приемов возделывания сельскохозяйственных культур составляет технологию земледелия. Под технологией земледелия понимается совокупность операций и способов деятельности по организации земельной территории, обработке почвы и семян, посеву и уборке культур, борьбе с сорняками, складированию, переработке и хранению урожая. В аридных зонах к тому же важнейшее значение имело развитие искусственного орошения полей. По данным археологических источников, население изучаемой территории в период с середины I тыс. до н. э. до конца I тыс. н. э. переживало аграрную производственную революцию, связанную с переходом к оседлому земледелию и скотоводству. В соответствии с концепцией Л. Е. Гринина относительно роли производительных сил в мировом историческом процессе, изложенной в ряде его работ [4; 5] и поддерживаемой автором данной статьи, все известные технологические революции проходили в два качественно различных этапа. При этом сами этапы или фазы развития могли быть разделены во времени достаточно длительным перерывом (интерциклом), за время которого происходило распространение технологических достижений на новые территории и сектора [4, с. 75–138].

Исходя из этого, начальной фазой аграрной революции можно рассматривать процесс перехода производителей к оседлому примитивному ручному (мотыжному) земледелию и скотоводству. Свидетельства существования этого явления мы находим в археологических материалах сакоусуньских поселений [6, с. 117–118]. О занятиях населения мотыжным земледелием говорят и материалы поселения Даулетбай-тобе (III–V вв. н. э.) отарско-каратауской культуры на южных склонах Каратау [7, с. 102–103]. В южном Казахстане в ходе раскопок домов джетыясарской культуры в низовьях реки Сырдарьи также выявлены хозяйственные ямы, заполненные просом и ячменем [8, с. 202].

Вторая, завершающая, фаза аграрной революции происходила во второй половине I тыс. н. э. и была связана с появлением плуга с железным лемехом и использованием тягловых животных. Без сомнения, это было крупное техническое достижение. Как известно, введение пахотных орудий увеличивало производительность труда земледельца при рыхлении земли до 75 раз [5, с. 71]. Как выглядело пахотное орудие того времени и какова была его конструкция, можно судить по археологической находке, сделанной в Чуйской долине во время раскопок буддийского храма,

датированной VIII в. н. э. [9, с. 202, рис. 37]. О производительности труда крестьянина, обрабатывающего землю таким плугом (омочем), говорят этнографические материалы Средней Азии: за один рабочий день земледелец мог вспахать в среднем около 1 танапа (1,6 га) земли, иногда – до 2 танапов [10, с. 84].

Важным техническим достижением рассматриваемой эпохи было использование железа и стали в изготовлении орудий земледельческого труда. Существенно повлияло на развитие земледелия внедрение железного кетменя, заменившего каменную мотыгу. Пластины кетменя найдены в ходе раскопок Пенджикента [11, с. 74]. Полностью сохранившийся железный кетмень обнаружен при раскопках Тали-Барзу (Афрасиаб) в комплексе конца VIII в. [12, с. 137]. Достижением технологии средневекового земледелия стало применение для уборки урожая зерновых культур железных серпов, заменивших бронзовые инструменты. Использование стали и упрочняющей закалки в производстве серпов обеспечило высокую эффективность их работы [13, с. 65].

Специфика природных и климатических условий Южного Казахстана и Семиречья обусловила формирование двух различных вариантов завершающей фазы аграрной революции, основывающихся на особенностях поливного и богарного земледелия.

На территории Южного Казахстана в развитии орошаемого земледелия прослеживается несколько этапов. На первом этапе оседлое и полuosедлое население использовало простую схему орошения. В последующем в течение I тыс. н. э. схема орошения совершенствовалась и усложнялась, менялась геометрия оросительной сети, увеличивалась протяженность магистральных каналов. На заключительном этапе в X – начале XIII в. ирригационная техника приобретала классические черты [7, с. 45, 46; 8, с. 206–207; 14, с. 186]. Успехи в развитии ирригации позволяли значительно расширять посевные площади в регионе и получать стабильные урожаи.

Возделываемые культурные растения

Технология земледелия в северо-восточном Семиречье наиболее полно изучена на территории Талгарского микрорайона. По этой причине полученные здесь материалы являются основными при характеристике земледелия в предгорной зоне Заилийского Алатау. Как уже отмечалось, наличие богарного и примитивного ирригационного мотыжного земледелия в регионе зафиксировано в памятниках усуньского времени. В эпоху Средневековья при возделывании культурных растений на этой территории население использовало как богарное, так и орошаемое земледелие в зависимости от конкретных климатических условий, в которых находилась возделываемая земля. В настоящее время нет

данных, позволяющих судить о соотношении богарного и орошаемого земледелия. Известно, что поливная система базировалась на горных реках посредством возведения головных сооружений и устройства магистральных каналов, один из которых подводил воду к Талгару. Радиоуглеродный анализ артефактов последнего показывает, что проложен он был в VIII в. н. э. [6, с. 123].

Номенклатура возделывавшихся культурных растений на всей изучаемой территории может быть реконструируема на основе археологических находок и данных археоботанических исследований. Суммируя известные данные по культурным растениям на изучаемой территории, приходим к следующему заключению. Основу земледелия населения Южного Казахстана в эпоху Средневековья составляло возделывание проса, пшеницы и ячменя, перерабатываемых впоследствии на крупу и муку. Имеющиеся материалы позволяют предполагать о существовании приоритетов в возделывании злаковых культур на отдельных территориях. Например, наличие небольшого количества зерновок риса в бассейне Арыси дает основание полагать о незначительных масштабах возделывания этой культуры в регионе, что объясняется, видимо, высокой трудоемкостью выращивания риса и спецификой используемых при этом агротехнических приемов [15, с. 212]. С другой стороны, археологические источники показывают выращивание в долине Арыси хлопчатника. К настоящему времени это единственная техническая культура, выращивание которой подтверждено археологическими материалами V–VIII вв. и VII–VIII вв. Определенную долю возделываемых земель занимали пищевые бобовые растения – чечевица, маш, горох, фасоль. Обращают на себя внимание неоднократные находки косточек столового и винного винограда, свидетельствующие о существовании устойчивой культуры виноградарства. Из других культур засвидетельствовано возделывание бахчевых и плодовых деревьев.

В северо-восточном Семиречье наиболее показательные материалы о составе культивируемых растений получены в процессе изучения усуньского поселения Тузусай и городища Талгар, существовавших соответственно в IV в. до н. э. – III в. н. э. и VIII–XIII вв. Палеоботанические пробы из поселения Тузусай показали наличие пшеницы (доминировала), ячменя, проса, винограда, ореховой скорлупы, остатков риса и рисовой шелухи [6, с. 118]. В фитолитических пробах городища Талгар отмечено присутствие проса, ячменя, овса и риса [16, с. 73]. Кроме того, в археоботанических пробах городища Талгар выявлены ячмень двурядный, пшеница мягкая и пшеница карликовая [17, с. 42].

Важное значение в развитии земледелия имела урожайность возделываемых культур. Определенные представления

об урожайности сельскохозяйственных культур можно получить, используя свидетельства арабских географов и этнографических источников Средней Азии XIX в. Так, Ибн-Хаукаль (X в.) в своем сочинении сообщал, не указывая культуры, что в Согде иногда посевы 1 кафиза (малый кафиз – 23,9 кг; большой кафиз – 45 кг) на богарных землях приносили урожаи в 100 кафизов и более [18, с. 18]. О возможной урожайности сельскохозяйственных культур, получаемой в эпоху средневековья, могут свидетельствовать опубликованные статистические данные по Средней Азии, относящиеся ко второй половине XIX в. Урожайность пшеницы на поливных землях составляла в среднем 90–120 пудов (14,4–19,2 ц), на богарных – 30–40 пудов (4,8–6,4 ц), ячменя (на поливных землях) – 100–140 пудов, риса неочищенного – 120–160 пудов [15, с. 212]. Более высокие урожаи бытовали в бассейне р. Тургая: при норме высева на одну десятину 5–8 пудов зерновой пшеницы урожай получали: высший – 150–180 пудов, удовлетворительный – 100 пудов. Проса произрастало 200–230 пудов (высший показатель), в 1866 г. – 150 пудов (удовлетворительный) [19, с. 251].

Развитие технологии сельскохозяйственных работ: устройства для переработки зерна, производительность труда

Уборка урожая зерновых, судя по археологическим материалам, производилась незазубренными серпами и серповидными ножами. Наиболее ранние находки серпов известны в Кок-Мардане (бассейн Арыси), в слоях V – первой половины VII в. [20, с. 61], на сопредельных территориях – среди археологических находок раннесредневекового Чача и Пенджикента [11, с. 75; 21, с. 86]. В последующее время серпы получили большое распространение. Сжатые зерновые злаки подвергались молотье, с помощью которой зерна отделяли от колосьев. Обмолот зерна завершал годовой сельскохозяйственный цикл работ. Говоря о годовом цикле сельскохозяйственных работ, необходимо отметить, что для успешного ведения сельскохозяйственного хозяйства большое значение имело соблюдение сроков сельскохозяйственных занятий – пахоты, сева, полива, рыхления, созревания культур, уборки урожая и т. п. Для этих целей использовалась система исчисления промежутков времени, основанная на периодичности движения небесных тел: солнца, луны и звезд, т. е. календарь. Энциклопедист А. Р. Бируни, характеризуя календарные системы в работе «Памятники минувших поколений», отмечал наличие календаря в Согде, Хорезме, Мавераннахре в доисламский и исламский периоды [22, с. 256, 257, 259]. Собранный урожай поступал на дальнейшее хранение, формируя запасы зерна, необходимые для бесперебойного снабжения населения продуктами питания и комплектования посевного фонда.

Необходимым условием сохранения выращенного урожая являлось использование специальных хранилищ. Анализ археологических материалов показывает, что в эпоху средневековья на изучаемой территории в качестве хранилищ зерна использовались зерновые ямы, стенки которых обмазывались глиной или обжигались огнем, а также крупные хумы и закрома, чаще всего находившиеся в специальных помещениях-амбарах.

Для переработки зерна использовали различные устройства, отличавшиеся конструкцией и принципами действия, в том числе ступы, зернотерки и ротационные мельницы, что позволяло получать важнейшие продукты питания – муку и крупы.

Зернотерка являлась простейшим орудием для размала зерна, рассчитанным на переработку небольших объемов сырья. Зернотерки как специализированные орудия для получения муки были типичны для эпохи мотыжного земледелия. Находки зернотерок в археологических памятниках на изучаемой территории достаточно многочисленны. Наиболее характерны они для памятников земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I–IV вв. и V–VII вв. [20, с. 15, 18, 47, 53, 81, 83, 103] и сако-усуньских поселений Семиречья. Производительность труда при работе на зернотерке была невелика. По экспериментальным данным австрийских археологов, на ручной зернотерке можно было смолоть за 1 час от 400 г до 1 кг зерна [23, с. 66]. А по свидетельству Л. П. Потапова, изучавшего шорцев в 20–30-х гг. XX в., на каменной зернотерке длиной 45–55 см и шириной 20–25 см можно было переработать 2–2,5 кг зерна за целый день [24, с. 74].

Переход от зернотерки к ручной мельнице был вызван необходимостью переработки больших объемов зерновой продукции, получаемой вследствие развития пашенного земледелия. Внедрение ручных мельниц намного повышало производительность труда мукомольного дела. По данным Л. П. Потапова, использование ручной мельницы с диаметром жерновов 50 см увеличивало производительность труда в 3–4 раза [24, с. 74]. А по материалам экспериментов австрийских археологов, использовавших кельтскую мельницу, эти показатели колебались от 5 до 12 раз, составляя 5 кг переработанного зерна за 1 час [23, с. 66].

Изучение археологических материалов показывает, что ручные мельницы начали бытовать на территории Нижней Сырдарьи в период IV–VII вв. [25, с. 18], в Отрарском оазисе – в V–VII вв. [20, с. 61]. С VIII–IX вв. они стали достаточно распространенными средствами производства, что доказывается их многочисленностью среди археологических находок. Известны жернова в Таразе и близлежащих городах [26, с. 106].

Дальнейшее развитие земледелия связано с применением водяных мельниц, источником энергии которых были текущие реки. Применение водяных мельниц существенно повышало производительность труда в мукомольном деле и способствовало высвобождению значительного количества трудовых ресурсов.

Производительность водяных мельниц зависела от размера жерновых камней и скорости их вращения. Например, данные по Европейской России XIX в. свидетельствуют, что для водяной мельницы брали жернова диаметром от 50 до 120 см. Указанные размеры вполне сопоставимы с жерновами Пенджикента, Афрасиаба, Ак-Бешима, Тараза, Талгара. Размеры употребляемых жерновов зависели от мощности используемого речного потока. На маловодных реках ставился небольшой бегун и вращался в пределах 60 оборотов в минуту. Более многоводная река могла крутить камень побольше и совершать до 150 оборотов в минуту. В зависимости от этого можно было размолоть от 1 до 4 пудов зерна в час. Отсюда следует, что производительность труда в мукомольном деле с внедрением водяной мельницы могла вырасти от 5 до 12 раз. Одна водяная мельница могла обслуживать до 1000 человек населения [27, с. 100]. В Англии и Франции XI в. одна мельница приходилась на 250 человек [5, с. 90].

Наиболее ранние свидетельства использования водяных мельниц в Средней Азии содержатся в договоре об аренде трех мельниц со всеми каналами, строениями и жерновами, обнаруженном на горе Муг и датированном началом VIII в. [28, с. 320]. Археологическое изучение городов Средней Азии VIII – начала XIII в. показало, что в этот период водяные мельницы давали основную часть товарной муки [11, с. 290]. В качестве археологических свидетельств тому служат жернова из Ак-Бешима (диаметр – 1,5 м) [29, с. 36] и три нижних камня из Талгара (диаметр – 110–113 см, высота – 13 см).

Эволюция городов и рост городского населения

Одним из последствий развития земледелия стал резкий рост населения в изучаемом регионе, повышение плотности поселений и образование зон густонаселенных районов. Кроме того, аграрная революция открыла новые движущие силы развития в виде разделения труда различного уровня: между сельским хозяйством и ремеслом, между ремеслом и торговлей, внутри ремесла и торговли [4, с. 113]. Отделение ремесла от земледелия способствовало концентрации производителей в крупных населенных пунктах. Археологические материалы второй половины I тыс. н. э. – начала XIII в. свидетельствуют о развитии городов – увеличении их численности и расширении занимаемой территории. По данным К. М. Байпакова, в Южном Казахстане и Приаралье

в VII – первой половине IX в. насчитывалось 30 городов, к XIII в. их стало 52 [3, с. 101]. Ярким показателем роста численности городского населения стало расширение городской застройки, особенно в окружных центрах. Скажем, площадь Отрара в VI–IX вв. составляла 20 га, а в IX–XII вв. достигала уже 200 га. Увеличение территории города в соответствующий период характерно для Будухкета, Испиджаба, Куйруктобе, Куик-Мардана и др. Проведенные по методике О. Г. Большакова вычисления городского населения показали, что в городах Южного Казахстана проживало в общей сложности 150–160 тыс. человек, в том числе в крупных, таких как Отрар и Испиджаб, – 16 тыс. и 40 тыс. человек, в средних городах – от 1,5 тыс. до 3 тыс. человек, в небольших городках – до 1,5 тыс. человек [3, с. 179]. В Чуйской долине в VII–VIII вв. насчитывалось 21 городище, из них 6 в настоящее время находятся на территории Казахстана. Подробные демографические расчеты по 19 археологическим объектам произведены К. И. Петровым, с результатами которых солидарен и К. М. Байпаков. Согласно опубликованным данным, численность населения городов юго-западного Семиречья, без Таласской долины, составляла 144,825 тыс. человек. При этом население крупных городов достигало 10–21 тыс. человек [3, с. 247–248].

В Таласской долине самым крупным населенным пунктом являлся столичный город Тараз, число жителей которого составляло 10 тыс. человек [30, с. 21]. Помимо этого, в округе располагалось еще 3 крупных города, 9 средних и мелких городков. Население последних колебалось от 1,5 тыс. до 3 тыс. человек [3, с. 203, 246].

В городах Илийской долины численность населения в XI–XII вв. составляла 33–39 тыс. человек. Из них самым крупным городом был Каялык, с населением 10–13 тыс. человек. В Алматы и Талгаре проживало 3,5–4,2 тыс. человек, в Чилике – 4,2–5 тыс. человек, в Дунгене – 4,76–5,6 тыс. человек, в Коктуме – 5,6–6,4 тыс. человек, в Сумбе – 1,87–2,2 тыс. человек [3, с. 298, 299].

Важнейшим условием существования города было обеспечение его хлебом [30, с. 27]. Известно, что в средневековом Хорезме для годового пропитания трех человек требовалось 4–5,5 ц пшеницы [28, с. 229]. Исходя из указанной нормы, на пропитание городского населения Южного Казахстана необходимо было от 200000 ц до 275000 ц зерна пшеницы; городского населения Илийской долины – 44000–60500 ц; жителей Тараза – 13333,3–18333,3 ц.

Имеющиеся данные по объемам потребления зерна позволяют определить необходимые площади возделывания земель в изучаемых регионах. В Южном Казахстане (с населением

150 тыс. человек), если принять среднюю урожайность пшеницы на поливных землях 14,4–19,2 ц, посевная площадь должна была составлять 10416,6–13888,8 га. В Илийской долине (с населением 33 тыс. человек) развивалось богарное и поливное земледелие. Их соотношение нам не известно. Если предположить, что половину потребляемого зерна получали с поливных земель и половину – с богарных земель, то площадь поливных земель должна была составлять от 1145,8 га до 1527,7 га, а богарных земель – от 3437,5 га до 4583,3 га. В Таласской долине для снабжения хлебом десяти тысячного столичного города Тараза необходимо было возделывать 694,4–925,9 га орошаемых земель.

Заключение

Таким образом, проведенные исследования показывают, что прогрессивное развитие технологии земледелия на всех этапах годового цикла сельскохозяйственных работ, выразившееся в переходе от мотыжного к пашенному земледелию, с использованием упряжных животных, искусственного орошения, эффективных орудий из железа и железоуглеродистых сплавов, механизмов в виде ротационных ручных и водяных мельниц, а также комплекса мероприятий, приспособлений и сооружений, направленных на сохранение урожая сельскохозяйственных культур, привело к значительному росту производительности труда и объемов производства сельскохозяйственной продукции. Наиболее значимые успехи в увеличении производительности труда земледельцев были достигнуты в процессе перехода к пашенному земледелию – до 75 раз. Использование интенсивного искусственного орошения повышало урожайность зерновых культур в 3–4 раза (вместе с возможностью получать стабильные урожаи), а в некоторых районах в 3–6 раз. Внедрение ручной мельницы увеличивало производительность труда в 3–12 раз; применение водяной мельницы – еще в 5–12 раз.

Повышение производительности труда в земледельческой отрасли имело экономические последствия – расширение посевных площадей и возрастание объемов получаемой зерновой продукции, необходимой для пропитания численно прогрессирующего городского населения. В социальной сфере все это вело к увеличению численности и плотности населения, укрупнению оседлых поселений, освобождению части населения от сельскохозяйственных работ, развитию специфических городских занятий, формированию новой социальной структуры и новых экономических взаимоотношений обитателей.

Литература

1. Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. 39 с.
2. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. 198 с.
3. Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Алматы: Хикари, 2013. 517 с.
4. Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. Волгоград: Учитель, 2003. 307 с.
5. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути самоуправляемых систем (История технологий и описание их будущего). М.: Учитель, 2015. 424 с.
6. Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг К. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу. Алматы, 2005. 187 с.
7. Грошев В. А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата: Наука, 1985. 148 с.
8. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. 253 с.
9. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. С. 155–241.
10. Узбеки / под ред. З. Х. Арифхановой. М.: Наука, 2011. 688 с.
11. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 393 с.
12. Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиаб // КСИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 36. С. 136–140.
13. Зиняков Н. М., Савельева Т. В., Воякин Д. А. Кузнечные и чугунные изделия средневекового Тальхира. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2013. 480 с.
14. Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. Алматы, 2012. С. 181–187.
15. Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки / под ред. С. П. Толстова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. 739 с.
16. Гольева А. А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных археологических объектов. М.; Сыктывкар; Элиста, 2001. 120 с.
17. Баштанник С. В. Земледельческая культура Южного Казахстана. Кемерово: КемГУКИ, 2007. 127 с.
18. Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV–XV вв. Душанбе: Дониш, 1966. 128 с.
19. Сейдалиев Т. К. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // Записки Оренбургского ИРГО. Казань, 1870. Вып. 1. С. 234–257.
20. Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 158 с.
21. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / под ред. Г. А. Брыкиной. М.: Наука, 1999. 378 с.
22. Бируни А. Р. Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957. 515 с.
23. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М.: Мысль, 1988. 271 с.
24. Потапов А. П. Очерки по истории Шории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 260 с. (Труды Института востоковедения. Т. 15.)
25. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945–1958 гг.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 7–46.
26. Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 219 с.
27. Гаршенин В. Водяная мельница не забыта // Наука и жизнь. 1984. № 7. С. 97–100.
28. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе: Ирфон, 1989. Кн. 1. 378 с.
29. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. Вып. IV. 216 с.
30. Большаков О. Г. Город Средней Азии в конце VIII – начале XIII вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974. 48 с.

Development of Farming Technology as a Factor in the Formation of Cities in Southern Kazakhstan and the Semirechie

Nikolai M. Zinyakov^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ nmzinyakov@rambler.ru

Received 20.09.2018. Accepted 04.04.2019.

Abstract: The paper features the development of agricultural technology at all stages of the annual agricultural cycle as a factor that led to the formation of medieval cities of Kazakhstan. According to archaeological sources, the population of the area under study experienced an agrarian revolution from the middle of the first Millennium BC to the end of the first Millennium AD. The agrarian revolution was associated with the transition to hoe and then to arable farming. It largely determined the nature of socio-economic processes in the region. The progressive development of agricultural technology led to a significant increase in productivity, including the stages of cultivation, processing, and storage. Irrigated agriculture was the basis of crop, vegetable, and fruit farming, as well as viticulture. Cultivation on non-irrigated lands was possible only on some foothills with sufficient rainfall. Productivity growth in the agricultural sector had some economic and social consequences. In the economic sphere, an increase in acreage and volume of grain production helped to feed the growing urban population. In social terms, this fact had a positive effect on the number and density of the population, as well as on the consolidation of settlements. As a result, people concentrated in large settlements, which gradually turned into small, medium, and large cities with a new social structure and new economic ties.

Keywords: agrarian revolution, cultivated plants, labor productivity, factor of influence

For citation: Zinyakov N. M. Development of Farming Technology as a Factor in the Formation of Cities in Southern Kazakhstan and the Semirechie. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 606–613. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-606-613>

References

1. Lerkh P. I. *Archaeological trip to Turkestan in 1867*. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1870, 39. (In Russ.)
2. Bartold V. V. *Report on a trip to Central Asia for a scientific purpose. 1893–1894*. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1897, 198. (In Russ.)
3. Baipakov K. M. *Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research from the South Kazakhstan Integrated Archaeological Expedition). Book II. Urbanization of Kazakhstan in the 9th – early 13th century*. Almaty: Khikari, 2013, 517. (In Russ.)
4. Grinin L. E. *Productive forces and the historical process*. Volgograd: Uchitel, 2003, 307. (In Russ.)
5. Grinin L. E., Grinin A. L. *From stone axes to nanorobots. The world on the path to self-governing systems (History of technologies and a description of their future)*. Moscow: Uchitel, 2015, 424. (In Russ.)
6. Baipakov K. M., Saveleva T. V., Chang K. *Medieval cities and settlements of northeast Zhetysay*. Almaty, 2005, 187. (In Russ.)
7. Groshev V. A. *Irrigation of South Kazakhstan in the Middle Ages*. Alma-Ata: Nauka, 1985, 148. (In Russ.)
8. Andrianov B. V. *Ancient irrigation systems of the Aral Sea region*. Moscow: Nauka, 1969, 253. (In Russ.)
9. Kyzlasov L. R. *Archaeological research on the site of Ak-Beshim in 1953–1954. Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959, vol. II, 155–241. (In Russ.)
10. *Uzbeks*, ed. Arifkhanova Z. Kh. Moscow: Nauka, 2011, 688. (In Russ.)
11. Belenitskii A. M., Bentovich I. B., Bolshakov O. G. *The medieval city of Central Asia*. Leningrad: Nauka, 1973, 393. (In Russ.)
12. Terenozhkin A. I. *Excavations at Afrasiab. Summary records of reports and field studies of the Institute of the History of Material Culture*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1951, iss. 36, 136–140. (In Russ.)
13. Zinyakov N. M., Saveleva T. V., Voiakin D. A. *Forge and cast iron products of medieval Talhir*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013, 480. (In Russ.)

14. Groshev V. A. New data on the irrigation systems of the Otrar oasis. *Antiquities of Otrar and Otrar oasis, Kazakhstan and Eurasia*. Almaty, 2012, 181–187. (In Russ.)
15. *The peoples of Central Asia and Kazakhstan. Ethnographic essays*, ed. Tolstov S. P. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962, vol. 1, 739. (In Russ.)
16. Goleva A. A. *Phytoliths and their informational role in the study of natural archaeological sites*. Moscow, Syktyvkar, Elista, 2001, 120. (In Russ.)
17. Bashtannik S. V. *Agricultural culture of South Kazakhstan*. Kemerovo: KemGUKI, 2007, 127. (In Russ.)
18. Makhmudov N. *Agriculture and agrarian relations in Central Asia in the XIV–XV centuries*. Dushanbe: Donish, 1966, 128. (In Russ.)
19. Seidalin T. K. On the development of tillage in the Turgay river basin. *Notes of the Orenburg Imperial Russian Geographical Society*. Kazan, 1870, iss. 1, 234–257. (In Russ.)
20. Baipakov K. M., Podushkin A. N. *Monuments of agricultural and cattle breeding culture of South Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka, 1989, 158. (In Russ.)
21. *Central Asia and the Far East in the Middle Ages. Central Asia in the early Middle Ages*, ed. Brikina G. A. Moscow: Nauka, 1999, 378. (In Russ.)
22. Biruni A. R. *Selected works. Vol. 1. Monuments of past generations*. Tashkent: Izd-vo AN Uzbekskoi SSR, 1957, 515. (In Russ.)
23. Malinova R., Malina Ja. *Leap into the past. An experiment reveals the secrets of ancient eras*. Moscow: Mysl, 1988, 271. (In Russ.)
24. Potapov L. P. *Essays on the history of Shoria*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1936, 260. (In Russ.)
25. Tolstov S. P. The Khorezm archaeological and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences (1945–1958). *Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952, vol. 1, 7–46. (In Russ.)
26. Senigova T. N. *Medieval Taraz*. Alma-Ata: Nauka, 1972, 219. (In Russ.)
27. Garshenin V. Water mill not forgotten. *Nauka i zhizn*, 1984, (7): 97–100. (In Russ.)
28. Gafurov B. G. *Tajiks. Primordial, ancient and medieval history*. Dushanbe: Irfon, 1989, book 1, 378. (In Russ.)
29. Litvinskii B. A. *Tools and utensils from the cemeteries of Western Ferghana*. Moscow: Nauka, 1978, iss. IV, 216. (In Russ.)
30. Bolshakov O. G. *The city of Central Asia in the late VIII – early XIII centuries*. Dr. Histor. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1974, 48. (In Russ.)

Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике первой половины XVIII в.

Евгения М. Лупанова^{a, @, ID}

^a Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург,

Университетская наб., 3

@ lupanova@kustkamera.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-0266-2887>

Поступила в редакцию 04.05.2019. Принята к печати 31.07.2019.

Аннотация: Предметом исследования является экономическая политика в сфере эксплуатации лесов, проводившаяся петербургским правительством в первой половине XVIII в. Цель – изучить экономическую политику в сфере эксплуатации лесов, выявить механизмы ее выработки и изменения. Статья написана на основе базовых принципов исторического исследования, в число которых входит историзм, системность. Опорными идеями служат многофакторность исторического процесса, принцип проблемно-хронологического изложения материала и инструментально-технологический подход в рамках теоретических разработок концепции модернизации. Создание флота при Петре Великом, с одной стороны, стимулировало развитие торговли, с другой – заставило мобилизовать различные ресурсы, в числе которых не последнюю роль играли лесоматериалы. Дилемма «развития торговли vs рациональное использование ресурсов» сразу стала важной проблемой государственной политики, не терявшей своей остроты в течение последующих десятилетий. Эксплуатация лесов в Прибалтике в XVIII в. была зоной столкновения различных интересов – частных и государственных, местных промышленников и переселившихся после вхождения территории в состав России, использовавших традиционные и современные технологии, Адмиралтейства и Коммерц-коллегии, местной администрации и центральной власти. В статье на основе опубликованных и архивных документов рассматривается динамика развития экономической политики и связанные с ней коммуникативные практики, среди которых важнейшее место занимают обращения тех или иных групп населения к власти. В качестве главных векторов можно выделить: жалобы населения на истощение лесов; связанные с ними проверки; ограничения и запреты экспорта лесоматериалов; изъятие заготовленных в пользу казны; жалобы купцов на разорение и упадок торговли. В течение всего столетия эти явления определяли общую ситуацию в регионе, а также заставляли постоянно держать вопрос ресурсосбережения на повестке дня петербургского правительства, издавать постановления, касавшиеся только данного региона и распространять действие ряда ограничительных законов на обширные территории империи. Эта стабильность особенно примечательна в условиях дворцовых переворотов и связанного с ними регулярного пересмотра ряда политических вопросов. Выводы, сделанные в статье, существенно дополняют и расширяют имеющийся в историографии опыт изучения экономической политики и механизмов, влиявших на ее формирование. Прибалтийский регион, имевший прочные связи с западноевропейской культурой, можно считать одним из передовых в России, где модернизационные процессы шли по сравнению с другими быстрее и легче и даже подчас подталкивали центральное правительство не останавливаться на достигнутых результатах. В качестве основных факторов, определявших основные направления развития политики в регионе, следует выделить: активный коммуникационный процесс между властью и локальным обществом с его сильными корпоративными связями; модернизационные процессы, проявлявшиеся в укреплении вертикали власти, регламентации, бюрократизации, расширении товарно-денежных отношений, развитии современных технологий.

Ключевые слова: регулирование природопользования, торговля, модернизация, корпоративные интересы купечества, центральная власть, местная администрация

Для цитирования: Лупанова Е. М. Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике первой половины XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 614–625. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-614-625>

Введение

Изучение истории природопользования сегодня является важной историографической задачей. В свете острейших экологических, экономических и политических проблем обращение к опыту прошлых столетий приобретает особую ценность. Неслучайно эти вопросы активно освещаются на страницах исследований последних десятилетий [1–8].

Создание русского регулярного флота имело многочисленные, разнообразные и подчас конфликтовавшие друг с другом последствия. Среди противоречивших друг другу последствий выделяется прорыв в развитии торговли с Западной Европой и обострившийся дефицит внутренних ресурсов, породивший в числе прочего целый ряд распоряжений по экономному использованию ресурсов и государственную систему контроля. В реформированном Петром I аппарате государственной власти на страже сбережения лесов стоял их важнейший потребитель – Адмиралтейств-коллегия, а за соблюдением государственных интересов в развитии торговых отношений должна была следить Коммерц-коллегия. Две коллегии с момента своего создания посредством вменявшихся им инструкциями обязанностей ставились в положение соперников [9; 10, с. 177–179; 11, с. 94–101; 12]. Поиск баланса между этими двумя принципами можно изучать на различных примерах. В данной статье сосредоточимся на традиционной для российской экономики лесной торговле, оговорив, что изучение вопроса в других сферах торговых отношений является не менее интересной перспективой для дальнейших исследований.

В историографии нередко соотношение смерти Петра I с поворотом в политике и сворачиванием реформ. Однако и в сфере охраны лесов, и в области развития внешней торговли можно отметить последовательное продолжение начатой линии. Это может выглядеть странным в свете несколько раз менявшегося в период дворцовых переворотов общего политического курса. Изучение правительственного регулирования эксплуатации лесов дает богатый и интересный материал для понимания закономерностей этой преемственности.

Процесс органично вписывается в концепцию модернизации. Развитие торговли и рационализация природопользования были составляющими частями глобального процесса.

Методика исследования. Статья написана на основе базовых принципов исторического исследования, в число которых входит историзм, системность. Опорными идеями служат также многофакторность исторического процесса, принцип проблемно-хронологического изложения материала

и теоретические разработки в рамках концепции модернизации. Концепция модернизации является в современной историографии теоретической основой для описания самых разных частных изменений в контексте глобальных процессов. Эта теория позволяет рассмотреть, казалось бы, разрозненные изменения как часть масштабных общемировых явлений, выявить параллели и причинно-следственные связи. В рамках концепции модернизации существует множество вариантов, из которых за основу настоящего исследования принят инструментально-технологический подход, понимающий модернизацию как объективную тенденцию общественного развития; комплексное явление изменения инструментов и способов контроля над окружающей средой, технологический прогресс.

Целью исследования является изучение экономической политики в сфере эксплуатации лесов, проводившейся петербургским правительством в первой половине XVIII в., механизмов ее выработки и изменения. Для реализации поставленной цели сформулированы следующие задачи:

- выявление и изучение нормативной базы;
- изучение бытовавших местных традиций и их соотношения с присылавшимися из Петербурга распоряжениями;
- выявление факторов, влиявших на изменение правительственной политики в регионе.

Специфика региона

Дилемма «развитие лесного торго vs сбережение ресурсов» имела в Прибалтике особую актуальность. Регион был богат деревьями, подходящими для судостроения. Прибалтика имела прочную репутацию поставщика мачтовой сосны для европейских рынков. Завоеванный Петром I выход к морю стал быстро оправдывать себя. До 1760 г. через рижский порт шло до 84 % мачт для английского флота, затем эта доля возросла; по торговле с Францией и Голландией таких точных данных нет, но и с ними велась не менее оживленная торговля [13, р. 180–181]. Документы свидетельствуют, что в Нарве и Выборге лес «за главной товар считается»¹ [14, с. 67]. В Нарве лесоматериалы являлись вторым по объему предметом экспорта после льна. Пик торговли пришелся на рубеж 1720–1730-х гг., когда был расширен район заготовок и разрешен вывоз мачт [15, р. 97–98].

Большое количество материалов вывозилось также через Ригу, Пернов и Фридрихсгам. Со шведских времен в Прибалтике работали пильные мельницы, отлажен механизм их взаимодействия с городским магистратом

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 358. Л. 35; Высочайше утвержденный доклад Коммерц-коллегии об уменьшении беспошлинного привоза мелочных товаров корабельщиками, штурманами и матросами к портам С.-Петербургскому, Нарвскому, Выборгскому, Архангельскому и Кольскому. 20 апреля 1732 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1833. (ПСЗ I). Т. VIII. № 6029.

и центральной властью. С 1670-х гг. существовали и активно развивались местные судоверфи [16, с. 109].

Сложившиеся традиции способствовали постоянному росту товарооборота и создавали специфическую ситуацию, непривычную и представлявшуюся проблематичной русскому правительству. Благодаря сильным корпоративным традициям местное купечество умело отстаивало свои интересы.

Традиции и российские нововведения во время Северной войны

Прибалтийские губернии вошли в состав России в то время, когда уже была установлена государственная монополия на лес и торговлю им. В 1724 г. обсуждался вопрос о назначении лиц, ответственных за состояние лесов на присоединенных в результате Северной войны территориях. В течение года было решеноверить надзор за лесами губернатору, местной администрации и частным владельцам.

Рассмотрение русской торговли лесоматериалами через Прибалтийские порты можно начинать с более раннего времени, чем заключение Ништадтского мира. К балтийским портам издавнее экономически тяготели Новгородская и Псковская губернии, в которых традиционно были развиты лесные промыслы и велись заготовки для последующей вывозки через Балтийские порты. Во время войны русские войска уже контролировали территорию, в связи с чем в 1719 г. Пётр приказал брать в казну и доставлять к Петербургскому адмиралтейству 1/10 часть мачтовых деревьев, предназначенных для вывоза через Рижский порт за границу².

В первый год удалось привезти в столицу на двух судах 108 мачт. Сбор был объявлен со ссылкой на порядок, существовавший во время шведского владения, но без учёта того, что король платил за взимаемые деревья по фиксированной цене. Факт платы не был известен русскому правительству и не сразу получил документальное подтверждение. После получения достоверных сведений было приказано выдать деньги за взятое прежде и в дальнейшем брать материалы с фиксированной платой.

Пока такой порядок еще не установился, в обстановке продолжавшейся войны и неопределенности купцы стали сопротивляться, всячески пытаться принизить количество

и качество вывозимых материалов, после взятия материалов в казну настойчиво требовать платы. «Которые подрядились машты кому отдавать д-нги вперед взяли ... и просят, чтоб от того быть свободным, напротив того приемщики отрицаютца, что по своим подрядам они еще не приняли и тем тако ж свободить себя хотят; ... немногая часть таких машт здесь обретається; ... хотя болших гораздо машт по ведомостям поданным и не явилось, однако ж что ис тех взято будет за наибольшую причитают себе противность», – докладывал из Риги обер-инспектор И. Исаев³.

В результате 1720 г. экспорт лесов через Рижский и Перновский порты был запрещён «понеже становится безлезно»⁴. Последовали челобитья с просьбами отменить распоряжение. В ответ на них новый указ 23 февраля 1721 г. разрешал вывоз мачтового леса через балтийские порты на условиях контроля генерал-губернатора, уплаты пошлин и отдачи каждого десятого дерева в Адмиралтейство. При этом торговля мачтовыми деревьями через Ригу оставалась казённой монополией, в то время как в остальных портах была дана свобода торговли всем купцам⁵. Летом того же года очередная партия мачт была приготовлена для отправки к петербургскому Адмиралтейству, однако выход судов задержался, и материалы остались невывезенными. На следующий год было собрано 113 мачт, за них купцам выплачена компенсация 2150 ефимков 67½ грошей. С доставкой в Санкт-Петербург снова возникли проблемы.

В 1723 г. было объявлено о разрешении рубить для продажи за границу мачтовые деревья на берегах рек Луга и Плюсса. В 1725 г. получили подтверждение существовавшие при шведском короле права лифляндского, эстляндского шляхетства и города Ревеля; ограничения 1720–1721 гг. – сняты⁶. В том же году ввиду сложности доставки в Петербург взятые в казну материалы попытались продать в Риге, но оказалось, что «по той цене, что за них купцам заплачено продать невозможно и никто ради многовременного лежания не покупает»; не нашлось желающих купить и после снижения цены. При освидетельствовании адмиралтейским мастером материалы оказались годными, их решено было отправить в Ревель. Тогда же Адмиралтейств-коллегия постановила, что «вновь более отбирать ... не подлежит, понеже в них при Адмиралтействе нужды мало» и «в том кроме убытку многово интересу прибыли никакой нет»⁷. Вплоть до момента

² 25 (15?) мая 1719 г. Копия указа // Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1719 г. Д. 1а. Наряд дел о заготовке и доставке мачтового леса и пеньки в Петербург, Кронштадт и Ревель и продаже адмиралтейских судов. Л. 18.

³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1719 г. Д. 1а. Л. 20–331.

⁴ Опись лесов в Лифляндском и Курляндском уездах, проведенная лейтенантами Некмодовым и Спиридовым 1750 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

⁵ О рубке торговым людям для отпуска за море мачтового дерева. 21 февраля 1723 г. // ПСЗ I. Т. VI. № 3 744.

⁶ Жалованные грамоты 1) лифляндскому шляхетству, 2) эстляндскому шляхетству, 3) городу Ревелю в подтверждение всех прежних их прав, судов и законных постановлений. 1 июля 1723 г. // ПСЗ I. Т. VII. № 4 743.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1719 г. Д. 1а. Л. 57–408.

отправки в Ревель в августе 1726 г. не прекращались попытки продать бревна – это было бы для казны выгоднее, чем перевозка материалов. Еще год спустя Адмиралтейств-коллегия распорядилась о возобновлении сбора в связи с дефицитом материалов в Петербурге. В Ригу сразу было отправлено два флейта, на которых было перевезено в столицу 142 матчы. В 1729 г. сбор не производился в связи с заготовлением материалов для Адмиралтейства по подрядам, а в 1730 г. собрано ещё 142 дерева⁸. В дальнейшем несколько раз Адмиралтейство также прибегало к сбору материалов в Риге и заготовкам по подрядам. В Нарве аналогичный сбор производился без выплат⁹.

Сдерживание экспорта и конфликт интересов

В 1728 г. по примеру Нарвы обсуждался вопрос о ежегодном сборе в казну 1/10 части мачтовых деревьев, предназначенных для вывоза через Архангельский порт и продажи за границей. Однако по наведенным справкам оказалось, что среди вывозимых материалов мачт почти нет, поэтому от идеи отказались, не ставя под сомнение достоверность полученных сведений¹⁰.

В 1727 г. генерал-губернатор Г. П. Чернышев выразил озабоченность проблемами дороговизны и нехватки строительного материала и топлива в Риге, в то время как они активно экспортировались через местный порт. По его предложению для отправки за границу через балтийские порты разрешалось вырубать только 2770 деревьев. На следующий год перновские купцы добились отмены ограничения, хотя и с оговоркой, «чтобы имелось прилежное смотрение, дабы какие деревья рублены были мерами не свыше того, как в отпуск за море рубить позволено»¹¹.

При проявлениях заботы о нуждах внутри страны необходимо обращать внимание на сохранение отношений с иностранными торговцами. Так, распоряжаясь организовать опись деревьев на корню и выяснить, кто и по какому

праву вырубил корабельные леса в Выборгском уезде, Адмиралтейств-коллегия разрешала вывезти уже заготовленные и требовала: «чужестранным купцам и кораблям, которые те леса для заморского отпуска купили и для того корабли выписали обиды и убытку не приключить и к праведным жалобам повод не подавать»¹².

В Коммерц-коллегии обсуждали возможности сдерживания экспорта через Прибалтику путем повышения пошлин и борьбы с незаконной торговлей¹³. В 1732 г. были повышены пошлинные тарифы в Нарве и Выборге¹⁴, а в 1734 г. вывоз лесоматериалов через Нарву был запрещен, в связи с чем купцы стали жаловаться на оскудение. Сенат поручил Адмиралтейств- и Коммерц-коллегиям рассмотреть жалобы. Первая предложила запретить экспорт окончательно, вторая – ограничить вывоз материалов до 1/4 или 1/3 от прежних объемов.

В 1736 г. нарвские купцы добились права на беспрепятственный пропуск материалов по рекам¹⁵, но вскоре было установлено ограничение – 72000 сосен и 60000 елей в год, контроль за объемами экспорта был возложен на появившихся здесь лесных надзирателей¹⁶. В 1738 г. возник вопрос о пропуске заготовленных бревен через нарвские пороги. Местные помещики ссылались на Лифляндский земский устав 1664 г. и писали в Сенат, что «они о... запрещении не известны»¹⁷. Кабинет министров распорядился подтвердить запреты, т. е. фактически объявить недействительными оставленные Петром I при присоединении территорий права местных жителей.

Ситуацию усложняли интересы появившихся в Прибалтике после присоединения русских помещиков и купцов. Так, начавший в середине 1730-х гг. строить металлургический завод промышленник Шуйский сообщил в Адмиралтейств-коллегию, что район богат мачтовой сосной, леса не описаны, активно вырубаются и вывозятся. Очевидно, что активная торговля ставила под угрозу

⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1719 г. Д. 16. Наряд дел о заготовке и доставке мачтового леса и пеньки в Петербург, Кронштадт и Ревель и продаже адмиралтейских судов. Л. 1–32.

⁹ В протоколе [Адмиралтейств-коллегии] написано. 22 августа 1728 г. // Там же, л. 361.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1719 г. Д. 16. Наряд дел о заготовке и доставке мачтового леса и пеньки в Петербург, Кронштадт и Ревель и продаже адмиралтейских судов. Л. 361–379.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

¹² Резолюция Кабинета министров на доклад Адмиралтейской коллегии о запрещении без позволения оной коллегии для заморского торго рубить лес под штрафом за всякое малое дерево по рублю, а за мачтовое по пяти рублей. 17 июня 1737 г. // ПСЗ I. Т. X. № 7281.

¹³ Высочайше утвержденный доклад Коммерц-коллегии об уменьшении беспошлинного привоза мелочных товаров корабельщиками, штурманами и матросами к портам С.-Петербургскому, Нарвскому, Выборгскому, Архангельскому и Кольскому. 20 апреля 1732 г. // ПСЗ I. Т. VIII. № 6029.

¹⁴ Экстракт о коммерции российской [1778 г.] // Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 36. Оп. 1. Д. 573. Л. 77 об.

¹⁵ Сенатский [указ] о пропуске чрез Нарвские пороги вырубаемого в Эстляндии из помещичьих дач леса и о надзоре эстляндскому губернатору, чтобы помещики общие леса по их правам хранили и не доводили до опустошения. 2 апреля 1736 г. // ПСЗ I. Т. IX. № 6933.

¹⁶ Сенатский [указ] об определении Нарвским купцам количества леса для ежегодной оного рубки и о позволении девице Крамерово отпускать за границу один пильный лес. 21 мая 1736 г. // Там же. № 6967.

¹⁷ Резолюция Кабинета министров на сообщение Сената о пропуски в доношениях и сообщениях всех приличных указов и резолюций и о приобщении к тем доношениям особых экстрактов // Там же. Т. X. № 7615.

успех его предприятия. По его настоянию рубка мачтовой сосны была запрещена¹⁸. Новгородские помещики просили запретить рубку деревьев, растущих по берегам реки Плюсы и впадающим в нее, для вывоза за границу через балтийские порты¹⁹.

В середине XVIII в. увеличивалось количество пильных мельниц, работающих на экспорт через Балтику, становилась очевидной выгода продажи обработанной древесины. Этот процесс нашел свое отражение в документах, появившихся в результате особого внимания властей к деятельности одного из крупнейших нарвских промышленников С. Брумберха. Было принято решение о необходимости разослать новые «подтверждения о смотре и о бережении лесов», обследовать растущие деревья, выяснить объемы и цели заготовок; при этом особое внимание следовало уделить Новгородской губернии. Командированный для описи лесов лейтенант С. И. Мордвинов сразу рапортовал в ответ: «надзиратели в том надлежащее смотрение чинят»²⁰. Описи лесов Псковской, Новгородской и отчасти Петербургской губерний 1740 г. и 1742 г. позволили оценить ущерб. Обобщенные данные: стоячих крупных деревьев – 17594000, мелких – 82238500, «вырубленных пней» – 39242882. Строевого леса было вырублено в два раза больше, чем осталось на корню. И это в относительно отдаленных от портов губерниях. Результаты описаний неизбежно вызвали беспокойство.

Дальнейшие проверки касались пильных мельниц, хозяева которых, в свою очередь, выражали беспокойство по поводу возможного ограничения или даже запрета их деятельности. Сенат счел необходимым исследовать, как уберечь леса от вырубки и одновременно предотвратить разорение хозяев пильных мельниц и «пошлинного сбора умаление», на основе собранных данных рассчитать количество деревьев, которое можно будет обрабатывать на каждой мельнице²¹. В отчетной документации предоставлялись сведения о том, где работали пильные

мельницы, откуда и какими путями привозили материалы для распиловки, в каком состоянии леса в округе, есть ли заповедные и на сколько лет хватит лесов при условии сохранения темпов вырубки и отсутствия лесовосстановительных работ. Наибольшее внимание привлекали те мельницы, которые работали на экспорт.

Результаты нового обследования оказались оптимистичными. Выяснилось, что при сохранении объемов и темпов вырубок лесов хватит на период от 85 до 320 лет. Чаще всего отмечен срок 120–150 лет – вполне достаточно для естественного возобновления леса. Для сохранения такой стабильной ситуации Сенат распорядился: «кроме тех, кои действительно уже в лесном торге находились, никого более не допускать, также и никаких иностранных и мелочного торга купцов в лесной торг не принимать, и по силе оного указа [Нарвский] магистрат определение учинил и число купцов до 29 человек установил»²².

В Выборге ограничения оговаривались по другому принципу – до 10 кораблей²³. Разрешение вывозить бревна обосновано не интересами хозяев мельниц и казны, получающей доходы со сборов, а «неимением к отпуску довольного числа других товаров», чтобы «приходящие корабли без груза не отходили»²⁴. Ситуация в Выборге осложнялась отсутствием удобных водных путей, связывавших его с внутренними районами страны; поэтому торговали товарами, заготовленными в непосредственной близости. Местные купцы указывали также на вред перестоя строевого леса²⁵. В результате обследований участки, где обыватели могли заготавливать деревья для продажи, стала определять Адмиралтейств-коллегия совместно с Коммерц-коллегией и местным обер-комендантом. До фиксации участков разрешалось вести экспорт за счет ресурсов Швеции: «которые выборгские обыватели для заморского отпуска леса с позволения достанут рубить на шведской стороне, в том им запрещения не чинить, токмо той выборгской провинциальной канцелярии иметь крепкое смотрение,

¹⁸ Резолюция Кабинета министров... 17 июня 1737 г. // Там же. № 7281.

¹⁹ Сенатский [указ] о запрещении пилить на Нарвских пильных мельницах большие брусья и отпускать за море. 10 марта 1749 г. // Там же. Т. XIII. № 9584; Сенатский [указ] о запрещении нарвскому купечеству рубить лес, кроме позволенных в Самерском уезде месте; о подтверждении помещикам и крестьянам, чтоб для заграничного отпуска брусья не рубили и не продавали сверх позволенного количества, поставляемого на пильные мельницы. 12 марта 1752 г. // Там же. № 9955.

²⁰ Копия [протокола заседания экспедиции над верфями и строениями Адмиралтейств-коллегии. 19 августа 1738 г.] // РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 64. Журнал регистрации запросов Сената, Адмиралтейств-коллегии, экспедиций и других учреждений по охране заповедных лесов и выдаче разрешений на продажу леса за границу. 1738–1751 гг. Л. 35–36.

²¹ [Протокол заседания 11 марта 1741 г.] // Сенатский архив. Т. III. 1899. СПб.: Сенатская тип., 1890. С. 458–459.

²² Там же, с. 460–461.

²³ Запрос ис Правительствующего Сената и Адмиралтейской коллегии сколько в 1737 году выборгским купцам и мещанам для заморского отпуска брусья отпустить велено // РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 64. Л. 61 об.

²⁴ В протоколе Адмиралтейской коллегии записано. 1 сентября 1753 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 84. Дело о сокращении вывоза лесных материалов нарвскими купцами. 9 августа 1753 г. – 8 мая 1761 г. Л. 27.

²⁵ Сенатский [указ] о запрещении пилить... 10 марта 1749 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9584.

чтоб под тем видом не рубили в дачах той Выборгской провинции»²⁶.

По оценке Н. Н. Репина, умелое маневрирование жителей Выборга привело к тому, что город практически не ощущал на себе бремени запретов [17, с. 97–98]. По косвенному свидетельству заготовкой лесоматериалов на продажу занимались не только крестьяне и промышленники, но и солдатские артели²⁷. Жители соседних Березовых островов проявляли не меньшее мастерство при коммуникации с властью. В 1766 г. Адмиралтейств-коллегия заинтересовалась возможностями снабжения Кронштадта дровами и строительными материалами из Березовых островов. При обследовании территории было установлено, что «имеется только березовый и мелкий сосновый лес», который не сможет удовлетворить нужды Кронштадта, но «за малоимением пашенных земель» местным крестьянам разрешалось продолжать продавать древесину на маяки и приходящие корабли при условии, что Камер-контора лифляндских и эстляндских дел произведет «по числу наличного там леса разверстку, сколько кому в год как на домашнее употребление, так и на помянутую продажу вырубить надлежит»²⁸.

Ограничение деятельности пильных мельниц диктовалось не только озабоченностью петербургских чиновников состоянием лесов. Напротив, поощрялось использование передовых технологий того времени. Их распространение вело к столь высокому уровню конкуренции, что едва ли не единственным легальным способом борьбы консервативных предпринимателей с мельниками становилось обращение с жалобой на истребление лесов. Инициаторы расследований были правы в том отношении, что пильные мельницы позволяли обрабатывать значительно большие объемы древесины, сами владельцы мельниц порой не были в состоянии оценить потенциал новых технологий, и тогда объемы вырубок и закупок сырья не соответствовали реальным потребностям производства и возможностям переработки закупленных материалов [18–20].

В 1745 г. сенатским указом было приказано сократить годовую вырубку по берегам Нарвы и Плюсы на нарвские

пильные мельницы на 1/3 – с 63000 до 42000 деревьев. В качестве компенсации купцам предоставлялось право на рубку лесов у Чудского и Псковского озер, а также до 122000 деревьев в год на специально выделенных территориях в Самарской волости. Несмотря на установленные ограничения, по Нарве и Плюссе рубили значительно больше дозволенного, например в 1752 г. здесь было заготовлено 178675 брусьев (соответственно, вырублено около 70000 деревьев), по данным предыдущего года, нормы превышены «едва не в десятеро». Было приказано разобраться, наказать виновных, опубликовать указы о запрещении и узнать, кто исправляет должности лесных надзирателей, с тем чтобы им «накрепко наказать»²⁹.

С 1746 г. в документах говорится о необходимости развивать торговлю другими товарами: «собрать обстоятельные справки, какие городу Нарве торги позволены и для каких обстоятельств, из других городов, кроме Пскова, ни с какими товарами ездить к ним не велено, иметь довольное рассуждение, не возможно ль по обстоятельствам нынешнего времени вместо того лесного торгу, коему уже недостаток оказывается, тому городу в приумножении других торгов позволение, и такое учреждение учинить, дабы как к удовольствию того города, так и с пользою ея императорского интереса следовало»³⁰.

В 1749 г. снова был поднят вопрос о необходимости ограничить экспорт леса через балтийские порты, «понеже оные леса и кроме того заморского отпуску и на внутренние здесь нужды потребны, а именно для починки в Ревельском поте гавони и впредь на строение новой... и на прочие казенные надобности»³¹. Кроме того, продолжалось обустройство порта в Рогервике, для чего тоже были необходимы материалы³². Заготовка материалов и вывоз через Нарву и Пернов были запрещены³³. В местах хранения была организована опись материалов. К отправке за границу в Нарве оказалось заготовлено 18103 бревен. Вместо вывоза их должны были использовать в самих портовых городах.

Позже оказалось, что до 2/3 деревьев пришли в негодность из-за неправильного хранения, начали гнить³⁴.

²⁶ [Протокол заседания 30 апреля 1741 г.] // Сенатский архив. Т. III. С. 558.

²⁷ Сенатский [указ] о рубке лесов воинским командам с позволения губернатора 3 июля 1768 г. // ПСЗ I. Т. XVIII. № 13144.

²⁸ Сенатский [указ] об отпуске леса в Кронштадтский порт из Адмиралтейства и о запрещении жителям Березовых островов продавать дрова промышленникам. 18 сентября 1766 г. // Там же. Т. XVII. № 12743.

²⁹ Дело об отпуске нарвским купцам лесных материалов для продажи за границу и об отставке поручика Белеутова. 24 февраля 1752 г. – 30 марта 1753 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 68. Л. 4–63.

³⁰ В протоколе Адмиралтейской коллегии записано. 1 сентября 1753 г... Л. 27.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

³² Там же. Д. 81. Л. 23 об.; Д. 84. Л. 1–17.

³³ Сенатский [указ] о запрещении пилить на Нарвских пильных мельницах большие брусья и отпускать за море. 10 марта 1749 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9584; Сенатский [указ] о описи лежащих около города Пернова лесов и снятии оных на карту; о запрещении рубить в сих местах лес и отпускать за море из Перновского порта. 6 июля 1750 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9776.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–7.

Находившиеся в Пернове бревна, за которыми уже пришли корабли, было решено вывезти. Естественным следствием запрета стали челобитные рижских и перновских купцов с просьбой не допустить их разорения и не оставить казну без доходов с пошлин. Однако ограничение не было снято. Только Ф. Крамер добился разрешения вывезти деревья, оказавшиеся при освидетельствовании гнилыми, и заготавливать ежегодно до 20000 деревьев³⁵. Запрет стал нарушаться сразу после установления, о чем быстро стало известно в Петербурге, однако никаких серьезных мер применено не было, несмотря на грозное распоряжение Сената «трату и опустошение лесов пресечь и с винными учинить по указам без упущения»³⁶.

Запрет экспорта лесоматериалов

В апреле 1753 г. заготовка и сплав лесов по Плюссе были запрещены³⁷. Снова последовали челобитные с просьбами разрешить вывоз, некоторые из них были удовлетворены. Наряду с голландцем К. Кемпе³⁸ добились разрешения нарвские купцы В. Г. Вулферт и Ф. Крамер. В. Г. Вулферт сообщил, что доставил до 1000 деревьев, годных для изготовления мачт и раин в Нарву по реке Великой через Псков, а заготовлены они были в Польше³⁹. Решение было принято в его пользу. Ф. Крамер настаивал на том, что до 20000 давно заготовленных им деревьев гниют от длительного хранения⁴⁰. Купец добился разрешения на вывоз⁴¹, хотя в Адмиралтейств-коллегии не верили в то, что материалы действительно пришли в негодность от длительного хранения. В протоколах заседаний читаем: «Крамер из несытого своего довольства дерзновенно отваживается просить имеющиеся ныне евомеланишные леса яко гнилые перетесать в брусье и за море отпустить, в чем не инако есть как токмо явно ево подлог и происк, ибо он и ныне негнилые, но нарочитое число мелничных сырых круглых годных лесов по разным местам для заморского отпуска в брусье заготавливает... и тем только г-рственные леса для одной своей корысти

искоренить старается. А что он прошением своим представляет, якобы толикое число круглых лесов от многих годов накопилось и оные за долголежанием и за гнилостью в негодность пришли, то весьма не уповательно... А по записям как таможенных книг, так и протчих застав явствует, что оному Крамеру в прошедшем 1752 году к пилнойевомеланице пропущено более 36000 дерев сырого лесу и тако вдруг две годовые суммы, уповательно умышляя уже тогда толикое число намеренно под именем гнилого о перетеске в брусье представление учинить... Ежели оные для своей корысти якобы гнилыми назвать не устыдится, то откровенно знать можно, такое число в один год погнить не может... Гнилые брусье в заморской отпуск никогда не употребляются»⁴².

С недоверием была воспринята и фраза о заготовке материалов в Польше. Туда купцы не раз везли древесину из Псковской и Новгородской губерний⁴³. Причина уступчивости Адмиралтейств-коллегии заключалась в том, что запрет на вывоз затрагивал интересы не одного купца. На нарвском рейде уже стояли европейские корабли в ожидании погрузки. Хотя и было сказано, что не полагается выписывать корабли из-за границы, 100 брусьев было взято в казну по установленной Адмиралтейств-коллегией цене, но вывоз заготовленных материалов состоялся⁴⁴.

В 1751 г. и 1754 г. Адмиралтейств-коллегия отправила в Нарву капитана Костомарова. Он должен был осмотреть леса и решить, следует ли разрешить или запретить рубку и экспорт древесины местным купцам. О результатах его работы читаем: «С прибытия его по неоднократным от нарвской таможни письменным требованиям, чтоб учинить осмотр приготавленным лесам за море, оная таможня отзывалась письменно, чтоб без указу Коммерц-коллегии по команде того осмотра и в подании ведомостей исполнение чинить не должна... а содержатели пильных мельниц к нему явились и каждый день представляли, чтоб, не продолжая времени, осмотр учинить, дабы не упустить и последних лесов»⁴⁵.

³⁵ Там же. Д. 84. Л. 14.

³⁶ Сенатский [указ] о запрещении... 12 марта 1752 г. // ПСЗ I. Т. XIII. № 9955.

³⁷ Опись указам и протчему Правления обретающегося при Нарве упропуску лесов за море // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 67. Л. 33.

³⁸ Дело о выдаче разрешения голландскому купцу Кемпе Кристиану на вывозку лесных материалов за границу. 8 июля 1753 г. – 17 сентября 1754 г. // Там же. Д. 81. Л. 1–20.

³⁹ Дело о выдаче разрешения содержателю пильной мельницы Вульфурту на продажу мачтового леса за границу. 22 февраля – 8 апреля 1753 г. // Там же. Д. 78. Л. 1–8.

⁴⁰ В Правительствующий Сенат из Адмиралтейской коллегии рапорт о получении указа. 6 сентября 1753 г. // Там же. Д. 84. Л. 14; Дело об упорядочении заготовки и вывоза через Нарву за границу лесных материалов. 10 июля – 14 августа 1753 г. // Там же. Д. 82. Л. 1–44.

⁴¹ Дело о разрешении владельцу нарвских пильных мельниц Ф. Крамеру вывозки негодных для распиловки на доски бревен за границу. 15 февраля – 11 мая 1753 г. // Там же. Д. 77.

⁴² Дело об упорядочении заготовки и вывоза через Нарву за границу лесных материалов // Там же. Д. 44. Л. 6–8 об.

⁴³ Сиверс Я. В. Доношение Сенату новгородского губернатора Сиверса. 10 мая 1768 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина: В 10 ч. М., 1901. Ч. 8. С. 24–25.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 44. Л. 24.

⁴⁵ Там же, л. 24–25.

Капитан обнаружил сильное превышение дозволенных норм экспорта. Но пока он переписывался со столичными коллегиями и добивался документов, без которых его не допускали до осмотра лесов, местные заинтересованные лица не теряли времени даром. Через несколько недель ему официально заявили: «что де касается лесов на взморье, за упущением времени, ничего доказать не имеют, ибо вырубленные в неуказных местах леса уповательно все в заморский отпуск сплавлены и за море отправлены ... и в леса ехать для упущения времени и за нападением снегов признаков учинить нельзя и достоверного свидетельства учинить не можно»⁴⁶. Таким образом, представитель Адмиралтейств-коллегии оказался не в силах справиться с противодействием местного общества.

В 1754–1758 гг. в связи с дефицитом лесов в Петербурге и окрестностях запрет вывоза материалов через столичный и перновский порты, а также ограничение экспорта через Нарву были подтверждены⁴⁷. В одном из указов не оговаривались порты, т. е. имелся в виду полный запрет экспорта леса⁴⁸. Материалы следовало поставлять по подрядам на казенные строения в Ревеле, Рогервике, Кронштадте и Санкт-Петербурге.

Разумеется, лесопромышленников, владельцев пильных мельниц не могло удовлетворить разрешение вывезти только уже законтрактованный лес, и они отправляли в столицу новые челобитные со ссылками на данные им ранее привилегии и просьбами об отмене решения. В упомянутых указах говорится, что каждый раз обнаруживавшиеся в портах и на пильных мельницах запасы леса объявлялись владельцами как заготовленные еще до остановки экспорта. Причем объемы запасов были настолько большими, что принимались и выдавались разовые разрешения на вывоз имеющегося в наличии, т. к. для казенных нужд невозможно было использовать так много.

Запрет имел побочный эффект в виде проблем заготовки материалов для продажи внутри страны. После жалобы С. Брумберха Сенат постановил уничтожить таможенные

заставы, существовавшие для контроля за экспортом лесов; при заготовке и перевозе материалов для продажи внутри страны «запрещения не чинить, ... пошлин не требовать»⁴⁹. В 1758 г. запрет на вывоз заготовленных лесов был снят «за ненадобностью ныне толь многой суммы к Рогервицким строениям», однако разрешено вывезти уже заготовленные деревья, дальнейшие вырубki были по-прежнему запрещены⁵⁰.

Вывоз заготовленных до запрета материалов затянулся едва ли не до середины 1760-х гг. В документах говорится о значимости лесного промысла для жителей Нарвы, ее окрестностей и Выборга. Принимая решение, Сенат давал распоряжение узнать о жителях: «не будет ли им от запрещения лесного торгова в торгах их и промыслах оскудения, и вместо лесного торгова, какие торги и на каком основании производить надлежит». И далее, получив ответ с места, «за неимением в г. Выборге других торгов в том 747 г. позволено у крестьян лесу покупать столько, сколько на тех мельницах пиловать можно»⁵¹. Оказалось также, что по причине «сущей бедности крестьянства» Новгородской губернии «удержать неможно» их от рубки лесов и продажи материалов наварским купцам. При этом наварские купцы, экспортирующие лес, покупают его у крестьян по более выгодной цене, чем содержатели мельниц. Предлагалось «обязать подпискою» содержателей мельниц платить такую же цену, «когда ж не пожелают, то б поставкою к ним круглой лес запретить, понеже де они могут за самые малые цены почти даром у них все леса опустошить»⁵². Установление ценового барьера выступает как средство сдерживания, способствующее сохранению лесов. В документах вновь возникает необходимость развивать торговлю другими товарами.

Попытки ограничения ни на один год не останавливали торговлю лесоматериалами через Балтику полностью. В 1750-х гг. бревна и доски вывозились по разовым разрешениям как заготовленные до запретов либо незаконным путем. С начала 1760-х гг. ограничения стали постепенно

⁴⁶ Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия, Сочиненное Михайлом Чулковым. Т. 5. Кн. 2. 1786. С. 273–274.

⁴⁷ Сенатский [указ] о пресечении отпуска за границу из Нарвы досок и всякого рода лесов, вырубленных в пределах Российской Империи. 7 сентября 1754 г. // ПСЗ I. Т. XIV. № 10292; Сенатский [указ] о неопуске за границу леса из Санкт-Петербурга, Нарвы и Пернова. 27 мая 1755 г. // Там же. № 10417; Сенатский [указ] о запрещении отпускать лес от Нарвского порта за границу. 7 сентября 1756 г. // Там же. № 10517; Сенатский [указ] о запрещении впредь наварскому купечеству и пильных мельниц содержателям покупать в Новгородской губернии и Эстляндии лес для отпуска за границу под опасением за неисполнение конфискации леса в казну. 5 марта 1758 г. // Там же. Т. XV. № 10805.

⁴⁸ Сенатский [указ] вследствие именного объявленного Сенату графом Шуваловым о дозволении отпускать за границу лес и доски по контрактам, прежде заключенным только на один 1754 г. // Там же. № 10248.

⁴⁹ Сенатский [указ] о нечинении запрещения в отвозе лесов на внутренние расходы в Ревель, Рогервик, Кронштадт и Санкт-Петербург на оштакковских романоках и о нетребовании с оных пошлин. 31 мая 1756 г. // Там же. № 10565.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 84. Л. 676.

⁵¹ От Сената всеподданнейший доклад. 9 августа 1762 г. // Сенатский архив. Т. XI. 1904. С. 233.

⁵² Дело о регулировании сплава леса по р. Плюсе и ее притокам и разрешении наварским купцам проводить вырубку леса для вывоза за границу. 13 марта – 19 октября 1752 г. // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

сниматься⁵³. На торговлю другими товарами накладывались более жесткие ограничения, а вывоз древесины относился к немногочисленным разрешенным видам деятельности: «ни с какими товарами ездить к ним не велено, и ежели им в рубке лесов учинить запрещение, то без торговых промыслов в разорение могут придти и в сборе с торговых промыслов пошлин учинится недобор»⁵⁴. Документы почти дословно повторяют слова о необходимости разрешить заготовку древесины и в Псковской, и в Новгородской губерниях. Там производились заготовки для последующего вывоза через Балтику, и развитие торговли напрямую зависело от соседних регионов⁵⁵. Из Смоленской губернии активно поставляли лес в Ригу. В некоторых местах, находившихся далеко от портов, где земли были неплодородны, заготовка лесоматериалов была важным средством заработка⁵⁶.

И все же политика «бережения лесов» не могла совсем не сказываться на торговле. В 1745–1754 гг. нарвские купцы продавали за границу в среднем 110600 бревен ежегодно, т. е. меньше, чем разрешено Сенатом, торговые обороты упали с 40000 руб. в середине 1750-х гг. до 19300 руб. в 1762 г. К началу екатерининского царствования лес из Риги не вывозился; более того, в 1762 г. за пределами России были закуплены лесоматериалы на 450000 ефимков [17, с. 93–103].

Заключение

С момента введения ежегодных сборов лейтмотивом переписки между местными прибалтийскими и петербургскими учреждениями стала борьба между купцами, заинтересованными в продаже материалов за границей, и местными жителями, озабоченными своими бытовыми нуждами. К последним примыкали адмиралтейские служащие, которым требовались материалы для ремонта кораблей, построек и прочих казенных нужд. Типичные документы этого периода – панические донесения об оскудении лесов. Особенно возмутительной предстает в документах деятельность владельцев пильных мельниц.

Естественная реакция столицы – распоряжение о прекращении отпуска продуктов лесного хозяйства из порта и немедленная отправка на место представителя Адмиралтейств-коллегии. Командированный офицер с удивлением обнаружил обилие лесов, в целом неплохое их состояние и рапортовал об итогах своей работы: «из того

ясно, что рубкою к заморскому отпуску досок в Выборгской и Кексгольмской провинциях леса никогда выведены быть не могут»⁵⁷. Тем временем проходит время с момента начала расследования до его окончания и принятия решения в Петербурге, местное купечество, лишенное права торговать древесиной, терпело убытки. Купцы обращались в Петербург, каждый в виде исключения стремился получить позволение на вывоз уже срубленных деревьев, скупку материалов, привозимых из-за шведской границы и т. д. Некоторым из них удавалось добиться определенных результатов, однако, как правило, в Петербурге предпочитали дожидаться окончания очередной ревизии и нового официального подтверждения действия принятых ранее законов. Вскоре после этого подтверждения в Сенат поступило новое сообщение о плачевном состоянии лесов на северо-западе России.

Таким образом, местная администрация в лице магистрата, депутатов и других должностных лиц посредством доношений о незаконных вырубках достигала важной цели – притормозить вывоз за границу древесины, задержать заготовленные материалы здесь, где имеется необходимость. При этом дело охраны природных ресурсов использовалось как риторический ход, необходимый для обращения в высшие государственные инстанции. Активная подача таких обращений заставляла часто меняющееся правительство эпохи дворцовых переворотов постоянно держать «лесной вопрос» на повестке дня.

Описанные процессы были частью модернизационного процесса, важными аспектами которого были бюрократизация, рационализация и усиление центральной власти [21–29]. Прибалтийский регион, имевший прочные связи с западноевропейской культурой, можно считать одним из передовых в России, где модернизационные процессы шли по сравнению с другими быстрее и легче и даже подчас подталкивали центральное правительство не останавливаться на достигнутых результатах. В качестве основных факторов, определявших основные направления развития политики в регионе, следует выделить:

- активный коммуникационный процесс между властью и локальным обществом с его сильными корпоративными связями;
- модернизационные процессы, проявившиеся в укреплении вертикали власти, регламентации, бюрократизации, расширении товарно-денежных отношений, развитии современных технологий.

⁵³ Сенатский [указ] о дозволении нарвским жителям отпускать за море определенное количество леса на 3 года и о сборе с оного пошлин, кроме городской портории по тарифу Кольского порта. 6 апреля 1761 г. // ПСЗ I. Т. XV. № 11237; Высочайше утвержденный доклад Сената о дозволении впредь до указа отпускать от Нарвского порта лес за границу. 13 мая 1762 г. // Там же. № 11534.

⁵⁴ От Сената всеподданнейший доклад. 9 августа 1762 г. // Сенатский архив. Т. XI. 1904. С. 232–236.

⁵⁵ Жителей Вилима Кетелвея, Андрея Арпса [челобитная. 1722 г.] // РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1720 г. Д. 196. Л. 48 об. – 49.

⁵⁶ Например: Наказ Лихвинского уезда от собравшегося дворянства избранному от нас в Комиссию к сочинению нового Уложения депутату... А. И. Глебову // Сборник Русского исторического общества. Т. VIII. СПб., 1871. С. 442–443.

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 44. Л. 32.

Литература

1. Булгаков М. Б., Ялбулганов А. А. Российское природоохранное законодательство XI – начала XX вв. М.: Легат, 1997. 262 с.
2. Истомина Э. Г. Леса России: Экологическая и социальноэкономическая история (XVIII – начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с.
3. Лупанова Е. М. История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2017. 345 с.
4. Насонова А. В. Правовое регулирование охраны природы в Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
5. Приходько Ю. С., Гололобов Е. И. Методологические аспекты исторического исследования экологической политики государства (на примере севера Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 195–200.
6. Пуряева А. Ю. Корабельные леса в дореволюционном лесном законодательстве России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1. С. 131–138.
7. Рахилин В. К. Формирование системы охраны природы. Исторический аспект: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1993. 62 с.
8. Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 230 с.
9. Тяпкин М. О., Глазунов Д. А. Эволюция системы управления лесами Российской Империи во второй половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 4-2. С. 207–213.
10. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001. 575 с.
11. Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М.: Госполитиздат, 1952. 277 с.
12. Цейтлин М. А. Лесная промышленность в России и СССР. Л.: Печатный труд, 1940. 156 с.
13. Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout: an Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: University press, 1985. 399 p.
14. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
15. Williams M. Deforesting the Earth. From Prehistory to Global Crisis. Chicago, London: University of Chicago press, 2003. 715 p.
16. Попов Г. А. Государево село Венкуль во времени и пространстве. Ивановгород; Нарва; СПб.: Реноме, 2015. 363 с.
17. Репин Н. Н. Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и её результат // Вестник Рязанского государственного университета. 2008. № 1. С. 77–108.
18. Любомиров П. Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. // Исторические записки. М., 1941. С. 222–249.
19. Цейтлин М. А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления. М.: Лес. пром., 1968. 295 с.
20. Чефранова Н. А. Охрана природы в эпоху Петра Великого // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1960. № 6. С. 111–117.
21. Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная перспектива: проблемы и подходы // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 3–29.
22. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 323–447.
23. Васильев Л. С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Либеральная миссия, 2011. 188 с.
24. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М.: МГУ, 1996. 398 с.
25. Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Информант, 1994. 115 с.
26. Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.
27. Манькова И. А. У истоков российской модернизации // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 184–202.
28. Милецкий В. П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб.: СПбГУ, 1997. 123 с.
29. Побережников И. В. Восточные регионы в контексте российских модернизаций: специфика развития (XVIII – начало XX в.) // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков. Специфика регионального развития. Казань: ИИ АН РТ, 2012. С. 28–39.

Economic Policy in the Field of Forest Exploitation in the Baltic States of the First Half of the XVIII Century

Evgenia M. Lupanova^{a, @, ID}

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 3, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034

@ lupanova@kunstkamera.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-0266-2887>

Received 04.05.2019. Accepted 31.07.2019.

Abstract: The research featured the economic policy in the sphere of forest exploitation led by St. Petersburg government in the Baltic region. The paper describes the policy and reveals the mechanisms of its elaboration and change. The study is based on the fundamental principles of historical research, such as historicism and consistency. The basic ideas involve multifactority of historical process, problematic and chronological principals of the narrative, as well as the instrumental and technological approach to the theory of modernization. When Peter the Great's set up the Russian Navy, it stimulated the development of trade and mobilized all kinds of recourses, including timber logging. The dilemma "trade development vs. rational recourse usage" from the very beginning became an acute problem of state policy and remained urgent for many decades to follow. Forest exploitation in the Baltic region in the XVIII century was the zone of various conflicts: private interests vs. those of the state, local businessmen vs. Russians, traditional technologies vs. modernization, Admiralty vs. Commerce-College, local administration vs. central power, etc. The research focuses on the dynamics of economic policy and social communication with the power. The study is based on a number of published and archival sources. The mainstreams of the process were: complains about overuse of forests; revisions that followed the complains; limitations and bans of export, as well as confiscations; merchants' complains about personal bankrupts and general trade-fall. Throughout the whole century, these activities determined the general situation in the Baltic region, thus keeping the problem of resource saving in the focus of the attention of the central government, which had to edit new local and imperial laws. This stability was especially remarkable in the circumstances of constant palace coups that were often followed by policy-course changes. The research increases the historiography experience of economic policy studies. The Baltic region, which had strong contacts with the western culture, was one of the leading ones in Russia. There the processes of modernization were faster and easier adapted, if compared with other regions; they sometimes even stimulated the central government for further improvements. The main factors that determine the development of the policy included: active communication between the central power and the local society, which was bound with strong corporative relations; modernization processes, displayed in the consolidation of central power and state hierarchy, regulatory activity, bureaucratization, development of goods / money relations, and the development of modern technologies.

Keywords: environmental management, trade, modernization, corporate interests of merchants, central power, local administration

For citation: Lupanova E. M. Economic Policy in the Field of Forest Exploitation in the Baltic States of the First Half of the XVIII Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 614–625. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-614-625>

References

1. Bulgakov M. B., Ialbulganov A. A. *Russian environmental legislation of the XI – beginning of XX century*. Moscow: Legat, 1997, 262. (In Russ.)
2. Istomina E. G. *Forests of Russia: Ecological and social-economic history (the XVIII – beginning of the XX century)*. Moscow: Kvadriga, 2019, 358. (In Russ.)
3. Lupanova E. M. *The history of natural resource enslavement. Russian forestry in 1696–1802*. Saint-Petersburg: Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge, 2017, 345. (In Russ.)
4. Nasonova A. V. *Legal regulation of environment protection in Russian Empire (the XVIII – beginning of XX century)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2012, 26. (In Russ.)

5. Prikhodko Yu. S., Gololobov E. I. Methodological aspects of historical research state environmental policy (on example the north of Western Siberia in the second half XX – the beginning XXI centuries). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (4): 195–200. (In Russ.)
6. Puryaeva A. Yu. Ship timber in the pre-revolutionary Russian forestry legislation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2011, (1): 131–138. (In Russ.)
7. Rakhilin V. K. *The formation of system of environment protection. Historical aspect*. Dr. Geogr. Sci. Diss. Moscow, 1993, 62. (In Russ.)
8. Tyapkin M. O. *State policy of forest protection in western Siberia in the XVIII – beginning of the XX century*. Dr. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2017, 230. (In Russ.)
9. Tyapkin M. O., Glazunov D. A. The evolution of the forest management system of the Russian Empire in the second part of the XVIII century. *Izvestiia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya*, 2015, (4): 207–213. (In Russ.)
10. Kamenskii A. B. *From Peter the I to Paul the I. Reforms in Russia of the XVIII century. The experience of complex study*. Moscow: RGGU, 2001, 575. (In Russ.)
11. Spiridonova E. V. *Economic policy and economic views of Peter the I*. Moscow: Gospolitizdat, 1952, 277. (In Russ.)
12. Tseitlin M. A. *Forest industry in Russia and USSR*. Leningrad: Pechatnyi trud, 1940, 156. (In Russ.)
13. Kahan A. *The Plow, the Hammer, and the Knout: an Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago: University press, 1985, 399.
14. Kirilov I. K. *The blossoming state of the All-Russian state*. Moscow: Nauka, 1977, 443. (In Russ.)
15. Williams M. *Deforesting the Earth. From Prehistory to Global Crisis*. Chicago, London: University of Chicago press, 2003, 715.
16. Popov G. A. *State village Venkul' in the time and space*. Ivangorod; Narva; Saint-Petersburg: Renome, 2015, 363. (In Russ.)
17. Repin N. N. Russian-European sea trade during the first decades of the XVIII century: Russian state policy and its results. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (1): 77–108. (In Russ.)
18. Liubomirov P. G. From the history of forest legislation in Russia of XVII, XVIII and early XIX century. *Historical notes*. Moscow, 1941, 222–249. (In Russ.)
19. Tseitlin M. A. *Essays on the development of timber stockpiling and sawing*. Moscow: Les. prom., 1968, 295. (In Russ.)
20. Chefranova N. A. Environment protection during the time of Peter the Great. *Okhrana prirody i zapovednoe delo v SSSR*, 1960, (6): 111–117. (In Russ.)
21. Alekseev V. V., Poberezhnikov I. V. Modernization perspective: problems and attitudes. *The experience of Russian modernization XVIII–XX centuries*. Moscow: Nauka, 2000, 3–29. (In Russ.)
22. Long XVIII century and formation of modern empire. *Ab Imperio*, 2015, (1): 323–447. (In Russ.)
23. Vasilev L. S. *Modernization as a historical phenomena (on general regularities of development)*. Moscow: Liberalnaia missiia, 2011, 188. (In Russ.)
24. Ilin V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. *Reforms and contra-reforms in Russia. Circles of modernization process*. Moscow: MGU, 1996, 398. (In Russ.)
25. Krasilshchikov V. A., Gutnik V. P., Kuznetsov V. I., Belousov A. R. *Modernization: foreign experience and Russia*. Moscow: Informant, 1994, 115. (In Russ.)
26. Krom M. M. State of early modern times: the European model and regional differences. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2016, (4): 3–15. (In Russ.)
27. Mankova I. L. By the origins of the Russian modernization. *Uralskii istoricheskii vestnik*, 2000, (5–6): 184–202. (In Russ.)
28. Miletskii V. P. *Russian modernization: pre-requisites and perspectives of social state evolution*. Saint-Petersburg: SPbGU, 1997, 123. (In Russ.)
29. Poberezhnikov I. V. Eastern regions in the context of Russian modernization: the specifics of development (XVIII – early XX century). *The historical experience of Russian modernizations of the XIX–XXI centuries. The specifics of regional development*. Kazan, II AN RT, 2012, 28–39. (In Russ.)

Гора Туру-Алты в Горном Алтае и проблема идентификации древних святилищ

Анатолий И. Мартынов^{а, @}; Ксения Н. Сивина^а; Роман Д. Мещерский^а

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная 6

@ prof_martynov@mail.ru

Поступила в редакцию 21.12.2018. Принята к печати 14.05.2019.

Аннотация: Статья посвящена важной в современной археологии и древней истории проблеме: идентификации природно-исторических святилищ на примере горного образования с наскальными рисунками Туру-Алты в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Современная научная проблема заключается в том, что все многочисленные в регионах Южной Сибири места с наскальными изображениями в научной литературе рассматриваются как памятники наскального искусства. Изучив особенности горы, расположение камней с изображениями, наличие других археологических памятников, в статье предлагается другая научная интерпретация памятника как одного из типов природно-исторических святилищ. Обращается внимание на особенности горы, на вершине которой находится каменная площадка с вертикально стоящим большим камнем, плоскость которого, обращенная к югу, сплошь покрыта изображениями. Рядом – несколько курганов, сложенных из камней. От этого центра, на вершине горы, который хорошо виден с подножья по сторонам южного склона, справа и слева расширяясь вниз, идут две гряды крупных камней, огибая террасообразные площадки уступчатого южного склона горы. Это естественное природное образование похоже на амфитеатр, на вершине которого находится основной большой камень, своего рода алтарь. На крупных камнях, обрамляющих площадки южного склона, выбивкой нанесены групповые и одиночные изображения животных. В ходе полевых исследований изображения были обнаружены на 271 камне, в том числе 97 групповых, преимущественно тематических рисунков. Судя по сюжетам, большинство изображений относятся к I тыс. до н. э. и первой половине I тыс. н. э. Очевидно, в начале I тыс. до н. э. в раннесакский период гора Туру-Алты приобрела особое значение священной и стала функционировать как природно-историческое святилище. Особую роль во всей этой естественно сложившейся композиции играл огромный, сплошь покрытый изображениями животных, вертикально стоящий на вершине горы алтарный камень как главный символ Туру-Алты. Вся обращенная к югу поверхность камня покрыта изображениями стилизованных оленей, баранов и коз – всего 101 фигура. Среди них выделяются две большие фигуры летящих на восток оленей, расположенных в центре, все другие фигуры значительно меньше и также обращены к востоку, кроме одной. Животные подчинены движению на восток к солнцу. Комплекс Туру-Алты рассматривается авторами как один из вариантов природно-исторических святилищ в период I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Ключевые слова: наскальные изображения, курганы, изваяния, оленный камень, алтарный камень, тюркские изваяния

Для цитирования: Мартынов А. И., Сивина К. Н., Мещерский Р. Д. Гора Туру-Алты в Горном Алтае и проблема идентификации древних святилищ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 626–634. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-626-634>

Введение

Одной из проблем в современной археологии является идентификация природно-исторических святилищ, возникших в Сибири в начале голоцена (мезолит-неолит). Значительная часть их возникла в начале бронзы в III тыс. до н. э. и просуществовала как место активных действий до начала II тыс. н. э., многие из них просуществовали до позднего средневековья. Вопрос идентификации святилищ в основном решался в археологии только по отношению

к т. н. кострищам или кострищам с остатками культурного слоя в виде следов костров, обгоревших костей и культовых предметов, расположенных на вершинах невысоких гор (кулайской и других культур). В то время в Сибири известно большое количество связанных с горами мест скопления наскальных изображений, которые в археологии интерпретируются исключительно как памятники наскального искусства. Рассматривая наскальные изображения обычно в отрыве от конкретных природных условий, с которыми

они непосредственно связаны, мы тем самым сужаем наши представления о памятнике с наскальными рисунками, отрывая их от ландшафта, не учитывая, что ландшафтные особенности, вероятно, играли основную роль при выборе места для нанесения изображений. Еще в прошлом веке была предложена типология памятников с наскальными изображениями, где памятники с большим количеством одновременных и разностилистических изображений были определены как природно-исторические святилища [1]. Однако в исследовательской практике в археологии ничего не изменилось, места с наскальными изображениями мы традиционно продолжаем рассматривать только как памятники наскального искусства, как будто они и создавались в прошлом с этой целью. Естественно созданные природой склон гор выходы камней, площадки и другие природные факторы являются природной основой святилищ. Они весьма различны в конкретных случаях. В связи с этим встает вопрос, что считать памятником археологии: наскальные изображения, оторванные от природной среды, или весь комплекс – наскальные рисунки и другие археологические памятники, расположенные в пределах археологического ландшафта пространства, имеющие определенные ограничительные реперы.

Природные особенности горы

В статье мы предлагаем рассмотреть естественно-конструктивные особенности горы Туру-Алты и связанный с ней комплекс археологических памятников и наскальных изображений, рассмотренный нами как один из вариантов природно-исторических святилищ Сибири.

Туру-Алты находится в Кош-Агачском районе Республики Алтай, в центральной части высокогорного плато, в 8 км к северо-востоку от поселка Кокоря. В переводе с алтайского *Туру-Алты* – «шесть стойбищ».

Гора закрывает с севера долину р. Бар-Бургазы, разделяя ее на западную и восточную части. Склон пологий, состоит из трех спускающихся уступами к подножию долин. По краям с запада на восток долины ограждают две гряды больших каменных блоков, образовавшихся, вероятно, позже в результате землетрясения. Гряды камней спускаются с вершины горы, расширяя пространство между ними и образуя похожую на амфитеатр конструкцию. Первая надпойменная терраса тянется с востока на запад примерно 1700 м. Ширина второй – 130–180 м, ширина третьей – самой высокой – 100 м (рис. 1). Прямо над ней находится самая высокая центральная часть горы высотой 2097 м. На вершине расположен каменный алтарь с комплексом рисунков скифской эпохи.

Алтарь на вершине горы состоит из больших каменных глыб, образующих его основу, и огромного тяжелого стоящего вертикально камня. На его южной, достаточно ровной поверхности сплошь нанесены изображения. На площадке у алтаря на вершине горы с запада на восток расположены четыре кургана в виде каменных набросок. Первый курган на террасе под алтарем сложен из крупных рваных камней. По склону горы с восточной стороны расположены еще пять курганов. В средней части склона и ниже обнаружены еще три кургана. От большого кургана, расположенного на вершине, вниз идут на восток-юго-восток два ряда стел, установленных на большом расстоянии друг от друга. В юго-западной части склона сохранилась еще одна стела

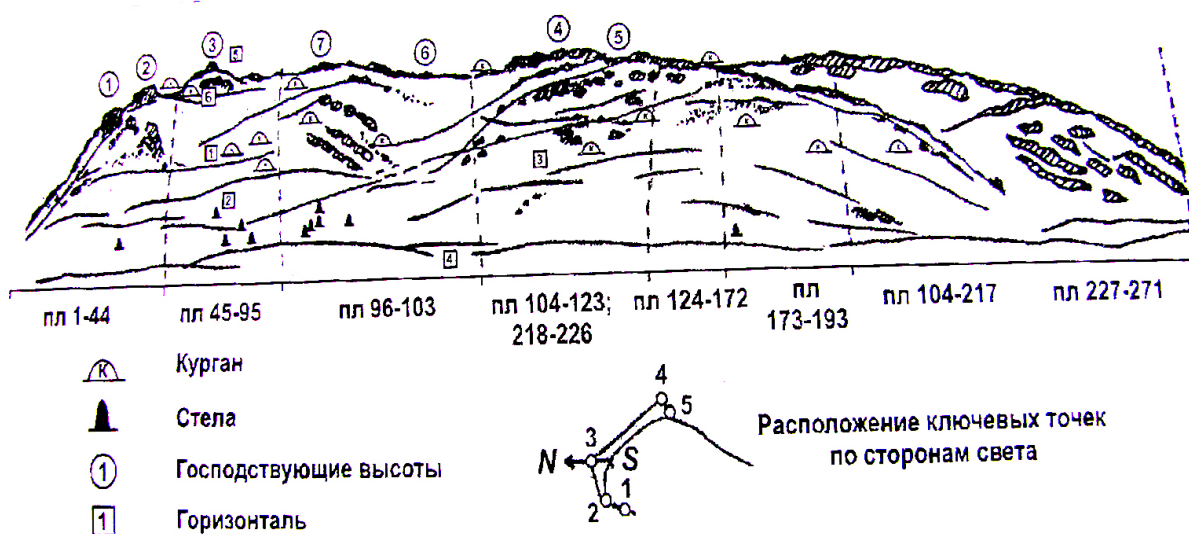

Рис. 1. Туру-Алты. Расположение камней с изображениями
Fig. 1. Turu-Alty. Location of stones with images

высотой более 2 м. На юг и юго-восток с вершины открывается вид на долину и ритуальную площадку у подножия, окруженную с трех сторон горами; ниже простирается обширная надпойменная терраса р. Бар-Бургазы.

Мы неслучайно обращаем внимание на естественные конструктивные особенности устройства пологого южного склона горы: долина реки у подножья, террасовые площадки по южному спуску, огражденные с двух сторон грядами крупных каменных глыб, курганы и алтарный камень – все это воспринимается как определенное единство, как соединение двух начал: природной естественной особенности и созданных человеком рисунков на камнях, центральной композиции (алтаря), курганов и каменных стел I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. Можно сказать, все готово к тому, чтобы воспринимать это место особенным, сакральным, как бы приготовленным для ритуальных действий.

Туру-Алты как вариант природно-исторического святилища

Начало изучения памятника и публикации сведений о нем относятся к периоду 1960-х гг., когда экспедицией Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР было произведено копирование наскальных изображений в долине р. Елангаш. Именно тогда научный сотрудник ИИФФ Е. М. Тошаква показала А. И. Мартынову и другим участникам экспедиции этот памятник (рис. 2, 3¹). Он был частично осмотрен. Основное внимание было уделено центральному камню с большим количеством изображений. Никаких работ, кроме фотографирования, тогда не производилось. В 1970-е гг. на памятнике были проведены первые научные исследования.

Памятник нашел отражение в книге «Петроглифы Алтая» В. Д. Кубарева и Е. П. Маточкина. Авторы отмечают: «Наскальные рисунки были зафиксированы в большом числе на южных склонах скалистой гряды, протянувшейся на 1,5–2 км вдоль правого берега р. Бар-Бургазы. Только на одной вертикальной плоскости нанесено около 100 различных фигур животных. Общее число рисунков неизвестно, но оно, конечно же, исчисляется тысячами» [2, с. 54].

В 1990-е гг. В. Д. Кубарев продолжил работы в этом районе совместно с Э. Якобсон, Я. А. Шером, А. П. Франкфором и Т. Масумото. Необходимо отметить, что в 1992 г. Э. Якобсон и В. Д. Кубарев в урочище Туру-Алты первыми обратили внимание на «акустический» эффект, когда из центра одного из курганов «даже тихо произнесенное слово было слышно за многие сотни метров» [3, с. 27].

Рис. 2. Туру-Алты. Алтарный камень

Fig. 2. Turu-Alty. The altar stone

В 1994 г. на английском языке выходит совместная статья Э. Якобсон и В. Д. Кубарева, где они относительно подробно рассматривают все виды памятников комплекса Туру-Алты и отмечают их особенности. Однако в публикациях прошлого века вопрос об археологическом комплексе как природно-историческом святилище не ставился [4]. Первые исследования в этом направлении были проведены участниками Саяно-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством Л. С. Марсадолова. Он попытался установить планиметрическую связь курганов, поминальников, стел и наскальных изображений между собой. Исследования Л. С. Марсадолова выделяются из всего ряда работ, посвященных памятнику Туру-Алты как памятнику наскального искусства двумя обстоятельствами: во-первых, это достаточно полная публикация фотографий, рисунков, схем и чертежей; во-вторых, в ней представлен новый, нетрадиционный для петроглифистов взгляд на памятник [5]. Наскальные изображения рассматриваются им только как часть достаточно крупного природно-исторического комплекса – святилища под открытым небом. Такой подход, на наш взгляд, является верным, исходя из анализа природной среды как некоего фона, основы расположенных на ней отдельных археологических памятников – каменных стел и оградок, групп курганов и наскальных изображений.

¹ Номера изображений на рис. 3–8 приведены по полевым копиям И. А. Симоновой, А. Е. Мосиной.

Однако при всей убедительности выводов автора относительно Туру-Алты как святилища вызывают сомнения два обстоятельства: современные замеры расстояний между объектами выглядят несколько формально. Вряд ли можно что-либо доказать этими измерениями, кроме факта их наличия в современных единицах измерений. Также вызывают сомнение визуальные отнесения некоторых необычных горных образований к природно-историческим святилищам. В 2006 г. к исследованию памятника приступила совместная археологическая экспедиция Кемеровского и Горно-Алтайского государственных университетов. Основными задачами полевых работ было исследование наскальных изображений, их расположение, изучение ландшафтной ситуации, а также других археологических памятников комплекса: курганов, каменных стел, поминальников [6].

В 2006–2008 гг. в работах по исследованию памятника с целью рассмотреть его как святилище от Кемеровского государственного университета участвовали профессор А. И. Мартынов, доцент Горно-Алтайского государственного университета А. В. Эбель, аспиранты В. Ю. Чигаева, А. В. Базайченко, Е. В. Штанов, А. О. Пронин и научный сотрудник Омского музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля И. А. Симонова, а также студенты двух других вузов. В ходе работ было произведено обследование территории, составлены планы местности, уточнены координаты основных объектов памятника при помощи GPS, осуществлено фотографирование всех выявленных плоскостей с рисунками и их копирование. В 2008 г. были произведены поиски камней с рисунками на периферии памятника, уточнены размеры террас. Полученный в ходе полевых работ материал лег в основу монографии, посвященной древнему святилищу Туру-Алты [6].

Всего за три года полевых работ на памятнике были обнаружены и скопированы изображения на 271 камне. Камни с рисунками занимают пространство по склонам горы в ее верхней части, где расположена основная масса скальных выходов. Среди них 97 композиций, состоящих из десятка и более изображений, и камни, на поверхности которых выбиты силуэтно всего два-три рисунка, а также большое количество одиночных фигур (рис. 4–8). Размеры, очертания поверхности камня, по всей видимости, играли значимую роль, предопределяя размеры всей композиции и количество рисунков.

Алтарный камень занимает особое место в святилище как основной, образующий, информационно-демонстрационный и зрелищный объект всей композиции святилища. Решающую роль в выборе места алтаря сыграли несколько факторов. Это центральное и наиболее высокое место на горе – 2119 м над уровнем моря.

Огромный вертикально расположенный камень самый крупный по сравнению с камнями вокруг. Он виден издали, с подножья горы. Кроме того, камень имеет большую, довольно ровную плоскость, обращенную к югу, заполненную рисунками. Он обращен к расположенным ниже камням с изображениями, а также к курганам, изваяниям и поминальникам.

Вокруг алтаря расположено большое скопление крупных рваных камней. Они создают естественную основу, своего рода фундамент вертикально стоящей плите. Ширина этого основания – 19×8 м, высота от подножья камней до вершины – 4 м. Почти четырехугольная вертикальная плоскость с закругленными сверху углами обращена к югу, т. е. в сторону расположенных ниже площадок. Ее размеры – 210×200 см, т. е. более 4 м². Плоскость с рисунками, названная нами алтарем, выделяется по своему расположению среди других своими размерами, вертикальным положением и имеет ровный коричневый цвет, более светлый, чем остальные почти черные камни, что также может свидетельствовать о ее особом функциональном значении. Сверху над плитой, немного левее её, возвышается выкладка из камней высотой более метра. Еще две выкладки меньших размеров находятся внизу – одна слева от плоскости с рисунками, другая – справа.

Особенную ценность представляет изображённая на камне многофигурная композиция, созданная, судя по образам и стилистическим особенностям, в начале скифской эпохи (рис. 3). На плоскости камня отмечена наивысшая концентрация изображений животных, зафиксированная нами на камнях Туру-Алты. Всего на плоскости алтаря насчитывается 101 различная фигура. Все они выполнены в технике выбивки: как полностью фигуры, так и их отдельные части – рога, ноги. Контурная выбивка использована только в нескольких случаях: дважды – при прорисовке рогов и в трех случаях – при прорисовке туловища.

На первый взгляд кажется, что изображения хаотично заполняют все пространство плоскости камня. Однако это не так. Некоторые особенности алтаря заставляют обратить на себя внимание. Все фигуры устремлены вправо, к востоку или вверх. В противоположном направлении ориентирован только один безрогий олень с клювообразной мордой, расположенный в нижней части камня. Несомненно, такое расположение животных имеет определенный смысл, некоторую знаковую: они все находятся в движении, направлены на восток, к солнцу, хотя на камне нет изображений солярных символов. Все фигуры по стилю, степени «загара», технике исполнения относятся, несомненно, к скифской эпохе. Вряд ли они были нанесены одновременно, но их создание укладывается в обозначенный выше временной период I тыс. до н. э. При этом можно утверждать,

Рис. 3. Туру-Алты. Главная композиция. Алтарный камень 77
Fig. 3. Turu-Alty. The main composition of the altar stone 77

что основы этого памятника были заложены уже на начальном этапе создания культурно-мифологического комплекса скифо-сибирского мира. Об этом свидетельствуют две самые крупные фигуры летящих оленей с вытянутыми «утиными» мордами, хорошо известные по ранним изображениям на оленных камнях. Вся композиция, на наш взгляд, состоит из пяти групп изображений: центральная, правая, верхняя, левая и нижняя. В центре камня в технике сплошной выбивки изображена огромная фигура летящего оленя длиной 93 см. Она устремлена вправо вверх. Показана голова с вытянутым «утиным» клювом, две передние ноги и одна задняя, прорисована ляжка. Ширина почти прямого туловища и шеи – 9–10 см, длина морды-клюва – 20 см. Ухо тонкое, листовидное, длиной 16 см. На голове огромный толстый рог с семью отростками, заканчивающийся полулунным раздвоением. Его длина от начала переднего отростка до завершения последнего – 75 см. За холку животное кусает зверь с разинутой пастью и большим круглым глазом. За ним над спиной оленя находятся одно за другим еще два животных меньших размеров, соединенные округлой линией. Вокруг центральной фигуры изображена масса животных. По правому краю камня – 10 схематично выбитых изображений баранов и козлов. Размеры животных не более 10–15 см. Все они устремлены вправо, на восток. У копытных по-разному показаны рога: у баранов они более загнутые, у козлов – слегка изогнутые. Все фигуры выполнены в технике сплошной выбивки. В секторе между оленем, обращенным влево, на запад, и головой центрального животного насчитывается 18 зооморфных фигур и несколько неясных, незаконченных изображений. В верхней части композиции, у головы центрального оленя, нами насчитано 14 изображений, расположенных перед его мордой, на отростках рогов и выше. Слева находятся более 20 изображений животных разных размеров. Среди них выделяются две фигуры оленей с вытянутыми мордами, короткими ногами и характерными для скифо-сибирского стиля рогами. Под центральным оленем расположены ещё 25 зооморфных изображений. У его задней ноги выбита вытянутая фигура животного с «утиным» клювом и рогом с пятью полукольцами и отростком, направленным вперед. Перед ним в ряд расположены три удлинённых изображения животных с аналогичными мордами, но без рогов. А правее ещё четыре фигуры баранов с характерно загнутыми рогами. Над ними – вытянутое широкой полосой изображение оленя с короткой передней ногой, длинной шеей и «утиной» мордой. Это единственное во всей композиции животное, обращенное головой влево, на запад, и к центральной фигуре большого оленя. Под брюхом расположена выбивка. Изображение неясное, мордой похожее на кабана.

Перед большим оленем между грудью и передней ногой нанесена фигура неопределённых очертаний. Возможно, это схематическое изображение человека с натянутым луком, обращенного вправо, к востоку, в сторону изображенных там скачущих животных. Здесь же находятся выбивки, напоминающие рога, однако не создающие сколько-нибудь ясной фигуры. В верхней части композиции выделяется еще одна большая безрогая фигура оленя. Его туловище и вытянутые вперед ноги длиной 87 см, а ширина фигуры 5–7 см. У оленя вытянутая шея и маленькая голова с огромным круглым выпуклым глазом, заканчивающаяся ухом, «утиным» клювом длиной 15 см. Животное передано в динамике, оно устремлено вправо, как бы летит на восток. У его передней ноги значительное утолщение. Скорее всего, здесь было еще одно изображение, перекрытое фигурой летящего оленя. Перед его мордой выбито изображение, напоминающее коня с длинным хвостом и характерно посаженной головой. Венчают всю композицию две маленькие схематичные фигурки козлов. Все изобразительное поле густо покрыто многочисленными выбивками разных форм – от мелких точечных до больших и глубоких. Под брюхом центральной фигуры параллельно по отношению к центральному изображению оленя контурно выбито туловище животного, похожего на оленя. Однако передняя широкая часть туловища больше похожа на кабана. У груди большого оленя находятся выбивки, похожие на рога, но не создающие сколько-нибудь ясной фигуры, и отдельные, очень мелкие фигурки животных. Венчают всю композицию две маленькие, схематично изображённые фигурки козлов справа.

Ясно, что алтарный камень с изображениями – это основной объект всего пространства древнего святилища по своему расположению, по отношению к другим объектам на южном склоне Туру-Алты. Он является композиционным центром. Камень самый большой, на нём самое большое количество рисунков животных, которые символизируют собой идею вечного движения, круговорота. Изображения вписываются в круг, они в движении, вокруг центра композиции, которым являются две большие фигуры оленей, летящих на восток к солнцу. Очевидно, большие фигуры летящих оленей – это мифологический образ большого космического оленя – символа неба как основного объекта сако-скифской мифологии и эпоса. Наконец, наиболее важная идея в том, что вся композиция закручивается по часовой стрелке вокруг центральной фигуры большого оленя. Есть, на наш взгляд, и специально обозначенная точка отсчета этого круговорота животных, расположенная внизу справа. Это единственная фигура безрогого оленя, направленная влево, на запад. От него и читается вся эта композиция – движение по кругу

по часовой стрелке, т. е. к солнцу. Неслучайно все пространство камня, покрытое фигурами, составляет круг, как пространство вселенной.

Вряд ли данная композиция создавалась одновременно, скорее всего, это происходило в несколько приемов, возможно, даже длительное время. Но ясно одно: первоначально была создана самая большая центральная и знаковая мифологическая фигура. По стилю и смысловому содержанию она равнозначна изображениям на оленевых камнях VIII–VII вв. до н. э. А в дальнейшем в соответствии с мифом, соблюдая основные образы и понятия, его носители продолжали создавать в рисунках материализованную картину мира на камне, центром которого является мифологический образ большого оленя и другие мифологические образы, находящиеся в состоянии постоянного движения по кругу. Здесь нет хтонических образов нижнего мира. Наверное, это неслучайно. Алтарный камень – это гимн жизни, движения, круговорота природы, образ мироздания, населенного мифологическими образами и символами эпохи скифо-сакского мира Евразии.

Заключение

Святыни возникали в древности в природной среде, памятники сложные и комплексные, включающие многие компоненты и факторы: природно-ландшафтные, исторические, мировоззренческие, мифологические, эстетические. Среди них наскальные изображения – это только одна материализованная в рисунках на камне часть этого сложного природно-исторического памятника под открытым небом. Изучая на местности памятники наскального искусства, надо иметь в виду, что мы имеем дело с функционально другим, более сложным – природно-историческим памятником. Надо учитывать, что в археологическую древность и позже, в средневековых обществах, святыни были распространены повсеместно, они ведут свое начало от священных гор, рек, ручьев, камней и всего того, что создавала природа и дуалистическо-мифологическое сознание древнего человека.

Несмотря на различия природных условий, святыни тем не менее имеют достаточно много общего. Прежде всего – особенность, исключительность конкретного природного фактора, окружающий ландшафт; наличие пространства для мистерий: уступ на скале, берег реки, поле, склон, гора. Любое святилище – это место для разных коллективных ритуальных действий. Рисунки наносились не случайно, они были частью ритуальных событий: праздники природного цикла, ритуалы охотников и прочие коллективные действия. Святыни, как правило, существовали долго, память о священных местах передавалась столетиями потомкам. Поэтому на них всегда должно было

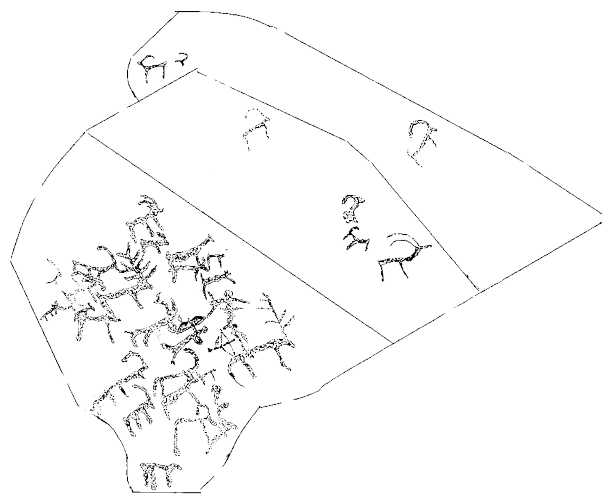

Рис. 4. Туру-Алты.
Изображение на камне 166
Fig. 4. Turu-Alty. Stone 166

Рис. 5. Туру-Алты. Фигуры оленей. Камень 63
Fig. 5. Turu-Alty. Figures of deer. Stone 63

Рис. 6. Туру-Алты. Животные. Камень 221
Fig. 6. Touru-Alty. Animals. Stone 221

Рис. 7. Туру-Алты. Олень и козы. Камень 212
Fig. 7. Turu-Alty. Deer and goats. Stone 212

Рис. 8. Туру-Алты. Стилизованное изображение оленя. Выбивка. Камень 261
Fig. 8. Touru-Alty. Stylized image of a deer. Etchings. Stone 261

быть большое количество наскальных изображений, относящихся к разным периодам истории, а также другие археологические объекты – поминальники, стелы, священные места и алтарь с изображениями, расположенные в самой высокой точке, как это мы видим на горе Туру-Алты, которая, несомненно, являлась центром всего сакрального пространства: каменные стелы, установленные ниже, подводили участников ритуалов к высшей точке алтаря – алтарному камню с изображениями животных. Святилище Туру-Алты по устройству близко к другим объектам, расположенным в Туве и Северо-Западной Монголии, в частности,

напоминает сложный комплекс сооружений Улуг-Хорум в Туве [7]. Вероятно, в раннескифское или предскифское время в IX–VIII вв. до н. э. южные районы Алтая, Тувы и Северо-Западной Монголии составляли территорию, где отмечаются наиболее ранние изображения звериного стиля скифской эпохи.

Проведенная нами идентификация археологического памятника наскального искусства Туру-Алты позволяет обратить внимание на другие памятники наскального искусства и открыть новые природно-исторические святилища как важный и обязательный элемент древней истории.

Литература

1. Мартынов А. И. К вопросу о типологизации памятников петроглифического искусства // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 13–18.
2. Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. 123 с.
3. Якобсон Э. Исследования в Чуйской степи // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: тезисы науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. Ч. I. С. 26–29.
4. Jacobson E., Kubarev V. D. Turu-Alty (Analysis of Siberian "Sanctuary") // Altaica. 1994. № 4. Р. 18–29.
5. Марсадалов Л. С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2007. Вып. 5. 259–265 с.
6. Мартынов А. И., Чигаева В. Ю., Базайченко А. В., Штанов Е. С., Симонова И. Л., Мосина А. Е. Туру-Алты (Карачат). Кемерово: Книга, 2010. 144 с.
7. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 267 с.

Mount Turu-Alty in the Mountain Altai and the Identification Problem of Ancient Shrines

Anatoliy I. Martynov^{a, @}; Kseniya N. Sivina^a; Roman D. Meshcherskiy^a

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] prof_martynov@mail.ru

Received 21.12.2018. Accepted 14.05.2019.

Abstract: The paper features the problem of identification of natural-historical shrines in the case of petroglyphs of Mount Turu-Alty in Kosh-Agachsk district of the Altai Republic. Currently, all rock art sites in Southern Siberia are considered in scientific literature as rock art monuments. The authors studied the Mount Turu-Alty, the location of the petroglyphs, and other archaeological monuments in the neighborhood. As a result, they offer a different scientific interpretation of the monument as a natural-historical shrine. On the mountain top there is a rocky platform with a vertically standing large stone that faces the south and is completely covered with images. In the vicinity, there are several stone mounds. The mountain top is clearly visible from the foot on the sides of the southern slope. From this center, there are two ridges of large stones extending down to the right and left: they go round the terrace-like platforms of the steep southern slope. This natural formation has the shape of an amphitheater. On its top, there is an altar-like large stone. Standing at the foot of the southern slope, one cannot but feel the sacredness of this natural formation. On the large boulders that frame the southern slope, there are grouped and single etchings of animals. The field studies revealed images on 271 stones; 97 of the images are grouped, most are thematic. According to the plots, most of the images refer to the first millennium BC and the first half of first millennium AD. At the beginning of the first millennium BC, in the early Saka period, Mount Turu-Alty obviously acquired a special sacred status and began to function as a natural-historical shrine. The "altar" stone played a special role in this geological composition. It stands vertically on the top of the mountain, and its southern side is covered with 101 images of stylized deer, sheep, and goats. The stone

is the main symbol of Turu-Alty. In the center, there are two large figures of deer flying to the east. All the other silhouettes are much smaller; all but one face the east. The animals are subject to eastward movement towards the sun. The authors consider the Turu-Alty complex as a natural-historical shrine from the period of the first millennium BC – first millennium AD.

Keywords: rock carvings, mounds, sculptures, deer stones, altar stone, Turkic sculptures

For citation: Martynov A. I., Sivina K. N., Meshcherskiy R. D. Mount Turu-Alty in the Mountain Altai and the Identification Problem of Ancient Shrines. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 626–634. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-626-634>

References

1. Martynov A. I. Typology of petroglyphic art monuments. *Problems of studying rock art in the USSR*. Moscow, 1990, 13–18. (In Russ.)
2. Kubarev V. D., Matochkin E. P. *Petroglyphs of Altai*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1992, 123. (In Russ.)
3. Jacobson E. Studies in the Chuya Steppe. *Protection and study of the cultural heritage of Altai*: Proc. Sci.-Prac. Conf. Barnaul: Izd-vo AGU, 1993, part I, 26–29. (In Russ.)
4. Jacobson E., Kubarev V. D. Turu-Alty (Analysis of Siberian "Sanctuary"). *Altaica*, 1994, (4): 18–29.
5. Marsadolov L. S. Report on the study of the ancient shrines of Altai in 2003–2005. *Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition of the State Hermitage. Saint-Petersburg*, 2007, iss. 5, 259–265. (In Russ.)
6. Martynov A. I., Chigayeva V. Yu., Bazaichenko A. V., Shtanov E. S., Simonova I. L., Mosina A. E. *Turu-Alty (Karachat)*. Kemerovo: Kniga, 2010, 144. (In Russ.)
7. Grach A. D. *Ancient nomads of Central Asia*. Moscow: Nauka, 1980, 267. (In Russ.)

Историография и источники о развитии жилищ хакасов и русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XXI вв.

Евгений В. Прищепа^a, @, ID

^a Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 655017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23

@ pri-evg@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0344-3179>

Поступила в редакцию 15.05.2019. Принята к печати 30.07.2019.

Аннотация: Статья посвящена характеристике историографии и источников по проблеме развития традиционного жилища хакасов и русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XXI вв. Проанализирован материал по теме исследования: дореволюционного, советского и постсоветского периода – и сделаны выводы о том, что исследователи обобщили определенный материал по данной проблеме. Однако процесс развития традиционного жилища народов Хакасско-Минусинского края изучен ещё недостаточно, и до сих пор нет исчерпывающего обобщающего исследования по данной теме. Предшественниками были сделаны определенные попытки обобщения всего имеющегося материала и систематизации известных типов жилищ хакасов и русских старожилов, дана их характеристика и рассмотрены основные этапы развития. Однако остались недостаточно изученными некоторые вопросы генезиса отдельных типов жилищ как коренного, так и пришлого населения Хакасско-Минусинского края. До сих пор отсутствуют комплексные работы, прослеживающие все этапы, степень и характер взаимокультурного взаимодействия в усадебно-жилищной культуре указанных групп населения. В этнографической науке отсутствует общепринятая точка зрения относительно применения классификаций жилищ народов Сибири к жилищам хакасов, исходя из их конструкции и характера использования. Отсутствует четкая разработанная терминологическая классификация жилищ и в целом усадебно-жилищного комплекса народов Хакасско-Минусинского края. Рассмотренные источники при разной степени их информативности позволяют проследить развитие жилищ народов Хакасско-Минусинского края комплексно и обеспечивают исследование сложных процессов генезиса жилищ в XVIII–XXI вв. в процессе их культурного взаимодействия.

Ключевые слова: история изучения жилищ, генезис жилища, автохтонное жилище, материальная культура, Южная Сибирь, аборигены Хакасии, русское старожильское население

Для цитирования: Прищепа Е. В. Историография и источники о развитии жилищ хакасов и русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XXI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 635–643. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-635-643>

Введение

В начале XVIII в. у коренного населения Хакасско-Минусинского края (далее ХМК) – хакасов – существовали разнотипные по конструкции и архитектуре традиционные жилища, появление которых было обусловлено природно-географической средой, характером образа жизни и экономической деятельности. Наиболее распространенным типом жилища в степной части была переносная юрта *иб*, которая была максимально приспособлена для полукочевого хозяйства и имела самое широкое распространение. В таёжных и лесостепных территориях ХМК распространение получили жилища срубных и каркасно-столбовых конструкций: *тура*, *алачих*, *ат иб*, *одаг* [1].

История возникновения поселений пришлого населения ХМК относится к последней четверти XVII – началу XVIII в. и связана с постройками здесь казацких поселений в фор-

ме укрепленных форпостов и острогов, имевших защитные функции [2, с. 23]. Впоследствии в середине XVIII в. в их близи или непосредственно на их месте выросли новые многодворные села и крестьянские деревни, а основным типом жилища населения была *изба*. Эти процессы в XVIII в. оказались возможными благодаря переселению русского населения с северных районов Енисейской губернии на юг Сибири, которое впоследствии стало ядром сложения историко-культурной группы русских старожилов (чалдонов). Их материальная культура обладала высокой степенью адаптивности к сибирским условиям здешних мест. Соприкосновение разных культурных традиций поспособствовало началу процессов культурного взаимодействия, в котором важное место занимает развитие и эволюция основных типов жилищ коренного и пришлого населения края.

Внимание и интерес к важной части материальной культуры – жилищу – возникает в большей степени в связи с началом научного изучения ХМК первыми учеными-исследователями, побывавшими здесь в XVIII в. Уровень и степень развития этнографической науки, методологические подходы, исторические особенности разных эпох определили степень изученности темы и создали её специфику.

История изучения жилищ хакасов и русских старожилов в XVIII–XXI вв.

Цель статьи – проанализировать имеющийся материал по проблеме истории развития традиционного жилища народов ХМК. Актуальность исследования обусловлена отсутствием обобщающих научных работ по проблематике истории развития жилища коренного и пришлого населения субрегиона, несмотря на то, что тема имеет определенное освещение в ряде работ.

Мы выделяем три периода изучения темы: дореволюционный, советский и постсоветский, каждый из которых имеет свои особенности.

1. Дореволюционный период в основном представлен сведениями служилых людей, путешественников, исследователей, государственных чиновников, побывавших в ХМК и оставивших свидетельства о материальной культуре населения. К таковым, информативным для нас, можно отнести описания устройства жилищ и быта этого населения, оставленные П. С. Палласом [3], И. Г. Георги [4]. Незначительные описания жилищно-хозяйственного комплекса русского старожильского населения края содержатся в работах Г. Пейзына [5, с. 310–315], Н. Щукина [6], А. П. Степанова [7, с. 104–107]. Описания Г. Пейзына, хотя и были изданы уже в начале XX в. в специализированном этнографическом журнале «Живая старина», хронологически относятся к середине XIX в. Описания поселений и жилищ в этих работах хоть и незначительны, но содержат ценные этнографические данные, позволяющие воссоздать облик жилища, его интерьер, хозяйственных построек и особенностей быта крестьян в дореформенный период первой половины XIX в.

Середина XIX в. знаменуется временем научного изучения народной культуры, является началом накопления конкретных этнографических материалов и развитием сибирского краеведения. Эти процессы связаны с основанием Русского географического общества (РГО) в 1845 г., открытием в г. Иркутске Сибирского отдела РГО, курировавшего работу этнографов на местах, в том числе и в ХМК. Появляются работы его сотрудников, например

труды Н. Кострова [8–10], посвященные традиционным жилищам и быту, отдельным его особенностям коренного населения края¹.

Изучение традиционных жилищ в конце XIX – начале XX в. сочетает краеведческую работу и теоретическое осмысление накопленного материала. Особое место занимают исследования первого ученого Хакасии Н. Ф. Катанова [11], описывающие образ жизни и быта тюркоязычных групп Минусинской котловины и предгорий Западных Саян. Значимой работой рубежа XIX–XX вв. является этнографическое исследование А. А. Кузнецовой [12]. Работа содержит описания традиционных типов жилищ хакасов на рубеже начала вхождения в быт жилищ русского типа. В работе рассматриваются вопросы их типологии, технологий строительства, конструкций и распространения в крае. Работа содержит описания традиционных жилищ срубных и каркасно-столбовых конструкций: временных непереносных, переносных и оседлых жилищ. Данная работа знаменательна ещё тем, что в ней приводятся данные о стоимости разных типов жилищ хакасов и трудозатратах времени при их постройке. Основной отмеченной тенденцией периода рубежа веков является новый этап развития традиционных жилищ хакасов, что выражалось в появлении у них новых конструктивных элементов, изменений в интерьере и внешних характеристик.

Таким образом, в целом дореволюционный период знаменовался процессами накопления фактологического материала по жилищно-бытовой культуре населения края при слабом методологическом уровне развития исторической науки. Однако, несмотря на описательный характер работ и их фрагментарность, эти сведения позволяют воссоздать жилищный комплекс коренного и пришлого населения края в те отдаленные от нас эпохи.

2. Советский период знаменовался процессами становления и развития советской науки. К значимым этнографическим и историческим работам, посвященным генезису традиционных жилищ хакасов этого этапа, следует отнести, прежде всего, исследования К. М. Патачакова [13; 14], А. П. Потапова [15; 16], которые во многом обобщили весь предшествующий материал по типологии жилищ. Работы этих авторов до сих пор имеют важное значение в этнографической науке.

К числу значимых неопубликованных источников относятся исследования Ю. А. Шибяевой, хранящиеся в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, истории и литературы, такие как «Хакасское жилище»²; «Чертежи по жилищу хакасов»³;

¹ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. И-3. Оп. 1. Д. 577. 34 л.

² Шибяева Ю. А. Хакасское жилище // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. № 352. 140 с.

³ Шибяева Ю. А. Чертежи по жилищу хакасов (55 чертежей) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. № 352 (приложение).

«Отчёт об этнографическом обследовании кызыльцев Ширинского и Саралинского районов в июле 1951 г»⁴. На наш взгляд, они воссоздают особенности развития традиционного жилища коренного населения середины XX в. Жилище в этот период переживает ряд трансформаций при сохранении ещё прежних традиционных его форм, но все больше входит в стадию процессов своего видоизменения, либо исчезновения в процессе развития новых домостроительных культур народов края. Уже в середине XX в. в облике жилища коренного населения всё больше прослеживается возрастающее влияние строительной культуры историко-культурных групп русского населения края и наблюдается переход к домам русского типа, что отражено в номинации *тура* и, по мнению автора, является подтверждением этого влияния [17].

Материальная культура русского старожильского населения ХМК преемственно развивалась на основе культурных традиций Севера России. В этой связи ценное значение имеет академическое исследование по деревянной народной архитектуре Русского Севера И. В. Маковецкого [18]. Значительными обобщающими для своего времени работами являются также «Русские старожилы Сибири» [19], «Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в.» [20]. Эти работы содержат отдельные аспекты, связанные с предметом изучения темы.

Таким образом, процессы становления и развития советской науки отразились на характере работ по традиционному жилищу народов ХМК. Советские историки обобщили определенный этнографический материал по развитию традиционного жилища народов ХМК, однако не в полной мере были отражены сложные проблемы автохтонности некоторых типов жилищ.

3. Постсоветский период развития исторической науки знаменовался появлением работ, в которых значительное место отводилось теме изучения истории традиционного жилища хакасов: стационарного и переносного. Такими работами, написанными на основе богатых полевых, архивных и литературных материалов, являются исследования В. Я. Бутанаева [21; 22]. В его работах проведено изучение генезиса и эволюции разнообразных жилищ хакасов, описаны их конструкции, в том числе в процессе исторического перехода от кочевого к оседлому образу жизни.

Проблемам развития и исследования различных сторон материальной культуры населения Восточной, Западной Сибири и Сибирского региона в целом посвящены работы исследователей советского и постсоветского времени: Е. А. Ащепкова [23], А. А. Попова [24],

В. А. Александрова [25], В. А. Липинской [26], А. К. Байбурина [27], Г. Ф. Быкони [28]. Ряд работ заданной тематики уже относится к рубежу и постсоветскому периоду, например: П. Е. Бардина [29], З. П. Соколова [30], О. Н. Шелегина [31] и др. Рассмотрение различных аспектов материальной культуры позволяет в сравнительно-историческом ключе проследить время бытования общесибирских и региональных компонентов и определить их степень развития.

Описанию поселений, конструкций жилища и хозяйственных построек русских старожилов ХМК (чалдонов) посвящен один из разделов монографии этнографа А. А. Верника: «Поселения, жилище и хозяйственные постройки» [32, с. 61–67]. Этот небольшой раздел работы большей своей частью написан на основе полевых материалов автора, собранных в крае на рубеже XX–XXI вв., в чём и заключается её ценность. Автор прослеживает пласт северорусских традиций в данном комплексе материальной культуры старожилов, а полевые материалы, привлеченные автором, свидетельствуют о ряде изменений, связанных с влиянием строительных культур поздних русских переселенцев края. Данная работа до последнего времени являлась наиболее полно освещающим трудом по указанной тематике. Однако ряд компонентов строительной культуры чалдонов и особенности развития их жилищного комплекса, как в период складывания историко-культурной группы старожилов края, так и в процессе взаимодействия в пореформенный период с русскими переселенцами и коренным населением, освещены не были и остались без должного внимания. В этих аспектах данная работа лишь фрагментарно затрагивает рассмотрение темы. Другая работа этого автора [33] посвящена некоторым отдельным приметам русских старожилов, связанных с жилищем. Однако эта ритуальная сфера жизни затрагивается лишь отчасти, и не исследована природа происхождения представленных поверий.

Исследования последних лет позволяют уточнить многие ранее не затронутые проблемы функционирования жилищно-поселенческого комплекса (жилище, усадьба, поселение) населения края. Работа В. Н. Курилова [34] по расселенческой этнографии русского населения Западносибирского региона представляет результат реализации этнокультурного комплекса в процессе освоения и заселения территории, что является фактором функционирования и модификации этнической культуры. В работе характер расселения определяется через типологию поселений (стационарных и временных), их взаимосвязей в этническом ареале региона, что позволяет провести сравнительную аналогию

⁴ Шибаева Ю. А. Отчёт об этнографическом обследовании кызыльцев Ширинского и Саралинского районов в июле 1951 г. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. № 353. 200 с. Ил.

для поселений русских в Южной Сибири. Проблемам типологии усадебно-жилих комплексов старожилов ХМК первой половины XIX в. посвящена совместная работа Е. В. Леонтьева и А. Н. Шестакова [35]. Комплексная работа А. Ю. Майничевой [36] посвящена феномену и эволюции крестьянских архитектурно-строительных традиций северной части Верхнего Приобья в новых условиях и осмыслению их роли и места в культуре сибирского крестьянства. Работой, отражающей современное характерное состояние жилищного комплекса русских старожилов ХМК, является статья А. Ю. Майничевой, Е. И. Глухих, Д. С. Рыгковского [37]. Исследованием материальной культуры русского населения Приенисейского края также занимаются культуролог Л. Н. Евменова [38] и краевед Б. Е. Андюсев [39]⁵.

Работой, знаменующей некий обобщающий итог реконструкции мифоритуального комплекса традиционных представлений хакасов о жилище, является исследование В. А. Бурнакова [40]. Проблемам историко-сравнительного реконструирования домостроительных традиций русского населения ХМК посвящены работы У. В. Светачевой [41; 42]. Несмотря на то, что работы У. В. Светачевой посвящены жилищам и обрядам поздних групп переселенцев ХМК, они содержат ценный материал для сравнительного анализа и открывают новое поле для возможностей изучения культурных взаимовлияний ранних и поздних историко-культурных групп населения в крае.

Значимым для нашего исследования является работа И. Л. Кызласова, в частности небольшой параграф [43, с. 41–47], посвященный развитию бревенчатого прямоугольного жилища *тура*. И. Л. Кызласов, говоря о бытовании *тура* у хакасов и в целом у народов Саяно-Алтая, существование срубной техники строительства относит к дорусскому периоду истории ХМК и, более того, время появления её уводит к дотюркскому времени. Мысли автора отличаются новизной, они свободны от общепринятой мысли заимствования хакасами от русских срубной техники строительства, которой придерживалась, например, Ю. А. Шиббаева. Однако, исследование генезиса ряда жилищ, например *тура*, на наш взгляд, вряд ли можно считать законченным. Неоднозначной стороной другой работы И. Л. Кызласова является рассмотрение развития ряда традиционных жилищ хакасов (*тура*, *иб*, *алачих*) с позиции народной классификации, существующей у народов Саяно-Алтая, с приложением к археологическим данным, а не к использованию классической систематики жилищ,

разработанных А. А. Поповым (1961) и З. П. Соколовой (1998) [44].

Проблемам генезиса и развития ряда домостроительных традиций у чалдонов ХМК, этнокультурному взаимодействию в области материальных культур народов ХМК в XVIII–XX вв. посвящены исследования автора данной статьи [45–47]. В этих исследованиях автор выражает мысль, что строительная культура коренного населения в большей степени оказалась подвержена трансформациям и изменениям под влиянием культуры пришлого населения края. Также в работах рассматриваются проблемы генезиса ряда автохтонных жилищ коренного этноса.

Необходимо отметить ряд работ, которые имеют хоть и не прямое, но близкое отношение к заявленной теме исследования, это работы по родственным хакасам тюркским народам Сибири: шорцам, тувинцам и якутам [48–50]. Данные работы позволяют выявить общие тенденции и закономерности и провести возможные аналогии развития традиционных жилищ номадов Евразии.

Таким образом, в постсоветский период был обобщен весь предшествующий материал и были сделаны попытки систематизации известных типов жилищ хакасов, дана их характеристика и рассмотрены основные этапы развития. Однако остались недостаточно изученными некоторые вопросы генезиса отдельных типов жилищ [51], как коренного, так и пришлого населения ХМК. До сих пор отсутствуют комплексные работы, прослеживающие все этапы, степень и характер взаимокультурного взаимодействия в усадебно-жилищной культуре указанных групп населения. В этнографической науке отсутствует общепринятая точка зрения относительно применения классификаций жилищ народов Сибири к жилищам хакасов, исходя из их конструкции и характера использования. Отсутствует также разработанная терминологическая классификация жилищ и в целом усадебно-жилищного комплекса народов ХМК.

К числу важных неопубликованных источников относятся архивные и полевые материалы автора. Архивные материалы представлены документами архивов Русского Географического общества (АРГО). Материалы АРГО представлены документами середины XIX в.⁶ Они представляют собой историко-культурно-бытовые описания образа жизни и быта русского старожильского населения Тесинской и Шушенской волости Минусинского округа Енисейской губернии. Материал этих документов представляет ответы администрации волостей на вопросник РГО. В структурном плане Сведения представляют

⁵ Б. Е. Андюсев результаты своих исследований приводит также на сайте: Сибирское краеведение. Режим доступа: <http://andusev.narod.ru/> (дата обращения: 14.05.2019).

⁶ Сведения этнографические о Тесинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии // АРГО. 1847 г. Р. 57. Оп. 1. № 3. 54 л.; Сведения этнографические о Шушенской волости Минусинского уезда Енисейской губернии (без начала, без даты) // АРГО. Р. 57. Оп. 1. № 2. 60 л.

собой микрокомплексы, структурированные в три раздела – географический, этнографический и статистический. Интересующими нас являются сведения этнографические, которые содержат указания на ряд бытующих в народной среде компонентов материальной культуры. В информационном плане они представляют сведения об особенностях планировки крестьянских поселений и некоторых аспектах домостроительных традиций, моральных устоях крестьян, сведениям о крестьянской свадьбе. Определенные статистические сведения о числе юрт у койбалов (родоплеменная группа хакасов) содержит документ «Сведения о числе душ, юрт Кайбальской Степной Думы»⁷. При всей своей фактической ценности вышеперечисленные архивные материалы имеют лишь вспомогательное значение.

К наиболее значимым источникам по исследуемой проблеме можно отнести полевые материалы, собранные в период 1996–2018 гг. и нашедшие свое использование в большей части научных работ автора. Методика сбора полевого материала проводилась с учётом охвата районов ХМК, которые исторически были местами расселения русского старожильческого населения края. Материалы собирались среди потомков русских первооткрывателей районов и среди коренного населения края. Особое внимание отводилось опросам и интервью, также использовался прием непосредственного наблюдения, позволяющий определить особенности расселения, местоположения

населенных пунктов, особенности конструкций жилищ и их планиграфической структуры. Для наибольшей достоверности полученные от информантов данные перепроверялись способом перекрестного опроса.

Заключение

Все перечисленные источники и работы теоретического характера при разной степени информативности обеспечивают исследование сложных процессов генезиса и развития жилищ в XVIII–XX вв. в процессе взаимокультурного взаимодействия народов ХМК. В целом анализ состояния историографии проблемы показал, что изучение жилищ народов ХМК в XVIII–XXI вв. отчасти стало предметом исследований ряда ученых, но комплексные обобщающие исследования по проблемам истории развития жилищ народов ХМК до сих пор отсутствуют.

Таким образом, как показывает историографический обзор, вначале учеными-путешественниками в составе экспедиций и отдельными исследователями, а в последующее время уже профессиональными историками, этнографами проделана значительная работа по исследованию различных аспектов истории генезиса традиционных жилищ народов субрегиона. Совокупность всех типов источников позволяет проанализировать основные тенденции и этапы развития основных типов жилищ у исследуемых групп населения ХМК и выявить их особенности.

Литература

1. Прищепа Е. В. Жилища населения Хакасско-Минусинского края в традиционной системе жизнеобеспечения XVIII–XX вв. (на примере хакасов и русских старожил). Абакан: Бригантина, 2018. 180 с.
2. Прищепа Е. В. История и традиционная культура русских старожил Хакасско-Минусинского края. Красноярск, 2012. 168 с.
3. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: ИАН, 1788. Ч. III. 624 с.
4. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. II. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб.: Имперская АН, 1799. 246 с.
5. Пейзын Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии (из путевого журнала 1857 года) // Живая старина. 1903. Вып. 3. С. 297–357.
6. Щукин Н. Минусинский округ // ЖМВД. 1856. Ч. 18. Кн. 5. С. 1–26; Кн. 6. С. 27–58.
7. Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. II. СПб.: Типография К. Вингебера, 1835. 139, [3], XIV с.
8. Костров Н. Кизильские татары. Казань, 1853. 36 с.
9. Костров Н. Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 26. С. 154.
10. Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. Т. 1. С. 208–248.
11. Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1897. 104 с.

⁷ Национальный архив Республики Хакасия. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

12. Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. 213 с.
13. Патачаков К. М. К вопросу о влиянии русской культуры на культуру и быт хакасов в XVIII–XIX вв. // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан: Типография изд-ва «Советская Хакасия», 1956. Вып. IV. С. 47–62.
14. Патачаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. 88 с.
15. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Хакаское областное гос. изд-во, 1952. 220 с.
16. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 1957. 308 с.
17. Прищепа Е. В. К вопросу о генезисе жилища «тура» у хакасов // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 90–98. DOI: 10.17223/15617793/433/12
18. Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Русского Севера. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.
19. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк / отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарёва. М.: Наука, 1973. 190 с.
20. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. / отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1981. 267 с.
21. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 1996. 224 с.
22. Бутанаев В. Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан: Журналист, 2014. 316 с.
23. Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Государственное изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1953. 288 с.
24. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.: АН СССР, 1961. С. 131–225.
25. Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 304 с.
26. Липинская В. А. Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969. С. 9–76.
27. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 192 с.
28. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, Сибир. отд., 1981. 248 с.
29. Бардина П. Е. Обживание нового дома у русского населения Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири / под ред. М. С. Усмановой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. С. 8–15.
30. Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ТриЛ, 1998. 284 с.
31. Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). Вып. 1. М.: Логос, 2001. 184 с.
32. Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX – начало XX вв.). Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. 228 с.
33. Верник А. А. Приметы и поверья, связанные с жилищем, у русских старожилов Хакасско-Минусинского края // Актуальные проблемы подготовки специалиста в ВУЗе: мат-лы III республиканских Катановских чтений. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. С. 35–36.
34. Курилов В. Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 29 с.
35. Леонтьев Е. В., Шестаков А. Н. Усадьба и жилище русских старожилов юга Приенисейского края в первой половине XIX в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов III регион. молодеж. науч. конф. / отв. ред. Р. Е. Романов. Новосибирск, 2009. С. 91–96.
36. Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: Проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.
37. Майничева А. Ю., Глухих Е. И., Рыговский Д. С. Полевые исследования жилищного комплекса как одного из частей культуры жизнеобеспечения русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 22–23 апреля 2015 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 131–134.
38. Евменова Л. Н. Культура русских переселенцев Приенисейского края. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2008. 232 с.
39. Андюсов Б. Е. Сибирское краеведение: Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. 336 с.

40. Бурнаков В. А. Жилище в традиционных верованиях и обрядности хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 7. С. 308–322.
41. Светачева У. В. Традиции домостроения южнорусских переселенцев (экспедиция минусинского музея им. Н. М. Мартыанова) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 54–57.
42. Светачева У. В. Домостроительные традиции русского населения Минусинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 2. С. 77–82.
43. Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
44. Кызласов И. Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.-Самара: Офорт, 2005. 96 с.
45. Прищепа Е. В. Взаимовлияние хакасской и русской старожильской культур Хакасско-Минусинского края // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 1. С. 46–56.
46. Прищепа Е. В. Взаимовлияние в материальных культурах народов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX вв. // Научное обозрение Саяно-Алтая. История. 2017. № 4. С. 93–98.
47. Прищепа Е. В. Сопоставление изображений жилищ Боярских писаниц с особенностями традиционных жилищ и образом жизни населения Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX веках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 3. С. 108–116.
48. Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.
49. Данилова Н. К. Традиционное жилище народа саха: Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск: Гео, 2011. 122 с.
50. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
51. Кыржинаков А. А. Промысловый быт и жилища хакасов // Сборник материалов II межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Л. Р. Кызласову. (Абакан, 25–26 октября 2012 г.) Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2013. С. 185–191.

The Historiography and the Sources on the Development of the Dwellings of the Khakass and Russian Long-Term Residents of the Khakass-Minusinsk Region in XVIII–XXI Centuries

Yevgeny V. Prishchepa^a, @, ID

^a Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 23, Shchetinkin St., Abakan, Russia, 655017

@ pri-evg@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0344-3179>

Received 15.05.2019. Accepted 30.07.2019.

Abstract: The paper features the historiography and scientific sources on the traditional housing development of Khakass and Russian long-term residents of the Khakass-Minusinsk region in XVIII–XXI centuries. The research analyzed and summarized the pre-revolutionary, Soviet, and Post-Soviet material on the research topic. The analysis revealed that the traditional housing development of the Khakass-Minusinsk residents remains understudied. Scientists made certain attempts to generalize the available material and systematize, characterize, and chronologically organize the known types of Khakass dwellings. However, some issues on the genesis of the certain types of dwellings of both indigenous and foreign population of the Khakass-Minusinsk region still remain understudied. There are no comprehensive works that trace all the stages, levels, and nature of multicultural interaction in the manor-housing culture of these groups of population. Ethnographers still have no generally accepted point of view whether the Siberian classifications can be applied to the Khakass dwellings. The scientific sources, however chaotic, make it possible to trace the development of the dwellings in the Khakass-Minusinsk region and provide the research of the complicated processes of the housing genesis in the XVIII–XXI centuries during cultural interaction.

Keywords: housing study history, genesis of dwellings, indigenous dwellings, material culture, Southern Siberia, Khakass natives, Russian long-term residents

For citation: Prishchepa Ye. V. The Historiography and the Sources on the Development of the Dwellings of the Khakass and Russian Long-Term Residents of the Khakass-Minusinsk Region in XVIII–XXI Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 635–643. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-635-643>

References

1. Prishchepa Ye. V. *Housing of the population of Khakass-Minusinsk region in the traditional system of life support of XVIII–XX centuries (the case of Khakass and Russian long-term residents)*, ed. Tuguzhekova V. N. Abakan: Brigantina, 2018, 180. (In Russ.)
2. Prishchepa Ye. V. *History and traditional culture of Russian long-term residents of Khakass-Minusinsk region*. Krasnoyarsk, 2012, 168. (In Russ.)
3. Pallas P. S. *Travel to different provinces of the Russian state*. Saint-Petersburg, IAN, 1788, Part III, 624. (In Russ.)
4. Georgi I. G. *Description of all the peoples living in the Russian state, as well as their everyday rites, faiths, customs, dwellings, clothes and other peculiarities. Part II. About the people of Tatar origin and other Northern Siberian tribes of origin yet to be identified*. Saint-Petersburg: Imperskaia AN, 1799, 246. (In Russ.)
5. Peizyn G. Ethnographic essays of Minusinsk and Kansk districts of the Yenisei province (from the travel journal of 1857). *Zhivaia starina*, 1903, iss. 3, 297–357. (In Russ.)
6. Shchukin N. Minusinsk district. *ZHMVD*, 1856: 18(5): 1–26; (6): 27–58. (In Russ.)
7. Stepanov A. P. *Yenisei province*. Saint-Petersburg: Tipografia K. Vingebera, 1835, part II, 139, [3], XIV. (In Russ.)
8. Kostrov N. *Kizilsky Tatars*. Kazan', 1853, 36. (In Russ.)
9. Kostrov N. Notes for Minusinsk foreigners and inhabited areas. *Eniseiskie gubernskie vedomosti*, 1859, (26): 154. (In Russ.)
10. Kostrov N. A. Essays on the life of the Minusinsk Tatars. *Transactions of the Fourth Archaeological Congress in Russia, which was in Kazan from July 31 to August 18, 1877*. Kazan: Tipografia Imperatorskogo Universiteta, 1884, Vol. 1, 208–248. (In Russ.)
11. Katanov N. F. *Report on the trip made from May 15 to September 1, 1896, in Minusinsk district of Yenisei province*. Kazan: Tipo-litografia Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1897, 104. (In Russ.)
12. Kuznetsova A. A. *Dwellings, clothes and food of Minusinsk and Achinsk foreigners*. Krasnoyarsk: Tipografia Eniseiskogo gubernskogo upravleniia, 1898, 213. (In Russ.)
13. Patachakov K. M. The effect of Russian culture on the culture and life of the Khakass in the XVIII–XIX centuries. *Zapiski HakNIYALI*, 1956, iss. IV, 47–62 (In Russ.)
14. Patachakov K. M. *Essays on material culture of the Khakass people*. Abakan: Hakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izd-va, 1982, 88. (In Russ.)
15. Potapov L. P. *Brief essays on the history and ethnography of the Khakass (XVII–XIX centuries)*. Abakan: Hakasskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1952, 220. (In Russ.)
16. Potapov L. P. *Origin and formation of the Khakass nation*. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izd-vo, 1957, 308. (In Russ.)
17. Prishchepa Ye. V. On the genesis of the Khakass dwelling "tura". *Tomsk State University Journal*, 2018, (433): 90–98. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/433/12
18. Makoveckii I. V. *Monuments of folk architecture of the Russian North*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955, 184. (In Russ.)
19. *Russian old-timers of Siberia: Historical and anthropological essay*, eds. Bunak V. V., Zolotariova I. M. Moscow: Nauka, 1973, 190. (In Russ.)
20. *Ethnography of Russian peasants of Siberia in the XVII – mid XIX centuries*, ed. Aleksandrov V. A. Moscow: Nauka, 1981, 267. (In Russ.)
21. Butanaev V. Ia. *Traditional culture and lifestyle of the Khakass*. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izd-vo, 1996, 224. (In Russ.)
22. Butanaev V. Ia. *Weekdays and holidays of the Turks in Khongorai*. Abakan: Zhurnalist, 2014, 316. (In Russ.)
23. Ashchepkov E. A. *Russian folk architecture in Eastern Siberia*. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo lit-ry po stroitel'stvu i arhitekture, 1953, 288. (In Russ.)
24. Popov A. A. *Dwelling. Historical and ethnographic Atlas of Siberia*. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1961, 131–225 (In Russ.)
25. Aleksandrov V. A. *Russian population of Siberia in XVII – early XVIII century. (Yenisei region)*. Moscow: Nauka, 1964, 304. (In Russ.)
26. Lipinskaia V. A. Settlements, housing and clothing of the Russian population of the Altai territory. *Ethnography of the Russian population of Siberia and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1969, 9–76. (In Russ.)

27. Baiburin A. K. *Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs*. Leningrad: Nauka, 1983, 192. (In Russ.)
28. Bykonja G. F. *Russian settlement of the Yenisei region in the XVIII century*. Novosibirsk: Nauka, Sibir. otd., 1981, 248. (In Russ.)
29. Bardina P. E. *Settling in a new home among the Russian population of the Middle Ob. Dwellings of the peoples of Western Siberia*, ed. Usmanova M. S. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1991, 8–15. (In Russ.)
30. Sokolova Z. P. *Dwellings of the peoples of Siberia (typology experience)*. Moscow: TriL, 1998, 284. (In Russ.)
31. Shelegina O. N. *Adaptation of the Russian population in the conditions of development of the territory of Siberia (Historical and ethnographic aspects. XVII–XX centuries)*. Moscow: Logos, 2001, iss. 1, 184. (In Russ.)
32. Vernik A. A. *Traditional culture of Russian long-term residents of Khakass-Minusinsk region (second half of XIX – early of XX centuries)*. Krasnoyarsk: Sibirskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2005, 228. (In Russ.)
33. Vernik A. A. Omens and superstitions associated with the housing, the Russian veterans of the Khakass-Minusinsk region. *Actual Problems of Training of Specialists at the University: Proc. 3rd Republican Katanov readings*. Abakan, 1996, 35–36. (In Russ.)
34. Kurilov V. N. *Russian subethnos of Western Siberia in the mid- XIX century: settlement and toponymy*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2002, 29. (In Russ.)
35. Leont'ev E. V., Shestakov A. N. Manor and home of Russian old-timers of the South of the Yenisei region in the first half of the XIX century. *Historical studies in Siberia: problems and prospects: Proc. 3rd Reg. youth Sci. Conf.* Novosibirsk, 2009, 91–96. (In Russ.)
36. Mainicheva A. Iu. *Architectural traditions of the peasantry living in the northern part of the upper Ob region: problems of evolution and contacts (mid-XIX – early XX century)*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2002, 144. (In Russ.)
37. Mainicheva A. Iu., Glukhih E. I., Rygovskii D. S. Field studies of the housing complex as one of the parts of the culture of life support of Russian long-term residents of the Khakass-Minusinsk basin. *Field studies in Priirtyshye, Upper Ob and Altai: Proc. X Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, April 22–23, 2015. Barnaul: AltGPU, 2015, 131–134. (In Russ.)
38. Evmenova L. N. *Culture of Russian immigrants of the Yenisei region*. 2nd ed. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi un-t, 2008, 232. (In Russ.)
39. Andusev B. E. *Siberian regional studies: Agriculture, everyday life, traditions and culture of the long-time residents of Yenisei province of the XIX – early XX centuries*. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2003, 336. (In Russ.)
40. Burnakov V. A. Dwelling in traditional beliefs and ceremonialism of Khakases. *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya*, 2011, 10(7): 308–322. (In Russ.)
41. Svetacheva U. V. South Russian traditions of house construction (on the results of the Martyanov musum expedition in 2015). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, 23(2): 54–57. (In Russ.)
42. Svetacheva U. V. Housebuilding traditions of Russian population in Minusinsk district in the second half of XIX – early XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, 24(2): 77–82. (In Russ.)
43. Kyzlasov I. L. *Altaistics and archaeology*. Moscow: In-t tiurkologii, 2011, 256. (In Russ.)
44. Kyzlasov I. L. *Patorski home. The examination of the Sayano-Altai antiquities*. Moscow-Samara: Ofort, 2005, 96. (In Russ.)
45. Prishchepa Ye. V. Mutual influences in the cultures of the Khakas and Russian longtimers of the Khakas-Minusinsk region. *Vestnik BNC SO RAN*, 2016, (1): 46–56. (In Russ.)
46. Prishchepa Ye. V. Interaction in Tangible Cultures of the Peoples of the Khakass-Minusinsk Region in the XVIII – XX Centuries. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai. Istorii*, 2017, (4): 93–98. (In Russ.)
47. Prishchepa Ye. V. Comparison of dwellings depicted in boyar petroglyphs with traditional dwellings of the Khakass-Minusinsk region locals and their way of life in XVIII–XX centuries. *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya* 2017, 16(3): 108–116. (In Russ.)
48. Kimeev V. M., Kopytov A. I. *Mountain Shoria: history and modernity. Historical and ethnographic essays*. Kemerovo: Primula, 2018, 600. (In Russ.)
49. Danilova N. K. *Traditional dwelling of the Sakha people: Space. House. Ritual*. Novosibirsk: Geo, 2011, 122. (In Russ.)
50. Vainshtein S. I. *World of the nomads of Central Asia*. Moscow: Nauka, 1991, 296. (In Russ.)
51. Kyrzhinakov A. A. Fishing life and Khakass dwellings. *Collection of materials of the II interregional study of local lore devoted to L.R. Kyzlasov*, Abakan, October 25–26, 2012. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo, 2013, 185–191. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 902/904

Перспективы поиска объектов горного дела древности на севере Кузнецкого Алатау*

Анна С. Савельева^{a, @, ID}^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр. Советский, 18[@] antverpen@mail.ru^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>

Поступила в редакцию 28.03.2019. Принята к печати 05.07.2019.

Аннотация: Северные предгорья Кузнецкого Алатау рассматриваются в качестве меднорудной базы тагарской культуры. Приведены собранные по опубликованным источникам данные о рудопроявлениях и пунктах минерализации меди в бассейне р. Кии и прилегающих районах Кузнецкого Алатау. Посредством картографирования установлена приуроченность Кожуховской тектонической зоны и Центрально-Мартайгинской структурно-формационной зоны к археологическим местонахождениям тагарской культуры. Произведен учет поселений со следами бронзолитейного производства (медно-бронзовые изделия, орудия для дробления руды, шлак), датированных тагарским и переходным тагаро-таштыкским временем, известных на территории Кемеровской области. Характер этих памятников позволяет говорить о локализации производственных процессов цветной металлургии на некоторых укрепленных и долговременных поселениях. В результате сравнения геохимических примесей в металле медных изделий из памятников Кия-Чулымского междуречья выявлены отличия рудного происхождения меди развитого этапа тагарской культуры и переходного тагаро-таштыкского периода. Отличия объясняются различной пространственной приуроченностью памятников к пунктам медной минерализации северо-западных, северных и северо-восточных предгорий Кузнецкого Алатау. Получен вывод о перспективности поисков археологических памятников горного дела в бассейне р. Кия, по ее левым притокам – рекам Кожух и Кундат.

Ключевые слова: Кия-Чулымское междуречье, тагарская культура, поселения, металлургия, медные руды, атомно-эмиссионная спектроскопия

Для цитирования: Савельева А. С. Перспективы поиска объектов горного дела древности на севере Кузнецкого Алатау // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 644–653. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-644-653>

Введение

В пределах степной и лесостепной зон бассейнов рек Кия, Чулым и Енисей распространены памятники тагарской культуры и переходного тагаро-таштыкского периода. Западным районом меднорудной базы цветной металлургии их носителей выступал Кузнецкий Алатау. В этой связи интерес представляет ареал Кия-Чулымского междуречья – северо-западная периферия тагарской культуры, где широко известны курганные могильники с большим количеством медно-бронзового инвентаря в погребениях. В статье рассматриваются перспективы поиска древних объектов горного дела в северных предгорьях Кузнецкого Алатау.

Кузнецкий Алатау является одной из составляющих морфоструктуры Алтае-Саянской металлогенической горной области. Северная половина кряжа орошается системой левых притоков р. Чулым. Геологические изыскания ведутся здесь со времени обнаружения золотоносных россыпей в бассейне р. Кии в 1829 г. [1]. Традиционно немалый интерес представляет Кузнецкий Алатау и в отношении меденосности [2].

Археологического обследования северных отрогов кряжа на предмет обнаружения древних копей не производилось. В исследованиях металлургии тагарской культуры северной лесостепи этот недостаток восполняется по геологическим данным. В соответствии с ними в северных и западных

Медные руды в северных предгорьях Кузнецкого Алатау

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 0352-2019-0006 ЕГИСУ АААА-А17-117041410051-7, проект XII.186. Социокультурное пространство в лесостепи Западной Сибири (ранний и поздний голоцен).

предгорьях Кузнецкого Алатау известны следующие пункты медных рудопроявлений и минерализации (рис.¹).

1. Проявления меди в районе нежилого пос. Владимирский², в бассейне р. Яя.
2. Самородная медь в системе р. Барзас (правый приток р. Яя) [3; 4].
3. Самородная медь в пределах россыпей Богородского золотого прииска по р. Конюхта³ [3].

4. Пункт медной минерализации в левом борту долины р. Белая Осипова в 1,5 км ниже устья р. Березовая⁴.

5. Литвиновское рудопроявление меди в 25 км от пос. Центральный⁵.

6. Рудопроявления меди в районе ручья Мишкин⁶ [5], в 30 км восточнее пос. Крапивинский.

7. Медные рудопроявления (малахит, азурит, халькопирит, халькозин) в бассейне р. Кучуманда (правый приток р. Тайдон) [5].

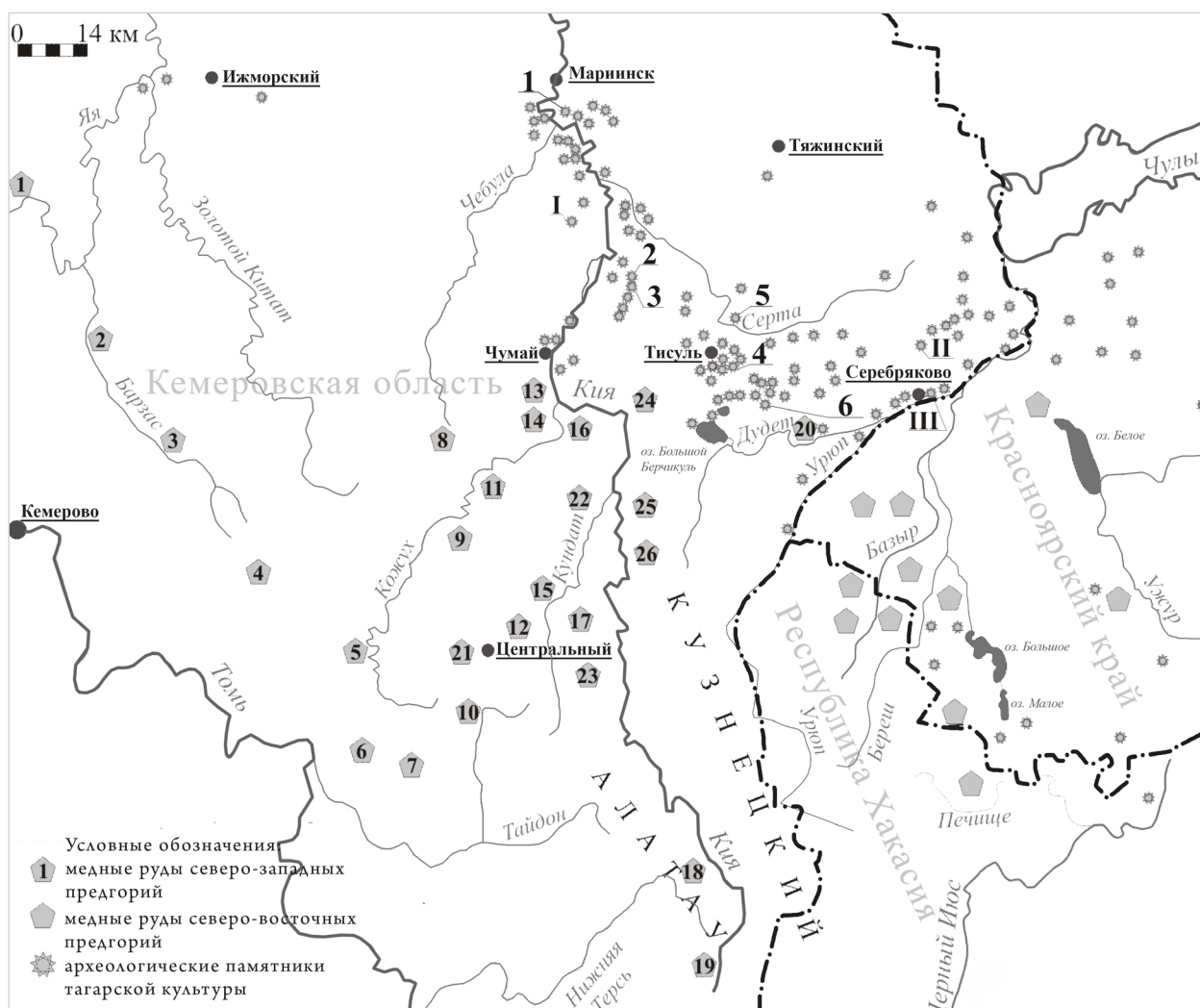

Рис. Медные руды и памятники тагарской культуры в северных предгорьях Кузнецкого Алатау

Fig. Copper ore deposits and Tagar sites in the northern foothills of the Kuznetsky Alatau

¹ Порядковый номер в тексте соответствует номеру на рисунке.

² Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1000000 (третье поколение). Серия Алтае-Саянская. Лист N-45-Новокузнецк. Объяснительная записка. СПб.: Картофабрика ВСЕГЕИ, 2007. 665 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Объекты учета Государственного кадастра месторождений и проявлений полезных ископаемых. Режим доступа: <http://www.rfgf.ru/gkm/itemview.php?id=18776> (дата обращения: 23.06.2016).

⁶ Государственная геологическая карта ...

8. Проявления самородной меди пос. Шадровка [5].
9. Медные рудопрооявления на участке «Красный камень» (халькопирит, халькозин, куприт, малахит, азурит)⁷ [3–5].
10. Пункт медной минерализации в правом борту р. Тайдон, в 2 км ниже устья р. Бурлевка⁸.
11. Проявления меди при впадении рек Богутуюл и Кожух⁹ [6].
12. Самородная медь в 2 км выше устья ручья Цветковского по р. Медянка [4].
13. Проявления меди участка «Усек»¹⁰.
14. Проявления халькопирита в бассейне нижнего течения р. Большой Кожух и ее притоков – рек Большой и Малый Кайгадат, Кургунуюл [3–5].
15. Признаки медных руд по Медянке, впадающей в р. Кундат (левый приток Кии) [4; 5].
16. Признаки медных руд в 9,6 км (9 верстах) выше по течению Кии от села Чумайского, на водоразделе рек Кии и Кожуха, выше устья р. Кожух в 1,6 км (750 саженях) [3].
17. Проявления халькопирита в правобережье р. Кундат [5].
18. Проявления халькопирита на горе Большая Церковная [5].
19. Признаки медных руд в 65 м (30 саженях) к северу от истока Кии [3; 4].
20. Малахит на левом берегу р. Дудет (левый приток р. Урюп) у деревни Тамбар [6].

О минералах меди позволяют судить и результаты широких исследований месторождений золота: блеклые руды выявлены в составе жил золото-кварцевого оруденения месторождения Центральное (21¹¹) [5]; халькопирит – в жилах месторождений Комсомольское (24), Старо-Берикульское (25)¹², Натальевское (22) [7; 5]; халькопирит и блеклые руды – в жилах месторождения Гавриловское (26) [5], а также в пределах Кундатской группы месторождений золота (23) [7].

Таким образом, в северных предгорьях Кузнецкого Алатау известны более двух десятков рудопрооявлений меди, представленные ее самородными, окисленными и сульфидными разновидностями, приуроченными по геологической терминологии к Центрально-Мартайгинской структурно-формационной и Кожуховской тектонической зонам [5]. Сведений о древних разработках этих руд не зафиксировано. На перспективность их поисков указывает наличие древних медных выработок в северо-восточных и восточных предгорьях Кузнецкого Алатау, граничащих с Чулымо-Енисейской,

Сыдо-Ербинской и Южно-Минусинской котловинами. Часть из них известна по письменным источникам – медный рудник в окрестностях с. Ужур [8], выработки к западу от Большого озера в долине р. Парны [3]. Другие исследованы археологами – например, рудники Юлия, Улень, Темир, Сир [9; 10].

Аргументом может выступать и то, что к северу от Кузнецкого Алатау распространены археологические памятники, свидетельствующие о производственном освоении этой территории древним населением – могильники с сотнями медно-бронзовых изделий и поселения со следами бронзолитейного производства. О включенности этого района в освоение меди в древности справедливо говорить не только в контексте рассматриваемой тагарской эпохи, но и в отношении предшествующих исторических периодов. Так, территориально приурочены к Кожуховской тектонической зоне разновременные памятники западной периферии Кия-Чулымского междуречья, объединяющие как местонахождения в составе археологических микрорайонов, например Чумайского [11], так и отдельные многослойные объекты, например поселение Устье-Кожуха-1 со следами металлургического производства [12].

Характер же распространения памятников собственно тагарской культуры [13] позволяет заключить, что ближайшими к ним рудопрооявлениями меди являются пункты по р. Дудет и в нижнем течении р. Кожух. Очевидно, тагарцам рассматриваемого ареала были доступны также месторождения северо-восточных предгорий Кузнецкого Алатау – в бассейнах р. Береш (правый приток р. Урюп) и Базыр [3; 8].

Поселения со следами бронзолитейного производства

Ввиду отсутствия на севере Кузнецкого Алатау археологически зафиксированных горных выработок и медеплавильных велико значение такой категории памятников, как поселения с остатками бронзолитейного производства. Первые раскопки поселений тагарской культуры и переходного тагаро-таштыкского периода Кия-Чулымского междуречья были предприняты в 1970-е гг. (Утинское поселение, Шестаковское городище) [14]. Об истории исследований поселенческих памятников этой эпохи подробно см. [15; 16].

В настоящее время на севере Кузнецкого Алатау в пределах Кемеровской области известны более 50 поселений, датированных тагарским и тагаро-таштыкским переходным периодом (VI в. до н. э. – II в. н. э.): Арчекас I–III, V, VI, Большой Берчикуль II, IV, Баим, Кайчак I, II, Каштак,

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Здесь и далее указан номер на рисунке.

¹² Объекты учета Государственного кадастра...

Кондрашка, Константиновка I, II, Кубаево I–IV, Курск-Смоленка I, II, Малый Берчикуль I, Старый Урюп, Тамбар I, II, Тисуль I, II, IV, XII, XIII, Третьяково III, Усть-Серта, Усть-Чебула I–III, Утинка I, II, Цимлянское Озеро I, II, Чистое поле, Чумай IV, VIII, X, XI, Шестаково I–VI, XI, XIII–XV, XVII, XVIII, XX, Шумила [13; 17].

Несмотря на весьма внушительный перечень, на немногих из этих поселенческих памятников зафиксированы следы бронзолитейного производства. Описание таких поселений приводится далее¹³.

1. Арчекас I. Укрепленное поселение, известное как Мариинское городище с 1961 г., «когда сотрудниками Мариинского дома пионеров под руководством любителя-краеведа И. И. Баухника проведены небольшие работы» [18, с. 69]. В статье И. И. Баухника городище фигурирует как поселение № 1, обнаруженное на юго-западном склоне горы Арчекас, в 6 км от г. Мариинска, в районе «Медвежьей курьи» [19, с. 49]. В 1976 г. раскопки на поселении вел археологический отряд Южно-Сибирской экспедиции под руководством А. В. Циркина [18, с. 69]. Городище датировано II–I вв. до н. э. – III–IV вв. н. э. [18, с. 82].

На поселении найден фрагмент ручки бронзового ножа длиной 4 см со сквозным отверстием [18, с. 79, 80, рис. 5–8]. Соотнести городище Арчекас I с конкретным меднорудным источником затруднительно. Ближайшие месторождения меди сконцентрированы в бассейнах рек Кии и Кожуха, южнее с. Чумай, примерно в 50 км от горы Арчекас, что тем не менее не исключает возможности транспортировки к ней медного сырья вниз по течению р. Кия (рис.).

2. Шестаково I. Городище. Расположено «в 0,6 км юго-восточнее села на правой надпойменной террасе в 80 м севернее современного кладбища» [17, с. 96]. Открыто в 1971 г. А. И. Мартыновым, А. М. Кулемзиным и Г. С. Мартыновой¹⁴, по другим данным – А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным [17, с. 96; 15, с. 55; 20, с. 171]. Раскопки велись А. И. Мартыновым и М. Б. Абсалямовым с 1971 по 1979 гг. [20, с. 171]. Общая площадь раскопок составила 5 тыс. м² [15, с. 56]. Считается первым исследованным тагарско-таштыкским укрепленным городищем [17, с. 96]. Памятник датирован III в. до н. э. – I в. н. э.¹⁵ Другая дата памятника – III–I вв. до н. э. [15, с. 56].

На памятнике, в траншее № 1 (раскопки 1977 г.), обнаружены два фрагмента шлака¹⁶. Специализация шлаков (медь / железо) не приведена. На поселении встречены орудия горнорудного дела и металлургии [15, с. 101]; фрагмент верхней

части бронзового котла с толщиной стенки 3 мм и реконструируемым диаметром устья 30 см; бронзовая проколка с четырехгранным сечением рабочей части и отломанной шляпкой [15, с. 110, 111].

3. Шестаково II. Поселение. Расположено в 1 км на юго-восток от села Шестаково, в 200–400 м южнее поселения Шестаково I, на первой надпойменной террасе, за кладбищем [13, с. 124, 125; 17, с. 96;]. По другим данным кладбище занимает северную часть поселения [15, с. 25]. Зафиксировано А. М. Кулемзиным в 1974 г. [13, с. 124, 125; 17, с. 96; 20, с. 171], по другим данным – в 1971 г. А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным [15, с. 24]. Разведочные раскопки и сбор подъемного материала были предприняты в 1977 г. Площадь памятника предварительно определена в 5–6 тыс. м² [21, с. 158]. С поселения собрано около 1500 фрагментов керамических сосудов, крупные обломки зернотерок, каменные песты, фрагменты глиняных пирамидок. Поселение датировано второй половиной III в. до н. э. – II в. до н. э. [15, с. 25, 26].

На памятнике встречены орудия горнорудного дела и металлургии. Так, при сборе подъемного материала был найден каменный пест для дробления руды – из удлиненной круглой в сечении гальки с тщательно выделанной и отшлифованной ручкой, с сильно выщербленной ударной частью. Также найден фрагмент бронзового изделия – «по форме напоминающий сработанную часть черешкового ножа... Однако ромбическое в сечении обоюдоострое лезвие сближает эту находку с кинжалом, ручка которого, видимо, была сделана из какого-либо другого материала» [15, с. 103, 111].

В ходе работ на поселении Шестаково II в 2018 г. (раскопки П. В. Германа) в числе подъемного материала обнаружены фрагмент внешней поверхности глиняного конуса (или литейной формы?); глиняный круглый в сечении сердечник с ободком у основания (литейная шишка?), два фрагмента глиняной обмазки стенки печи с металлической ошлаковкой. В шурфах найдены семь фрагментов глиняных конусов (или литейных форм?), два фрагмента металлического шлака. Вблизи памятника был найден втульчатый, трехлопастной бронзовый наконечник стрелы.

Следует подчеркнуть, что назначение «глиняных конусов», или пирамидок, достоверно не установлено, однако подобные находки с поселений Красноярского края получили трактовку как «формы конусовидные для литейного производства»¹⁷.

¹³ Нумерация соответствует номерам памятников на рисунке.

¹⁴ Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КеМГУ (НА КМАЭЭ КеМГУ). Д. 529. 1977 г.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НА КМАЭЭ КеМГУ. Д. 542. 1977 г.; НА КМАЭЭ КеМГУ. Д. 569. 1980 г.

¹⁷ Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КеМГУ. Кемерово: СКИФ: Кузбасс, 2008. Вып. 3. С. 50.

Ближайшие к Шестаковскому городищу и поселению Шестаково II месторождения медных руд – участки «Усек», Краснокаменский, в водоразделе рек Кия и Кожух – расположены примерно в 30 км вверх по течению р. Кия (рис.).

4. Утинское. Поселение. Расположено на юго-западном берегу оз. Утинка [15, с. 22]. Открыто в 1969 г. А. М. Кулемзиным. В 1970 г. А. И. Мартыновым были выявлены очертания пяти наземных жилищ, собрана керамическая коллекция. Позже раскопки велись в 1971/1972(?)–1975 гг. под руководством А. В. Циркина. Площадь памятника определена более чем в 3,5 тыс. м², собрана большая коллекция керамики, костного материала, различных хозяйственно-бытовых предметов, получены данные о планировке и конструкции 20 жилищ [22, с. 74–76]. Всего на поселении обнаружено почти 5 тыс. предметов [22, с. 82, 83]. Это один из немногих памятников, общая раскопанная площадь которого составляет около 2000 м² [15, с. 22, 23]. Поселение датировано I в. до н. э. – IV в. н. э. [22, с. 96].

На памятнике найден трехгранный наконечник стрелы треугольной формы, датированный А. В. Циркиным II–I вв. до н. э. [22, с. 90, рис. 11–I, с. 96], А. И. Мартыновым и М. Б. Абсалямовым – началом тагарской эпохи [15, с. 23, 110].

Ближайшее к поселению Утинка месторождение медных руд – рудопоявление по р. Дудет – в 20 км (рис.).

5. Третьяково I. Поселение. Расположено на правом берегу р. Серты (правый приток р. Кии) у северной окраины с. Третьяково. Открыто в 1971 г. А. М. Кулемзиным и А. И. Мартыновым. Раскопки кафедрой археологии Кемеровского государственного университета велись с 1972 г. [15, с. 19].

С поселения происходят многочисленные глиняные пирамидки четырехгранной и конической форм, а также бронзовый однодырчатый нож [15, с. 20, 21].

Третьяковское поселение удалено от рудопоявления по р. Дудет примерно на 30 км.

6. Шумилка. Поселение. Расположено в 100–120 м от северо-восточного берега оз. Шумилка. Открыто в 1976 г. А. М. Кулемзиным и М. Б. Абсалямовым [15, с. 24].

С поселения происходит медно-бронзовый котел [13, с. 140; 15, с. 24, 109]. По данным элементного состава котел отлит из мышьяковой меди (концентрации мышьяка не превышают 1,26 %) с повышенным содержанием железа (до 1,18 %) [23, с. 112].

Ближайшее к поселению Шумилка месторождение – рудопоявление меди по р. Дудет – в 10 км.

В связи с рассматриваемым историко-металлургическим направлением интересны некоторые историографические аспекты поселенческой тематики в исследованиях тагарской культуры.

Первый из них – дискуссионность сходства или различия категорий инвентаря тагарских поселений и могильников. По М. Б. Абсалямову, поселенческие материалы значительно отличаются по составу от погребальных [24, с. 59, 60]. На это указывается и другими исследователями, по мнению которых, например, только из числа каменных орудий с поселений можно выделить предметы, связанные с металлургией – песты для дробления руды [25, с. 161]. Тех же взглядов придерживается в ряде работ А. И. Мартынов: «в ходе исследования тагарских поселений был получен материал далеко не идентичный погребальным комплексам: более разнообразная керамика, поделки из камня, кости, фрагменты зернотерок и многое другое» [26, с. 40].

Иная позиция обозначена Г. С. Мартыновой: «многие поселения составляют единое целое с рядом расположенными могильниками. Это в основном однослойные поселения, инвентарь которых типологически однороден и близок к инвентарю могильников» [27, с. 61]. Авторы монографии 1988 г. о тагарских поселениях также отмечали ряд общих признаков в керамике Утинских поселения и курганов, что «позволяет предположить, что и в могиле оставалась обычная посуда, употреблявшаяся в быту. Подобное мы наблюдаем в керамике Шестаковского комплекса» [15, с. 23].

Второй момент связан с хозяйственной специализацией – была ли она присуща поселению в целом или же отдельной группе его жителей? А. И. Мартынов, обосновывая компонент родовой общины как основы тагарского древнего общества, полагал, что она «занимала естественно-географическую котловину, имела небольшой поселок, летник для скота, ... возделываемые поля, уголья; вела первобытное производящее хозяйство, основанное на коллективном земледелии и скотоводстве. Жители такой общины занимались рудодобычей, металлургией, гончарным производством, изготовлением тканей, кож, одежды, общественными работами: охотой, собирательством, строительным делом» [28, с. 16, 17], из чего можно допускать комплексный характер хозяйствования на поселении и специализацию на рудной добыче и металлургии какой-то части жителей тагарского поселка.

В более поздних работах А. И. Мартыновым указывалось на наличие отдельных поселений, связанных с добычей руды, которые носили временный сезонный характер [26, с. 39, 40]. В типологии А. И. Мартынова и М. Б. Абсалямова поселения тагарского и тесинского времени Хакасско-Минусинской котловины и Ачинско-Мариинской лесостепной зоны делятся на группы, в числе которых – временные поселения / стоянки / летники рудодобытчиков / рудокопов / плавильщиков, для которых характерно фактическое отсутствие культурного слоя и малое количество археологического материала [15, с. 15, 61, 63]. Исследователями памятники такого рода к северу от Кузнецкого Алатау не зафиксированы.

Немногочисленность изученных специалистами поселенческих материалов, происходящих с территории Кемеровской области, не позволяет пока внести окончательную ясность в обозначенные вопросы, однако их можно считать перспективными для решения с привлечением данных по всему ареалу тагарской культуры. На данный момент следует заключить, что по берегам рек Кия, Серта и Дудет известны городища (Мариинское, Шестаковское) и долговременные поселения (Шестаково II, Утинское, Третьяково I, Шумилка), датированные тагарским и переходным тагаро-таштыкским временем, в числе материалов с которых – предметы, изготовленные из бронзы (ножи, наконечники стрел, котлы, проколка), фрагменты металлургического шлака, каменное орудие для дробления руды, фрагменты литейных форм. Этот комплекс находок по меньшей мере позволяет предполагать вовлеченность укрепленных и долговременных поселений северо-западной периферии тагарской культуры в производственную цепочку металлургии бронзы.

Геохимические примеси к меди

При планировании поисков рудных выработок важны результаты исследований на предмет рудного происхождения археологического металла в памятниках перспективного района. В этой связи ценным источником являются данные элементного анализа медно-бронзовых изделий из памятников тагарской культуры Кия-Чулымского междуречья, полученные методом атомно-эмиссионной спектроскопии в Центре коллективного пользования Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН на атомно-эмиссионном спектрометре с индуктивно связанной плазмой *Thermo Scientific iCAP 6500 DUO LA* (аналитик – канд. хим. наук, науч. сотр. Р. П. Колмыков). Методика анализа опубликована аналитиком [29]. В свете изучаемой проблемы целесообразным представляется рассмотреть состав металла изделий, изготовленных из «чистой» меди. Отражая геохимическую специфику медной руды, такие находки характеризуют рудный источник, поскольку на их элементный состав не оказали воздействие стадии практиковавшихся в раннем железном веке вторичных переплавок бронзового и медного лома.

Учтены семь медных вещей из трех археологических памятников – кинжалы № 63/39 и № 63/26 (Алчедат I); полусферические бляшки № 25/125 и № 25/154 (Некрасово II); нож № 61/377 и зеркала № 61/405 и № 61/391 (Серебряково I). При этом одиночный курган Алчедат I (I на рисунке) располагался в 50 км к северу от ближайших рудопоявлений меди по р. Большой Кожух; могильник Некрасово II (II на рисунке) располагался в 23 км к востоку от рудопоявлений по р. Дудет и в 27 км к северу от Базырской группы месторождений; могильник Серебряково I (III на рисунке) располагался в 21 км восточнее от рудопоявлений по р. Дудет и в 25 км

к северу от Базырской группы. Расстояние между Некрасово II и Серебряково I составляет 8 км, от Серебряково I до Алчедат I – 85 км. Памятники исследованы А. И. Мартыновым в 1959–1972 гг., находки хранятся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Данные элементного состава металла находок из кургана Алчедат I, могильников Некрасово II и Серебряково I опубликованы [30–32]. Основываясь на них, была выявлена положительная взаимосвязь в таких парах компонентов, как мышьяк – сурьма (коэффициент корреляции 0,9), мышьяк – кобальт (коэффициент корреляции 0,8), железо – сера (коэффициент корреляции 0,8). Это позволяет исключить из числа вероятных рудных источников рудопоявления самородной меди и минералов из группы оксидов меди. Тагарские мастера Кия-Чулымского междуречья, по всей видимости, использовали медь из месторождений блеклых руд и минералы из группы сульфидов меди. Сходство меди из трех памятников фиксируется по концентрациям никеля, кобальта и золота. Однако алчедатская медь содержит наименьшие концентрации олова, мышьяка, висмута, цинка, золота, серебра, хрома и железа. Для меди из Серебряково I характерны наименьшие содержания сурьмы, наибольшие концентрации серебра. Металл из Некрасово II демонстрирует наибольшие содержания олова, мышьяка, золота, наименьшие – цинка. В целом медь, из которой были изготовлены предметы сопроводительного инвентаря захоронения в кургане Алчедат I, характеризуется наименьшими концентрациями примесных к меди составляющих.

С учетом датировок исследуемых вещей следует говорить о различиях традиций бронзолитейного производства по материалам памятника переходного тагаро-таштыкского периода (Алчедат I) по сравнению с данными по материалам из памятников предшествующей тагарской культуры (Серебряково I, Некрасово II), что может объясняться происхождением меди из разных рудных источников. В пользу этого свидетельствует также различная пространственная приуроченность памятников к пунктам медной минерализации северных предгорий Кузнецкого Алатау. При этом наибольшее родство демонстрирует синхронная медь из могильников Некрасово II и Серебряково I, близко расположенных не только относительно друг друга, но и относительно месторождений меди восточных предгорий Кузнецкого Алатау (в бассейнах рек Базыр, Береш, Печище). Алчедатские медные вещи имеют иное рудное происхождение, которое может быть обусловлено как периферийным, отдаленным расположением памятника, так и хронологически отличающейся металлургической традицией.

Заключение

Разные геохимические характеристики медных руд, фиксируемые по данным из погребальных памятников, приуроченных к северным предгорьям Кузнецкого Алатау, указывают на альтернативность рудных источников меди в тагарское и переходное тагаро-таштыкское время. Наряду с наличием в исследуемом районе месторождений меди, а также археологических свидетельств бронзолитейного

производства на поселениях, этот фактор существенно актуализирует поиски древних выработок на медь в северных предгорьях Кузнецкого Алатау. Учитывая приведенные геологические сведения о пунктах медной минерализации, наиболее перспективной для поисков объектов древнего горного дела представляется Мариинская тайга в бассейне р. Кия с ее левыми притоками – реками Кожух и Кундат.

Литература

1. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850 годы). Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 230 с.
2. Чураков А. Н. Кузнецкий Алатау: история его геологического развития и его геохимические эпохи. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 119 с.
3. Реутовский В. С. Полезные ископаемые Сибири. Основания для поисков и разведок рудных месторождений. Часть первая. Рудные месторождения. СПб.: Типо-Литография А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. 482 с.
4. Мартынов А. И., Богданова-Березовская И. В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири. 1966. Вып. 1. С. 66–103.
5. Кондаков А. Н., Возная А. А. Минеральные ресурсы недр Кемеровской области. Кн. 1. Металлические полезные ископаемые. Кемерово: КузГТУ; Инт, 2013. 290 с.
6. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период пятый (1918–1940). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944. Вып. IV. 239 с.
7. Воротников Б. А., Попова Л. М., Росляков Н. А., Рослякова Н. В., Цимбалист В. Г. Поведение золота и его спутников в полях золоторудных месторождений северной части Кузнецкого Алатау // Известия Томского Ордена Красного Знамени Политехнического института им. С. М. Кирова. 1968. Т. 134. С. 189–196.
8. Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб.: Б. и., 2013. 200 с.
9. Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. 174 с.
10. Сунчугашев Я. И. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1993. 112 с.
11. Баштанник С. В. Историко-культурный потенциал западной части Кийско-Чулымского междуречья // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 13–19.
12. Ковтун И. В., Фрибус А. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н. Горно-таежный андронеидный комплекс Устья-Кожуха-1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-3. С. 46–51.
13. Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. Вып. I. 158 с.
14. Кулемзин А. М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1985. Вып. 13. С. 107–115.
15. Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Тагарские поселения. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 136 с.
16. Герман П. В., Онищенко С. С., Савельева А. С. Тагарские поселения Кия-Чулымского междуречья: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. № 8. С. 16–22.
17. Кулемзин А. М. Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1980. Вып. 11. С. 95–106.
18. Циркин А. В. Мариинское городище и его место в материальной культуре Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1977. Вып. 9. С. 68–86.
19. Баухник И. И. Археологические находки с горы Арчекас // Известия лаборатории археологических исследований / отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1970. Вып. 2. С. 49–53.
20. Фрибус А. В., Соколов П. Г., Баштанник С. В., Трусова Е. В. Шестаковский археологический микрорайон: 40 лет спустя // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. Вып. 26. С. 170–175.

21. Бобров В. В., Пяткин Б. Н. Информация о полевых работах кафедры археологии Кемеровского государственного университета в 1977 году // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1977. Вып. 9. С. 155–159.
22. Циркин А. В. Утинское поселение по раскопкам 1970–1975 гг. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху / ред. А. И. Мартынов. Кемерово, 1976. С. 73–97.
23. Бобров В. В., Боброва Л. Ю., Савельева А. С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1. С. 104–122.
24. Абсалямов М. Б. Некоторые вопросы изучения тагарской культуры по материалам поселений // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тезисы докладов Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1979. С. 58–60.
25. Бердников М. В. Сравнительный анализ вещевого комплекса поселений конца I тыс. до н. э. в районе с. Шестаково Кемеровской области // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тезисы докладов Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1979. С. 159–161.
26. Мартынов А. И. Исследования Косогольского поселения // Проблемы археологических культур степей Евразии / отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1987. С. 39–51.
27. Мартынова Г. С. Новые поселения эпохи раннего железа в Мариинской лесостепи // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1987. С. 61–69.
28. Мартынов А. И. Опыт реконструкции общества тагарской лесостепной культуры // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. 1977. Вып. 9. С. 15–21.
29. Колмыков Р. П. Оптико-эмиссионный спектральный анализ бронзовых артефактов Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-5. С. 165–168.
30. Савельева А. С., Герман П. В., Боброва Л. Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 39–48.
31. Савельева А. С., Герман П. В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6. С. 108–118.
32. Савельева А. С., Герман П. В. Сарагашенский комплекс бронз из могильника Серебряково I // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр., посв. 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т 2016. Вып. 27. С. 115–123.

The Search Possibilities of the Ancient Ore Mining Sites in the North of the Kuznetsky Alatau*

Anna S. Savelieva^{a, @, ID}

^a Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

@ antverpen@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>

Received 28.03.2019. Accepted 05.07.2019.

Abstract: The foothills of the North-Western Kuznetsky Alatau are considered as the copper-ore base of the Tagar archaeological culture. The paper introduced some published data on copper deposits on the banks of the river Kia and the bordering area of the Kuznetsky Alatau. Map-marking revealed the geographical the connection between the Koguh tectonic area, the Central-Martaiga structure-formaton area, and the Tagar archaeological sites. The research registered the known settlements on the Kemerovo region territory with signs of the bronze industry (copper-bronze artifacts, tools for ore crushing, slag) related to Tagar and transitional Tagar-Tashtik Epoch. The peculiarities of such sites demonstrated the localization of the bronze industry process in the some fortified and stable settlements. The comparison of geochemical admixtures revealed the differences of copper-ore origin at the developed stage of Tagar culture and the transitional Tagar-Tashtik stage. This can be explained by the difference in geography of the sites as related to the copper deposits of North-Western, Northern, and North-Eastern Kuznetsky Alatau foothills. The authors believe that the banks of the Kia and its left tributaries, the Koguh and the Kundat, can reveal some ancient copper mining archaeological sites in the future.

Keywords: Kiya-Chulim drainage-basin, Tagar culture, settlements, metallurgy, copper ore, ICP AE-spectrometry

For citation: Savelieva A. S. The Search Possibilities of the Ancient Ore Mining Objects in the North of the Kuznetsky Alatau. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 644–653. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-644-653>

References

1. Obruchev V. A. *The history of geological research in Siberia. The second period (1801–1850)*. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1933, 230. (In Russ.)
2. Churakov A. N. *Kuznetsky Alatau: the history its geological development and geochemical epochs*. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1932, 119. (In Russ.)
3. Reutovskii V. S. *Minerals of Siberia. Grounds for prospecting and exploration of ore deposits. Part one. Ore deposits*. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia A. G. Rozena (A. E. Landau), 1905, 482. (In Russ.)
4. Martynov A. I., Bogdanova-Berezovskaia I. V. The bronze objects and bronze industry in the north-western area of the Tagar culture. *Iz istorii Zapadnoi Sibiri*, 1966, (1): 66–103. (In Russ.)
5. Kondakov A. N., Voznaia A. A. *Mineral resources of the Kemerovo region. Book 1. Metallic minerals*. Kemerovo: KuzGTU; Int, 2013, 290. (In Russ.)
6. Obruchev V. A. *The history of geological research in Siberia. The fifth period (1918–1940)*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1944, iss. IV, 239. (In Russ.)
7. Vorotnikov B. A., Popova L. M., Rosliakov N. A., Rosliakova N. V., Tsymbalist V. G. The behavior of gold and its geochemical companions in the gold ores deposits areas of the Kuznetsky Alatau northern part. *Izvestiia Tomskogo Ordena Krasnogo Znameni Politehnicheskogo instituta im. S. M. Kirova*. 1968, (134): 189–196. (In Russ.)
8. Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *At the Solgonsky ridge. Archaeological sites of the Uzhur district (Krasnoyarsk region): the history of the studies and current state*. Saint-Petersburg, 2013, 200. (In Russ.)
9. Sunchugashev Ia. I. *Most ancient mines and the sites of early metallurgy in the Khakass-Minusinsk depression*. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975, 174. (In Russ.)

* The study was carried out as part of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 0352-2019-0006 EGISU AAAA-A17-117041410051-7 project XII.186. Sociocultural space in the forest-steppe of Western Siberia (early and late Holocene).

10. Sunchugashev Ia. I. *The sites of ore mining and metallurgy of the Ancient Khakass*. Abakan: Hakasskoe kn. izd-vo, 1993, 112. (In Russ.)
11. Bashtannik S. V. Historical and cultural potential of the western part Kyi-Chulym interfluvium. *Historical and Social-Educational Idea*, 2013, (5): 13–19. (In Russ.)
12. Kovtun I. V., Fribus A. V., Bashtannik S. V., Zharonkin V. N. Taiga-mountain andronoid complex of ustje Kozhukha 1 Site. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-3): 46–51. (In Russ.)
13. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. *Archaeological sites of Kemerovo region. The materials to the Corpus of historical and cultural sites of the USSR*. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, 1989, iss. I, 158. (In Russ.)
14. Kulemzin A. M. History of the studies of archaeological sites in the Kemerovo region. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 1985, iss. 13, 107–115. (In Russ.)
15. Martynov A. I., Absaliyev M. B. *The Tagar settlements*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 1988, 136. (In Russ.)
16. German P. V., Onishchenko S. S., Savelieva A. S. Tagar settlements in the Kiya-Chulym interfluvium: research issues and prospects. *Uchionye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2018, (8): 16–22. (In Russ.)
17. Kulemzin A. M. The archaeological complex of Shestakovo. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 1980, iss. 11, 95–106. (In Russ.)
18. Tsyarkin A. V. Mariinsky fortified settlement and its place in material culture of Ob-Chulym interfluvium. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 1977, iss. 9, 68–86. (In Russ.)
19. Bauhnik I. I. Archaeological finds from the Archekas mountain. *News of the archaeological research laboratory*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, 1970, iss. 2, 49–53. (In Russ.)
20. Fribus A. V., Sokolov P. G., Bashtannik S. V., Trusova E. V. Shestakovsky archaeological district: 40 years later. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 2012, iss. 26, 170–175. (In Russ.)
21. Bobrov V. V., Piatkin B. N. Information about excavation works of the Department of Archeology in Kemerovo State University in 1977. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 1977, iss. 9, 155–159. (In Russ.)
22. Tsyarkin A. V. Utinsky settlement according to the excavations of 1970–1975. *South Siberia in the Scythian-Sarmatian era*, ed. A. I. Martynov. Kemerovo, 1976, 73–97. (In Russ.)
23. Bobrov V. V., Bobrova L. Yu., Savelieva A. S. The copper-bronze cauldrons of Scythian Epoch from Kuznetsk basin and Mariinsk forest-steppe. *Teoriia i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2017, (1): 104–122. (In Russ.)
24. Absaliyev M. B. Some questions of Tagar culture's study according to settlements' materials. *Problems of Scythian-Siberian cultural and historical unity*: Proc. All-Union Arch. Conf. Kemerovo, 1979, 58–60. (In Russ.)
25. Berdnikov M. V. Comparative analysis of the settlement implements of the late first millennium B.C. in the Shestakovo area of the Kemerovo region. *Problems of Scythian-Siberian cultural and historical unity*: Proc. All-Union Arch. Conf. Kemerovo, 1979, 159–161. (In Russ.)
26. Martynov A. I. Studies of Kosogol settlement. *Problems of archaeological cultures of the steppes of Eurasia*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 1987, 39–51. (In Russ.)
27. Martynova G. S. New settlements of Early Iron Age in Mariinsk forest-steppe. *Problems of archaeological cultures of the steppes of Eurasia*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 1987, 61–69. (In Russ.)
28. Martynov A. I. The experience of reconstruction of Tagar forest-steppe society. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 1977, iss. 9, 15–21. (In Russ.)
29. Kolmykov R. P. Optical emission spectral analysis of bronze artifacts found in Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-5): 165–168. (In Russ.)
30. Savelieva A. S., German P. V., Bobrova L. Yu. The Alchedat I Barrow's bronzes and the Tesin stage of the Tagar culture Metallurgy in the Mariinsk forest-steppe. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 39–48. (In Russ.)
31. Savelieva A. S., German P. V. Bronzes from the Tagar burial mound Nekrasovo II (research based on the data of excavations in 1970). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika*, 2015, (6): 108–118. (In Russ.)
32. Savelieva A. S., German P. V. The Saragash bronzes from the Serebryakovo I burial ground. *Archeology of South Siberia*: Proc. ded. 40th anniversary of the Department of Archeology of Kemerovo State University. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 2016, iss. 27, 115–123. (In Russ.)

Основные этапы и особенности изучения городищ I тыс. н. э. лесостепного Алтая*

Виолетта О. Сайберт^{a, @, ID}

^a Алтайский государственный университет, 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61

[@] vita77792@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5408-935X>

Поступила в редакцию 19.06.2019. Принята к печати 05.09.2019.

Аннотация: Статья посвящена истории накопления и изучения материалов городищ I тыс. н. э. на территории лесостепного Алтая. В истории изучения городищ были выделены два этапа: первый (конец XIX – 80-е гг. XX вв.) связан с накоплением материалов и попытками их первичной интерпретации; второй (80-е гг. XX в. – по настоящее время) ознаменован целенаправленным исследованием памятников. Изучение городищ началось благодаря исследованиям краеведов М. Д. Копытова, Б. Х. Кадикова, затем их начинания были продолжены специалистами-археологами Ю. Ф. Кирюшиным, М. Т. Абдулганеевым, А. Л. Кунгуровым, А. А. Казаковым и др. В ходе проведенного анализа источников и литературы было выявлено, что с конца XIX в. до настоящего времени было обнаружено и обследовано 40 городищ, на 11 из них проводились археологические раскопки. Материалы поселенческих комплексов долгое время не использовались при разработке культурно-хронологических схем. Такая ситуация стала меняться в 80-е гг. XX в., когда в научной литературе стали появляться попытки определить относительную хронологию городищ и их культурную принадлежность. Сформировались две различные культурно-хронологические схемы, одна из которых была разработана на основании материалов только погребальных памятников без учета поселенческих комплексов, вторая учитывала в том числе и материалы городищ. В статье также рассматривается дискуссионный вопрос о функциональном назначении линии ров-вал на городищах. Дальнейшее изучение городищ позволит выявить хозяйственно-культурные особенности населения лесостепного Алтая в I тыс. н. э.

Ключевые слова: археология, городища, раннее Средневековье, одинцовская культура, кулайская культура, фортификации, хронология

Для цитирования: Сайберт В. О. Основные этапы и особенности изучения городищ I тыс. н. э. лесостепного Алтая // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 654–662. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-654-662>

Введение

Изучение городищ I тыс. н. э. на территории лесостепного Алтая насчитывает более восьмидесяти лет, за этот период накоплено большое количество материала. Подавляющее большинство памятников исследованы частично, а материалы не введены в научный оборот или же разбросаны по различным публикациям, тезисам и статьям, что в свою очередь затрудняет составление целостной картины о рассматриваемом явлении. Единственной обобщающей работой по изучению поселенческих комплексов является монография А. А. Казакова, посвященная одинцовской культуре в Барнаульско-Бийском Приобье [1]. В ней автор рассматривает все известные объекты, включая городища. Целью настоящей работы

стало выявление основных этапов в изучении городищ I тыс. н. э. на территории лесостепного Алтая и анализ имеющихся подходов к культурно-хронологической интерпретации.

История накопления материалов

Анализ и обобщение имеющейся информации, отражающей основные этапы изучения городищ I тыс. н. э. на территории лесостепного Алтая, позволяют определить степень изученности этой категории памятников и перспективу их дальнейшего исследования. Историю изучения городищ можно разделить на два этапа: первый этап – конец XIX – 80-е гг. XX в. – связан с накоплением материалов и первичной их интерпретацией; второй этап – 80-е гг. XX в. – по настоящее время – ознаменовался целенаправленным исследованием памятников.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90004.

Первые сведения о городищах на территории Алтайского края известны с конца XVIII в. В 1780 г. унтершихтмейстер горной службы В. Головин обследовал местность в районе с. Малетина, на правом берегу р. Обь заметил остатки древних жилищ, недалеко от них встретил четырехугольную «крепость» длиной 80 и шириной около 45 сажен. Она располагалась на «непрístupной крутизне р. Оби и с трех сторон обнесена земляным валом и рвом» [2, с. 18]. В конце XIX в. благодаря исследованиям краеведа С. И. Гуляева были получены сведения о так называемых чудских городищах. Так им были зафиксированы два комплекса поселений в Сросткинской волости и три комплекса в Нижне-Чарышской волости. Объекты, обнаруженные в Нижне-Чарышской волости, были обнесены рвами различной величины. Краевед указывает, что археологические исследования на этих объектах не велись [3, с. 37].

Новые данные о городищах I тыс. стали известны благодаря исследованиям краеведа М. Д. Копытова. Как отмечает А. Л. Кунгуров, в 1920 г. М. Д. Копытов обследовал памятники в окрестностях р. Бии и дал краткое описание зафиксированных объектов. Среди них он выделил 22 землянки, расположенные по прямой линии в один ряд, это поселение местные крестьяне называли «городища» [4, с. 273]. В 1930–1960-х гг. на этих городищах проводились сборы подъемного материала сотрудниками Бийского музея С. М. Сергеевым, А. П. Марковым, Б. Х. Кадиковым и др. Позднее, в 1970-х – начале 1980-х гг., были сняты глазомерные планы этих городищ, дано общее название *Бийские городища* и присвоены порядковые номера каждому отдельному памятнику [1, с. 8].

В 1956 г. Б. Х. Кадиковым были обследованы берега озер Большой и Малый Иткуль в Зональном районе. В результате исследований выявлено большое количество разновременных памятников, среди них открыты памятники I тыс., расположенные на берегу оз. Большой Иткуль. Первоначальное название зафиксированных объектов – Иткуль 1, позднее они были переименованы и получили название Городище 1 [5, с. 57–59]. В 1959 г. экспедицией Алтайского краевого музея под руководством А. П. Уманского в Тальменском районе открыто городище Кокуйское. В ходе исследований сделано подробное описание зафиксированного объекта и заложена разведочная траншея, которая перерезала внешний вал и ров, а также въезд в городище, кроме этого, была произведена зачистка обрыва. Проведенные работы показали, что остатки городища покрыты большим слоем угля и золы и остатками деревянных сгоревших столбов. В связи с этим А. П. Уманским был сделан вывод, что городище разрушено в результате пожара. Ученый датировал его XVII в. [6, с. 52]. Благодаря открытию А. П. Уманского позднее началось исследование

прилегающей территории оз. Кокуйского и изучение большого комплекса обнаруженных памятников, в их числе и объекты, относящиеся к I тыс. В 1965 г. Б. Х. Кадиковым открыто городище Усть-Чемровка 3 в Бийском районе, на котором зафиксировано две западины и ров. В это же время исследователем заложен разведочный шурф, где найден развал сосуда и два орнаментированных фрагмента керамики [1, с. 34].

В 1978 г. Ю. Ф. Кирюшиным был открыт большой комплекс памятников Малый Гоньбинский Кордон-2, включающий в себя 16 отдельных городищ и поселений, расположенных на боровой террасе в Тальменском районе [7]. В 1979 г. А. Л. Кунгуровым в Зональном районе обнаружен памятник, получивший название *Одинцовское городище*. Памятник зафиксирован из-за его частичного разрушения карьером, в осыпях которого была собрана керамика одинцовской культуры и пряслице. В начале 1990-х гг. на остатках памятника сооружено подсобное помещение храма [8].

В 1980-е гг. начинается новый этап целенаправленного изучения городищ I тыс. Проводятся повторные разведки на уже известных памятниках, снимаются их глазомерные планы, ведется работа по фиксированию новых объектов и частичные раскопки. В 1981 г. А. Л. Кунгуровым повторно обследовано городище Усть-Чемровка 3 в Бийском районе, где зафиксированы разрушения объектов, собран подъемный материал, который позволил датировать памятник V–VI вв. [1, с. 34]. В ходе разведки в 1984 г. им же были открыты городища Усть-Лосиха 1 и Усть-Лосиха 2 в Первомайском районе, сняты глазомерные планы объектов и собран подъемный материал, который отнесен к кулайской культуре [9, с. 352]. В 1987 г. сотрудником Бийского краеведческого музея С. Ю. Исуповым открыто городище Бехтемир, им осуществлены археологические раскопки на площади 16 м². В ходе исследований был получен представительный керамический комплекс [10].

В 1988 г. А. А. Казаковым в Быстроистокском районе открыто городище Акутиха 1. В ходе работ снят глазомерный план городища, который показал, что оно окружено линией ров-вал, где вал насыпан перед рвом. Эта линия ограничивает площадку общей площадью 19700 м². Жилища в городище расположены вдоль линии ров-вал, всего зафиксировано 82 объекта. Тогда же им был заложен раскоп площадью 16 м², среди полученных материалов зафиксирована китайская монета *кайюань тунбао*, что позволило датировать этот памятник VII–VIII вв. Позже, в 1989 г., на памятнике работал Предгорный отряд Алтайской археологической экспедиции Алтайского государственного университета (АлтГУ) под руководством А. А. Казакова и была вскрыта площадь 192 м², на которой было исследовано одно жилище, материалы из раскопа представлены в основном керамикой [1, с. 5–7].

В 1988 г. М. Т. Абдулганеевым открыто городище Сошниково I на оз. Малый Иткуль в Зональном районе. В 1991 г. экспедицией АлтГУ под его руководством совместно с А. А. Казаковым оно полностью исследовано, площадь раскопа составила 964 м². Здесь зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций, фрагменты керамики и другие изделия. На основе полученных данных проведен радиоуглеродный анализ, который позволил датировать этот комплекс IV – первой половиной V в., также была сделана графическая реконструкция внешнего вида городища. В результате анализа материалов выявлены конструктивные особенности построек, представляющие собой каркасно-срубные конструкции с углубленным полом и очагом открытого типа в центре помещения [11]. В 1988 г. М. Т. Абдулганеевым и А. А. Казаковым раскопана часть памятника (112 м²) Городище 2, где исследовано одно жилище и часть линии ров-вал. В этом же году ими открыты городища Малый Иткуль 5 и 6, раскопки которых были проведены 1989 г., и вскрыто по 80 м² площади на каждом. Материалы, полученные на городищах, позволили датировать их второй половиной IV – первой половиной V в. [3, с. 54].

В 1990 г. членами археологического кружка Дома пионеров Центрального района г. Барнаула под руководством В. Б. Бородаева в ходе разведки зафиксировано поселение Утопша-2 [12]. Позднее А. Л. Кунгуров описывал этот памятник как городище кулайской культуры, он зафиксировал на нем западины, окруженные рвом и внешним валом. Им был собран подъемный материал, который позволил точнее определить культурную принадлежность памятника и отнести его к кулайской культуре [9, с. 358]. В 1990 г. М. Т. Абдулганеевым сделана зачистка разрушающегося края жилища на городище Усть-Лосиха 2. В результате обнаружено два развала сосудов, которые позволили датировать памятник второй половиной V–VI в. [1, с. 26–34].

В полевой сезон 1993 г. Гоньбинской археологической экспедицией АлтГУ под руководством А. А. Казакова проводились исследования памятника Малый Гоньбинский Кордон-2/6-2. Здесь сплошным раскопом вскрыта площадь 3368 м². На основании анализа керамического комплекса, собранного в ходе раскопок, оба памятника были отнесены ко второй половине V–VI в. В культурном отношении керамический комплекс относится к одинцовскому этапу одинцовской культуры [1, с. 21–24; 7]. Результаты этих работ до сих пор опубликованы лишь частично.

В 1997 г. А. А. Казаковым и Д. В. Папиным проведено обследование памятника Кокуйское I, произведена глазомерная съемка местности и собран подъемный материал. Полученные данные позволили датировать комплекс I тыс. и отнести часть его объектов к фоминскому этапу кулайской культуры, другую часть – к одинцовской культуре [13].

В этом же году Н. Ю. Кунгуровой проведен мониторинг городищ в окрестностях г. Бийска, который выявил разрушения двух поселений и одного городища у с. Одинцовка в результате строительства западного района г. Бийска. В пределах Городищ 7 и 8 в 1974 г. был вырыт котлован стрельбища, который в 1995 г. использовался Бийским сахарным заводом в качестве отстойника. В его отвалах обнаружен развал сосуда, орнаментированный штампом – «уточкой». По Городищу 7 проходила грунтовая дорога, которая разрушала жилища. Н. Ю. Кунгуровой произведена зачистка остатков разрушенного жилища, но зафиксировать конструктивных особенностей и материала не удалось. Обнаруженные разрушения были четко зафиксированы и описаны, результаты исследования освещены на конференции по сохранению и изучению культурного наследия Алтайского края [14]. В дальнейшем исследование городищ I тыс. продолжалось в рамках мониторингов состояния памятников сотрудниками НППЦ «Наследие» г. Барнаула.

В 2016 г. нами был проведен мониторинг ранее открытого комплекса Малый Гоньбинский Кордон-2, собран подъемный материал, представленный несколькими фрагментами керамики, определены примерные границы всех памятников комплекса. Зафиксировано, что в связи с распашкой и лесопосадкой было разрушено городище МГК-2/2 [15]. В 2018 г. проведена повторная разведка, в ходе которой выявлена траншея, разрушившая значительную часть городища МГК-2/6, включая жилищные комплексы и часть рва, на площади более 325 м². Для фиксации обнажившихся в бортах траншеи объектов была произведена зачистка, в ходе которой выявлены профили пяти жилищ, два участка рва городища Малый Гоньбинский Кордон-2/6-3 и одно жилище городища Малый Гоньбинский Кордон-2/6-4. При зачистке собраны два развала керамических сосудов, два фрагмента стенки сосуда, заготовка костяного наконечника стрелы и костяное оружие.

В 2018 г. А. А. Казаковым создан свод опубликованных данных о памятниках I–II тыс., в котором приведены сведения обо всех городищах, включающие их названия, местоположение, автора и время открытия, степень исследованности, наличие визуально фиксируемых конструкций и краткую библиографию [16].

Таким образом, в настоящее время на территории лесостепного Алтая известно 40 городищ, на 11 из них проводились археологические раскопки. Полностью раскопаны два: Сошниково-I и МГК-2/6-2. Основная масса памятников не изучалась и отнесена к I тыс. условно. В связи с этим есть необходимость обобщения и уточнения всех имеющихся данных, а в дальнейшем полевое изучение с целью культурно-хронологической интерпретации рассматриваемых объектов.

Особенности использования материалов городищ I тыс. в историко-культурных построениях

Процесс осмысления археологического материала городищ I тыс. лесостепного Алтая значительно отставал от его накопления. Все имеющиеся историко-культурные построения применительно к рассматриваемому времени и территории основывались на материалах погребальных комплексов. Так, в 1951 г. М. П. Грязновым по результатам раскопок могильников в урочище Ближние Елбаны выделена Верхнеобская археологическая культура с тремя этапами: одинцовский (II–IV вв.), переходный (V–VI вв.) и фоминский (VII–VIII вв.). Только три поселения Барнаульско-Бийского Приобья (БЕ-IV, Круглое Озеро и Чудацкая Гора) были связаны М. П. Грязновым с фоминским этапом верхнеобской культуры [17, с. 133]. В дальнейшем понятие *верхнеобская культура* претерпевало различные изменения и корректировки. В 1981 г. Т. Н. Троицкой была выделена одинцовская культура (VI–VII вв.) [18]. В 1988 г., используя новые материалы Новосибирского Приобья, она возвращается к понятию *верхнеобская культура* и поднимает верхнюю границу до VIII в. [19].

Несмотря на это, на протяжении нескольких десятилетий городища и в целом поселения этого периода времени не получили соответствующую хронологическую и какую-либо культурную атрибуцию. Другими словами, в имеющуюся историко-культурную схему, построенную на погребальных памятниках, поселенческие комплексы долгое время не вписывались. Ситуация стала меняться с 1980-х гг., когда исследование городищ приобрело целенаправленный характер. С этого времени проводилось повторное обследование уже известных памятников, открывались новые объекты. Одно из первых упоминаний о наличии на территории лесостепного Алтая поселенческих памятников I тыс. содержится в небольшой статье 1980 г. Ю. Ф. Кирюшина и Б. Х. Кадикова. В ней упоминаются раннесредневековые городища на оз. Иткуль, которые на момент публикации были не изучены, также в статье сообщается о нахождении керамики кулайского типа [20].

Дальнейшее изучение памятников в окрестностях озер Большой и Малый Иткуль позволило исследователям определить закономерности их топографического расположения, конструктивные особенности городищ, выделить их типы, дать общую характеристику жилищных и хозяйственных сооружений. Полученный керамический комплекс дал возможность соотнести памятники Иткульских озер с известными объектами в Новосибирском и Среднем Приобье, датировать их I–VII вв. и отнести к позднему этапу кулайской культуры – первому этапу одинцовской [21]. После исследований на городище Бехтемир А. А. Казаковым и С. Ю. Исуповым была опубликована работа, в которой

подробно представлены итоги проведенного типологического анализа полученного керамического комплекса. Это позволило авторам подтвердить ранее сделанный вывод о существовании переходного этапа между комплексами кулайской и одинцовской культур и датировать его началом IV – концом VI в. [10].

В 1991 г. вышла работа А. А. Казакова и С. В. Неверова, посвященная хронологии и периодизации памятников середины – второй половины I тыс. Верхнего Приобья. В ней авторы отнесли памятники первой половины I тыс. (комплекс на оз. Иткуль, Бийские городища, поселения Чумыш-I, II) к кулайской культуре. Вслед за Т. Н. Троицкой было закреплено название *одинцовская культура* за памятниками IV–VIII вв., расположенными на территории Барнаульско-Бийского Приобья. Таким образом, одинцовская культура включает два этапа: одинцовский (IV–VI вв.) и тимиразевский (VII–VIII вв.) [22]. Отметим, что в статье не указывается, какие памятники относятся к выделенным этапам.

Первой работой, в которой материалы городищ рассматриваются как основные для историко-культурных построений стало диссертационное исследование А. А. Казакова, успешно защищенное в 1996 г. В нем обобщаются все имеющиеся на тот период времени данные по городищам, дана их культурно-хронологическая характеристика, приведены топографические, планиграфические и конструктивные особенности, типологический анализ керамических комплексов. Осуществленное исследование позволило выделить одинцовскую культуру на территории Барнаульско-Бийского Приобья с тремя хронологическими этапами: сошниковский (вторая половина IV – первая половина V в.), одинцовский (вторая половина V–VI в.), тимиразевский (VII–VIII в.) [23]. В дальнейшем А. А. Казаковым была опубликована монография, которая является первым и единственным обобщающим сводом материалов по изучению одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья [1].

С такой схемой соглашались не все исследователи. В 2002 г. А. А. Тишкиным и В. В. Горбуновым была пересмотрена культурно-хронологическая схема развития средневековых кочевников Алтая и предложен новый вариант. На основе погребальных комплексов были выделены три этапа развития одинцовской культуры и приведены памятники, относящиеся к этим этапам: сошниковский (вторая половина IV–V в.), осинкинский (VI – первая половина VII в.), акутихинский (вторая половина VII – первая половина VIII в.) [24]. Авторы переименовали одинцовский этап в осинкинский, а тимиразевский – в акутихинский с небольшими хронологическими корректировками. При создании этой схемы исследователи описывают основные элементы погребального обряда одинцовской культуры,

но не отмечают особенности поселенческих комплексов, которые также были отнесены к определенным этапам. Поэтому неясными остались вопросы о соотношении могильников и городищ, об отличительных чертах городищ, относящихся к разным хронологическим этапам.

Особый подход к историко-культурной интерпретации городищ представлен в работе Н. Ю. Кунгуровой. На основе материалов о городищах Фоминское, Одинцовское – 1, Бийские городища-7–8, Городище 1–6, городище «7-й км Смоленского тракта», Малоутреневское, Бехтемирское и на основе радиоуглеродных дат, полученных из городищ Сошниково-1 (515 ± 20 г. н. э.; 310 ± 25 г.), Малый Иткуль-1 (260 ± 25 г. н. э.), Городище-III (325 ± 20 г. н. э.), автор говорит об их единовременности и датирует второй половиной III – первой половиной IV в. н. э., что в культурном отношении принадлежит ко второй половине фоминского этапа кулайской культуры [25]. Такая датировка рассмотренных автором комплексов вступает в противоречие с датированием этих же комплексов А. А. Казаковым. В своих работах он придерживается разновременности Бийских городищ и относит некоторые к фоминскому этапу кулайской культуры (Городище-1, 3; Бийское городище-2, 6), другие (Городище-2, Бийское городище-3–5, 7) – к одинцовскому этапу одинцовской культуры [16, с. 16–19, 58].

Материалы городищ лесостепного Алтая используются в работах, посвященных изучению культурных связей между населением разных территорий. В 2019 г. вышла работа Н. Ю. Кунгуровой, посвященная изучению майминской культуры, в которой автор сравнивает комплекс элементов бийских городищ с городищами майминской культуры. Анализ данных дал возможность автору выделить главные отличия рассматриваемых объектов, среди них – архитектурная застройка, устройство дома и жилых площадок, ориентация на использование природной среды. Н. Ю. Кунгурова выделяет конкретные различия хозяйства и объектов потребления и фиксирует: на бийских городищах нет следов земледелия, что, по ее мнению, влияет на изменение форм и орнамента керамики посуды [26, с. 64–70].

Еще одной из актуальных проблем изучения городищ I тыс. стала интерпретация их фортификационных сооружений. В работах, посвященных городищам, о назначении этого рода объектов высказываются различные мнения. Основной вопрос вызывает расположение вала перед рвом на большинстве изученных памятников. В литературе выделилось две точки зрения относительно этого вопроса.

Т. Н. Троицкая и А. Л. Кунгуров, придерживающиеся первой точки зрения, считают, что эти сооружения несли в себе фортификационную функцию и являлись остатками крепостных стен или ограждений [18, с. 118; 27]. А. Л. Кунгуров высказывает мысль о том, что эти сооружения не являлись самостоятельными препятствиями на пути продвижения противника [27, с. 60]. В свою очередь, А. А. Казаков предлагает гипотезу, что эти системы служат утилитарным целям, имеют культовую или социальную нагрузку, под которой подразумевается ограничение территории, ассоциирующейся у людей с определенными понятиями. Свои выводы автор строит на основе представлений о понятии *дом* у хантов и селькупов, где рассматривается линия ров-вал как сооружение, ограничивающее жилое пространство населения поселка, но не уточняет, как совмещаются утилитарные цели с культовой нагрузкой [28]. Поскольку однозначного решения этого вопроса пока нет, он остается открытым.

В настоящее время одной из основных задач в изучении рассматриваемой проблематики является публикация материалов городищ, раскопанных ранее и не введенных в научный оборот. Такая работа сегодня уже начата [29; 30].

Заключение

Таким образом, начатое благодаря исследованиям краеведов М. Д. Копытова, Б. Х. Кадикова, затем специалистами-археологами Ю. Ф. Кирюшиным, М. Т. Абдулганеевым, А. Л. Кунгуровым, А. А. Казаковым и др. изучение городищ позволило выявить большое количество памятников. Городища долгое время не вписывались в имеющуюся историко-культурную схему, построенную на погребальных комплексах. Ситуация стала меняться только в 1980-х гг., в это время материалы поселенческих комплексов активно использовались в хронологических построениях. На сегодняшний день работа по интерпретации и культурно-хронологической атрибуции городищ I тыс. на территории лесостепного Алтая является дискуссионной. Выделились две точки зрения относительно этапов развития одинцовской культуры, пересматриваются ранее атрибутированные материалы. Также открытым и дискуссионным остается вопрос функционального назначения линии ров-вал на городищах лесостепного Алтая. Дальнейшее изучение поселенческих комплексов, в частности городищ, позволит дать наиболее полную реконструкцию хозяйственно-культурного развития лесостепного Алтая в эпоху раннего Средневековья.

Литература

1. Казаков А. А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2014. 152 с.
2. Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.
3. Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.
4. Кунгуров А. Л. Научная деятельность М. Д. Копытова // Алтайский сборник. Вып. XVI / отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул: ГИПП «Алтай», 1995. С. 270–282.
5. Абдулганеев М. Т., Кадилов Б. Х., Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы / ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Управление архивного дела администрации АК, 2003. С. 50–78.
6. Уманский А. П. К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ – «кокуев» // Вопросы археологии Сибири / ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: НГПИ, 1972. С. 47–59.
7. Кирюшин Ю. Ф., Казаков А. А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-2 // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 68–72.
8. Кунгуров А. Л. Археологические находки из района слияния рек Бии и Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 116–120.
9. Кунгуров А. Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 327–385.
10. Казаков А. А., Исупов С. Ю. Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая: тез. док. и сообщ. к конф. (Барнаул, 20–21 марта 1990 г.) Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 109–112.
11. Казаков А. А. Городище Сошниково I // Древние поселения Алтая / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, А. Л. Кунгурова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 192–205.
12. Бородаев В. Б. Новые археологические материалы из окрестностей с. Бобровка Первомайского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. Вып. II. С. 50–52.
13. Казаков А. А., Папин Д. В. Комплекс археологических памятников Кокуйское I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 169–172.
14. Кунгурова Н. Ю. Проблема городищ в районе г. Бийска // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 43–46.
15. Сайберт В. О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 44–48.
16. Опубликованные памятники I–II тысячелетий с территории Алтайского края: справочник / сост. А. А. Казаков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 194 с.
17. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 225 с.
18. Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 101–118.
19. Троицкая Т. Н. Верхнеобская культура лесостепного Приобья (V–VIII вв.) // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск: Наука, 1988. С. 95–101.
20. Кирюшин Ю. Ф., Кадилов Б. Х. Итоги исследований археологических памятников на озере Иткуль // Барнаулу 250 лет / отв. ред. А. П. Окладников. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 59–61.
21. Абдулганеев М. Т., Казаков А. А. Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 104–108.
22. Казаков А. А., Неверов С. В. Хронология и периодизация памятников середины второй половины I тыс. н. э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 167–170.
23. Казаков А. А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 19 с.
24. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. Вып. 9. С. 82–91.
25. Кунгурова Н. Ю. Городища Бии и верховьев Оби // Древности Сибири и Центральной Азии / отв. ред. В. И. Соенов. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2018. Вып. 9. С. 41–61.

26. Кунгурова Н. Ю., Абдулганеев М. Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н. э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 214 с.
27. Кунгуров А. Л. Городища эпохи поздней древности на Алтае: картографические и планиграфические особенности // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2. С. 58–61.
28. Казаков А. А. К вопросу о функциональном назначении линий вал-ров // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат-лы Всерос. науч. конф. (Барнаул, 9–10 апреля 1997 г.) Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 183–187.
29. Казаков А. А., Грушин С. П., Сайберт В. О. Малый Гоньбинский кордон 2/6 – новый памятник одиновской культуры Барнаульско-Бийского Приобья // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований / ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 312–315.
30. Казаков А. А., Сайберт В. О. Жилище № 1 городища Малый Гоньбинский кордон-2/6-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 122–126.

Main Features and Stages of the 1st Millenium AD Hillforts in the Altai Forest-Steppe*

Violetta O. Saibert ^{a, @, ID}

^a Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049

@ vita77792@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-5408-935X>

Received 19.06.2019. Accepted 05.09.2019.

Abstract: The paper features studies of ancient hillforts of the 1st millennium AD located in the forest-steppe of the Altai region. The research history can be divided into two stages. The first stage (late XIX – 1980s) focused on the accumulation and interpretation of materials. The second stage (1980s – to date) initiated a focused study of the monuments. Initially, the studies of the hillforts were connected with such local lore researchers as M. D. Kopytov and B. Kh. Kadikov, who were followed by archaeologists Y. F. Kiryushin, M. T. Abdulganeev, A. L. Kungurov, and A. A. Kazakov. An analysis of scientific literature revealed that 40 ancient settlements sites have been discovered and examined since the late XIX century. 11 of them were studied archaeologically. The obtained materials did not fit into the existing historical and cultural paradigm. The situation began to change in the 1980s with the attempts to determine the relative chronology of the settlements and their cultural affiliation. As a result, two different cultural and chronological schemes were formed. The first one was based on funerary monuments and did not take into account their relationship with settlement complexes. The second approach included the materials on hillfort studies. The paper also focuses on the debatable question about the functional purpose of the ditch – shaft line. Further studies of the sites will make it possible to identify the economic and cultural characteristics of the population of the Altai forest-steppe in the 1st millennium AD.

Keywords: archeology, ancient settlements, early Middle Ages, Odintsovo culture, Kulay culture, fortifications, chronology

For citation: Saibert V. O. Main Features and Stages of the 1st Millenium AD Hillforts in the Altai Forest-Steppe. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 654–662. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-654-662>

References

1. Kazakov A. A. *Odintsovo culture of the Baranulsko-Biysk Ob District*. Barnaul: BIlU MVD RF, 2014, 152. (In Russ.)
2. Demin M. A. *The discoverers of antiquities*. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1989, 120. (In Russ.)
3. Tishkina T. V. *Archaeological research in Altai (1860–1930s)*. Barnaul: Azbuka, 2010, 288. (In Russ.)

* The study was financed by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-39-90004.

4. Kungurov A. L. Scientific activity M. D. Kopytov. *Altai compilation*. Iss. XVI, ed. Skubnevsky V. A. Barnaul: GIPP "Altai", 1995, 270–282. (In Russ.)
5. Abdulganeev M. T., Kadikov B. Kh., Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu. History of the study of archaeological sites of the Zonal District. *Zonal district: history, people and destinies*, ed. Kiryushin Yu. F. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii AK, 2003, 50–78. (In Russ.)
6. Umanskii A. P. The problem of the dating and ethnicity of the Upper Ob hillforts – "Kokuev". *Questions of archeology of Siberia*, ed. Troitskaya T. N. Novosibirsk: NGPI, 1972, 47–59. (In Russ.)
7. Kiryushin Yu. F., Kazakov A. A. The complex of archaeological sites Maliy Gon'binskiy Cordon-2. *Actual problems of Siberian archeology*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996, 68–72. (In Russ.)
8. Kungurov A. L. Archaeological finds from the confluence of the Biya and Katun rivers. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999, iss. X, 116–120. (In Russ.)
9. Kungurov A. L. Sites of archeology of Pervomaisky district of the Altai Territory. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*. Barnaul: Azbuka, 2006, iss. XV, 327–385. (In Russ.)
10. Kazakov A. A., Isupov S. Yu. Ceramic complex of Bekhtemir hillfort. *Protection and use of archaeological sites of Altai: Proc. Conf.*, Barnaul, March 20–21, 1990. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1990, 109–112. (In Russ.)
11. Kazakov A. A. Hillfort Soshnikovo I. *Ancient settlements of Altai*, ed. Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 192–205. (In Russ.)
12. Borodaev V. B. New archaeological materials from Bobrovka Village in the Pervomaisky district. *Protection and use of archaeological sites of Altai*. Barnaul: BGPI, 1991, iss. II, 50–52. (In Russ.)
13. Kazakov A. A., Papin D. V. The complex of archaeological sites Kokuisky I. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, iss. IX, 169–172. (In Russ.)
14. Kungurova N. Yu. The problem of ancient hillforts in the Biysk area. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997, iss. VIII, 43–46. (In Russ.)
15. Saibert V. O. The results of archaeological exploration in the Talmensky region of the Altai Territory in 2016. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territor*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017, iss. XXIII, 44–48. (In Russ.)
16. *Published monuments of I–II millennia on the Altai Territory*, comp. Kazakov A. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018, 194. (In Russ.)
17. Gryaznov M. P. *The history of the ancient tribes of the Upper Ob based on the excavations at Bolshaya Rechka village*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956, 225. (In Russ.)
18. Troitskaya T. N. Odintsovo culture in the Novosibirsk area of the Ob District. *Problems of West Siberian archeology. Iron Age*. Novosibirsk: Nauka, 1981, 101–118. (In Russ.)
19. Troitskaya T. N. Verkhneobsкая culture of forest-steppe Priobye (V–VIII). *The age of stone and paleometal of the Asian part of the USSR*. Novosibirsk: Nauka, 1988, 95–101. (In Russ.)
20. Kiryushin Yu. F., Kadikov B. Kh. Results of research on archaeological sites on Lake Itkul. *Barnaul is 250 years old*, ed. Okladnikov A. P. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1980, 59–61. (In Russ.)
21. Abdulganeev M. T., Kazakov A. A. Verhneobsky sites of Itkul'sky lakes. *Protection and use of archaeological sites of Altai*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1990, 104–108. (In Russ.)
22. Kazakov A. A., Neverov S. V. Chronology and periodization of sites from the middle of the second half of the 1st millennium AD in the Upper Ob district. *Problems of chronology and periodization of archaeological monuments of Southern Siberia*, ed. Kiryushin Yu. F. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1991, 167–170. (In Russ.)
23. Kazakov A. A. *Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob district*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 1996, 19. (In Russ.)
24. Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Cultural and chronological schemes of studying the history of medieval nomads of Altai. *Antiquities of Altai*. Gorno-Altaysk: Izd-vo GAGU, 2002, iss. 9, 82–91. (In Russ.)
25. Kungurova N. Yu. The hillforts on the river Biya and the upper. *Antiquities of Siberia and Central Asia*, ed. Soenov V. I. Gorno-Altaysk: Izd-vo GAGU, 2018, iss. 9, 41–60. (In Russ.)
26. Kungurova N. Yu., Abdulganeev M. T. *Mayminskaya culture. According to the materials of the settlements of Salair and the Prealtai Plain. 1st floor. I millennium AD*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2019, 214. (In Russ.)
27. Kungurov A. L. Settlement of the late antiquity in the Altai: cartographic and the planigraphic features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, (2): 58–61. (In Russ.)

28. Kazakov A. A. On the functional purpose of the shaft-ditch lines. *Socio-economic structures of the ancient societies of Western Siberia*: Proc. All-Russian. Sci. Conf., Barnaul, April 9–10, 1997. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997, 183–187. (In Russ.)
29. Kazakov A. A., Grushin S. P., Saibert V. O. Malyi Gon'binskii Kordon 2/6 – new monuments of Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Priobye. *Archeology of Western Siberia and Altai: the experience of interdisciplinary research*, ed. Tishkin A. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 312–315. (In Russ.)
30. Kazakov A. A., Saibert V. O. Dwelling No. 1 of the hill-fort of Malyi Gon'binskii Kordon-2/6-2. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016, iss. XXII, 122–126. (In Russ.)

Петроглифы горы Кременной и вопросы их хронологии*

Ольга С. Советова^{a, @, ID1}; Ольга О. Шишкина^{a, ID2}; Ирина В. Аболонкова^{b, ID3}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

^b Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Томская, 5а

@ olgasovetova@yandex.ru

ID1 <http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018>

ID2 <http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018>

ID3 <https://orcid.org/0000-0003-2033-7850>

Поступила в редакцию 05.07.2019. Принята к печати 29.07.2019.

Аннотация: Статья посвящена наскальным изображениям горы Кременной, расположенной на северо-западном участке Тепсейского археологического микрорайона. Рисунки на горе Кременной были обнаружены в 2015 г. кемеровскими археологами. Открытие нового пункта петроглифов позволило не только пополнить фонд изобразительных источников Тепсейского археологического микрорайона, но и выявить новую изобразительную традицию эпохи поздней бронзы. На четырех плоскостях техникой выбивки нанесено пятьдесят две фигуры, относящиеся к карасукской и тагарской археологическим культурам. Стилистические особенности изображений эпохи поздней бронзы этого местонахождения позволяют выделить здесь как минимум две изобразительные традиции в рамках карасукской культуры: одна из них представлена проволочными фигурами, вторая – полновесными силуэтными изображениями. Подобные изображения известны и в других пунктах горы Тепсей. По проведенным в 1960-х гг. раскопкам выявлено, что на территории Тепсейского археологического микрорайона представлены как погребальные, так и поселенческие памятники двух хронологических этапов карасукской культуры (XIII–XI вв. до н. э.). Рисунки горы Кременной в контексте археологического материала дополняют представления о масштабах и особенностях одного из наиболее крупных памятников наскального искусства Минусинской котловины – Тепсея.

Ключевые слова: Минусинская котловина, Тепсейский археологический микрорайон, наскальное искусство, археологический контекст, карасукская культура, документирование

Для цитирования: Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Петроглифы горы Кременной и вопросы их хронологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 663–673. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-663-673>

Введение

История изучения петроглифов Минусинской котловины, одного из крупнейших очагов наскального искусства России, насчитывает уже не одно столетие. Среди прочих вопросов исследователей волнует главный – к какой эпохе относятся наскальные рисунки. К настоящему времени уже сложился основной набор методов их датировки, но проблема хронологической атрибуции петроглифов все еще остается актуальной. Относительно просто с рисунками, выполненными в хорошо узнаваемом стиле, таком как скифо-сибирский, характерном для рисунков тагарской культуры. Они представляют достаточно самобытную серию, имеющую очевидную переключку в стилистическом

и сюжетном отношении с декоративно-прикладным искусством скифской эпохи. Достаточно узнаваемы ранние рисунки, выполненные в минусинском и ангарском стилях (если не углубляться в их внутреннюю хронологию), а также таштыкские, некоторые этнографические. К сожалению, огромное количество изображений остается слабо атрибутированным, что можно сказать и, например, о рисунках эпохи поздней бронзы. Если характеризовать в целом наскальное искусство бронзового века, то следует отметить заметное разнообразие изобразительных традиций, присущих этой эпохе. При этом особым вопросом не вызывает, пожалуй, только вычленение образцов яркого окуневского искусства, известного по изображениям

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 118-09-40089 «Наскальное искусство Тепсейского микрорайона в контексте археологических материалов».

на плитах из погребений, по стелам и каменным изваяниям и рисункам на скалах [1–4]. Практически ничего не известно про андроновское наскальное искусство. В свое время Б. Н. Пяткин высказал предположение, что андроновское искусство представлено исключительно геометрическими фигурами и встретить зоо- и антропоморфные изображения этого времени едва ли возможно [3, с. 61, рис. 2–4]. Несмотря на активные поиски, до настоящего времени пласт рисунков андроновской культуры не выявлен.

Несколько в стороне находятся изображения карасукской культуры. И хотя петроглифы поздней бронзы относительно давно находятся в сфере научного интереса [5; 6], многие вопросы остаются неразрешенными, в том числе характеристика стиля и его вариаций, тематика образов и др. Впервые о петроглифах карасукской культуры заговорили при раскопках тесинского могильника у Есинской МТС, когда в одной из могил была найдена плитка с рисунками, предположительно карасукскими. Одним из ключевых моментов в вопросах выделения карасукского пласта петроглифов стало обнаружение в 1975 г. при осмотре плит каменных ящиков карасукского могильника Варча II, а в 1980 – Варча I плит с изображениями лошадей, аналогичных найденным при раскопках у Есинской МТС [3, с. 65, рис. 5; 7, с. 65]. После того как карасукские рисунки были выделены на погребальных плитах, стали идентифицировать и подобные рисунки на скалах. Петроглифы близ улуса Маткечик, некоторые рисунки горных массивов Шалаболино, Оглахты и Тепсея также были отнесены к карасукскому времени [6, с. 9]. Большой археологической удачей было обнаружение в 1978 г. в урочище Кизань в горном массиве Оглахты большой горизонтальной плиты с многочисленными рисунками, отличающимися особой тематикой [8, с. 127], среди которых были изображения кинжалов, окружностей и спиралей, фигурки животных и т. д. [9]. Имеющиеся на плите изображения животных позволяют датировать аналогичные фигуры и на других памятниках.

Проблему выделения петроглифов, относящихся к карасукской культуре, активно разрабатывал в 1970-х гг. Б. Н. Пяткин [3, с. 61]. В итоге изображения животных (лошадей, куланов, быков), выполненные в определенном стиле, были определены Б. Н. Пяткиным как «карасукские» [3, с. 62]. Для карасукского стиля характерны моделировка туловища животного прямой (обычно более широкой) линией; передача четырех выполненных более тонкими параллельными линиями ног, а также длинного опущенного хвоста и прямой (или изогнутой) шеи с маленькой головой. Несмотря на известный схематизм, многие из них достаточно выразительны и индивидуальны, что достигается в первую очередь различной постановкой ног и реалистически переданными мордами животных. Б. Н. Пяткиным внутри петроглифов карасукской эпохи были выделены

более ранние, относящиеся к собственно карасукскому времени, основным сюжетом которых являются изображения лошадей, оленей, колесниц, жилищ, и более поздних, относящихся к каменнолошскому времени, когда появляются изображения людей [3, с. 62].

При изучении карасукских рисунков становилось все более очевидно, что внутри этого пласта существуют разнообразные изобразительные традиции. Так, при анализе наскальных рисунков Шалаболинской писаницы Б. Н. Пяткиным и А. И. Мартыновым были выделены две изобразительные традиции: линейная – животное изображалось одной линией от головы до хвоста, с маленькой, без проработки деталей головой на длинной тонкой шее и присоединенными к туловищу двумя или четырьмя ногами и с длинным прямым хвостом [10, с. 107–108]; контурная – фигуры животных прорабатывались контурными или силуэтными, с гипертрофированно отвисшим животом, расчлененным вертикальными линиями, заполняющими весь контур; у диких животных изображались рога в виде вертикальной линии с отходящими от нее отростками; лошади часто изображались с холкой [3, рис. 5; 10, с. 108]. Н. В. Леонтьев среди рисунков на варчинских плитах выделил три стилистические группы, в которые вошли: линейно-силуэтные изображения животных с туловищем, обозначенным прямой линией, один конец которой, плавно изгибаясь книзу, воспроизводит хвост, а второй, поднимаясь вверх, передает шею и завершается двумя черточками ушей и опущенной книзу головой; линейно-контурные изображения с дугообразной линией, обрисовывающей контур живота; условно-реалистические изображения, на которых туловище и шея выполнены широкой резной линией, постепенно сужающейся по направлению к голове, более объемной, чем у фигур первых двух групп [7, с. 70]. В результате был выделен т. н. варчинский стиль.

Анализ рисунков с плиты из Кизани позволил Ю. Н. Есину выделить четыре группы изображений животных. В простом линейном стиле были выполнены наиболее простые и схематичные рисунки с передачей туловища, шеи, хвоста и ног одинарными линиями. К сложному линейному стилю Ю. Н. Есин отнес фигуры, у которых туловище и бедра изображены объемно, по контуру. При всей схематичности такое изображение как бы составлено из отдельных геометрических фигур и конструируется из отдельных линий. Специфику данной группе изображений придает изображение подтреугольных бедер, а на туловище нередко показаны поперечные линии. Отдельная группа рисунков демонстрирует частичный отход от схематичного линейного принципа передачи образа: туловище показано объемным, моделируемым по контуру. Ноги, как правило, изображены в динамичном положении и могут иметь разную

толщину линии. По сравнению с предыдущими группами, у некоторых изображений показан открытый рот, а шея гипертрофированно длинная, вытянутая вверх. Еще одна группа представлена изображениями с трапециевидным и подпрямоугольным туловищами. На туловище типичны поперечные линии. Ноги обычно показаны схематично прямыми параллельными линиями [9, с. 67].

Самым сложным моментом в датировке рисунков карасукским временем является непродуктивность метода аналогий с предметными сериями. Уже Я. А. Шером была поставлена проблема соотношения предметов мелкой пластики и наскальных изображений эпохи поздней бронзы. Говоря о явных противоречиях между ними, он высказал гипотезу о возможности датировать карасукским временем некоторые изображения, традиционно относимые к раннему скифскому времени. В пользу этого предположения он привел аргумент переиспользования некоторых оленных камней в кургане Аржан I и плиточных могилах перевала Эгин [11, с. 235]. Э. Б. Вадецкая по этому поводу высказывалась более категорично: «один из важнейших методов датирования рисунков методом аналогий с предметными сериями практически не работает применительно к рисункам поздней бронзы. Стиль изображений схематичен и очень отличен от реалистических высокохудожественных литых намерший бронз» [12, с. 86; 13].

Тем не менее к настоящему времени карасукский пласт рисунков достаточно аргументированно выявлен, хотя проблема разнообразия карасукских рисунков остается актуальной. Поэтому важно подвергать анализу как можно большее количество изображений, которые по ряду выделенных признаков могут быть отнесены к карасукским, и, по возможности, определять локальные изобразительные варианты внутри этого стиля; анализировать случаи палимпсестов, позволяющих не только выходить на определенные хронологические срезы, но и проследивать пути формирования и развития этого стиля, выявлять отдельные «изобразительные школы».

Петроглифы Тепсея

Несомненный интерес представляет наскальное искусство горы Тепсей, расположенной в бассейне Среднего Енисея на юге Красноярского края. В петроглифах Тепсея карасукский пласт рисунков весьма устойчив, но заметно неоднороден. К настоящему времени изображения, которые по тем или иным признакам связывают с эпохой поздней бронзы, найдены практически во всех выявленных пунктах горы, вплоть до самой вершины. В целом изучение наскального искусства Тепсея [11; 14, рис. 1], давшее наряду с другими хронологическими группами колоссальный материал по петроглифам эпохи бронзы, существенно обогатило

сложившиеся представления о карасукской изобразительной традиции. Среди рисунков Тепсея с уверенностью выявляется по меньшей мере три стилистические группы рисунков животных – от предельно схематичных, выполненных как из проволоки, линейных, до вполне полновесных, с силуэтными корпусами, но также неопределенных в видовом отношении.

В науке уже хорошо известны некоторые группы тепсейских рисунков, выполненных в карасукском стиле. Пожалуй, самым растиражированным является сюжет «кони у мирового древа», в свое время введенный в научный оборот Я. А. Шером [11, рис. 72, 74, 124]. Часть рисунков этой серии была известна и раньше, по всей видимости, еще в начале XX в. [15, рис. 2]. О. В. Ковалева, в своей кандидатской диссертации, а затем и в монографии обобщившая общие сведения по истории и основным проблемам изучения петроглифов поздней бронзы, уделила внимание некоторым рисункам Тепсея, к которым, по ее мнению, помимо жанровой сцены «кони у мирового древа», относятся отдельные рисунки лошадей и некоторых других животных [6, таблицы 49–55, 57–61] (стоит отметить, что в приведенных ею таблицах оказались рисунки достаточно разнородные и датировка их эпохой поздней бронзы не всегда достаточно аргументирована). К рисункам Тепсея обращались многие исследователи, например И. В. Ковтун, который, выделив т. н. тепсейскую группу, связал ее с окуневской изобразительной традицией, поскольку, по его мнению, гипертрофированная задняя часть крупа и холка изображенных животных образует характерный прогиб спины, который находит аналогии в окуневских фигурах [16, с. 62].

Петроглифы горы Кременной

Совсем недавно на местонахождении Кременная нам удалось выделить самобытные карасукские рисунки. Судя по известным нам данным, ранее этот объект не исследовался. Возможно, маловыразительные склоны со слабыми выходами желтоватых пород не вызывали особого исследовательского интереса, да к тому же на фоне монументального Тепсейского горного массива с большими скоплениями выразительных рисунков скальные плоскости горы Кременной казались непривлекательными. Гора расположена на некотором удалении от береговой линии правого берега Енисея (Красноярского водохранилища) в Краснотуранском районе Красноярского края, в северо-западной части т. н. Широкого лога. Эта возвышенность расположена на одном из отрогов Байтакского хребта, обрамляющего на севере Минусинскую межгорную впадину. Гора Кременная имеет сложную форму с многочисленными отрогами, образующими внутренние лога. Скальные выходы тянутся слабо выраженными ярусами

с юга-востока на северо-запад с постепенным понижением высот. Наиболее высокая точка Кременной составляет 579 м н. у. м. Возвышенность сформирована каменно-угольными пластами, скальные выходы горы сложены туфами и туффитами, известняками, желтовато-серыми, зеленовато-серыми и розовыми песчаниками Надалтайской свиты, а также туфами, туффитами и красно-коричневыми песчаниками Алтайской свиты¹.

Тепсейским отрядом кафедры археологии Кемеровского государственного университета уже не первый год ведутся работы с целью выявления и документирования наскальных изображений на территории Тепсейского археологического микрорайона, выявленного в ходе работы Красноярской экспедиции в 1960–70-х гг., на территории которого известны разнообразные археологические памятники одиннадцати исторических периодов [17, с. 7]. Первые разведки, проведенные летом 2015 г., позволили обнаружить этот участок с рисунками, а позднее, в 2018 г., провести сплошное обследование всех скальных поверхностей северо-западных участков горы Кременной, тяготеющих к Красноярскому водохранилищу. Маршруты разведки пролегли вдоль

ярусов скальных выходов даже в тех случаях, когда они казались маловыразительными и бесперспективными для обследования из-за плохой сохранности и особенностей породы камня. С целью выявления слаборельефных и плохо сохранившихся изображений, рисунков, покрытых лишайником или кальцитом, а также выполненных в технике гравировки, шлифовки или краской осмотр одних и тех же участков склона проводился неоднократно в разное время суток, при разном освещении, в том числе с использованием искусственного света. Вследствие тщательного осмотра склонов горы Кременной на северо-западном отроге на высоте 1,5–2 м над уровнем земли было зафиксировано небольшое скопление петроглифов. Рисунки расположены очень компактно на 4-х соседствующих гранях, общая протяженность которых – не более двух метров. Локальность местонахождения обусловлена рельефом местности и подходящими для нанесения изображений горными породами, слагающими данный участок скального выхода (рис. 1).

Рис. 1. Вид на местонахождение с наскальными изображениями на горе Кременной

Fig. 1. Rock paintings on Mount Kremennaya

¹ Геологическая карта СССР / ред. С. А. Музылев, сост. М. Г. Николаева, И. В. Киселева, Р. А. Селивестрова. Л.: ФГБУ «ВСЕГЕИ», 1975. Л. N–46–XX.

Описание изображений

Плоскость 1 (рис. 2) практически прямоугольной формы, 70x100 см. Ориентация – юго-юго-запад (азимут 210°). Грань имеет положительный угол наклона +11°, что сказывается на сохранности камня. По всей плоскости встречаются трещины разных размеров. Отсутствие козырька над гранью и положительный угол наклона плоскости способствуют образованию лишайников, талломы которого встречаются на разных участках грани. На плоскости зафиксировано 10 изображений зооморфных фигур и всадников. Все фигуры обращены влево, у животных обозначено по две ноги.

В центральной части плоскости расположена фигура всадника на коне. Конь показан в позе внезапной остановки. Выбоинами намечены поводья, за которые держится всадник. Правая его рука поднята вверх, а левая – опущена. Под ним фиксируются еще две фигуры всадников, а еще ниже – фигуры животных. По всей поверхности плоскости имеются мелкие поверхностные выбоины округлой и слегка продолговатой формы. Эта рассеянная выбивка зачастую мешает должному восприятию отдельных фигур плоскости. Подобным пикетажем, но уже сплошной выбивкой, выполнено большинство изображений на грани. Исключение

составляют два рисунка в нижней части плоскости, где фигуры нанесены сплошным, но более крупным пикетажем. Форма отдельных выбоин продолговатая, похожая на насечки. Угол наклона выбоин отражает направление инструмента при нанесении изображений.

Плоскость 2 (рис. 3) имеет вытянутую форму, 65x150 см. Угол наклона плоскости +13°, ориентация – юго-юго-запад (азимут 210°). Сохранность грани удовлетворительная, хотя правый верхний угол ее растрескался и один блок отошел, чуть выдвинувшись вперед. В настоящее время грань состоит из двух каменных блоков, когда-то составлявших единое целое. Левая часть более массивная. В центральной части плоскости скальная корка утрачена. В углублении выбивки практически всех изображений видны талломы лишайника, но особенно интенсивно он распространен на правом блоке. На левом выбито по меньшей мере 18 фигур – это довольно схематичные зооморфные изображения, соотносимые с карасукской изобразительной традицией. Фигуры выполнены в линейном стиле. На правом, меньшем по размеру блоке зафиксировано 9 фигур – четыре схематичных зооморфных персонажа, а также пять схематичных антропоморфных фигур. Выбивка изображений

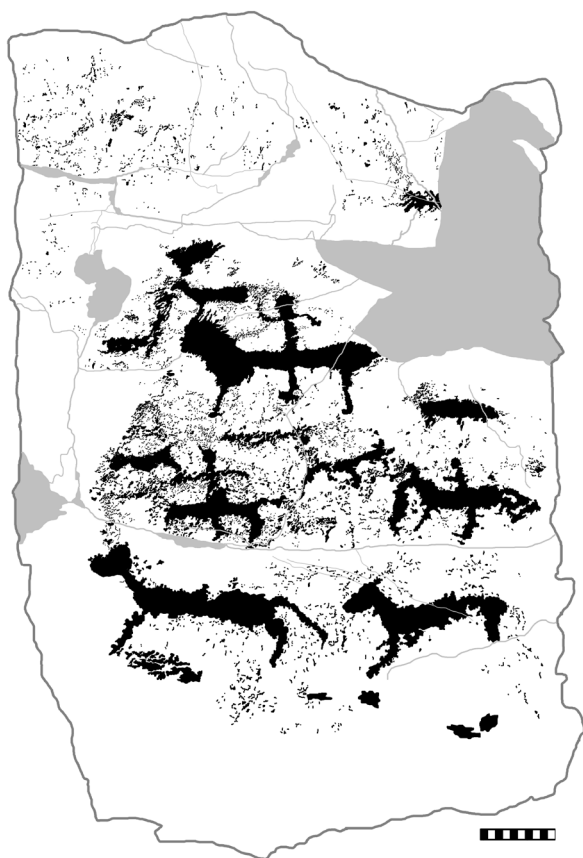

Рис. 2. Плоскость 1. Изображения в раннетагарской изобразительной традиции. Прорисовка
Fig. 2. Plane 1. Images in the Early Tagar art tradition. Tracing

Рис. 3. Плоскость 2. Карасукские изображения. Прорисовка
Fig. 3. Plane 2. Karasuk images. Tracing

разная. Верхние фигуры левого блока выполнены крупными рассеянными круглыми по форме выбоинами, в то время как изображения, расположенные чуть ниже, несмотря на такую же округлую форму выбоин, нанесены более мелким сплошным пикетажем. Рисунки в центральной части левого блока, очевидно, наносились одним инструментом и, возможно, одним мастером, что косвенно указывает на их одновременность. Они различаются лишь выбивкой. Правый блок плоскости – худшей сохранности, что сказывается и на выбивке. Зооморфные изображения этой части грани нанесены мелкими сплошными выбоинами, антропоморфные изображения, несмотря на миниатюрные размеры, выполнены выбивкой более крупной и преимущественно вытянутой овальной формы. Датировка зооморфных изображений этой плоскости не вызывает сомнений – рисунки соотносятся с карасукской культурой.

Плоскость 3 (рис. 4) 60x130 см, имеет небольшой положительный наклон +4°. Отличительной ее особенностью является яркий желто-оранжеватый цвет патины и ориентация на запад-северо-запад (азимут 290°). Сохранность плоскости удовлетворительная, хотя ее пересекают многочисленные мелкие трещины. По всей поверхности грани

Рис. 4. Плоскость 3. Карасукские изображения. Прорисовка
Fig. 4. Plane 3. Karasuk images. Tracing

фиксируются утраты скальной корки. Рисунки расположены преимущественно в правой части. Здесь девять зооморфных фигур, аналогичных изображениям 2-й плоскости. Они расположены друг над другом, а в верхней части две фигуры нанесены друг напротив друга. Выбивка, которой выполнены рисунки, однообразная – выбоины глубокие и чуть удлиненные по форме. Некоторые изображения сильно выветрены. Еще одной отличительной особенностью техники нанесения рисунков является наличие тонких, едва заметных гравированных линий в центральной части плоскости. К сожалению, из-за выветренности поверхности грани проследить полнофигурное гравированное изображение так и не удалось. Изображения этой плоскости тоже соотносятся с карасукской изобразительной традицией.

Плоскость 4 (рис. 5) 75x140 см, имеет ориентацию на юго-юго-запад (азимут 210°). Угол наклона составляет +18°. Сохранность плоскости, по сравнению с предыдущими, хорошая, что, очевидно, обусловлено ее расположением. В верхней части камня практически нет почвенного слоя, а значит влага не задерживается на его поверхности. Трещины на грани незначительные, однако имеются утраты скальной корки в виде небольших углублений-выветренностей. На плоскости зафиксировано шесть довольно любопытных зооморфных фигур. Размеры одной фигуры гораздо крупнее остальных. Туловище ее удлиненное, шея чрезмерно вытянута, на ней маленькая, непропорциональная телу голова с двумя ушками. Фигура с четырьмя ногами, причем передние частично разрушены сколом. Кончик хвоста животного заканчивается выбитым кружком. Рисунки в левой части плоскости выполнены крупными небрежными выбоинами вытянутой формы. Центральная и нижняя фигуры проработаны более тщательно.

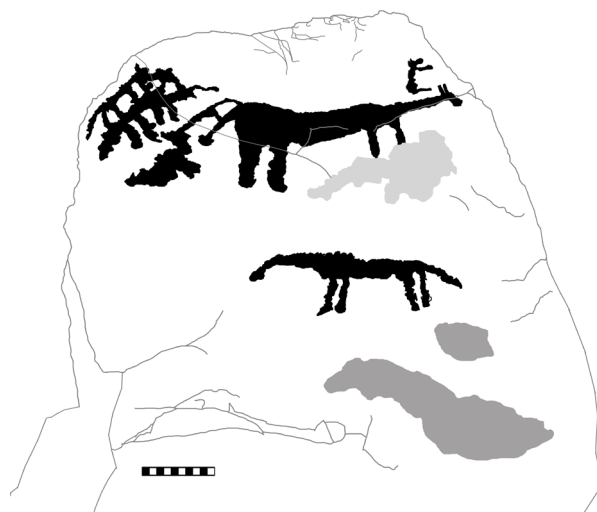

Рис. 5. Плоскость 4. Карасукские полновесные изображения. Прорисовка
Fig. 5. Plane 4. Karasuk "full-weighted" images. Tracing

Таким образом, хотя большинство описанных изображений горы Кременной выполнены в карасукской изобразительной традиции, рисунки различаются стилистически. Часть из них выполнена в своеобразном упрощенном проволочном стиле. У животных обозначено по две или по четыре ноги, а у некоторых дугообразная спина. Рисунки этой группы напоминают варчинские изображения [7, с. 71] и некоторые рисунки с плиты из Кизани [9, рис. 1] и на береговых скалах Оглахты [18, с. 61; 19, рис. 16], а также они близки изображениям с горы Шишка [5, фото 6], Ильинской писаницы [5, рис. 5–I.5] и др. памятников наскального искусства Минусинской котловины. Несмотря на известный схематизм, многие из них достаточно выразительны и индивидуальны, что достигается в первую очередь различной постановкой ног и относительно реалистичными мордами животных. Вторым вариантом представляют силуэтные зооморфные фигуры с нарушенными пропорциями, гипертрофированным туловищем и маленькой головой. Характерной их чертой являются изображенные на хвостах кисточки-кружочки.

Нельзя не отметить и расположенные по соседству с зооморфными персонажами на плоскости № 2 довольно схематичные антропоморфные фигуры. Б. Н. Пяткин установил, что изображения антропоморфных персонажей появляются на каменоложском этапе [3, с. 62], что, возможно, следует учесть при датировке рисунков этой плоскости. О. В. Ковалева отмечала, что в карасукскую эпоху образ человека утратил множество функций, столь характерных для окуневского времени. Манера исполнения антропоморфных изображений словно отступила к неолитическим (энеолитическим) корням. Схематизм и обобщенность стали визитной карточкой большинства карасукских изображений, в том числе это относится и к антропоморфным персонажам [5, с. 46]. Именно из-за схематичности антропоморфных фигур их датировка всегда вызывает затруднения. В данном случае антропоморфные фигуры выполнены в одной технике и в непосредственной близости с карасукскими зооморфами, хотя какой-либо явной сюжетной связи между ними не прослеживается. Серия антропоморфных персонажей, датируемых эпохой поздней бронзы, известна среди петроглифов разных памятников Минусинской котловины, в том числе из близких местонахождений – на горе Бычихе [20, таблица 4], но они значительно отличаются от петроглифов горы Кременной.

Исследователям еще предстоит выявить причины расположения в очевидном соседстве фигур, выполненных в разных манерах. Пока же можно предположить, что речь идет, скорее всего, о разных мастерах, создававших эти

фигуры, и заложенном в них семантическом контексте. Нельзя исключать и одновременность создания рисунков. Как отмечал Д. Г. Савинов, изображения карасукского стиля в целом отличны от последующих тагарских, хотя отдельные стилистические приемы, характерные для наиболее динамичных рисунков, могут рассматриваться в качестве местного компонента тагарской изобразительной традиции. Что касается вопроса о культурной принадлежности данных изображений, то пока предпочтительно определять их карасукскими без углубления в более узкую датировку. Как известно, в эпоху поздней бронзы на юге Минусинской котловины существовали памятники как карасукской культуры, так и каменоложского этапа (или лугавской культуры) и переходного карасук-тагарского времени (баиновского этапа), характер связи между которыми окончательно не установлен. Не исключено, что и в рассматриваемом материале, несмотря на стадийное единство стиля, могли отразиться разные культурные традиции [21].

Археологический контекст

В результате раскопок, проведенных под горой Тепсей Красноярской экспедицией Ленинградского отделения Института Археологии в 1960–1970-х гг. [17] и другими археологами в разные годы, были получены разнообразные материалы, связанные с карасукской культурой. Выявлены два больших могильника, содержащих в себе когда-то десятки, а может быть даже и сотни могил, а также небольшое поселение. Карасукские могилы были выявлены на Тепсее VIII (по индексации М. П. Грязнова). Среди находок – керамика с зигзагообразным орнаментом, бронзовые височные колечки. На Тепсее XIV было раскопано шесть карасукских оград, при этом все могилы оказались ограбленными, а некоторые плиты покрытия разбитыми [22, с. 32]. Важно отметить, что во время раскопок встречались кости жертвенных животных. На Тепсее XV в двух раскопанных могилах обнаружили два горшка с нарядным орнаментом, а также два бронзовых колечка (серьги) и пронизку [22, с. 36]. На Тепсее XVIII раскопана ограда, через которую, к сожалению, проходила автодорога. Вещей при погребенной женщине не оказалось [22, с. 37]. На Тепсее XVI при раскопках тесинского склепа тоже были найдены две карасукские могилы². У самого подножия горы, в устье Волчьего лога, обнаружен небольшой, сильно разрушенный карасукский могильник Тепсей VI. Важно, что практически рядом, на скальных выходах, фиксируются первые наскальные рисунки большого скопления петроглифов в этом логу (пункт Тепсей II), среди которых атрибутиваны и карасукские рисунки. Здесь было раскопано три

² Пшеницына М. Н. Отчет о работах Тепсейского отряда в 1977 году // Архив Института археологии. М., 1978. Р–1. № 6712. С. 6.

могилы. Среди находок встретились три цилиндрические аргиллитовые бусинки и фрагменты керамики [22, с. 39]. В пункте Тепсей XII было открыто поселение, на котором обнаружены черепки, грузило и гальки, а также бронзовая лапчатая подвеска и обломок литого браслета. Сохранился северный угол землянки, имевшей прямоугольную форму, она была ориентирована параллельно краю надпойменной террасы. Заполнение состояло из темного окрашенного песка с включениями золы, сажи и разных мелких обломков керамики, костей животных, камней. В заполнении землянки были найдены кусочки медного шлака и небольшое грузило или подвеска. По мнению авторов раскопок, все материалы относятся к раннему карасукскому этапу. К каменоложскому же относятся лишь отдельные черепки, найденные в пункте Тепсей III, который локализовался на надпойменной террасе у подножия горы Тепсей, и в настоящее время затоплен [22, с. 39]. При мониторинге размыва берегов водохранилища исследователи обнаружили еще три участка с остатками поселений, которые предположительно были отнесены к эпохе бронзы. Это пункты Тепсей III, V, VII (по нумерации Н. А. Боковенко), где найдены фрагменты керамики, обожженные кости, кусочки угля и пр. [23, с. 50].

Заключение

Таким образом, важно отметить, что полученные археологические материалы представлены как минимум двумя хронологическими срезами, что свидетельствует о том, что карасукцы обитали в этих местах на протяжении по меньшей мере 3–4-х веков – с XIII по XI вв. до н. э. [17, с. 7]. В настоящее время карасукская культура по данным радиоуглеродных исследований датируется несколько раньше – XIV–IX вв. до н. э. [24, с. 202]. Люди здесь не только жили, но и погребали близких, о чем свидетельствует довольно большое кладбище. Очевидно, в их ритуальную сферу была включена и традиция нанесения рисунков на скалы. В петроглифах, обнаруженных на горе Кременной, легко узнается карасукская изобразительная традиция, но пока открытым остается вопрос о более узкой хронологической

атрибуции. Фигура неопределенного животного с шариком на конце хвоста известна еще на одном участке горы Тепсей в пункте Тепсей II. Изображения в проволоочном стиле, выявленные на Кременной, также характерны для разных участков Тепсея. К примеру, недавно на вершине горы Тепсей была обнаружена горизонтальная плита, на которой выявлены карасукские фигуры, запечатленные в подобном стиле [25, рис. XII]. Не исключено, что эти две группы рисунков могли сосуществовать во времени. Отдельную группу на Кременной представляют сюжеты с антропоморфными фигурами и животными, показанными в позе внезапной остановки. Скорее всего, они относятся к раннетагарской изобразительной традиции. Об этом свидетельствует не только стиль изображений, но и совершенно иная техника исполнения.

Таким образом, несмотря на, казалось бы, довольно полное и длительное исследование петроглифов Тепсейского археологического микрорайона, до сих пор обнаруживаются новые удивительные наскальные рисунки. Петроглифы горы Кременной представляют особые локальные варианты карасукской изобразительной традиции, что в дальнейшем может способствовать более углубленному пониманию развития наскального искусства Минусинской котловины в эпоху поздней бронзы в целом. Наличие в этом микрорайоне археологических материалов разных хронологических срезов карасукской культуры позволяет аргументированно заявлять и о разновременности рисунков, выполненных в пределах одной эпохи. Могли ли они сосуществовать, представляя разные «изобразительные школы», или быть разновременными – сказать пока невозможно, это дело будущего.

Сохранность наскальных изображений горы Кременной в настоящее время относительно стабильна, но процесс образования трещин продолжается, как и покрытие их биобрастателями из-за отсутствия естественных или искусственных козырьков над плоскостями с рисунками. Рисунки Кременной развеяли мнение о том, что на плоскостях желтых оттенков практически не бывает рисунков. Необходимо тщательно обследовать любые выходы камня, что доказали проведенные нами работы.

Литература

1. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 236 с.
2. Есин Ю. Н. Феномен окуневского искусства Хакасии // Хакасия и Россия: 300 лет вместе. Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. С. 22–28.
3. Пяткин Б. Н. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 60–67.
4. Есин Ю. Н. Петроглифы окуневской культуры на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 1. С. 85–123.

5. Ковалева О. В. Петроглифы эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 25 с.
6. Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 160 с.
7. Леонтьев Н. В. Колёсный транспорт эпохи бронзы на Верхнем Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. С. 65–84.
8. Пяткин Б. Н. К проблемам хронологического определения петроглифов предскифского времени на Среднем Енисее // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тезисы докладов Всесоюзной археол. конф. (Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.) Кемерово, 1979. С. 126–129.
9. Есин Ю. Н. Петроглифы «Шаман-камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 66–81.
10. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: КГПУ, 1985. 192 с.
11. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
12. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
13. Мацумото К. Карасукские кинжалы – их происхождение и распространение // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1. С. 19–34.
14. Советова О. С. Проблемы и перспективы исследования петроглифов Тепсея // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 193–200.
15. Миклашевич Е. А. Коллекция рисунков енисейских писаниц из фондов Красноярского краевого краеведческого музея // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. № 8. С. 92–100.
16. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2001. 184 с.
17. Грязнов М. П. Пункты раскопок // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 7–20.
18. Есин Ю. Н. Наскальные изображения Оглахты. Альбом. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2017. 160 с.
19. Миклашевич Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1. С. 54–77.
20. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Никалс, 1999. С. 47–74.
21. Савинов Д. Г. Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры // Проблемы археологии. Вып. 3. Памятники древнего и средневекового искусства. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 123–136.
22. Грязнов М. П. Карасукская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 29–40.
23. Боковенко Н. А. Перспективы развития подводной археологии на Красноярском водохранилище в Сибири // Проблемы изучения подводной археологии. СПб.: ИИМК РАН, 1995. Ч. II. С. 48–52.
24. Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 188–202.
25. Советова О. С., Мухарева А. Н., Аболонкова И. В. Петроглифы Тепсейского археологического микрорайона (история изучения, перспективы исследования) // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 2016. Вып. 27. С. 136–154.

Petroglyphs of Mount Kremennaya and Problems of Their Chronology*

Olga S. Sovetova^{a, @, ID1}; Olga O. Shishkina^{a, ID2}; Irina V. Abolonkova^{b, ID3}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

^b Historical cultural and natural museum-preserve "Tomsкая Pisanitsa", 5A, Tomsкая St., Kemerovo, Russia, 650000

@ olgasovetova@yandex.ru

ID1 <http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018>

ID2 <http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018>

ID3 <https://orcid.org/0000-0003-2033-7850>

Received 05.07.2019. Accepted 29.07.2019.

Abstract: The paper features rock art images of Kremennaya mountain, which is situated in the North-West part of Tepsey archeological microdistrict. The images were discovered by Kemerovo archeologists in 2015. The opening of the petroglyph site replenished the collection of graphic sources of one of the largest rock art sites of the Minusinsk Basin. It also revealed a completely new graphic tradition of the late Bronze Age. In total, four surfaces covered with rock carvings were found, i.e. 52 distinct figures. They are presumably related to the Karasuk and Tagar cultures. According to the stylistic characteristics of Bronze Age, at least two art traditions were distinguished in the context of Karasuk culture: "Wire" figures and "full-weight" silhouette characters). Similar images were found in other site of the Tepsey mountains. Excavations performed in the 1960s revealed that Tepsey archaeological microdistrict has both burial and settlement sites of two chronological stages of the Karasuk culture (XIII to XI centuries, BC). The images of Kremennaya mount provide a more detailed understanding of Tepsey, which is one of the largest rock art sites of Minusinsk basin.

Keywords: Minusinsk basin, Tepsey archeological area, rock art, archeological context, Karasuk culture, documenting

For citation: Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. Petroglyphs of Mount Kremennaya and Problems of Their Chronology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 663–673. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-663-673>

References

1. Leontev N. V., Kapelco V. F., Esin Yu. N. *Sculptures and stelae of Okunev culture*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo, 2006, 236. (In Russ).
2. Esin Yu. N. The phenomenon of Okunev art of Khakassia. *Khakassia and Russia: 300 years together*. Abakan: Izd-vo KhGU, 2007, 22–28. (In Russ).
3. Pyatkin B. N. Some issues of the dating of petroglyphs of Southern Siberia. *Archeology of Southern Siberia*, 1977, iss. 9, 60–67. (In Russ).
4. Esin Yu. N. Petroglyphs of the Okunev culture in the North of Khakassia. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, 2016, (1): 85–123. (In Russ).
5. Kovaleva O. V. *Petroglyphs of the Late Bronze Age of the Khakass-Minusinsk Depression*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2008, 25. (In Russ).
6. Kovaleva O. V. *Rock carvings of the Late Bronze Age of the Minusinsk Basin*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011, 160. (In Russ).
7. Leontev N. V. Wheel transport of the Bronze Age on the Upper Yenisei. *Questions archeology of Khakassia*. Abakan: KhakNIIL, 1980, 65–84. (In Russ).
8. Pyatkin B. N. The problems of chronological definition of petroglyphs of the pre-Scythian time on the Middle Yenisei. *Scythian-Siberian problems cultural-historical unity: Proc. All-Union Archaeological Conf.*, Kemerovo, November 14–17, 1979. Kemerovo, 1979, 126–129. (In Russ).
9. Esin Yu. N. Petroglyphs of "Shaman-stone" (the mountain Oglakhty, Khakassia). *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, 2013, (1): 66–81. (In Russ).
10. Pyatkin B. N., Martynov A. I. *Shalabolinsky petroglyphs*. Krasnoyarsk: KGPU, 1985, 192. (In Russ).

* The research was funded by the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 118-09-40089 "Rock art of the Tepsey microdistrict in the context of archaeological materials".

11. Sher Ya. A. *Petroglyphs of Central and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1980, 328. (In Russ).
12. Vadetskaya E. B. *Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei*. Leningrad: Nauka, 1986, 179. (In Russ).
13. Matsumoto K. The Karasuk daggers – their origin and diffusion. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, 2015, (1): 19–34. (In Russ).
14. Sovetova O. S. Challenges and perspectives of studying Tepsey petroglyphs. *Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, October 19–21, 2016, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 193–200.
15. Miklashevich E. A. Collection of drawings of the Yenisei petroglyphs from the Krasnoyarsk Regional Museum. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2018, (8): 92–100. (In Russ).
16. Kovtun I. V. *Pictorial traditions of the Bronze Age of Central and North-West Asia. (Problems of the genesis and chronology of the iconographic complexes of the north-west of the Sayano-Altai.)* Novosibirsk: IAET SO RAN, 2001, 184. (In Russ).
17. Gryaznov M. P. Excavation sites. *Complex of archaeological sites of Tepsey mountain on the Yenisei*. Novosibirsk: Nauka, 1979, 7–20. (In Russ).
18. Esin Yu. N. *Rock art of the Oglakhty*. Album. Abakan: KhakNIILi, 2017. 160. (In Russ).
19. Miklashevich E. A. The Oglakhty rock art complex: informational potential and research perspectives. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, 2015, (1): 54–77. (In Russ).
20. Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Chronological and stylistic features of petroglyphs at the middle Yenisei (the results of the work of the Petroglyphic Detachment of the South Siberian Archaeological Expedition of Kemerovo State University). *Archeology, Ethnography and Museology*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Nikals, 1999, 47–74. (In Russ).
21. Savinov D. G. The development of style of images on the plates of the Tagar barrows culture. *Problems of archeology. Iss. 3. Monuments of ancient and medieval art*. Saint-Petersburg: SPbGU, 1994, 123–136. (In Russ).
22. Gryaznov M. P. Karasuk culture. *Complex of archaeological sites by Tepsey mountain on the Yenisei*. Novosibirsk: Nauka, 1979, 29–40. (In Russ).
23. Bokovenko N. A. Prospects for the development of underwater archeology at the Krasnoyarsk reservoir in Siberia. *Problems of studying underwater archeology*. Saint-Petersburg: IIMK RAN, 1995, part II, 48–52. (In Russ).
24. Polyakov A. V., Lazaretov I. P. Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions. *The past of humankind as seen by the Petersburg archaeologists at the dawn of the Millennium (100th anniversary of the Russian Academic Archaeology)*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019, 188–202. (In Russ).
25. Sovetova O. S., Mukhareva A. N., Abolonkova I. V. Petroglyphs of the Tepsey archaeological micro-region (the history of the study and prospects of the research). *Archeology of Southern Siberia*, 2016, iss. 27, 136–154. (In Russ).

оригинальная статья
УДК 159.922.1:37.018.1

Опыт применения психолого-педагогических технологий сопровождения становления психологической готовности к отцовству

Юлия В. Борисенко ^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] evseenkova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.07.2019. Принята к печати 03.09.2019.

Аннотация: В статье изложен анализ возможностей психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте и в период ранней взрослости, а также развития конструктивных стратегий отцовства в период взрослости. Описаны технологии, способствующие становлению психологической готовности к отцовству и развитию конструктивных стратегий отцовства на разных возрастных этапах, приведены результаты эмпирического исследования проблемы на разновозрастных выборках, в том числе лонгитюдного исследования. В нашем исследовании приняли участие 179 испытуемых: 40 из них – подросткового и юношеского возраста (средний возраст экспериментальной группы на начало исследования – 16,5 лет, контрольной – 16,4 года) – принимали участие в лонгитюдном исследовании в течение 12 лет; 139 – взрослые мужчины (средний возраст экспериментальной группы – 32 года, контрольной группы – 33 года). Статистический анализ полученных данных с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых и независимых выборок и дисперсионного анализа с повторными измерениями позволяет сделать вывод о результативности применения описанных технологий. Результаты исследования будут интересны семейным психологам-практикам, исследователям, занимающимся гендерной проблематикой и проблемами психологии семейных отношений.

Ключевые слова: андрагогика, образовательная технология, развитие личности, тренинг, ранняя взрослость, лонгитюд

Для цитирования: Борисенко Ю. В. Опыт применения психолого-педагогических технологий сопровождения становления психологической готовности к отцовству // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 674–684. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-674-684>

Введение

Анализ психолого-педагогической литературы показывает: важнейшей характеристикой отцовства является его открытость в системе взаимоотношений семьи и социума, что до определенной степени позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. Мы не можем воздействовать на интегральное психологическое образование личности, изменить ее историю и родительскую семью; но, имея критерии конструктивности стратегий отцовства, мы можем разрабатывать программы психологической и педагогической помощи семье, отцу или ребенку, направленные на работу с ценностно-смысловой сферой личности, принятие гендерной роли и ответственности отцовства [1].

В современной психолого-педагогической литературе большое внимание уделяется определению и разработке психологических и педагогических технологий оптимизации процессов развития личности. Для нас представляют интерес возможности психологических и образовательных

технологий оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития стратегий отцовства мужчин-отцов. С точки зрения расширенного толкования термина предлагаемая нами технология определяет концепцию становления психологической готовности к отцовству через определение критериев желаемого результата, выделение этапов становления готовности, обозначение временных рамок этих этапов, разработку схемы действий для каждого возрастного этапа и различной семейной ситуации, разработку диагностического инструментария для мониторинга процесса становления, определение методов работы по оптимизации или коррекции становления психологической готовности к отцовству.

Содержательная часть технологии включает в себя в качестве цели оптимизацию становления психологической готовности к отцовству, а также специфичное для каждой возрастной группы содержание материала. Процессуальная часть определяется направлениями работы и включает в себя диагностический инструментарий для мониторинга

процесса, общие технологии работы, конкретизируемые в методах и формах деятельности психолога, педагога и родителей (по возможности).

На любом возрастном этапе психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству будет включать психологическую работу с семьей по созданию благоприятной семейно-воспитательной среды, создание образовательной среды и при необходимости психологический тренинг.

Для дошкольного возраста основные условия развития личности в целом и становления психологической готовности к отцовству в частности задают семейная среда и дошкольное образовательное учреждение. Таким образом, работу по психолого-педагогическому обеспечению становления психологической готовности к отцовству у ребенка дошкольного возраста необходимо организовывать в рамках психологического просвещения родителей [2], психологической работы с семьей, включающей психологические тренинги, направленные на осознание родителями своей роли в становлении гендерной идентичности и половом самосознании ребенка [3], и организации специальной среды в образовательном учреждении, если ребенок посещает таковое, что, однако, не является обязательным для формирования стратегии отцовства. При этом семейная и образовательная среда должны соответствовать друг другу, не допуская противоречивого подхода. Создание предпосылок готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для развития полового самосознания ребенка (гендерное воспитание) [4], установления нравственных ориентиров, включающих в себя ответственное поведение по отношению к младшим и слабым, организации условий игровой и трудовой деятельности, обучения и общения.

В младшем школьном возрасте работу необходимо продолжать выстраивать в условиях двух сред: семьи и образовательного учреждения. В этот период важнейшее значение приобретает формирование способности к систематическому труду в силу того, что ведущей деятельностью является учение. Поэтому в нашей программе большой акцент сделан на выстраивание взаимодействия родителей с детьми, уточнении воспитательных целей и задач развития, являющихся ведущими для данного возрастного этапа [5]. В этом возрасте сопровождение становления психологической готовности к отцовству происходит как часть создания условий для развития стереотипа гендерного поведения, формирования ценностных ориентаций личности, мотивирования ребенка к учебе, проявлению самодисциплины, произвольности поведения, самостоятельности. Кроме того, необходимо продолжать работу с семьей по созданию благоприятной семейно-воспитательной среды.

Подростковый и юношеский возраст, с одной стороны, создают многочисленные сложности во взаимодействии родителей и ребенка, что затрудняет психологическую работу с семьей, направленную на формирование предпосылок психологической готовности к отцовству у ребенка, а с другой – позволяет проводить работу с самими подростками и юношами в направлении актуализации и становления психологической готовности к отцовству.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для формирования гендерной идентичности, осознания и принятия своей гендерной роли, нравственно-полового воспитания, формирования системы ценностных ориентаций личности, поддержания здоровья, через выстраивание отношений со сверстниками и родителями, профессиональное самоопределение, опирающееся на такие характеристики, как успеваемость, самодисциплина, произвольность, самостоятельность.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в период ранней взрослости происходит в условиях взаимоотношений в родительской семье (эмансипации, автономности, эмоциональной и финансовой независимости от родительской семьи), формирования и функционирования отношений в паре и связано со сформированной в целом стратегией отцовства [6], системой ценностных ориентаций личности [7], степенью биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной и психологической зрелости [8; 9].

Взрослость – период реализации стратегий отцовства, однако в это время, особенно в начале, оптимизация и коррекция стратегий отцовства происходит во взаимоотношениях с супругой, и в условиях возможного обучения взрослых, например, на курсах подготовки родителей [10] или психологических тренингах [11].

На всех возрастных этапах психологическая работа с семьей является важнейшей частью психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству [12]. Она представляет собой работу по основным видам деятельности практического психолога в образовании, включающим просветительское, профилактическое, диагностическое, коррекционно-развивающее и консультационное направления, которые позволяют повышать все уровни родительской культуры человека: ценностно-смысловой, рефлексивно-оценочный и когнитивный (грамотность и компетентность) [13].

Психологическая работа с семьей включает в себя информирование с использованием информационно-коммуникационных и онлайн-технологий (например, просвещение и пропаганда ценности отцовства в ходе обучения взрослых или тренинга, создание доступной базы данных

по проблемам родительства и репродуктивного здоровья), индивидуальную и групповую работу, ориентирующуюся на технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, выбираемых в зависимости от квалификации психолога, его схемы работы и самой проблемной ситуации, и содержащую по необходимости психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию. Консультационное направление предполагает индивидуальные и групповые консультации учеников, родителей и педагогов. Диагностическое и профилактическое направления связаны с выявлением групп риска и предупреждением возрастнo-половых и семейно-обусловленных проблем гендерной социализации. Коррекционно-развивающее направление работы включает психологическую помощь по запросу со стороны родителей или педагогов.

Образовательная среда представляет собой триединое индивидуальное пространство, которое состоит из внутрипсихологического пространства личности, зоны общения и взаимодействия с ближайшим окружением и сферы значимого. Соответственно, наполнение образовательной среды дошкольного образовательного учреждения, школы или учреждения дополнительного образования специфическим для актуализации психологической готовности к отцовству содержанием с учетом психологических закономерностей и факторов гендерной социализации и нравственного развития будущих отцов при сотрудничестве субъектов социализации позволит оптимизировать процесс становления психологической готовности к отцовству.

Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов и возможной формой работы. Так, индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии, с использованием всех методов просвещения родителей, поддержки формирования субъектных свойств личности и методов убеждения (беседа, разъяснение, чтение, критика и самокритика), этических бесед.

Групповая работа весьма разнообразна и включает в себя общеклассную работу с использованием информационно-коммуникационных, групповых, проектных, игровых и кейс-технологий, технологий проблемного обучения, уровневой дифференциации, мастерских, а также традиционной технологии (в рамках классно-урочной системы). Здесь могут быть использованы методы поддержки формирования субъектных свойств личности, убеждения, тренинговые упражнения, деловые игры, метод включения в совместную деятельность, применение элементов

гендерного, нравственного, патриотического и гражданского воспитания в преподаваемых дисциплинах.

Внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным, групповым, проектным, игровым и кейс-технологиям. Здесь используются методы работы с детьми и взрослыми: информирование, поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, поручения и задания для организации общешкольных мероприятий и учеников, включение в совместную деятельность, обучение взрослых, скрайбинг.

Сложность состоит в том, что мужчины в меньшей степени, чем женщины, участвуют в образовательном процессе младших детей. Кроме того, для интересующего нас положительного эффекта педагог должен сочетать в себе педагогическое мастерство с выраженными гендерно-типичными качествами, демонстрировать образец успешного решения задач, в том числе профессиональных, статусных и ролевых, проявлять такие черты, как успешность, уверенность, организаторские способности, центрированность (умение максимально сосредоточиться на чем-то одном), целеустремленность, доминантность, чувство свободы, уравновешенность, сфокусированность, решительность. Образец успешного мужского поведения особенно необходим детям, воспитывающимся по различным причинам без отца.

Однако в силу гендерного неравенства в педагогической профессии и социального статуса педагога более эффективным будет не столько включение конкретных дисциплин в образовательный процесс, сколько создание дополнительных условий гендерного обучения в спортивных секциях (например, секции боевых искусств с преподавателями, успешно выступающими на соревнованиях; научные кружки, демонстрирующие мужской подход к решению научных проблем), организациях патриотического и гражданского воспитания по типу скаутских движений.

Помимо оптимизации формирования гендерной роли необходимо уделить внимание проблемам нравственного развития и формированию ответственности. При решении данных задач педагогические воздействия могут быть более разнообразными и эффективными, чем в ситуации формирования гендерно-ориентированной среды. Сложившиеся в современном социуме негативные тенденции (доминирование материальных ценностей, потребительское отношение к деятельности, вещам и людям, понижение значимости нравственных ценностей) снижают качество межличностных отношений людей, в частности взаимоотношений в диаде *отец – ребенок*, и требуют грамотной работы с учащимися по преодолению данных негативных тенденций в рамках образовательной среды.

Согласно мнению отечественных психологов, наиболее продуктивным периодом для развития ценностно-смысловой сферы личности является младший школьный возраст в силу того, что младший школьник обладает высокой эмоциональной восприимчивостью к окружающей действительности, нестандартным мышлением, непосредственностью. Кроме того, благодаря интеллектуальному развитию у него формируются ценностные ориентации и закладываются основы будущей общественной деятельности [14]. Формирование нравственных ценностей школьников возможно лишь во взаимодействии с окружающими. При этом важнейшими направлениями в урочной и внеурочной работе учителя являются развитие самосознания младших школьников и организация взаимодействия *ученик – ученик* [15].

Конкретные формы и методы работы по формированию у младших школьников ответственности связаны с целями и задачами, стоящими перед педагогом, и могут включать этические беседы, обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков, утренники, поручения и задания, организацию деятельности, способствующей переживанию учениками ценностного отношения к явлениям действительности и осознанию общественного и личностного смысла ценности, включение младших школьников в совместную деятельность, направленную на актуализацию ценности.

В подростковом, юношеском возрасте и ранней взрослости гендерные аспекты личности, вопросы ценности отцовства и ответственности могут быть раскрыты в контексте отдельных факультативных дисциплин или разделов дисциплин образовательной программы школы. Они отражены в учебном плане, реализуются в нелинейном расписании и определяют индивидуализацию образовательной траектории обучающегося. В качестве таковых могут выступать обсуждение идеалов и образцов мужского (и женского) поведения на классных часах. Одним из наиболее эффективных видов деятельности в этот период выступает специально организованный психологический тренинг [15].

Период ранней и средней взрослости дает широкие возможности для использования дополнительного образования в процессе развития уже сложившихся к этому времени стратегий отцовства. Отдельно необходимо отметить обучение взрослых как особый вид деятельности по оптимизации реализации стратегий отцовства. Элементы такого обучения включены в нашу тренинговую программу, однако оно может выступать и как самостоятельный и достаточно эффективный вид деятельности.

Согласно Н. Н. Васягиной, обучение взрослых имеет свою специфику: в отличие от традиционной педагогической модели обучения, где доминирующее положение занимает педагог, определяющий основные параметры

учебного процесса (цели, содержание, средства, формы, методы и источники обучения), в обучении взрослых ведущая роль принадлежит самому обучающемуся [11]. В силу того, что взрослый является субъектом процесса обучения, имеющим глубокую потребность в самостоятельности, деятельность преподавателя сводится к поощрению и поддержанию стремления взрослого к самоуправлению. При этом основными формами занятий становятся дискуссии, различные виды деловых игр, тренинги. В этом случае большое значение приобретает опыт обучающегося и возможность делиться им с коллегами. По мнению Н. Н. Васягиной, важнейшим критерием качества обучения взрослого является способность к самореализации человека в жизни, которая способствует развитию личности. Это повышает требования к разработке и внедрению активных методов обучения (компьютерных симуляторов, дистанционного обучения на базе ИКТ, кейсов, тренажерных комплексов, деловых игр, проектных методов обучения, стажировок) и различных форм дистанционного обучения (конференций, семинаров, вебинаров, деловых игр, практикумов и других форм учебных занятий, проводимых с использованием скрайбинга, средств телекоммуникаций и других возможностей Web-сервиса). Все это применимо к обучению взрослых в рамках оптимизации реализации стратегий отцовства, например, в группах подготовки к родительству, психологических тренингах или онлайн-группах, создающихся отцами и имеющих целью обмен опытом, знаниями, мыслями и эмоциями, связанными с взаимодействием с ребенком [16]. Это достаточно эффективный способ получения разнообразной практической информации, который в современной России активно используется женщинами-матерями и – в гораздо меньшей степени – отцами, возможно, в связи с ложными стереотипами, что тема родительства является прерогативой женщин. В то же время конструктивное взаимодействие родителей [17] имеет определенное влияние на функционирование самой семьи [18], самопринятие, психологическое здоровье и поведение отца [19; 20] (это справедливо для отцов разных культур [21], находящихся в различных обстоятельствах [22], различного возраста [23]) и, кроме того, на жизнь ребенка [24] даже в долгосрочной перспективе [25].

Таким образом, создание благоприятной для становления психологической готовности к отцовству образовательной среды охватывает все уровни образования, не ограничивается областями учебных предметов или проведением единичных мероприятий. Оно должно сочетать в себе комплексный подход и перспективное видение формирования стратегий отцовства в процессе развития личности, важнейшим психолого-педагогическим условием чего выступает психолого-педагогическое сопровождение формирования стратегий отцовства.

Отдельным видом деятельности в оптимизации становления психологической готовности к отцовству и психолого-педагогического обеспечения формирования стратегии отцовства является разработка и реализация программ психологического тренинга, направленного на формирование и развитие конструктивных стратегий отцовства. В ходе психологического тренинга (в зависимости от конкретной проблематики и аудитории) может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий и методов мини-лекции, скрайбинга, тренировочных упражнений; либо социально-психологический тренинг с использованием, помимо перечисленных, технологии мастерских и методов фокус-группы направленной дискуссии, ролевых игр, методов мозгового штурма. Эффективен и психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального и трансгенерационного подходов, технологии психоанализа, психодраматические и телесноориентированные технологии и репертуаром методов, включающих психотехнические игры и упражнения, дискуссии, элементы психодрамы, упражнения телесноориентированной терапии, фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, сказкотерапию, круглые столы по обмену опытом.

Опыт исследовательской и практической работы [15] позволяет предположить, что в результате подобных занятий оптимизируется психическое состояние клиента, повышается его самооценка и самопринятие. Этот комплекс личностных изменений, влияющий в итоге на решение различных семейных проблем, можно считать подтверждением результативности групповых занятий как формы психологической поддержки человека. Однако учитывая широкое распространение тренинговой работы, необходимо изучение динамики индивидуально-психологических качеств под воздействием тренинговых занятий и получение более точной исследовательской оценки их результативности.

Таким образом, гипотезой нашего эмпирического исследования выступило положение о возможности психолого-педагогического сопровождения становления готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства у мужчин-отцов.

Методы и организация исследования

В силу ограниченности объема публикации в статье представлены результаты работы с подростковой и юношеской аудиторией и взрослыми. На данном этапе психолого-педагогическое сопровождение становления готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства у мужчин-отцов было организовано средствами психологического тренинга, включавшего работу с семьей и образовательные технологии обучения взрослых. Тренинговая программа была

разработана нами в трех вариантах для подростков и юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в себя теоретическую и практическую части. В теоретическом курсе излагались постулаты детской, мужской и семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства. Собственно практическая часть включала в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном). Супруги испытуемых мужчин-отцов принимали косвенное участие в работе в качестве партнеров по выполнению домашних заданий тренинга.

В процессе изучения становления психологической готовности к отцовству проследить эффективность тренинговой работы с испытуемыми подросткового и юношеского возраста (находящимися на этапе становления стратегии отцовства, но не ее реализации на практике) возможно только в контексте долговременных эффектов формирования конструктивных стратегий отцовства в юношеском возрасте на реализацию стратегии отцовства конкретным испытуемым после рождения его ребенка во взрослости. В связи с этим нами было проведено лонгитюдное исследование. Данное исследование в силу семейных и личных обстоятельств испытуемых заняло 12 лет. В данной работе приняли участие 40 испытуемых подросткового и юношеского возраста (20 человек в 2004 г., из них 15 человек в 2016 г., – экспериментальная группа; и 20 человек в 2004 г., из них 14 человек в 2016 г., – контрольная группа). Подростки экспериментальной группы участвовали в лонгитюдном исследовании, проходившем с декабря 2002 г. по октябрь 2016 г. Первый этап исследования проходил в период с сентября 2003 г. по июнь 2004 г. В исследовании принимали участие всего 40 юношей: 20 юношей (две группы по 10 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 20 юношей – контрольную.

Данные, полученные в результате этих исследований, были подвергнуты статистической обработке. Подростки и юноши экспериментальной и контрольной групп в 2004 г. являлись учащимися общеобразовательных школ г. Кемерово. На декабрь 2016 г. испытуемые экспериментальной и контрольной групп, принимавшие участие в исследовании с 2004 г., являлись служащими (100 %) с высшим (94 %) и средним (6 %) образованием – экспериментальная группа; и с высшим (66 %), средне-специальным (26 %) и средним (8 %) образованием в контрольной группе. В 2016 г. удалось собрать данные 15 человек экспериментальной группы (ЭГ1) и 14 человек контрольной группы (КГ1).

Подобные данные были получены в работе со взрослыми мужчинами-отцами в возрасте ранней и средней зрелости: всего приняли участие 139 мужчин, имеющих одного или более детей. Из них 61 мужчина составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию (ЭГ2); 78 – контрольную группу (КГ2). Обобщенные характеристики обеих выборок представлены в таблице.

Таблица. Характеристики выборки

Table. Main respondent characteristics

Характеристики выборки	ЭГ1	КГ1	ЭГ2	КГ2
Возраст (лет)	29,4	29,2	32	33
Место жительства (%)				
Город	100	100	64	65
Село	–	–	36	35
Образование (%)				
Среднее	6	8	19	17
Средне-специальное	0	26	42	40
Высшее	94	66	31	33
В браке (%)	97	85	100	100
Занятость (%)	100	100	98	95
Количество детей	1,5	1,2	2	1,8
Возраст первого ребенка (лет)	5,6	6,1	7,1	6,9
Средний возраст на момент рождения первого ребенка (лет)	23,8	23,1	25	27
Пол детей (%)				
Мужской	49	47	59	57
Женский	51	53	41	43
Дети с ОВЗ (%)	0	0	0	2,2
Занятость супруги (%)	68	82	73	71

В данном исследовании применялись следующие эмпирические методики: беседа, анкетирование, метод экспертных оценок, наблюдение и психодиагностический метод. Используемый нами комплекс методик включал в себя тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха, методику «Принятие ответственности» В. П. Прядеина [26], тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [27], методику «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера и Р. Белла [28], опросник родительской идентичности Дж. Плека [29], шкалу отцовских установок Дж. Плека [30], методику «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткина [31], специально разработанные анкеты.

Результаты исследования

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок выявило значимые различия по следующим параметрам: шкала PARI Навязчивость родителей, шкалы СЖО Результативность жизни и Локус

контроля Я, Общая осмысленность жизни по СЖО и факторам 16PF: склонность к риску, сдержанность / экспрессивность, подверженность социальным нормам, конформизм / неконформизм, – а также по шкалам интернальности в области межличностных отношений (УСК), интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), интернальности в семейных отношениях (УСК).

Значимых различий между результатами контрольной группы, полученными до и после воздействия, не выявлено. Добоисследование, проведенное в 2016 г., показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет.

В экспериментальной группе значимо выше показатели по шкалам: принятие ответственности, установки на вовлеченность отца, интернальность в области межличностных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни, интернальность в семейных отношениях, шкала СЖО Результативность жизни, общая осмысленность жизни, родительская идентичность в уходе за ребенком, оценка родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, родительская идентичность в роли кормильца, оценка родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца, параметр Оценка личностного дифференциала – и значимо ниже показатели по шкале СЖО Локус контроля Я. Частично данные представлены на рисунке 1.

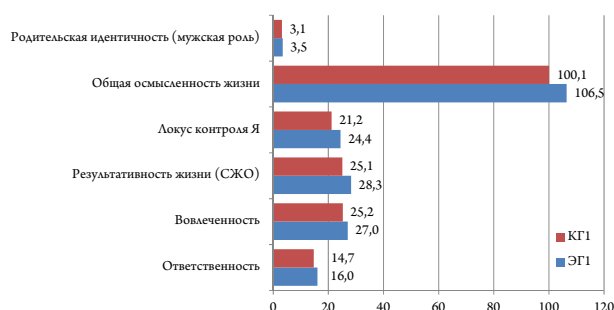

Рис. 1. Значимые различия групп лонгитюда в 2016 г.

Fig. 1. Significant differences in the longitude groups in 2016

Эти данные свидетельствуют о большей ответственности отцовства мужчин экспериментальной группы и после рождения ребенка. То есть можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами в рамках психолого-педагогического сопровождения становления отцовства не только результативна, но и имеет долгосрочный положительный эффект более чем через 10 лет, что позволяет нам проводить разработку, апробацию и реализацию комплексной программы психолого-педагогического обеспечения оптимизации формирования и развития стратегий отцовства.

Данные, полученные на выборке взрослых, схожи. Сопоставление данных между экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия

по t-критерию Стьюдента не показало значимых различий. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок выявило, что увеличились показатели ответственности, вовлеченности, практичности, склонности к выполнению социальных норм, стали выше показатели шкалы СЖО Результативность жизни, общая осмысленность жизни (рис. 2).

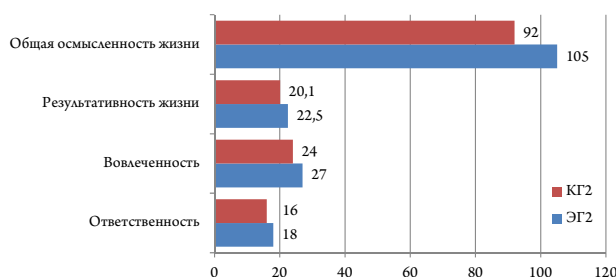

Рис. 2. Значимые различия групп отцов после воздействия
Fig. 2. Significant differences in fathers' groups after training

Дисперсионный анализ с повторными измерениями подтверждает полученные результаты. Сравнение по показателю отцовских установок мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия представлено на рисунке 3, где заметны значительные изменения по данному параметру у экспериментальной группы, что раскрывает большую настроенность на вовлеченность мужчин в жизнь ребенка после тренинга.

Изменения коснулись также параметров осмысленности жизни (рис. 4) и способности к психологической близости с другим человеком (рис. 5). У контрольной группы изменений не произошло.

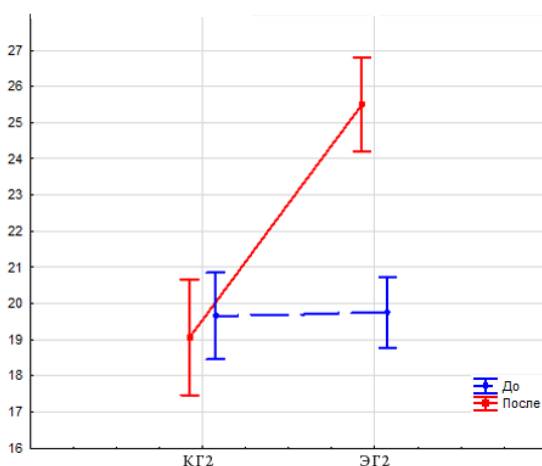

Рис. 3. Сравнение отцовских установок на вовлеченность отцов контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия
Fig. 3. Comparison of paternal involvement attitudes in the control and experimental groups before and after training

Таким образом, все проанализированные данные свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие стратегию отцовства мужчин-отцов, стали выше при отсутствии изменений у контрольной группы.

Обсуждение

Полученные нами данные соотносятся с исследованиями зарубежных ученых, описывающими возможности коррекции отцовских практик в рамках семейных отношений [12] или супружеской системы [18]. Это дает основания для разработки программ и совершенствования технологий психолого-педагогического сопровождения отцовства. Однако в данном исследовании участвовали только

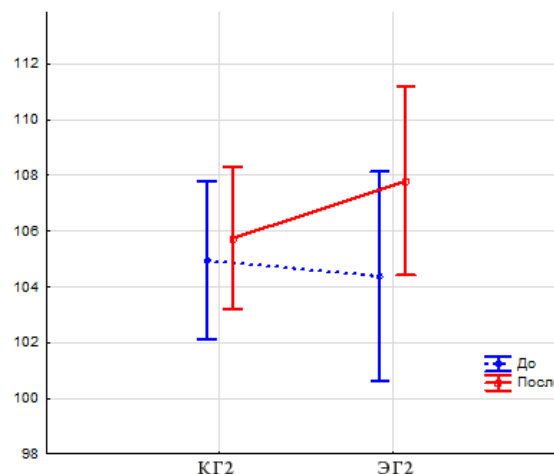

Рис. 4. Сравнение параметра общей осмысленности жизни отцов контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия
Fig. 4. Comparison of the parameter of the life goals in the fathers of the control and experimental groups before and after training

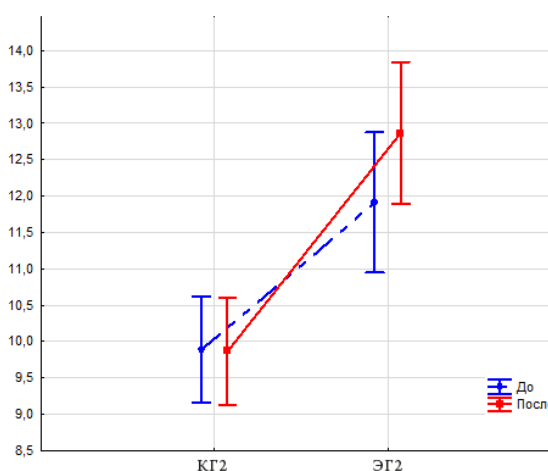

Рис. 5. Сравнение параметра способности к психологической близости отцов контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия
Fig. 5. Comparison of the ability to psychological bonding in the fathers of the control and experimental groups before and after training

резидентные отцы, состоящие в браке. Для дальнейшего изучения значительный интерес представляют группы отцов, имеющих сложности в реализации отцовских практик, например, отчимы, нерезидентные отцы, приемные отцы, отцы детей с особыми потребностями в образовании.

Примечания

Исследование проводилось с соблюдением норм профессиональной и исследовательской этики. Все испытуемые

принимали участие в исследовании добровольно после подробного описания предполагаемой работы, им была гарантирована анонимность и возможность выйти из исследования на любом этапе работы. В силу специфики полученных данных открытый доступ к ним отсутствует. Материалы можно получить при обращении к автору статьи. Конфликт интересов в связи с описанными в статье данными отсутствует. Автор выражает благодарность всем участникам исследования.

Литература

1. Борисенко Ю. В. Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения: дис. ... д-ра психол. наук. Кемерово, 2018. 538 с.
2. Fagan J., Lee Y. Effects of fathers early risk and resilience on paternal engagement with 5-year-olds // *Family Relations*. 2012. Vol. 61. № 5. P. 878–892. DOI: 10.1111/j.1741-3729.2012.00741.x
3. Fthenakis W. E., Berwanger D., Reichert-Garschhammer E. Bildungs- und Erziehungsplan für Kinder von 0 bis 10 Jahren in Hessen. Wiesbaden: SM+KM, 2007. 355 S.
4. The Role of the Father in Child Development / ed. Lamb M. E. 5th ed. N. Y.: John Wiley & Sons Inc., 2010. 672 p.
5. Кедярова Е. А. Специфика отцовского отношения к детям дошкольного возраста // *В мире научных открытий*. 2013. № 11-4. С. 151–160.
6. Eggebeen D. J., Knoester C. Does fatherhood matter for men? // *Journal of Marriage and the Family*. 2001. Vol. 63. № 2. P. 381–393. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2001.00381.x>
7. Пономарева Е. В. Ценность отцовства для современного мужчины // *Концепт*. 2016. Т. 4. С. 11–15. DOI: 10.24422/MSITO.2018.1.9688
8. Левина Н. А., Сосова С. В. Самоотношение и механизмы психологической защиты молодых мужчин с несформированной личностно-смысловой сферой отцовства // *Психология XXI века: сб. мат-лов V Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых*. (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2009 г.) СПб.: ЛГУ, 2009. С. 344–348.
9. Овсянникова Е. А. Ценностные ориентации отцов с разными родительскими установками // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2016. Т. 2. № 2. С. 28–33. DOI: 10.18413/2313-8971-2016-2-2-28-33
10. Помарчук Т. В. Формирование ответственного отцовства как профилактика социальных рисков // *Социальная работа: теории, методы, практика: мат-лы интернет-конф. и семинаров*. СПб.: ГИМЦ «Семья», 2016. Т. 3. № 5. С. 19–22.
11. Васягина Н. Н. Обучение взрослых: опыт и перспективы // *Педагогическое образование в России*. 2012. № 2. С. 9–12.
12. Радостева А. Г. Влияние семейных отношений на родительские установки // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 8-5. С. 1238–1242.
13. Cowan P. A., Cowan C. P., Pruett M. K., Pruett K. D., Wong J. J. Promoting fathers engagement with children: Preventive interventions for low-income families // *Journal of Marriage and Family*. 2009. Vol. 71. № 3. P. 663–679. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2009.00625.x
14. Кедярова Е. А., Уварова М. Ю. Психология развития личности. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2012. 177 с.
15. Борисенко Ю. В. Опыт исследования этапов формирования отцовства // *Психология в ВУЗе*. 2007. № 1. С. 27–40.
16. Doherty W. J., Erickson M. F., LaRossa R. An intervention to increase father involvement and skills with infants during the transition to parenthood // *Journal of Family Psychology*. 2006. Vol. 20. № 3. P. 438–447. DOI: 10.1037/0893-3200.20.3.438
17. Roskam I., Meunier J.-C., Stievenart M. Do mothers and fathers moderate the influence of each other's self-efficacy beliefs and parenting behaviors on children's externalizing behavior? // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25. № 6. P. 2034–2045. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-016-0365-1>
18. Pleck J. H., Hofferth S. L. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents // *Fathering*. 2008. № 6. P. 267–286. DOI: 10.3149/fth.0603.267
19. Rominov H., Giallo R., Whelan T. A. Fathers' postnatal distress, parenting self-efficacy, later parenting behavior, and children's emotional-behavioral functioning: A longitudinal study // *Journal of Family Psychology*. 2016. Vol. 30. № 8. P. 907–917. DOI: <https://doi.org/10.1037/fam0000216>

20. Fleming J., King A., Dukuly M. *Generative Fathering: Engaging fathers into family based programs*. Canberra: Groupwork Solutions, 2019. 154 p.
21. Rentzou K., Gol-Guven M., Koumariou A., Cabi Zengin N. Exploring paternal involvement from Greek, Greek-Cypriot and Turkish fathers' and mothers' perspectives: Cross-national differences and similarities // *Global Education Review*. 2019. Vol. 6. № 1. P. 5–25.
22. Reiter G. The life situation of military fathers // *The Politics of Military Families* / eds. R. Moelker, M. Andres, N. Rones. London: Routledge, 2019. P. 297–311. DOI: 10.4324/9780429026492-20
23. Springer K. W., Mouzon D. M. One step toward more research on aging masculinities: operationalizing the hegemonic masculinity for older men scale (HMOMS) // *The Journal of Men's Studies*. 2018. Vol. 27. № 2. P. 183–203. DOI: <https://doi.org/10.1177/1060826518806020>
24. Craig A. G., Thompson J. M. D., Slykerman R., Wall C., Murphy R., Mitchell E. A., Waldie K. E. The long-term effects of early paternal presence on Children's behavior // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. Vol. 27. № 11. P. 3544–3553. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1206-1>
25. Jeynes W. H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achievement // *Urban Education*. 2014. Vol. 50. № 4. P. 387–423. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042085914525789>
26. Прядеин В. П. Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты: практикум. Сургут: СурГПУ, 2014. 215 с.
27. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.
28. Schaefer E. S., Bell R. Q. Patterns of attitudes toward child rearing and the family // *Journal of Abnormal Psychology*. 1957. Vol. 54. № 3. P. 391–395. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/h0048159>
29. Maurer T. W., Pleck J. H., Rane T. R. Parental identity and reflected-appraisals: Measurement and gender dynamics // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63. № 2. P. 309–321. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00309.x
30. Pleck J. H. *Paternal involvement: Levels, sources, and consequences* // *The role of the father in child development* / ed. Lamb M. E. N. Y.: John Wiley, 1997. P. 66–103.
31. Гребень Н. Ф. Психологические тесты для профессионалов. Мн.: Современная школа, 2008. 496 с.

Empirical Results of Practical Application of Psychological and Pedagogic Support of Fatherhood Readiness

Yuliya V. Borisenko ^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] evseenkova@mail.ru

Received 16.07.2019. Accepted 03.09.2019.

Abstract: The paper features empirical studies of various technologies of psychological and pedagogic support of fatherhood readiness in adolescences and adults. It also focuses on constructive strategies of fatherhood in adults. The study involved 179 participants including 40 adolescents, whose mean age in the beginning of the study was 16,5 and for the control group – 16,4; and 139 adult males who were also divided into experimental group (mean age=32) and control group (mean age=33). The statistic analysis of the data included descriptive statistic, T-test and dispersion analysis. The results helped to assess the effects of described technologies. The results will be interesting for family consultants and gender researchers.

Keywords: andragogy, educational technology, personality development, training, adults, longitude

For citation: Borisenko Yu. V. Empirical Results of Practical Application of Psychological and Pedagogic Support of Fatherhood Readiness. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 674–684. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-674-684>

References

1. Borisenko Yu. V. *Psychological fatherhood readiness: psychological and pedagogical context and care technologies*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Kemerovo, 2018, 538. (In Russ.)
2. Fagan J., Lee Y. Effects of fathers early risk and resilience on paternal engagement with 5-year-olds. *Family Relations*, 2012, 61(5): 878–892. DOI: 10.1111/j.1741-3729.2012.00741.x
3. Fthenakis W. E., Berwanger D., Reichert-Garschhammer E. *Bildungs- und Erziehungsplan für Kinder von 0 bis 10 Jahren in Hessen*. Wiesbaden: SM+KM, 2007, 355.
4. *The Role of the Father in Child Development*, ed. Lamb M. E. 5th ed. N. Y.: John Wiley & Sons Inc., 2010, 672.
5. Keduarova E. A. The specifics of his father's relationship to the children of preschool age. *V mire nauchnykh otkrytii*, 2013, (11-4): 151–160. (In Russ.)
6. Eggebeen D. J., Knoester C. Does fatherhood matter for men? *Journal of Marriage and the Family*, 2001, 63(2): 381–393. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2001.00381.x>
7. Ponomareva E. V. Values of fatherhood in modern men. *Koncept*, 2016, 4: 11–15. (In Russ.) DOI: 10.24422/MCITO.2018.1.9688
8. Levina N. A., Sosova S. V. Self-attitude and mechanisms of psychological protection in young men with no personal and semantic sphere of fatherhood. *Psychology of the XXI century: Proc. 5th Intern. Sci.-Prac. Conf. young scientists*, Saint-Petersburg, November 19–20, 2009. Saint-Petersburg: LGU, 2009, 344–348. (In Russ.)
9. Ovsyanikova E. A. Value orientations of the fathers with different parental settings. *Nauchnyi rezultat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia*, 2016, 2(2): 28–33. (In Russ.) DOI: 10.18413/2313-8971-2016-2-2-28-3
10. Pomarchuk T. V. Development of father attitudes as a prevention of social risks. *Social work: theory, methods, practice: Proc. Online-conf. and seminars. Saint-Petersburg: GIMTS "Semia"*, 2016, 3(5): 19–22. (In Russ.)
11. Vasyagina N. N. Adult education: experience and prospects. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2012, (2): 9–12. (In Russ.)
12. Radosteva A. G. The influence of family relations to parental attitudes. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2013, (8-5): 1238–1242. (In Russ.)
13. Cowan P. A., Cowan C. P., Pruett M. K., Pruett K. D., Wong J. J. Promoting fathers engagement with children: Preventive interventions for low-income families. *Journal of Marriage and Family*, 2009, 71(3): 663–679. DOI: [doi:10.1111/j.1741-3737.2009.00625.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2009.00625.x)
14. Keduarova E. A., Uvarova M. Yu. *Psychology of personal development*. Irkutsk: Irkutskii gos. un-t, 2012, 177. (In Russ.)
15. Borisenko Yu. V. A study fatherhood development stages. *Psikhologiya v VUZe*, 2007, (1): 27–40. (In Russ.)
16. Doherty W. J., Erickson M. F., LaRossa R. An intervention to increase father involvement and skills with infants during the transition to parenthood. *Journal of Family Psychology*, 2006, 20(3): 438–447. DOI: 10.1037/0893-3200.20.3.438
17. Roskam I., Meunier J.-C., Stievenart M. Do mothers and fathers moderate the influence of each other's self-efficacy beliefs and parenting behaviors on children's externalizing behavior? *Journal of Child and Family Studies*, 2016, 25(6): 2034–2045. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-016-0365-1>
18. Pleck J. H., Hofferth S. L. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents. *Fathering*, 2008, (6): 267–286. DOI: 10.3149/fth.0603.267
19. Rominov H., Giallo R., Whelan T. A. Fathers' postnatal distress, parenting self-efficacy, later parenting behavior, and children's emotional-behavioral functioning: A longitudinal study. *Journal of Family Psychology*, 2016, 30(8): 907–917. DOI: <https://doi.org/10.1037/fam0000216>
20. Fleming J., King A., Dukuly M. *Generative Fathering: Engaging fathers into family based programs*. Canberra: Groupwork Solutions, 2019, 154.
21. Rentzou K., Gol-Guven M., Koumariou A., Cabi Zengin N. Exploring paternal involvement from Greek, Greek-Cypriot and Turkish fathers' and mothers' perspectives: Cross-national differences and similarities. *Global Education Review*, 2019, 6(1): 5–25.
22. Reiter G. The life situation of military fathers. *The Politics of Military Families*, eds. Moelker R., Andres M., Rones N. London: Routledge, 2019, 297–311. DOI: 10.4324/9780429026492-20
23. Springer K. W., Mouzon D. M. One step toward more research on aging masculinities: Operationalizing the hegemonic masculinity for older men scale (HMOMS). *The Journal of Men s Studies*, 2018, 27(2): 183–203. DOI: <https://doi.org/10.1177/1060826518806020>

24. Craig A. G., Thompson J. M. D., Slykerman R., Wall C., Murphy R., Mitchell E. A., Waldie K. E. The long-term effects of early paternal presence on children's behavior. *Journal of Child and Family Studies*, 2018, 27(11): 3544–3553. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1206-1>
25. Jeynes W. H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achievement. *Urban Education*, 2015, 50(4): 387–423. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042085914525789>
26. Priadein V. P. Personality psychodiagnosis: Selected psychological tests: Workshop. Surgut: SurGPU, 2014, 215. (In Russ.)
27. Leontev D. A. *Methodology for the study of value orientations*. Moscow: Smysl, 1992, 17. (In Russ.)
28. Schaefer E. S., Bell R. Q. Patterns of attitudes toward child rearing and the family. *Journal of Abnormal Psychology*, 1957, 54(3): 391–395. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/h0048159>
29. Maurer T. W., Pleck J. H., Rane T. R. Parental identity and reflected-appraisals: Measurement and gender dynamics. *Journal of Marriage and Family*, 2001, 63(2): 309–321. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00309.x
30. Pleck J. H. Paternal involvement: Levels, sources, and consequences. *The role of the father in child development*, ed. Lamb M. E. N. Y.: John Wiley, 1997, 66–103.
31. Greben N. F. *Psychological tests for professionals*. Minsk: Sovremenniaia shkola, 2008, 496. (In Russ.)

Деформация свойств системы идентичности в процессе профессионального выгорания специалистов деонтологического профиля*

Ольга А. Браун^а; Михаил Г. Аркузин^а; Елена В. Аршинова^{а, @}; Марина А. Билан^а

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ arshinova75@mail.ru

Поступила в редакцию 08.04.2019. Принята к печати 07.06.2019.

Аннотация: В соответствии с методологией системного подхода личность рассматривается нами как многомерная саморазвивающаяся система, при этом идентичность представляет собой отражение в сознании личности её отдельных «измерений». Являясь элементом самосознания, отдельные идентичности в свою очередь организованы в систему, отражающую целостное представление личности о себе – её Я-концепцию. Профессиональная деятельность представляет собой одно из важнейших направлений жизнедеятельности. На уровне самосознания отношение к профессии и себе как к профессионалу отражается в профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность начинает формироваться на стадии получения профессионального образования и сохраняется зачастую даже после окончания трудовой деятельности. Любые значимые противоречия, возникающие в ходе профессионализации личности, находят свое отражение в её идентичности. Именно изменения, возникающие в системе идентичности личности в процессе её профессионального выгорания, и являются предметом рассмотрения в данной работе. На результатах эмпирического исследования профессионального выгорания врачей обосновываются изменения свойств системы идентичности, выражающиеся в увеличении диффузной и предрешенной идентичности; её структуры (снижение значимости профессиональной, коммуникативной и рефлексивной идентичности), а также структурная деформация самой профессиональной идентичности. В заключение делается вывод, что работа с самосознанием и идентичностью личности является важнейшим компонентом профилактики и коррекции профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, эго-идентичность, профессиональная деятельность, Я-концепция, эмоциональное истощение, деонтология

Для цитирования: Браун О. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В., Билан М. А. Деформация свойств системы идентичности в процессе профессионального выгорания специалистов деонтологического профиля // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 685–694. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-685-694>

Введение

Деструктивные проявления в профессиональной деятельности являются значимой проблемой практической психологии, поскольку приводят не только к серьезным внутриличностным проблемам, но и к нарушению взаимодействия, изменению отношения к профессии в целом. К сожалению, профессиональные деформации наиболее выражены у людей, работающих в системе *человек – человек*. Именно эти специалисты в большей степени подвержены эмоциональному и профессиональному выгоранию, поскольку их деятельность характеризуется большой интенсивностью коммуникации, предполагает каждодневную эмоциональную нагрузку, высокую ответственность и устойчивость к стрессовым воздействиям. Деонтологические профессии требуют от индивида

образованности, соблюдения определенных профессиональных и морально-этических принципов по отношению к своему объекту, непрерывного процесса личностного и профессионального развития. Все это возможно лишь при условии ценностного отношения к профессии, когда профессиональная деятельность является не только средством поддержания уровня благосостояния, но и позволяет реализовывать внутренние мотивы и смыслы личности [1].

Личность является многомерной, самоорганизующейся системой [2; 3]. Как и любая система, она обладает «блоком обратной связи», который позволяет отражать, прежде всего в сознании самого человека, различные измерения личности, их свойства, иерархические соотношения и т. д. Такую функцию обратной связи в структуре личности

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

выполняет самосознание, которое включает в себя упорядоченные по разным основаниям (время, модальность и т. д.) Я-концепции, Я-образы, самооценку и идентичность личности [3]. Мы рассматриваем идентичность как отражение представлений человека о себе или своем месте в определенной реальности (физической, духовной, социальной, профессиональной и т. д.). В совокупности отдельные виды идентичности образуют систему (Я-концепцию), компоненты которой соподчинены и взаимосвязаны. Такая система может быть охарактеризована с точки зрения структуры (какие именно виды идентичности представлены, как они организованы), содержания (когнитивная характеристика, отражающая, как человек представляет себе соответствие той или иной категории, в совокупности содержательная характеристика всех идентичностей составляет Я-образ), самооценки и свойств (общее состояние системы). Субъективная значимость того или иного вида идентичности зависит от важности для личности того измерения, той реальности, которую характеризует. Таким образом, появление профессиональной деятельности как личностного новообразования закономерно должно сопровождаться появлением профессиональной идентичности. В идеале это должно начинаться еще на стадии получения профессионального образования. Такая первичная или даже потенциальная профессиональная идентичность является важным условием успешности обучения, принятия профессиональных морально-этических ценностей.

Профессиональная идентичность как студентов, так и сложившихся специалистов в последнее время довольно часто становится объектом психологических исследований [4–11]. При этом, как показывают результаты исследований, формирование профессиональной идентичности действительно начинается на этапе получения образования, но даже в этот относительно короткий период это развитие неравномерно и зависит от ряда факторов, среди которых одно из важнейших мест занимает специфика образовательного процесса [12–17].

Несмотря на различия в понимании профессиональной идентичности как психического явления, большинство исследователей подчеркивают его ценностную основу и тесную взаимосвязь с процессом профессионального развития [8; 9; 18]. Таким образом, редукция профессионального измерения личности закономерно сопровождается изменениями в её идентичности, самым очевидным из которых становится снижение значимости профессиональной идентичности, её негативная оценка. При этом деформация такого значимого компонента системы эго-идентичности как профессиональная идентичность приводит и к изменению свойств всей системы. Е. А. Солдатова в своих работах подчеркивает взаимосвязь показателей статусов эго-идентичности и ситуации нормативного

кризиса с эмоциональным выгоранием специалиста. Она считает, что «выгоревший» профессионал имеет признаки предрешенной или диффузной эго-идентичности, которая может выражаться в различных негативных состояниях: истощенности ресурсов, повышенном уровне тревожности и агрессии и т. д.

Одной из важных профессий деонтологического профиля является профессия врача. Деятельность современных врачей осуществляется в ситуации смены моделей российского здравоохранения, постоянно меняющихся требований к личности специалиста и качеству оказываемой помощи, т. к. в задачи врача входит оказание не только квалифицированной медицинской помощи, но и владение коммуникативными навыками (выслушать больного, помочь побороть тревогу, страх, почувствовать заботу о себе и т. д.). Такая ситуация требует от человека высокой мобильности и устойчивости к стрессовым воздействиям, но если не происходит своевременное психическое восстановление, возможно возникновение такого состояния, как эмоциональное выгорание.

Эмоциональное выгорание определяется В. В. Бойко как механизмы психологической защиты личности в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия, что может привести к снижению эффективности трудовой деятельности и дискомфортному состоянию [19]. Так, в соответствии с концепцией К. Маслач и С. Джексон эмоциональное выгорание понимается как ответная реакция на профессиональные стрессы межличностных коммуникаций и как трехмерный конструкт, который включает в себя такие компоненты, как эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений [20]. Таким образом, изменение отношения к своему Я является одним из ведущих компонентов синдрома эмоционального выгорания. Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова под этим термином понимают набор негативных психологических переживаний, связанных с продолжительными и интенсивными межличностными взаимодействиями, отличающимися высокой эмоциональной насыщенностью или когнитивной сложностью [21].

Продолжая эту логическую цепочку, с уверенностью можно говорить о том, что если позитивные эмоции в ходе деятельности лежат в основе формирования новых мотивов, то постоянное негативное подкрепление какой-либо деятельности приводит к разрушению её основы, т. е. системы мотивации. Эмоциональное выгорание переходит в профессиональное, а некоторыми авторами эти понятия даже рассматриваются как синонимы [22]. В частности, Н. В. Гришина считает, что выгорание неразрывно связано

с утратой значения профессиональной деятельности, и предлагает экзистенциальный подход к его изучению [23].

Если под эмоциональным выгоранием традиционно понимается некая форма эмоционального поведения, возникающая в ответ на частные стрессовые воздействия, т. е. акцент в определении понятия ставится на сферу личности, в которой происходят изменения, то, говоря о профессиональном выгорании, мы акцентируем внимание на деятельности, в которой эти изменения проявляются и чаще всего которой бывают вызваны. Вероятно, можно представить ситуации, в которых эмоциональное выгорание не будет связано с профессиональной деятельностью, однако в таком случае вполне возможно избежать стрессовых воздействий, другое дело, если стрессоры являются частью профессиональной деятельности личности. В таком случае эмоциональное и профессиональное выгорание, на наш взгляд, образуют единый синдром, выражающийся в попытках полного или частичного отказа от эмоциональной включенности в деятельность, изменении мотивационной основы и снижении субъективной значимости профессиональной деятельности, вплоть до формирования осознанного (или неосознанного) стремления к её избеганию. Именно в таком контексте рассматривается эмоциональное и профессиональное выгорание в данной работе.

В результате синдрома эмоционального выгорания ухудшается качество работы специалиста, растет число конфликтов в общении с коллегами, пациентами, семьей, происходит ухудшение психического здоровья, разочарование в выбранной профессии, размышления о том, чтобы сменить деятельность. Эмоциональное выгорание выступает как процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, следствием которого является прогрессирующее состояние утомления [19–22; 24]. Специалист становится менее восприимчив к сигналам извне и изнутри, и поэтому он отрицает свое настоящее, становится более пассивным, отстраненным. Чаще происходит фиксация на прошлом или будущем, что приводит к утрате гибкости, потенциала развития. Таким образом, эмоциональное выгорание влияет не только на личностные качества человека, его взаимоотношения с социумом и окружающим миром, но и на самосознание. Именно изучение изменений в системе идентичности личности, происходящих в процессе эмоционального и профессионального выгорания, и стало целью нашего исследования. Выбор в качестве экспериментальной группы врачей был обусловлен, с одной стороны, общепризнанным риском выгорания для представителей данной профессии, с другой – высокой общественной значимостью профессии врача.

Методы

Исследование проводилось в 2017 г. на базе трех больниц г. Кемерово: ГБУЗ КО «Кемеровская городская клиническая больница № 2», ГБУЗ КО «Областной клинический онкологический диспансер», ГБУЗ КО «Кемеровская городская клиническая больница № 1 имени М. Н. Горбуновой». Выборку составили 30 мужчин и 30 женщин, работающих врачами различных специальностей с профессиональным стажем от 2 до 36 лет, средний возраст 42 года. Для проведения исследования использовались следующие методики: анкетирование; опросник «Двадцать утверждений самоотношения» («Кто Я?») М. Куна и Т. Макпартленда, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко; опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (MBI) К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой для медицинских работников; тест структуры эго-идентичности «СЭИ-тест» Е. А. Солдатовой. Обработка данных осуществлялась с помощью методов математической статистики: U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок, t-критерий различия средних Стьюдента. Расчеты проводились с помощью программного пакета STATISTICA 9.0.

Результаты и обсуждение эмпирического исследования

Для установления взаимосвязи между компонентами профессионального выгорания и особенностями статусов эго-идентичности респонденты были разделены на три группы. Основанием разделения выборки послужила методика уровня диагностики эмоционального выгорания В. В. Бойко, предназначенная для измерения уровня проявления эмоционального выгорания. Согласно В. В. Бойко, выгорание по аналогии со стрессом протекает в несколько фаз. Интерпретация результатов методики ведется по трем фазам: Напряжение, Резистенция, Истощение. Каждая фаза включает в себя по 4 симптома. Фаза Напряжение: переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, «загнанность в клетку», тревога и депрессия. Фаза Резистенция: неадекватное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономики эмоций, редукция профессиональных обязанностей. Фаза Истощение: эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность, деперсонализация, психосоматические и психовегетативные нарушения [19]. В зависимости от выраженности симптомов выгорания все испытуемые были поделены нами на три группы:

1 группа – синдром полностью сформировался хотя бы в одной из фаз (т. е. итоговое количество баллов в одной из фаз больше или равно 61);

2 группа – синдром не сформировался (т. е. итоговое количество баллов ни в одной из фаз не превышает 36 баллов);

3 группа – синдром находится в стадии формирования хотя бы в одной из фаз (т. е. итоговое количество баллов в одной из фаз находится в промежутке от 37 до 60 баллов).

Исходя из цели исследования, особый интерес для нас представляли врачи, вошедшие в первую (выгорание произошло хотя бы в одной из фаз) и вторую (выгорание не произошло) группы. *Первая группа (выгорание произошло хотя бы в одной из фаз)* состоит из 14 мужчин (51,8 %), 13 женщин (48,2 %): средний возраст – 46 лет, средний стаж работы – 20 лет. *Вторая группа (выгорание не произошло)* состоит из 11 лиц мужского пола (47,8 %) и 12 лиц женского пола (52,2 %): средний возраст – 38 лет, средний стаж работы – 12 лет. Обращает на себя внимание разница в среднем возрасте и стаже работы испытуемых. Продолжительность профессиональной деятельности является важным фактором, обуславливающим развитие синдрома профессионального и эмоционального выгорания, однако не может считаться определяющим. Безусловно, небольшая выборка несколько снижает статистическую обоснованность результатов, позволяя тем не менее сформулировать некоторые выводы и обозначить дальнейшие направления исследований.

Для подтверждения данных, полученных с помощью методики В. В. Бойко, мы использовали методику «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (MBI) К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой (вариант для медицинских работников). В результате при помощи сравнения средних по t-критерию Стьюдента были обнаружены значимые различия между первой и второй группой. Основные результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты сравнений средних значений в исследуемых группах по методике «Профессиональное (эмоциональное) выгорание»

Table 1. Results of the comparative average values in research groups according to the method of "Professional (emotional) burnout"

Шкала	Первая группа	Вторая группа	p
Эмоциональное истощение	30,11	20,26	0,0019
Деперсонализация	19,59	14,87	0,0171
Редукция персональных достижений	20,00	25,00	0,0966

Прим.: выделены статистически значимые различия в группах на уровне $p \leq 0,05$.

Полученные результаты позволяют констатировать значимые различия в уровне эмоционального истощения испытуемых первой и второй групп. Испытуемые с наличием синдрома эмоционального выгорания (первая группа) имеют пониженный психический и эмоциональный тонус, менее склонны к проявлению эмоций в отношениях с окружающими людьми, особенно с коллегами и пациентами. По субшкале Деперсонализация у врачей этой группы показатели значительно превышают показатели испытуемых второй группы (испытуемые без синдрома эмоционального выгорания), вероятно, стремясь отстраняться от эмоций, они, в свою очередь, отстраняются от самой деятельности, меньше включены в неё, более формально выполняют свои обязанности. По субшкале Редукция персональных достижений обе группы имеют средние показатели, значимых различий не выявлено. В целом результаты методики уровня диагностики эмоционального выгорания подтверждаются методикой «Профессиональное выгорание» К. Маслач, С. Джексона, при этом синдром эмоционального выгорания, диагностируемый при помощи методики В. В. Бойко, в профессиональной деятельности медицинских работников проявляется не только в собственно эмоциональном истощении, но и в формировании отстраненной позиции по отношению к своей профессии и своему месту в ней.

Далее нами определялись характеристики эго-идентичности испытуемых посредством методики структуры эго-идентичности (СЭИ-тест) Е. А. Солдатовой. Основываясь на работах Дж. Марсиа, Е. А. Солдатовой выделяет 3 статуса эго-идентичности: автономная, предрешенная и диффузная. На наш взгляд, каждый статус свидетельствует о некотором актуальном состоянии системы эго-идентичности. Автономная соответствует устойчивому состоянию (даже если оно временно, вплоть до следующего нормативного кризиса). Диффузная свидетельствует о неравновесном состоянии, наличии противоречий и, согласно Е. А. Солдатовой, характерна для периодов нормативных кризисов. Предрешенная, на наш взгляд, отражает неполное формирование идентичности, т. е. имеется некоторая приписанная характеристика (или социальная роль), которая носит формальный характер, внутренне личностью не принимается и не наделяется смыслом, а следовательно, система идентичности также находится в неустойчивом состоянии, такое состояние системы характерно для предкризисной фазы развития личности [20].

В ходе нашего исследования были выявлены статистически значимые различия в характеристиках эго-идентичности испытуемых с наличием эмоционального (профессионального) выгорания и без него (таблица 2).

Таблица 2. Результаты сравнений средних значений в исследуемых группах по методике структуры эго-идентичности СЭИ-тест Е. А. Солдатовой

Table 2. Results of comparisons of average values in the studied groups according to the method of ego-identity structure SEI-test by E. L. Soldatova

Шкала	Первая группа	Вторая группа	$p \leq 0,05$
Диффузная эго-идентичность	19,96	13,13	0,0115
Предрешенная эго-идентичность	18,41	12,52	0,0282

Прим.: в таблице представлены только значимые различия в группах на уровне $p \leq 0,05$.

В целом по результатам сравнительного анализа выявлено статистически значимое различие средних значений по общим шкалам Диффузная эго-идентичность ($p=0,0115$) и Предрешенная эго-идентичность ($p=0,0282$). Это говорит о том, что группа, в которой выгорание произошло хотя бы в одной из фаз, значительно отличается от группы, в которой выгорание не произошло. Большая выраженность диффузной и предрешенной идентичности свидетельствует о неравновесном состоянии системы идентичности, ожидании или наличии нормативного кризиса, что может проявляться в следующем.

1. Отречение от эго, проявляющееся в отказе от настоящего, отсутствии планов на будущее, а также чрезмерной идеализации прошлого или будущего.

2. Неуверенность в отношениях: неверие в себя, самоизоляция, стереотипные формализованные отношения, ожидание идеальных отношений в будущем и отказ от них в настоящем, замена собственной идентичности групповой (быть таким, каким общество хочет тебя видеть).

3. Сомнение в выборе дела: поиск собственного подходящего дела, чрезмерная поглощенность односторонней деятельностью, либо выбор дела, профессии на основе внешних образцов (предрешенный выбор).

4. Обесценивание: потеря смыслов, сомнение в целях, идеализация уже устоявшихся собственных ценностей, принятие внешне заданных образцов поведения.

5. Утрата социального признания: понижение самоуважения, сомнение в адекватности собственных проявлений, неустойчивое представление о себе или, напротив, излишняя самоуверенность, самомнение, стремление к неоправданному риску.

В целом специалист обесценивает настоящее, склоняясь к прошлому или будущему, нереалистично оценивает себя и свои возможности, что приводит к нарушению социального

взаимодействия и профессиональной самооценки и может проявляться как в пассивности, неуверенности в себе, так и в склонности к неоправданному риску.

Исследование структуры системы идентичности проводилось при помощи «Двадцати утверждений самоотношения» («Кто Я?») М. Куна и Т. Макпартенда. Для обработки использовались категории, предложенные Т. В. Румянцевой [25]. В связи с тематикой исследования отдельно в дополнительную категорию была выделена профессиональная идентичность. Достоверность различий оценивалась при помощи U-критерия Манна-Уитни. Наиболее значимые различия в структуре идентичности испытуемых с наличием и отсутствием синдрома выгорания зафиксированы в выраженности коммуникативного ($p=0,0023$), рефлексивного ($p=0,03$) и профессионального Я ($p=0,0014$). Данные результаты вполне объяснимы. Эмоциональное выгорание формирует компенсаторное поведение, направленное на снижение эмоциональной включенности и количества контактов, что, в свою очередь, отражается на восприятии себя как субъекта коммуникации. Деперсонализация как компонент выгорания выражается в своего рода уплощении рефлексии, её свертывании, а негативные переживания, связанные с профессиональной деятельностью, приводят к снижению значимости профессиональной идентичности и её структурному распаду.

Традиционно в структуре профессиональной идентичности принято выделять когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [8]. Безусловно, эмоциональное выгорание отражается на всех трех структурных компонентах, но ведущая роль в этих изменениях, на наш взгляд, принадлежит аффективной составляющей.

Для изучения эмоционально-оценочного компонента профессиональной идентичности мы использовали метод анкетирования. При этом респондентам задавались косвенные вопросы, позволяющие оценить отношение к данному виду деятельности. Структура анкеты включала вопросы, касающиеся социальных и профессиональных характеристик испытуемых, а также их мнение относительно профессии врача, возможности повторного выбора данной профессии, желания что-то изменить в данной профессии и продолжения династии врачей детьми. Изучение данных, полученных посредством анкеты, вполне предсказуемо показало значительные различия между первой и второй группой по возрасту, стажу работы и её интенсивности (оценивалась на основе среднего количества пациентов). Врачи со сформировавшимся синдромом эмоционального выгорания старше, дольше работают и имеют большее количество пациентов в сутки. Различия проявились и при анализе разделов анкеты, связанных с отношением к своей профессиональной деятельности. В вопросе, где предлагалось

оценить степень удовлетворенности своей работой по 9-бальной шкале (где 1 – абсолютно удовлетворен своей работой, а 9 – абсолютно не удовлетворен), ответы в первой группе распределились следующим образом: 33,3 % испытуемых ответили неоднозначно (и да, и нет), в то время как 55, 5 % ответили «скорее удовлетворен, чем не удовлетворен» до «абсолютно не удовлетворен». Только 11,2 % оценили степень удовлетворенности более высокими оценками «высоко удовлетворен» и «скорее не удовлетворен, чем удовлетворен».

На вопрос «Если бы Вы выбирали свою профессию сейчас, стали бы Вы врачом?» ответы в первой группе распределились следующим образом: 26 % врачей хотели бы еще раз повторить этот выбор, 62,9 % врачей не хотели бы, 11,1 % затруднились ответить. Среди причин названы следующие: 18,5 % отметили, что это сложная работа, которая требует постоянного напряжения, 22,2 % считают, что это малооплачиваемая работа, 3,7 % полагают, что необходимо потратить много времени на обучение (5–10 лет, включая интернатуру и ординатуру), 18,5 % ответили отрицательно без объяснения причин.

Вопрос: «Хотели бы Вы чтобы ваши дети (будущие дети) продолжили династию и тоже стали врачами?» показал следующие результаты: 66,6 % ответили отрицательно, 26 % – положительно, 7,4 % затруднились ответить на данный вопрос. Среди отрицательных ответов были даны следующие:

- не хочу, чтобы мои дети становились врачами, потому что это сложно как физически, так и психологически (7,4 %);
- не хочу, т. к. эта работа является малооплачиваемой (14,8 %);
- не хочу, т. к. это очень ответственная работа (11,1 %).

На открытый вопрос «Что бы Вы хотели изменить в своей работе?» 11,1 % ответили «ничего», а также 11,1 % дали ответ «все». При этом были названы следующие параметры, которые хотелось бы изменить: среднемесячный заработок в большую сторону (11,1 %), руководство (11,1 %), график работы в более удобную и гибкую форму (14,8 %), количество пациентов в один рабочий день и их личностные особенности (14,8 %), 14,8 % хотели бы просто изменить место работы, а 11,2 % не смогли ответить на данный вопрос. Таким образом, для испытуемых с наличием синдрома эмоционального выгорания характерна более негативная оценка профессии врача в целом и своей деятельности в частности, основными причинами неудовлетворенности являются субъективно низкая оплата труда, высокая интенсивность деятельности и уровень ответственности.

Существенно более высокую удовлетворенность своей профессиональной деятельностью демонстрируют испытуемые второй группы: 91,4 % оценивают свою удовлетворенность по положительной шкале от «абсолютно удовлетворен» до «скорее удовлетворен, чем не удовлетворен» и всего 4,3 % ответили неоднозначно, 4,3 % скорее не удовлетворены своей работой, чем удовлетворены.

На вопрос «Если бы Вы выбирали свою профессию сейчас, стали бы Вы врачом?» ответы во второй группе распределились так: 56,6 % дали однозначный положительный ответ, 34,8 % дали отрицательный ответ, 8,6 % не смогли ответить на данный вопрос. Причины отказа от повторного выбора схожи с причинами первой группы. Примечательно, что людей, готовых повторно стать врачами, существенно меньше, чем в целом удовлетворенных своей профессиональной деятельностью.

На вопрос, который касался будущего детей, были даны следующие ответы: 60,8 % хотели бы, а 34,9 % не хотели бы, чтобы их дети стали врачами, 4,3 % не смогли ответить на данный вопрос. Причины, по которым специалисты не хотели бы, чтобы их дети продолжали династию врачей, содержательно сходны с результатами первой группы. Что касается общего отношения к профессиональной деятельности, то 47,8 % врачей не хотели бы ничего менять в своей профессии, 39,1 % врачей хотели бы изменить некоторые параметры профессии (среднемесячную зарплату, оборудование, на котором приходится работать, пациентов и коллег, в том числе руководителя), 13,1 % не знают ответа на данный вопрос.

Обращает на себя внимание, что среди негативных характеристик профессии врача чаще всего респондентами называются низкий уровень оплаты труда, высокая сложность, ответственность и интенсивность деятельности. То есть соотношение *затраты – вознаграждения* не оценивается как субъективно справедливое, именно это, на наш взгляд, является одной из основных причин развития синдрома выгорания. В идеале профессиональная деятельность должна удовлетворять как материальные, так и духовные потребности человека. Рост интенсивности деятельности, её формализация приводят к снижению возможности самореализации в профессии, превращая её из деятельности, наделенной внутренним смыслом, в ремесло, способ зарабатывания денег. Если же и материальные дивиденды оцениваются как недостаточные, развивается неудовлетворенность профессиональной деятельностью, зачастую перерастающая в неудовлетворенность собой и личностный кризис.

Заключение

Являясь элементом самосознания, сформулированная и означенная идентичность отражает субъективное значение для личности различных сфер жизнедеятельности. Все идентичности личности формируют её целостный образ и обобщенную самооценку, что в совокупности дает Я-концепцию. Внутри Я-концепции различные идентичности организованы в иерархическую систему, по сути, отражающую иерархию отношений личности. Эмоциональное выгорание в результате профессиональной деятельности может рассматриваться как профессиональное и приводит к изменению оценочного, мотивационного и смыслового компонентов профессиональной деятельности и отношения к деятельности в целом, что отражается в изменении характеристик профессиональной идентичности и её места в структуре Я-концепции и трансформации всей системы идентичности в целом.

Проанализировав особенности системы идентичности врачей с синдромом эмоционального выгорания, мы пришли к следующим выводам.

1. В структуре эго-идентичности «выгоревших» специалистов отмечается снижение выраженности коммуникативного, профессионального и рефлексивного Я. То есть происходит своего рода «генерализация» отстраненности, которая, начинаясь с компенсаторного поведения, направленного на снижение эмоциональной включенности, перерастает в отстраненность от контактов, собственного Я и профессиональной деятельности в целом.

2. С точки зрения свойств системы идентичности ситуация выгорания приводит к нарушению равновесного функционирования и развитию диффузной и предрешенной эго-идентичности, что проявляется в негативном отношении к своему настоящему, сомнениях в своем выборе, своем жизненном пути, пассивности в отношениях, реали-

зации целей, неуверенности, стремлении избегать выбора, «плыть по течению».

3. Профессиональное выгорание приводит к изменениям в структуре собственно профессиональной идентичности. В первую очередь, это проявляется в утрате позитивной оценки профессии. В идеале любая профессиональная деятельность хотя бы отчасти должна быть мотивированна внутренними мотивами. В ситуации выгорания внутренняя мотивация постепенно снижается, соответственно повышается «нагрузка» на внешнюю (уровень заработной платы, условия труда, отношения в коллективе и т. д.). При таких условиях получаемые выгоды субъективно практически никогда не оцениваются как соответствующие затраченным усилиям, что приводит к нарастанию неудовлетворенности.

4. Полученные в нашем исследовании результаты позволяют предположить, что развитие рефлексии, коррекция идентичности, повышение осмысленности деятельности являются необходимыми направлениями психологической работы в ситуации профессионального выгорания.

Результаты нашего исследования переключаются с результатами исследований, полученными Е. А. Солдатовой и А. А. Шевченко, на основании чего можно сделать вывод о неслучайном характере выявленных закономерностей [20]. Мы полагаем, что изменение Я-концепции отражает любые субъективно значимые изменения в системе отношений личности. В полной мере это касается и отношения к труду и профессиональной деятельности. Развитие профессионала начинается еще на стадии обучения, и хотя речь еще не идет о собственно профессиональной деятельности, именно в процессе получения профессионального образования закладывается фундамент будущей профессиональной идентичности. Принятие профессиональной роли, пусть потенциальной, приводит к принятию профессионально-этических ценностей, что особенно важно для профессий деонтологического профиля.

Литература

1. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности в профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. А. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. С. 147–159.
2. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
3. Ключко В. Е., Лукьянов О. В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.
4. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15.
5. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. Т. 8. № 43. С. 12.
6. Буякас Т. М. Проблема и психотехника самоопределения личности // Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 28–39.

7. Ермолаева Е. П. Современные тенденции динамики профессиональной идентичности // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития* / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М.: ИП РАН, 2017. С. 2576–2584.
8. Иванова Н. Л., Конева Е. В. Профессиональная идентичность и профессиональное пространство // *Мир психологии: научно-методический журнал*. 2004. № 2. С. 148–157.
9. Поварёнков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: УРАО, 2002. 160 с.
10. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теории и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. 128 с.
11. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М.: МОДЭК, 2004. 600 с.
12. Браун О. А., Аркузин М. Г. Динамика системы идентичности личности студентов-психологов // *Комплексные исследования человека: психология: мат-лы VII сибирского психологического форума*. Томск: Томский гос. ун-т, 2017. Ч. 1. С. 30–33.
13. Евтешина Н. В. Теоретико-методологические аспекты феномена профессиональной идентичности психологов в социальной психологии: структура и методы исследования // *Психолого-педагогический поиск*. 2014. № 1. С. 66–75.
14. Озерина А. А. Исследование содержания профессиональной идентичности студентов бакалавриата // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 1. С. 115–119.
15. Субботин И. Б. Морально-психологическое состояние военнослужащих как динамическая составляющая морального духа войск // *Военный академический журнал*. 2014. № 1. С. 26–34.
16. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
17. Мазуркевич А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017. Т. 7. № 3. С. 104–122.
18. Яшина А. А. Проблема идентичности в социальной психологии // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2007. № 6. С. 110–113.
19. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Речь, 1999. 28 с.
20. Солдатова Е. Л., Шевченко А. А. Особенности нормативного кризиса у представителей социальной и производственной сфер деятельности с разным уровнем выгорания // *Наука, образование, общество*. 2016. № 1. С. 290–303. DOI: 10.17117/no.2016.01.290
21. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 258 с.
22. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Современные подходы к превенции синдрома выгорания // *Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий* / под ред. В. В. Лукьянова, Н. Е. Водопьяновой, В. Е. Орла, С. А. Подсадного, Л. Н. Юрьевой, С. А. Игумнова. Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. С. 235–249.
23. Гришина Н. В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы // *Психологические проблемы самореализации личности*. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997. С. 143–156.
24. Бабанов С. А. Синдром эмоционального выгорания // *Врач скорой помощи*. 2012. № 10. С. 63–69.
25. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 166 с.

Deformation of Properties of Identity System in the Process of Professional Burnout in Specialists of the Deontological Profile*

Olga A. Braun^a; Mikhail G. Arkuzin^a; Yelena V. Arshinova^{a,@}; Marina A. Bilan^a

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ arshinova75@mail.ru

Received 08.04.2019. Accepted 07.06.2019.

Abstract: According to the system approach, a person is considered as a multidimensional self-developing system, while identity is a reflection in the personality consciousness of its individual "dimensions". Being an element of self-consciousness, individual identities, in turn, are organized into a system reflecting the holistic view of the personality about itself, i.e. Me-concept. Professional activity is one of the most important areas of life. At the level of self-awareness, the attitude towards one's profession and oneself as a professional is reflected in professional identity. Professional identity begins to form at the stage of vocational education and is often maintained even after retirement. Any significant contradictions that arise during the professionalization are reflected in one's identity. The research features the changes that arise in the system of identity of the individual in the process of its professional burnout. The results of the empirical study of professional burnout of doctors substantiate the changes in the properties of the identity system, expressed in the increase of diffuse and predetermined identity. It also affects its structure and reduces the importance of professional, communicative and reflexive identity, as well as the structural deformation of the professional identity. The work with self-consciousness and identity is an important component of prevention and correction of professional burnout.

Keywords: professional identity, ego-identity, professional activity, Self concept, emotional exhaustion, deontology

For citation: Braun O. A., Arkuzin M. G., Arshinova Ye. V., Bilan M. A. Deformation of Properties of Identity System in the Process of Professional Burnout in Specialists of the Deontological Profile. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 685–694. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-685-694>

References

1. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Development of the system of value-semantic orientations of the individual in the professional activity of specialists in deontological status. *Personality and professional activity*, eds. Dikaia L. G., Nevstrueva T. Kh. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2008, 147–159. (In Russ.)
2. Lomov B. F. *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka, 1984, 444. (In Russ.)
3. Klochko V. E., Lukyanov O. V. Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (324): 333–336. (In Russ.)
4. Belinskaya E. P. Modern identity studies: From structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika*, 2018, 8(1): 6–15. (In Russ.)
5. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Semantic aspects of the experience of the social identity crisis in the forced change of life situation. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, 8(43): 12. (In Russ.)
6. Buyakas T. M. The problem and psychotechnology of personality self-determination. *Voprosy psikhologii*, 2002, (2): 28–39. (In Russ.)
7. Ermolaeva E. P. Current trends in the dynamics of professional identity. Fundamental and applied research of modern psychology. *Results and development prospects*, eds. Zhuravlev A. L., Koltsova V. A. Moscow: IP RAN, 2017, 2576–2584. (In Russ.)
8. Ivanova N. L., Koneva E. V. Professional identity and professional space. *Mir psikhologii*, 2004, (2): 184–157. (In Russ.)
9. Povarenkov Iu. P. *The psychological content of the professional development of man*. Moscow: URAO, 2002, 160. (In Russ.)
10. Shneider L. B. *Personal, gender and professional identity: theories and methods of diagnosis*. Moscow: MPSI, 2007, 128. (In Russ.)
11. Shneider L. B. *Professional identity: theory, experiment, training*. Moscow: MODEK, 2004, 600. (In Russ.)

* This article was written with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the scientific project No. 19-013-00066 "The system of personality identity of students: dynamics, factors, threats".

12. Braun O. A., Arkuzin M. G. The dynamics of the identity system of students of psychology. *Comprehensive human studies: psychology*: Proc. VII Siberian Psychological Forum. Tomsk: Tomskii gos. un-t, 2017, part 1, 30–33. (In Russ.)
13. Yevteshina N. V. Theoretical and methodological aspects of social psychologists professional identity: the structure and methods of research. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk*, 2014, (1): 66–75. (In Russ.)
14. Ozerina A. A. Study of the content of professional identity of undergraduate students. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, (1): 115–119. (In Russ.)
15. Subbotin I. B. Psychological and moral condition of servicemen as a dynamic component of morale of the military forces. *Voennyi akademicheskii zhurnal*, 2014, (1): 26–34. (In Russ.)
16. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Bagbaeva S. B. Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 131–140. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
17. Mazurkevich A. V., Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Temporal aspects of the transformation of the value structure of self-identity in the conditions of cardinal changes in the life situation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (3): 104–122. (In Russ.)
18. Yashina A. A. The problem of identity in social psychology. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii*, 2007, (6): 110–113. (In Russ.)
19. Boiko V. V. *The syndrome of "emotional burnout" in professional communication*. Saint-Petersburg: Rech, 1999, 28. (In Russ.)
20. Soldatova E. L., Shevchenko A. A. The specific features of normal crises of the production workers and social workers with different levels of burnout. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo*, 2016, (1): 290–303. (In Russ.) DOI: 10.17117/no.2016.01.290
21. Vodopianova N. E., Starchenkova E. S. *Burnout Syndrome: Diagnosis and Prevention*. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 258. (In Russ.)
22. Vodopianova N. E., Starchenkova E. S. Modern approaches to the prevention of burnout syndrome. *Modern problems of research of the syndrome of burnout among specialists communicative professions*, eds. Lukianov V. V., Vodopianova N. E., Orel V. E., Podsadnoi S. A., Iureva L. N., Igumnov S. A. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2008, 235–249. (In Russ.)
23. Grishina N. V. Helping relationships: professional and existential problems. *Psychological problems of personal self-realization*. Saint-Petersburg: Izd-vo SPb. un-ta, 1997, 143–156. (In Russ.)
24. Babanov S. A. Emotional burnout syndrome. *Vrach skoroi pomoshchi*, 2012, (10): 59–65. (In Russ.)
25. Rumiantseva T. V. *Psychological counseling: diagnosis of relationships in pairs*. Saint-Petersburg: Rech, 2006, 166. (In Russ.)

Исследования якутского менталитета в психологии и смежных науках

Наталья Д. Елисеева^{a, b, @}

^a Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи, 677013, Россия, г. Якутск, ул. Каландаришвили, 21

^b Институт психологии РАН, 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, 13

[@] eliseeva_n_d@mail.ru

Поступила в редакцию 19.05.2019. Принята к печати 18.06.2019.

Аннотация: В статье приводится анализ исследования якутского менталитета в психологических исследованиях и других смежных науках. История исследования якутского менталитета условно разделяется на три периода: дореволюционный, период СССР и российский период. Делается вывод об исторической преемственности выделенных этапов. Первые исследования якутского менталитета проводились в русле этнографии в дореволюционный период. Большой вклад внесли ученые – политические ссыльные. Предметом этнографических очерков являлись устройство и особенности семьи, отношение к окружающему социальному и природному миру, духовно-нравственные ценности коренных народов Якутии. В советский период смещается акцент и характер исследований. Актуальным становятся социологические исследования миграционных процессов и межэтническое восприятие. Интерес к вопросам, исследованным русскими путешественниками и политическими ссыльными, возвращается после распада СССР, и данная проблематика становится основой для дальнейших исследований в философии, педагогике и психологии. В современных исследованиях выявляется изменение менталитета под воздействием исторических и социальных событий. В то же время в исследованиях отмечается сохранение следующих особенностей традиционного якутского менталитета: бережное отношение к природе, расширенное понимание семьи, полоролевые особенности, межэтническая толерантность. Вместе с тем происходят изменения в этнической идентичности северных коренных народов: чукчей, эвенов и эвенков.

Ключевые слова: религиозные воззрения, нравственность, ценности, бережное отношение к природе, культура молчания, расширенная семья, межэтническая толерантность, полоролевые особенности, этническая идентичность

Для цитирования: Елисеева Н. Д. Исследования якутского менталитета в психологии и смежных науках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 695–706. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-695-706>

Введение

История изучения якутского менталитета насчитывает более 400 лет, начиная с первых записей русских путешественников в XVII в. Впоследствии большой вклад в изучение менталитета коренных народов Якутии внесли этнографы и политические ссыльные. Эти исследования носили этнографический характер. Начиная с XX в. расширяются направления исследовательской работы. Научный интерес вызывают традиционный фольклор, культура коренных народов. Во второй половине XX в. начинают проводиться педагогические, социологические и психологические исследования. Наибольшая активность в исследовании якутского менталитета приходится на конец XX – начало XXI в.

Следует пояснить, что под якутским менталитетом в нашем исследовании мы понимаем ментальность всех народов, проживающих в Республике Саха (Якутия). В Якутии проживают более десяти коренных народов и еще больше представителей других народов, прибывших в Якутию

начиная с XVII в. По результатам переписи населения в 2010 г. в Якутии проживало менее 1 млн человек. Среди них представлены такие национальности, как якуты (саха), эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи, русские, украинцы, татары, буряты, киргизы, армяне, узбеки, таджики. Коренными народами являются саха, чукчи, эвены, эвенки, юкагиры, долганы [1; 2]. Титульным этносом являются якуты, или народ саха. Двойное название саха получили из-за того, что в первых челобитных царю казаками было использовано название *якуты*, и с XVIII в. по XX в. было принято называть саха якутами [3]. Самоназвание *саха* было принято официально только в конце XX в.

В данной статье приводится анализ исследований якутского менталитета по этнографии, философии, культурологии, педагогике и психологии. Методом исследования является теоретический анализ этнографических, социологических, педагогических, культурологических и психологических исследований.

Результаты исследования

По итогам анализа теоретический материал можно разделить на три условных периода: дореволюционный, период СССР и российский период.

Дореволюционный период

История изучения якутского менталитета началась с XVIII в. Первыми трудами были этнографические наблюдения русских путешественников и политических ссыльных. Наиболее известными работами данного периода являются записки Р. К. Маак, А. Ф. Миддендорф, статьи Е. Ярославского, труды В. Серошевского и др.

По итогам анализа идеографических исследований выявлено, что в менталитете коренных народов Якутии были ярко выражены ценности поддержки, заботы, общения, а также ценности семьи [4]. Культивировались качества смелости, выносливости, честности, трудолюбия, сострадания, искренности и др. [5]. Гостеприимство в Якутии выражалось во взаимоподдержке. В. Л. Серошевский писал о том, что якуты не понимали, как это люди могут умирать от голода в больших населенных пунктах, ведь соседи всегда делятся с нуждающимися [6]. Русские путешественники писали, что, несмотря на большие расстояния, путешественники не брали в дорогу больших припасов, т. к. в любом встреченном путниками доме с ними делились пищей, кровом и снабжали припасами до следующего пункта. Р. К. Маак в своих путешествиях отметил следующую особенность – коренные жители не имели привычку благодарить за еду и кров, поскольку в суровых условиях Якутии это было обязательным условием выживания, а благодарность выражалась за хорошую беседу [7].

Здесь стоит остановиться на результатах наблюдения путешественников относительно особенностей общения якутов. Общение представляло собой ярко выраженный ритуал, определяемый в первую очередь социальным положением собеседников. Путешественники описывали случаи, когда диалог, скупой на слова и эмоции вначале, при установлении контакта мог продолжаться всю ночь. Неожиданностью для путешественников была при всей сдержанности якутов любовь к народному эпосу Олонхо. Известно, что самое длинное Олонхо сказитель мог рассказывать семь суток (сегодня Олонхо входит в список нематериального наследия человечества по признанию ЮНЕСКО и считается одним из самых больших по объему устным творчеством в мире). Особого упоминания заслужили особенности невербальной коммуникации якутов, в частности способность якутов разговаривать глазами. В общении большую роль играл взгляд, лишение человека глазного контакта использовалось для выражения недовольства. Н. Г. Чернышевский писал, что родители

могли наказывать детей взглядом, не произнося ни одного слова [8]. Помимо этого, многие смысловые слова в речи собеседников нарочно опускались, оставляя некие пробелы в речи, которые собеседники интерпретировали самостоятельно. Таким образом, особенности общения якутов близки по описанию к культуре молчания [9].

Этнографические описания проявления личностных особенностей в обыденной жизни показывает якутов как народ с гибким умом, трудолюбивым, склонным к творчеству, к ремеслам [10]. Н. А. Александров пишет: «Дикарь по жизни, дикарь по вере и обычаям, якут перенимает у всех то, что он считает полезным; подражает всему, что ему нравится, но он никогда не обезличивает самого себя, не теряется среди других народов, не сливается даже с русскими, а как был, так и остается якутом» [11, с. 3]. Как представители скотоводческой культуры якуты имели положительное отношение к материальным благам, в отличие от чукчей и юкагиров. В условиях центральной Якутии скотоводство было центральной хозяйственной деятельностью и давало возможность к накопительству. Отсюда богатство в понимании якутов ассоциировалось с трудолюбием. В свою очередь, охота и рыболовство, которые не имели прямой зависимости от трудолюбия человека, способствовали формированию равнодушия к материальным благам. Данные факты подтверждаются психологическими исследованиями в XXI в. [12].

Следует отметить, что исследований коренных народов севера: эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров – сравнительно меньше, чем исследований якутов. Одной из причин этого может быть начавшийся с якутами процесс ассимиляции. Так, Е. Ярославский писал: «знали тунгусский только старики, да и то, кажется, не все, а дети знали только якутский да еще отдельные тунгусские слова» [13, с. 85]. Наиболее точные описания о коренных народах севера можно найти в трудах В. Г. Богораз, Р. Ф. Итс и др. Считалось, что эвенки ловкие, отважные, предприимчивые, откровенные. Также есть этнографические описания, отражающие высокий социальный статус женщин в эвенкийском обществе. По рассказам путешественников видно, что статус северной эвенкийской женщины был выше, чем у якуток и чукчей [14]. Первое подробное описание чукчей было сделано В. Г. Богораз в конце XIX – начале XX в. По итогам своих наблюдений В. Г. Богораз пришел к выводу о том, что чукчи – народ вспыльчивый, упрямый и агрессивный. Известно, что чукчи были самым воинственным народов Севера [15]. При этом В. Г. Богораз отметил одну любопытную особенность чукчей – удивительную чувствительность к страданиям людей и животных [16].

Единым для всех коренных народов является особое отношение к детям и к пожилым людям, особая ценность

и значимость семьи для человека [17]. Р. К. Маак писал, что во многих якутских семьях воспитывались осиротевшие русские и эвенкийские дети [7]. Более того, многие путешественники отмечали, что у коренных народов не было вообще понятия чужих детей. В. Л. Серошевский отмечал, что семейные узы выше закона. В качестве аргумента он приводит пример, когда 12 сородичей дали лжеклятвы на суде, дабы защитить своего родственника [6].

Особое внимание русские путешественники и политические ссыльные уделили отношению коренных народов Якутии к природе. Природа всеми коренными народами воспринималась как живое существо. Человек воспринимался как часть природного мира, а природный мир воспринимался как равный участник жизнедеятельности человека. Существовали многочисленные табу в поведении человека, связанные с мировосприятием. Например, якуты не называли аласы, озера своими именами, т. к. дух его мог обидеться, запрещалось кричать, бить, мусорить в лесу, в водоемах, ведь это могло нанести физическую и психологическую боль этой местности. В разговоре к данной местности, животному обращались не в третьем лице, а во втором. Данное отношение получило яркое проявление в религиозных воззрениях народов. Существуют многочисленные описания обращений к духам через огонь, преподнесение подарков духам дороги, земли и т. д. (Р. К. Маак, В. Л. Серошевский, Н. Г. Чернышевский, Н. С. Щукин, Е. М. Ярославский и др.).

Период СССР

В советское время начали проводиться социологические и психологические исследования якутского менталитета. Данный период времени до 1990-х гг. характеризуется фрагментарностью исследований. Этот период примечателен тем, что в рамках диссертационной работы впервые было проведено полнометражное психологическое исследование, на результатах которого мы остановимся позже [18].

Исследователи отмечают, что в этот период начали происходить глубокие изменения в менталитете коренных народов. Основными причинами являются большой миграционный поток (промышленное освоение севера) и внедрение интернатной системы в арктическом регионе, которое привело к разрушению преемственности поколений [19; 20].

В социологическом исследовании, проведенном отделом межнациональных отношений и этносоциальных процессов ИЯЛИ в 1988 г. и опубликованном в сборнике научных трудов «Интернационализация духовной жизни народов Якутской АССР», выявлено, что каждый пятый опрошенный (выборка из 987 человек, из которых 61,6 % русских и 24,4 % якутов) сталкивался с фактами неуважительного отношения к обычаям, традициям и языку коренных народов Севера. При этом русские респонденты также оценивали данное

поведение как отрицательное. В. С. Луковцев отмечает, что изречение мигрантов «у нас на материке», «на большой земле» олицетворяет не территориальное расположение Якутии, а психологическое отношение к своей жизни – мигранты считают, что настоящая жизнь может быть только на «материке» [21].

Можно выделить два типа мигрантов. Первый тип мигрантов – люди с установкой временного проживания на территории Якутии, про которых упоминал В. С. Луковцев. Второй тип мигрантов – люди, аналогичные по характеру с русскими старожилами севера. Отличительными особенностями русских старожилов являются толерантность и доброжелательность [22]. По мнению А. Г. Чикачева, сегодня русских старожилов в Якутии можно охарактеризовать следующим образом: «по языку и самосознанию – русские, по антропологическим чертам – метисы, по способу ведения хозяйства близки к юкагирам и северным якутам, по верованиям – христиане и язычники одновременно. Основными чертами характера являются простота, дружелюбие, терпимость к другой вере, заимствование местных положительных традиций. Сегодня существует особый арктический вариант северо-русской культуры. Переняв промысловый опыт коренных жителей, русские старожилы во многом усовершенствовали его и стали такими же умелыми следопытами и тонкими почитателями родной природы» [23, с. 168].

Российский период

Наиболее активный период в развитии исследований якутского менталитета начался после распада СССР. Значимые исследования были проведены в русле философской (А. Новиков, В. Д. Михайлов, А. Д. Марфусалова и др.), социологической (У. А. Винокурова и др.) и педагогической (И. С. Портнягин, Б. Н. Попов, А. Г. Корнилова, А. А. Григорьева и др.) наук.

В поисках особенностей менталитета коренных народов Якутии были проведены исследования народных обрядовых песен [24], устной народной поэзии [25]. О. И. Пашкевич считает, что мышление северных народов большей частью образное [26]. Н. Н. Рахлеева в своей работе «Дарующее небо и благодатная Земля» пишет: «саха народ вербальный и в народном творчестве саха оставляет свободу сказителям для выражения своей личностной уникальности» [27, с. 4]. Весь фольклорный материал коренных народов, по сути, является творческой интерпретацией талантливых сказителей: героические эпосы, якутские скороговорки, круговой танец, игра на варгане и т. п. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя различными подходами в организации жизни северных народов: жесткие ограничения в общении с природой и творческая свобода в выражении своего мировосприятия.

Одной из значимых работ по исследованию якутского менталитета является монография А. Г. Новикова о менталитете народа саха. В данной монографии озвучивается идея о наличии у саха аласного патриотизма, который заключается в формировании привязанности и любви к конкретной местности – аласу, а не в целом к региону. Причиной этого, по мнению А. Новикова, является большая территория Якутии, когда веками саха проживали отдельными семьями по аласам [28]. В совместной работе с А. Г. Пудовым А. Г. Новиков дополняет свою идею наличием целостной, живой циркулярной цивилизации севера [29].

Следующей значимой работой, послужившей основой для дальнейших исследований, на наш взгляд, является монография И. С. Портнягина [30]. Следует отметить, что работ по изучению религиозных воззрений коренных народов Якутии немало. А. Ф. Анисимов исследовал религиозное воззрение саха с точки зрения его космологичности [31]. Н. А. Алексеев изучал обряды шаманизма и его социальные функции [32]. Г. И. Романов считал, что конкретность относительно почитания природы: своего охотничьего уголья, аласа, горы и т. п. – обусловлена самобытной религией коренных жителей [33]. А. С. Саввинов, анализируя религиозно-философское значение религиозного воззрения саха, считает, что, несмотря на то, что оно выстроено на системе запретов, в то же время пластично и адаптируется под жизненные условия [34]. К. Д. Уткин считал, что природообразность является основой религиозного воззрения народа саха [35].

Еще одним интересным вкладом в историю изучения якутского менталитета К. Д. Уткиным является его монография «Культ женщины в якутских традициях» [36]. В исследовании А. И. Егоровой были подтверждены выводы К. Д. Уткина. Было выявлено, что у женщин саха имеются андрогинные черты характера [37]. У. А. Винокурова считает, что в наши дни в связи с повышением деловой активности женщин их социальный статус стал выше [38]. Вместе с тем, по данным А. И. Егоровой, в наши дни у мужчин начали проявляться андрогинные черты, а по данным исследования Н. М. Мельниковой традиционное ожидание маскулинности мужчин и феминности у женщин сохраняется среди молодежи [39]. В исследованиях М. С. Нафанаиловой [40] и А. П. Макаровой [41] также сохраняются традиционные гендерные особенности.

Возвращаясь к теме религии и нравственности, следует отметить, что новизна работы И. С. Портнягина заключается в анализе религиозного воззрения народа саха – Учения Айыы с точки зрения этнопедагогики. Дается подробный анализ нравственного содержания Учения Айыы. Так, исследователь пишет: «северного человека с детства учили скромности и честности. Скромность считалась лучшим украшением

молодости, а честность придает человеку уверенности. Одним из самых главных черт нравственного человека считалось трудолюбие и уважение к людям труда» [30, с. 120].

Впоследствии начали проводиться педагогические эксперименты по воспитанию нравственных качеств у детей и молодежи на основе традиционных ценностей, обычаев коренных народов Якутии. В частности, в исследовании Р. С. Никитиной был проведен педагогический эксперимент по формированию нравственных качеств детей младшего школьного возраста эвенской национальности на основе духовно-нравственных традиций эвенов традиционной культуры [42]. Исследование Т. М. Борисовой было проведено среди студентов педагогического института по воспитанию нравственных качеств посредством народной духовной культуры саха. В результате этих экспериментов авторами были получены положительные результаты [43]. В исследовании по изучению морального развития сознания О. П. Николаевой было выявлено, что ее развитие обуславливается особенностями культуры [44]. В исследовании А. П. Макаровой подтверждается наблюдение В. А. Серошевского о том, что мораль является родовым качеством. Так, было выявлено, что саха в ситуации выбора проявляют моральное поведение чаще по отношению к близким, чем к чужим людям [41]. Л. И. Федорова, сравнивая культуру коренных народов Аляски и якутскую культуру, пришла к выводу, что существуют схожие нравственные ценности. Этим общим является нравственное отношение к природе [45].

Многочисленные исследования по этнопедагогическим особенностям воспитания детей выявили следующие особенности. Выявлено, что традиционное воспитание детей основывалось на труде, который имел четко разделенные отличия по полу [46]. Отец в семье играл исключительную роль, особенно для трудового воспитания мальчика [47]. С детства поощрялась самостоятельность детей [48]. Воспитанием занимались не только родители, но также и другие родственники или соседи. Так, наказывать и поощрять ребенка имели право не только родные, но и чужие, например соседи [49]. Помимо этого, существовала школа бабушек и дедушек, которая сохранилась и в наши дни [50]. Таким образом, семья у коренных народов является не нуклеарной, а расширенной. Интересный психологический феномен расширенной семьи был исследован А. П. Оконешниковой и В. Н. Куницыной. В этом исследовании раскрывается содержание толерантности в нуклеарных и расширенных семьях. Так, в семье, состоящей из диады *родители – дети*, толерантность строится на морально-нравственных принципах, а в расширенных семьях фундаментом для толерантности являются терпеливость и выносливость [51].

Взаимосвязь экологического мышления саха с климато-географическими условиями изучался Г. Н. Максимовым [52],

с религиозными воззрениями – Е. Д. Макаровым [53]. В монографии А. Д. Марфусаловой «Мудрость экотрадиций северян» анализируется экологическое мировоззрение коренных народов Якутии, ее проявление в менталитете коренных народов. Автор считает, что коренные народы относятся к типу людей, потребляющих природные ресурсы. У коренных народов нет стремления к активному восполнению природных ресурсов. Данная стратегия обусловлена климато-географическими предпосылками – в условиях вечной мерзлоты сложно восполнять природные ресурсы и практически невозможно ими управлять. Отсюда у коренных народов выработалась стратегия приспособления, в течение многих веков коренными народами Якутии были отобраны природосберегающие обычаи и традиции [54]. А. А. Сирина в своей статье «Чувствующие землю: экологическая этика эвенов и эвенков» приводит красочные описания, доказывающие глубокую взаимосвязь нравственного становления человека и природы [55]. В нашем исследовании было показано, что современные имплицитные представления народа саха о нравственном человеке связаны с традиционными ценностями народа. Были выявлены расширение границ нравственного поведения за счет понимания природного мира как полноправного участника в жизни человека, ориентация на мнение группы, акцент на способность человека сотрудничать с социальным и природным миром [56].

По немногочисленным исследованиям видно, что существуют значимые различия между якутами и другими северными народами по отношению к жизни и смерти. Якуты, эвены, эвенки при встрече со смертью испытывают скорбь, печаль [27]. В традиционном обществе и в наше время суицид был темой табу и остро осуждался обществом [57]. У чукчей, юкагиров отношение к смерти спокойнее. Среди этих народов существовала добровольная смерть стариков (сенилицид), убийство детей (инфантицид) [58].

Вопрос толерантности, поднятый в 60–80-е гг. прошлого столетия, нашел свое продолжение и в наше время. Исследователи разных наук: психологии, философии, культурологии, педагогики – приходят к выводу, что суровые условия жизни продиктовали высокую ценность жизни человека, где важными являются особенности личности, а не его этническая принадлежность или социальный статус. А. С. Ларионова считает, что в народных песнях отражается высокий уровень толерантности [59]. О. И. Пашкевич, анализируя художественные произведения, делает следующие выводы: «Для коренных народов характерна толерантность, которая проявилась в национальных выражениях религиозного чувства. В частности, во многих произведениях мы наблюдаем желание объединить национального бога с христианством» [26, с. 10].

А. П. Оконешникова по итогам своего исследования делает вывод о том, что межэтническое восприятие имеет значимую положительную корреляцию с социальной активностью [18]. Более того, возможно, принятие православия послужило неким фактором актуализации межэтнической толерантности коренных народов [60]. В исследовании Е. П. Тимофеевой не выявлено значимого различия среди подростков по этническому признаку [61]. В исследовании В. В. Михайловой, В. Б. Надькина и Н. С. Павловой было выявлено, что между русскими и саха нет межэтнического напряжения, и даже существует позиция «мы» по отношению к русским и православной религии, по сравнению с другими народами [62].

Психологические исследования по изучению якутского менталитета, как заранее было указано, впервые были проведены только во второй половине прошлого века. Наиболее значимым является исследование А. П. Оконешниковой. Ценность данного исследования для нас заключается в том, что его предметом явились авто- и гетеростереотипы якутов. Были выявлены следующие особенности народа саха: значимость ценности семьи, высокий уровень толерантности, а также экологическая культура якутов. Было определено, что модальность межэтнического восприятия зависит от социальной активности личности [18]. В исследовании Р. В. Лебедевой, проведенном через 32 года, сохраняется эта тенденция – респонденты с субъектным типом больше склонны к проявлению своих духовных качеств [63].

Продолжение данной темы находим в исследовании М. С. Нафанаиловой, в котором изучались социально-психологические особенности Я-концепции саха. Был выявлен ряд интересных фактов: во-первых, в Я-концепции саха присутствуют следующие аффективные компоненты: «закрытость, неспособность или нежелание осознавать и выдавать значимую информацию о себе, склонность к самообвинению на фоне общего позитивного отношения к себе» [40, с. 98]; во-вторых, формирование самооценки основывается на следующих субъектных характеристиках: вдумчивость, понятливость, точность, трудолюбие, увлеченность, аккуратность, находчивость, работоспособность. Для нас интересным является следующий факт: по сравнению с молодежью, Я-концепция взрослых включает следующие качества – взаимозависимость, позитивную направленность, самоуважение человека [40]. В исследовании А. П. Макаровой было выявлено, что нравственными качествами являются ответственность и честность [64].

Популярным является вопрос формирования и сохранения этнической идентичности коренного населения Якутии. В исследовании В. С. Ефимова, А. В. Лаптева, У. С. Борисовой было выявлено, что большая включенность в рыночную деятельность повышает значимость

языка и культуры в формировании этнической идентичности [65]. В то же время П. Г. Никифорова [66] считает, что в наши дни значение родного языка при формировании этнического (национального) самосознания снижается и увеличиваются другие компоненты культуры – например, такие элементы, как фольклор и т. д. В исследовании Т. М. Никаевой у эвенов и эвенков наблюдается биэтническая идентичность, которую авторы связывают с утерей языка [67]. Данный факт также был подтвержден в ходе психологической экспедиции сотрудников Института психологии СВФУ им. М. К. Аммосова в Нижнеколымском улусе [12]. В исследовании В. С. Шамаевой и С. А. Яковлевой выявлено, что у эвенов существует потребность в знании родного языка [68]. Результаты исследования К. В. Ким по изучению этнической идентичности детей из межэтнических семей подтверждают выводы А. П. Оконешниковой о том, что интерес к этничности становится менее значимым с возрастом. В исследовании К. В. Ким было выявлено, что возрастная граница приходится на старший подростковый возраст [69].

Влияние социальных и исторических событий, происходящих в России, на ценностные ориентации молодежи Якутии было выявлено в исследовании С. Н. Унаровой [70]. Симбиоз индивидуалистических и коллективистских ценностей культур был выявлен в исследовании Д. А. Поповой и М. С. Нафанаиловой, [71]. В исследовании Т. Н. Сидоровой и М. Ю. Сысолятиной определено, что у молодых саха нет убежденности в превосходстве своего народа [72].

Заключение

Условно историю исследования якутского менталитета можно разделить на три периода: дореволюционный, период СССР и российский период. Во всех трех этапах наблюдается преемственность научных фактов, стремление исследователей основываться на результатах своих предшественников, что способствовало дальнейшему углублению изучаемых вопросов. Следует отметить, что наибольшее количество исследований было проведено по народу саха.

На дореволюционном этапе был собран материал, описывающий следующие особенности коренных народов:

в менталитете народа саха были ярко выражены ценности взаимоподдержки, трудолюбия, предприимчивости, а также ценность общения. Делается акцент на значимости ценности семьи: особого отношения к детям и родителям. Этнографы выделяют различия между народом саха и коренными народами севера (эвены, эвенки, чукчи, юкагиры) по следующим критериям: у саха материальные ценности более значимы, чем у северных народов (для саха благосостояние – синоним трудолюбия), отношение к суициду у саха негативное, у чукчей нейтральное.

Особенностью второго этапа является проведение первых психологических исследований. Самой значимой работой является диссертационное исследование А. П. Оконешниковой, в котором были выявлены следующие особенности: высокая ценность семьи, высокий уровень толерантности, а также высокая экологическая культура саха. Помимо этого, проводились социологические исследования. Основной акцент делался на изучении особенностей миграции, т. к. именно на этот период приходится всплеск трудовой миграции. Исследователи отмечают, что в этом периоде начали происходить глубокие изменения в менталитете коренных народов.

Третий, российский этап, отличается высокой активностью исследовательской работы во всех науках. Исследовательский интерес вызывает не только изучение особенностей современности, актуальным становится анализ истории, религиозных воззрений и фольклорного наследия коренных народов Якутии. Были сформулированы тезисы этнопедагогических основ воспитания детей, нравственные постулаты религиозного воззрения – Учения Айыы. Современные исследования подтвердили наблюдения, сделанные этнографами в части бережного отношения к природе, привязанности якутов к родным аласам, родственного характера морали, расширенного понимания семьи, межэтнической толерантности коренных народов и изменения этнической идентичности северных народов: эвенов, эвенков, чукчей. Неоднозначные результаты получены по полоролевым характеристикам мужчин и женщин.

Литература

1. Косвен М. О. Якутская республика. М.-А.: Земля и фабрика, 1925. 155 с.
2. Ксенофонт Г. В. Ураангхай – сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Национальное книжное изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. Т. 1. Кн. 1. 416 с.
3. Щукин Н. С. Якуты. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1854. 44 с.
4. Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии 17–18 вв. М.: Наука, 1974. 283 с.
5. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1979. 483 с.
6. Серошевский В. А. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: б. и., 1993. 736 с.
7. Маак Р. К. Вилюйский округ. 2-е изд. М.: б. и., 1994. 592 с.

8. Чернышевский Н. Г. Избранные педагогические высказывания. М.: Изд-во Наркомпроса, 1940. 192 с.
9. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Старый сад, 1998. 316 с.
10. Абрамова М. А., Неустроев Н. Д. Гуманистические представления в культуре народов Якутии. М.: Academia, 2003. 224 с.
11. Александров Н. А. Якуты. М.: Типография И. Я. Полякова, 1899. 38 с.
12. Егорова А. И., Нафанаилова М. С., Макарова А. П., Сидорова Т. Н. Особенности этнической идентичности чукчей, проживающих в Нижнеколымском районе РС(Я) // Вестник Северо-Восточного федерального государственного университета им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 2. С. 150–158.
13. Ярославский Е. О Якутии (труды дореволюционного периода). Якутск: Книжное изд-во, 1979. 142 с.
14. Алексеева С. А. Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 2008. 117 с.
15. Вдовин С. И. Очерки истории и этнографии чукчей. М.: Наука, 1965. 403 с.
16. Богораз В. Г. Чукчи: социальная организация. М.: Либроком, 2011. 216 с.
17. Кротов М. На Севере дальнем. М.: Советская Россия, 1957. 215 с.
18. Оконешникова А. П. Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986. 32 с.
19. Боякова С. И. Коренное население Якутии в условиях промышленного освоения: проблемы и перспективы // Север: проблемы и перспективы. 2001. № 1. С. 17–19.
20. Брагина Д. Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1985. 86 с.
21. Луковцев В. С. Сближение народов и культура межнационального общения в Якутии // Интернационализация духовной жизни народов Якутской АССР. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1989. С. 55–64.
22. Токарев С. А. Культурные связи якутского и русского народов до 1917 г. // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии / ред. З. В. Гоголин. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1955. С. 83–93.
23. Чикачев А. Г. Русские арктические старожилы: четыре века в Якутии // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации общества: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной Междунар. десятилетию коренных народов мира. (Якутск, 15 декабря 2004 г.) Новосибирск: Наука, 2005. С. 167–170.
24. Мухоплепова С. Д. Якутские народные обрядовые песни. Новосибирск: Наука, 1993. 112 с.
25. Васильев Г. М. Живой родник. Об устной поэзии якутов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. 115 с.
26. Пашкевич О. И. Проблема национального менталитета в литературе народов Якутии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2002. 17 с.
27. Рахлеева Н. Н. Дарующее небо и благодатная Земля. Якутск: Бичик, 2003. 79 с.
28. Новиков А. Г. О менталитете саха. Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте РС(Я), 1996. 145 с.
29. Новиков А. Г., Пудов А. Г. Менталитет северян в контексте циркулярной цивилизации. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2005. 178 с.
30. Портнягин И. С. Этнопедагогика «Кут-сур». М.: Academia, 1999. 164 с.
31. Анисимов А. Ф. Космологическое представление народов Севера. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 107 с.
32. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX в. – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 197 с.
33. Романов Г. И. Языческое мировоззрение коренных народов Севера // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях модернизации общества: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной Междунар. десятилетию коренных народов мира. (Якутск, 15 декабря 2004 г.) Новосибирск: Наука, 2005. С. 148–159.
34. Саввинов А. С. Человек через призму «Кут-сур». Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. 112 с.
35. Уткин К. Д. Сборник трудов. Кн. 7. Генезис якутской предфилософии: мировоззренческий комплекс. Якутск: Бичик, 2010. 157 с.
36. Уткин К. Д. Культ женщины в якутских традициях. Якутск: Ситим, 1994. 31 с.
37. Егорова А. И. Внутриэтнические различия в полоролевых стереотипах супружеских пар народа саха: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 1997. 19 с.
38. Винокурова У. А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. М.: Наука, 1992. 141 с.
39. Мельникова Н. М. Социально-психологическая компетентность старшеклассников в общении: дис. ... канд. психол. наук. М., 1992. 172 с.
40. Нафанаилова М. С. Социально-психологические особенности Я-концепции представителей этноса саха: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 189 с.

41. Макарова А. П. Социально-психологические особенности морального сознания представителей этноса саха: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 23 с.
42. Никитина Р. С. Воспитание детей-эвенков на основе духовно-нравственных традиций народа: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 47 с.
43. Борисова Т. М. Духовно-нравственная культура саха в современной системе воспитания // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 1. С. 6–17.
44. Николаева О. П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. 19 с.
45. Федорова Л. И. Этнопедагогическая общность традиции нравственного воспитания народа саха (Республика Саха) и коренных народов Аляски (США): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995. 16 с.
46. Попов Б. Н. Культура семейного воспитания народов Севера. Якутск: Полиграфист, 1993. 64 с.
47. Старостина Л. Д. Специфика детско-родительских отношений и роли отца в семьях народов Республики Саха (Якутия) // Перспективы развития психологической науки в Республике Саха (Якутия). Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 2007. С. 91–97.
48. Антонова Р. Я. Воспитание детей: идеи и опыт народной педагогики. Якутск: Ситим, 1995. 218 с.
49. Попова Г. С. Воспитание детей у народа саха. Якутск: Бичик, 1998. 90 с.
50. Григорьева А. А. Теория и практика семейной этнопедагогики народа саха: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 32 с.
51. Куницына В. Н., Оконешикова А. П. Структура семьи и семейных привязанностей как фактор формирования толерантной личности // Актуальные проблемы современной социальной психологии. Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 2007. С. 96–102.
52. Максимов Г. Н. Географическая среда этноса и его экологический императив // Экологические традиции аборигенов Севера в интересах выживания человечества. Якутск: Изд-во ИПЭС СО РАН, 1993. С. 122–124.
53. Макаров Е. Д. Формы экологического воспитания. Якутск: Изд-во МНИПО РС(Я), 2002. 167 с.
54. Марфусалова А. Д. Мудрость экотрадиций северян. Якутск: Издательство СО РАН, 2002. 107 с.
55. Сирина А. А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенков // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 121–138.
56. Елисеева Н. Д. Представления народа саха о нравственном человеке. Якутск: РИО медиахолдинга, 2015. 120 с.
57. Григорьева Д. П., Егорова В. Н. Представление подростков о факторах аутоагрессивного поведения // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5-1. С. 15.
58. Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
59. Ларионова А. С. Якутский музыкальный фольклор как фактор толерантности и философии ненасилия в эвено-эвенкийских топонимах // Терпимость: идея и традиции: мат-лы Междунар. науч. конф. «Через толерантность к взаимопониманию и миру». (Якутск, 12–15 июля 1994 г.) Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. С. 82–86.
60. Сафронов Ф. Г. Православное христианство в Якутии. М.: АлРоса, 1998. 78 с.
61. Тимофеева Е. П. Особенности межэтнических отношений подростков в Республике Саха (Якутия). СПб.: Лицей, 2001. 172 с.
62. Михайлова В. В., Надькин В. Б., Павлова Н. С. Иерархия гражданской, этноконфессиональной и региональной идентичности в Республике Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 74–78.
63. Лебедева Р. В. Содержание идентичности студентов у субъективными и объективными типами жизненных ориентаций // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 1А. С. 136–144.
64. Макарова А. П. Моральные представления народа саха на основе анализа якутских фразеологизмов // Перспективы развития психологической науки в Республике Саха (Якутия). Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 2007. С. 22–25.
65. Ефимов В. С., Лаптева А. В., Борисова У. С. Проблемы воспроизводства этнической идентичности народа саха (по материалам этно-социологического исследования Республики Саха (Якутия)) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2. С. 333–349.
66. Никифорова П. Г. Национальная идентичность народа саха в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 2010. 21 с.
67. Никаева Т. М. Этнические стереотипы в образе мира русских, якутов, эвенков и эвенков // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 3. С. 75–81.

68. Шамаева В. С., Яковлева С. А. Этническая идентичность у детей эвенов // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-2. С. 206–207.
69. Ким К. В. Специфика этнической идентичности индивидов из межэтнических семей // Перспективы развития психологической науки в Республике Саха (Якутия). Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 2007. С. 30–36.
70. Унарова С. Н. Современная социокультурная среда как психологический фактор развития ценностных ориентаций личности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 200 с.
71. Попова Д. А. Нафанаилова М. С. Ценности мужчины саха в глобализирующемся мире // Этническая психология и современные реалии: мат-лы II Междунар. науч. интернет-конф. (Якутск, 11–24 апреля 2016 г.) Новосибирск, 2016. С. 76–79.
72. Сидорова Т. Н., Сысолятина М. Ю. Взаимосвязь этнической идентичности и миграционных установок молодежи // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-2. С. 202–203.

Yakut Mentality Studies in Psychology and Related Sciences

Natalia D. Eliseeva^{a, b, @}

^a Center for Social and Psychological Support for Family and Youth, 21, Kalandarishvili St., Yakutsk, Russia, 677013

^b Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, 13, Yaroslavskaya St., Moscow, Russia, 129366

@ eliseeva_n_d@mail.ru

Received 19.05.2019. Accepted 18.06.2019.

Abstract: The article provides an analysis of various studies conducted in the sphere of Yakut mentality within the framework of psychology and related sciences. The history of the study of Yakut mentality is divided into three periods, i.e. pre-revolutionary, Soviet, and Russian, which demonstrate a strong historical continuity. The first pre-revolutionary studies of Yakut mentality were purely ethnographic and benefited from numerous political exiles. The ethnographic essays of that period featured the structure and characteristics of the Yakut family and the attitude to the surrounding social and natural world, as well as spiritual and moral values. During the Soviet period, sociological studies of migration processes and interethnic perception became more relevant. Pre-revolutionary and soviet studies became the basis for further research in philosophy, pedagogy, and psychology after the collapse of the USSR. Modern studies revealed a change in Yakut mentality under the impact of historical and social events. In spite of these changes, the following features of traditional Yakut mentality have survived: respect for nature, an expanded understanding of the family concept, gender-role features, and inter-ethnic tolerance. However, the ethnic identity of the Chukchi, the Evens and the Evenks has changed.

Keywords: religious belief, morality, values, respect for nature, culture of silence, extended family, inter-ethnic tolerance, gender identity, ethnic identity

For citation: Eliseeva N. D. Yakut Mentality Studies in Psychology and Related Sciences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 695–706. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-695-706>

References

1. Kosven M. O. *Yakut republic*. Moscow-Leningrad: Zemlia i fabrika, 1925, 155. (In Russ.)
2. Ksenofontov G. V. *Urianghai – sakhalar. Essays on the ancient history of the yakut*. Yakutsk: Natsionalnoe knizhnoe izd-vo Respubliki Sakha (Iakutiia), 1992, vol. 1, book 1, 416. (In Russ.)
3. Shchukin N. S. *Yakuts*. Saint-Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1854, 44. (In Russ.)
4. Ivanov V. F. *Historical and ethnographic study of Yakutia in the 17–18 centuries*. Moscow: Nauka, 1974, 283. (In Russ.)
5. Kulakovskii A. E. *Scientific works*. Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izd-vo, 1979, 483. (In Russ.)
6. Seroshevskii V. L. *The Yakuts. An attempt of ethnographic research*. Moscow, 1993, 736. (In Russ.)
7. Maak R. K. *Vilyui district*, 2nd ed. Moscow, 1994, 592. (In Russ.)
8. Chernyshevskii N. D. *Selected pedagogical statements*. Moscow: Izd-vo Narkomprosa, 1940, 192. (In Russ.)
9. Lebedeva N. M. *Introduction to ethnic and cross-cultural psychology*. Moscow: Staryi sad, 1998, 316. (In Russ.)

10. Abramova M. A., Neustroev N. D. *Humanistic ideas in the culture of the peoples of Yakutia*. Moscow: Academia, 2003, 224. (In Russ.)
11. Alexandrov N. A. *The Yakuts*. Moscow: Tipografia I. Ia. Poliakova, 1899, 38. (In Russ.)
12. Egorova A. I., Nafanailova M. S., Makarov A. P., Sidorova T. N. Peculiarities of ethnic identity of the Chukchi, living in Nizhnekolymsky district of the Sakha (Yakutia). *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo gosudarstvennogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 2013, 10(2): 150–159. (In Russ.)
13. Iaroslavskii E. *On Yakutia (works of the pre-revolutionary period)*. Yakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1979, 142. (In Russ.)
14. Alekseeva S. A. *Traditional family in the Evens of Yakutia (late XIX – early XX century)*. Novosibirsk: Nauka, 2008, 117. (In Russ.)
15. Vdovin S. I. *Essays on the history and ethnography of the Chukchi*. Moscow: Nauka, 1965, 403. (In Russ.)
16. Bogoraz V. G. *The Chukchi: social organization*. Moscow: Librokom, 2011, 216. (In Russ.)
17. Krotov M. *In the Far North*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1957, 215. (In Russ.)
18. Okoneshnikova A. P. *Interethnic perception and understanding of each other*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1986, 32. (In Russ.)
19. Boyakova S. I. Indigenous population of Yakutia in terms of industrial development: problems and prospects. *Sever: problemy i perspektivy*, 2001, (1): 17–19. (In Russ.)
20. Bragina D. G. *Modern ethnic processes in Central Yakutia*. Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izd-vo, 1985, 86. (In Russ.)
21. Lukovtsev V. S. Rapprochement of peoples and the culture of interethnic communication in Yakutia. *Internationalization of the spiritual life of the peoples of the Yakut ASSR*. Yakutsk: IANTS SO RAN, 1989, 136. (In Russ.)
22. Tokarev S. A. Cultural ties of the Yakut and Russian peoples before 1917. *The leading role of the Russian people in the development of the peoples of Yakutia*, ed. Gogolin Z. V. Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izd-vo, 1955, 83–93. (In Russ.)
23. Chikachev A. G. Russian settlers in the Arctic Circle: four centuries in Yakutia. *Indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation in the context of modernization of society: Proc. Sci.-Prac. Conf. on the Intern. decade of the world's indigenous peoples*, Yakutsk, December 15, 2004. Novosibirsk: Nauka, 2005, 167–170. (In Russ.)
24. Mukhopleva S. D. *Yakut folk songs*. Novosibirsk: Nauka, 1993, 112. (In Russ.)
25. Vasiliev G. M. *Living spring. On the oral poetry of the Yakuts*. Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izd-vo, 1973, 115. (In Russ.)
26. Pashkevich O. I. *The problem of national mentality in the literature of the peoples of Yakutia*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Yakutsk, 2002, 17. (In Russ.)
27. Rakhleeva N. N. *Bestowing heaven and gracious earth*. Yakutsk: Bichik, 2003, 79. (In Russ.)
28. Novikov A. G. *On the mentality of Sakha*. Yakutsk: Izd-vo Analiticheskogo tsentra pri Prezidente RS(IA), 1996, 145. (In Russ.)
29. Novikov A. G., Pudov A. G. *Mentality of northerners in the context of circular civilization*. Yakutsk: Izd-vo Iakutskogo un-ta, 2005, 178. (In Russ.)
30. Portnyagin I. S. *Ethnopedagogics "Kut-sur"*. Moscow: Akademia, 1999, 164. (In Russ.)
31. Anisimov A. F. *Cosmological representation of the peoples of the North*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1959, 107. (In Russ.)
32. Alekseev N. A. *Traditional religious beliefs of the Yakuts in the XIX century – early XX century*. Novosibirsk: Nauka, 1975, 199. (In Russ.)
33. Romanov G. I. Pagan worldview of the indigenous peoples of the North. *Indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation in the context of modernization of society: Proc. Sci.-Prac. Conf. on the Intern. decade of the world's indigenous peoples*, Yakutsk, December 15, 2004. Novosibirsk: Nauka, 2005, 148–159. (In Russ.)
34. Savvinov A. S. *Man through the prism of "Kut-sur"*. Yakutsk: IANTS SO RAN, 1995, 112. (In Russ.)
35. Utkin K. D. *Collected works. Book 7. The genesis of the Yakut pre-philosophy: the philosophical complex*. Yakutsk: Bichik, 2010, 157. (In Russ.)
36. Utkin K. D. *Cult of women in the Yakut traditions*. Yakutsk: Sitim, 1994, 31. (In Russ.)
37. Egorova A. I. *Intra-ethnic differences in sex-role stereotypes of couples of the Sakha people*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Irkutsk, 1997, 19. (In Russ.)
38. Vinokurova U. A. *Value orientations of Yakuts in the conditions of urbanization*. Moscow: Nauka, 1992, 144. (In Russ.)
39. Melnikova N. M. *Social and psychological competence of high school students in communication*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 1992, 172. (In Russ.)

40. Nafanailova M. S. *Social-psychological characteristics self-concept of representatives of the ethnos of Sakha*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Saint-Petersburg, 2007, 189. (In Russ.)
41. Makarova A. P. *Socio-psychological features of moral consciousness of representatives of the Sakha ethnic group*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Saint-Petersburg, 2011, 23. (In Russ.)
42. Nikitina R. S. *Education of children-evens on the basis of spiritual and moral traditions of the people*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 47. (In Russ.)
43. Borisova T. M. Spiritual and moral culture of Sakha in the modern system of education. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2017, 8(1): 6–17. (In Russ.)
44. Nikolaeva O. P. *Moral and legal judgments and the problem of development of moral consciousness in different cultures*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1993, 19. (In Russ.)
45. Fedorova L. I. *Ethnopedagogical community of the tradition of moral education of the Sakha people (the Republic of Sakha) and indigenous peoples of Alaska (USA)*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1995, 16. (In Russ.)
46. Popov B. N. *Culture of family education of the peoples of the north*. Yakutsk: Poligrafist, 2000, 64. (In Russ.)
47. Starostina L. D. Specificity of child-parent relations and the role of the father in the families of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia). *Prospects of development of psychological science in the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk: Izd-vo Iakutskogo gosuniversiteta, 2007, 91–97. (In Russ.)
48. Antonova R. Ia. *Education of children: ideas and experience of folk pedagogy*. Yakutsk: Sitim, 1995, 218. (In Russ.)
49. Popova G. S. *Education of children in the Sakha people*. Yakutsk: Bichik, 1998, 90. (In Russ.)
50. Grigorieva A. A. *Theory and practice of family ethnopedagogics of the sakha people*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1999, 32. (In Russ.)
51. Kunitsyna V. N., Okoneshnikova A. P. The structure of family and family attachments as a factor in the formation of a tolerant personality. *Actual problems of modern social psychology*. Yakutsk: Izd-vo Iakutskogo gosuniversiteta, 2007, 96–102. (In Russ.)
52. Maksimov G. N. Geographical environment of the ethnic group and its ecological imperative. *Environmental traditions of the aborigines of the North in the interest of the survival of mankind*. Yakutsk: Izd-vo IPES SO RAN, 1993, 122–124. (In Russ.)
53. Makarov E. D. *Fundamentals of environmental education*. Yakutsk: Izd-vo MNiPO RS(IA), 2002, 167. (In Russ.)
54. Marfuslova A. D. *The ecowisdom of northerners*. Yakutsk: Izdatelstvo SO RAN, 2002, 107. (In Russ.)
55. Sirina A. A. Sense of the earth: environmental ethics evens and evenki. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, (2): 121–138. (In Russ.)
56. Eliseeva N. D. *Representations of the Sakha people about the moral person*. Yakutsk: RIO mediakholdinga, 2015, 120. (In Russ.)
57. Grigorieva D. P., Egorova V. N. Representation of adolescents about the factors of autoaggressive. *Mezhdunarodnyi studentcheskii nauchnyi vestnik*, 2016, (5-1): 15. (In Russ.)
58. Bravina R. I. *The concept of life and death in the culture of the ethnic group*. Novosibirsk: Nauka, 2005, 307. (In Russ.)
59. Larionova A. S. Yakut musical folklore as a factor of tolerance and philosophy of nonviolence in the even-Evenk place names. *Through tolerance to mutual understanding and peace*: Proc. Intern. Sci. Conf., Yakutsk, July 12–15, 1994. Yakutsk, 1995, 82–86. (In Russ.)
60. Safronov F. G. *Orthodox Christianity in Yakutia*. Moscow: AlRosa, 1998, 78. (In Russ.)
61. Timofeeva E. P. *Features of interethnic relations of adolescents in the Republic of Sakha (Yakutia)*. Saint-Petersburg: Litsei, 2001, 172. (In Russ.)
62. Mikhailova V. V., Nadkin V. B., Pavlova N. S. Hierarchy of civil, ethno-confessional and regional identity in the Republic of Sakha (Yakutia). *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2014, (3): 74–78. (In Russ.)
63. Lebedeva R. V. Contents identity of students from subjective and objective types of life orientation. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia*, 2018, 7(1A): 136–144. (In Russ.)
64. Makarova A. P. Moral representations of the Sakha people on the basis of the analysis of the Yakut phraseological units. *Prospects of development of psychological science in the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk: Izd-vo Iakutskogo gosuniversiteta, 2007, 22–25. (In Russ.)
65. Efimov V. S., Lapteva A. V., Borisova U. S. Problems of reproduction of ethnic identity of the Sakha people (on materials of ethno-sociological research of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2014, (2): 333–349. (In Russ.)
66. Nikiforova P. G. *National identity of the Sakha people in the conditions of globalization*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Yakutsk, 2010, 21. (In Russ.)

67. Nechaeva T. M. Ethnic stereotypes in the image of the world of Russians, Yakuts, Evenks, and evens. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 2013, 10(3): 75–81. (In Russ.)
68. Shamaeva V. S., Yakovleva S. A. Ethnic identity in children of evens. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, 2015, (5-2): 206–207. (In Russ.)
69. Kim K. V. Specificity of ethnic identity of individuals from interethnic families. *Prospects of development of psychological science in the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo gosuniversiteta, 2007, 30–36. (In Russ.)
70. Unarova S. N. *Modern socio-cultural environment as a psychological factor in the development of value orientations of the individual*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2003, 200 (In Russ.)
71. Popova D. A., Nafanailova M. S. *Values of the Sakha man in the globalizing world. Ethnic psychology and modern realities: Proc. II Intern. Sci. Internet Conf.*, Yakutsk, April 11–24, 2016. Novosibirsk, 2016, 76–79. (In Russ.)
72. Sidorova T. N., Sysoliatina M. Iu. Interrelation of ethnic identity and migration attitudes of youth. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, 2015, (5-2): 202–203. (In Russ.)

Особенности социальной тревожности при аффективных расстройствах личности

Руслан В. Кадыров^{а, ID1}; Татьяна В. Капустина^{а, @, ID2}; Валерия А. Догадина^а; Татьяна С. Исаева^б

^а Тихоокеанский государственный медицинский университет, 690002, Россия, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2

^б Владивостокский клинично-диагностический центр, 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Светланская, 131

@ 12_archetypesplus@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Поступила в редакцию 18.06.2019. Принята к печати 03.09.2019.

Аннотация: Предметом исследования является социальная тревожность у людей с таким аффективным расстройством, как внутренняя напряженность, запускающаяся в условиях социального и межличностного общения. Обследовано 28 респондентов, имеющих аффективные расстройства различного спектра, представляющих основную группу исследования. Группу сравнения составили 28 респондентов без аффективного расстройства личности, без депрессивной симптоматики. Психологическая диагностика проводилась с учетом подбора методик для каждого выделенного критерия социальной тревожности: 1) негативные убеждения относительно социального взаимодействия; 2) повышенная физиологическая возбудимость; 3) стремление избегать различные социальные ситуации, испытывая чувство страха, сопряженного с дистрессом; 4) дефицит социальных навыков. В ходе исследования были описаны особенности эмоционального, когнитивного и поведенческого фона исследуемых с аффективными расстройствами, проявляющегося в виде перцептивной особенности гиперболизации тяжести существующих жизненных трудностей, тенденции к уходу, избеганию стрессовых ситуаций, дефицитарности адаптивных защитных механизмов и энергетического ресурса прогностической функции для преодоления возникших фрустрационных условий. Исследование также выявило дефект естественной саморегуляции психоэмоционального состояния в социальных ситуациях у испытуемых с аффективными расстройствами. Полученные особенности являются ценными для понимания возможностей психологической коррекции, направленной на снижение интенсивности негативных переживаний, связанных с социальной тревожностью.

Ключевые слова: нарушение социальных взаимодействий, социальный дистресс, эмоциональные нарушения, расстройства настроения, социофобия, социальное избегание, ранние дезадаптивные схемы

Для цитирования: Кадыров Р. В., Капустина Т. В., Догадина В. А., Исаева Т. С. Особенности социальной тревожности при аффективных расстройствах личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 707–715. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-707-715>

Введение

Современные психологические исследования социальной тревожности сопровождают главным образом процедурные научные работы в США и указывают на динамическое увеличение процента этого феномена как среди всей генеральной совокупности здоровых людей, так и в нозологических группах [1; 2]. Социальная тревожность понимается как внутренняя напряженность, запускающаяся в условиях социального и межличностного общения. Важно, что высокая степень выраженности социальной тревожности является главным индикатором такого расстройства, как социальная фобия, однако не локализуется лишь в подобной диагностической картине. Исследуя представленность термина *социальная тревожность*, изначально следует исходить

из основных концептуальных положений последних десятилетий отечественных и западных специалистов [3–8], формулирующих понятие *социальная тревожность* как подвид тревожности, где триггером выступают ситуации внутри социальной системы, а интенциональной фабулой является страх негативной оценки со стороны других людей. Научные работы последних лет постулируют, что высокий уровень социальной тревожности коррелирует с широким диапазоном патологий [3; 9–13]. Социальную тревожность как симптом характеризует высокий уровень коморбидности с другими нозологиями, в первую очередь с депрессиями, аддикцией от психоактивных веществ, обсессивно-компульсивными синдромами. В общей сложности

исследования показывают, что социальная фобия часто является преморбидом проявления других расстройств.

Так, социальная фобия совпадала с дебютом депрессивного эпизода в 71 % клинических историй болезни. Вероятен и другой эффект – у индивидов с депрессией прогрессирует страх социального контекста жизнедеятельности, который нивелируется совокупно с депрессивным фрагментом. Высокая степень выраженности социальной тревожности специфична для аффективных расстройств, к которым относятся депрессивные эпизоды, рекуррентное депрессивное расстройство, биполярное аффективное расстройство, дистимия, циклотимия. Таким образом, представляется актуальным исследование различий в структуре и уровне социальной тревожности у пациентов с аффективными расстройствами в связи с ее малой изученностью в российской психологической науке и практике. Своевременность исследования феноменологического многообразия депрессивных расстройств, манифестирующих главным образом в юном возрасте, основывается на положении о высокой распространенности этих нозологий, сложности диагностирования подобного расстройства на ранних этапах развития и большом риске суицидальных попыток.

Цель настоящего исследования – описание психологических характеристик социальной тревожности у исследуемых с аффективными расстройствами.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проводилось на базе КГБУЗ «Владивостокский клинико-диагностический центр». Врачами-психиатрами проведена диагностика каждого пациента в соответствии с критериями МКБ-10. Основная группа (ОГ) исследования представлена 28 респондентами со следующими диагнозами: депрессивный эпизод средней степени F32.1 (6 человек); биполярное аффективное расстройство

F31 (5 человек); рекуррентное депрессивное расстройство F33.2 (5 человек); депрессивный эпизод легкой степени F32.0 (5 человек); циклотимия F34.0 (4 человека); дистимия F34.1 (3 человека). Возраст исследуемых – от 18 до 34 лет, из них 8 респондентов мужского пола и 20 женского. Группа сравнения (контрольная группа – КГ) представлена 28 людьми, критериями для отбора которых было отсутствие диагноза аффективных расстройств, возраст, половое соотношение в соответствии с показателями основной группы, результаты по методике *депрессивная шкала А. Бэка* (количество баллов менее 9), без депрессивной симптоматики.

Проанализировав сведения о понятии *социальная тревожность* и ее проявлениях, было принято решение исследовать психологические характеристики социальной тревожности с концептуальной позиции S. M. Turner и др. [14], согласно которой социальная тревожность (как симптом) обладает определенными характеристиками, в соответствии с которыми был подобран методический аппарат настоящего исследования (таблица 1). Также в работе была использована Шкала депрессии А. Бэка для селекции исследуемых группы сравнения, адаптированная Н. В. Тарабриной (см. [15]). Для статистической обработки использовались непараметрический U-критерий Манна-Уитни при уровне значимости не более 0,05.

Результаты

Исследование негативных убеждений относительно социального взаимодействия по методике «Диагностика ранних дезадаптивных схем» Дж. Янга позволило установить, что среди респондентов с аффективными расстройствами преобладают такие ранние дезадаптивные схемы (РДС), как Негативизм, Жесткие стандарты, Покинутость, Ожидание жестокого обращения, Подавленность эмоций (таблица 2).

Таблица 1. Методики для оценки социальной тревожности

Table 1. Techniques for assessing social anxiety

Характеристика социальной тревожности по S. M. Turner и др.	Методики для оценки характеристик социальной тревожности
Негативные убеждения относительно социального взаимодействия	методика «Диагностика ранних дезадаптивных схем» Дж. Янга для выявления дисфункциональных эмоционально-когнитивных паттернов (см. [16])
Повышенная физиологическая возбудимость	субшкала «Возбудимость» шкалы «Оценка влияния травматического события» М. Горовица, адаптированной Н. В. Тарабриной [1]
Стремление избегать различные социальные ситуации, испытывая чувство страха, сопряженного с дистрессом	опросник социальной тревожности М. Р. Либовица для оценки уровня страха и избегания той или иной социальной ситуации, адаптированный И. В. Григорьевой [8] опросник «Социального избегания и дистресса» Д. Уотсона и Р. Френда, адаптированный Е. Н. Клименковой и А. Б. Холмогоровой [17]
Дефицит социальных навыков	рисуночная методика «Человек под дождем» (Е. С. Романова и Т. И. Сытько) для исследования реакций на неудачу и способов выхода из ситуаций, препятствующих деятельности или удовлетворению потребностей личности [18]

Таблица 2. Наиболее часто встречающиеся РДС у респондентов с аффективными расстройствами (показатель ≥ 60 %)
Table 2. The most common early maladaptive schemes in patients with affective disorders (indicator ≥ 60 %)

Вид РДС	ОГ (n=28)	КГ (n=28)
Негативизм	70,3 %	10,7 %
Жесткие стандарты	57 %	28,5 %
Покинутость	50 %	21,4 %
Ожидание жестокого обращения	46,4 %	14,2 %
Подавленность эмоций	46,4 %	17,8 %

Преобладание эмоционально-когнитивного паттерна негативизма указывает на превалирование пессимистичной интенции в отношении к аспектам глобального самоощущения, обуславливая антиципирующую тревогу предвосхищения жизненного катаклизма, т. к. схема негативизма делегирует искажение прогностической функции в сторону негативной презентации будущей картины жизни. Превалирование данной схемы негативизма подтверждается существующей когнитивной триадой депрессии, согласно которой у людей с подобным расстройством аффекта наблюдается наличие трех факторов негативного отношения: к себе, своему актуальному опыту и будущему [19].

Высокий уровень выраженности РДС Жесткие стандарты у респондентов с расстройствами настроения находит отражение в положении, согласно которому содержащийся в данном эмоционально-когнитивном конструкте элемент деструктивного перфекционизма в виде болезненно интенсивной тенденции к идеальной презентации признается исследователями в качестве значимого личностного фактора психогенных депрессий [20].

Детерминантами развития РДС Покинутость и Ожидание становятся элементы опыта эмоциональной депривации и дестабилизации близких, насыщенных отношений в раннем детстве со значимыми взрослыми, с возможными эпизодами отвержения и непринятия ребенка и его естественных нужд. J. W. Weeks и A. N. Howell [21] был описан феномен страха положительной оценки у социально тревожных индивидов, обуславливающий дисквалификацию индивидуально положительных результатов общественной деятельности при экстернальной атрибуции собственного успеха. Подобное искажение кодирования социально важной информации отрицательно коррелирует с убеждением участников в достоверности положительных утверждений о них, актуализируя схему ожидания жестокого обращения.

У 46,4 % респондентов выявлена преобладающая РДС Подавление эмоций. Подобный эмоционально-когнитивный паттерн подавления и блокировки реагирования

собственных переживаний подтверждает результаты исследования В. Montagne и др. [13], постулирующего, что депрессивные исследуемые с высоким уровнем социальной тревожности хуже распознают экспрессию гневной мимики и выражения отвращения из-за низкого уровня декодирования собственных и чужих психоэмоциональных состояний, что в свою очередь исходит из воздействия схемы подавления и блокирования субъективных переживаний.

Следует отметить, что для контрольной группы наиболее доминирующими схемами являются Жесткие стандарты (28,5 % человек) и Покинутость (21,4 % человек). Эмоционально-когнитивное звено данных глубинных убеждений обуславливает стремление индивидов к перфекционизму и рационализму, что отвечает ассертивному, социально одобряемому поведению.

Таким образом, у респондентов с расстройствами настроения есть доминирующие базисные негативные убеждения, способствующие искажению перцептивной картины мира, обуславливающие дисфункциональный когнитивно-эмоциональный фильтр поступающих сигналов окружающей среды, что детерминирует эскалацию социальной тревожности.

По результатам субшкалы «Возбудимость» шкалы «Оценка влияния травматического события» М. Горовица, связанной с повседневным показателем психофизиологической напряженности и раздражительности, было выявлено, что 57 % респондентов с аффективными расстройствами испытывают повышенную эксплозивную реактивность и неврастенические реакции. Такие результаты, вероятно, связаны с концепцией, базированной на современных воззрениях о патогенезе депрессивных состояний [22], дающей возможность согласовывать многообразные проявления депрессивного расстройства и надлежащие им нейрохимические процессы. Характерная для индивидов с расстройствами настроения соматизированная тревожность в матрице телесных ощущений [9], которая выражается в учащенном сердцебиении, потливости, нарушениях пищеварения, дискомфортом в области грудной клетки, провоцирует видоизменение внешнего облика депрессивного индивида, делая из его персоны латентный объект для повышенного внимания со стороны других людей, что обуславливает актуализацию социальной тревожности и страха негативной оценки. Таким образом, повышенная соматовегетативная возбудимость способна служить источником повышенной чувствительности и усиленному самомониторингу депрессивного индивида в отношении своих физиологических проявлений, возникающих в социальных ситуациях, что в совокупности с метакогнитивным искажением гиперболизации желания окружающих подвергнуть критическим суждениям его

личность обуславливает высокий уровень социальной тревожности у респондентов с расстройствами настроения. В то же время высокий уровень возбудимости в контрольной группе составил 10,7 % среди респондентов.

Для подробного изучения такой характеристики социальной тревожности, как стремление избегать различные социальные ситуации, испытывая чувство страха, сопряженного с дистрессом, были сопоставлены результаты по методике «Социальное избегание и дистресс» К. Френда и В. Уотсона и опроснику «Социальной тревожности» М. Либовица с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни (таблица 3).

У респондентов с аффективными расстройствами преобладает в большей степени интенсивность переживаемого социального дистресса и превалирует тенденция к совладающей стратегии избегания условий социального взаимодействия по сравнению с контрольной группой. Подобные различия в степени выраженности страха и режима избегания наблюдаются и в показателях по методике М. Либовица, включающей всю широту диапазона социальных ситуаций – контекста приватной беседы, официальной встречи или совершения определенного ряда действий на публике. Концепт выраженного страха интерпсихического взаимодействия у респондентов с расстройствами настроения отражен в исследовании студентов К. Diehl и др. [23], которые постулируют, что депрессивная нозология встречается среди одиноких юношей и девушек чаще, чем среди тех, кто состоит в интимно-личностных отношениях. В другом исследовании (Е. L. Brown и др.) респонденты с депрессивными симптомами сообщали, что целенаправленно проводят меньше времени с людьми, которых они воспринимают как близких и любимых, минимизируя положительный эффект разрушения иллюзии собственной социальной изоляции, детерминированной депрессогенными схемами [24]. Согласно полученным результатам респонденты

с аффективными расстройствами являются чрезвычайно сенситивными в ситуациях социального взаимодействия.

При интерпретации результатов Проективной методики «Человек под дождём» была выявлена такая особенность у респондентов с аффективными расстройствами в пространственных характеристиках рисунка, как изображение маленьких фигурок (21,4 % обследуемых), что может говорить о подавлении непосредственных эмоций, тенденции к сдержанности и некоторой заторможенности при взаимодействии с людьми. Подобный показатель нарисованной небольшой фигуры может свидетельствовать о депрессивных реакциях в ситуации стресса, что соотносится с диагностированным аффективным расстройством у данной выборки. 75 % испытуемых группы сравнения изобразили фигуру человека под дождем среднего размера, у 60,7 % исследуемых изображение занимает центральную часть листа.

Содержательные характеристики рисунка основной группы представлены особенностями восприятия стрессовых условий – как отрицание поддержки со стороны референтных фигур в трудной ситуации, а именно показатель отсутствие зонта (42,8 % обследуемых). Дефект в перцепции автономии, независимости, недостаточность энергетического ресурса и ощущения поддержки, возможности самостоятельно справиться с трудной ситуацией наблюдается у 32 % респондентов (отсутствие каких-либо средств защиты от дождя). Характерное для 32 % респондентов изображение полиморфных, не имеющих вторичных половых признаков фигур с нарисованными в простой манере, схожими с детскими, может свидетельствовать об инфантильном социальном поведении, тенденции к эмоционально-когнитивному регрессу в ситуациях стресса. Также в содержательных характеристиках рисунков выявлено стремление к самозащите, отрешению от мира – изображение фигуры в профиль или спиной (39,2 % обследуемых). Зависимость от влияния значимых фигур протекции, ожидание помощи

Таблица 3. Статистически выявленные различия между основной и контрольной группами по методике «Социальное избегание и дистресс» К. Френда и В. Уотсона и по опроснику «Социальной тревожности» М. Либовица
Table 3. Statistical analysis differences between the main and control groups by the methods of "Social Avoidance and Distress Scale" (SAD) by Watson and Friend and "Liebowitz Social Anxiety Scale"

Шкала	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значения верхних критических точек, Z
Дистресс	10,5	5,66
Избегание	8,5	5,48
Межличностные неформальные интеракции	22,5	5,28
Публичное официальное общение	19,5	5,22
Совершение действий на публике	64,0	4,17

Прим.: уровень достоверности $p < 0,01$.

от них – большой зонт-гриб (25 %). Маркерами депрессивного состояния респондентов с расстройствами настроения служит изображение массивных грозовых облаков, занимающих все небо, зафиксированное у 21,4 % респондентов. Согласно перцептивной оценке стрессовой ситуации 39,2 % респондентов эмпирической выборки воспринимают трудные жизненные условия как гнетущие, мучительные, долговременные, о чем свидетельствует характер изображенных капель дождя (большие, закрашенные капли или линии). В группе сравнения адекватный телесный образ, обозначенные половые признаки и естественная пропорциональность фигур были выявлены у 92,8 % обследуемых.

При анализе технических характеристик рисунков выявлено, что эмоциональная идентификация 28,5 % респондентов с аффективными расстройствами в стрессовых условиях сопряжена с высоким уровнем психического напряжения, тревожностью, о чем свидетельствует сильный нажим при рисовании. В группе сравнения у 64,2 % респондентов отмечается непрерывность, плавность линии рисовки, у 75 % обследуемых нажим карандаша средней силы, что может свидетельствовать о стабильном, спокойном психоэмоциональном состоянии на момент обследования.

Исходя из результатов пострисуночного опроса 28,5 % респондентов основной группы предпочитают дистанцироваться и отдалиться от восприятия стрессовой ситуации, не включая эмоциональное реагирование на факт возникновения фактора психического напряжения. 21,4 % респондентов основной группы рассматривают стрессовые условия как тяжелые, отягощающие, заставляющие испытывать неомогание, фрустрацию, не имея должной уверенности в своих силах. Когнитивные и поведенческие усилия респондентов с аффективными расстройствами преимущественно направлены на отделение от ситуации и уменьшение ее значимости либо ее игнорирование. При этом возрастающее эмоциональное напряжение в связи с восприятием стрессовой ситуации как труднопреодолимой и требующей затрат энергетического ресурса в условиях гипотонии, свойственное депрессивным индивидам, проявляется в активизации и реализации защитного поведения – избегания стрессогенного контекста ситуаций. Отличительной особенностью пострисуночных опросов основной группы (респондентов с аффективными расстройствами) и группы сравнения является эмоциональное реагирование и когнитивно-поведенческие стратегии совладания со стрессовыми ситуациями, согласно которым 60,7 % здоровых респондентов в контексте жизненных трудностей чаще проявляют протекционную функцию прогнозирования («Можно сходить в ресторан, пока идет дождь», «Вызвать такси»), воспринимают возникший фактор фрустрации с позиции возможности творчески проявить

себя, включить детский режим игрового фантазирования («Хочется попрыгать по лужам» (предложено 28,5 % обследуемых из группы сравнения), «Потанцевать под дождем»), что свидетельствует об адаптивной саморегуляции членов группы сравнения в стрессовой ситуации.

Таким образом, проективная методика «Человек под дождем» позволяет предположить, что респонденты с аффективными расстройствами склонны оценивать стрессовую ситуацию как мучительную, тяжелую, ощущая дефицит и депривацию поддерживающей, вспомогательной стороны решения созданной проблемы, предпочитая блокировать нежелательные интенсивные переживания отрицательного видения исхода будущего дистанцированием от ситуации стресса нивелированием значимости возникших трудностей либо избеганием контекста фрустрации чувства безопасности индивида.

Заключение

Эмпирическое исследование социальной тревожности у респондентов с аффективными расстройствами позволило достичь цели – описать психологическую характеристику социальной тревожности респондентов с аффективными расстройствами.

1. Выявлены такие превалирующие в группе респондентов с аффективными расстройствами РДС, как Негативизм, Покинутость, Недоверие, Жесткие стандарты, которые, согласно автору концепции ранних дезадаптивных схем Дж. Янгу, выражаются в индуцировании недоверия к окружающим людям и их действиям, ощущении ненадежности, непредсказуемости будущих событий, небезопасности видимого социального пространства. Сложившиеся внешние обстоятельства воспринимаются подобными респондентами как враждебные, а поступающие внешние сигналы кодируются критической, негативной оценкой их персоны.

2. У респондентов с аффективными расстройствами выявлено избегающее поведение в широком диапазоне социальных ситуаций (неформальные межличностные интеракции, официальное публичное общение, совершение действий прилюдно), высокий уровень испытываемого дистресса в социальных отношениях и вместе с тем высокий уровень страха нахождения в этих условиях при потенциальном унижении и буллинге со стороны других людей, а также часто возникающее психофизиологическое возбуждение, сопровождающее индивида даже вне социума.

3. При помощи результатов проективной методики описаны такие особенности эмоционального, когнитивного и поведенческого фона респондентов с аффективными расстройствами, как перцептивная гиперболизация существующих жизненных трудностей, тенденция к уходу, избеганию стрессовых ситуаций, дефицитарность адаптивных

защитных механизмов и энергетического ресурса прогностической функции для преодоления возникших фрустрационных условий.

4. У респондентов с аффективными расстройствами преобладает в большей степени, чем в контрольной группе, тенденция к избеганию ситуаций социального взаимодействия, включающих как интимно-личностное общение, так и публичные выступления. Статистически значимые различия были выявлены в выраженности психологической напряженности, интенсивности переживаемого страха в многообразии социальных ситуаций, обуславливающих интерпретацию среды и социального окружения как латентной угрозы в общественном порицании и отвержении. У респондентов с аффективными расстройствами в большей степени проявляется уровень дистресса в ситуационном контексте интеракций публичного и межличностного характера, преобладает регулярное переживание психофизиологического возбуждения в процессе жизнедеятельности.

Подобные результаты могут свидетельствовать о проявлениях социальной тревожности при аффективных расстройствах, например дефекта естественной саморегуляции

психоэмоционального состояния в социальных ситуациях. Специфика социальной тревожности, влияющей на дезадаптивность поведения респондентов с аффективными расстройствами при переживании несоответствия с ролевыми ожиданиями других, препятствует коррекционной работе с социальной гибкостью подобных индивидов, включению их в оптимальный темп функционирования общественно-го и межличностного взаимодействия, терапевтической интервенции в существующие тугоподвижные когнитивные предрассудки касательно межличностных интеракций с выработкой адаптивных поведенческих стратегий. Полученные особенности являются ценными для понимания возможностей психологической коррекции, направленной на снижение интенсивности негативных переживаний, связанных с социальной тревожностью. Проведенное исследование актуализирует необходимость переработки и разработки новых тестовых и проективных методик для изучения специфичности циркуляции социальной тревожности вследствие малого количества и недостаточного многообразия существующего методического аппарата исследования особенностей социальной рефлексии.

Литература

1. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
2. McEvoy P. M., Watson H., Watkins E. R., Nathan P. J. The relationship between worry, rumination, and comorbidity: evidence for repetitive negative thinking as a transdiagnostic construct // *Affect Disorder*. 2013. Vol. 151. № 1. P. 313–320. DOI: 10.1016/j.jad.2013.06.014
3. Weeks J. W., Menatti A. R., Howell A. N. Psychometric evaluation of the Concerns of Social Reprisal Scale: Further explicating the roots of fear of positive evaluation // *Journal of Anxiety Disorders*. 2015. Vol. 36. P. 33–43. DOI: 10.1016/j.janxdis.2015.06.008
4. Buckner J. D., Dean K. E. Social anxiety and post-event processing: the impact of race // *Anxiety Stress Coping*. 2017. Vol. 30. № 2. P. 219–227. DOI: 10.1080/10615806.2016.1220549
5. Freidlin P., Littman-Ovadia H., Niemiec R. M. Positive psychopathology: Social anxiety via character strengths underuse and overuse // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 108. P. 50–54. DOI: dx.doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.003
6. Вертоградова О. П., Петухов В. В. Затяжные депрессии (закономерности формирования, прогноз, терапия) // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2005. Т. 15. № 4. С. 18–22.
7. Kashdan T. B. Social anxiety spectrum and diminished positive experiences: Theoretical synthesis and meta-analysis // *Clinical Psychology Review*. 2007. Vol. 27. № 3. P. 348–365. DOI: 10.1016/j.cpr.2006.12.003
8. Григорьева И. В., Ениколопов С. Н. Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки» // *Национальный психологический журнал*. 2016. № 1. С. 31–44. DOI: 10.11621/npj.2016.0105
9. Keila V., Hepach R., Vierrath S., Caffier D., Tuschen-Caffier B., Klein Ch., Schmitz Ju. Children with social anxiety disorder show blunted pupillary reactivity and altered eye contact processing in response to emotional faces: Insights from pupillometry and eye movements // *Journal Anxiety Disorders*. 2018. Vol. 58. P. 61–69. DOI: 10.1016/j.janxdis.2018.07.001
10. Шутеева Т. В. Возможности лечения когнитивно-эмоциональных расстройств у пациентов с хронической ишемией мозга // *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2019. № 1. С. 70–73. DOI: 10.17238/PmJ1609-1175.2019.1.70-73
11. Arditte K. A., Morabito D. M., Shaw A. M., Timpano K. R. Interpersonal risk for suicide in social anxiety: The roles of shame and depression // *Psychiatry Res*. 2016. Vol. 239. P. 139–144. DOI: 10.1016/j.psychres.2016.03.017
12. Benjamin A. T., Vrshek-Schallhorn S., Zinbarg R., Prenoveau J. M., Mineka S., Redei E. E., Adam E. K., Craske M. G. Interaction of CD38 variant and chronic interpersonal stress prospectively predicts social anxiety and depression symptoms over 6 years // *Clinical Psychological Science*. 2016. Vol. 4. № 1. P. 17–27. DOI: 10.1177/2167702615577470

13. Montagne B., Schutters S., Westenberg H. G., van Honk J., Kessels R. P., de Haan E. H. Reduced sensitivity in the recognition of anger and disgust in social anxiety disorder // *Cognitive Neuropsychiatry*. 2006. Vol. 11. № 4. P. 389–401. DOI: 10.1080/13546800444000254
14. Turner S. M., Beidel D. C., Townsley R. M. Social phobia: relationship to shyness // *Behavior Research Ther.* 1990. Vol. 28. № 6. P. 497–505. DOI: 10.1016/0005-7967(90)90136-7
15. Абрамова А. А., Кузнецова С. О., Ениколопов С. Н., Разумова А. В. Специфика проявлений агрессивности у больных с депрессией разной нозологической принадлежности, степени тяжести и длительности // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2014. № 2. С. 75–89.
16. Касьяник П. М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 120 с.
17. Никитина И. В., Холмогорова А. Б., Краснова В. В. Социальная тревожность у пациентов с расстройствами аффективного спектра // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2012. Т. 22. № 3. С. 30–35.
18. Романова Е. С. Графические методы в психологической практической психологии. СПб.: Речь, 2001. 416 с.
19. Сагалакова О. А. Социальные страхи и социофобии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 102 с.
20. Blatt S. J., Quinlan D. M., Pilkonis P. A., Shea M. T. Impact of perfectionism and need for approval on the brief treatment of depression: the National Institute of Mental Health treatment of depression collaborative research program revisited // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1995. Vol. 63. № 1. P. 125–132. DOI: 10.1037/0022-006x.63.1.125
21. Weeks J. W., Howell A. N. Fear of positive evaluation: The neglected fear domain in social anxiety // *The Wiley Blackwell handbook of social anxiety disorder* / ed. Weeks J. W. John Wiley & Sons, 2014. P. 433–453. DOI: 10.1002/9781118653920.ch20
22. Taylor H. O., Taylor R. J., Nguyen A. W., Chatters L. Social isolation, depression, and psychological distress among older adults // *Journal Aging Health*. 2018. Vol. 30. № 2. P. 229–246. DOI: 10.1177/0898264316673511
23. Diehl K., Jansen C., Ishchanova K., Hilger-Kolb J. Loneliness at universities: determinants of emotional and social loneliness among students // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018. Vol. 15. № 9. P. 405–416. DOI: 10.3390/ijerph15091865
24. Brown E. L., McAvay G., Raue P., Moses S., Bruce M. L. Recognition of depression in the elderly receiving homecare services // *Psychiatric Services*. 2003. Vol. 54. № 2. P. 208–213.

Social Anxiety in Affective Personality Disorders

Ruslan V. Kadyrov ^{a, ID1}; Tatyana V. Kapustina ^{a, @, ID2}; Valeriya A. Dogadina ^a; Tatyana S. Isaeva ^b

^a Pacific State Medical University, 2, Ostryakov Ave., Vladivostok, Russia, 690002

^b Vladivostok Clinic and Diagnostic Center, 131, Svetlanskaya St., Vladivostok, Russia, 690001

@ 12_archetypesplus@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Received 18.06.2019. Accepted 03.09.2019.

Abstract: The research features social anxiety in people with such affective disorders as internal tension triggered by social and interpersonal communication. The test group involved 28 individuals with various affective disorders. The control group consisted of 28 respondents without affective personality disorder or depressive symptoms. Psychological diagnostics presupposed specific methods for each selected criterion of social anxiety: 1) negative beliefs about social interaction; 2) increased physiological excitability; 3) desire to avoid social situations; fear in distress; 4) deficit of social skills. The study made it possible to describe the features of the emotional, cognitive, and behavioral background of persons with affective disorders: hyperbolization of life difficulties; avoiding stressful situations; deficiency of adaptive defense mechanisms and energy resources to overcome frustration. The study also revealed a defect in the natural self-regulation of the psychoemotional state of social situations in persons with affective disorders. The results obtained are valuable for understanding the possibilities of psychological correction, aimed at reducing the intensity of negative experiences associated with social anxiety.

Keywords: mood disorders, dysthymia, cyclothymia, bipolar disorder, social phobia, social avoidance, early maladaptive schemes

For citation: Kadyrov R. V., Kapustina T. V., Dogadina V. A., Isaeva T. S. Social Anxiety in Affective Personality Disorders. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 707–715. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-707-715>

References

1. Tarabrina N. V. *Practical work on the psychology of post-traumatic stress*. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 272. (In Russ.)
2. McEvoy P. M., Watson H., Watkins E. R., Nathan P. J. The relationship between worry, rumination, and comorbidity: evidence for repetitive negative thinking as a transdiagnostic construct. *Affect Disorder*, 2013, 151(1): 313–320. DOI: 10.1016/j.jad.2013.06.014
3. Weeks J. W., Menatti A. R., Howell A. N. Psychometric evaluation of the Concerns of Social Reprisal Scale: Further explicating the roots of fear of positive evaluation. *Journal of Anxiety Disorders*, 2015, 36: 33–43. DOI: 10.1016/j.janxdis.2015.06.008
4. Buckner J. D., Dean K. E. Social anxiety and post-event processing: the impact of race. *Anxiety Stress Coping*, 2017, 30(2): 219–227. DOI: 10.1080/10615806.2016.1220549
5. Freidlin P., Littman-Ovadia H., Niemiec R. M. Positive psychopathology: Social anxiety via character strengths underuse and overuse. *Personality and Individual Differences*, 2017, 108: 50–54. DOI: [dx.doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.003](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.003)
6. Vertogradova O. P., Petoukhov V. V. Protracted depression: regularities of formation, prognosis and therapy. *Sotsial'naia i klinicheskaia psikiatriia*, 2005, 15(4): 18–22. (In Russ.)
7. Kashdan T. B. Social anxiety spectrum and diminished positive experiences: Theoretical synthesis and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, 2007, 27(3): 348–365. DOI: 10.1016/j.cpr.2006.12.003
8. Grigorieva I. V., Enikolopov S. N. Testing questionnaires "Liebowitz Social Anxiety Scale" and "Fear of Negative Evaluation Scale" (short version). *National Psychological Journal*, 2016, (1): 31–44. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2016.0105
9. Keila V., Hepach R., Vierrath S., Caffier D., Tuschen-Caffier B., Klein Ch., Schmitz Ju. Children with social anxiety disorder show blunted pupillary reactivity and altered eye contact processing in response to emotional faces: Insights from pupillometry and eye movements. *Journal Anxiety Disorders*, 2018, 58: 61–69. DOI: 10.1016/j.janxdis.2018.07.001
10. Shuteeva T. V. Opportunities for the treatment of cognitive-emotional disorders in patients with chronic ischemia of the brain. *Pacific Medical Journal*, 2019, (1): 70–73. (In Russ.) DOI: 10.17238/PmJ1609-1175.2019.1.70-73
11. Arditte K. A., Morabito D. M., Shaw A. M., Timpano K. R. Interpersonal risk for suicide in social anxiety: The roles of shame and depression. *Psychiatry Res*, 2016, 239: 139–144. DOI: 10.1016/j.psychres.2016.03.017
12. Benjamin A. T., Vrshek-Schallhorn S., Zinbarg R., Prenoveau J. M., Mineka S., Redei E. E., Adam E. K., Craske M. G. Interaction of CD38 variant and chronic interpersonal stress prospectively predicts social anxiety and depression symptoms over 6 years. *Clinical Psychological Science*, 2016, 4(1): 17–27. DOI: 10.1177/2167702615577470
13. Montagne B., Schutters S., Westenberg H. G., van Honk J., Kessels R. P., de Haan E. H. Reduced sensitivity in the recognition of anger and disgust in social anxiety disorder. *Cognitive Neuropsychiatry*, 2006, 11(4): 389–401. DOI: 10.1080/13546800444000254
14. Turner S. M., Beidel D. C., Townsley R. M. Social phobia: relationship to shyness. *Behavior Research There*, 1990, 28(6): 497–505. DOI: 10.1016/0005-7967(90)90136-7
15. Abramova A. A., Kuznetsova S. O., Enikolopov S. N., Razumova A. V. Specificity of the manifestations of aggression in patients with depression different nosology, severity and duration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, 2014, (2): 75–89. (In Russ.)
16. Kasyanik P. M., Romanova E. V. *Diagnosis of early maladaptive schemes*. Saint-Petersburg: Izd-vo Politekh. un-ta, 2014, 120. (In Russ.)
17. Nikitina I. V., Kholmogorova A. B., Krasnova V. V. Social anxiousness in patients with affective spectrum disorders. *Sotsial'naia i klinicheskaia psikiatriia*, 2012, 22(3): 30–35. (In Russ.)
18. Romanova E. S. *Graphic methods in practical psychology*. Saint-Petersburg: Rech, 2001, 416. (In Russ.)
19. Sagalakova O. A. *Social fears and social phobia*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009, 102. (In Russ.)
20. Blatt S. J., Quinlan D. M., Pilkonis P. A., Shea M. T. Impact of perfectionism and need for approval on the brief treatment of depression: the National Institute of Mental Health treatment of depression collaborative research program revisited. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1995, 63(1): 125–132. DOI: 10.1037/0022-006x.63.1.125

21. Weeks J. W., Howell A. N. Fear of positive evaluation: The neglected fear domain in social anxiety. *The Wiley Blackwell handbook of social anxiety disorder*, ed. Weeks J. W. John Wiley & Sons, 2014, 433–453. DOI: 10.1002/9781118653920.ch20
22. Taylor H. O., Taylor R. J., Nguyen A. W., Chatters L. Social isolation, depression, and psychological distress among older adults. *Journal Aging Health*, 2018, 30(2): 229–246. DOI: 10.1177/0898264316673511
23. Diehl K., Jansen C., Ishchanova K., Hilger-Kolb J. Loneliness at universities: determinants of emotional and social loneliness among students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018, 15(9): 405–416. DOI: 10.3390/ijerph15091865
24. Brown E. L., McAvay G., Raue P., Moses S., Bruce M. L. Recognition of depression in the elderly receiving homecare services. *Psychiatric Services*, 2003, 54(2): 208–213.

Социокультурные факторы психического здоровья детей младшего школьного возраста*

Елена В. Куфтяк^{a, @, ID1}; Инна В. Тихонова^{b, ID2}

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1

^b Костромской государственный университет, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

@ elena.kuftyak@inbox.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>

Поступила в редакцию 03.05.2019. Принята к печати 07.06.2019.

Аннотация: В статье приводятся результаты теоретического анализа понятия *психическое здоровье* в русле системно-уровневого подхода. Рассматриваются факторы и условия психического здоровья. Обсуждаются результаты изучения влияния социокультурных факторов (мезоуровня) на уровень эмоциональных проблем и отклонений в поведении младших школьников. В исследовании приняли участие 131 младший школьник (48,1 % девочек, 51,9 % мальчиков; средний возраст – 10,2), среди них 53 ученика гимназии, 54 ученика общеобразовательной школы, 24 сельских школьника. Были изучены особенности взаимоотношений с родителями, психическое здоровье и социальные условия жизни детей. Выявлены значимые различия по присутствию проблем в поведении и общении со сверстниками у учащихся гимназий. Установлено, что сильной стороной сельских школьников выступает просоциальная направленность поведения. Обнаружено, что мужской пол является фактором риска отклонений психического здоровья. Выявлено преобладание у детей, проживающих в городе проблем со сверстниками, интернальности и экстернальности проблем. Благополучные отношения с матерью и отцом выступают неспецифическим фактором защиты психического здоровья. Полученные данные имеют определенное значение для организации профилактики отклонений психического развития в детском возрасте.

Ключевые слова: эмоциональные трудности, поведенческие трудности, пол, условия обучения, условия проживания, младшие школьники

Для цитирования: Куфтяк Е. В., Тихонова И. В. Социокультурные факторы психического здоровья детей младшего школьного возраста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 716–725. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-716-725>

Введение

Сохранение и укрепление психического здоровья детей является проблемой общемирового характера и прерогативой современного общества. Весомая часть психических расстройств берут начало в детском возрасте, а результаты исследований констатируют высокую уязвимость психики детей и подростков на имеющемся этапе развития цивилизации. Н. К. Сухотина отмечает, что все большее число детей демонстрируют несоответствие когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик современным образовательным требованиям. Это в итоге, по мнению автора, является фактором появления не только неуспеваемости, но и проблем более серьезного спектра: отклоняющегося

поведения, депрессивных расстройств, суицидов, тревожных состояний, неврозов [1].

Психическое здоровье детей отлично от психического здоровья взрослых. Оно более пластично, что связано с уникальностью процесса психического развития в детском возрасте, высокой степенью зависимости от средовых воздействий, наличием значимых кризисов, уникальных вех развития, с которыми сталкиваются дети. Проблемы с психическим здоровьем, которые могут возникнуть у детей, способны отражаться как трудности в психологическом и эмоциональном развитии, социальных отношениях и поведении. Когда проблемы являются постоянными,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-413-440001 р-а.

серьезными и вызывают нарушение функционирования, они определяются как расстройства психического здоровья¹.

Постановка проблемы

Понятие *психическое здоровье* с некоторых пор является мишенью научно-практического рассмотрения не только в медицине, но и в психологии, социологии, и независимо от сферы научного интереса оно имеет два локуса обсуждения и изучения. С одной стороны, это отсутствие нозологически очерченных признаков психической патологии. С этой позиции даже в «немедицинских» науках, по мнению Е. А. Сергиенко, делается акцент на способности сохранить «нормальный статус человека», отсутствии патологических форм поведения [2]. Второй ракурс рассмотрения понятия психического здоровья призывает расценивать его как состояние оптимальной адаптации психики, гармонии, психического благополучия.

В информационном бюллетене Всемирной организации здравоохранения подчеркивается, что психическое здоровье – это не только отсутствие признаков психических расстройств, но и состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам². Таким образом, появляется возможность рассматривать психическое здоровье не столько в нозологической парадигме, но и в контексте личностного и психического благополучия, гармонии между внешней средой и возможностями человека.

Т. Б. Дмитриева и Б. С. Положий применительно к индивиду и личности определяют психическое здоровье как «состояние психики индивида, которое характеризуется цельностью и согласованностью всех психических функций организма, обеспечивающих чувство субъективной психической комфортности, способность к целенаправленно осмысленной деятельности и оптимальное выполнение социальных функций, адекватных общечеловеческим ценностям и этнокультурным особенностям» [3, с. 30]. Н. Г. Айварова указывает, что оно определяется психическими особенностями, позволяющими человеку быть адекватным и успешно адаптироваться к среде. Автор отмечает, что к таковым традиционно относятся соответствие субъективных образов объективной действительности, адекватность в восприятии себя, способность концентрировать внимание на предмете, способность к удержанию информации в памяти, критичность мышления [4]. Кроме этого, признаками психического здоровья может считаться определенный резерв сил человека, благодаря которому

он может преодолеть неожиданные стрессы или затруднения, возникшие в исключительных обстоятельствах, состояние равновесия между человеком и окружающим миром, гармонии между ним и обществом.

Анализ существующих определений психического здоровья однозначно показывает, что внимание ученых в данной области сосредоточено не столько на его клинических аспектах, сколько на внутриличностных и социальных показателях благополучия [5; 6]. Это явление А. В. Воронина называет вниманием исследователей к «высшим проявлениям человеческого Духа» и делает вывод об особом значении, которое придается духовности человека [7]. Таким образом, в современной науке признается необходимость изучения психического здоровья как феномена социокультурного, системного, требующего междисциплинарного подхода, который может считаться эффективным при изучении такого особо сложного объекта, как здоровье, «которое представляет собой эмерджентный продукт взаимодействия биологической системы (организм), психики и социальных условий, а также их окружающих миров» [8, с. 128].

Хотелось бы отметить, что утверждение необходимости изучения социодуховных аспектов психического здоровья ничуть не отрицает значимости исследования признаков психической патологии. Так как большая часть симптомов психических недугов сосредоточена в сфере их внешней презентации в поведении, то большое значение имеет изучение связи нарушений психической и социальной адаптации с их поведенческими и психофизиологическими маркерами. Уровневая модель психического здоровья однозначно показывает, что не существует четкой границы между нормой и психической патологией [9; 10], а в его обеспечении играют роль все уровни жизнедеятельности организма [11; 12]. Системная биопсихосоциодуховная модель психического здоровья (соответственно и «нездоровья») утверждает зависимость – нарушения любой его подсистемы приведут к изменению деятельности всей системы. Соответственно, понимание взаимосвязи между разными системами функционирования человека могут помочь в установлении ранних предикторов, выявлении факторов риска нарушения психического здоровья.

Анализ психического здоровья через призму социокультурных факторов связан с высокой степенью его детерминации социальными условиями жизни человека, а особенно ребенка. «Контекстуализация социальных факторов риска выступает важнейшим методом понимания особенностей их воздействия на здоровье человека и предполагает

¹ Urajnik D., Barwick M. Child mental health // Ebcyclopedia Britanica. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/child-mental-health/> (дата обращения: 15.04.2018).

² Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения «Психическое здоровье». Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response/> (дата обращения: 16.04.2018); Urajnik D., Barwick M. Child mental health...

осознание условий, детерминирующих существование, интенсификацию или, напротив, исчезновение социальных факторов риска, непосредственно связанных с состоянием здоровья человека» [13, с. 37].

Н. А. Лебедева-Несевря, систематизируя факторы риска здоровья, выделила два их уровня. К микросоциальным факторам риска автор отнес социально-демографические характеристики индивида (пол, возраст, национальность), низкий уровень материального благополучия и низкий уровень образования. В качестве условий макроуровня были определены уровень социально-экономического развития территории, уровень развития социальной инфраструктуры, политика государства в области здоровья, социокультурные нормы и ценности по отношению к здоровью [13].

Говоря о психическом здоровье детей и социальных факторах его определения и риска, стоит отметить, что исследователи действительно уделяют внимание влиянию глобальных социальных факторов (макроуровень). Например, А. А. Коблова и др. выделяют такой макрофактор риска проблем в психическом, как *урбанизация*, связывают это с перенаселенностью или загрязненностью окружающей среды, зависимостью от классовой экономики, высоким уровнем насилия и низким уровнем социальной поддержки [14]. Среди микроуровневых факторов психического здоровья исследованы факторы пола [15], национальности [16], этнической идентичности [17].

Вероятно, что применительно к анализу факторов психического здоровья у детей требуется введение мезоуровневого ракурса рассмотрения, в который необходимо включать широкий спектр показателей окружающих социальных институтов, воздействующих на развитие и здоровье детей. Так, Р. Н. Хакунов к наиболее важным составляющим здоровья относит социальную среду с факторами, формирующими учебно-педагогический, семейный, воспитательный процесс и отражающими психосоциальную адаптированность в обществе [18]. При оценке успешности обучения (являющейся одним из показателей адаптации к образовательным требованиям, соответственно имеющей значение в оценке ряда показателей психического здоровья) в зарубежных системах образования используется учет внешних, не зависящих от школы факторов. К таким «контекстным» факторам относятся, прежде всего, социально-экономические характеристики школы и ее окружения и особенности контингента. К наиболее часто собираемым показателям относятся данные об учебных проблемах учеников, уровне образования родителей, экономических ресурсах семьи и получаемой социальной помощи, которая свидетельствует об экономическом благосостоянии семей

учащихся. Некоторые страны используют также данные о семьях учеников, которые связаны с их учебными достижениями: структура семьи, размер семьи, информация о том, воспитывается ли ученик в родной семье или нет [19]. Факторами, стабилизирующими психическое благополучие детей, могут выступать безопасные школы и участие в развлекательных мероприятиях, социально-экономический статус (т. е. образование родителей или доход)³.

Влияние семьи (как мезосоциальный фактор) и ее отдельных структурных характеристик на психическое здоровье детей имеет большой интерес для исследователей. Подчеркивается сильная роль в психическом неблагополучии детей хронических семейных факторов риска [20], большое значение имеют стиль воспитания, контроль, социально-экономические характеристики семьи. Хорошее психическое здоровье детей по результатам исследований определяется социальной компетентностью, родительской поддержкой и школьным климатом [21], восприятие детьми дошкольного возраста высокой родительской компетентности уменьшает вероятность проявлений признаков психических расстройств [22], признаки психического неблагополучия связаны с недостаточностью родительского принятия, доверия, демонстрацией матерью негативных эмоций [6; 23].

Соотношению факторов, определяющих психическое здоровье, посвящено не так много исследований. М. В. Сафронова изучала вклад различных факторов в школьную успешность и психическое здоровье школьников [23]. Она выявила, что имеют значение характеристики индивида, проявляющиеся в социальном взаимодействии (микрофакторы), такие как пол, темперамент, нейротизм, психотизм, но при этом влияние оказывают и характеристики семьи (возраст, образование, профессиональная квалификация родителей, состав семьи, доход, жилищные условия). Соотношение роли этих факторов не определено. Исследование Е. А. Козловой, Е. Р. Слободской, О. А. Ахметовой показало, что индивидуально-психологические особенности в сравнении с социально-экономическим статусом обладают сопоставимой, а иногда и большей прогностической значимостью в отношении важных результатов развития, таких как продолжительность жизни, развод и профессиональные достижения [24].

Таким образом, актуальным и значимым в настоящее время является изучение факторов макро-, мезо- и микроуровней, определяющих психическое здоровье детей.

В связи с этим целью нашей работы было изучение характера влияния социокультурных факторов (мезоуровня) на уровень эмоциональных проблем и отклонений в поведении младших школьников в условиях современной России.

³ Urajnik D., Barwick M. Child mental health...

Мы предположили, что: 1) фактор пола, условия обучения и место жительства (город, сельская местность) оказывают влияние на показатели психического здоровья младших школьников; 2) оценка отношений с родителями тесно связана с показателями психического здоровья.

Организация и методы исследования

Обследование проводили в областном центре и сельских районах Костромской области. В выборку вошли 131 младший школьник (48,1 % девочек, 51,9 % мальчиков) в возрасте от 9 до 11 лет (среднее значение 10,2), среди них 53 ученика гимназии, 54 ученика общеобразовательной школы, 24 сельских школьника.

Оценка психического здоровья детей была проведена с помощью стандартизованного скринингового опросника «Сильные стороны и трудности» (ССТ). Опросник направлен на изучение распространенных интернальных и экстернальных проблем детей в возрасте от 3 до 17 лет и широко используется для выявления детей с проблемами психического здоровья в разных странах [25]. Русский вариант опросника был адаптирован и валидизирован Е. Р. Слободской с коллегами [26; 27]. Опросник содержит пять шкал: эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность / невнимательность, проблемы со сверстниками и просоциальное поведение. Шкалы эмоциональных симптомов и проблем со сверстниками образуют итоговую шкалу интернализации, а шкалы проблем с поведением и гиперактивности / невнимательности – шкалу экстернализации. Оценка психического здоровья в настоящем исследовании была проведена взрослыми (родителями, психологами).

С помощью авторской анкеты были изучены особенности взаимоотношений детей с родителями, возможности получения ими дополнительного образования, увлечения детей в свободное время. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS 19. Применяли статистические методы: дисперсионный и корреляционный анализ по методу Спирмена. С применением двухфакторного дисперсионного анализа (ANOVA) была проведена оценка степени влияния пола, условий обучения и жительства на показатели психического здоровья.

Результаты и их обсуждение

Выявление различий между показателями психического здоровья младших школьников в группах учащихся городских и сельских школ и в группах детей, участвующих в национальных исследованиях, осуществлялось с помощью критерия Манна-Уитни. В таблице приведены средние значения и данные о разнообразии показателей

психического здоровья младших школьников, полученные в настоящем исследовании, а также результаты сравнения данных с учетом социальных факторов⁴.

Сравнение психического здоровья учащихся с учетом условий обучения и места жительства показало, что у учащихся гимназии достоверно более выражены проблемы со сверстниками и проблемы с поведением, чем у учащихся традиционных школ городской ($p=0,001$; $p=0,001$) и сельской местности ($p=0,001$; $p=0,001$).

Гиперактивность более выражена у учащихся гимназии ($p=0,04$) и городской школы ($p=0,001$), по сравнению с учащимися сельской школы. Просоциальное поведение более выражено у учащихся сельской школы, чем у учащихся гимназии ($p=0,013$) и традиционной городской школы ($p=0,001$).

Отметим, что, несмотря на существование достоверных различий между исследуемыми группами, некоторые показатели сходны с результатами подобных исследований в России и за рубежом. Так, выраженность эмоциональных симптомов и гиперактивности у городских школьников оказались сходны с результатами исследований в России и Великобритании [27; 28].

Сильные стороны сельских школьников – просоциальное поведение (внимание к чувствам окружающих людей, оказание помощи, забота о младших) оказалось более приближено к данным других исследований. Оценки по этому показателю совпали с данными российской и англоязычной выборки детей.

Представляется, что выявленные различия между изучаемыми в настоящем исследовании группами школьников и результатами других исследований можно связать с социокультурными условиями проживания детей. От сельского ребенка требуется большая самостоятельность, которая обусловлена ранним включением в деятельность взрослых. Исследователи отмечают, что сельские дети, по сравнению с городскими детьми, имеют высокий уровень физической подготовленности [29]. В сельской местности дети больше занимаются бытовой двигательной активностью, которая связана с ведением домашнего хозяйства. Бытовая двигательная активность является дополнением к общему объему недельной двигательной активности, что способствует повышению уровня общей физической подготовленности.

Традиционность быта и отсутствие широких социальных альтернатив освобождает сельских детей от лишнего эмоционального напряжения и фрустрации. Семья оказывается важной социальной системой для ребенка. В связи с чем сельские дети чаще, чем городские, демонстрируют заботу о близких и привязанность к дому [30].

⁴ По данным новосибирского исследования психического здоровья детей (10–16 лет) и национального исследования психического здоровья детей и подростков Великобритании (11–15 лет).

Таблица. Показатели психического здоровья учащихся с учетом условий обучения и места проживания
Table. Mental health indicators according to the study conditions and place of residence

Показатели психологического здоровья	Городские		Сельские	Школьники г. Новосибирска	Британские подростки
	Гимназия	Традиционная школа	Традиционная школа		
	М (SD)	М (SD)	М (SD)		
Интернальные проблемы	6,8 (3,8)** ...	4,7 (4,3) +	2,3 (2,2)	–	–
Эмоциональные симптомы	3,0 (2,9) •	2,1 (2,4)	1,04 (1,2)	2,9 (2,4)	2,8 (2,1)
Проблемы со сверстниками	3,8 (1,4)*** ...	2,6 (2,6)	1,3 (1,3)	2,8 (2,0)	1,5 (1,4)
Экстернальные проблемы	6,9 (3,4)* ...	5,5 (4,2) ++	2,8 (2,6)	–	–
Проблемы с поведением	3,1 (1,9)*** ...	1,4 (2,02)	0,96 (1,1)	2,4 (1,6)	2,2 (1,7)
Гиперактивность	3,7 (2,4) ..	4,1 (2,6) +++	1,9 (2,3)	3,6 (2,1)	3,8 (2,2)
Просоциальная шкала	6,3 (5,9)	4,5 (2,9)	8,21 (1,6) • +++	7,6 (1,9)	8,0 (1,7)
Общее число проблем	20,1 (6,4)*** •	14,8 (5,7)	13,4 (3,4)	11,8 (5,7)	10,3 (5,2)

Прим.: достоверность различий значений между учащимися гимназии и традиционной школы: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$; между учащимися гимназии и сельской школы: • – $p < 0,05$, .. – $p < 0,01$, ... – $p < 0,001$; между учащимися традиционной и сельской школы: + – $p < 0,05$, ++ – $p < 0,01$, +++ – $p < 0,001$.

Двухфакторный дисперсионный анализ позволил оценить степень влияния психосоциальных факторов на показатели психического здоровья детей. Установлено, что пол оказывает влияние на распределение зависимой переменной проблемы с поведением на уровне статистической тенденции ($F=3,1$, $p=0,08$), на экстернальность проблем на уровне достоверного влияния ($F=3,9$, $p=0,05$). Так, фактор пола имеет значение для выраженности проблем с поведением, которые у мальчиков ($M=3,12 \pm 2,2$) более выражены, чем у девочек ($M=2,5 \pm 2,1$). Обнаружено, что у мальчиков экстернальность проблем ($M=6,2 \pm 3,9$) значимо выражена, по сравнению с девочками ($M=4,9 \pm 3,8$). Полученные данные в целом согласуются с данными предшествующих исследований, указывающих на то, что мужской пол является фактором риска отклонений психического здоровья [26].

С возрастом общее число проблем у младших школьников снижается ($r=-0,2$, $p=0,027$), в основном за счет проблем с поведением ($r=-0,2$, $p=0,027$).

В соответствии с данными анализа показателей психического здоровья у школьников выявлено влияние места их проживания на следующие переменные: просоциальность поведения ($F=13,1$, $p=0,001$), гиперактивность ($F=14,1$, $p=0,001$), проблемы со сверстниками ($F=8,3$, $p=0,005$), интернальность проблем ($F=7,3$, $p=0,08$) и экстернальность проблем ($F=10,2$, $p=0,002$) на уровне

достоверного влияния. Проживание в городе, по сравнению с проживанием в сельской местности, имеет существенное влияние на число проблем со сверстниками ($M=3,1 \pm 2,2$ и $M=1,3 \pm 1,3$), выраженность интернальности ($M=5,7 \pm 4,2$ и $M=2,3 \pm 2,2$) и экстернальности проблем ($M=6,2 \pm 3,8$ и $M=2,8 \pm 2,6$), а также проявление гиперактивности ($M=3,9 \pm 2,5$ и $M=1,9 \pm 2,3$). В то же время школьники, проживающие в сельской местности, имели выше показатель просоциальности поведения, по сравнению с городскими школьниками ($M=8,2 \pm 1,6$ и $M=5,3 \pm 4,6$).

Наши данные подтверждают выводы, сделанные рядом других исследователей. Общеизвестно, что реакция организма на физические или умственные нагрузки является естественной формой жизнедеятельности человека и в определенной степени связана с его средой проживания. Эти данные подтверждаются в исследовании Т. С. Копосовой и др., посвященном изучению влияния стрессорного фактора на организм школьников. Автором подчеркивается, что городские дети (в частности, мальчики) при выполнении умственной работе испытывают достаточно сильное напряжение адаптационных механизмов [31]. С. Н. Блинков и С. П. Левушкин отмечают, что сельские школьники как мужского, так и женского пола имеют лучшие показатели центральной гемодинамики по величине частоты сердечных сокращений и артериального

давления, по сравнению с городскими сверстниками [29]. Исследователи это связывают с преимуществами сельского образа жизни, экологических условий проживания в сельской местности, более высокой двигательной активностью и меньшим количеством стрессов по сравнению с условиями крупного города.

Благополучные отношения с матерью и отцом незначительно снижают у детей число проблем со сверстниками ($r=-0,28$, $p=0,06$; $r=-0,26$, $p=0,076$). Отношения с отцом значимо снижают просоциальную направленность поведения детей ($r=-0,33$, $p=0,027$). Социальные отношения выступают важным показателем социальной ситуации развития ребенка [32]. Ее основу составляет переживание ребенком среды своего обитания и себя в этой среде. Если эти переживания позитивны, среда обладает развивающим эффектом, и в ней возможны реализация и укрепление потенциального психического здоровья ребенка. Так, переживание позитивных отношений с родителями выступает неспецифическим фактором защиты психического здоровья.

Анализ показал, что условия обучения оказывают влияние на просоциальность поведения ($F=5,5$, $p=0,02$), проблемы с поведением ($F=21,3$, $p=0,001$), проблемы со сверстниками ($F=8,5$, $p=0,004$), интернальность проблем ($F=7,2$, $p=0,008$) и общее число проблем ($F=24,3$, $p=0,001$) на уровне достоверного влияния, а не на число эмоциональных симптомов на уровне статистической тенденции ($F=3,2$, $p=0,07$). У младших школьников, обучающихся в гимназии, отмечается большее количество проблем, имеющих интернальный характер (взаимоотношений со сверстниками, поведенческих проблем), но в то же время у гимназистов по сравнению со школьниками из традиционных школ выше просоциальная направленность их поведения ($M=6,3\pm 5,9$ и $M=5,7\pm 3,1$). На современном этапе развития образования гимназия предстает как учебное заведение, рассчитанное на детей, способных справиться с большей умственной и информационной нагрузками, по сравнению с традиционной школой. По данным исследователей, учащиеся гимназий достигают более высоких результатов при решении задач и тестов, чем школьники общеобразовательных школ. Выявлено, что

это происходит за счет более высоких психофизиологических затрат на решение школьниками предложенных заданий и характеризуется разбалансированностью взаимоотношений вегетативной функции нервной системы и физиологической реакции организма на нагрузку, что свидетельствует о нарушении экологичности детского организма [33]. Так, специфика организации учебного процесса, строгость требований и критерии оценки, которые устанавливаются на уровне отдельного образовательного учреждения, могут рассматриваться в качестве факторов риска благополучия и здоровья учащихся.

Выводы

Проведенное исследование имело целью оценить значение социокультурных факторов (мезоуровня) для эмоциональных проблем и отклонений в поведении младших школьников. Применение дисперсионного анализа позволило определить степень влияния пола, места жительства (город, сельская местность) и условий обучения (гимназия, традиционная школа, сельская школа) на распределение показателей психического здоровья младших школьников. На основании полученных данных могут быть сделаны следующие выводы.

1. Установлено влияние пола на распространенность экстернальных проблем младших школьников. Мужской пол является фактором риска поведенческих проблем в детском возрасте.

2. Наиболее выраженные отклонения в психическом здоровье обнаружены у городских детей, по сравнению с детьми, проживающими в сельской местности. Благополучие отношений с матерью и отцом способствует сохранению психического здоровья детей младшего школьного возраста.

3. Повышенные требования образовательной модели (гимназия) предрасполагают к развитию отклонений психического здоровья, имеющих интернальный характер (взаимоотношения со сверстниками, поведенческие проблемы).

Полученные данные имеют определенное значение для организации профилактики отклонений психического развития в детском возрасте.

Литература

1. Сухотина Н. К. Психическое здоровье детей и определяющие его факторы // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2013. Т. 113. № 5-2. С. 16–22.
2. Сергиенко Е. А. Психологическое здоровье: субъективные факторы // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4. С. 98–117.
3. Дмитриева Т. Б., Положий Б. С. Этнокультуральная психиатрия. М.: Медицина, 2003. 448 с.
4. Айварова Н. Г. Психологическое здоровье как условие успешной социализации личности // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1. С. 113–115.
5. Куфтяк Е. В., Тихонова И. В. Психическое здоровье младших школьников: роль индивидуальных особенностей // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 1. С. 69.

6. Куфтяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1. С. 78–83.
7. Воронина А. В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 142–147.
8. Головин Н. А., Окишева Т. Э. Здоровье в социально-поведенческом измерении: некоторые итоги исследования старшеклассников // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. № 3. С. 128–138.
9. Александровский Ю. А. Состояние психической дезадаптации и их компенсация. М.: Наука, 1976. 272 с.
10. Бухановский А. О., Кутявин Ю. А., Литвак М. И. Общая психопатология. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
11. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 308 с.
12. Калитеевская Е. Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Litres, 1997. С. 223–230.
13. Лебедева-Несевря Н. А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия: Биология. 2010. № 3. С. 36–41.
14. Коблова А. А., Кром И. Л., Новичкова И. Ю. Социальные риски психического здоровья: медико-социологическая интерпретация // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 728.
15. Loeber R. Male mental health problems, psychopathy, and personality traits: Key findings from the first 14 years of the Pittsburgh Youth Study // Clinical Child and Family Psychology Review. 2001. Vol. 4. № 4. P. 273–297. DOI: 10.1023/A:1013574903810
16. Мэш Э., Вольф Д. Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 384 с.
17. Тихонова И. В., Куфтяк Е. В. Этническая идентичность и ее уровни как критерии психического здоровья детей и подростков. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 247 с.
18. Хакунов Р. Н. Влияние социальных факторов на психическое здоровье молодежи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 4. С. 112–117.
19. Пинская М. А., Ястребов Г. А. Как объективно оценить качество работы школы: опыт контекстуализации образовательных результатов // Рейтинги в образовании: от разовых практик к культурным решениям. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 147–159.
20. Mendes A. V., Souza Crippa J. A., Souza R. M., Loureir S. R. Risk Factors for Mental Health Problems in School-Age Children from a Community Sample // Maternal and Child Health Journal. 2013. Vol. 20. Iss. 4. P. 1825–1834. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10995-012-1202-9>
21. Plass-Christl A., Haller A-C, Otto C., Barkmann C., Wiegand-Grefe S., Hölling H. Parents with mental health problems and their children in a German population based sample: Results of the BELLA study // PLoS ONE. 2017. Vol. 12. Iss. 7. P. e0180410. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0180410>
22. Тихонова И. В. Психическое здоровье детей и детско-родительские отношения: взаимосвязи и оценка возрастных изменений // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, социокINETика. 2018. Т. 24. № 4. С. 238–244.
23. Сафронова М. В. Психологические и социальные факторы школьной успешности и психического здоровья учащихся: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2003. 22 с.
24. Козлова Е. А., Слободская Е. Р., Ахметова О. А. Индивидуальные особенности и социально-экономические характеристики семьи как факторы психического здоровья детей // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 46–53.
25. Goodman R. Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ) // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 2001. Vol. 40. P. 1337–1345.
26. Слободская Е. Р., Гудман Р., Рябиченко Т. И. Психосоциальные факторы эмоциональных проблем и отклонений в поведении подростков // Психиатрия. 2006. № 2. С. 28–36.
27. Goodman R., Slobodskaya H. R., Knyazev G. G. Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors // Eur. Child and Adolescent Psychiatry. 2005. Vol. 14. P. 28–33.
28. Куфтяк Е. В. Психологическое здоровье и защитные механизмы (психологические защиты и совладание) в детском возрасте // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 49. С. 4.

29. Блинков С. Н., Левушкин С. П. Сравнительный анализ физической подготовленности сельских и городских школьников 7–17 лет Ульяновской области // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2015. № 7. С. 38–43.
30. Елисеева Н. И., Сидорина Е. В., Пепеляева С. В. Сравнительное исследование ценностных ориентаций сельских и городских школьников Поволжья // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1568.
31. Копосова Т. С., Лукина С. Ф., Савенкова И. А. Вариабельность сердечного ритма при умственной нагрузке у городских и сельских школьников // Arctic Environmental Research. 2008. № 1. С. 24–30.
32. Сафронова М. В., Сахарова Е. В. Факторы учебной мотивации школьников в условиях дифференцированного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 126–129. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-1-126-129>
33. Лабутин Н. Ю., Преминин И. А., Тодорова Е. Н., Преминина О. С. Влияние информационной нагрузки различной интенсивности на развитие индивидуальных способностей // Экология человека. 2006. № 3. С. 22–24.

Sociocultural Factors of Mental Health in Children Primary Schoolers*

Elena V. Kuftyak^{a, @, ID1}; Inna V. Tikhonova^{b, ID2}

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Build. 1, 82, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119571

^b Kostroma State University, 17, Dzerzhinsky St., Kostroma, Russia, 156005

@ elena.kuftyak@inbox.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-3723-0507>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7756-0610>

Received 03.05.2019. Accepted 07.06.2019.

Abstract: The present research featured a theoretical analysis of the concept "mental health" within the framework of the system and level approach. The paper focuses on factors and conditions of mental health, as well as on the effect of sociocultural factors on emotional problems and deviations in the behavior of primary schoolers. The experiment involved 131 primary schoolers (girls – 48,1 %; mean age=10,2): 53 pupils of a grammar school, 54 pupils of a comprehensive school, and 24 pupils of a rural school. The research included their relationships with parents, mental health, and social living conditions. The children from the grammar school demonstrated more pronounced behavioral and communicative problems. The children from the rural school had a more distinct pro-social orientation of behavior. Male sex appeared to be a risk factor of mental health deviations. Urban children demonstrated more difficult relations with peers, as well as internality and externality or problems. Good relations with parents acted as a nonspecific factor of mental health protection. The obtained data have a certain value for prevention of mental development deviations in primary schoolers.

Keywords: emotional difficulties, behavioural difficulties, gender, educational conditions, place residence, younger school age

For citation: Kuftyak E. V., Tikhonova I. V. Sociocultural Factors of Mental Health in Children Primary Schoolers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 716–725. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-716-725>

References

1. Sukhotina N. K. Children mental health and influencing factors. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 2013, 113(5-2): 16–22. (In Russ.)
2. Sergienko E. A. Psychological health. Subjective factors. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2017, (4): 98–117. (In Russ.)
3. Dmitrieva T. B., Polozhii B. S. *Ethnocultural psychiatry*. Moscow: Meditsina, 2003, 448. (In Russ.)

* The study was carried out with financial support from the RFBR grant project No. 18-413-440001 r-a.

4. Aivarova N. G. Psychological health of the person as a condition of successful socialization. *Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 113–115. (In Russ.)
5. Kuftyak E. V., Tikhonova I. V. Mental health of children of primary schoolers: role of personality traits. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 2019, 7(1): 69. (In Russ.)
6. Kuftyak E. V. Child's attachment to his mother and attachment relations in close adults. *Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii*, 2015, (1): 78–83. (In Russ.)
7. Voronina A. V. The problem of mental health and human wellbeing. Concept overview and experience of level-structure analysis. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 2005, (21): 142–147. (In Russ.)
8. Golovin N. A., Okisheva T. E. Health and social networks, health and social-behavioral dimension: some results of the study of 14–17-year-old children. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2013, (3): 128–138. (In Russ.)
9. Aleksandrovskii Iu. A. *Conditions of mental disadaptation and their compensation*. Moscow: Nauka, 1976, 272. (In Russ.)
10. Buhanovskii A. O., Kutiaev Iu. A., Litvak M. I. *General psychopathology*. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 416. (In Russ.)
11. Bratus' B. S. *Anomalies of the personality*. Moscow: Mysl', 1988, 308. (In Russ.)
12. Kaliteevskaia E. R. Mental health as a way of life in the world: from an explanation to experience. *Psychology with a human face: humanistic prospect in Post-Soviet psychology*, eds. Leont'ev D. A., Shchur V. G. Moscow: Litres, 1997, 223–230. (In Russ.)
13. Lebedeva-Neservia N. A. Social risk factors for health as an object of management. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Biologiya*, 2010, (3): 36–41. (In Russ.)
14. Koblova A. A., Krom I. L., Novichkova I. Iu. Social risks of mental health: medical-sociological interpretation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2012, (6): 728. (In Russ.)
15. Loeber R. Male mental health problems, psy chopathy, and personality traits: Key findings from the first 14 years of the Pittsburgh Youth Study. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 2001, 4(4): 273–297. DOI: 10.1023/A:1013574903810
16. Mesh E., Vol'fd. *Pediatric Pathopsychology. Disorders of the psyche of the child*. Saint-Petersburg: Prain-Evroznak; Moscow: OLMA-PRESS, 2003, 384. (In Russ.)
17. Tikhonova I. V., Kuftyak E. V. *Ethnic identity and its levels as criteria of mental health of children and teenagers*. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2010, 247. (In Russ.)
18. Khakunov R. N. Effects of social factors on mental health of youth. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2013, (4): 112–117. (In Russ.)
19. Pinskaia M. A., Iastrebov G. A. How objectively to estimate quality of work of school: experience of a kontekstualization of educational results. *Ratings in education: from single the practician to cultural decisions*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014, 147–159. (In Russ.)
20. Mendes A. V., Souza Crippa J. A., Souza R. M., Loureir S. R. Risk Factors for Mental Health Problems in School-Age Children from a Community Sample. *Maternal and Child Health Journal*, 2013, 20(4): 1825–1834. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10995-012-1202-9>
21. Plass-Christl A., Haller A-C, Otto C., Barkmann C., Wiegand-Grefe S., Hölling H. Parents with mental health problems and their children in a German population based sample: Results of the BELLA study. *PLoS ONE*, 2017, 12(7): e0180410. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0180410>
22. Tikhonova I. V. Children's mental health and relationship with parents: interrelations and assessment of age changes. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya, sotsiokinetika*, 2018, (4): 226–232. (In Russ.)
23. Safronova M. V. *Psychological and social factors of school success and mental health of pupils*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk: NGPU, 2003, 22. (In Russ.)
24. Kozlova E. A., Slobodskaya E. R., Akhmetova O. A. Individual and socioeconomic characteristics of families as factors of mental health in children. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2014, 10(3): 46–53. (In Russ.)
25. Goodman R. Psychometric properties of the Strengths and Difficulties Questionnaire (SDQ). *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2001, 40: 1337–1345.
26. Slobodskaya E. R., Gudman R., Ryabichenko T. I. Psychosocial factors of adolescent emotional and behavioural problems. *Psikiatriia*, 2006, (2): 28–36. (In Russ.)
27. Goodman R., Slobodskaya H. R., Knyazev G. G. Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors. *Eur. Child and Adolescent Psychiatry*, 2005, 14: 28–33.
28. Kuftyak E. V. Psychological health and protective mechanisms (psychological defenses and coping behavior) in childhood. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2016, 9(49): 4. (In Russ.)

29. Blinkov S. N., Levushkin S. P. Comparative analysis of physical fitness of rural and city school students of 7–17 years old of the Ulyanovsk region. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2015, (7): 38–43. (In Russ.)
30. Eliseeva N. I., Sidorina E. V., Pepelyaeva S. V. A comparative study of value orientations of rural and urban students of the Volga region. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2014, (6): 1568. (In Russ.)
31. Kuposova T. S., Lukina S. F., Savenkova I. A. Heart rate variability during mental stress in urban and rural schoolchildren. *Arctic Environmental Research*, 2008, (1): 24–30. (In Russ.)
32. Safronova M. V., Sakharova E. V. Factors of learning motivation in students in the conditions of differentiated education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 126–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-1-126-129>
33. Labutin N. Yu., Preminin I. A., Todorova E. N., Preminina O. S. Influence of information load of different intensity on development of pupils' individual abilities. *Ekologiya cheloveka*, 2006, (3): 22–24. (In Russ.)

Ценностно-мотивационные факторы удовлетворенности трудом сотрудников системы здравоохранения

Егор Б. Марин^{a, b, @}; Светлана Ю. Цой^b

^a Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского, 690059, Россия, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50а

^b Дальневосточный федеральный университет, 690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

@ egor-marin@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.06.2019. Принята к печати 27.08.2019.

Аннотация: Статья содержит результаты эмпирического исследования взаимосвязи аспектов ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом медицинских работников. Исследование проводилось на базе Владивостокского клинико-диагностического центра. В ходе исследования были выявлены влияющие на удовлетворенность трудом факторы ценностно-мотивационной сферы личности. С применением модели корреляционных плеяд описаны и наглядно показаны системные механизмы взаимодействия между ценностями, мотивациями и удовлетворенностью трудом. Центральную роль в формировании удовлетворенности трудом сотрудников играет, как показало наше исследование, системное образование, имеющее своим ядром мотив социального статуса. Можно предположить, что данная система (отраженная в описании плеяды Статусность) является интегративным образованием ценностно-мотивационной сферы и аспектов психологического благополучия и основным механизмом, формирующим удовлетворенность трудом медицинских сотрудников. Наряду с этим выявлена ведущая роль ценностей достижений и власти, нашедших свое отражение в мотивационной сфере, в удовлетворенности трудом. Они в свою очередь образуют самоподдерживающую систему в структуре личности сотрудников. По результатам исследования был составлен психологический портрет среднестатистического сотрудника Владивостокского клинико-диагностического центра (обобщенного респондента). Результаты исследования имеют как теоретическое, так и прикладное значение. Полученные знания могут быть использованы для создания системы мотивации персонала, при отборе кадров, при создании более благоприятного социально-психологического климата с целью повысить эффективность работы сотрудников.

Ключевые слова: мотивация, ценностно-мотивационная сфера, удовлетворенность работой, медицинские работники

Для цитирования: Марин Е. Б., Цой С. Ю. Ценностно-мотивационные факторы удовлетворенности трудом сотрудников системы здравоохранения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 726–740. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-726-740>

Введение

Условия труда специалистов сферы здравоохранения таковы, что они перманентно оказываются в ситуациях чрезмерных физических и эмоциональных перегрузок, стрессов. Необходимо особое внимание к мотивации сотрудников и уровню их психологического благополучия. В связи с этим большую роль играет динамика уровня удовлетворенности трудом, которая напрямую влияет на эффективность работы сотрудников. Соответственно, если работники удовлетворены своим трудом, это позволяет им лучше выполнять свои обязанности, делает результаты организации выше. Таким образом, изучение удовлетворенности трудом и влияющих на нее факторов имеет значение для повышения эффективности работы учреждения, сокращения текучести кадров, повышения мотивации сотрудников. Также представляет

большой интерес взаимодействие ценностей, мотивации и удовлетворенности трудом как взаимосвязанных сфер сознания профессионалов.

Методы и материалы

Проблематика ценностей, мотивов и удовлетворенности трудом имеет свою традицию изучения. Анализ ценностей берет свое начало с философии, в настоящее время ценности изучаются в рамках социологии, культурологии, психологии. Д. А. Леонтьев в своих работах выделяет три формы существования ценностей: ценность как общественный идеал, как определенное произведение духовной культуры и как источник мотивации, определяющий поведение человека [1].

По мнению Ш. Шварца, ценности сами по себе всегда находятся вне ситуации, существуют априори [2].

В концепции ценностей Ш. Шварца и В. Билски были выделены критерии определения ценностей (личная убежденность субъекта в важности этих ценностей, представленность этих ценностей в сознании в виде конечных ожидаемых состояний, имеющих желательный характер и т. д.) [3]. М. Рокич рассматривал ценности как руководящие принципы жизни, т. е. благо, которое человек выбирает осознанно. Он выделял ценности терминальные и инструментальные [4]. Понятие мотивации и различные мотивационные теории разрабатывались в работах А. Маслоу, К. Альдерфера, Д. Макклелланда, Ф. Герцберга, В. Врума, Л. Портера и Э. Лоулера [5]. Мотивацию и развитие ценностно-мотивационной сферы рассматривают в своих работах Л. П. Станкевич и И. П. Полякова [6], О. В. Живица и Э. Э. Сульчинская [7], А. Ю. Калугин [8].

Говоря о понятии удовлетворенности трудом, можно отметить, что оно имеет сравнительно недавнюю историю. Одним из первых ученых, разрабатывавших понятие *удовлетворенность трудом*, был американский психолог Эдвин Локк, который указывал на два аспекта в понятии *удовлетворенность трудом*: 1) тесную связь с восприятием индивидом жизни в целом; 2) зависимость от того, насколько совместимы ценность данного вида труда и возможность удовлетворения в нем потребностей индивида [цит. по: 9]. В динамической концепции А. Бюссинга удовлетворенность трудом осмысливается как процесс взаимодействия различных аспектов: ожиданий, потребностей, мотивов, с одной стороны, и рабочей ситуацией – с другой [10].

Р. М. Шамионов трактует удовлетворенность трудом как эмоционально-оценочное отношение к труду и в то же самое время эмоционально окрашенное психическое состояние, сопровождающее процесс труда [11]. Т. Ю. Иванова и др., указывая на многогранность понятия *удовлетворенность трудом*, предложили рассматривать его как интегральное понятие, включающее в себя целый комплекс факторов: социальные (престиж работы), личностные (связанные с отношением субъекта к специфике содержания работы, возможностью развития и самореализации) и организационные (связанные с условиями работы: заработная плата, трудовой график, взаимоотношения с сотрудниками и руководством и т. д.) [12].

В работах В. А. Ядова [4], М. С. Яницкого [13] и Д. А. Леонтьева [14] упоминается представление системы ценностей как элемента ядерных структур личности, которые так или иначе проявляются во всех сферах жизни человека. Ввиду того, что удовлетворенность трудом является одним из аспектов психологического благополучия, логично предположить наличие некоторого влияния системы ценностей на удовлетворенность трудом.

В настоящее время существует множество исследований, посвященных различным сторонам вопроса удовлетворенности трудом работников сферы здравоохранения: взаимосвязь эффективности и удовлетворенности трудом (Е. В. Руженская и В. И. Руженский [15], К. И. Юсупова и Т. Ю. Матвеева [16]), зависимость удовлетворенности трудом от специализации в медицинской деятельности (И. А. Лезнева и В. Ю. Москалюк [17]), удовлетворенность трудом в зависимости от формы собственности организации и стиля управления (В. И. Панкевич и др. [18], Б. А. Ясько и М. Г. Остроушко [19]), организационные факторы удовлетворенности трудом медицинских работников (С. Б. Цветкова и др. [20], С. В. Мерзлякова и Н. Р. Петурова [21]), профессиональная идентичность и ее связь с удовлетворенностью трудом (К. А. Галкин и И. Н. Малахов [22]) и пр.

В то же время отсутствуют исследования, посвященные ценностно-мотивационным аспектам удовлетворенности трудом работников сферы здравоохранения. В соответствии с этим цель данной работы – исследование связи ценностно-мотивационной сферы медицинских работников и удовлетворенности трудом.

В качестве значимых теоретико-методологических основ исследования можно назвать концепцию ценностей Ш. Шварца, концепцию мотивации А. Маслоу. Под удовлетворенностью трудом далее понимается интегральная системная динамично развивающаяся характеристика, которая проявляется в широком спектре человеческого реагирования (когниции, чувства, поведение) и состоит из множества аспектов, которые условно можно разделить на три группы: социальные, организационные и личностные [23].

В соответствии с опорными теориями в качестве диагностического инструментария были выбраны следующие методики: Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности в редакции В. Н. Карандашева [2]; Диагностика мотивационной сферы личности В. Э. Мильмана [24]; Методика определения интегральной удовлетворенности трудом А. В. Батаршева [25].

Организация исследования и выборка

Исследование проводилось на базе Владивостокского Клинико-Диагностического Центра (ВКДЦ), состоящего из четырех подразделений, расположенных в разных частях города. Всего были опрошены 61 человек – медицинские работники разного уровня образования, возраста и разной узкой специализации (медицинские сестры, врачи-офтальмологи, врачи-терапевты, врачи-аллергологи, лаборанты и т. д.). Также в состав респондентов вошли клинические психологи (сотрудники отделения психопрофилактики, психотерапии и медико-социальной помощи).

Опрос проводился в 4 этапа (общей длительностью 2 недели) по подразделениям в разные дни, но в одно и то же время с 13:00 до 14:00, т. к. это время во всех подразделениях центра закреплено в качестве рабочего совещания.

Первичная обработка данных анкет проводилась при помощи программы MS Excel. Статистическая обработка данных производилась при помощи программного комплекса SPSS, версия 20.

Анализ характера распределения по каждой переменной проводился при помощи одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова, который показал, что шкалы методики определения удовлетворенности трудом имеют распределение, не соответствующее нормальному. Для изучения корреляционных связей использовался непараметрический критерий Спирмена.

К полученной корреляционной матрице был применен метод (модель) корреляционных плеяд. Корреляционные плеяды позволяют представлять систему наиболее значимых корреляционных связей в графической форме. Вся матрица корреляций была принята за общее поле значимых связей между изучаемыми явлениями с целью вычленения отдельных плеяд, сообразно задачам исследования. В нашем случае это связь ценностных типов, мотивации и удовлетворенности трудом.

Результаты исследования

В результате применения к исходным данным корреляционного анализа был получен ряд матриц (мы не приводим их здесь, чтобы не перегружать статью). К полученным корреляционным матрицам был применен метод корреляционных плеяд. В итоге на основании анализа и структурирования значимых корреляционных связей были получены шесть корреляционных плеяд, отражающих системные психологические образования.

Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности

В таблице 1 приведены результаты среднегрупповых ранговых показателей по типам ценностей: нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов. Количественное распределение типов ценностей двух частей методики Ш. Шварца выявляет наличие сопряжения между нормативными идеалами и индивидуальными приоритетами респондентов. Наибольшие средне-групповые ранговые значения выявлены у таких ценностей, как Безопасность и Доброта. Наименее значимыми как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов оказались Власть, Традиции, Стимуляция. В целом небольшой лабильностью обладают ценности Конформность, Достижения и Универсализм.

Согласно полученным данным качественное описание содержательной части выборки будет определяться типами

Безопасность и Доброта: исследуемая выборка характеризуется стремлением к безопасности и стабильности, к сохранению и повышению благополучия близких людей.

Методика В. А. Мильмана для изучения мотивационной сферы

В таблице 2 приведены результаты средне-групповых ранговых показателей по мотивам рабочей мотивации и их реализации. В трудовой деятельности прослеживается соответствие между следующими мотивами-устремлениями и степенью их реализации: Творческая активность и Поддержание жизнеобеспечения. Это может свидетельствовать о способности ВКДЦ обеспечивать условия труда, благоприятствующие реализации приоритетных мотивов своих сотрудников. В то же время мотив Общественная полезность, достаточно значимый для респондентов в рабочей деятельности, по их мнению, не находит возможности для реализации.

Методика Батаршева для изучения удовлетворенности трудом

С целью проанализировать удовлетворенность трудом сотрудников ВКДЦ мы использовали методику удовлетворенности трудом Батаршева. Полученные на выборке результаты отражены в таблице 3. Наиболее удовлетворяющими сотрудников здравоохранения ВКДЦ являются взаимоотношения с коллегами, достижения в работе, условия труда.

Выводы

Таким образом, согласно полученным результатам *системе ценностей* работников здравоохранения характерны следующие основные тенденции:

- стремление к безопасности при определенной открытости изменениям, способствующим развитию самостоятельности личности;
- ориентация на благополучие других людей, приверженность к полюсу трансцендентности;
- отсутствие стремления к доминированию, повышению социального статуса и новым впечатлениям;
- отсутствие почитания культурных и религиозных обычаев и идей.

Рабочая мотивация респондентов характеризуется следующими чертами:

- преимущественная реализованность значимых рабочих мотивов;
- недостаточное удовлетворение потребности быть общественно полезным в трудовой деятельности;
- преизбыточная реализация мотива общения.

Таблица 1. Методика Ш. Шварца: средние значения и ранговые показатели типов ценностей на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов**Table 1. Schwartz's methodology: average values and rank indicators of types of values at the level of normative ideals and individual priorities**

Ранг	Нормативные идеалы (обзор ценностей)	Ср. значение	Индивидуальные приоритеты (профиль личности)	Ср. значение
1	Безопасность	5,3246	Безопасность	2,4557
2	Доброта	5,1770	Доброта	2,2541
3	Конформность	4,8689	Самостоятельность	2,2172
4	Самостоятельность	4,8525	Универсализм	2,1915
5	Достижения	4,7623	Конформность	1,9590
6	Универсализм	4,6749	Гедонизм	1,6775
7	Гедонизм	4,0933	Достижения	1,5164
8	Власть	3,9139	Стимуляция	1,3225
9	Традиции	3,8623	Традиции	1,2049
10	Стимуляция	3,5626	Власть	0,9723

Таблица 2. Методика В. А. Мильмана: средние значения и ранговые показатели рабочей мотивации: мотивы / устремления и их реализация**Table 2. Milman's method: average values and ranking indicators of work motivation: motives / aspirations and their implementation**

Ранг	Мотивы / устремления рабочей мотивации	Ср. значение	Реализация мотивов рабочей мотивации	Ср. значение
1	Творческая активность	8,1148	Общение	6,8689
2	Общественная полезность	7,1803	Творческая активность	6,6557
3	Поддержание жизнеобеспечения	6,3770	Поддержание жизнеобеспечения	6,6066
4	Комфорт	6,2295	Социальный статус	6,5574
5	Общая активность	5,689	Общественная полезность	6,2787
6	Социальный статус	5,4262	Комфорт	5,4098
7	Общение	5,2951	Общая активность	5,1148

Таблица 3. Методика А. В. Батаршева: показатели удовлетворенности трудом**Table 3. The Barshev method: indicators of job satisfaction**

Ранг	Показатель удовлетворенности трудом	Ср. значение
1	Удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами	84,9715
2	Удовлетворенность достижениями в работе	83,6066
3	Удовлетворенность условиями труда	81,5574
4	Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	77,0492
5	Общая удовлетворенность трудом	71,1749
6	Интерес к работе	64,4828
7	Предпочтение выполняемой работы заработку	58,1967
8	Профессиональная ответственность	56,5574
9	Уровень притязаний в профессиональной деятельности	49,1803

Корреляционный анализ ценностей и удовлетворенности трудом

При корреляционном анализе ценностей и удовлетворенности трудом сотрудников здравоохранения (и в дальнейшем) использовался непараметрический критерий Спирмена. При описании результатов наиболее сильными корреляционными связями считались связи с 1 % уровнем значимости (в таблицах 4–8 они отмечены **), менее значимыми считались связи с 5 %-м уровнем значимости (отмечены *), $r_s=0,252$ при $p \leq 0,05$; $r_s=0,327$ при $p \leq 0,01$.

Корреляционная матрица анализа личных приоритетов и удовлетворенности трудом представлена в таблице 4. Корреляционный анализ ценностной сферы и удовлетворенности трудом показал присутствие значимых корреляций ценности безопасности и конформности со склонностью проявлять профессиональную ответственность. Ценность личных достижений и традиций для сотрудников здравоохранения делает профессиональную деятельность более значимой в сравнении с материальным благополучием, а склонность к гедонизму в противовес этому снижает уровень рабочей мотивации, фокусируя сотрудников на приоритет уровня заработка и условий труда. Удовлетворенность достижениями, как можно предположить, укрепляет личную ценность достижений, повышает амбиции и интерес к работе, а также удовлетворенность отношениями с коллегами. Сотрудники, ценящие

собственную самостоятельность, склонны иметь больший уровень притязаний в профессиональной деятельности.

Корреляционная матрица реального состояния (реализованности мотивов) рабочей мотивации (методика Мильмана) и удовлетворенности трудом (методика Батаршева) представлена в таблице 5.

Был проведен корреляционный анализ устремлений рабочей мотивации со шкалами удовлетворенности трудом (таблица 6), который показал: наличие сильных (1 %-й уровень значимости) положительных корреляционных связей между общей удовлетворенностью трудом и степенью реализации всех рабочих мотивов; работникам здравоохранения, имеющим более высокие показатели общей удовлетворенности трудом, характерна нацеленность на повышение социального статуса, реализацию общей и творческой активности и характерно быть общественно полезным; достижения в работе видятся через реализацию возможностей поддерживать свое жизнеобеспечение, повышать свой социальный статус, общаться и быть активным, быть творческим и заниматься общественно-полезной деятельностью.

При корреляционном анализе мотивационной и ценностной сфер этой группы корреляционных связей исследовалась связь только с рабочей мотивацией как представляющей наибольший интерес в рамках исследования (таблицы 7, 8). Корреляционный анализ

Таблица 4. Личные приоритеты и удовлетворенность трудом**Table 4. Personal priorities and job satisfaction**

Ценности	Шкалы удовлетворенности трудом								
	Интерес к работе	Удовлетворенность достижениями в работе	Удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами	Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	Удовлетворенность притязаниями в профессиональной деятельности	Предпочтение работы за заработку	Удовлетворенность условиями труда	Профессиональная ответственность	Общая удовлетворенность трудом
Конформность	–	–	–0,278*	–	–	–	–	0,276*	–
Традиции	–	–	–	–	–	0,334**	–	–	–
Доброта	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Универсальность	–	–	–0,255*	–	–	–	–	–	–
Самостоятельность	–	–	–	–	0,281*	–	–	–	–
Стимуляция	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Гедонизм	–	–	–	–	–	–0,272*	–0,257*	–	–
Достижения	–	0,362**	–	–	–	0,253*	–	–	–
Власть	–	0,254*	–	–	–	–	–	–	–
Безопасность	–	–	–	–	–	–	–	0,397**	–

ценностной и мотивационной сфер показал: ценность власти взаимосвязана со стремлением занимать более активную позицию в работе, которая проявляется в общении и общей активности, в устремлении к высокому социальному статусу и общественной полезности; личная ценность достижений

сотрудниками здравоохранения рассматривается как реализация совокупности таких мотивов, как поддержание жизнеобеспечения, социальный статус, общение и общая активность и удовлетворение соответствующих потребностей (признание, общение и активность).

Таблица 5. Реализация рабочих мотивов и удовлетворенность трудом

Table 5. Implementation of work motives and job satisfaction

Реализация рабочих мотивов	Шкалы удовлетворенности трудом								
	Интерес к работе	Удовлетворенность достижениями в работе	Удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами	Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	Удовлетворенность притязаниями в профессиональной деятельности	Предпочтение работы зарплатку	Удовлетворенность условиями труда	Профессиональная ответственность	Общая удовлетворенность трудом
Поддержание жизнеобеспечения	–	0,357**	–	–	–	–	–	–	0,366**
Комфорт	–	–	–	–	–	–	0,465**	–	0,289*
Социальный статус	–	0,527**	0,326*	0,358**	–	0,252*	–	–	0,521**
Общение	–	0,340**	0,357**	–	–	–	0,326*	–	0,391**
Общая активность	–	0,349**	–	–	–	0,253*	–	–	0,340**
Творческая активность	–	0,495**	0,254*	–	–	–	–	–	0,397**
Общественная полезность	–	0,396**	–	–	–	–	–	–	0,390**

Таблица 6. Устремления рабочей мотивации и удовлетворенность трудом

Table 6. Aspirations of work motivation and job satisfaction

Устремления рабочей мотивации	Шкалы удовлетворенности трудом								
	Интерес к работе	Удовлетворенность достижениями в работе	Удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами	Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	Удовлетворенность притязаниями в профессиональной деятельности	Предпочтение работы зарплатку	Удовлетворенность условиями труда	Профессиональная ответственность	Общая удовлетворенность трудом
Поддержание жизнеобеспечения	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Комфорт	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Социальный статус	–	0,293*	–	–	–	0,337**	–	–	0,391**
Общение	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Общая активность	–	0,266*	–	0,258*	–	–	–	–	0,267*
Творческая активность	–	0,543**	–	0,254*	–	0,324*	–	–	0,477**
Общественная полезность	–	0,401**	–	–	–	–	–	–	0,290*

Таблица 7. Ценности как личные приоритеты и устремления рабочей мотивации

Table 7. Values as personal priorities and aspirations of work motivation

Ценности как личные приоритеты	Устремления рабочей мотивации						
	Поддержание жизнеобеспечения	Комфорт	Социальный статус	Общение	Общая активность	Творческая активность	Общественная полезность
Конформность	–	0,306*	–	–	–	–	–
Традиции	–	0,348**	–	–	–	–	–
Доброта	–	–	–	–	–	–	–
Универсализм	–	–	–	–	–	–	–
Самостоятельность	–	–	–	–	–	–	–
Стимуляция	–	–	–	–	–	–	–
Гедонизм	–	–	–	–	–	–	–
Достижения	–	–	0,515**	0,274*	0,322**	–	–
Власть	–	–	0,351**	–	0,260*	0,306*	0,309*
Безопасность	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 8. Ценности как личные приоритеты и реализация рабочих мотивов

Table 8. Values as personal priorities and implementation of work motives

Ценности как личные приоритеты	Реализация рабочих мотивов						
	Поддержание жизнеобеспечения	Комфорт	Социальный статус	Общение	Общая активность	Творческая активность	Общественная полезность
Конформность	0,254*	–	–	–	–	–	–
Традиции	–	–	–	–	–	–	–
Доброта	–	–	–	0,278*	–	–	–
Универсализм	–	–	–	–	–	–	–
Самостоятельность	–	–	–	–	–	–	–
Стимуляция	–	–	–	–	–	–	–
Гедонизм	–	–	–	–	–	–	–
Достижения	0,314*	–	0,336**	–	0,413**	0,302*	0,441**
Власть	–	–	0,289*	–	0,287*	–	0,306*
Безопасность	–	–	–	–	–	–	–

Описание корреляционных плеяд

Каждая выявленная корреляционная плеяда представляет собой систему связей между ценностями, мотивациями и удовлетворенностью трудом и показана на схеме в виде графа. Вершинами графа являются отдельные шкалы использованных методик, наиболее сильные корреляционные связи между ними обозначены двойной линией, менее значимые связи одной линией, отрицательная корреляция – пунктиром.

1. Плеяда Достижение

Системообразующими элементами являются шкала удовлетворенности достижениями в работе и ценность достижения. Ядром плеяды выступает такой показатель удовлетворенности трудом, как *удовлетворенность достижениями в работе*, а также *предпочтение выполняемой работы заработку*. Ценностное наполнение с учётом значимых связей в обеих матрицах корреляции – *ценность достижения*. Мотивационное наполнение: Поддержание

жизнеобеспечения, Социальный статус, Творческая активность, Общая активность, Общественная полезность (рис. 1).

Название плеяды предложено по факту наличия сильной корреляционной связи между удовлетворенностью достижениями в работе с одной стороны, ценностью достижения – с другой и рядом мотивов. Как можно полагать, данная плеяда отражает функциональную связь между личностной ценностью достижений, реализованностью ключевых для профессиональной сферы мотивов, таких как социальный статус, творческая и общая активность и общественная полезность труда, и достижениями профессионалом в результате удовлетворенности трудом.

Рис. 1. Корреляционная структура плеяды Достижение
Fig. 1. Correlation structure of "Achievement"

Данная плеяда является системообразующей для синтеза ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом, т. к. отражает связь ценностной сферы с удовлетворенностью трудом посредством группы мотивов.

Функционирование системы можно описать следующим образом: личная ценность достижений для сотрудников здравоохранения реализуется через несколько ключевых мотивов: достижение определенного социального статуса, поддержание жизнеобеспечения, активность и самоактуализация, общественная полезность. Реализация всех этих мотивов в рабочем контексте ведет к повышению общего уровня удовлетворенности трудом и удовлетворенности достижениями в работе. Удовлетворенность достижениями в работе, в свою очередь, поддерживает личную ценность достижений для респондента.

Выявленная нами циклическая связь между тремя сферами (ценности – мотивы – удовлетворенность трудом) образует некоторую психическую структуру, центральным звеном в которой, по нашему мнению, является ценность достижений как наиболее устойчивая личностная характеристика.

2. Плеяда Власть

Системообразующими элементами системы являются ценность власти и шкала удовлетворенности достижениями в работе. Ценностным ядром плеяды выступает ценность власть. Мотивационное наполнение: Социальный статус, Творческая активность, Общая активность, Общественная полезность (рис. 2).

Название плеяды обусловлено ценностью власти как более устойчивой личностной характеристикой и наличием сильной корреляционной связи между ней и удовлетворенностью достижениями в работе. Данная плеяда отражает функциональную связь между личностной ценностью власти, реализованностью ключевых для профессиональной сферы мотивов, таких как социальный статус, творческая и общая активность и общественная полезность труда, и достижением в результате удовлетворенности трудом.

Рис. 2. Корреляционная структура плеяды Власть
Fig. 2. Correlation structure of "Power"

Системообразующая роль данной плеяды в синтезе ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом, так же как в предыдущей плеяде, определяется наличием циклической связи между ценностной, мотивационной сферами и удовлетворенностью трудом.

Ценность власти имеет значимую корреляционную связь с удовлетворенностью достижениями в работе посредством реализации таких мотивов, как социальный статус,

общественная полезность, общая активность; в профессиональной деятельности сотрудников здравоохранения она трансформирована в ряд вышеуказанных мотивов и подкрепляется удовлетворением от их реализации. Наиболее сильные связи в рамках данной ценностно-мотивационной структуры или системы проявляются в устремлениях рабочей мотивации (по сравнению с реализацией рабочих мотивов), т. е. в аспекте мотивов, которые сотрудники хотели бы реализовать, но еще не реализовали полностью. В аспекте устремлений еще четче проявляется связь между ценностью власти, группой мотивов (социальный статус, творческая и общая активность и общественная полезность труда) и достижением удовлетворенности трудом.

Анализ данной ценностно-мотивационной структуры позволяет нам говорить о ее значимости и высоком мотивационном потенциале. Полученное знание может иметь практическое значение для формирования мотивационной стратегии в медицинских учреждениях. В высоком внутреннем потенциале данной плеяды, как мы полагаем, может быть заложен резерв для мотивационной политики предприятия. Давая сотрудникам возможность реализовывать свои ценностные и мотивационные амбиции, руководство повысит мотивированность труда и удовлетворенность трудом своих сотрудников.

3. Плеяда Статусность

Системообразующей категорией плеяды является мотив *социальный статус*. Плеяда также является системообразующей в обосновании связи ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом (рис. 3). Рабочий мотив *социальный статус* является центральным образованием структуры, объединяющим ряд элементов: ценностей, мотиваций, показателей психологического благополучия

(удовлетворенности трудом). Функционирование данной системы может быть описано следующим образом: ценности власти и достижения актуализируют мотив социального статуса. На реализацию этого мотива влияют общение, мотив творческой и общей активности, мотив общественной полезности. В свою очередь, реализованный мотив социального статуса влияет на удовлетворенность трудом по ключевым параметрам. Чем более реализован мотив социального статуса, тем выше удовлетворенность взаимоотношениями с руководством и коллегами, предпочтение работы заботку, общая удовлетворенность трудом. Можно сказать, что именно реализованность мотива социального статуса является ключевым мотивационным фактором удовлетворенности трудом.

Можно предположить, что данная система, являясь интегративным образованием ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом, и есть основной механизм, формирующий удовлетворенность трудом медицинских сотрудников. Значимость данной плеяды подтверждает наличие аналогичных систем связей в нескольких видах мотивации (реализация рабочей мотивации, устремления рабочей мотивации, общежитийская мотивация). Кроме того, обращает на себя внимание в данной плеяде наличие сильной корреляционной связи между удовлетворенностью взаимоотношениями с руководством и реализацией мотива *социальный статус* ($p=0,358^{**}$). Соответственно, можно сделать вывод: если руководство создает такие условия, что работники удовлетворяют мотив достижения социального статуса, то коллектив удовлетворен руководством. Это важно учитывать при построении отношений руководства с сотрудниками.

Таким образом, нам удалось выявить важную психологическую структуру, сформировавшуюся в результате

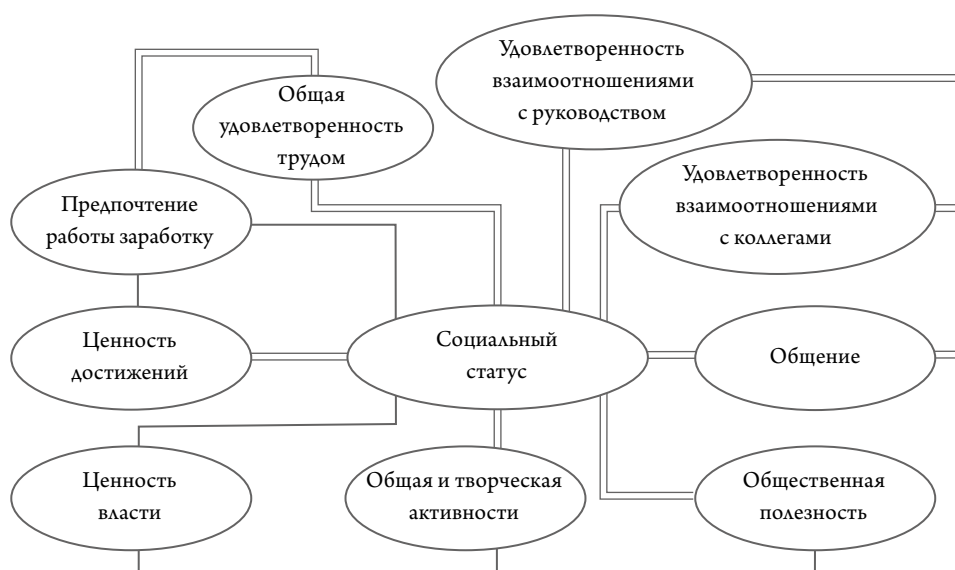

Рис. 3. Корреляционная структура плеяды Статусность
Fig. 3. Correlation structure of "Status"

ценностно-мотивационного синтеза, ядром которой является мотив социального статуса. Наличие большого числа сильных связей данного мотива с другими образованиями показывает, что данное устойчивое структурное образование, объединяющее ценностно-мотивационную сферу и психологическое благополучие медицинских сотрудников, является одним из центральных в функционировании их ценностно-мотивационной сферы. Данную закономерность следует обязательно учитывать при работе с персоналом при формировании мотивационной стратегии организаций здравоохранения.

4. Плеяда Ответственность

Системообразующим элементом плеяды является профессиональная ответственность. По методике удовлетворенности трудом данная плеяда определяется профессиональной ответственностью. Ценностным ядром плеяды выступают ценности *безопасности* и *конформности* (рис. 4). Значимость плеяды Ответственность подтверждает, что данная плеяда выявлена при анализе и нормативных ценностей, и личных приоритетов.

Рис. 4. Структура плеяды Ответственность
Fig. 4. Correlation structure of "Responsibility"

Данная система отражает связь ответственности с ценностями безопасности и конформности. Ценности безопасности и конформности актуализируют профессиональную ответственность, формируя психологический механизм, поддерживающий ответственное отношение к работе. Данный психологический механизм может учитываться при подборе персонала на должности, где требуется повышенная профессиональная ответственность.

5. Плеяда Рабочие отношения

Системообразующей категорией плеяды является удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами. Мотивационное наполнение: общение, социальный статус, творческая активность (рис. 5). Функционирование данной системы определяется влиянием реализации мотивов общения, социального статуса и творческой активности на удовлетворенность отношениями с коллегами.

Рис. 5. Структура плеяды Рабочие отношения
Fig. 5. Correlation structure of "Job relationship"

Была выявлена также отрицательная связь удовлетворенности отношениями с коллегами с ценностями конформности и универсализма. Соответственно, можно сделать вывод, что в среде работников здравоохранения удовлетворенность отношениями с коллегами не связана с устойчивыми характеристиками личности (ценностями), но связана с динамическими (мотивами), причем решающую роль в этом играет реализованность таких мотивов, как общение, социальный статус и творческая активность. Данный аспект важно учитывать при анализе культуры общения в организации.

6. Плеяда Призвание

Системообразующей категорией плеяды является предпочтение выполняемой работы заработку. Ценностным наполнением плеяды выступают ценности традиций, достижений, гедонизма. Мотивационным наполнением – мотивы социального статуса, творческой активности и общей активности (мотив общей активности в контексте устремлений рабочей мотивации) (рис. 6).

Данная плеяда отражает направленность респондентов на высокую ценность профессии как таковой, помимо даваемых ею материальных благ. Эта направленность личности связана с ценностями традиций и достижений.

В процессе функционирования данной системы предпочтение работы заработку формируется как под влиянием ценностей, таких как ценности традиций и достижений, так и реализованностью мотивов социального статуса и творческой активности. Чем выше реализация данных ценностей и мотивов, тем больше поддерживается направленность на призвание работников здравоохранения, возрастает удовлетворенность достижениями в работе и удовлетворенность трудом в целом.

Рис. 6. Структура плеяды Призвание
Fig. 6. Correlation structure of "Vocation"

Обобщенный респондент

Используя полученные данные, можно попытаться представить портрет некоего обобщенного респондента как типичного сотрудника изученного медицинского центра.

Общая удовлетворенность трудом обобщенного респондента, находящаяся на уровне выше среднего, имеет сильные корреляционные связи со степенью реализации всех рабочих мотивов. А при усилении общей удовлетворенности трудом у него возрастает нацеленность на такие мотивы, как социальный статус, общая и творческая активность и общественная полезность. Особую роль в общей удовлетворенности трудом обобщенного респондента играет удовлетворенность достижениями в работе. Она связана с реализованностью мотивов *поддержание жизнеобеспечения, социальный статус, общение, общая и творческая активность, общественная полезность*.

В соответствии с теорией Портера-Лоулера, ожидаемый результат по реализации перечисленных мотивов и удовлетворению стоящих за ними потребностей, являясь своего рода маркерами достижений, приносит удовлетворение сотруднику. Удовлетворенность достижениями укрепляет личную ценность достижений, повышает амбиции (уровень притязаний) и интерес к работе, а также удовлетворенность в отношениях с коллегами, еще более включая сотрудника в рабочий процесс.

Кроме того, анализ данных показал, что личная ценность достижений делает профессиональную деятельность более значимой, нежели материальное благополучие. В противовес этому гедонизм, наоборот, снижает уровень рабочей мотивации, фокусируя сотрудников на приоритет заработка и условий труда. Таким образом, удовлетворенность достижениями и личная ценность достижений для обобщенного респондента является одним из наиболее перспективных направлений нематериального стимулирования, способным активизировать его профессиональный потенциал.

Заключение

Анализ наиболее сильных корреляционных связей позволил выявить закономерности функционирования ценностно-мотивационной сферы сотрудников здравоохранения и ее взаимосвязь с таким компонентом психологического благополучия, как удовлетворенность трудом.

Отдельные мотивации, формирующие связанные между собой структуры, наполнены типами ценностей, и этот новый тип синтеза может быть определен как ценностно-мотивационный синтез. В свою очередь, ценности и мотивы образуют связи с удовлетворенностью трудом, выступая как факторы, формирующие удовлетворенность трудом профессионалов медицинского учреждения. Можно описать и обратный процесс: достигнутый уровень удовлетворенности трудом поддерживает связанные с ним системными связями ценности и мотивы. Образуется сложная система элементов, выступающая как синтез ценностно-мотивационной сферы и психологического благополучия личности. Данная система, как мы предполагаем, является самоподдерживающейся.

Применение модели корреляционных плеяд позволило выделить в интегральной системе, объединяющей ценностно-мотивационную сферу и удовлетворенность трудом, следующие более частные системы (плеяды): Достижение, Власть, Статусность, Ответственность, Рабочие отношения и Призвание.

Системообразующими плеядами, отражающими наиболее важные системные механизмы синтеза ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом, являются Достижение, Власть и Статусность.

Важную роль в актуализации удовлетворенности достижениями в работе играют личные ценности власти и достижений.

Существенную роль в формировании удовлетворенности трудом играют и рабочие мотивы, такие как социальный статус, общая активность и общественная полезность. Можно сделать вывод, что достижения работниками здравоохранения оцениваются через индикацию своего положения в обществе, а реализация ценности власти происходит путем активного включения в общественно-полезную деятельность (в соответствии с VIII сектором модели взаимоотношений Т. Лири). Общая активность в данном случае является необъемлемой характеристикой стремления к достижению.

Центральную роль в формировании удовлетворенности трудом сотрудников играет, как показало наше исследование, структурное образование, имеющее своим ядром мотив социального статуса. Можно предположить, что данная система (отраженная в описании плеяды Статусность), являясь интегративным образованием ценностно-мотивационной

сферы и аспектов психологического благополучия, и является основным механизмом, формирующим удовлетворенность трудом медицинских сотрудников.

Анализ структуры плеяд Ответственность и Призвание позволил выявить связи профессиональной ответственности и предпочтения работы заработку с личностными характеристиками респондентов. Ответственность связана с ценностями безопасности и конформизма. Предпочтение работы заработку, с одной стороны, поддерживается ценностями традиций, достижений, низкой ценностью гедонизма, а с другой – мотивами *социальный статус и творческая активность*.

Плеяда Рабочие отношения позволила выявить характер взаимоотношений в коллективе; он обусловлен мотивационными факторами, нацеленными на реализацию творческого потенциала сотрудников, удовлетворение потребности в признании и общении. Данный механизм, влияющий на рабочие отношения, является благотворным для производительности коллектива.

Была отмечена связь между удовлетворенностью взаимодействием с руководством и реализованностью мотива социального статуса.

Таким образом, удовлетворенность трудом видится как динамический процесс, поддерживаемый устойчивыми

личностными характеристиками (ценность достижений и ценность власти как личные приоритеты), а также изменчивыми характеристиками личности (рабочими мотивами – реализованными или намеченными для реализации). В свою очередь, достигнутое удовлетворение профессиональной деятельностью подкрепляет связанные с ним личные ценности и мотивы.

Результаты исследования имеют как теоретическое, так и прикладное значение. Полученные данные будут полезными руководителям медицинских учреждений, кадровым службам. Выявленные закономерности могут быть использованы для создания системы мотивации персонала, при отборе кадров, при создании более благоприятного социально-психологического климата с целью повысить эффективность работы сотрудников.

На основании представленных выводов может быть рекомендовано включение в мотивационную стратегию медицинских учреждений таких элементов мотивации, которые расширят возможность творческой самореализации сотрудников, позволят сотрудникам реализовывать значимую для общества деятельность (и осознавать ее высокую ценность), достигать в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей высокого социального статуса.

Литература

1. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1991. № 1. С. 20–27.
2. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 72 с.
3. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. № 3. P. 550–562.
4. Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 82–93.
5. Burton K. A Study of Motivation: How to Get Your Employees Moving: SPEA Honors Thesis. Indiana University, 2012. 33 p. Available at: https://spea.indiana.edu/doc/undergraduate/ugrd_thesis2012_mgmt_burton.pdf (accessed 03.06.2019).
6. Станкевич Л. П., Полякова И. П. Мотивация как процесс и вид духовной деятельности // Философия и общество. 2004. № 2. С. 125–134.
7. Живица О. В., Сульчинская Э. Э. Конфликты ценностно-мотивационной сферы, самореализация личности и удовлетворенность трудом в сельском хозяйстве: теоретический аспект // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 3. С. 79–90.
8. Калугин А. Ю. Соотношение понятий при изучении ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфер личности // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 17–24.
9. Монусова Г. А. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 74–83.
10. Бюссинг А. Мотивация и удовлетворенность // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб.: Питер, 2002. С. 777–792.
11. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. № 1-2. С. 104–109.

12. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Осин Е. Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 3. С. 2–15.
13. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. 204 с.
14. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
15. Руженская Е. В., Руженский В. И. Психологические показатели эффективности и удовлетворенности трудом врачебного персонала психиатрической службы // Научное обозрение. Медицинские науки. 2016. № 2. С. 102–108.
16. Юсупова К. И., Матвеева Т. Ю. Удовлетворенность трудом медицинского персонала на примере ГАУЗ РКИБ // Вопросы науки и образования. 2018. № 8. С. 50–54.
17. Лезнева И. А., Москалюк В. Ю. Удовлетворённость трудом у медицинских сестер первичного звена и стационара // Психологическое сопровождение образования: теория и практика: сб. ст. по мат-лам VI Междунар. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 24–26 декабря 2015 г.) Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2016. С. 262–267.
18. Панкевич В. И., Школьников М. А., Югай М. Т. Удовлетворенность врачей своим трудом в государственных и частных медицинских организациях // Вестник Росздравнадзора. 2015. № 5. С. 69–78.
19. Ясько Б. А., Остроушко М. Г. Организационно-психологические условия удовлетворенности трудом персонала учреждения здравоохранения // Институт Психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 60–81.
20. Цветкова С. Б., Цветанова К. Т., Христова И. Р., Петрова Д. Ю. Изучение влияния рабочей среды на мотивацию медицинских специалистов – типовой проект // Евразийский союз ученых. 2016. № 3-4. С. 73–77.
21. Мерзлякова С. В., Петурова Н. Р. Корпоративная культура как фактор предупреждения профессионального выгорания у медицинского персонала // Вестник ЧГПУ. 2018. № 6. С. 256–269.
22. Гакин К. А., Малахов И. Н. От любви до неудовлетворенности. Удовлетворённость и профессиональная идентичность персонала и молодых врачей центров амбулаторной хирургии Санкт-Петербурга // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4. С. 457–460.
23. Цой С. Ю. Ценностно-мотивационные аспекты удовлетворенности трудом сотрудников здравоохранения // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 2-1. С. 60–64.
24. Мильман В. Э. Метод изучения мотивационной сферы личности // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 23–43.
25. Батаршев А. В., Алексеева И. Ю., Майорова Е. В. Диагностика профессионально важных качеств. СПб.: Питер, 2007. 187 с.

Value-Motivational Factors of Job Satisfaction in Public Health Care Workers

Egor B. Marin^{a, b, @}; Svetlana Yu. Tsoy^b

^a Admiral Nevelskoy Maritime State University, 50a, Verkhneportovaya St., Vladivostok, Russia, 690059

^b Far Eastern Federal University, 8, Sukhanova St., Vladivostok, Russia, 690950

[@] egor-marin@yandex.ru

Received 04.06.2019. Accepted 27.08.2019.

Abstract: The article contains the results of an empirical study of the relationship between the aspects of the value-motivational sphere and job satisfaction in medical workers. The study was conducted on the basis of the Vladivostok Clinical and Diagnostic Center. The research revealed some factors of value-motivational sphere of personality that affect job satisfaction. Using this model of correlation, the authors describe the systems of relations between values, motivations, and job satisfaction. The paper also describes the leading role of the values of achievements and power that are reflected in the motivational sphere and job satisfaction. They, in turn, also form a self-sustaining system in the personality structure of employees. The article also features a psychological portrait of the average employee of the All-Russian Exhibition and Convention Center (generalized respondent). The results of the research are of both theoretical and applied significance. The obtained knowledge can be used to create a system of staff motivation, in the selection of personnel, as well as to create a more favorable socio-psychological climate and improve the efficiency of employees.

Keywords: motivation, value-motivational sphere, job satisfaction, health care workers

For citation: Marin E. B., Tsoy S. Yu. Value-Motivational Factors of Job Satisfaction in Public Health Care Workers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 726–740. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-726-740>

References

1. Leontiev D. A. From social to personal values: sociogenesis and phenomenology of the value regulation of activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1991, (1): 20–27. (In Russ.)
2. Karandashev V. N. *Methodology of Schwartz for the study of the values of the individual: concept and methodological guide*. Saint-Petersburg: Rech, 2004, 72. (In Russ.)
3. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 53(3): 550–562.
4. Lapin N. I. Studies of values conducted by Vladimir Yadov and his colleagues. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2009, 10(3): 82–93. (In Russ.)
5. Burton K. *A Study of Motivation: How to Get Your Employees Moving*: SPEA Honors Thesis. Indiana University, 2012, 33. Available at: https://spea.indiana.edu/doc/undergraduate/ugrd_thesis2012_mgmt_burton.pdf (accessed 03.06.2019).
6. Stankevich L. P., Poljakova I. P. Motive as a process and a form of mental activity. *Filosofiya i obshchestvo*, 2004, (2): 125–134. (In Russ.)
7. Zhivitsa O. V., Sul'chinskaya E. E. Conflicts of axiology and motivation, self-realization and job satisfaction in the agricultural sector: theoretical aspect. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2016, (3): 79–90. (In Russ.)
8. Kalugin A. Y. Relations between the concepts in the study of value-semantic and motivational-need spheres of personality. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 2014, (1): 17–24. (In Russ.)
9. Monusova G. A. Job satisfaction: cross-country comparisons. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2008, (12): 74–83. (In Russ.)
10. Buessing A. Human resource management. *Motivation and Satisfaction*, ed. M. Poole, M. Warner. Saint-Petersburg: Piter, 2002, 777–792. (In Russ.)
11. Shamionov R. M. Subjective well-being and valueable and semantic formations of a person in his / her professional self-determination. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2006, 6(1-2): 104–109. (In Russ.)
12. Ivanova T. Yu., Rasskazova E. I., Osin E. N. Structure and diagnostics of job satisfaction: development and approbation. *Organizational psychology*, 2012, 2(3): 2–15. (In Russ.)
13. Yanitskiy M. S. *Value orientations of a person as a dynamic system*. Kemerovo: Kuzbassvuzuzdat, 2000, 204. (In Russ.)
14. Leontiev D. A. Value as an interdisciplinary concept: an experience of multidimensional reconstruction. *Voprosy filosofii*, 1996, (4): 15–26. (In Russ.)
15. Ruzhenskaya E. V., Ruzhensky V. I. Psychological indicators efficiency and satisfaction with work of the medical personnel of psychiatric service. *Nauchnoe obozrenie. Meditsinskiye nauki*, 2016, (2): 102–108. (In Russ.)
16. Iusupova K. I., Matveeva T. Yu. Satisfaction with the work of medical personnel (the case of A.F. Agafonov Republican Clinical Hospital of Infectious Diseases in Kazan). *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 2018, (8): 50–54. (In Russ.)
17. Lezneva I. A., Moskaliuk V. Iu. Job satisfaction with primary nursing and hospital nurses. *Psychological support of education: theory and practice*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Yoshkar-Ola, December 24–26, 2015. Yoshkar-Ola: STRING, 2016, 262–267. (In Russ.)
18. Pankevich V. I., Shkolnikova M. A., Yugay M. T. Physicians job satisfaction in public and private healthcare organizations. *Vestnik Roszdravnadzora*, 2015, (5): 69–78. (In Russ.)
19. Yasko B. A., Ostroshko M. G. Organizational and psychological conditions of job satisfaction of staff of health institutions. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. *Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*, 2017, 2(2): 60–81. (In Russ.)
20. Tsvetkova S. B., Tsvetanova K. T., Hristova I. R., Petrova D. Y. Research on the impact of the working environment on the motivation of medical specialists a model project. *Evrasiyskii soiuz uchenykh*, 2016, (3-4): 73–77. (In Russ.)
21. Merzljakova S. V., Peturova N. R. Corporate culture as a factor to prevent professional burnout at the medical staff. *Herald of Chelyabinsk state pedagogical University*, 2018, (6): 256–269. (In Russ.)

22. Galkin K. A., Malakhov I. N. From love to frustration. Satisfaction and professional identity of staff and young doctors centers for outpatient surgery in St. Petersburg. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2016, 5(4): 457–460. (In Russ.)
23. Tsoy S. Yu. Value-motivational aspects and job satisfaction of health care staff. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*, 2019, (2-1): 60–64. (In Russ.)
24. Milman V. E. Research method of the motivational sphere of personality. *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation*. Moscow: MGU, 1990, 23–43. (In Russ.)
25. Batarshhev A. V., Alekseeva I. Yu., Maiorova E. V. *Diagnostics of professionally important qualities*. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 187. (In Russ.)

Содержательно-динамические характеристики профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России

Наталья А. Самойлик^{а, @}

^а Кузбасский институт ФСИН России, 654066, Россия, г. Новокузнецк, пр-т Октябрьский, 49

[@] nat-samojlik@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.06.2019. Принята к печати 23.07.2019.

Аннотация: Целью статьи является характеристика структуры и динамики становления профессионально-ценностных ориентаций курсантов ведомственного вуза Федеральной службы исполнения наказаний России. В качестве методик исследования в работе применялся авторский опросник «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности». Представлены результаты лонгитюдного психодиагностического изучения интернализации и содержания профессионально-ценностных ориентаций будущих сотрудников пенитенциарной сферы на различных этапах обучения. На выборке из 180 обучающихся разной специальности подготовки статистически доказаны достоверные различия выраженности структурных элементов профессионально-ценностных ориентаций. В ходе исследования определена динамика качественных изменений профессионально-ценностных ориентаций курсантов ведомственного вуза. Показано, что на начальном этапе профессионального обучения наиболее важными характеристиками служебно-профессиональной деятельности выступают отношения, специальные знания и осознание потребности в достижении целей. Для курсантов на третьем году обучения большое значение приобретает развитие личностных качеств, которые необходимы в ходе осуществления служебной деятельности и выполнения поставленных задач. Обучающиеся заключительного периода профессиональной подготовки отдают предпочтение таким значимым категориям, как личностно-профессиональные качества и умения. Полученные результаты могут использоваться в организации учебной, воспитательной и служебной деятельности обучающихся ведомственных вузов, консультировании курсантов по вопросам личностного и профессионального развития.

Ключевые слова: профессиональное обучение, сотрудники уголовно-исполнительной системы, студенты, ценности профессии, личностные качества, эмпирическое исследование

Для цитирования: Самойлик Н. А. Содержательно-динамические характеристики профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 741–750. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-741-750>

Введение

Одним из ведущих институтов развития значимых профессиональных ориентиров в период юношества становится образовательная среда высшего учебного заведения. По мнению И. В. Арендачук, она «связана с такими понятиями, как система ценностей и норм», овладение которыми определяет будущую профессиональную успешность субъекта труда [1, с. 48]. При этом, согласно В. Н. Новикову, важность образовательной среды заключается не только в обеспечении эффективности процесса усвоения общенаучных и профессиональных компетенций, но и в стимулировании собственной активности обучающихся в их профессиональном развитии и личностном росте [2]. Именно поэтому студенческий период является сензитивным для формирования системы профессионально-ценностных ориентаций

будущих специалистов различных трудовых областей. Сформированная система профессионально-ценностных ориентаций во многом способствует успешному постижению основ профессиональной деятельности и выступает в качестве определяющей развития личности в труде. Как справедливо утверждают М. С. Яницкий и др., во время профессионального обучения в индивидуальную систему объединяются и интегрируются приобретенные ранее личностные и социальные ценности, смыслы и способы профессионального развития [3].

Наиболее актуально вопросы формирования профессионально-ценностных ориентаций звучат в контексте профессий, которые отличаются повышенной стрессогенностью и даже экстремальностью, связанной с риском для жизни.

Одной из таких специальностей является деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы (УИС).

Служебная деятельность представителей пенитенциарной сферы заключается в обеспечении изоляции и оказании воспитательного воздействия на осужденных, отбывающих наказание, как в местах лишения свободы, так и вне их. Систематическое взаимодействие с лицами, совершившими преступления, приводит, по мнению М. М. Ицковича, «к опасности "криминального заражения", размытия социальных и профессиональных ценностей» [4, с. 3]. В подобных условиях возникает потребность акцентировать внимание на профессионально-ценностных ориентациях представителей УИС. Особенно пристальное внимание следует обратить на будущих сотрудников исправительных учреждений в связи с тем, что именно обучение в ведомственном вузе предполагает синтез трех взаимосвязанных компонентов: получение профессиональных знаний, организация процесса самовоспитания и приобретение навыков служебной деятельности. Специфичность образовательной деятельности курсантов ведомственных вузов ФСИН России во многом способствует формированию положительного отношения к профессиональной деятельности через приобретение и закрепление в сознании будущего специалиста пенитенциарной сферы профессионально-ценностных ориентиров.

В исследованиях Н. Н. Белогорцева [5], А. А. Вотинова [6], Е. А. Жирякова [7], О. Н. Ежовой [8], Т. В. Копыловой [9], С. В. Маришина [10], Е. Ю. Молчановой [11], Ю. М. Тихомировой [12], Н. Н. Трофимовой [13], В. А. Шалаева [14], А. И. Шнягина и Д. Е. Иванова [15], Д. В. Шулепникова [16] представлен перечень требований и критерии профессиональной пригодности к служебной деятельности сотрудников УИС. Многие ученые сходятся во мнении, что одним из ведущих профессиональных показателей готовности к работе с осужденными являются ценностные ориентации, которые, с одной стороны, выполняют функции регулятора профессионального поведения специалистов пенитенциарных учреждений, а с другой – выступают в качестве осмысленного результата профессиональной деятельности конкретного субъекта труда [5; 17].

Ценностные ориентации начинают формироваться во время специального профессионального обучения и продолжают развиваться в течение всего трудового пути личности [18]. Следовательно, процесс становления специалиста УИС характеризуется динамичностью и поэтапностью с наличием определенных элементов во время профессионального обучения. Соответственно, динамика и содержание профессионально-ценностных ориентаций будущих сотрудников пенитенциарной сферы является ведущей категорий в данной работе. Цель исследования заключается

в изучении особенностей структурно-динамических характеристик профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Методы

Исследование проводилось в 2017–2018 гг. на базе ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России» (Новокузнецк) и ФГОУ ВО «Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета». Выборку исследования составили обучающиеся 1–5 курсов дневной формы обучения, проходящие профессиональную подготовку по специальности «Правоохранительная деятельность» (курсанты) и «Психология служебной деятельности» (студенты) в количестве 180 человек (по 30 респондентов с 1, 3 и 5 курсов).

Реализация исследования осуществлялась с помощью методики «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» (Н. А. Самойлик) [19]. Сравнительный анализ структурно-динамических характеристик профессионально-ценностных ориентаций курсантов осуществлялся с помощью псевдолонгитюдного метода. Для обработки полученных количественных результатов применялись следующие способы математической статистики: Н-критерий Краскала-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни, значения среднего показателя величины (М) и частного (процентного) анализа. Расчеты проводились с помощью программного обеспечения Statistica for Windows 10.0.

Результаты и обсуждение эмпирического исследования

При исследовании содержательных характеристик профессионально-ценностных ориентаций курсантов были выявлены некоторые особенности (таблица 1).

Сравнительный анализ содержания профессиональных ценностей курсантов и студентов демонстрирует, что у курсантов на первом курсе более выражена значимость отношений ($M=9,39$), чем у студентов ($M=7,42$) ($p=0,021$). Полученный результат показывает удовлетворенность межличностным и межгрупповым взаимодействием с сослуживцами, курсовыми офицерами и преподавателями вуза. Бесконфликтный характер отношений курсантов согласуется с общей тенденцией на преодоление профессиональных коммуникативных и организационных барьеров как в процессе обучения, так и в ходе выполнения служебных задач.

Первый год обучения является достаточно сложным для курсантов. В данный период активно идет процесс адаптации к условиям обучения и службы. Специфика профессионального обучения в ведомственных вузах ФСИН заключается в сочетании учебного процесса и воспитательного, соблюдении уставных отношений, обеспечении

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа профессионально-ценностных ориентаций курсантов и студентов, обучающихся на 1 курсе (U-критерий Манна-Уитни)**Table 1. Comparative analysis of professional value orientations in first-year cadets and students (Mann-Whitney's U-criterion)**

Шкалы методики «ДиПЦОЛ»	U	p	Среднее значение	
			курсанты	студенты
Ценности-отношения	312,42	0,021*	9,39	7,42
Ценности-знания	211,73	0,014*	9,67	7,00
Ценности-цели	414,09	0,03*	9,11	6,93
Ценности-результат	214	0,708	9,48	9,43
Ценности-качества	170,06	0,214	8,11	8,06
Ценности-умения	512,24	0,327	8,22	8,41

Прим. (здесь и далее по тексту): * – выделены статистически значимые различия.

охраны и порядка, осуществлении контрольно-пропускного режима, выполнении функций караульной службы, несении службы в нарядах и др. В связи с представленными выше отличительными чертами организации образовательного процесса уже на первом году обучения происходит актуализация ценности отношений в профессиональной деятельности будущего сотрудника пенитенциарной сферы.

Более высокие показатели шкалы *ценности-знания* курсантов ($M=9,67$) показывают важность процесса специального обучения для достижения профессионального и личностного саморазвития ($p=0,014$). К необходимым знаниям специалистов УИС А. А. Вотинов относит такие, как правовые, психолого-педагогические, организационно-управленческие и служебные. Ценность приобретения профессиональных знаний обучающихся образовательных организаций ФСИН России базируется на складывающемся представлении об особенностях служебной деятельности и ее дальнейшей практической реализации. Обеспечение функционирования исправительного учреждения невозможно без выполнения охранных, контролирующих, юридических, воспитательных, адаптационных и других задач, опирающихся на прочный фундамент профессиональных знаний и компетенций, которые формируются и совершенствуются именно во время обучения в вузе.

Организация учебного процесса на начальном этапе обучения зависит от цели, которая выступает в двух аспектах:

с одной стороны, в качестве результата профессиональной деятельности, с другой – в роли лидирующего мотивационного фактора становления профессионала. Данные таблицы 1 демонстрируют статистически значимые различия в исследуемых группах по выраженности значимости целей в профессиональной деятельности ($p=0,03$). Будущие сотрудники исправительных учреждений осознают профессиональные цели и уверены в их достижении ($M=9,11$). Ранее мы отмечали, что «целеполагание курсантов основано на их внутренних личностных характеристиках и в большей степени проявляется в самостоятельности организации процесса самовоспитания и саморазвития во время получения образования» [20, с. 188]. Кроме того, сформированность целевого компонента при выполнении профессиональных обязанностей свидетельствует о способности обучающихся уже на начальном этапе обучения прогнозировать последствия решений и поступков, связанных со служебными рисками и особыми условиями службы в исправительных учреждениях и работы со спецконтингентом.

У студентов наблюдается незначительное снижение показателя цели как ценности профессиональной деятельности ($M=6,93$). Как считает Е. В. Пименова, подобная ситуация, вероятно, вызвана тем, что «молодые люди, делая выбор в пользу профессии психолога, руководствуются прагматичными установками, характеризующимися тем, что, владея профессиональными психологическими знаниями, умениями и навыками, они смогут успешно манипулировать людьми, ставя их в зависимость от сформировавшейся потребности в психологической помощи» [21, с. 301].

Следует отметить, что в выборке респондентов отсутствуют достоверные различия по важности достижения результативности в процессе профессиональной деятельности. Согласно Е. А. Климову, психологи и сотрудники исправительных учреждений относятся к социэкономической сфере труда, чьи профессиональные интересы располагаются в плоскости *человек – человек* [22]. При оценке результатов и продуктивности такой работы могут возникнуть определенные сложности, с которыми, вероятно, и сталкиваются студенты на начальном этапе профессионального обучения.

В начале обучения в вузе у обучающихся появляется проблема соотношения имеющихся личностных особенностей с требованиями, которые предъявляет профессиональная деятельность к сотрудникам. Именно поэтому Л. А. Головей [23] и В. Р. Манукян [24] выделяют начальный период обучения в вузе как один из кризисов профессионального развития, связанный с невозможностью полностью идентифицироваться с предстоящей профессиональной ролью. Отсутствие достоверных различий по значимости качеств и умений между психологами

и курсантами позволяет констатировать общую тенденцию неопределенности относительно профессионально-важных качеств представителей исследуемых групп.

Повышение важности знаний в процессе профессиональной деятельности отмечается у студентов 3 курса ($M=13,17$) (таблица 2). Данное обстоятельство можно объяснить включением в содержание программ профессионального обучения практических форм занятий в виде тренингов и элементов психологических консультаций, что повышает мотивацию на расширение когнитивных способностей будущих психологов, а также способствует их личностному росту.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа профессионально-ценностных ориентаций курсантов и студентов, обучающихся на 3 курсе (U-критерий Манна-Уитни)

Table 2. Comparative analysis of professional value orientations in third-year cadets and students (Mann-Whitney's U-criterion)

Шкалы методики «ДиПЦОЛ»	U	p	Среднее значение	
			курсанты	студенты
Ценности-отношения	414,3	0,351	9,55	9,33
Ценности-знания	312,8	0,003*	8,45	9,17
Ценности-цели	413,7	0,037*	9,07	7,68
Ценности-результат	213,14	0,305	8,26	8,2
Ценности-качества	414,29	0,05*	8,57	7,1
Ценности-умения	513,05	0,65	7,48	7,32

У курсантов тенденцию снижения ценности знаний на 3 курсе обучения можно трактовать как появление направленности на приобретение технологических знаний, являющихся предпосылкой формирования индивидуального стиля служебной деятельности на основе нормативно одобренных действий и личностных особенностей ($p=0,003$) [25].

Как показал анализ типа профессионально-ценностных ориентаций, на 3 курсе обучения у будущих сотрудников УИС преобладает поведенческий тип (52 %), отражающий активную профессиональную позицию по некоторым служебным и профессиональным вопросам. Полученный результат у представителей пенитенциарной сферы демонстрирует интернализацию профессиональных ценностей и организацию своего поведения в соответствии с ними (таблица 3).

Таблица 3. Выраженность типов профессионально-ценностных ориентаций курсантов и студентов, обучающихся на 3 курсе

Table 3. Manifestation of the types of professional value orientations in third-year cadets and students

Типы профессионально-ценностных ориентаций	Курсанты	Студенты
Когнитивный	27 %	59 %
Эмоциональный	18 %	25 %
Поведенческий	55 %	16 %

По сравнению с 1 курсом, у курсантов на 3 году обучения остается достаточно значимым достижение целей в процессе служебной деятельности ($p=0,037$). Вероятно, данный результат выражает имеющуюся установку будущих сотрудников пенитенциарной отрасли труда на принятие ответственности за выполнение социально и личностно важного вида деятельности по исполнению наказаний в отношении различных категорий осужденных.

В результате сравнения групп по роли качеств специалиста для профессиональной деятельности было выявлено достоверно значимое различие между исследуемыми группами ($p=0,05$). Курсанты в большей степени ориентированы на развитие и расширение диапазона индивидуальных, статусно-ролевых и профессиональных качеств, необходимых для выполнения должностных и служебных обязанностей ($M=8,57$). Формирование личностно-профессиональных особенностей курсантов в данный период профессиональной подготовки во многом определено прохождением практики в исправительных учреждениях, в ходе которой они выполняют функциональные обязанности сотрудника УИС. Таким образом, производственная практика создает условия для осмысления и присвоения тех групп профессиональных ценностей, которые не были сформированы в ходе теоретического профессионального обучения. Однако они могут изменяться и активно корректироваться в процессе практической деятельности непосредственно при выполнении должностных обязанностей при несении службы.

Отсутствие достоверных различий по осознанию важности отношений свойственно представителям выборки, обучающимся на 3 курсе. Полученный результат свидетельствует о схожем представлении респондентов о ценности отношений в процессе профессиональной деятельности. Выступая в качестве основы для организации эффективного межличностного и межгруппового взаимодействия, роль отношений в ходе профессиональной деятельности определяется одинаково значимо как студентами ($M=9,35$), так и курсантами ($M=9,55$).

На 5 курсе в экспериментальной и контрольной группах также не изменяется представление о важности отношений,

удовлетворенности ими и влиянии их на достижение результатов в профессиональной деятельности. На заключительном этапе обучения отношения носят характер личностного самоутверждения и проявляются в стремлении показать свой авторитет, способности убеждать и оказывать влияние на других людей (таблица 4). Для представителей исследуемых групп, студентов и курсантов, свойственны группцентрический и просоциальные типы отношений, в рамках которых и формируется объективное отношение к профессиональному сообществу, коллегам и себе как профессионалу.

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа профессионально-ценностных ориентаций курсантов и студентов, обучающихся на 5 курсе (U-критерий Манна-Уитни)
Table 4. Comparative analysis of professional value orientations in fifth-year cadets and students (Mann-Whitney's U-criterion)

Шкалы методики «ДиПЦОЛ»	U	p	Среднее значение	
			курсанты	студенты
Ценности-отношения	510,09	0,106	9,3	9,12
Ценности-знания	512,51	0,003*	8,51	6,05
Ценности-цели	413,18	0,009*	8,15	7,3
Ценности-результат	312,7	0,325	9,26	9,03
Ценности-качества	410,9	0,011*	9,07	8,6
Ценности-умения	212,08	0,048*	8,09	6,91

Интересные результаты были получены при сравнении групп по шкале *ценности-знания* на 5 курсе. У курсантов данный показатель оказался значимо выше ($M=8,51$), чем у студентов ($M=6,05$). Полученный результат свидетельствует о том, что профессиональная деятельность сотрудников исправительных учреждений требует от своих служащих развития и углубления системы специальных знаний, направленных на их профессиональную реализацию. Изменения законодательной системы в вопросах исполнения наказаний постоянно совершенствуется и качественно пересматривается в сторону гуманизации. Поэтому практический сотрудник УИС должен постоянно повышать уровень профессиональных знаний и основываться на них при выполнении служебных обязанностей. Снижение ценности знаний у студентов до средних показателей отражает потребность в расширении способов практической психологической помощи на основе полученных в вузе теоретических знаниях.

Для курсантов по-прежнему немаловажным является ценность достижения цели в ходе выполнения поставленных служебных задач ($p=0,009$). При этом осознанность и достижение профессиональных целей будущими сотрудниками УИС существенно влияет на самостоятельность принятия решений, от которых может зависеть жизнь других людей. Несмотря на то, что уровень значимости целевого компонента в деятельности курсантов к 5 курсу снижается, он остается в диапазоне высоких показателей (более 8 стэнов).

На заключительном этапе обучения у курсантов изменяется мнение относительно важности целеполагания в профессиональной деятельности ($M=8,15$). Цель становится более осознанной и воспринимается как результат и условие успешности при выполнении поставленных профессиональных задач, связанных с обеспечением изоляции осужденных. Следует отметить незначительное снижение показателя ценности профессиональных целей у студентов ($M=7,3$), позволяющее утверждать наличие у данной группы респондентов некоторых противоречий в определении целевого компонента оказания психологической помощи вследствие широкого круга профессиональных обязанностей и задач.

Отсутствие достоверных различий по ценности результатов в профессиональной деятельности будущих психологов ($M=9,03$) и сотрудников УИС ($M=9,26$) демонстрирует идентичные представления исследуемых групп о необходимости достижения результатов и их адекватной оценке, что влияет на мотивацию профессионального саморазвития и определяет траекторию карьерного роста специалистов.

Достоверные различия у обучающихся на 5 курсе были выявлены по значимости профессиональных качеств и умений ($p=0,011$ и $p=0,048$ соответственно). Для группы курсантов на заключительном этапе обучения личностный смысл приобретает особую роль, заключающуюся в необходимости дальнейшего развития тех профессионально-важных качеств, которые оказывают влияние на продуктивность служебной деятельности и постановку задач на личностное саморазвитие в рамках выбранной сферы деятельности. У будущих сотрудников формируется рефлексивная установка на развитие таких личностно значимых качеств, как самообразование, ответственность, дисциплинированность, самостоятельность, требовательность. Эмпирическое исследование, проведенное Я. Н. Поляковой, позволяет расширить перечень значимых профессиональных характеристик специалистов УИС, добавив к ним следующие: «хорошее знание и выполнение своих личных обязанностей, соблюдение прав других сотрудников, стремление доводить начатое дело до конца, соблюдение служебной этики» [26, с. 277].

Рассмотрим особенности динамики профессионально-ценностных ориентаций в исследуемых группах. Данные таблицы 5 свидетельствуют о том, что в группе курсантов присутствуют достоверно значимые отличия по выраженности в системе профессиональных ценностей знаний ($p \leq 0,002$), целей ($p \leq 0,052$), результата ($p \leq 0,003$) и умений ($p \leq 0,018$). Полученные результаты демонстрируют изменение направленности будущих сотрудников пенитенциарной сферы на усвоение и развитие теоретических и практических знаний с опорой на достижение профессиональных целей и результатов в процессе выполнения служебных задач.

В процессе профессионального обучения возрастает потребность в специализированных знаниях, которая выражается в стремлении к усвоению, развитию и совершенствованию когнитивной мотивации будущих специалистов исправительных учреждений ($p \leq 0,002$). Повышение уровня значимости знаний в профессиональной деятельности курсантов на 5 курсе, по сравнению с другими курсами, свидетельствует об осознании важности профессиональных знаний в ходе выполнения служебной деятельности. Правомочность и целесообразность использования в процессе работы с осужденными методов исправительного и воспитательного воздействия зависит, прежде всего, от уровня и содержания профессиональных знаний сотрудников УИС. Именно наличие специальных профессиональных знаний представителей исправительных учреждений обуславливает принятие необходимых решений в экстремальных ситуациях и применение оружия в случаях обеспечения личной и служебной безопасности.

Целевой компонент профессиональной деятельности определяет развитие у курсантов профессиональных умений, которые, по мнению И. И. Купцова и Г. С. Карповой, «располагаются в познавательном-прогностическом (когнитивном), коммуникативном, организационно-управленческом и воспитательном направлениях» [27, с. 22].

При этом цель как профессиональная ценность не имеет различий у курсантов 1 и 3 курса, что связано с размытыми представлениями о задачах служебной деятельности и способах ее эффективной реализации ($p = 0,415$). Однако уже на 5 курсе обучающиеся имеют четкие суждения о смысловом и целевом аспектах своей будущей профессиональной деятельности, относящейся к сфере исполнения наказаний и обеспечения полноценного процесса ресоциализации осужденных ($p = 0,047$).

Необходимость осмысленности и достижения результатов в профессиональной деятельности будущих сотрудников УИС постепенно увеличивается во время обучения в вузе ($p \leq 0,003$). В данном случае можно констатировать сформированную потребность в оценке объективных и значимых представлений о результатах служебной деятельности как для себя, так и для социума. Достижение результатов служебной деятельности детерминирована мотивацией профессионального развития, которая закладывается на начальном этапе обучения и в большей степени связана с успешной адаптацией курсантов к образовательной среде ведомственного вуза.

Статистические различия получены по значимости умений в профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной сферы ($p \leq 0,018$). При этом следует отметить, что обучающиеся 1 и 3 курсов практически одинаково воспринимают необходимость развития профессиональных умений и способностей для совершенствования результатов трудовой деятельности по изоляции и исправлению различных категорий осужденных. Незначительное снижение уровня важности профессиональных умений у курсантов наблюдается на 5 году обучения. На наш взгляд, данное обстоятельство определяется преобладанием практических поведенческих моделей поведения, непосредственно относящихся к реализации себя как профессионала в ходе предстоящей служебной деятельности.

Следует отметить, что в результате сравнения отсутствует динамика значимости отношений для профессиональной

Таблица 5. Результаты сравнительного анализа профессионально-ценностных ориентаций курсантов

Table 5. Comparative analysis of professional value orientations in cadets

Шкалы методики «ДиПЦОЛ»	Н-Краскала-Уоллиса		Курс 1 / Курс 3		Курс 1 / Курс 5		Курс 3 / Курс 5	
	Н	р	U	р	U	р	U	р
Ценности-отношения	14,7	0,109	10,02	0,045*	17,5	0,205	14,34	0,012*
Ценности-знания	16,5	0,002*	12,29	0,014*	13,46	0,011*	15,41	0,003*
Ценности-цели	13,2	0,052*	14,5	0,415	13,36	0,026*	15,09	0,047*
Ценности-результат	12,6	0,003*	14,32	0,007*	16,01	0,034*	13,26	0,035*
Ценности-качества	14,3	0,318	15,4	0,401	15,52	0,523	12,41	0,062*
Ценности-умения	13,3	0,018*	16,25	0,613	14,7	0,006*	10,55	0,028*

деятельности у будущих сотрудников пенитенциарной сферы. Данный факт обусловлен, прежде всего, пониманием роли межличностных отношений при исполнении служебных обязанностей и личностно-профессиональном развитии. Систематическое взаимодействие с осужденными, реализующими криминальные обычаи и традиции, деформируют сферу отношений сотрудников. Поэтому для специалистов исправительного учреждения большое значение играют профессиональные отношения как ведущее условие профилактики морально-нравственной деформации. При этом для профилактики служебных деформаций, как замечает В. М. Поздняков, «крайне важно, чтобы процесс профессионального развития личности специалистов сопровождался их личными усилиями по интеграции в направлении профессионально-личностной самотождественности и одновременно ориентации на достижение профессионального "акме"» [28, с. 480–481].

На основании полученных результатов у обучающихся ведомственного вуза складывается идентичное представление о роли профессиональных качеств при осуществлении служебной деятельности. Отсутствие выраженной динамики представлений курсантов о значимости профессиональных качеств свидетельствует о понимании обязательности развития и совершенствования данных характеристик через приобретение практико-ориентированных знаний, специализированных навыков и профессионально-важных особенностей личности профессионала пенитенциарной сферы. Данные качества во многом ориентированы на успешность реализации функциональных обязанностей и формирование профессиональной Я-концепции будущих сотрудников УИС.

Заключение

Ведущим направлением становления личности специалиста в ходе обучения является формирование его профессионально-ценностных ориентаций, которые одновременно могут выступать в роли цели и результата образовательного процесса. Во время обучения в высшем учебном заведении происходит полная или частичная идентификация обучающихся с субъектами будущей профессиональной деятельностью и их ценностной сферой. Результаты исследования позволяют констатировать, что профессионально-ценностные ориентации находятся в динамике. Для каждого периода обучения свойствен определен набор значимых профессиональных показателей, которые определяют успешность будущего карьерного роста. На начальном этапе обучения в ведомственном вузе для курсантов значимыми ориентирами профессиональной деятельности являются отношения, знания и цели. На третьем курсе лидирующая позиция в системе профессионально-ценностных ориентаций принадлежит личностным качествам, которые приобретают обучающиеся в ходе выполнения практической служебной деятельности. Значительное место среди профессионально-ценностных ориентаций на данном этапе обучения отводится развитию специализированных знаний и определению социальных и личностных целей службы. Организация процесса обучения в специализированном вузе основана на использовании практико-ориентированных технологий и компетентностного подхода, о чем свидетельствует тенденция формирования и закрепления умений, обуславливающих успешность службы специалиста пенитенциарной сферы и развитию его профессиональной Я-концепции.

Литература

1. Арендачук И. В. Образовательная среда вуза как фактор психолого-педагогических рисков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 1. С. 48–53.
2. Новиков В. Н. Образовательная среда вуза как профессионально и личностно стимулирующий фактор // Психологическая наука и образование. 2012. № 1. С. 110–120.
3. Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 175–180.
4. Ицкович М. М. Ценностно-смысловые детерминанты поведения сотрудников УИС. Екатеринбург: Ажур, 2016. 116 с.
5. Белогорцев Н. Н. К проблеме формирования профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России // Символ науки. 2016. № 8-2. С. 112–114.
6. Вотинов А. А. Формирование профессиональной компетентности сотрудника УИС в практико-ориентированной образовательной среде вуза ФСИН России // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. (Самара, 16–17 июня 2016 г.) Самара, 2016. С. 146–147.
7. Жирякова Е. А. Готовность курсантов ведомственного вуза ФСИН к работе с осужденными (теоретический аспект) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1. С. 188–193.
8. Ежова О. Н. Психологическая подготовка сотрудников пенитенциарной системы. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. 180 с.

9. Копылова Т. В. О профессиональной готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 1. С. 27–30.
10. Маришин С. В. Психология профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. 202 с.
11. Молчанова Е. Ю. Акмеологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников ОВД // Общество и право. 2014. № 1. С. 244–246.
12. Тихомирова Ю. М. Структурные компоненты психологической готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к профессиональной деятельности // Наука и бизнес: пути решения. 2014. № 7. С. 35–37.
13. Трофимова Н. Н. Социальная значимость профессии сотрудника уголовно-исполнительной системы // Социальные отношения. 2016. № 3. С. 128–131.
14. Шалаев В. А. Проблематика профессионального развития сотрудников уголовно-исполнительной системы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 263–269.
15. Шнягин А. В., Иванов Д. Е. Ценностные ориентации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Наука и общество. 2012. № 1. С. 161–164.
16. Шулепников Д. В. Специфика профессионального становления курсантов вуза ФСИН РФ // GROW UP: Intern. Sci. Prac. Congress of pedagogues, psychologists and medics. (Geneva, Switzerland, 30 November, 2016.) Одесса: Европейская ассоциация педагогов и психологов Science, 2016. С. 55–59.
17. Социально-психологические аспекты деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы / под общ. ред. Н. П. Поливаевой. Воронеж: Научная книга, 2015. 183 с.
18. Фонарев А. Р. Психология становления личности профессионала. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2005. 240 с.
19. Самойлик Н. А. Опросник «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности»: технология разработки и психометрические характеристики // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 7. С. 141–166. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-7-141-166
20. Самойлик Н. А. Специфика формирования профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России в учебной деятельности // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3. С. 184–190.
21. Пименова Е. В. Динамика ценностных ориентаций студентов-психологов в процессе профессионального обучения // Вестник университета. 2012. № 13-1. С. 300–303.
22. Климов Е. А. Психология профессионала: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. 400 с.
23. Головей Л. А. Кризисы развития субъекта деятельности на начальных этапах профессионализации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 4. С. 47–54.
24. Манукян В. Р. Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 109–117.
25. Симакова Т. А., Аксенов А. А., Самофалова О. В., Аксенова Г. И., Исмагилова Ю. С. Психология профессионального развития сотрудника уголовно-исполнительной системы на этапе вузовской подготовки. Рязань: Академия ФСИН России, 2011. 246 с.
26. Полякова Я. Н. Профессионально-важные качества сотрудника УИС в экспертных оценках и представлениях сотрудников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 275–278.
27. Купцов И. И., Карпова Г. С. Модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 20–30.
28. Поздняков В. М. Проблема повышения профессионализма и психологической культуры будущих специалистов УИС России // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: мат-лы Междунар. науч.-практ. межведомственной конференции / под общ. ред. А. А. Вотинова. (Самара, 16–17 июня 2016 г.) Самара, 2016. С. 479–482.

Substantive and Dynamic Characteristics of Professional Value Orientations in Cadets of the Educational Organizations of the Federal Penal Service of Russia

Natalia A. Samojlik^{a, @}

^a Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, 49, Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654066

[@] nat-samojlik@yandex.ru

Received 24.06.2019. Accepted 23.07.2019.

Abstract: The paper features the structure and dynamics of professional value formation in cadets of the institution of the Federal Penitentiary Service of Russia. The study was based on the author's questionnaire "Diagnostics of professional and valuable orientations of the personality" that tests one's internalization and the content of professional value orientations. It was a longitudinal statistical psychodiagnostics of 180 future employees of various penitentiary organizations. The research demonstrated the dynamics of qualitative changes of professional value orientations. At the initial stage of vocational education, relations, specific knowledge and a need for achievement appeared to be the most important characteristics of the official professional activity. For the third-year cadets, these characteristics included personal qualities necessary for professional performance. Senior students gave preference to personal and professional qualities and skills. The results can be used in educational and social work of military institutions and counseling.

Keywords: vocational education, staff of the penal correction system, students, professional values, personal traits, empirical research

For citation: Samojlik N. A. Substantive and Dynamic Characteristics of Professional Value Orientations in Cadets of the Educational Organizations of the Federal Penal Service of Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 741–750. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-741-750>

References

1. Arendachuk I. V. Psychological risks of higher education institution's educational environment. *Izv. of Saratov Univer. (N.S.) Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, 3(1): 48–53. (In Russ.)
2. Novikov V. N. The educational environment of higher education institution as professionally and personally stimulating factor. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2012, (1): 110–120. (In Russ.)
3. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Prokonich O. A. Peculiarities of personality temporal perspective among representatives of different value types of mass consciousness. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2012, (2): 175–180. (In Russ.)
4. Itskovich M. M. Value-semantic determinants of the behavior of UIS employees. Ekaterinburg: Azhur, 2016, 116. (In Russ.)
5. Belogortsev N. N. To a problem of formation of professional and valuable orientations of cadets of the educational organizations FSIN of Russia. *Simvol nauki*, 2016, (8): 112–114. (In Russ.)
6. Votinov A. A. Formation of professional competence of the employee of penal correction system of the praktiko-focused educational environment of higher education institution of FSIN of Russia. *Penal correction system at the present stage: interaction of science and practice: Proc. Intern. Sci.-Prac. Interdepartmental Conf.*, Samara, June 16–17, 2016. Samara, 2016, 146–147. (In Russ.)
7. Zhiryakova E. A. The readiness of FPS of Russia departmental institute cadets for work with the convicted (theoretical aspect). *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2017, (1): 188–193. (In Russ.)
8. Ezhova O. N. *Psychological training of staff of penal system*. Samara: Samarskii iuridicheskii institut FSIN Rossii, 2016, 180. (In Russ.)
9. Kopylova T. V. About professional readiness of staff of penal correction system. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh*, 2007, (1): 27–29. (In Russ.)
10. Marishin S. V. *Psychology of professional activity of staff of penal correction system*. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2017, 202. (In Russ.)
11. Molchanova E. Yu. Acmeologic aspects of professional activity of staff of Department of Internal Affairs. *Obshchestvo i pravo*, 2014, (1): 244–246. (In Russ.)

12. Tikhomirova Yu. M. Structural components of psychological readiness of penal system workers for professional activity. *Nauka i biznes: puti resheniia*, 2014, (7): 35–37. (In Russ.)
13. Trofimova N. N. Social importance of a profession of the penitentiary system employee. *Sotsial'nye otnosheniia*, 2016, (3): 128–131. (In Russ.)
14. Shalaev V. A. Valuable orientations of staff of penal correction system. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovani*, 2010, (7): 263–269. (In Russ.)
15. Shnyagin A. V., Ivanov D. Ye. Value orientation of penal system staff. *Nauka i obshchestvo*, 2012, (1): 161–164. (In Russ.)
16. Shulepnikov D. V. The specifics of the professional development of the cadets of the higher educational institution of the Federal Penitentiary Service. *GROW UP: Intern. Sci.-Prac. Congress of pedagogues, psychologists and medics*. Geneva, Switzerland, November 30, 2016. Odessa: European Association of pedagogues and psychologists "Science", 2016, 55–59. (In Russ.)
17. *Social and psychological aspects of activity of staff of penal correction system*, ed. Polivaeva N. P. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2015, 183. (In Russ.)
18. Fonarev A. R. *Psychology of formation of the identity of the professional*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 2005, 240. (In Russ.)
19. Samojlik N. A. The questionnaire "Diagnostics of the personality's professional and value orientations": a technology of its development and psychometric characteristics. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2016, (7): 141–167. (In Russ.)
20. Samojlik N. A. Specifics of formation of professional and valuable orientations in cadets of the educational organizations of the Federal Penal Service of Russia of Russia in educational activities. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2017, (3): 184–190. (In Russ.)
21. Pimenova E. V. Dynamics of valuable orientations in students of psychology in the course of vocational education. *Vestnik universiteta*, 2012, (13-1): 300–303. (In Russ.)
22. Klimov E. A. *Psychology of the professional: Chosen psychological works*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo psihologo-socialnogo instituta; Voronezh: MODEK, 2003, 400. (In Russ.)
23. Golovey L. A. The crises of the subject of activity in the early stages of professionalization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psihologiya*, 2016, (4): 47–54. (In Russ.)
24. Manukyan V. R. Psychological contents and factors of emergence of crisis of professional development in students of higher education institution. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2011, (4): 109–117. (In Russ.)
25. Simakova T. A., Aksenov A. A., Samofalova O. V., Aksenova G. I., Ismagilova Y. S. Psychology of professional development of the employee of penal correction system at a stage of high school preparation. Ryazan: Akademiia FSIN Rossii, 2011, 246. (In Russ.)
26. Polyakova Ya. N. Professional and important qualities of the employee of penal correction system in expert estimates and representations of employees. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2014, (4): 275–278. (In Russ.)
27. Kuptsov I. I., Karpova G. S. Model of professional competence of staff of FSIN of Russia. *Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya*, 2013, (4): 20–30. (In Russ.)
28. Pozdnyakov V. M. Problem of increase in professionalism and psychological culture of future specialists of penal correction system of Russia. *Penal correction system at the present stage: interaction of science and practice: Proc. Intern. Sci.-Prac. Interdepartmental Conf.*, Samara, June 16–17, 2016. Samara, 2016, 479–482. (In Russ.)

Имитация и способность формировать социальный опыт на основе модели психического в дошкольном возрасте*

Яна К. Смирнова^{a, @, ID}

^a Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61

@ Yana.smirnova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5453-0144>

Поступила в редакцию 02.06.2019. Принята к печати 23.07.2019.

Аннотация: В статье обсуждается проблема базовых нарушений и дефицита модели психического как способности перевести перспективу действий другого человека в перспективу собственных действий в процессе имитации. На выборке из 124 детей дошкольного возраста произведено сравнение развития модели психического и имитации в трех контрастных группах: обычно развивающиеся дети, дети с задержкой психического развития и задержкой речевого развития. Найдены групповые различия имитации в соотношении к уровню модели психического на группах дошкольников с разными формами атипичного развития. Полученные данные о различной степени родства оценки развития модели психического и имитации в разных клинических группах дополняют понимание врожденных основ социального познания. Показано, что нарушения, связанные с имитацией, могут выступать в качестве объяснения когнитивных аспектов дефицита развития модели психического у детей дошкольного возраста и могут быть универсальным, основным симптомом, который нарушает раннее социальное взаимодействие и в конечном итоге приводит к каскаду социальных и коммуникационных дефицитов. Анализ результатов исследования позволяет прийти к выводу, что для продуктивного выполнения имитационных схем необходимо понимание и распознавание ментальных состояний собеседника и их организации в ментальные модели (единичные, ситуативные и внеситуативные). Можно сделать вывод, что имитация возникает вслед за возрастающей способностью ребёнка интегрировать информацию о себе, другом человеке и об объединении своих намерений и намерений другого человека по отношению к внешнему объекту (триадические отношения).

Ключевые слова: подражание, совместное внимание, ориентировочная основа деятельности, атипичное развитие, аутизм, задержка психического развития, задержка речевого развития

Для цитирования: Смирнова Я. К. Имитация и способность формировать социальный опыт на основе модели психического в дошкольном возрасте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 751–762. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-751-762>

Введение

Подражание представляет собой форму ориентировки ребенка в разных аспектах окружающей действительности, необходимую для решения актуальных и специфичных для каждого возраста задач развития. Многообразие подходов к анализу эмпирических данных и пониманию роли имитации в психическом развитии ребенка обусловлено многообразием содержания подражания и его широким диапазоном проявлений на разных стадиях онтогенеза.

Имитация, или подражание, – это сложный процесс, при котором человек наблюдает и воспроизводит поведение (действия) другого человека. Несмотря на всю сложность

определения имитации, канонический случай подражания включает три условия: 1) наблюдатель производит поведение / действие, подобное модели; 2) восприятие акта действия вызывает у наблюдателя ответ; 3) оценка эквивалентности между актом, воспроизведённым самим наблюдателем и другим человеком, играет роль в генерации ответа [1]. Имитация является базовым навыком общения, который у типично развивающихся детей появляется на ранних этапах онтогенеза [1; 2] и играет важную роль в социальном функционировании [3], развитии когнитивных навыков [4], таких как речь, игра и совместное внимание [5].

* Исследование выполнено при поддержке гранта президента МК-3052.2018.6 «Становление механизмов произвольной регуляции ориентировочной части совместной деятельности на ранних этапах онтогенеза».

Существуют трудности фиксации имитации, но канонический случай подражания, по крайней мере самый интересный случай для теории, происходит, когда встречаются три условия: 1) наблюдатель производит поведение, подобное модели; 2) акт восприятия вызывает ответ наблюдателя; 3) эквивалентность между актами о себе и других играет на роль в генерации в ответ.

Имитация выступает одним из основных путей культурного развития ребенка, и высшие формы подражания проделывают такой же путь культурного развития, как и все остальные психические функции [6]. Имитация последовательно изменяется и развивается в процессе онтогенеза: усложняются образцы для подражания, увеличиваются точность, быстрота воспроизведения, возрастает частота подражательных актов. Развитие имитации проходит стадии копирующего, воображаемого и размышляющего подражания [7]. Подражание другому человеку можно рассматривать как способ познания этого другого, а также в качестве помощи сформировать ребёнку представление о самом себе, своих возможностях. В процессе подражания вырабатывается произвольная регуляция поведения [7].

При типичном онтогенезе ребёнок обучается по средствам имитации, повторяя за окружающими определенные модели поведения, движения, мимику, а затем звуки и слова. Именно благодаря имитации обычно развивающиеся дети приобретают навыки социального общения [2]. В связи с этим имитация выполняет две различные функции: функцию обучения, благодаря которой дети приобретают широкий спектр новых навыков и знаний, а также социальную (или коммуникативную) функцию, через которую дети участвуют в социальном и эмоциональном обмене с другими людьми [1; 4; 8; 9]. Социальная функция включает в себя механизмы восприятия действий самого человека в сочетании с восприятием действий с партнёром по общению, что требует развития навыков установления эпизодов совместного внимания для триадического взаимодействия [10; 11].

Наблюдается относительный взрыв подражательного поведения в течение первых двух лет жизни ребёнка, который происходит не только в вокальном поведении – предположительно критическом пути для изучения языка и речи – но также в жестах и действиях над объектами [12; 13]. Более того, как в поперечных, так и в продольных исследованиях были получены убедительные доказательства того, что имитация развивается постепенно: от имитации простых, легко наблюдаемых действий над объектами до имитации сложных, невидимых и относительно бессмысленных жестов [3; 4; 12; 14; 15]. У типично развивающихся детей раннее взаимодействие через взаимные игры с другими (характеризующиеся взаимным подражанием вокализации и выражению лица других) развивается имитация, через которую

младенцы сообщают социальный интерес к своему партнеру [4; 10], развивают чувство общего аффективного опыта [2], развивают речь [16; 17]. Взаимная имитация служит функции выражения заинтересованности и взаимодействия между ребенком и попечителем [18], и это стратегия, с помощью которой ребенок учится обычным действиям [4], аффективным жестам, проявлению эмоций [2; 19]. Взаимные подражательные игры предоставляют ребёнку особую информацию о том, как он похож на другого человека и как другой *похож на меня* – открытие структурной конгруэнтности форм поведения [1]. Младенцы предпочитают людей, которые действуют точно так же, как действуют они (структурное соответствие): в исследованиях младенцы направляли больше визуального внимания и больше улыбались человеку, который имитировал их [1].

Взаимная имитация играет ключевую роль в ранних взаимодействиях со сверстниками. Производство одного и того же акта над одним и тем же объектом инициирует взаимодействия между детьми и часто приводит к усилению социального взаимодействия [20; 21] и является преобладающим способом довербального общения между детьми [22]. Эти имитационные обмены способствуют продолжению социального взаимодействия, распространяя общее понимание текущей деятельности [20], и играют роль в приобретении более сложных игровых навыков [16; 23].

Подражание свидетельствует об активной, избирательной позиции ребенка; оно сопровождается «подлаживанием», подбором действий, соответствующих образцу. Действия, которые имитируются ребенком, как правило, обладают качествами сложности, новизны, «интересности» [7]. Подчеркивается, что подражание – это не просто механически переносимое от одного к другому, а связанное с известным пониманием ситуации. Сам процесс подражания предполагает известное понимание значения действия другого.

Подражание – сложный процесс, требующий предварительного понимания действий другого человека и возможный только в той мере и тех формах, в каких оно сопровождается пониманием действий другого человека [6]. Возможность понимать психическое других людей и прогнозировать их поведение напрямую связана с феноменом модели психического (*the theory of mind*). Именно с помощью модели психического человек способен сделать вывод о ментальных состояниях (мнениях, желаниях, интенциях, представлениях, эмоциях и т. п.), которые являются причиной действий другого человека. Показано, что люди с дефицитом модели психического могут воспринимать информацию, относящуюся к поведению людей (направление взгляда, движения тела, мимику), что в дальнейшем не позволит им интерпретировать и понимать смысл этой информации [24].

В связи с этим для нашего исследования важным тезисом является то, что нарушения, связанные с имитацией, могут выступать в качестве объяснения когнитивных аспектов низкого уровня модели психического у детей дошкольного возраста [25–29].

Нарушения имитации связаны с нарушением базовой способности соотносить действия других с собственным подражательным действием. Чтобы правильно понять, что знает другой человек, нужно «скопировать» это знание в свое сознание, создавая вторичную репрезентацию первичной картины мира другого. При имитации нужно «перевернуть» план действия в перспективе другого в свою перспективу [30; 31]. Например, одна из основных гипотез, объясняющих аутизм на когнитивном уровне, исходит из отсутствия или нарушения у аутистов модели психического. Например, дефицит имитации у детей с диагнозом «аутизм» считался результатом отсутствия символической репрезентации, а позднее было обнаружено, что это первое проявление расстройства в картировании *я-другой*, создающее каскадный эффект в последующих социальных навыках [32]. В любой момент развития теория ребенка позволяет ему или ей интерпретировать необработанную информацию и предсказывать новые события.

За последнее десятилетие разработан тезис о том, что подражание связано с восприятием других как *таких, как я* и пониманием чужих умов (*theory of mind*) [1]. В данном случае имитация обеспечивается врожденными механизмами и одновременно основана на индивидуальном опыте. Когда младенцы видят, что другие ведут себя аналогично тому, как они действовали в прошлом, они проецируют на других психическое состояние, которое регулярно сопровождает это поведение. Этого не могло бы произойти, если бы дети не видели эквивалентности между их действиями и действиями других, и не продвигалось бы слишком далеко, если бы не было никакой связи между их собственными внутренними состояниями и телесными действиями. Дети наполняют поступки других смыслом не через процесс пошаговых формальных рассуждений, а потому, что другого воспринимают как *таких как я*. Для них существует относительно тесная связь между основными психическими состояниями и их выражением в телесных действиях.

При этом было показано, что несколько разных видов проблем репрезентации, уровня символического представления можно рассматривать в качестве источника подражательного дефицита, имитационных трудностей, включая проблемы с символическим характером взаимодействия между собой и другим партнёром по общению: дефицит навыков совместного внимания и уровня модели психического, важных для установления триадических отношений [33–38].

Существует дискуссия о различиях между задержкой имитационного развития и дефицитом подражательной способности при аутизме. Установлено, что у детей с аутизмом имитация не просто значительно нарушена [33], но и ранние разрывы в процессе имитации могут быть частично ответственны за формирование раннего поведенческого фенотипа аутизма [15; 32].

Предшествующие исследования продемонстрировали дефицит имитации у детей с аутизмом в возрасте до 24 месяцев [15; 32; 39; 40]. Другие исследования с использованием прямого поведенческого наблюдения также выявили очевидный дефицит имитации в период от 12 до 30 месяцев [41–44].

Выявлено, что имитационные способности детей с аутизмом влияют на другие области развития [2; 8]: их способность имитировать жесты и движения тела предсказывает речевое развитие, способность имитировать действия с объектами связана с развитием игровых навыков, трудности с подражанием действиям других детей влияют на игру со сверстниками, им нужно развить некоторые имитационные навыки, прежде чем они смогут приобрести совместное внимание (способность делиться фокусом с другим человеком на объекте).

Важным фактом является то, что ранний дефицит имитации характерен не только для детей с аутизмом, а может быть универсальным, основным симптомом, который нарушает раннее социальное взаимодействие и в конечном итоге приводит к каскаду социальных и коммуникационных дефицитов и при других формах атипичного развития [5; 33].

Отметим, что существуют исследования навыков имитации и на других клинических группах. Выявлены необычные модели имитационного поведения при аутизме по отношению к группам с задержкой развития [36; 45–47].

Признаки трудностей подражания разделяются на два основных фактора: недостаточность подражания (дефицит подражания выражениям лица, жестам, эмоциям, вокализациям); нетипичное подражание (эхолалия, эхопраксия, отсутствие изменчивости в подражании) [48].

Срыв в раннем возрасте использования имитации может оказать существенное влияние на развитие других навыков [1; 5]. Учитывая взаимосвязь между имитацией и долгосрочными достижениями в развитии, было выявлено, что имитация играет центральную роль в моторном развитии [1; 5]; скоординированном совместном внимании [8; 15]; социальных навыках [2; 3; 27; 35; 36], социальной инициации [49], общих социальных способностях [10; 16; 50–52]; развитии способности к эмоциональному отклику, обмену эмоциями [5]; выразительных языковых навыках [8; 35; 41], речи [15; 36; 51], словесной имитации [11; 51–53]; различиях в сенсорном, зрительном восприятии, недостатками в построении визуальной перспективы,

зрительной дисфункции [3; 32; 45; 54–60]; символическом мышлении [3; 5]; игровом поведении [11; 15; 61], произвольных действиях с игровым материалом [41], дефиците в спонтанной игре, играх «понарошку» [16; 35; 36], взаимной имитации с игрушками [20]; интеллектуальном развитии, низких показателях IQ [5; 15; 33], невербальном умственном возрасте [3; 35; 40; 45].

Однако на современном этапе остаётся малоизученным вопрос анализа групповых различий имитации при разных формах атипичного развития. Проблема, которую необходимо рассмотреть при изучении имитации, это специфичность раннего имитационного дефицита не только при аутизме, что было сделано в предшествующих исследованиях [15], но и других формах атипичного развития. Ранее не было включено ни одной группы сравнения для оценки того, отличается ли наблюдаемая специфика в развитии в навыках подражания в других группах [15].

Существует мало эмпирических подтверждений о различной степени родства между областями подражания в разных клинических группах [15; 35; 36; 39]. Исследования показали значительные различия в имитации между пациентами с аутизмом и с задержкой развития [35], появляются данные о социальных навыках детей с синдромом Дауна и их контрасте с детьми с аутизмом [1]. Специфичность имитационного дефицита при аутизме должна решаться путем включения не только нормативно развивающихся детей как выборки контраста, но и детей с задержками развития как способ определить, связан ли наблюдаемый имитационный дефицит просто с некоторой неспецифической задержкой. На наш взгляд, важно уточнить, действительно ли дефицит ранней имитации и его траектории значительно отличается от других расстройств раннего детства.

Основываясь на данных о связи имитации и развития речи, а также на необходимости порогового уровня интеллекта для установления триадических отношений в эпизодах совместного внимания, в настоящем исследовании рассматривается специфичность дефицита ранней имитации за счет измерения предполагаемого развития подражания у 3 групп детей: дошкольников с нормативным возрастным развитием, задержкой психического развития и задержкой речевого развития. Использование групп сравнения обеспечивает более строгую проверку специфичности дефицита имитации, и наличие степени задержки развития.

Цель: проанализировать групповые различия и сравнить имитационные способности типично развивающихся детей, детей с задержкой психического развития и детей с задержкой речевого развития; выявить степень, в которой изменения в уровне модели психического связаны с изменениями в имитации и отличались ли такие отношения в группах детей с нормативным и атипичным возрастным развитием.

Методы и материалы

Выборка исследования. Эмпирическая выборка исследования: 124 ребёнка дошкольного возраста от 4 до 7 лет (средний возраст 5,6 лет). Из них:

- 83 ребёнка с нормативным возрастным развитием;
- 29 детей с нарушением речи класса R47 по МКБ-10;
- 12 детей с нарушением развития, характерным для разных форм задержки психического развития, в том числе смешанных F80-F89, по МКБ-10 диагноз задержки психического развития. При постановке диагноза психиатром оценивался уровень интеллектуального развития (психометрический интеллект) при помощи теста интеллекта Векслера для дошкольного и младшего школьного возраста (*WPPSI – Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence*, для детей от 3 лет до 7 лет 3 месяцев). Дети с нормативным возрастным развитием имели средний уровень развития интеллекта (>100), группа задержки психического развития – ниже среднего (<85).

Методики

Для оценки уровня понимания намерений, желаний, интентов других по поведенческим проявлениям (взгляд, жесты и др.) были применены классические задачи на модель психического:

- «Тест на ошибочное мнение» «Салли-Энн» (Н. Wimmer, J. Perner, 1983);
- задача на исследование возможности использования направления взора как показателя желания другого человека «Что хочет Чарли?» (S. Baron Cohen, P. Cross, 1992);
- задача на понимание принципа «видеть значит знать»: «Какая девочка знает, что лежит в коробке?» (S. Baron Cohen, 1989);
- задача на понимание намерений с опорой на внешние признаки (A. Meltzoff, 2002).

На основании совокупности методик был определён уровень понимания ментального мира дошкольниками (оценки развития модели психического): возможность учитывать то, что знает другой; возможность определять намерения по поведенческим признакам; возможность понимать ложные убеждения; понимание связи между действиями других людей.

Изучение способности к имитации происходило с применением нейропсихологических проб. Диагностика способности к имитации как отражение трудности в формулировании и выполнении намеренного двигательного плана имитации была произведена пробами Хэда, выполняемыми по зрительному образцу. Оценка способности имитации поз (конкретно пространственного праксиса)

осуществлялась в 8 сериях проб. Данные пробы требуют обработки полимодальной (зрительно-пространственной) информации, понимания, запоминания инструкции, формирования программы выполнения, восприятия и анализа позы диангста, ее «переработки» во внутреннем плане (с учетом необходимости противопоставления координатного построения своего движения образцу, заданному в зрительном поле) и воспроизведения с опорой на представления о «схеме» собственного тела. При выполнении проб ребёнку необходимо было копировать позы экспериментатора (скопировать позу из двух элементов, воспроизводить перекрестные позы). Ответы в каждой из 8 проб оценивались по шкале, если ребенок произвел точное копирование, записывалось «1», и был записан «0», если ребенок не смог подражать. Использовался суммарный показатель проб. При выполнении этих заданий оценивается продуктивность воспроизведения и ошибки, свидетельствующие о пространственных трудностях: смешение правой и левой сторон, неправильное положение руки в пространстве.

Обработка данных проводилась с применением программы статистической обработки информации SPSS V.23.0. Для нахождения различий между группами использовался дисперсионный анализ (ANOVA).

Результаты

На первом этапе при помощи дисперсионного анализа выявлены значимые различия в числе правильных повторений поз в пробе Хэда между типично развивающимися детьми, детьми с задержкой психического развития и детьми с задержкой речевого развития (Критерий Ливня $\geq 0,05$, $F=13,650$, $p=0,001$, $\eta^2=0,372$, $R^2=0,997$) (рис. 1).

И при задержке психического, и при задержке речевого развития наблюдается снижение частоты правильности выполнения проб. Если при нормативном возрастном развитии в среднем выполняется 8 проб из 8, то в группе задержки психического развития среднее правильных проб $4,1 \pm 3,6$, в группе задержке речевого развития среднее правильно выполненных проб $4,7 \pm 1,7$. Были выделены следующие качественные ошибки: изменение пространственной организации движений; временное развертывание движений; замена адекватных движений моторными стереотипами; отмечается дезавтоматизация, утрата плавности, некоторая замедленность; снижение точности движений на фоне трудностей включения в деятельность; ошибки типа «зеркального» воспроизведения позы-образца; затруднение выполнения пространственных перешифровок в виде поиска нужной позы; нарушение порядка элементов. Степень выраженности ошибок в двух группах была неодинаковой. При этом

важно отметить, что ошибки свидетельствуют как о наличии недостаточности, дефиците подражания, так и нетипичном подражании, и в группе детей с задержкой психического развития, и в группе с задержкой речевого развития.

У детей с задержкой психического развития отмечены качественные ошибки, которые указывают на трудности произвольной регуляции воспроизведения ритма по образцу: пропуски; импульсивные ответы (ребенок не дослушал, но начал стучать); импульсивное, часто зеркальное, как «эхо», выполнение; отсутствие стремления к коррекции ошибок; темп воспроизведения.

При этом был обнаружен эффект взаимодействия между выполнением проб и уровнем модели психического во всех трёх группах ($F=2,827$, $p=0,05$, $\eta^2=0,046$, $R^2=0,301$) (рис. 2).

Во всех 3 группах дошкольники, которые правильнее выполняют пробы на способность к имитации, имеют более высокий уровень модели психического, чем дошкольники, ошибочно выполняющие пробы. При этом самый низкий уровень модели психического и способности к имитации наблюдается в группе детей с задержкой речевого развития.

Различия детей с нормативным возрастным развитием и задержкой психического развития можно рассматривать как одновременный сочетанный вклад факторов интеллектуального развития и имитационных способностей в формировании модели психического.

Заключение

Внешне наблюдаемые компоненты поведения играют лишь малую роль в процессе социальных взаимодействий между людьми и в процессе имитации. Человеку необходимо интерпретировать психические состояния другого человека для осуществления понимания схем имитации.

Обнаруженные эффекты межгрупповых различий подтверждают специфичность картины данного сочетанного дефицита имитации и модели психического у разных групп атипичного развития. Можно предположить, что при разных формах атипичного развития имитация имеет своеобразие формирования и, как следствие, обнаруживаются изменения в способности накапливать опыт социального взаимодействия для формирования модели психического.

Сравнение способности подражать позам и слуховым схемам у детей с атипичными формами развития (задержкой речевого развития, задержкой психического развития) показывают различия в степени выраженности нарушения. У детей в группе нормативного возрастного развития ожидаемо были лучшие результаты в тестировании имитации последовательных двигательных схем, а также более заметных предложений в звуковом производстве. Эти различия включают в себя снижение частоты попыток имитации при не удавшейся схеме действий, снижение

точности имитационных характеристик. Наблюдается недостаточность подражания и нетипичное подражание.

При этом развитость имитационного поведения ребенка изменяется в зависимости от развития когнитивных, моторных и коммуникативных способностей ребенка.

Внутригрупповые различия в уровне модели психического детей с разной успешностью выполнения проб на имитацию наблюдаются во всех трёх контрастных группах, что можно интерпретировать как подтверждение гипотезы, что именно механизм имитации позволяет более успешно накапливать социальный опыт даже при атипичном развитии.

Анализ межгрупповых и внутригрупповых различий детей с нормативным и атипичным развитием позволяет прийти к выводу, что диапазон действий, доступных к подражанию, совпадает с кругом собственных возможностей развития ребёнка, не только обусловленных спецификой нозологической группы, но и первично психологическими сочетанными трудностями ментализации в эпизодах совместного внимания и успешности выполнения имитации. Данный факт может в дальнейшем объяснить специфику траектории социально-когнитивного развития.

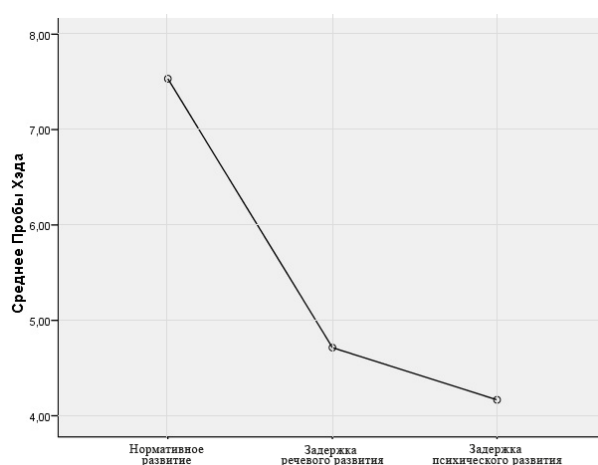

Рис. 1. Различия между группами дошкольников в выполнении проб на подражание жестам

Fig. 1. Differences between groups of preschoolers according to gesture imitation tests

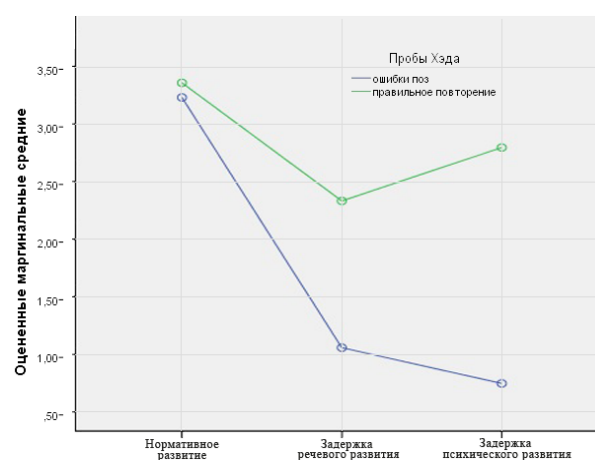

Рис. 2. Эффект взаимодействия различий в модели психического между группами дошкольников

Fig. 2. Effect of the interaction of differences in mental models between groups of preschoolers

Литература

1. Meltzoff A. N., Gopnik A. The role of imitation in understanding persons and developing a theory of mind // Baron-Cohen S., Tager-Flusberg H. Understanding other minds: Perspectives from autism. N. Y.: Oxford University Press, 1993. P. 335–366.
2. Ingersoll B., Gergans S. The effect of a parent-implemented naturalistic imitation intervention on spontaneous imitation skills in young children with autism // Research in Developmental Disabilities. 2007. № 28. P. 163–175.
3. Ingersoll B. Pilot randomized controlled trial of Reciprocal Imitation Training for teaching elicited and spontaneous imitation to children with autism // Autism Dev Disord. 2010. № 40. P. 1154–1160. DOI: 10.1007/s10803-010-0966-2
4. Uzgiris I. Imitation as activity: Its developmental aspects // Nadel J., Butterworth G. Imitation and Autism. Imitation in infancy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. P. 186–206.
5. Rogers S., Pennington B. A theoretical approach to the deficits in infantile autism // Developmental Psychology. 1991. № 3. P. 137–162.
6. Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.
7. Обухова Л. Ф., Шаповаленко И. В. Формы и функции подражания в детском возрасте. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 112 с.
8. Ingersoll B., Dvortcsak A., Whalen C., Sikora D. The effect of a developmental, social pragmatic language intervention on expressive language skills in young children with autism spectrum disorders // Focus on Autism and Other Developmental Disabilities. 2005. № 20. P. 213–222.
9. Nadel J. Perception-action coupling and imitation in autism spectrum disorder // Developmental Medicine, Child Neurology. 2015. № 57. P. 55–58.
10. Nadel J., Guerini C., Peze A., Rivet C. The evolving nature of imitation as a format for communication // Nadel J., Butterworth G. Imitation in infancy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. P. 209–233.

11. Nadel J. Does imitation matter to children with autism? // Rogers S. J., Williams J. H. G. Imitation and the Social Mind: Autism and typical development. N. Y.: The Guilford Press, 2006. P. 118–137.
12. Jones S. Imitation in infancy: the development of imitation // Psychological Science. 2007. № 18. P. 593–599.
13. Killen M., Uzgiris I. C. Imitation of actions with objects: The role of social meaning // Journal of Genetic Psychology. 1981. № 138. P. 219–229.
14. Elsner B. Infants' imitation of goal-directed actions: The role of movements and action effects // Acta Psychologica. 2007. № 124. P. 44–59.
15. Young G. S., Rogers S. J., Hutman T., Rozga A., Sigman M., Ozonoff S. Imitation from 12 to 24 months in autism and typical development: a longitudinal Rasch analysis // Developmental Psychology. 2011. № 47. P. 1565–1578. DOI: 10.1037/a0025418
16. Ingersoll B. Teaching imitation to children with autism: A focus on social reciprocity // The Journal of Speech and Language Pathology – Applied Behavior Analysis. 2007. № 2. P. 269–277.
17. Trevarthen C., Kokkinaki T., Fiamenghi G. What infants' imitations communicate: With mothers, with fathers and with peers // Nadel J., Butterworth G. Imitation in infancy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. P. 127–185.
18. Waxler C., Yarrow M. An observational study of maternal models // Developmental Psychology. 1975. № 11. P. 485–494.
19. Kuczynski L., Zahn-Waxler C., Radke-Yarrow M. Development and content of imitation in the second and third years of life: A socialization perspective // Developmental Psychology. 1987. № 23. P. 276–282.
20. Eckerman C. O. Toddlers' achievement of coordinated action with conspecifics: A dynamic systems perspective // Smith L. B., Thelen E. A dynamic systems approach to development: Applications. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993. P. 333–357.
21. Grusec J., Abramovitch R. Imitation of peers and adults in a natural setting: A functional analysis // Child Development. 1982. № 53. P. 636–642.
22. Baudonniere P. Evolution in mode of social exchange in 2, 3, and 4 year old peers // European Bulletin of Cognitive Psychology. 1988. № 8. P. 241–263.
23. Morrison H., Kuhn D. Cognitive aspects of preschoolers' peer imitation in a play situation // Child Development. 1983. № 54. P. 1041–1053.
24. Baron Cohen S., Campbell R., Karmiloff Smith A., Grant J., Walker J. Are children with autism blind to the mentalistic significance of the eyes? // British Journal of Developmental Psychology. 1995. № 13. P. 379–398. DOI: 10.1111/j.2044-835X.1995.tb00687.x
25. Kasari C., Sigman M., Mundy P., Yirmiya N. Affective sharing in the context of joint attention interactions of normal, autistic, and mentally retarded children // Journal of Autism and Developmental Disorders. 1990. № 20. P. 87–100.
26. Mundy P., Sigman M., Ungerer J., Sherman T. Nonverbal communication and play correlates of language development in autistic children // Journal of Autism and Developmental Disorders. 1987. № 17. P. 349–364.
27. Sigman M., Ungerer J. Cognitive and language skills in autistic, mentally retarded and normal children // Developmental Psychology. 1984. № 20. P. 293–302.
28. Yirmiya N., Kasari C., Sigman M., Mundy P. Facial expressions of affect in autistic, mentally retarded and normal children // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1989. № 30. P. 725–735.
29. Rogers S. J., Williams J. H. G. Imitation in Autism Findings and Controversies // Rogers S. J., Williams J. H. G. Imitation and the Social Mind: Autism and Typical Development. N. Y.: Guilford press, 2006. P. 277–309.
30. Bellini S., Akullian J. A meta-analysis of video modeling and video self-modeling interventions for children and adolescents with autism spectrum disorders // Exceptional children. 2007. Vol. 73. № 3. P. 264–287.
31. Новгородцева А. П., Яковлева Н. В. Видео моделирование от первого лица как способ обучения имитации детей с аутизмом // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 167–176.
32. Bololoi D., Rizeanu S. Teaching gross motor imitation skills to children diagnosed with autism. Romanian // Journal of Psychological Studies. 2017. № 5. P. 17–23.
33. Williams J. H. G., Whiten A., Singh T. A systematic review of action imitation in autistic spectrum disorder // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2004. № 34. P. 285–299.
34. Rogers S. J., Bennetto L., McEvoy R., Pennington B. F. Imitation and Pantomime in High Functioning Adolescents with Autism Spectrum Disorders // Child Development. 1996. № 67. P. 2060–2073. DOI: 10.1111/j.1467-8624.1996.tb01843.x
35. Stone W. L., Yoder P. J. Predicting spoken language level in children with autism spectrum disorders // Autism. 2001. № 5. P. 341–361.

36. Rogers S. J., Hepburn S. L., Stackhouse T. Imitation performance in toddlers with autism and those with other developmental disorders // *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*. 2003. № 44. P. 763–781.
37. Henschell T. Over-Imitation in Four-to-Six-Year-Old Children with Autism and Typically Developing // *Rehabilitation, human resources and communication disorders undergraduate honors theses*. 2013. № 6. P. 2–26.
38. Simpson A., Riggs K. J. Three- and four-year-olds encode modeled actions in two ways leading to immediate imitation and delayed emulation // *Developmental Psychology*. 2011. № 47. P. 834–840. DOI: 10.1037/a0023270
39. McDuffie A., Yoder P., Stone W. Prelinguistic predictors of vocabulary in young children with autism spectrum disorders // *Journal of Speech, Language and Hearing Research*. 2005. № 48. P. 112–125.
40. Dawson G., Rogers S., Munson J., Smith M., Winter J. Randomized, controlled trial of an intervention for toddlers with autism: the Early Start Denver Model // *Pediatrics*. 2010. № 125. P. 17–23.
41. Charman T., Baron-Cohen S., Swettenham J., Baird G., Drew A., Cox A. Predicting language outcome in infants with autism and pervasive developmental disorder // *International Journal of Language and Communication Disorders*. 2003. № 38. P. 265–285.
42. Zwaigenbaum L., Bryson S., Rogers T., Roberts W., Brian J., Szatmari P. Behavioral manifestations of autism in the first year of life // *International Journal of Developmental Neuroscience*. 2005. № 23. P. 143–152.
43. Robins D. L., Fein D., Barton M. L., Green J. A. The modified checklist for autism in toddlers: An initial study investigating the early detection of autism and pervasive developmental disorders // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2001. № 31. P. 131–144.
44. Watson L. R., Barenak G. T., Crais E. R., Reznick J. S., Dykstra J., Perryman T. The first year inventory: Retrospective parent responses to a questionnaire designed to identify one-year olds at risk for autism // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2007. № 37. P. 49–61.
45. Smith I. M., Bryson S. E. Gesture imitation in autism I: Nonsymbolic postures and sequences // *Cognitive Neuropsychology*. 1998. № 15. P. 747–770.
46. Avikainen S., Wohlschlager A., Hari R. Impaired mirror-image imitation in Asperger and high-functioning autistic subjects // *Current Biology*. 2003. № 13. P. 339–341.
47. Meyer J., Hobson R. P. Orientation in relation to self and other; the case of autism // *Interaction Studies*. 2004. № 5. P. 221–244.
48. Nikopoulos C. K., Keenan M. Promoting social initiation in children with autism using video modeling // *Behavioral Interventions*. 2003. № 18. P. 87–108.
49. Smith V., Mirenda P., Zaidman-Zait A. Predictors of expressive vocabulary growth in children with Autism // *Speech Lang Hear Res*. 2007. № 50. P. 14960.
50. Escalona A., Field T., Nadel J., Lundy B. Brief report: imitation effects on children with autism // *Autism Dev Disord*. 2002. № 32. P. 141–144.
51. Field T., Field T., Sanders C., Nadel J. Children with autism display more social behaviors after repeated imitation sessions // *Autism*. 2001. № 5. P. 317–323.
52. Heimann M., Laberg K. E., Nordoen B. Imitative interaction increases social interest and elicited imitation in non-verbal children with autism // *Infant and Child Development*. 2006. № 15. P. 297–309.
53. Yeu Yu, Yanjie Su, Chan R. The Relationship between Visual Perspective Taking and Imitation Impairments in Children with Autism // *Autism*. Book 3. Mohammad-Reza: Mohammadi, 2011. P. 369–384.
54. Milne E., Griffiths H. J. Visual Perception and Visual Dysfunction in Autism Spectrum Disorder: A Literature Review // *Irish Orthopt*. 2007. № 4. P. 15–20.
55. Provost B., Heirnerl S., Lopez B. R. Levels of Gross and Fine Motor Development in Young Children with Autism Spectrum Disorder // *Physical, Occupational Therapy in Pediatrics*. 2007. № 27. P. 21–36.
56. Volker M. A., Lopata C., Vujnovic K., Smerbeck A. M., Toomey J. A., Rodgers J. D. Comparison of the Bender Gestalt-II and VMI-V in samples of typical children and children with high-functioning autism spectrum disorders // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2010. № 28. P. 187–200. DOI: 10.1177/0734282909348216
57. Novales B. D. Visual-motor abilities in individuals with Asperger syndrome. Texas: ProQuest Dissertations Publishing, 2006. 70 p.
58. Ming X., Brimacombe M., Wagner G. C. Prevalence of motor impairment in autism spectrum disorders // *Brain and Development*. 2007. № 29. P. 565–570.

59. Field T., Nadel J., Ezell S. Imitation Therapy for Young Children with Autism // *Autism Spectrum Disorders – From Genes to Environment*. 2011. DOI: 10.5772/20731
60. Jarrold C., Brock J. To match or not to match? Methodological issues in autism-related research // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2004. № 34. P. 81–86.
61. Kleeberger V., Pat M. Teaching generalized imitation skills to a preschooler with autism using video modelling // *Journal of positive behaviour interventions*. 2008. Vol. 2. P. 116–127.
62. Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: ИП РАН, 2009. 415 с.
63. Балашова Е. Ю. Пространственная организация произвольных движений при нормальном и патологическом старении // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 41. С. 1.

Imitation and Ability to Form Social Experience Based on a Mental Model in Preschoolers*

Yana K. Smirnova^{a, @, ID}

^a Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049

@ Yana.smirnova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5453-0144>

Received 02.06.2019. Accepted 23.07.2019.

Abstract: The article features basic violations and absence of “mental model” as an ability to identify with another person’s actions in the process of imitation. 124 preschoolers were studied to compare the development of mental model and imitation. They were divided into three contrasting groups: normally developing children, children with special needs, and children with delayed speech development. The study revealed imitation differences in relation to the level of the mental model. The obtained data complement the understanding of the innate foundations of social cognition. Violations associated with imitation can explain the cognitive aspects of the mental development deficit in preschool children. They can be a universal symptom that disrupts early social interaction and ultimately leads to various social and communication deficits. For a productive implementation of simulation schemes, it is necessary to understand and recognize the mental states of the interlocutor and their organization into mental models (single, situational, or extra-narrative). Imitation arises when the children are able to integrate information about themselves and about others and can combine their own intentions and the intentions of others in relation to an external object (triadic relations).

Keywords: imitation, joint attention, tentative basis of activity, atypical development, autism, mental retardation, delayed speech development

For citation: Smirnova Ya. K. Imitation and Ability to Form Social Experience Based on a Mental Model in Preschoolers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 751–762. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-751-762>

References

1. Meltzoff A. N., Gopnik A. The role of imitation in understanding persons and developing a theory of mind. Baron-Cohen S., Tager-Flusberg H. *Understanding other minds: Perspectives from autism*. N. Y.: Oxford University Press, 1993, 335–366.
2. Ingersoll B., Gergans S. The effect of a parent-implemented naturalistic imitation intervention on spontaneous imitation skills in young children with autism. *Research in Developmental Disabilities*, 2007, (28): 163–175.
3. Ingersoll B. Pilot randomized controlled trial of Reciprocal Imitation Training for teaching elicited and spontaneous imitation to children with autism. *Autism Dev Disord*, 2010, (40): 1154–1160. DOI: 10.1007/s10803-010-0966-2

* The study was carried out with the support of the grant of the President MK-3052.2018.6 «The formation of mechanisms for the arbitrary regulation of the orienting part of joint activities in the early stages of ontogenesis».

4. Uzgis I. Imitation as activity: Its developmental aspects. Nadel J., Butterworth G. *Imitation and Autism. Imitation in infancy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999, 186–206.
5. Rogers S., Pennington B. A theoretical approach to the deficits in infantile autism. *Developmental Psychology*, 1991, (3): 137–162.
6. Vygotsky L. S. *Collected Works*. Moscow: Pedagogika, 1983, vol. 3, 368. (In Russ.)
7. Obukhova L. F., Shapovalenko I. V. Forms and functions of imitation in childhood. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994, 112. (In Russ.)
8. Ingersoll B., Dvortcsak A., Whalen C., Sikora D. The effect of a developmental, social pragmatic language intervention on expressive language skills in young children with autism spectrum disorders. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*, 2005, (20): 213–222.
9. Nadel J. Perception-action coupling and imitation in autism spectrum disorder. *Developmental Medicine, Child Neurology*, 2015, (57): 55–58.
10. Nadel J., Guerini C., Peze A., Rivet C. The evolving nature of imitation as a format for communication. Nadel J., Butterworth G. *Imitation in infancy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999, 209–233.
11. Nadel J. Does imitation matter to children with autism? Rogers S. J., Williams J. H. G. *Imitation and the Social Mind: Autism and typical development*. N. Y.: The Guilford Press, 2006, 118–137.
12. Jones S. Imitation in infancy: the development of imitation. *Psychological Science*, 2007, (18): 593–599.
13. Killen M., Uzgis I. C. Imitation of actions with objects: The role of social meaning. *Journal of Genetic Psychology*, 1981, (138): 219–229.
14. Elsner B. Infants' imitation of goal-directed actions: The role of movements and action effects. *Acta Psychologica*, 2007, (124): 44–59.
15. Young G. S., Rogers S. J., Hutman T., Rozga A., Sigman M., Ozonoff S. Imitation from 12 to 24 months in autism and typical development: a longitudinal Rasch analysis. *Developmental Psychology*, 2011, (47): 1565–1578. DOI: 10.1037/a0025418
16. Ingersoll B. Teaching imitation to children with autism: A focus on social reciprocity. *The Journal of Speech and Language Pathology – Applied Behavior Analysis*, 2007, (2): 269–277.
17. Trevarthen C., Kokkinaki T., Fiamenghi G. What infants' imitations communicate: With mothers, with fathers and with peers. Nadel J., Butterworth G. *Imitation in infancy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999, 127–185.
18. Waxler C., Yarrow M. An observational study of maternal models. *Developmental Psychology*, 1975, (11): 485–494.
19. Kuczynski L., Zahn-Waxler C., Radke-Yarrow M. Development and content of imitation in the second and third years of life: A socialization perspective. *Developmental Psychology*, 1987, (23): 276–282.
20. Eckerman C. O. Toddlers' achievement of coordinated action with conspecifics: A dynamic systems perspective. Smith L. B., Thelen E. *A dynamic systems approach to development: Applications*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993, 333–357.
21. Grusec J., Abramovitch R. Imitation of peers and adults in a natural setting: A functional analysis. *Child Development*, 1982, (53): 636–642.
22. Baudonniere P. Evolution in mode of social exchange in 2, 3, and 4 year old peers. *European Bulletin of Cognitive Psychology*, 1988, (8): 241–263.
23. Morrison H., Kuhn D. Cognitive aspects of preschoolers' peer imitation in a play situation. *Child Development*, 1983, (54): 1041–1053.
24. Baron Cohen S., Campbell R., Karmiloff Smith A., Grant J., Walker J. Are children with autism blind to the mentalistic significance of the eyes? *British Journal of Developmental Psychology*, 1995, (13): 379–398. DOI: 10.1111/j.2044-835X.1995.tb00687.x
25. Kasari C., Sigman M., Mundy P., Yirmiya N. Affective sharing in the context of joint attention interactions of normal, autistic, and mentally retarded children. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 1990, (20): 87–100.
26. Mundy P., Sigman M., Ungerer J., Sherman T. Nonverbal communication and play correlates of language development in autistic children. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 1987, (17): 349–364.
27. Sigman M., Ungerer J. Cognitive and language skills in autistic, mentally retarded and normal children. *Developmental Psychology*, 1984, (20): 293–302.
28. Yirmiya N., Kasari C., Sigman M., Mundy P. Facial expressions of affect in autistic, mentally retarded and normal children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 1989, (30): 725–735.
29. Rogers S. J., Williams J. H. G. Imitation in Autism Findings and Controversies. Rogers S. J., Williams J. H. G. *Imitation and the Social Mind: Autism and Typical Development*. N. Y.: Guilford press, 2006, 277–309.

30. Bellini S., Akullian J. A meta-analysis of video modeling and video self-modeling interventions for children and adolescents with autism spectrum disorders. *Exceptional children*, 2007, 73(3): 264–287.
31. Novgorodtseva A. P., Yakovleva N. V. First person video modeling as a way to learn how to imitate children with autism. *Klinicheskaya i spetsialnaya psikhologiya*, 2018, (3): 167–176. (In Russ.)
32. Bololoi D., Rizeanu S. Teaching gross motor imitation skills to children diagnosed with autism. *Romanian Journal of Psychological Studies*, 2017, (5): 17–23.
33. Williams J. H. G., Whiten A., Singh T. A systematic review of action imitation in autistic spectrum disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2004, (34): 285–299.
34. Rogers S. J., Bennetto L., McEvoy R., Pennington B. F. Imitation and Pantomime in High Functioning Adolescents with Autism Spectrum Disorders. *Child Development*, 1996, (67): 2060–2073. DOI:10.1111/j.1467-8624.1996.tb01843.x
35. Stone W. L., Yoder P. J. Predicting spoken language level in children with autism spectrum disorders. *Autism*, 2001, (5): 341–361.
36. Rogers S. J., Hepburn S. L., Stackhouse T. Imitation performance in toddlers with autism and those with other developmental disorders. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*, 2003, (44): 763–781.
37. Henschell T. Over-Imitation in Four-to-Six-Year-Old Children with Autism and Typically Developing. *Rehabilitation, human resources and communication disorders undergraduate honors theses*, 2013, (6): 2–26.
38. Simpson A., Riggs K. J. Three- and 4-year-olds encode modeled actions in two ways leading to immediate imitation and delayed emulation. *Developmental Psychology*, 2011, (47): 834–840. DOI: 10.1037/a0023270
39. McDuffie A., Yoder P., Stone W. Prelinguistic predictors of vocabulary in young children with autism spectrum disorders. *Journal of Speech, Language and Hearing Research*, 2005, (48): 112–125.
40. Dawson G., Rogers S., Munson J., Smith M., Winter J. Randomized, controlled trial of an intervention for toddlers with autism: the Early Start Denver Model. *Pediatrics*, 2010, (125): 17–23.
41. Charman T., Baron-Cohen S., Swettenham J., Baird G., Drew A., Cox A. Predicting language outcome in infants with autism and pervasive developmental disorder. *International Journal of Language and Communication Disorders*, 2003, (38): 265–285.
42. Zwaigenbaum L., Bryson S., Rogers T., Roberts W., Brian J., Szatmari P. Behavioral manifestations of autism in the first year of life. *International Journal of Developmental Neuroscience*, 2005, (23): 143–152.
43. Robins D. L., Fein D., Barton M. L., Green J. A. The modified checklist for autism in toddlers: An initial study investigating the early detection of autism and pervasive developmental disorders. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2001, (31): 131–144.
44. Watson L. R., Barenak G. T., Crais E. R., Reznick J. S., Dykstra J., Perryman T. The first year inventory: Retrospective parent responses to a questionnaire designed to identify one-year olds at risk for autism. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2007, (37): 49–61.
45. Smith I. M., Bryson S. E. Gesture imitation in autism I: Nonsymbolic postures and sequences. *Cognitive Neuropsychology*, 1998, (15): 747–770.
46. Avikainen S., Wohlschlager A., Hari R. Impaired mirror-image imitation in Asperger and high-functioning autistic subjects. *Current Biology*, 2003, (13): 339–341.
47. Meyer J., Hobson R. P. Orientation in relation to self and other; the case of autism. *Interaction Studies*, 2004, (5): 221–244.
48. Nikopoulos C. K., Keenan M. Promoting social initiation in children with autism using video modeling. *Behavioral Interventions*, 2003, (18): 87–108.
49. Smith V., Mirenda P., Zaidman-Zait A. Predictors of expressive vocabulary growth in children with Autism. *Speech Lang Hear Res*, 2007, (50): 14960.
50. Escalona A., Field T., Nadel J., Lundy B. Brief report: imitation effects on children with autism. *Autism Dev Disord*, 2002, (32): 141–144.
51. Field T., Field T., Sanders C., Nadel J. Children with autism display more social behaviors after repeated imitation sessions. *Autism*, 2001, (5): 317–323.
52. Heimann M., Laberg K. E., Nordoen B. Imitative interaction increases social interest and elicited imitation in non-verbal children with autism. *Infant and Child Development*, 2006, (15): 297–309.
53. Yeu Yu, Yanjie Su, Chan R. The Relationship between Visual Perspective Taking and Imitation Impairments in Children with Autism. *Autism*. Book 3. Mohammad-Reza: Mohammadi, 2011, 369–384.
54. Milne E., Griffiths H. J. Visual Perception and Visual Dysfunction in Autism Spectrum Disorder: A Literature Review. *Irish Orthopt*, 2007, (4): 15–20.

55. Provost B., Heirnerl S., Lopez B. R. Levels of Gross and Fine Motor Development in Young Children with Autism Spectrum Disorder. *Physical, Occupational Therapy in Pediatrics*, 2007, (27): 21–36.
56. Volker M. A., Lopata C., Vujnovic K., Smerbeck A. M., Toomey J. A., Rodgers J. D. Comparison of the Bender Gestalt-II and VMI-V in samples of typical children and children with high-functioning autism spectrum disorders. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 2010, (28): 187–200. DOI: 10.1177/0734282909348216
57. Novales B. D. *Visual-motor abilities in individuals with Asperger syndrome*. Texas: ProQuest Dissertations Publishing, 2006, 70.
58. Ming X., Brimacombe M., Wagner G. C. Prevalence of motor impairment in autism spectrum disorders. *Brain and Development*, 2007, (29): 565–570.
59. Field T., Nadel J., Ezell S. Imitation Therapy for Young Children with Autism. *Autism Spectrum Disorders – From Genes to Environment*. 2011. DOI: 10.5772/20731.
60. Jarrold C., Brock J. To match or not to match? Methodological issues in autism-related research. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2004, (34): 81–86.
61. Kleeberger V., Pat M. Teaching generalized imitation skills to a preschooler with autism using video modelling. *Journal of positive behaviour interventions*, 2008, 2: 116–127.
62. Sergienko E. A., Lebedeva E. I., Prusakova O. A. *Mental model in human ontogenesis*. Moscow: IP RAN, 2009, 415. (In Russ.)
63. Balashova E. Yu. Spatial organization of voluntary movements during normal and pathological aging. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, (41): 1. (In Russ.)

Социальные факторы и психологические предикторы удовлетворенности образом жизни у курсантов военного вуза

Максим В. Сысолятин^{а, @}

^а Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 410023, Россия,

г. Саратов, ул. Московская, 158

[@] sysolyatinmv@mail.ru

Поступила в редакцию 10.06.2019. Принята к печати 27.08.2019.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования, цель которого – выявить взаимосвязи удовлетворенности курсантов образом жизни с различными оказывающими на нее влияние и обуславливающими её формирование социально-психологическими факторами. В исследовании принимали участие курсанты 1–5 курсов военного вуза ($N=255$, средний возраст 20,2 года, мужчины). Для выявления факторов, оказывающих влияние на удовлетворенность курсантов образом жизни, использовались авторские методики, модифицированный опросник диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана в модификации В. В. Бойко, методика изучения ценностных ориентации М. Рокича. Исследование показало зависимость факторов, определяющих удовлетворенность курсантов образом жизни, от курса обучения. На младших курсах наиболее значимыми оказались факторы, актуальные для воинского коллектива и места личности в нем; для выпускников наиболее значимыми становятся факторы, подчеркивающие их принадлежность к военному сообществу. Наиболее значимыми предикторами удовлетворенности образом жизни являются характеристики субъективной оценки своего статуса в воинском коллективе, положительной оценки профессионального выбора, условий службы и перспектив после окончания военного вуза.

Ключевые слова: социализация, ценностные ориентации, личность военнослужащего, социальная фрустрированность, детерминация

Для цитирования: Сысолятин М. В. Социальные факторы и психологические предикторы удовлетворенности образом жизни у курсантов военного вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 763–769. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-763-769>

Введение

Работы отечественных исследователей, связанные с изучением удовлетворенности жизнью, в современной психологической науке представлены сравнительно слабо. Наряду с этим в зарубежных исследованиях данная проблематика рассматривается хорошо, в частности изучаются детерминанты рассматриваемого феномена. Обобщение результатов исследований позволяет нам говорить о сложности структуры удовлетворенности жизнью. Слабая изученность данного психологического феномена в отечественной науке и полное отсутствие работ по изучению удовлетворенности образом жизни в приложении к военной сфере (где она является немаловажным фактором успешной социализации личности и формирования военной идентичности) актуализировали проведение нашего исследования.

Теоретический анализ проблемы

Изучению феномена удовлетворенности жизнью в социально-психологической науке посвящено большое количество

работ, но общепринятого определения данного явления нет. В работах и отечественных, и зарубежных психологов рассматриваемый феномен зачастую определяется «сложным социально-психологическим образованием, формирующимся в процессе деятельности, в системе реальных отношений личности к объектам окружающей действительности и складывающихся на их основе социально-психологических установок, ценностей, стратегий поведения» [1, с. 71]. Являясь важной психологической составляющей, удовлетворенность жизнью отражает оценку личностью качества жизни исходя из определенных субъектом критериев.

Значительная часть исследований удовлетворенности жизнью посвящена определению факторов, оказывающих влияние на это явление. Работы психологов позволили выявить множество факторов, оказывающих влияние на уровень жизненной удовлетворенности [2–10]. В соответствии с принятым разделением этих факторов на объективные и субъективные перечислим некоторые из них.

В качестве объективных выделяют такие факторы, как здоровье, социальные связи, возраст, семейное, социально-экономическое положение и др. В свою очередь в качестве субъективных принято рассматривать множество факторов: социальные сравнения, внутренний локус контроля, субъективную жизненную позицию, совпадение достижений и притязаний, а также особенности, характерные для конкретной личности (интроверт или экстраверт, оптимист или пессимист и т. д.). Изучение совокупного влияния перечисленных факторов на удовлетворенность личности собственной жизнью позволило на настоящем этапе накопить достаточное количество сведений об особенностях этого влияния.

Характерным выводом проведенных исследований является то, что субъективные факторы выступают в роли дополняющих для объективных. В качестве причин указываются как субъективные различия в оценке внешних переменных, так и объективные – в зависимости от ценностных ориентаций и ожиданий индивида в реакции на аналогичные внешние обстоятельства [11]. При этом внешние, объективные факторы оказывают влияние на удовлетворенность не прямо, а опосредованно, через призму субъективного восприятия, детерминированного особенностями всех характеристик личности.

Исследователи данного феномена почти единогласны во мнении о превалировании субъективных факторов над объективными во влиянии на удовлетворенность жизнью, в результате чего даже появилась формулировка *avowed happiness* – признаваемое счастье [12]. Формирование подобного мнения обусловлено распространенным положением об оценке индивидом субъективного благополучия исходя из присущих ему ценностей и целей, индивидуальность которых обуславливает отсутствие универсальной структуры благополучия.

Несмотря на вышеизложенное, было бы неверным снижать значимость объективных факторов для удовлетворенности индивида жизнью. Результаты проведенных исследований говорят о влиянии гендерной и национальной принадлежности, возраста, социально-экономического положения, хотя значимость их невысока. Молодость, богатство и высокое социальное положение не являются гарантией счастья [13–15].

Можно выделить три области жизнедеятельности, влияющие на общую удовлетворенность индивида жизнью – это общение, работа и отдых. В дальнейшем влияние на удовлетворенность жизнью индивида оказывают характеристики его образа жизни, например наличие семьи, постоянного заработка и т. д. [16]. Важным фактором, оказывающим влияние на жизненную удовлетворенность, является весь

комплекс межличностных отношений, проявляющихся в социальной поддержке, заботе и уважении.

Значимым для удовлетворенности жизнью фактором, несомненно, является материальная обеспеченность. Однако в исследованиях британского психолога Г. Рансимана установлена взаимосвязь удовлетворенности получаемым доходом от вида деятельности. Так, работники умственного труда менее довольны размером заработной платы, чем работники, занятые физическим трудом с аналогичными окладами. По мнению исследователя, это связано с тем, что вторые не склонны сравнивать себя с другими категориями работающих, а только с тем, кто занят физическим трудом [цит. по: 17].

Также существует множество исследований, в которых выявляется взаимосвязь удовлетворенности жизнью с расовой принадлежностью, возрастными показателями, состоянием здоровья, уровнем образования, формами проведения досуга, отношениями на работе и в семье, внешнею и др. Практически все работы написаны зарубежными авторами с выборкой из гражданских людей. Аналогичных исследований в отношении военнослужащих ни отечественными, ни зарубежными психологами не проводилось.

В рамках проводимого нами исследования становления личностной позиции военного в условиях военного вуза изучение удовлетворенности курсантов образом жизни как одной из важнейших составляющих личностной позиции военного очень актуально. Особенно важным является изучение динамических изменений взаимосвязи удовлетворенности жизнью курсантов с различными социальными характеристиками военной службы на каждом курсе обучения, поскольку мы полагаем, что глубина военно-профессиональной социализации оказывает влияние на выбор критериев оценки удовлетворенности курсантов жизнью.

Методы

В исследовании приняли участие 255 мужчин, средний возраст – 20,2 года, средний стаж военной службы – 3,1 года.

Для выявления изучаемых социальных характеристик военной службы нами было использовано несколько методик. Были использованы шкалы из разработанного нами опросника, позволяющие охарактеризовать отношение курсантов к выбранной профессии и основным причинам для её выбора. Каждая из шкал предполагает оценку от 1 до 5 баллов. Ряд шкал размерностью 5 единиц получен из модернизированного опросника диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана в модификации В. В. Бойко. Проверка надежности полученных шкал показала высокий уровень согласованности опросника. Альфа Кронбаха составляет от 0,9 до 0,92, общий показатель 0,92, что соответствует высокому уровню.

Также были использованы результаты анализа методики изучения ценностных ориентации М. Рокича.

Обработка полученных результатов проводилась с помощью пакета SPSS 19, были произведены корреляционный и регрессионный анализы.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим динамику взаимосвязи удовлетворенности курсантов образом жизни в целом с различными социальными характеристиками службы. Как видно из результатов корреляционного анализа (таблица 1) взаимосвязь удовлетворенности курсантов образом жизни с различными социальными характеристиками военной службы, в том числе с удовлетворенностью некоторыми сферами службы в институте, на каждом курсе имеет свои отличия. Очевидно, это связано как с характером повседневной деятельности и удовлетворенности ею, так и с логикой военной социализации.

Значимые на **первом курсе** факторы: уверенность в правильности выбора профессии, а также все без исключения показатели удовлетворенности условиями службы в военном институте. Подчеркнем, что на данном этапе военно-профессиональной социализации характеристики социальных отношений в военной сфере, военно-профессиональная деятельность являются неотъемлемой частью образа жизни.

На **втором курсе** к не утратившим свою значимость факторам добавляется показатель *обеспечение жильем*. При этом показатель отрицательный, исходя из чего можно сделать вывод, что на данном этапе формируется негативное отношение к гедонистическим ценностям как составляющим

общую удовлетворенность своим образом жизни. Далее вновь следуют критерии удовлетворенности условиями службы в военном институте, однако среди них отсутствуют удовлетворенность материальным положением и обстановкой в обществе (государстве). Возможно, это связано с тем, что второкурсники, переступив порог вхождения в новую социальную среду на первом курсе, максимально сфокусированы на тех проблемах, которые актуальны для воинского коллектива, и несколько абстрагируются от тех, которые непосредственно с этим коллективом не связаны.

Для курсантов **третьего курса** значимым фактором становится нежелание служить после окончания военного института, что, вероятно, обуславливается общей кризисностью данного этапа военной социализации и неуверенностью в желании связывать свою дальнейшую жизнь с военной службой. Остается значимой уверенность в правильности выбора профессии. Эти данные характеризуют, казалось бы, некоторое противоречие полученных результатов. Однако следует учитывать то, что у курсантов накладываются одновременно два кризиса: кризис военной социализации (П. Д. Никитенко [18], А. В. Созонник [19], А. А. Шадрин [20]) и общий кризис возрастного развития (А. А. Крылов, Е. Ф. Рыбалко [21]). Рассматривая критерии удовлетворенности условиями службы в военном институте, можно заметить, что значимыми являются все, кроме взаимоотношений с командирами, что также свидетельствует о кризисных настроениях курсантов на данном этапе военно-профессиональной социализации.

Таблица 1. Взаимосвязь удовлетворенности образом жизни в целом и социальных характеристик военной службы
Table 1. Relationship between lifestyle satisfaction and social characteristics of military service

Социальные характеристики	Курс				
	1	2	3	4	5
Нежелание служить после окончания военного института	0,275	0,217	0,334*	0,368**	0,159
Вероятность повторного поступления	0,547**	0,283*	0,229	0,387**	0,175
Уверенность в правильности выбора профессии	0,314*	0,531**	0,476**	0,440**	0,138
Определяющий фактор выбора профессии офицера:					
Высокое денежное довольствие	0,024	0,188	-0,147	-0,429**	-0,031
Обеспечение жильем	-0,022	-0,347*	0,161	-0,036	0,242
Преданность долгу и Родине	0,129	-0,221	-0,197	0,402**	0,089
Удовлетворенность выбором своей профессии	0,669**	0,461**	0,507**	0,463**	0,719**
Удовлетворенность взаимоотношениями с сослуживцами	0,478**	0,472**	0,589**	0,550**	0,707**
Удовлетворенность взаимоотношениями с командирами	0,507**	0,353*	0,129	0,301*	0,647**
Удовлетворенность условиями военной службы в целом	0,672**	0,514**	0,492**	0,424**	0,896**
Удовлетворенность своим положением в воинском коллективе	0,652**	0,528**	0,574**	0,552**	0,742**
Удовлетворенность материальным положением	0,386**	0,244	0,443**	0,593**	0,309*
Удовлетворенность обстановкой в обществе (государстве)	0,311*	0,205	0,564**	0,647**	0,402**
Удовлетворенность перспективами после окончания военного вуза	0,524**	0,426**	0,554**	0,614**	0,636**

Прим.: * – корреляции, значимые на уровне 0,05; ** – корреляции, значимые на уровне 0,01.

Четвертый курс характеризуется максимальной выраженностью показателей взаимосвязи, незначимым остается обеспечение жильем, и только на этом курсе проявляется значимость высокого денежного довольствия как определяющего фактора выбора профессии офицера. Характеристика проявляется с отрицательным значением, что свидетельствует об отсутствии у курсантов материальных интересов. Только на четвертом курсе значимой для удовлетворенности образом жизни становится такая характеристика, как преданность воинскому долгу, что говорит о формировании у курсантов к данному этапу военно-профессиональной социализации ценностей, присущих настоящему защитнику Отечества.

Особенностью **пятого курса** является отсутствие значимых факторов, оказывающих влияние на их социальное самоопределение, при этом критерии удовлетворенности условиями службы в военном институте представлены полностью, и практически все их показатели, за исключением удовлетворенности материальным положением и обстановкой в обществе (государстве), являются максимальными за весь период военно-профессиональной социализации в военном вузе. На наш взгляд, это связано с тем, что на данном этапе для курсантов-выпускников факторы, не связанные непосредственно с осознанием себя частью воинского коллектива, теряют свою важность, а на первый план выходят показатели, характеризующие

их взаимосвязь с военным сообществом и позволяющие им идентифицировать себя в качестве военнослужащих.

Проведенный регрессионный анализ с включением в регрессионное уравнение в качестве зависимой переменной удовлетворенности курсантами своей жизнью в целом, а в качестве независимых переменных – шкал опросника уровня социальной фрустрированности, терминальных и инструментальных ценностей, а также вопросов, касающихся уверенности в правильности выбора профессии, позволил выявить определенную зависимость ее вариаций (таблица 2). Наиболее сильными предикторами удовлетворенности жизнью являются характеристики субъективной оценки своего статуса в воинском коллективе, положительной оценки перспектив, профессионального выбора и условий службы. В своей совокупности они описывают около 56 % [$\Delta R^2=0,563$, $F=64,97$, $p<0,005$] общей дисперсии зависимой переменной.

На следующем шаге регрессионного анализа установлена зависимость вариаций удовлетворенности жизнью от ценностных отношений курсантов (описывающих 22 % ее общей дисперсии [$\Delta R^2=0,215$, $F=11,325$, $p<0,005$]). Зависимость выявлена по отношению к следующим ценностям: *ответственность* ($\beta=-0,280$), *воспитанность* ($\beta=-0,159$), *красота природы и искусства* ($\beta=-0,166$), *развлечения* ($\beta=-0,160$), *честность* ($\beta=-0,183$), *рационализм* ($\beta=0,155$).

Таблица 2. Социально-психологические характеристики личности как предикторы удовлетворенности жизнью курсантов

Table 2. Socio-psychological characteristics of the personality as predictors of satisfaction with the life of cadets

Предикторы	β	t	p
Социальные характеристики	$R^2=0,563$, $F=64,97$, $p<0,005$		
Удовлетворенность своим положением в воинском коллективе	0,315	5,216	0,000
Удовлетворенность перспективами после окончания военного вуза	0,202	3,453	0,001
Удовлетворенность условиями военной службы в целом	0,195	3,111	0,002
Удовлетворенность выбором своей профессии	0,158	2,717	0,007
Терминальные и инструментальные ценности	$R^2=0,215$, $F=11,325$, $p<0,005$		
Ответственность	-0,28	-4,881	0,000
Воспитанность	-0,159	-2,706	0,007
Красота природы и искусства	-0,166	-2,894	0,004
Развлечения	0,160	2,771	0,006
Честность	0,183	3,081	0,002
Рационализм	0,155	2,613	0,010
Уверенность в правильности выбора профессии	$R^2=0,208$, $F=21,92$, $p<0,005$		
Правильность выбора профессии	0,208	3,007	0,003
Осознанность профессионального выбора	-0,210	-3,580	0,000
Вероятность повторного поступления	0,191	2,839	0,005

На третьем шаге регрессионного анализа в качестве предикторов выступили факторы, определяющие уверенность в правильности выбора профессии военного. Значимые предикторы: правильность выбора профессии ($\beta=0,208$), осознанность профессионального выбора ($\beta=-0,210$) и вероятность повторного поступления ($\beta=0,191$). Совокупная обусловленность зависимой переменной этими предикторами составляет 21 % [$\Delta R^2=0,208$, $F=21,92$, $p<0,005$].

Заключение

В современной психологической науке изучение влияния различных социальных факторов и психологических предикторов на удовлетворенность образом жизни применительно к военнослужащим не проводилось, несмотря на актуальность данного исследования для понимания процесса социального самоопределения и особенностей формирования военной идентичности. Результаты, полученные в ходе проведенного нами эмпирического исследования, позволили сделать вывод, что в зависимости от курса влияние на удовлетворенность курсантов образом жизни различных

социально-психологических характеристик существенно отличается. Так, для курсантов младших курсов наиболее значимыми являются факторы, актуальные для воинского коллектива и места личности в нем. Кризисность третьего курса подтверждается подчеркнутой малозначимостью фактора взаимоотношения с командирами на фоне высокой значимости всех остальных. У курсантов четвертого курса наблюдается формирование ценностей, характеризующих их как защитников Отечества, для выпускников решающее значение имеют факторы, характеризующие их связь с военной службой и позволяющие позиционировать себя как военнослужащего.

Изучение предикторов удовлетворенности образом жизни позволило сделать вывод, что наиболее сильными являются характеристики субъективной оценки своего статуса в воинском коллективе, положительной оценки профессионального выбора, условий службы и перспектив после окончания военного вуза (объясняют 56 % дисперсии). Менее значимыми являются зависимость от некоторых ценностей (22 %) и факторов, определяющих уверенность в правильности выбора профессии военного (21 %).

Литература

1. Аринушкина Н. С. Проблема удовлетворенности жизнью в психологии // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 3. С. 71–76.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
3. Рябикина З. И., Сомова Е. Г. Личность и ее самоактуализация в общении с другим // Мир психологии. 2001. № 3. С. 83–88.
4. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000. 992 с.
5. Цыганова Н. И. Значение изучения категории счастья и несчастья в психологии // Психология: итоги и перспективы: тезисы науч.-практ. конф. СПб., 1996. С. 50–51.
6. Антонов В. В. Искусство быть счастливым. Л.: Лениздат, 1984. 221 с.
7. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
8. Джидарьян И. А. Счастье и его психологические характеристики // Психология личности: новые исследования / ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: ИП РАН, 1998. С. 67–84.
9. Ананьев Б. Г. Некоторые проблемы психологии взрослых. М.: Наука, 1973. 320 с.
10. Рубинштейн С. А. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
11. Шилова А. С. Характер проведения семейного досуга и удовлетворенность браком // Стабильность семьи как социальная проблема / под ред. А. В. Янковой. М.: Изда-во ИСИ АН СССР, 1978. С. 129–135.
12. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 539 с.
13. Айзенк Г., Айзенк М. Фактор счастья // Айзенк Г., Айзенк М. Исследование человеческой психики. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 255–269.
14. Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
15. Панина Н. В. Индекс жизненной удовлетворенности // Life-Line и другие новые методы психологии жизненного пути / ред. А. А. Кроник. М.: Прогресс, 1993. С. 107–114.
16. Габдулина Л. И. Удовлетворённость жизнью и её объективные детерминанты в период взрослости // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. Т. 6. № 4. С. 42–48.
17. Куликов Л. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика / ред. В. Ю. Большаков. СПб.: Изда-во СПбГУ, 2000. С. 476–510.

18. Никитенко П. Д. Динамика представлений о военной службе и самоактуализация курсантов военного вуза // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия Психологические науки: Акмеология образования, Гендерная психология. 2007. Т. 13. № 3. С. 85–88.
19. Созонник А. В. Характеристики личности и преодолевающего поведения в условиях военно-профессиональной социализации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 260–263.
20. Шадрин А. А. Межличностные взаимоотношения как фактор субъективного благополучия курсантов в процессе военно-профессиональной социализации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3. С. 41–44.
21. Крылов А. А., Рыбалко Е. Ф. Онтопсихология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 280 с.

Social Factors and Psychological Predictors of Life Satisfaction at Military Institutes

Maksim V. Sysolyatin ^{a, @}

^a Saratov Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 158, Moskovskaya St., Saratov, Russia, 410023

[@] sysolyatinmv@mail.ru

Received 10.06.2019. Accepted 27.08.2019.

Abstract: The research identifies the relationship between satisfaction with the way of life and various socio-psychological factors. The study involved 1–5-year male cadets of a military university (N=255, average age = 20,2 years). To identify factors that influence cadets' satisfaction with their lifestyle, the authors used proprietary techniques, a questionnaire for diagnosing the level of social frustration by L. I. Wasserman modified by V. V. Boiko, and the methodology of the study of value orientations by M. Rokich. The study showed the dependence of the factors determining the cadets' satisfaction with the way of life on the year of study. For junior students, it was the military team factors and the place of the individual in the team. For graduates, the most significant factors were those that emphasized their belonging to the military community. The most significant predictors of lifestyle satisfaction were the characteristics of a subjective assessment of one's status in a military team, a positive assessment of professional choice, and conditions of service and prospects after graduation.

Keywords: socialization, value orientations, personality of a military man, social frustration, determination

For citation: Sysolyatin M. V. Social Factors and Psychological Predictors of Life Satisfaction at Military Institutes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 763–769. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-763-769>

References

1. Arinushkina N. S. The issues of life satisfaction in psychology. *Actual problems of economics and management*, 2016, (3): 71–76. (In Russ.)
2. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Life strategy*. Moscow: Mysl, 1991, 299. (In Russ.)
3. Riabikina Z. I., Somova E. G. Personality and its self-actualization in communication with others. *Mir psikhologii*, 2001, (3): 83–88. (In Russ.)
4. Craig G. *Development psychology*. Saint-Petersburg: Piter, 2000, 992. (In Russ.)
5. Tsyganova N. I. The importance of studying the category of happiness and unhappiness in psychology. *Psychology: results and prospects*: Proc. Sci.-Prac. Conf. Saint-Petersburg, 1996, 50–51. (In Russ.)
6. Antonov V. V. *The art of being happy*. Leningrad: Lenizdat, 1984, 221. (In Russ.)
7. Fromm E. *Soul of Man*. Moscow: Respublika, 1992, 430. (In Russ.)
8. Dzhidaryan I. A. Happiness and its psychological characteristics. *Psychology of personality: new studies*, ed. Abulkhanova K. A., Brushlinskiy A. V., Volovikova M. I. Moscow: IP RAN, 1998, 67–84. (In Russ.)
9. Ananiev B. G. *Some problems of adult psychology*. Moscow: Nauka, 1973, 320. (In Russ.)

10. Rubinstein S. L. *Problems of General Psychology*. Moscow: Pedagogika, 1976, 416. (In Russ.)
11. Shilova L. S. Family leisure and satisfaction with marriage. *Stability of the family as a social problem*, ed. Iankova A. V. Moscow: Izd-vo ISI AN SSSR, 1978, 129–135. (In Russ.)
12. Shibutani T. *Social psychology*. Rostov-on-Don: Feniks, 2000, 593. (In Russ.)
13. Eysenck G., Eysenck M. *Research of the human psyche*. Moscow: EKSMO-Press, 2001, 255–269. (In Russ.)
14. Argyle M. *Psychology of happiness*. Moscow: Progress, 1990, 336. (In Russ.)
15. Panina N. V. Life satisfaction index. *Life-line and other new methods of psychology of the life path*, ed. Kronik A. A. Moscow: Progress, 1993, 107–114. (In Russ.)
16. Gabdulina L. I. Life satisfaction and its objective determinants during adulthood. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*, 2008, 6(4): 42–48. (In Russ.)
17. Kulikov L. V. Determinants of life satisfaction. *Society and Politics*, ed. Bolshakov V. Yu. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2000, 476–510. (In Russ.)
18. Nikitenko P. D. The dynamics of ideas about the military service and self-actualization in military cadets. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya Psikhologicheskie nauki: Akmeologiya obrazovaniia, Gendernaia psikhologiya*, 2007, 13(3): 85–88. (In Russ.)
19. Sozonnik A. V. Characteristics of the person and overcoming behavior in the conditions of military-professional socialization. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2011, (4): 260–263. (In Russ.)
20. Shadrin A. A. Interpersonal relationships as a factor of cadet's subjective wellbeing in the military professional socialization. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2014, (3): 41–44. (In Russ.)
21. Krylov A. A., Rybalko E. F. *Ontopsychology*. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2003, 280. (In Russ.)

Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации

Ирина А. Шаповал^{a, @, ID}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19

@ irinashapoval@yandex.ru

ID <http://orcid.org/0000-0003-4285-2810>

Поступила в редакцию 03.07.2019. Принята к печати 30.07.2019.

Аннотация: Анализируется структурно-процессуальная модель единства неравновесного состояния личности и пограничной ситуации утраты, их возможных сценариев и индикаторов. Метод исследования: интегративный анализ концептов и эмпирических фактов психологии личности, кризисной и клинической психологии, психотерапии, психоконсультирования. Установлено, что единство состояния человека и ситуации обеспечивают психологические связи события, его личностных predispositions, интерпретации, переживания и поведения. Ключевая роль в соотношении информации о содержании внутреннего (психического) состояния и внешней ситуации и возникновении определенного состояния принадлежит границам Я. Доказано, что ситуация утраты отражает распад внутренней и внешней реальностей личности, психологический тупик и пространство между. Неконтролируемое ценностно-смысловое «зависание» коррелирует с кризисным неравновесным состоянием человека. Выявлены содержательные маркеры единства неравновесного состояния и ситуации утраты: интолерантность к амбивалентности ситуации, «слом» границ Я, темпоральные эффекты, смысловая дисрегуляция, дезинтеграция, отчуждение, выгорание, цикличность. Выход из пограничной ситуации означает смену состояния, установок, ценностей и смыслов путем реконструкции размытых или разрушенных границ Я. Для этого границы и связанная с ними ситуация должны обрести в сознании человека статус проблемы и «места» возможностей.

Ключевые слова: границы Я, контакт, психическое состояние, кризис, слом границ, зависание, пространство между, выбор альтернатив

Для цитирования: Шаповал И. А. Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 770–779. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-770-779>

Введение

«Человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека», – подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс [1, с. 414]. Напряжённое чувство «тотальной ненадёжности мира» [2] сопровождают ощущения неясности и размытости границ наличного бытия и неспособности влиять на ход собственной жизни, что свидетельствует об утрате личностью сложившихся у нее ценностных ориентиров, установок, отношений и смыслов жизни.

Подверженность жизни случайным, непредсказуемым факторам заставляет человека замыкаться в границах своей приватности и оборонять их либо пересматривать свою картину мира, образ Я, смыслы жизни и трансгрессировать за их сложившиеся границы. Обе стратегии – бегство от мира или трансгрессия – угрожают утратами идентичности личности, целостности Я, адекватности контакта с миром и реагирования на его изменения. Проблематичность

и сомнительность «жизни на распутье» отдельного человека распространяется на его отношения с миром. Превращение утрат личности в социально-психологический феномен обуславливает актуальность их исследования.

В переживании ситуации контакта человека со средой (полилога эмоций, мыслей, действий) его Я и не-Я разграничиваются и соединяются. Здесь обычны и в целом реактивные стремления определить и установить рамки контакта, чтобы включиться в него или уйти от него для сохранения границ Я и напряжённости ситуации до терпимого уровня [3; 4]. Во время выбора той или иной альтернативы человек оказывается в неравновесном состоянии: его Я утратило свои границы, его прошлое в той или иной степени девальвировано, будущее неясно и в актуальном пограничье значений и смыслов Я, мира и границ между ними он еще не готов к их переопределению.

Что объединяет пограничную ситуацию и неравновесное состояние человека? Какие психологические индикаторы являются общими для них? Какова динамика взаимоотношений ситуации и состояния?

Целью нашей работы является исследование структурно-процессуальной картины единства неравновесного состояния личности и ее пограничной ситуации. *Предмет* исследования ограничивается ситуацией утраты, выявлением ее возможных сценариев и систематизацией их психологических индикаторов.

Поскольку феноменология ситуации и соответствующих ей состояний человека развивалась в широком поле социальных наук, наше исследование интегрирует философские и психологические концепты с эмпирическими фактами кризисной и клинической психологии, психологического консультирования, психотерапии.

Экзистенциальная парадигма само содержание жизни определяет как череду неизбежно сменяющих друг друга ситуаций и определённых позиций человека по отношению к реальности. Нельзя выйти из одной ситуации и не попасть в другую, и потому жизнь оказывается «бытием-в-ситуации», а ситуация – пространством встречи мира и человека, объективации им своего возможного бытия и его «способом-бытия-в-мире» [2; 5; 6].

К. Левин механизм и важным принципом единства личности и ситуации как жизненного пространства называет динамизм напряженных систем [3]. Человек и среда образуют два полюса одной и той же поведенческой целостности, и множество принадлежащих им противоположно направленных факторов поддерживают их неустойчивое квазистационарное равновесие. Рост напряжения в одной системе и ослабление сдерживающих сил, препятствующих изменениям, в другой приводят к дисбалансу систем.

В сознании ситуация репрезентируется в форме обобщённого конструкта, включающего ее содержание, динамику, место и значение на жизненном пути личности, ее роль в картине мира и в Я-концепции. Процессуально построение конструкта ситуации (события) обеспечивает субъективная интерпретация личностью ее обстоятельств в смысловых схемах и объяснениях. Однако конструкт ситуации не обязательно объективен.

С одной стороны, интерпретируя ситуацию, человек трансформирует ее внешнюю и внутреннюю реальности в удобный для него здесь-и-сейчас и непротиворечивый смысловой гештальт. Личностную предвзятость этого образа обуславливают: а) принципы экономии и тенденциозности в отборе информации для оценки ситуации; б) контекстные ожидания и оценки происходящего; в) искаженные когнитивно-аффективные стили атрибуции; г) стереотипы, предрассудки и т. п.

С другой стороны, подчеркивает Р. Лэинг, пространство ситуации геометрически и метафорически всегда структурируется влиянием других людей [6, с. 154]. Попытки человека реалистично определить свое новое положение в изменившихся условиях и свое отношение к ним сталкиваются с давлением долга играть и разыгрывать социальные роли, ритуальные, имиджевые или компенсаторные интеракции.

Разделение внешней и внутренней реальностей ситуации, их «прочтение», ориентацию и действия человека в их контакте, разрешение ситуации обеспечивают границы Я: благодаря их трансформациям и передвижениям эти реальности взаимодействуют (соразмеряются, конфликтуют, примиряются) и соизменяются [7]. Тем самым границы Я функционируют как «психологические орудия», а человек одновременно и творит ситуацию, и творится ею, выступает и субъектом, и объектом изменений ситуации и себя самого.

Важную роль в субъективации ситуации играют сложившиеся жизненные сценарии с их гибкостью или жесткостью границ полноценности и компетентности в отношении того или иного события и установками возможного и допустимого. Опыт проживания сходных ситуаций преломляется через эмоциональную уязвимость, реактивность и психологические защиты личности и становится мерой оценки ее самооффективности. Так, по мнению И. и М. Польстер [4], жесткость границ ценностей ведёт к нарушению контактов с людьми с иными ценностями; границ привычного – к отказу от контактов с неизвестным, ригидности, фиксации в *status quo*; границ проявлений – к запрету выражать себя; открытости – быть наблюдаемым и узанным. В то же время многие из нас склонны – часто грубо и невпопад – переносить из одного социального контекста в другой свои внутренние объекты и жизненные модели [6].

В анализе психического состояния личности как результата включения ситуации в пространство Моё важно признание того, что человек *не имеет* состояние, но *является* им. По мнению О. Ф. Больнов, состояние – это основная конституция существования человека, задающая персональные рамки для потенциальных чувств как мотивов поведения [5]. R. Plutchik и Н. Kellerman [8] определяют состояния как механизмы одновременно и коммуникации, и выживания: на переживание организм отвечает поведением, направленным на стимул.

Включение ситуации в бытийное и психологическое пространство человека путем придания ей персонального смысла определяет жизненный уровень личности. Поскольку персональное Моё создавалось, присваивалось, реорганизовывалось человеком для удовлетворения личных интересов и в рамках его личностных смыслов, наполнение и границы Моего безусловно ценны, что делает

его тензионным, напряженным, уязвимым для контактов с внешней средой. Особенно очевидно это для ситуаций, провоцирующих реконструкции границ Моё и Не-Моё, Я и Не-Я. Соотнесение информации об этих границах имеет результатом когнитивную оценку ситуации и затем релевантное ей переживание и психическое состояние, которое:

1) является системным ответом психики на ситуацию в виде текущей временной модификации, сопровождаемой физиологическими изменениями;

2) отражает единство ситуации, её переживания и отреагирования [8].

В анализе сущности, механизмов и возникновения определенного состояния личности в пограничной ситуации ключевая роль принадлежит функциональной системе границ Я. В определении К. Ясперса пограничная ситуация – это неизменные и неизбывные для существования человека ситуации *на грани*: смерть в разных её обликах, страдание, зависимость от случая, борьба, вина. Эти ситуации несут угрозу и обнаруживаются и осознаются наравне с их переживанием как внешнее ограничение [2]. Обнаружив рассогласование наличного опыта с происходящим, крушение и тотальную ненадёжность порядка мира и своего образа Я, человек оказывается на границе исчезновения своего мира, в пограничной ситуации.

Однако возможности «мира на границе» – особой реальности *между* – амбивалентны, подчеркивает Т. В. Куликова [10]: «пограничье» соединяет предыдущее состояние и потенциальное, открывает еще не раскрытые смыслы, возможности, перспективы, допуская альтернативу движения к ценностям или к «нулевой ценностной границе». В последнем случае расщепление, отчуждение, непродуктивность и деструктивность личности могут скрываться под синдромами эмоционального выгорания, информационного стресса, тревожности, хронической усталости, неophobia и т. п. [11].

Итак, пограничные ситуации проявляют границы Я как глубинные координаты жизни личности. В психологии феномен пограничной ситуации прямо или опосредованно отражают исследования переживаний человеком жизненных трудностей, его возрастных и личностных кризисов.

Трудные жизненные ситуации человека дифференцированы Г. Бернлером и Л. Юнссоном [12] по типам трудностей, интенсивности, величине потери или ее угрозы, длительности, степени контролируемости, уровню влияния. Временные отклонения в поведении связываются с недостатком у человека ресурсов, необходимых для совладания с ситуацией. Преморбидные особенности личности (излишнее стремление к стабильности, ригидность поведения, внутренний запрет на обращение за помощью) приводят к хроническим отклонениям в форме неврозов. Отсутствие возможностей

перестройки себя или ситуации угрожает личности кризисом, а хронический кризис с утратой самой надежды на возможность изменений указывает на слом личности.

Ф. Е. Василюк все формы критических ситуаций – стресс, фрустрацию, конфликт, кризис – объясняет параличом способности человека справиться с ситуацией [13]. Конкретное событие может затрагивать одну из «необходимостей» жизни (получать здесь-и-теперь удовлетворение, реализовывать мотивы, чувствовать внутреннюю согласованность, иметь жизненный смысл) или сразу все, и во втором случае названные выше формы критической ситуации могут соединиться. Кроме того, основная проблема может смещаться из одной «необходимости» в другую в силу внутренней динамики ситуации, а ее переживания могут быть выгодны для человека в одном измерении и ухудшать его положение в другом.

Кризис идентичности (или «смущение идентичности», по Э. Эриксону) порождает несоответствие сложившейся структуры Я изменившемуся контексту жизни или утрате «корней». Самоаутсайдерство, отчуждение, непринятие себя проявляются на разных уровнях личности [14]. В ценностно-смысловой сфере это экзистенциальный вакуум, проблемы в постановке целей и их реализации, фатализм, дискомфорт в отношении прошлого и будущего, негативное самоотношение. Эмоциональную сферу характеризуют внутренняя напряженность, высокая тревожность, подавленность, чувство собственной бесполезности, бесперспективности, беспомощности, уязвимости к стрессорам. На уровне поведения человек свои же роли и ценности отрицает или презирует как чуждые, типичны конформизм, самоизоляция, «уход» от проблем в психосоматические нарушения или аддикции.

В целом трудные, критические, кризисные ситуации так или иначе связаны с кризисами смыслов жизни – их распадом, дисгармонией, задержкой в реализации [11; 15; 16]. Персоналогия источниками такого кризиса называет несформированность смысла жизни, неудачи в его поиске или его рассогласование с условиями и возможностями его реализации; психология жизненного пути – долго не разрешавшиеся человеком или неразрешимые объективные противоречия; кризисная психология – онтологическое противоречие и рассогласования устойчивой ценностно-смысловой структуры человека и подвижной системы современной аксиосферы и условий бытия; событийный подход – ситуации, отнимающие у человека шанс реализовать принятые им смыслы.

Несомненно, без смысла жизнь становится пустой и лишенной ориентиров, но не из одного лишь смысла она состоит, подчеркивает А. Лэнгле. Необходимо еще, чтобы человек имел «*просто возможность быть*» в этом мире, иметь достаточно пространства и прочную опору

для существования [17, с. 83]. О. В. Лукьянов, в свою очередь, акцентирует «готовность быть» – переоценивать прошлое и перестраивать наличный опыт, «изменять себя, не изменяя себе», – объединяющую диссонансы и консонансы саморазвития человека как ядра механизма его устойчивости [18].

Отсутствие или дефицит названных возможности и готовности генерирует ситуацию «зависания» – пограничную ситуацию – психологический тупик. В пространстве разрыва гармонии с миром, в «пограничье» между устойчивым Я прежним, неопределенным Я будущим и частично разрушенным и неравновесным Я настоящим человек оказывается на «слабых ногах». Он фактически даже не стоит: из-под ног его отнята земля, он подвешен и парит в воздухе [19, с. 197]. Эта подвешенность – временная неконтролируемость себя и ситуации и дезориентированность – определяет кризисное неравновесное состояние человека с ослаблением адаптационных механизмов и саморегуляции.

Итак, ситуация не безлична и всегда разворачивается в двух несовпадающих реальностях человека – внешней и внутренней. Характер состояния человека в конкретной ситуации преддетерминируют: а) состояние границ Я личности; б) объективное воздействие и субъективная интерпретация ситуации; в) предшествующая и ожидаемая ситуация. Свою роль играют психосоматическое состояние личности, ее потребности, стремления, способности и потенциалы.

С позиций холизма рождение любого нового психического состояния человека означает интеграцию изменений границ между ним и ситуацией в ходе их контакта. Тем самым личностные predispositions, интерпретации, переживания и поведение человека в определенном неравновесном состоянии связываются (нелинейно и вероятностно) именно объективным событием / ситуацией. В динамике неравновесного кризисного состояния личности мы выделяем его этапы: 1) «кумуляция» противоречий; 2) переходное состояние фрустрации смысла жизни; 3) «слом» прежней структуры бытия личности, делающий невозможным его продолжение, – собственно пограничная ситуация; 4) выход из пограничной ситуации путем трансформаций личности.

Результаты

Ситуация утраты – необходимый момент динамики отношений человека и его бытия: никто не огражден от утраты отношений с реальным или предполагаемым объектом любви, здоровья, способностей, возможностей, социального статуса, надежды или веры, в т. ч. в себя. Для лиц с высоким уровнем тревожности более значимы утраты безопасности, ценностей и трудности в принятии решения; для лиц с выраженными интернальностью и жизненными смыслами –

утраты статуса, контроля границ жизненного пространства и дискомфорта поиска способов их восстановления. Общей категорией является личностная уязвимость [20].

Любая травмирующая утрата образует, по выражению G. Ammon [21], «дыру в Я» и приводит к распаду пространства Моё и образа Я, объективной невозможности восстановить прерванный ход жизни и ее смыслы, подтвердить свое Я. Вариативные сценарии метаморфоз личности в ситуации утраты имеют разные потенции в виде экзистенциальных векторов жизнеисхождения и жизнепадения [22, с. 83], вплоть до клинического состояния и стагнации. Общим началом этих сценариев оказываются переживания «слома» или «разрыва» границ Я, темпоральных эффектов ситуации и интолерантности к ее амбивалентности. Дальнейшее движение к выходу из кризиса связывается с изменением как ситуации, так и самой личности (ее образа Я, образа мира, ценностей, стратегий жизни) и может быть как продуктивным, так и деструктивным (рис.).

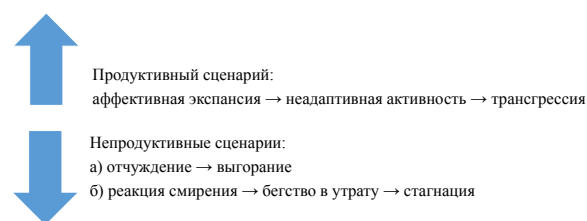

Рис. Варианты сценариев выхода из неравновесного состояния пограничной ситуации

Fig. Scenarios for the exit from the non-equilibrium state of the border situation

Рассмотрим вначале общие психологические индикаторы пограничной ситуации и неравновесного состояния человека, травмированного утратой. Как правило, осознание утраты начинается с ощущения «слома» или «разрыва» границ Я – распада привычных причинно-следственных и пространственно-временных связей, многими переживаемого как психическая боль (*psychache*). В холистическом дискурсе эта боль признается универсальным признаком разрушения (или его угрозы) границ между организмом и средой, фрустраций смысла, чувства, потребности или реальных отношений (их ценность могла и не осознаваться) и личных границ переносимости конкретных фрустраций [11].

Поврежденные границы Я становятся мало- или неконтролируемыми человеком, что снижает качество тестирования им реальности и зрелость его защитных стратегий. Как следствие, искажаются восприятие и интерпретации ситуации, человек дезориентируется и дезадаптируется [7]. Проблемы поиска или дефицит ресурсов для восстановления привычных границ рождают ощущения дискомфорта, уязвимости, потери идентичности, психологического статуса и безопасности.

Темпоральные эффекты пограничной ситуации и кризисного неравновесного состояния изучены, пожалуй, менее всего. Обычные оценки состояния при получении известия об утрате: «Время будто остановилось». Временное измерение хронотопа человека рассыпается на фрагменты, и само Я становится мозаичным и запутавшимся в разорванных границах прошлого, настоящего, будущего [23]. «Наше гармоничное взаимоотношение с миром и людьми вокруг нас неожиданно испытывает ошеломляющий удар», – пишет Л. Бинсвангер [19, с. 196]. В такой момент существование человека отрывается от своего места в мире и будет двигаться в рамках смысловой матрицы спотыкания, погружения и падения, пока он не сможет снова обрести равновесие.

Сжатие времени, его уплотнение, концентрация на одном из временных этапов жизни (прошлом, настоящем или будущем) О. В. Лукьянов считает механизмами самодиагностики системы личности [18]: через них человек узнаёт о нарушении устойчивости своего бытия, появлении разрыва между образами мира и своей жизни или об их угрожающем сближении. Проблемой становится, прежде всего, отношение к будущему при субъективно чрезмерной его определенности, глобальности и жёсткости надежд на него или, напротив, при убежденности в его непредсказуемости.

Интолерантность к амбивалентности ситуации возникает уже при известии об утрате и ощущении «слома» границ: привычный мир стереотипов и автоматизмов, принимавшийся как данность и не подлежавший сомнению, резко становится проблематичным, прежние модели поведения и схемы интерпретации не срабатывают или обесцениваются. Стремление осмыслить неясную и многозначную ситуацию фрустрирует дефицит информации о ней и сложности её интерпретации, что дополняет интолерантность к амбивалентности ситуации интолерантностью к собственной неуверенности.

Однако переживания субъективной неопределённости и непредопределённости могут иметь различную модальность переживания, а она, в свою очередь, детерминирована не столько содержанием ситуации, сколько ее интерпретациями, зависящими от преддиспозиций личности [24]:

- негативный аффект с непереносимой тревогой характерен для интолерантности с нивелированием Я, его подчинением авторитету, маниакальной проекции и трансгрессии по нарциссически-перфекционистскому типу;
- позитивные переживания любопытства, поисковой надситуативной активности согласуются с аффективной экспансивностью личности, ее способностью к разотождествлению и самоотречению, с пониманием двойственности возможностей границ Я и их перехода;

– чувства обескураженности, растерянности, беспомощности, смятение и незнание как поступить, нерешительность и неспособность «собраться» предшествуют реакции «аноме» и принятию роли жертвы.

Итак, встретившись с амбивалентностью ситуации, человек оказывается в точке бифуркации, или «пограничье», где объективное событие, его личностные предиспозиции, интерпретации, переживания и реакции человека связаны нелинейно и вероятно «разветвляющимися цепями причинения».

Согласно продуктивному сценарию **аффективная экспансия → неадаптивная активность → трансгрессия** (рис.) аффективная экспансия является внутренним основанием мотива овладения неизвестной или травмирующей ситуацией, в которой аффективные стереотипы поведения несостоятельны, и определяет, во-первых, контакт человека с границами своего Я как «Вызов ↔ Вызов» и, во-вторых, его открытость риску в конструировании и реконструкции «опыта границы». Способы взаимодействия человека с границами его Я обеспечиваются механизмами аттракции, протекции, ингибиции, «качелей» и превращения «минуса» в «плюс» и реализуют стремление личности к выходу из привычных границ, к ориентации на самоконтроль в нестабильных ситуациях, творческое начало [25].

Сценарий **смысловая дисрегуляция и дезинтеграция личности → отчуждение → выгорание** (рис.) чаще всего описывается в кризисной психологии и психотерапии [11; 26; 27]. Подобную динамику отражают последовательные фазы «собственной работы горя». Первоначальное оцепенение сменяют переживания страдания и гнева: «Нет! Этого не может быть!». Тоску и поиск утраченного объекта объединяют осознание реальности утраты, поглощённость мыслями об утраченном и оплакивание своего горя. Дезорганизация и отчаяние выражаются в самообвинении, враждебности, редукции позитивных перспектив и естественных моделей поведения. И только идентификация с утратой и адаптация к жизни без утраченного объекта – в новых границах реорганизованного Я – приводит к выходу из горя.

Смысловая дисрегуляция и дезинтеграция личности (понимания, переживания, реализации смыслов жизни) системны и проявляются во всех сферах личности [14–16; 22; 28]:

- **потребностно-мотивационная**: утрата прежних интересов, сужение диапазона мотивов, обеднение их иерархии (амотивационный синдром), преобладание потребностной регуляции над ценностной, снижение мотивации жизни;
- **когнитивная**: диффузия критериев и потеря адекватности оценок и самокритики, дезориентация в значимом и незначимом; переопределение причин ситуации; принятие неадекватных решений и умаление,

игнорирование, отделение от своего поведения их последствий; смещение / распыление ответственности;

- *аффективная*: растерянность и тревога по поводу утраты контроля над жизнью и субъективной незначимости своих намерений и целей, обеднение эмоциональной жизни, ангедония, апатия;
- *конативная*: отчуждение, деструктивность, стихийность и хаотичность либо суггестивность, конформизм и преобладание защитного поведения;
- *ценностно-смысловая*: конфликтность источников смысла жизни, сознание ее пустоты, бессмысленности, нереализованности, бесцельности, бесперспективности; редукция потребности в смысле жизни, активности в его поиске.

В процессе утраты связи человека с собственными желаниями и потребностями поведение, аффект, ощущение, знание расщепляются внутри себя, либо обычные связи между ними нарушаются [29], определяя «потерянность» личности во внутренних содержаниях вплоть до деперсонализации или диссоциации. Субъективное ощущение потери частей своего Я сопровождается чувствами тотальной непонимаемости другими людьми, одиночества, внутреннего предательства. Прimitивные психологические механизмы и диффузная, спутанная идентичность относят состояние утраты уже к пограничной организации личности, раздельной психологической защитой расщепления.

Отчуждение личности как механизм переживания ею утраты нарушает смысловые связи в структуре ее жизненного мира [15; 16], обуславливая кризис социальной и персональной идентичностей: потерю чувств включенности, причастности, достоинства, психологической защищенности и суверенности.

Эксклюзия человека из межпоколенческих и социальных сетей индивидуально сочетается с аномией, нигилизмом, вегетативностью, авантюризмом, псевдоаутизмом. Аутоэксклюзия реализует желание бежать от осознания своих чувств и Я в целом. А. Лэнгле среди реакций на потерю идентичности выделяет: 1) взрывной эксплозивный тип («Хватит, я больше не играю!»); 2) излишне прямолинейное бесцеремонное стремление изменить ситуацию, навязать свою волю (чаще у мужчин); 3) колебание между крайностями (чаще у женщин) [17, с. 88–95].

Общее выгорание личности отражает упрощение и деформации ее системы, сокращение её контактов с миром и самим собой [28; 30]. Потерянность человека в лабиринте ценностей, смыслов и их переживаний сопровождают эмоциональное истощение, ощущение исчерпанности эмоциональных ресурсов, деперсонализация и редукция личностных достижений, негативная самооценка и неудовлетворённость жизнью. В защитах от слома границ,

связанных с ним эмоций и заодно от изменений человек может «выбирать» между интроекцией, проекцией, ретрофлексией, дефлексией, конфлюэнцией или сочетать их. В зависимости от состояния границ Я здесь выделяются две основные тенденции:

- слабо дифференцированные и размытые границы делают Я доступным для вторжения, а внешнюю и внутреннюю реальности «слипшимися», что приводит к дефициту автономности личности;
- непроницаемость границ (в силу негативного опыта контакта – единственный источник защиты) детерминирует дистанцирование Я, барьеры, большие буферные зоны и ригидность в коммуникациях [24].

Согласно А. Калшеду [26], выгорание личности можно интерпретировать как психологическую защиту «уцелевшего после травмы духа» путём изоляции его от реальности: система самосохранения исключает (полностью или частично) эмоциональные реакции на травмирующие ситуации и присваивает себе функции саморегуляции и медиатора в контактах человека с миром и самим собой.

Для сценария **смысловая дисрегуляция и дезинтеграция личности** → **реакция смирения (роль жертвы)** → **бегство в утрату** → **стагнация личности** (рис.) характерен защитный стиль «жизни с утратой». Исследования последствий травматических переживаний показывают, как трудно и часто невозможно человеку переработать ряд аспектов опыта утраты. В объяснениях развития последующих деструктивных трансформаций личности используются модели треугольных конфигураций (J. Magnavita [31]): треугольник инсайта, оперирующий моделями прошлых и текущих отношений и отношений переноса (К. Меннингер); треугольник конфликта, включающий интрапсихический процесс и отношения между скрытыми чувствами, тревогой и паттернами психологической защиты (Х. Израил); концепция взаимоотношений травматического события, когнитивно-аффективного «угла», тревоги и потенциально разрушительных защит (Ю. Бронфенбренер).

Реакция смирения (роль жертвы) связана с приобретением специфической виктимности и комплекса *вины выжившего*, одновременно крайне сильного и почти неуловимого. Такой человек считает неблагополучие в жизни само собой разумеющимся и не догадывается, что сам поддерживает привычный уровень несчастья. Он может чувствовать себя хуже после собственных успехов или неудач близких либо считать свои успехи в выходе из ситуации утраты чем-то нечестным и ощущать за них вину. Компенсаторно могут формироваться тревожная незащищающая привязанность (бессознательно помогающее заботы поведение, нерешительные попытки самоубийства, нервная анорексия, ипохондрия), компульсивное оказание помощи или рентные установки.

Бегство в утрату – травмотрансформацию или травмометаморфозу – М. Ш. Магомед-Эминов описывает как экстремальную дубликацию личности субличностью, непрерывно связанной с уже утраченной реальностью [22]. Такой человек встраивает стресс утраты в свое существование в постмире возвращения, в условия своего потрясённого бытия и не пытается его преодолевать, используя защитный механизм сублимации.

Стагнация личности и ее отношений с миром проявляется в нежелании изменить свое объектное самоотношение и фаталистическое отношение к ситуации утраты, в потере пластичности, в «жизни по течению», в застое межличностных отношений и способов взаимодействия с окружением. Стремление «законсервироваться» и «законсервировать» мир вокруг себя, жить в рамках рутины и банальности следует целям самосохранения и дает определенную психологическую выгоду самоуспокоения.

Неспособность или отказ личности принять реалии ситуации, реиерархизировать ценности, принять новые смыслы и стратегии жизни, новую Я-концепцию угрожает цикличностью ее неравновесного состояния. Бегство от риска повторной травмы уязвимой части Я сохраняет и воспроизводит внутреннюю тревогу, и человек с опытом утраты склонен повторять паттерн саморазрушительного поведения [26]. Бессознательная *программа утраты* определяет готовность к очередной пограничной ситуации и интерпретацию такой ситуации как весьма вероятной и в целом допустимой. Для поддержания гомеостаза психики охраняет выработанные привычки дефектной адаптации как свое главное достояние, независимо от того, как осознает их сам человек.

Заключение

Исследование структуры и динамики неравновесного состояния личности в ее пограничной ситуации утраты показало, что их психологическое единство достигается благодаря интегрированным изменениям их границ в процессе их контакта.

Рождение пограничной ситуации в динамике кризисного состояния личности является закономерным продолжением кумуляции противоречий, фрустрации смысла жизни, разрушения прежней структуры Я, и выход из этой ситуации возможен только путем трансформаций личности и ее границ.

Общими для представленных потенциальных сценариев динамики пограничной ситуации утраты и неравновесного состояния личности являются ощущения «слома» границ Я и темпоральные эффекты. Возникающее вслед за ними чувство интолерантности к амбивалентности ситуации означает для человека попадание в пограничную ситуацию с равной возможностью конструктивного или деструктивного выхода из нее. Первичными индикаторами вектора выхода выступают аффективная экспансия или смысловая дисрегуляция и дезинтеграция личности.

Степень выраженности каждого из этих феноменов индивидуально варьируется, что определяет уникальность интенсивности и длительности неравновесного состояния и переживания пограничной ситуации у разных людей. Поскольку любая трансформация Я требует реконструкции границ, постольку границы и связанная с ними ситуация должны обрести в сознании человека статус проблемы и «места» возможностей, альтернатив, выбора.

Практическое значение настоящего исследования для сферы психологической помощи заключается в наличии психодиагностического инструментария описанного комплекса индикаторов и возможности его применения для анализа структуры и динамики неравновесного состояния человека в его неповторимой пограничной ситуации.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 699 с.
2. Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
4. Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия: Контуры теории и практики. М.: Независимая фирма «Класс», 1996. 272 с.
5. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма: Философия существования. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
6. Лэинг Р. Я и другие. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 304 с.
7. Шаповал И. А. Функции и дисфункции границ Я: эффекты самоорганизации и самодезорганизации системы // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5. № 1. С. 19–32. DOI: 10.17759/cpse.2016050102
8. A general psychoevolutionary theory of emotions // Emotion: Theory, research and experience. Vol. 1: Theories of Emotion / eds. Plutchik R., Kellerman H. N. Y.: Academic Press, 1980. P. 3–33.
9. Прохоров А. О., Валиуллина М. Е., Габдреева Г. Ш., Гарифуллина М. М., Менделевич В. Д. Психология состояний. М.: Когито-Центр, 2011. 624 с.
10. Куликова Т. В. Философия «границы». Н. Новгород: НГПУ, 2009. 192 с.

11. Моховиков А. Н. Психическая боль: природа, диагностика и принципы гештальт-терапии // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 4. С. 104–127.
12. Бернлер Г., Юнссон Л. Теория социально-психологической работы. М.: РУ ВНИИМ, 1992. 342 с.
13. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
14. Дмитриева Н. В., Самойлик Н. А. Кризис идентичности: феноменология переживания. Новосибирск: НГПУ, 2012. 279 с.
15. Карпинский К. В. Опросник смыслового кризиса. Гродно: ГрГУ, 2008. 108 с.
16. Осин Е. Н. Категория отчуждения в психологии образования: история и перспективы // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 79–88. DOI: 10.17759/chp.2015110407
17. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2008. 159 с.
18. Лукьянов О. В. Готовность быть. Введение в трансформальную психологию. М.: Смысл, 2009. 231 с.
19. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1999. 300 с.
20. Петухова Л. И. Локус контроля и границы бытийного пространства личности // Вестник Университета Российской академии образования. 2012. № 4. С. 99–102.
21. Ammon G. Handbuch der Dynamischen Psychiatric. Bd. 2. Munchen: Er. Reinhardt Verlag, 1982. 967 S.
22. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 1998. 496 с.
23. Фоминых Е. С., Шаповал И. А. Трансформации хронотопа и границ личности как диспозиции деструктивности выбора: между возможностью и закономерностью // Психология и Психотехника. 2017. № 4. С. 23–36. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
24. Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 895 с.
25. Шаповал И. А. Аффективная экспансия как регулятор границ Я: от адаптационных задач к дезадаптивной активности // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 1. С. 1–17. DOI: 10.17759/cpse.2017060101
26. Калшед Д. Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа. М.: Академический Проект, 2007. 368 с.
27. Старшенбаум Г. В. Динамическая психиатрия и клиническая психотерапия. М.: Изд-во Высшей школы психологии, 2003. 367 с.
28. Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла: человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии. М.: Когито-Центр, 2016. 328 с.
29. Braun B. G. The BASK model of dissociation // Dissociation. 1988. Vol. 1. № 1. P. 4–23.
30. Maslach C., Jackson S. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behaviour. 1981. Vol. 2. № 2. P. 99–113.
31. Magnavita J. Toward a Unified Model of Treatment for Personality Disfunction // Handbook of Personality Disorders / ed. Magnavita J. Hoboken, N. Y.: John Wiley, 2004. P. 528–554.

Psychological Scenarios and Indicators of Non-Equilibrium State of the Person at the Borderline Situation

Irina A. Shapoval^{a, @, ID}

^a Orenburg State Teacher Training University, 19, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460014

@ irinashapoval@yandex.ru

ID <http://orcid.org/0000-0003-4285-2810>

Received 03.07.2019. Accepted 30.07.2019.

Abstract: The paper describes the structural and procedural picture of the unity of the non-equilibrium state of the individual and a borderline situation. The subject of the study was limited to the situation of loss, for which it was necessary to identify possible scenarios and systematize psychological indicators. The study employed an integrative analysis and synthesis of theoretical and applied works in the fields of personality psychology, crisis and clinical psychology, psychotherapy, and psychological counseling. The unity of one's state and situation appeared to provide the psychological links of the event, one's personal predispositions, interpretations, experience, and behavior. The situation unfolds in the external and internal (mental state) reality, which do not coincide. An essential role in correlating of information about the state of the internal and the external and the emergence of a particular state belongs to the psychological boundaries of the individual. The situation of loss reflects the disintegration of one's internal and external realities and the psychological impasse: the time-space "in between" the previous ego, the future ego and the present ego, which is partially destroyed. The uncontrolled value-semantic "hanging" correlates with the critical non-equilibrium state of a person. The content markers of their unity are confusion, ambivalence, "breakdown" of the ego boundaries, temporal effects, semantic dysregulation, disintegration, alienation, and a burnout. Intolerance to ambivalence of a situation means getting into a border situation. The possibility of a constructive or destructive way out of this situation is indicated by affective expansion or semantic dysregulation and disintegration of the personality. Leaving a borderline situation behind requires a change of the state, attitudes, values, and meanings by restoring the eroded or destroyed boundaries of the ego. For this purpose, the borders and the situation connected with them must acquire the status of a problem and a "place" of opportunity in one's mind.

Keywords: borders of ego, contact, mental state, crisis, scrapping borders, hanging, space between, choice of alternatives

For citation: Shapoval I. A. Psychological Scenarios and Indicators of Non-Equilibrium State of the Person at the Borderline Situation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 770–779. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-770-779>

References

1. Marx K., Engels F. *Works*. Moscow: Gospolitizdat, 1955, vol. 1: 699. (In Russ.)
2. Jaspers K. *Reason and existence*. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatsiia", 2013, 336. (In Russ.)
3. Lewin K. *Field theory in social sciences*. Saint-Petersburg: Sensor, 2000, 368. (In Russ.)
4. Polster E., Polster M. *Integrated gestalt therapy: outlines of theory and practice*. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 1996, 272. (In Russ.)
5. Bollnow O. F. *The philosophy of existentialism: the philosophy of existence*. Saint-Petersburg: Lan, 1999, 222. (In Russ.)
6. Laing R. *Me and others*. Moscow: EKSMO-Press, 2002, 304. (In Russ.)
7. Shapoval I. A. Function and dysfunction of borders of ego: the effects of self-organization and self-disorganization system. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 2016, 5(1): 19–32. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2016050102
8. A general psychoevolutionary theory of emotions. *Emotion: Theory, research and experience*. Vol. 1: *Theories of Emotion*, eds. Plutchik R., Kellerman H. N. Y.: Academic Press, 1980, 3–33.
9. Prokhorov A. O., Valiullina M. E., Gabdreva G. Sh., Garifullina M. M., Mendelevich V. D. *Psychology states*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2011, 624. (In Russ.)
10. Kulikova T. V. *The philosophy of the "border"*. Nizhny Novgorod: NGPU, 2009, 192. (In Russ.)
11. Mokhovikov A. N. Mental pain: nature, diagnosis, and principles of gestalt therapy. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2003, (4): 104–127. (In Russ.)

12. Bernler G., Unsson L. *Theory of socio-psychological work*. Moscow: RU VNIIM, 1992, 342. (In Russ.)
13. Vasiliuk F. E. *Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984, 200. (In Russ.)
14. Dmitriyeva N. V., Samoylik N. A. *The crisis of identity: the phenomenology of experience*. Novosibirsk: NGPU, 2012, 279. (In Russ.)
15. Karpinsky K. V. *Questionnaire on the meaning of a life crisis*. Grodno: GrGU, 2008, 108. (In Russ.)
16. Osin E. N. The concept of alienation in educational psychology: history and perspectives. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 2015, 11(4): 79–88. (In Russ.) DOI:10.17759/chp.2015110407
17. Längle A. *Person: Existential analytical theory of personality*. Moscow: Genezis, 2008, 159. (In Russ.)
18. Lukyanov O. V. *Willingness to be. Introduction to transtemporal psychology*. Moscow: Smysl, 2009, 231. (In Russ.)
19. Binswanger L. *Being-in-the-world*. Moscow: KSP+; Saint-Petersburg: Iuventa, 1999, 300. (In Russ.)
20. Petukhova L. I. The locus of control and the boundaries of the existential space of the personality. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia*, 2012, (4): 99–102. (In Russ.)
21. Ammon G. *Handbuch der Dynamischen Psychiatric. Bd. 2*. Munchen: Er. Reinhardt Verlag, 1982, 967.
22. Magomed-Eminov M. Sh. *Personality transformation*. Moscow: Psikhhoanaliticheskaiia Assotsiatsiia, 1998, 496. (In Russ.)
23. Fominykh E. S., Shapoval I. A. Transformations of chronotope and personality borders as the disposition of destructiveness choice: between possibilities and objective laws. *Psychology and Psychotechnics*, 2017, (4): 23–36. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
24. Sokolova E. T. *Clinical psychology of Ego loss*. Moscow: Smysl, 2015, 895. (In Russ.)
25. Shapoval I. A. Affective expansion as a regulator of the borders of I: from the adaptation to the non-adaptive activity. *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiya*, 2017, 6(1): 1–17. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2017060101
26. Kalsched D. *Inner world of injury: archetypal defenses of the personal spirit*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2007, 368. (In Russ.)
27. Starshenbaum G. V. *Dynamic psychiatry and clinical psychotherapy*. Moscow: Izd-vo Vysshei shkoly psikhologii, 2003, 367. (In Russ.)
28. Wirtz U., Zöbeli J. *Thirst for meaning: a man in extreme situations. The limits of psychotherapy*. Moscow: Kogito-Centr, 2016, 328. (In Russ.)
29. Braun B. G. The BASK model of dissociation. *Dissociation*, 1988, 1(1): 4–23.
30. Maslach C., Jackson S. The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behaviour*, 1981, 2(2): 99–113.
31. Magnavita J. Toward a Unified Model of Treatment for Personality Disfunction. *Handbook of Personality Disorders*, ed. Magnavita J. Hoboken, N. Y.: John Wiley, 2004, 528–554.

оригинальная статья

УДК 81-362

Родовые корреляты как элиминация лакун*

Оксана М. Акай^{a, @, ID}^a Ростовский государственный экономический университет, 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Большая Садовая улица, 69[@] oksanaakay@gmail.com^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

Поступила в редакцию 05.03.2019. Принята к печати 11.06.2019.

Аннотация: На сегодняшний день можно констатировать большой разброс представлений о лакунах. Это знак, фиксирующий принцип наличия / отсутствия объекта или явления; феномен отсутствия в дискурсе, дискурсивные пропуски; различия, противоречия в смысловой сфере, выявляемые в коммуникации, акты непонимания; безэквивалентная лексика, реалии, белые пятна на семантической карте; нулевой коррелят, темные места; национально-специфические расхождения между языками; виртуальные единицы и т. п. Если считать, что лакуна не плод воображения, а единица, объективно существующая в языке, то становится очевидным: невозможно мысленно вставлять в систему языка бесконечное число чуждых единиц и на этом основании находить в ней лакуны. Идеи разноуровневой лакунарности множатся в работах, связанных с переводоведением и межкультурной коммуникацией. Особого внимания заслуживают грамматические лакуны, проявляющиеся в гендерном языковом членении. Женские родовые корреляты одушевленных имен мужского рода продуктивно анализировать как интраязыковые грамматические лакуны. Исследование этих форм в парадигме теории лакунарности позволяет сосредоточить внимание на их прагматических свойствах, поскольку системное отсутствие языковых единиц способствует прояснению их лингвопрагматических характеристик. При изучении родовых коррелятов как элиминации лакун были использованы следующие методы: метод привативных оппозиций, когда рассматривались изменяемые / неизменяемые лексические единицы, метод моделирования и психолингвистический метод, с помощью которого исследовались фрагменты языкового сознания у носителей языка и выявлялось наличие в семантике слов психологического компонента. Продуктивность и значимость элиминированных лакунарных форм для языкового сознания определяется рядом экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: грамматика, лингвопрагматика, грамматическая лакуна, морфологическая категория рода, пейоративность, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Акай О. М. Родовые корреляты как элиминация лакун // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 780–787. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-780-787>

Введение

Впервые термин *лакуна* был применен авторами «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» Ж.-П. Вине и Ж. Дабельне [1]. Передаваемое этим термином понятие оказалось наиболее востребованным в теории и практике перевода и межкультурной коммуникации [2–5]. Лакуна рассматривалась как межкультурный феномен, затрудняющий процесс перевода (в общем смысле весь процесс перевода представляется преодолением лакун – разнообразных барьеров, возникающих на пути адекватной передачи семантики и прагматики иноязычного текста) и межкультурную коммуникацию. В англоязычных же странах (кроме Канады) идеи Ж.-П. Вине и Ж. Дабельне остались практически неизвестными. Английский перевод «Сопоставительной стилистики

французского и английского языков» вышел спустя почти 40 лет после публикации оригинала, и в предисловии к этому переводу с сожалением констатируется, что французский оригинал книги постигла участь почти всех научных изданий, выходящих не на английском языке: она осталась за пределами внимания англо-американских лингвистов. В англоязычной науке термин *lacunology* получил совершенно иное значение, а именно: восстановление с помощью компьютерных технологий утраченных или не пригодных для чтения мест (лакун) в древних рукописях. В научных статьях на английском языке, где речь идет о межкультурных лакунах, для обозначения отрасли сопоставительной лингвокультурологии используется искусственно сконструированный и не вполне благозвучный термин *lacunaology*. Для обозначения лакун

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016.

в английской литературе используется термин *gap*, случайные пробелы в речевых моделях обозначаются как *random notes in speech patterns*.

Как и большинство лингвистических терминов, обозначения *лакуна*, *лакунарность* далеки от однозначности и коррелируют (или просто смешиваются) с такими сущностями, как имплицитность, скрытые категории, нулевые знаки. В отдельных работах высказывались различные предложения, связанные с упорядочением терминологии в этой сфере, однако на сегодняшний день можно констатировать преобладание многозначности по типу метонимии: лакуна – это и само явление (=лакунарность), и единица, которая отсутствует вместо должествующего, т. е. виртуальная сущность. В обоих значениях лакуна имеет исключительно релятивный характер: термин приобретает смысл только тогда, когда некий объект сравнивают с неким шаблоном, оценивается относительно этого шаблона [6, с. 189–190]. Лакунарность охватывает все уровни, в том числе «верхние», т. е. предложение и текст, однако наибольшее исследовательское внимание, как правило, привлекают лексико-фразеологические лакуны.

Явление лакунарности пронизывает (в различных вариациях) всю знаковую деятельность. Но если в изучении лексических, лексико-стилистических, эмотивных лакун уже достигнуты существенные результаты, которые находят применение в практике перевода и – шире – межкультурной коммуникации, то грамматические лакуны (которые нередко оказываются грамматико-стилистическими) исследованы неизмеримо хуже. Между тем анализ явления грамматической лакунарности в качестве результата лингвоисторического опыта познания мира, исследование грамматических лакун как отражения наиболее существенных корреляций объективной действительности, мышления и языка не менее значимы, чем изучение лексических лакун.

Методы и материалы

Актуальность исследования лакунарности определяется тем, что годы разработок проблематики лакунарности пока мало приблизили лингвистическую теорию к ответу на важнейший вопрос о причинах существования межъязыковых и интраязыковых лакун.

Феномен лакунарности в высшей степени значим для языков мира. Вопросы лакунарности находятся на пересечении целого ряда общелингвистических проблем – прежде всего, интеллектуально-логического и когнитивно-прагматического аспектов интерпретации элементов языковой системы. Особый интерес представляют способы компенсации (элиминации, восполнения) грамматических лакун, когнитивная и лингвопрагматическая характеристика элиминированных лакун. Рассмотрим процесс и результат элиминации

грамматических лакун на примере морфологической категории рода одушевленных существительных.

В индоевропейском праязыке-основе реконструируются две родовые системы: противопоставление одушевленного – неодушевленного родов и противопоставление мужского – женского – среднего родов. Эти две системы принадлежат разным эпохам (вторая более поздняя), они гетерогенны. Впоследствии одушевленный род преобразовался в мужской и женский, а древний неодушевленный род получил значение среднего рода. «Вторичность» и производность женского рода в этой новой системе родов отчетливо проявляется в области семантического содержания родовых коррелятов, которые составляют привативную оппозицию: мужской род = весь предметный класс (родовое понятие), а не только мужской пол, в то время как женский род в соотносительных случаях указывает исключительно на женский пол. Именно этим обстоятельством обусловлена родовая лакунарность – отсутствие (во всяком случае в узусе) парных наименований женского рода.

Как известно, грамматика исследует законы, по которым наши мысли принимают материальную, языковую оболочку. Если Э. Сепир связывал наличие родов с «догмами бессознательного», с архаичными концептами, которые поддерживаются в современных языках инертностью грамматической формы» [7, с. 77–78], то А. А. Потебня отмечал, что «грамматический род принадлежит к числу общих человекообразных понятий (антропоморфических категорий), служащих для расчленения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли» [8, с. 461]. Как убедительно показано в работах А. А. Потебни, формы мужского и женского рода никогда не бывают системно пустыми, они сохраняют свое категориальное значение даже в том случае, если они характеризуют неодушевленные существительные, что прекрасно видно при поэтическом использовании таких слов (при олицетворении или сравнении). Тем более семантически значим род у одушевленных существительных – у антропонимов и зоонимов.

Типизированным стилистическим приемом стало сопоставление грамматического рода неодушевленного существительного и гендерных характеристик лица. Например, заголовок статьи «Валентина Матвиенко: "Мне никогда не делали скидок на то, что я женщина"», а также фрагмент текста (интервью с председателем Совета Федерации Валентиной Матвиенко):

– Вы не раз обращали внимание на то, что в России во власти мало женщин. Может, следует ввести квоты в руководстве партий, структур власти? Ведь слово «власть» – женского рода.

– Вы правы, слово «власть» – женского рода, но на протяжении веков лицо ее было по преимуществу мужским.

Женщины во главе государства, правительства, в политике были исключением (Аргументы и факты. 05.06.2019. № 23).

Элиминированные единицы, связанные с категорией рода, слабо изучены с точки зрения их прагматических возможностей в языке. Между тем только в самых элементарных случаях элиминированные единицы (или их отсутствие) объясняются очевидными экстралингвистическими причинами (ср. наличие в латинском гендерных коррелятов типа *orator* – *oratrix*, *fabricator* – *fabricatrix*, *piscator* – *piscatrix*, *sartor* – *satrix* и их отсутствие в случаях типа мужских наименований типа *senator*, *falcarius*, *pictor*, *sutor*, *iudex* и женских типа *lanifica*, *vestlis*, *vistipecta*). Различия же, например, в современном русском и в современном болгарском языках с точки зрения семантизации гендерного компонента далеко не так очевидны (в болгарском, как известно, суффикс -к- с морфонетической точки зрения беспрепятственно присоединяется к различным по происхождению и составу словам (причем женские корреляты типа *авиаторка*, *авторка*, *бригадирка*, *директорка*, *министърка*, *музиковедка* в стилистическом плане абсолютно нейтральны).

В русском языке последних десятилетий количественный рост имен, называющих лиц по профессиям, в которых заняты в том числе и женщины (*брокер*, *дилер*, *джоббер*, *дистрибьютор*, *менеджер*, *мерчендайзер*, *риэлтор* и под.), мало влияет на образование параллельных наименований женского рода (особенно в стандартном варианте литературного языка). Ср.:

У нас предостаточно слов, не имеющих необходимых параллельных образований. «Врач», «доцент», «редактор», «менеджер» – из этих «мужских» слов боги языка, к сожалению, не вынули по ребру, чтобы изготовить женские варианты (Новиков В. И. Роман с языком).

В немецком языке наблюдается более прямолинейная связь между распространенностью профессии среди женщин и компенсацией лакуны. В 1987 г. были изменены формуляры переписи населения Германии: женщины могли указывать названия профессий в женском роде при помощи суффикса -in: *Facharbeiterin*, *Richterin*, *Journalistin*. Затем было принято следующее написание: *Richter* + *Richterin* = *RichterIn* [9, с. 125].

Итак, далеко не каждое одушевленное существительное имеет родовую грамему с однозначным номинативным наполнением. Одушевленные существительные-эпицены типа *бурундук*, *соболь*, *ласка*, *выдра*, а также названия детенышей животных типа *котенок*, различение которых по полу обычно несущественно для человека, все без исключения разбиты по родовым грамматическим классам. Форма рода в этих случаях асемантична, поскольку реально подобными именами могут быть обозначены существа как мужского

пола, так и женского [10, с. 93]. При отсутствии номинативной значимости родовых категориальных форм жестко обязательны формальные средства выражения рода, прежде всего – синтагматические, поэтому нередко говорится о синтаксическом характере категории рода, о том, что он служит главным образом для запуска формальных механизмов синтаксиса.

Однако, с когнитивной точки зрения маркеры рода выступают частью «конструктивной схемы» существительных: в составе словоформ одушевленных существительных они служат для выражения семантики пола, а в рамках неодушевленных существительных любой родовой маркер имеет, как считает Р. Лангакер, значение «предмет», т. е. эквивалентен когнитивной схеме всего класса существительных [11, р. 306].

В словарях русского языка не более 7 % существительных, однозначно информирующих о мужском поле (*дедушка*, *тенор*, *мерин*), и не более 1,5 %, однозначно информирующих о женском поле (*графиня*, *роженница*, *львица*) [12, с. 19]. Возможно, именно малочисленность существительных, однозначно указывающих на пол, делает актуальными коррелятивные формы – отсутствующие в узусе, однако, при необходимых условиях всегда готовые к использованию и всегда однозначно (с точки зрения семантики) понимаемые. Прагматика же этих форм в высшей степени разнообразна и зависит от совокупности факторов как собственно лингвистических (текстовых), так и экстралингвистических (социальных).

Результаты

В трудах, анализирующих лингвопрагматические характеристики коррелятивных форм рода антропонимов [9; 13–15], отмечается, что чаще всего такие формы связаны с пейоративностью, ср.:

Надвигается 82 года. Была вчера врача NN, которая, очевидно, и уложит меня в гроб. Она сказала, что в моей истории болезни записано: считает себя здоровым! Нет, я считаю себя очень больным, но, ненавидя лечиться, не желая, чтобы врача (очень тупая) надоедала мне ежедневными визитами, я ежедневно говорю ей: – Чувствую себя превосходно (Чуковский К. И. Дневники).

Через пару месяцев, впрочем, у этой служебной и, по совести, давно подлежащей списанию мебели обнаружилась более законная хозяйка – вернувшаяся после годового пребывания в Польше энергичная докторица наших наук. <...> Можно, конечно, терзать душу провалами «Спартак» или нашей сборной, а можно ту же энергию потратить на то, чтобы болеть за свою единственную жену, не игрово, а всерьез борющуюся с замдиректоршей института. <...> Пожилые доктора и докторши наук почему-то обращались к молодой

и абсолютно уверенной в себе писательнице как к некоей пифии... (Новиков В. И. Роман с языком).

Элиминированная единица, вынесенная в заголовочную позицию, особенно ярко коннотирует пейоративные смыслы. Ср. рассказ А. П. Чехова «Юристка», где речь идет о дочери европейского министра, помогавшей своему родителю в составлении диких законопроектов.

Женские корреляты зоонимов, конечно, не связываются однозначно с отрицательной экспрессией. Все эти *крокодилы*, *бегемоты* и под. – обычные персонажи, например, детской литературы, где они, естественно, никакой отрицательной экспрессии не несут: *Крокодилица*, *Его детушек кормилица*, *поилица* (Чуковский К. И. Крокодил); *Льют жираф с жирафихой слезы крокодилы* (Высоцкий В. С. Песенка про жирафа). Для формирования пейоративности нужны дополнительные средства. Ср. эпиграмму А. Архангельского на И. Эренбурга, где отрицательная экспрессия создается за счет таких женских коррелятов:

*У Эренбурга скромный вид,
Ему несвойственна шумиха.
Фундаментален, как слониха,
И, как крольчиха, плодовит.*

Плодовитость – это в общем похвальное свойство (писателя в том числе); иное дело – как *крольчиха*, *плодовит*; а *фундаментален* в сочетании с зооморфным сравнением и вовсе теряет мелиоративность.

Пейоративностью (в разных ее проявлениях), разумеется, не исчерпывается прагматика элиминированных лакун. Ср. в «Дневниках» К. И. Чуковского форму *врачи́ха*, которая с точки зрения коннотационных свойств абсолютно нейтральна, но отлично передает разговорные приметы речи (воспроизводятся «новости»):

От Вирты – естественный переход к Сурову, который дал по морде и раскрыл череп своему шоферу и, когда пришла врачиха, обложил ее матом. Сейчас его исключили из партии – и из Союза писателей (Чуковский К. И. Дневники). Ср. также:

А еще через несколько дней жена потеряла сознание. Николай Михайлович похлопал ее по щекам, потом облил холодной водой. Она медленно тяжело очнулась.

– *Что, за фельдшершей?* – спросил Елтышев, помогая ей добраться до кровати.

– *Да что она... В больницу надо...* (Сенчин Р. В. Елтышевы).

В разговорной речи, как видим, при референциальном использовании предпочтительнее оказывается коррелят женского рода (даже труднопроизносимый – *фельдшерша*).

Род существительных, как правило, не относят к разряду коммуникативно обусловленных категорий: даже в исследованиях, которые опираются на идеи коммуникативно ориентированной грамматики, род определяется только на формально-синтаксических основаниях. Категория рода исследуется вне составляющих акта коммуникации, поскольку правила согласования по роду являются обязательным условием грамматической правильности. Род, конечно, участвует в структурировании текста в качестве параметра когезии: отношения анафорической когезии теснейшим образом опираются на номинативный или синтаксический элементы грамматической семантики антецедента-существительного: тождество рода (и числа) является минимальным условием кореферентности имени и местоимения. Однако обеспечением связности текста роль категории рода отнюдь не исчерпывается [16].

Выбор формы рода – стандартного мужского или элиминированной лакун (т. е. женского) – нередко определяется именно условиями коммуникации. С. Г. Мамечков [12, с. 12–13], основываясь на идеях М. В. Панова [17, с. 78; 18, с. 190] и Е. В. Клобукова [19, с. 25–28; 20, с. 72], пишет о внутреннем и внешнем контекстах, обуславливающих особенности форм грамматического рода. Под внутренним контекстом категориальной грамматической формы (граммемы) имеется в виду совокупность лексико-семантических свойств слова и грамматических факторов. Итак, внутренний контекст обуславливают следующие факторы: 1) лексическая семантика основы (антропонимы, зоонимы, мифонимы); 2) референциальные свойства имен (конкретно-референтное, неконкретно-референтное, неререферентное употребление). Внешний контекст для граммы рода составляют: 1) тип языковой функции, реализуемый в высказывании (коммуникативная, номинативная, креативная); 2) тип коммуникативной ситуации (определяется целью и характером участников коммуникации); 3) различие детской и взрослой речи; 4) режим интерпретации высказывания; 5) речевой жанр; 6) коммуникативный регистр речи.

Большинство этих факторов значимы и для оценки элиминации родовых лакун – женских коррелятов одушевленных имен. Лексическая семантика (и соответственно – денотативная, референциальная отнесенность) определяет степень востребованности коррелята. Ясно, что активная элиминация в случае слова *ткач* обусловлена референциальной соотнесенностью и значимостью соответствующей профессии, что меняется в диахронии (ср. 9 единиц в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля – *ткагельница*, *ткачиха*, *ткачка*, *ткальа*, *ткаха*,

ткеля, точеля, ткалиха, тчеля¹; 4 единицы в Словаре русского языкового расширения А. И. Солженицына – *ткаля, ткаха, ткалиха, точеля* (как известно, в этом словаре собраны редкие или вовсе забытые слова, которые, по мысли автора, «не заслуживают преждевременной смерти», и потому читателю напоминают о них, чтобы они хотя бы изредка использовались в речи)².

Чрезвычайно важно и различие конкретно-референтного использования и нереферентного употребления. Еще М. В. Панов проанализировал предложения: *Почтальон принес письмо – Почтальонша принесла письмо* – и сделал вывод о том, что здесь различия не только (и не столько) связаны с категориями рода-пола, сколько с общей прагматикой высказываний, в которых использованы эти родовые корреляты. Эти два предложения связаны с разными целями высказывания: первое сообщение уместно, когда главное в нем само письмо, а не кто его принес. Так как именно такая прагматическая установка наиболее обычна, более частотным является именно первый вариант. Во втором случае актуализируется субъект действия, т. е. налицо референтное употребление, и потому выбирается элиминированная форма [18, с. 238].

Естественно, важно различие стандартного и нацеленного на креатив высказывания. Хорошо известно, что в стандартном (тем более официально-деловом) тексте элиминированные родовые лакуны почти отсутствуют, и никаких изменений в этой сфере не наблюдается. В документах по-прежнему фигурируют *учитель, юрист, врач, инженер* и т. д. как немаркированные члены родовой оппозиции, способные передавать семантику как мужского, так и женского пола. Впрочем, в парах *студент / студентка, школьник / школьница, выпускник / выпускница, дипломник / дипломница* как немаркированная единица может использоваться только форма множественного числа. В единственном числе независимо от стиля, речевого жанра, общей целеустановки высказывания и частных интенций отправителя речи для обозначения лиц женского пола употребляется только элиминированная форма, ср. в предисловии к вузовскому учебнику: *Выражаю благодарность моим дипломницам О. Бураковой и Д. Курило за помощь в сборе материала по концептам «война» и «зимняя ночь»* [21, с. 5].

Существенен и состав участников акта коммуникации. Еще А. Т. Твардовский заметил, что слова *повар – повариха* вполне нейтральны по отношению к конкретному повару Ивановой, если она не присутствует при разговоре, но в присутствии человека женский коррелят оскорбителен [13].

Актуально противопоставление детской и взрослой речи. *Врачиха*, если это не в детской речи (характеризующей гиперрегулярными соответствиями между родом существительного, даже неодушевленного, и биологическим полом), звучит обидно.

Элиминированная форма, особенно редкая, может служить для обозначения присутствия в авторском тексте чужого сознания, чужого аспекта, а также чуждых для повествователя форм речи, т. е. быть знаком несобственно-прямой речи:

«Очень может быть», – заключила Варвара Тимофеевна и скудно посмотрела на врачиху. Врачиха была хоть и полная, но какая-то худая (Токарева В. С. Центр памяти).

Присутствие в авторском тексте чужого сознания, чужого аспекта и чужого голоса, чужих и чуждых для повествователя форм речи выявляется на уровне образования коррелятивной родовой формы – элиминированной лакуны.

Наконец, продуктивность и значимость для языкового сознания элиминированных форм определяется комплексом экстралингвистических факторов. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие факты. В Словаре В. И. Даля соотносительные суффиксальные названия женщин составляют одну четвертую по отношению к общей сумме зафиксированных названий лиц. В комментариях к *косариха* В. И. Даль указывает: «Косьба и молотьба у нас работы мужские, но местами бабы косят и молотят». После революции идут на убыль имена со значением «жена по профессии мужа» (как отражающие зависимость, социальное неравенство женщин), но приобрели необыкновенную популярность образования с суффиксом *-к-*, отражающие новые профессии женщин, а также новым творимым мифам. В 30-е гг. в главном иллюстративном журнале страны «Огонек» не найти заметок о политических процессах, зато очень много портретов советских людей, и на 70 % это портреты женщин: трактористки и машинистки, втузовки и вузовки, снявшие паранжу узбечки и гордые горянки излучают бесконечное счастье и энтузиазм [22].

В способах элиминирования интраязыковых лакун в художественных текстах ярко проявляется языковая личность автора. Так, А. И. Солженицын последовательно применяет женские корреляты, и в этом проявляется не только стремление к точной номинации, но прежде всего – желание уйти от одного из характерных свойств тоталитарного языка с его нивелировкой людей. У А. И. Солженицына находим элиминированные лакуны даже в случае номинации воинского звания: *Лейтенант написал записку и передал*

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1-е изд. М., 1866. Ч. 4. С. 372.

² Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 241.

ее Тоне, татарочке из акустической, тоже лейтенантке (Солженицын А. И. В круге первом).

Естественно, что наиболее актуальные элиминированные лакуны вследствие своей частотности могут изменить свой статус и превратиться в системные образования, соответствующие общей грамматической норме. Однако по большей части они остаются вне узуса и появляются отнюдь не для стандартной передачи информации, а для выражения разного рода прагматических сознаний [23, с. 23].

Заключение

Элиминацию грамматических лакун продуктивно рассматривать как лингвокреативную деятельность, и результаты этой деятельности необходимо тщательно анализировать с точки зрения обуславливающих факторов. Интраязыковые лакуны на базе категории рода – это образования, узואльно

не закрепленные в языке, но потенциально готовые к речевой реализации. Они выделяются на основании соотношения существительного мужского рода с коррелятивным существительным женского рода, не имеющим материального выражения в языке, но обладающим способностью обрести его в контекстном употреблении. Системное отсутствие языковых единиц способствует прояснению их прагматических характеристик. Мера перспективности элиминированных лакун зависит от многих факторов текстообразования. Элиминированные лакуны реализуют семантические установки текста, соотносятся с языковой картиной мира автора и возможных реципиентов, являются результатом предпочтений отправителя текста. Контекст элиминированной лакуны (и микроконтекст, и широкий контекст ситуации) позволяет судить о ее креативном потенциале и прагматических возможностях.

Литература

1. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris: Didier; Montreal: Beauchemin, 1958. 331 p.
2. Бекасов М. Д. Статус понятия лакуны в теории перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 588. С. 9–17.
3. Глазачева Н. А. Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 18 с.
4. Коптева О. В. Лакунарность как познавательный подход в межкультурных исследованиях // Проблемы прикладной лингвистики: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2008. С. 106–108.
5. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.
6. Дымарский М. Я. Возможна ли онтологическая интерпретация понятия лакуны? // Лакунарность в языке, картине мира, слове и тексте. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. С. 189–195.
7. Сепир Э. Язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 26–203.
8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
9. Лазарев В. А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 256 с.
10. Брусенская Л. А. Многообразие нормы или грамматическая ошибка? // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 90–94.
11. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.
12. Мамечков С. Г. Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 437 с.
13. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 188 с.
14. Малащенко М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики. Ростов н/Д: Ростовский гос. ун-т, 2003. 312 с.
15. Куликова Э. Г. Лингвистическая и паралингвистическая нормы в современной ситуации общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 86–91.
16. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2016. 184 с.
17. Панов М. В. О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика / отв. ред. В. С. Храковский. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 75–89.
18. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Языки русской культуры, 1999. 275 с.
19. Клобуков Е. В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (морфологические категории в системе языка и в дискурсе): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 74 с.
20. Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. М.: Изд-во МГУ, 1979. 96 с.

21. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
22. Мелихова Е. В. Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 157 с.
23. Марковина И. Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания» // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 12–33.

Generic Correlates as Lakunae Elimination*

Oksana M. Akay^{a, @, ID}

^a Rostov State Economic University, 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344007, Russia

@ oksanaakay@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0003-2773-5384>

Received 05.03.2019. Accepted 11.06.2019.

Abstract: There is a large scatter of ideas about lacunae in modern linguistics. The lacuna phenomenon can be defined as a sign, a fixing principle of the presence / absence of an object or phenomenon; the phenomenon of absence in discourse, discursive omissions; differences, contradictions in the semantic sphere, revealed in communication, acts of misunderstanding; non-equivalent vocabulary, reality, white spots on the semantic map; zero correlate, dark holes; national specific differences between languages; virtual units, etc. If we assume that the lacuna is not a figment of imagination, but a unit that objectively exists in a language, it becomes obvious that it is impossible to mentally insert an infinite number of alien units into the language system. Thus, it would be wrong to identify the presence of lacunae in a language on this basis. The ideas of multi-level lacunarity are multiplying in works related to translation studies and intercultural communication. Particular attention should be given to grammatical lacunae, manifested in the linguistic gender. Feminine generic correlates of animated masculine names are productively analyzed as intralingual grammatical lacunae. The study of these forms in the paradigm of the theory of lacunarity makes it possible to focus on their pragmatic properties, since the systemic absence of linguistic units helps to clarify their linguistic-pragmatic characteristics. The following methods were used to study generic correlates as lacunae elimination. The method of privative oppositions was employed to study changing / unchangeable lexical units; the modeling method and the psycholinguistic method were used to study fragments of linguistic consciousness in native speakers and to detect the psychological component in the semantics of words. Based on the study of semantic-cognitive characteristics of language lacunae, their fundamental ambiguity and heterogeneity, it seems legitimate to isolate a specific area of the linguistic field called lacunology.

Keywords: grammar, linguo-pragmatics, grammatical lacuna, morphological category of the gender, pejorativity, intercultural communication

For citation: Akay O. M. Generic Correlates as Lakunae Elimination. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 780–787. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-780-787>

References

1. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris: Didier; Montreal: Beauchemin, 1958, 331.
2. Bekasov M. D. The status of the term "lacune" in comparative linguistics and theory of translation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, (588): 9–17. (In Russ.)
3. Glazacheva N. L. *The lacunization model as a component of the theory of translation in Russian and Chinese*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2006, 18. (In Russ.)

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 19-012-0016.

4. Kopteva O. V. *Lacunarity as a cognitive approach in intercultural research. Problems of Applied Linguistics: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Penza: Privolzhskii dom znaniy*, 2008, 106–108. (In Russ.)
5. Markovina I. Iu., Sorokin Iu. A. *Culture and text. Introduction to lacunology: study guide*. Moscow: GEOTAR-Media, 2010, 144. (In Russ.)
6. Dymarskii M. Ia. Is an ontological interpretation of the concept of lacuna possible? *Lacunarity in Language, Picture of the World, Dictionary and Text*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2009, 189–195. (In Russ.)
7. Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress, 1993, 26–203. (In Russ.)
8. Potebnia A. A. *From notes on Russian grammar. Vol. 3. On Changing the Meaning and Substitutions of a Noun*. Moscow: Prosveshchenie, 1968, 551. (In Russ.)
9. Lazarev V. A. *Morphological categories: anthropocentric and linguacultural aspects of interpretation*. Rostov-on-Don: IPO PI IUUFU, 2009, 256. (In Russ.)
10. Brusenskaia L. A. Variety norm or grammatical error? *Russkii iazyk v shkole*, 2000, (4): 90–94. (In Russ.)
11. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991, 395.
12. Mamechikov S. G. *Functional-semantic field of biological sex in modern Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 437. (In Russ.)
13. Laskova M. V. *Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics*. Dr. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2001, 302. (In Russ.)
14. Malaschenko M. V. *Name in the linguopragmatic paradigms*. Rostov-on-Don: Rostovskii gos. un-t, 2003, 312. (In Russ.)
15. Kulikova E. G. Linguistic and paralinguistic norms in the modern situation of communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, (1): 86–91. (In Russ.)
16. Brusenskaia L. A., Kulikova E. G. *Environmental linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 184. (In Russ.)
17. Panov M. V. On the positional alternation of grammatical meanings. *Typology and grammar*, ed. Khrakovskii V. S. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991, 75–89. (In Russ.)
18. Panov M. V. *Positional morphology of the Russian language*. Moscow: Nauka, Iazyki russkoi kultury, 1999, 275. (In Russ.)
19. Klobukov E. V. *Theoretical foundations of the study of the morphological categories of the Russian language (morphological categories in the system of language and in discourse)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1995, 74. (In Russ.)
20. Klobukov E. V. *Theoretical problems of Russian morphology*. Moscow: Izd-vo MGU, 1979, 96. (In Russ.)
21. Maslova V. A. *Cognitive linguistics*. Minsk: TetraSystems, 2004, 256. (In Russ.)
22. Melikhova E. V. *Problems of lexicography of the construct "gender" in the Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2008, 157. (In Russ.)
23. Markovina I. Iu. The elimination of lacunae as an action of the socio-psychological mechanisms of "attraction" and "repulsion". *Journal of psycholinguistics*, 2006, (3): 12–33. (In Russ.)

Словообразовательные категории адъективов со значением «признак по действию» в современном русском языке

Лариса В. Алпеева^{a, @, ID}

^a Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 190005, Россия, г. Санкт-Петербург,

ул. 2-я Красноармейская, 4а

@ lars41@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5329-5306>

Поступила в редакцию 03.03.2019. Принята к печати 25.06.2019.

Аннотация: В современной лингвистике, сопрягающей с когнитивным аспектом, дискуссионные вопросы дефиниции инвариантных единиц в дериватологии остаются по-прежнему актуальными. Выделение такой единицы, как словообразовательная категория, несмотря на интенсификацию её изучения в последние десятилетия, вызывает много вопросов. Наиболее актуальными из них являются следующие: соотношение ономастических и словообразовательных категорий, отражение концептов в словообразовательных категориях, тип значения, положенный в основу отождествления словообразовательных типов, объём и типология словообразовательных категорий, их возможная иерархия, взаимодействие словообразовательных типов внутри категории. В данной статье анализируются перечисленные узловые проблемы, высказывается авторская точка зрения на объём данной эмической единицы. В частности, говорится об избыточности привлечения к дефиниции словообразовательной категории таких формальных критериев, как часть речи производящей и производной основ и способ словообразования, как не имеющих отношения к функциональному анализу языковых единиц. Кроме того, обосновывается актуальность исследования выбранного эмпирического материала, т. к. на данном этапе в русистике нет описания производной адъективной лексики ни в синхроническом, ни в диахроническом аспектах, за исключением одной работы на материале псковских говоров. Выбранный автором объект исследования является новым пластом лексики, анализируемым в таком ключе. В данной статье представлен фрагмент описания словообразовательной категории адъективов со значением «признак по действию». Внимательное изучение материала позволяет сделать следующие выводы: в одной и той же словообразовательной категории в зависимости от грамматических качеств мотивирующего глагола (его вида и производности) возможны отношения то дополнительной, то свободной дистрибуции между однофункциональными словообразовательными типами, что не только имеет объяснительную силу по отношению к имеющимся в языке адъективам с таким значением, но и возможность прогнозирования появления новых лексем и других изменений в словообразовательных категориях.

Ключевые слова: словообразовательный тип, словообразовательное значение, отглагольные прилагательные, когнитивное словообразование, языковая картина мира, концепт, словообразовательная система, свободная дистрибуция, дополнительная дистрибуция

Для цитирования: Алпеева Л. В. Словообразовательные категории адъективов со значением «признак по действию» в современном русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 788–800. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-788-800>

Введение

Данная тема представляется актуальной по нескольким причинам.

1. Вопрос о категоризации человеком окружающего мира находится в стадии активной разработки рядом наук, в том числе и лингвистикой.

2. В словообразовательных категориях отражаются итоги осмысления мира.

3. Актуальность анализа словообразовательной системы с когнитивных позиций, а именно таких рубрик членения окружающего мира, как словообразовательные категории, очевидна.

4. Словообразовательная категория (далее СК) в целом изучена в теоретическом плане недостаточно, и в данной статье обозначаются те проблемные точки, которые требуют разрешения для получения инструментов описания СК.

5. В последние годы в русистике описаны некоторые СК существительных русского языка: В. М. Грязнова [1], И. А. Трубицина [2], Г. В. Белякова [3], О. Б. Борисова [4], О. Н. Громакова [5], О. Я. Иванова [6], И. О. Толстова [7]. Описания СК отглагольных адъективов русского языка на сегодняшний день нет. «Признаковая деривационная семантика, специфичная и сложная для научного осмысления, нуждается, безусловно, в специальном изучении» [8, с. 7], т. к. операции с признаковыми и процессуальными сущностями происходят иначе, чем с предметными.

Отражательные категории, к которым относятся относительные прилагательные, имеют важное значение «для понимания лингвокреативной деятельности человека в языке» [9, с. 215].

Инвариантные единицы в языкознании

Описание любой части системы языка в связи с асимметричной природой языкового знака невозможно без определения инвариантных единиц как основы исследования. В зависимости от целей классификации материала решение проблемы тождества и различия элементов языка может решаться по-разному. Например, введение понятия фонемы в ЛФШ и в МФШ проводилось с различными целями и на различных основаниях.

Изоморфность уровней языка постоянно подталкивает учёных проецировать достижения исследований одного уровня на другие, искать аналогии.

С поворотом научной парадигмы к функциональному описанию начались активные поиски инвариантов разных уровней языка в этом направлении. Так, в лексикологии предлагались к обсуждению понятия сенсемы (О. Л. Каменская), инлексемы (Ф. А. Краснов), гиперлексемы (Э. М. Медникова); в настоящее время А. Н. Рудяков предлагает такую инвариантную единицу номинации, как семантема [10] и т. д. В морфемике Г. С. Зенковым было предложено понятия суффиксемы и префиксемы [11], вслед за ним мы предложили понятие конфиксемы [12]. В дериватологии мы также видим соотносительные устоявшиеся понятия: словообразовательный тип (далее СТ) и СК. Подробнее о становлении эмических единиц в дериватологии можно прочесть в нашей статье, опубликованной в 2018 г. [13].

Понятие словообразовательной категории

Идея о возможности широкой и не ограниченной какими-либо фонетическими признаками вариативности физической субстанции лингвистических единиц, а следовательно, вторичность формальных критериев по отношению

к содержательным в той или иной огласовке выдвигалась многими учёными, в том числе русистами И. А. Бодуэном де Куртенэ, В. А. Богородицким, Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым. Установка ономаσιологических концепций явилась основополагающей для семантико-словообразовательного описания русского языка. Попытки дефиниции единицы, обобщающей СТ на основании одинакового словообразовательного значения (далее СЗ) безотносительно их формальной близости, обозначились ещё в 60-х гг. прошлого века. Так, Г. С. Зенков в 1969 г. предложил термин *дериватема* [11], О. П. Ревзина – в том же году – понятие лексико-семантического поля [14].

В настоящее время наиболее широкое хождение в лингвистической литературе в качестве названия инварианта по отношению к СТ имеет термин *словообразовательная категория*. Из первых употреблений этого термина в 1960–1970-е гг. можно назвать работы М. Докулила [15], Р. С. Манучаряна [16] и Е. А. Земской [17]. Термин прижился, но содержательное его наполнение разнится. Некоторые исследователи включают в качестве критерия для объединения в одну СК не только общность СЗ, но и такие параметры, как общность способа словообразования и части речи производящих, т. е. вводят ограничения формального порядка. Такая же двойственность наблюдается при интерпретации морфем в РГ-80¹. Трудно согласиться, что это можно считать функциональным подходом, даже в узком понимании.

Приведём наши соображения относительно данных моментов.

1. Объём понятия СК имеет наиболее явные расхождения у авторов. Рассмотрим такой постулат, как единство частеречной общности мотивирующих основ, который, на наш взгляд, не оправдан и потому избыточен.

Возьмем, к примеру, СК со значением «предназначенный для действия, названного мотивирующей основой», которую на правах вариантов представляют следующие словообразовательные типы: «основа глагола + *-тельн-*», «основа глагола + *-льн-*», «основа глагола + *-н-*». Приведём примеры таких слов: *летательный*, *сверлильный*, *смывный*.

Абсолютно тождественным значением обладают и некоторые другие дериваты, где наблюдается расхождение формальной и смысловой мотивированности. Например, слово *отбельный* толкуется в САН-4: «Относящийся к отбелке. <...> // Предназначенный, служащий для отбелики»².

Что касается таких слов, как *разгрузочный*, *передельный*, *покрасочный* и т. п., то они, будучи деноминативными, ассоциируются не только с *nomina actionis* (названиями действия), от которых формально произведены, но и с глаголом.

¹ Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 123–132.

² Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп., М.: Русский язык, 1981. Т. 2. С. 662.

Семантическую равнозначность прилагательных со значением «предназначенный для действия», образованных непосредственно от глаголов и через существительные, можно проиллюстрировать следующим примером: машина, служащая для промывания каких-либо веществ, в разных отраслях народного хозяйства называется то *промывной*, то *промывочной*, то *промывательной*.

Мотивацию глаголом подтверждают синонимичные отношения прилагательных на *-очный* не только с другими отглагольными прилагательными (*сверловочный* – то же, что и *сверлильный*), но и с причастиями, например, *упаковочная машина* – *упаковывающая машина*, *фасовочный автомат* – *фасующий автомат*. В. Г. Гак признаёт имена действия субстантивными аналогами глаголов, с которыми они входят в одно функционально-семантическое поле действия [18, с. 79].

Есть ещё один пласт слов т. н. чересступенчатого словообразования. Образование адъективов со значением процессуального признака при отсутствии в цепочке глагола встречается ещё у А. С. Пушкина (*я огончарован*). В наше время оно продуктивно в терминологии и языке художественной литературы. И хотя о частеречном статусе таких дериватов можно спорить, наличие процессуального признака, включающего видо-временные и субъектно-объектные семы позволяет нам включать такие образования в наше исследование.

Такой параметр расширения СК, как выведение из дефиниции частеречного признака производящей основы, представляется плодотворным, поскольку семантика действия сохраняется в *nomina actionis*, что позволяет «донести» её до последней ступени словообразовательного процесса (непроизводный глагол → существительное → прилагательное). Более того, освобождение от формального аспекта позволяет увидеть динамику словообразовательных систем, поскольку с расхождения формальной и семантической мотивации начинается движение в области формирования новых словообразовательных средств.

Так, например, регулярность фрагментов таких цепочек, как *формовать* → *формовка* → *формовочный*, *смывать* → *смывка* → *смывочный*, вызвала к жизни образование дериватов по аналогии при отсутствии промежуточного звена – субстантива, что привело к формированию абсолютно новой модели. И если в 1960-е гг. исследователи отмечали,

что отсутствие существительных на *-ка* механически ведёт к отсутствию прилагательных на *-очный* [11], то уже в 80-е гг. высокая регулярность этой модели привела к тому, что всё чаще прилагательные на *-очный* стали продуцироваться непосредственно от глагольных основ, минуя стадию существительного. Примеры: *помывочный*³, *пиловочный*⁴, *премировочный*⁵, *обмывочный*⁶, *передаточный*⁷, *шкерочный*⁸ т. д. В данном случае мы имеем дело с появлением нового форманта, что подтверждают отмечаемые в современных словарях *раздаточный*, *рафинировочный*, образованные непосредственно от глаголов. Это убедительная иллюстрация возможности расширения СК за счёт появления новых однофункциональных словообразовательных типов. Более того, появились пока малочисленные отымённые дериваты с суффиксом *-очн-*: *обмолоточный*, *помолочный*, *посолочный*, *отёлочный*⁹, образованные от *обмолот*, *помол*, *посол* и *отёл*.

Итак, мы убедились, что на входе СК в качестве производящих могут быть признаны слова разных частей речи, если на выходе мы имеем производные одинаковой словообразовательной семантики.

2. А каков же частеречный статус производных, что на выходе? В известных определениях СК такого параметра нет, хотя имплицитно он присутствует, что подтверждают названия исследований типа «СК существительных со значением ...».

Если обратиться опять-таки к упомянутой выше СК, то становится понятно, что вопрос о границе категорий по линии дериватов тоже не всегда можно решить однозначно, т. к. кроме прилагательных, мотивированных семантически и структурно глаголом (*воспитательный*, *испытательный*), есть значительный слой лексики, имеющий то же самое значение «выполняющий действие, названное мотивирующим глаголом». Это причастия.

Частеречный статус причастия – это сложный и не нашедший однозначного решения вопрос. На основании частичного сходства причастных форм с глаголами и прилагательными в русском языкознании они относятся то к прилагательным (А. Х. Востоков, Л. А. Булаховский, Г. П. Павский, В. А. Богородицкий, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский), то к глаголам (Л. В. Щерба, И. Г. Милославский, М. В. Панов), то выделяются в особую часть речи (А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Н. М. Шанский).

³ Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80 / под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. С. 170.

⁴ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. С. 747.

⁵ Там же, с. 813.

⁶ Там же, с. 645.

⁷ Там же, с. 270.

⁸ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. Т. 2. С. 399.

⁹ Там же, с. 217.

Следствием синкретичности глагольной и адъективной семантики причастий является лексикографический разноречивый в подаче данных слов. Так, лексема *подбадривающий* в САН-17¹⁰ и СТ¹¹ – прилагательное, в САН-4 – причастие; *обозримый* в САН-17 и САН-4 – прилагательное, в СТ – причастие; *убитый* в САН-17 – прилагательное, в САН-4 и СТ – причастие.

Рассмотрим этот вопрос немного подробнее, анализируя причастие в сравнении и с глаголом, и с отглагольным прилагательным.

Часть речи как общий лексико-грамматический разряд слов принято характеризовать тремя категориальными признаками: семантическим, морфологическим и синтаксическим.

2.1. Под семантическим признаком части речи понимается общее категориальное значение, присущее ряду слов. Относительные прилагательные, обозначающие свойства предмета через его отношение к другому предмету или действию, выражают процессуально-качественный признак. Причастие тоже обозначает признак предмета по действию. Это подтверждается существующими синонимическими отношениями между отглагольными прилагательными и причастиями, например, *шифровальное устройство* – *шифрующее устройство*, *промывательное приспособление* – *промывающее приспособление*, *отварное мясо* – *отваренное мясо*. Лексикографическая практика также отражает возможную синонимичность отглагольных прилагательных и причастий.

Проблема выделения любой части речи неотъемлема от проблемы тождества слова как совокупности форм. Рассмотрим причастные формы в этом аспекте. Лексическое значение всех форм словоизменения мыслится как тождественное, причём не только основное значение, но и переносное, иначе бы эти формы не сводились в одну лексему. Например, в разных падежных формах имя существительное будет иметь одно и то же лексическое значение или набор значений, если оно многозначно. Того же нельзя сказать о причастиях, которые очень часто развивают новые переносные значения, которых нет у глагола, например *избитая тема*. В многозначных глаголах также часто отсутствует полное семантическое соответствие между значениями спрягаемых форм и причастий. Последние берут у мотивирующей многозначной основы, как правило, одно из значений, что характерно именно для процесса деривации. Например, глагол *смолить* имеет в САН-4 два значения: «1. Мазать или пропитывать смолой. 2. Курить (обычно много)»¹².

Причастие *смоленный* наследует лишь первое значение. Глагол *гнест* имеет три значения: «1. Давить своей тяжестью; жать, сжимать. 2. перен. Приводить в подавленное состояние, вызывать тягостное чувство. 3. Подвергать притеснениям, гонениям, угнетать»¹³. Причастие *гнущий* приняло лишь второе значение. Следовательно, причастия, образованные от многозначного глагола, зачастую не покрывают своей семантикой все его значения. В то же время способность образовываться от разных значений глаголов присуща отглагольным прилагательным. Например, глагол *шататься* имеет в САН-4 несколько значений. Прилагательное *шаткий* образовано от глагола в значении «качаться из стороны в сторону», а прилагательное *шапущий* от этого же глагола в ином значении – «бродить без дела, болтаться, слоняться». Отсутствие единства, присущего формам одного слова, не только между глаголом и причастием, но и между действительными и страдательными причастиями отмечала Н. А. Янко-Триницкая [19, с. 26].

И если основной признак нового производного слова – это структурно-семантическое изменение производящей основы, то у причастия как раз наблюдается такое изменение при сопоставлении его с личной формой производящего глагола.

2.2. Морфологические показатели – признак участия в одной парадигме (склонения или спряжения) или вхождения в разные парадигмы – обычно имеет решающее значение при классификации слов по частям речи. По отношению же к причастию делается исключение, которое объясняется тем, что причастие обладает типичными глагольными категориями времени, залога и вида. Но у причастия отсутствуют присущие лишь глаголу грамматические категории лица и наклонения. Те же категории, которые у причастия общи с глаголом, далеко не тождественны глагольным. В целом преемственность грамматических сем глагола в отглагольной деривации уже достаточно полно описана в русистике.

2.2.1. Время причастий в отличие от глагольного не связано с наклонением, не образует предикативной синтагмы, не соотносится с моментом речи. Регулярность временных оппозиций наблюдается только у действительных причастий. В то же время определённая временная семантика имеется у некоторых разрядов отглагольных прилагательных. Например, в парах *линялый ситец* и *линяющая шерсть* в первом случае существует указание на то, что действие уже свершилось – «ситец полинял», во втором случае обозначен вневременной признак – «шерсть, которая линяет».

¹⁰ Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. Ин-т русского языка. М., Л., 1948–1965. Т. 1–17.

¹¹ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. Т. 1–2.

¹² Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 4. С. 156.

¹³ Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 320.

2.2.2. Вопрос о залогах – проблематичный вопрос русской грамматики. Залог рассматривается в основном как категория преимущественно синтаксическая, т. к. залоговые значения глагола не имеют соответствующего морфологического выражения. Сильным маркированным членом оппозиции является глагол страдательного залога, но морфологических показателей нет и у него. Наличие постфикса *-ся* не меняет дела, поскольку на содержательном уровне глаголы могут ничем не отличаться друг от друга (*стучать в дверь* и *стучаться в дверь*) или, наоборот, быть разными лексемами (*танцевать* – сов. в. к *танцевать*, *танцеваться* – достичь согласованности в совместном танце). Дискутируется вопрос о включении в систему залоговых отношений невозвратных непереходных глаголов, возвратных глаголов, образованных от непереходных глаголов, глаголов, не употребляющихся без *-ся*.

В отличие от глагола причастие имеет систему суффиксов для материального выражения залоговых противопоставлений и, казалось бы, наиболее приспособлено к последовательному выражению залоговых отношений. Тем не менее эта категория у причастий (в первую очередь, у страдательных) зачастую обнаруживает несоответствие формы семантике. Так, в словосочетании *сморщенные руки* речь идёт не о руках, которые кто-то сморщил: они сморщились сами, с течением времени.

Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что у отглагольных прилагательных тоже наблюдается некоторая специализация суффиксов в обозначении активных и пассивных сем. Например, *вязальная машина* – «машина, которая вяжет», *отварной картофель* – «картофель, который отварили». Это подтверждает противопоставление «активных» прилагательных «пассивным»: *вязальная машина* – *вязаная кофта*, *гранильный станок* – *гранёные камни*. Появление сем активности / пассивности в отглагольных прилагательных подчинено строгим закономерностям, которые позволяют считать это свойство в них системным явлением.

2.2.3. Корреляция глаголов по виду без изменения лексического значения слова регулярна лишь при образовании имперфективных глаголов (*переписать* – *переписывать*). Обычно коррелятивные по виду глаголы выводятся один из другого и являются разными лексемами (т. н. способы глагольного действия). Многозначные глаголы в разных значениях могут иметь несовпадающие видовые пары. Следовательно, данная категория может считаться более словообразовательной, нежели морфологической.

Что касается вида причастий – это результат возможности их образования от глаголов обоих видов, наследие аспектуально-видовых модификаций глагола, а не выражение собственного значения. Концепты взаимодействуют друг с другом, семантика производного слова содержит

как отсылку к исходному концепту, так и фиксацию того, что рождает новое слово. Способностью продуцироваться от глаголов разных видов и нести в своей семантике остатки видовых показателей глагола обладают даже существительные, например, *бежать* → *бег*, *пробежать* → *пробег*.

При анализе СЗ отглагольных дериватов могут наблюдаться и какие-то модальные смыслы: *терпеливый* – «тот, кто может много вытерпеть», *выносливый* – «тот, кто может много вынести». «В дериватах всегда "просвечивают" обязательные для данного языка грамматические концепты» [9, с. 209].

Итак, у причастия отсутствуют такие глагольные категории, как наклонение и лицо, а время, залог и вид представлены в совершенно ином объёме, чем в спрягаемых формах глагола. Причём определённые временные семы и активности / пассивности действия можно проследить и у отглагольных дериватов. Это позволяет высказать предположение, что «причастие имеет иную парадигму, нежели глагол (оно изменяется по падежам!), тогда как парадигмой относительного прилагательного оно обладает без какой-либо ущербности» [20, с. 29].

2.3. «Синтаксические приметы частей речи – следствие их исконно различных номинативных значимостей, их нетождественности на глубинном уровне» [21, с. 33]. Первичная синтаксическая функция причастия и прилагательного одинакова: полные формы выступают в роли квалификатора предмета, атрибута, краткие – в роли предиката. Более того, причастие, как и прилагательное, может выступать в предложении в качестве субстантива.

В дополнение ко всему сказанному необходимо напомнить и о таких важных показателях словоизменения, как регулярность образования грамматических форм и невыводимость одной формы из другой. Напротив, члены словообразовательной пары неравноправны, производная основа выводима и по значению, и по форме из производящей. Сказанное в полной мере можно отнести не только к отглагольным прилагательным, но и к причастиям, что нашло отражение в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова. Более того, в словообразовательном плане причастия (опять-таки в первую очередь страдательные) самостоятельны как мотивирующие основы: *воспитать* → *воспитанный* → *воспитанник*, *воспитанность*. Последний дериват (*воспитанность*) представляет высокопродуктивную модель.

Что касается регулярности образования причастных форм, она не настолько абсолютна, как это может показаться на первый взгляд. По нашим подсчётам, наиболее регулярная форма – действительное причастие прошедшего времени (100 %), наименее регулярная – страдательное причастие настоящего времени (18 образований от 100 глаголов

сплошной выборки, т. е. 18 %). Попутно заметим, что регулярность некоторых словообразовательных моделей может быть близка к регулярности образования форм, например глагольных дериватов с приставкой *по-* от непереходных глаголов (*полетать, походить, погулять* и т. д.).

Подводя итоги, можно констатировать, что причастие по своим качествам всё же ближе отглагольному прилагательному, нежели глаголу. И так как приоритетным направлением описания СК является описание производных единиц с точки зрения выполняемых ими функций, то мы считаем возможным привлечь к анализу причастия, которые так же, как и отглагольные прилагательные, обозначают признак предмета по действию.

Итак, из 2-х признаков (частеречный статус производящей основы и частеречная характеристика деривата) в рамках функционального анализа можно пренебречь обоими, ведь здесь важно описать совокупность слов с одинаковым словообразовательным значением, т. е. тождественно функционирующих в словообразовательной системе. Возможно, соотношение прилагательное – причастие в этом плане является единственным допущением.

3. Теперь рассмотрим ещё один признак, называемый при дефиниции СК, – единство синхронического способа словообразования. В новейших диссертационных исследованиях в области СК существительных мы зачастую видим включение способа словообразования в один из критериев отождествления единиц в рамках СК [2–5]. Но мы можем найти иные примеры в русском языке, когда набор производных абсолютно подходит к определению СК, за исключением способа словообразования. К примеру, субстантивы с модификационным значением лица женского пола. Образуются они в основном суффиксальным способом. Если признавать нулевой суффикс, то сюда можно включить такие ряды, как *кум* → *кума*, *раб* → *раба*, *супруг* → *супруга* и т. п. Но в паре *друг* → *подруга* – префиксально-суффиксальный способ. Можно ли выводить такие дериваты за рамки СК названий лиц женского пола из-за того, что здесь наблюдается другой способ образования слова?

4. Итак, на основании вышесказанного можно утверждать, что релевантным при отождествлении СТ в одну СК можно считать лишь СЗ.

Но отрешившись, наконец, от формы и морфологических параметров, мы встаём перед проблемой сложности, многослойности, иерархичности уже самих словообразовательных значений. Словообразовательные значения СК, конечно же, имеют под собой концептуальную основу. Но как определить на практике количество словообразовательных значений и их виды? Можно ли объединять в одну СК все СТ со значением «носитель процессуального признака»: *молотилка, читалка, сиделка, преследователь,*

рыхлитель, заступник, запашник, прицепщик, погрузчик, клепальщик, будильник, лжец, резец, нерестилище, спальня и т. д.? Или всё же следует идти по линии частных словообразовательных значений? Другой пример: логически можно структурировать одну СК кратности действия, а можно вывести две СК: однократности и многократности действия. Словообразовательные категории могут входить в состав более широких ономаσιологических категорий или, в терминологии когнитивистики, основных концептов (макроконцептов): действие, признак, предмет и т. д. Например, СК «производитель действия», «носитель признака», «женскость» являются репрезентантами ономаσιологической категории «лицо». Но «в лингвистике до сих пор нет полной ясности по вопросу о характере взаимосвязи ономаσιологических и словообразовательных категорий, что затрудняет теоретическое осмысление этих понятий» [8, с. 88].

Поэтому тип значения, положенный в основу классификации СК одним исследователем, может не коррелировать с построением подобной классификации в других работах. Так, Е. С. Кубрякова выделяет три уровня абстракции семантики производных, указывая, что членение, начатое на одном уровне, детализируется на последующем. В работах других исследователей степень обобщения словообразовательных значений различается. Поэтому определение уровня абстракции словообразовательных типов, сводимых в одну словообразовательную категорию, выявление «детерминирующих семантику производных элементов смысла» и их описание – актуальные задачи, стоящие перед дериватологами на современном этапе [22, с. 120]. На данный момент в русистике признаётся несомненность существования разных типов СК и, как следствие, иерархичность этой подсистемы [8; 9].

Дифференциация СК может зависеть от многих параметров: от того, в области лексической или синтаксической деривации, модификационного или мутационного словообразования задействована данная категория, от семантического соотношения производящих и производных, от степени их производности, от количества входящих в них СТ, от взаимоотношений словообразовательных типов внутри категории, от структуры графа порождения конкретных производных и т. д.

Сами СК представляют не застывшие конгломераты отражения ментального членения мира человеком, а самонастраивающиеся системы, находящиеся в движении и развитии. Например, возможно расширение семантического диапазона категорий. Примером может служить появление значения «вещество» в отглагольных дериватах с суффиксом *-тель*, возникшее, видимо, сначала внутри категории «предмет (орудие, машина), производящий

действие, названное мотивирующим словом». Это такой ряд относительно новых слов, как *закрепитель*, *заполнитель*, *наполнитель*, *растворитель*, *уплотнитель*, *разбавитель*, *очиститель* и др.

Каковы пределы варьирования семантики внутри одной СК? Каковы его причины? На каком этапе в связи с расширением семантики дериватов происходит распад категорий? Как при оперировании человеком концептами в их соотношении появляются новые категории? Все эти вопросы исключительно важны для изучения СК как категорий познания и членения мира. И однозначных ответов на эти вопросы пока нет.

«Позиция когнитивизма заключается в обязательном следовании принципу взаимодополнительности диахронического и синхронического подходов» [23, с. 74]. Поэтому представляется актуальным также описание категорий в диахроническом аспекте с применением кибернетических методов исчисления энтропии и избыточности, что дало бы представление о динамике и направлении развития СК в русском языке. Для этого необходимо привлечь и окказиональную, и потенциальную лексику, что поможет выявлению новых возможностей словообразовательного механизма в соотношении с их реализацией в узусе. Здесь неизбежно встанет вопрос о причинах существования лакун в СК, возможности / невозможности их заполнения. Побочным продуктом такого описания мог бы стать словарь потенциальных слов русского языка или ономаσιологический словарь, где на входе были бы потенциальные мотивы, а на выходе – одно или ряд возможных производных с указанием степени вероятности выбора из них.

Лингвисты кемеровской школы привлекают и диалектную лексику [24; 25]. СК рассматриваются представителями данного направления как ментально-языковые категории, обладающие особой значимостью при реконструкции языковой картины мира тех или иных этносов [26].

Сравнительно-сопоставительное исследование СК в различных языках даёт не только теоретический материал, но и выход в методику преподавания иностранных языков, в том числе русского как иностранного.

Итак, при описании словообразовательной системы как системы словообразовательных категорий необходимо уточнить, о каком именно СЗ в дефиниции СК может идти речь, т. к. «словообразовательное значение как структурированная особым образом единица смысла осуществляет одновременно и функцию передачи сложного, неэлементарного значения, и функцию обобщения определенных типов отношений и связей, наблюдаемых в объективном мире между теми или иными двумя величинами, и функцию

расчленённого представления обозначаемого в цельнооформленном знаке» [22, с. 196].

Известно, что в русистике существует разностное и суммарное понимание СЗ. Разностное определение проводится на основе традиционного формально-семантического подхода к СЗ, суммарное представляет ономаσιологический подход. Р. С. Манучарян делит словообразовательные значения на общекатегориальные и частнокатегориальные, невариантные и вариантные, «причём последние представляют собой иерархию общего (инвариантного) и подчинённых ему частных (вариантных значений)» [27, с. 29].

В трудах лингвистов, работавших в русле аппликативной грамматики, при определении СЗ мы видим указание на категориальное значение производного и производящего слов: «признак, имеющий отношение к субстанции», «субстанция, имеющая отношение к признаку» и т. д. Это логично, поскольку СЗ, возникающее в результате акта деривации, формируется именно взаимодействием производящей основы и форманта. Под подобными рубриками объединены в РГ-80¹⁴ большинство дериватов, например, отглагольные существительные описываются под общим заголовком «носитель процессуального признака», отсубстантивные – «носитель предметного признака» и т. д., что указывает на категориальные частеречные значения словообразовательной пары. Тем не менее П. А. Соболева, понимая невозможность втиснуть в 16 таких значений все существующие дериваты русского языка, всё же была вынуждена ввести понятие частного СЗ, в котором реализуется общее словообразовательное значение [28, с. 11].

К слову, можно предложить ещё более абстрактное понимание СЗ, отбросив частеречный признак мотивата и сформулировать семантический инвариант СЗ прилагательных как признак, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим словом.

Но, как нам представляется, в таком наиболее обобщённом виде не отражается функциональная значимость модели, и если нас интересует именно эта сторона, то объединять их в СК можно лишь на основании более частных, классифицирующих признаков. Например, в целом отглагольные прилагательные выражают признак, имеющий отношение к действию. Но рядом могут быть самые разные распространители:

- такой, который *предназначен* для действия (*вязальный, курительный*);
- такой, который *склонен совершать* действие (*ворчливый, задиристый*);
- такой, который *может подвергаться* действию (*распашной, пристяжной*) и т. д.

¹⁴ Русская грамматика. В 2 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.

Наличие именно таких распространителей актуально для определения функциональной нагрузки каждого СТ и количества СК в русском языке.

Итак, можно сказать, что общее категориальное значение – это семантический инвариант для различных СК, которые в данном случае будут представлять его семантические варианты. В целом же описание СК на нижнем уровне – это изучение разноструктурных СТ, взаимодействующих на эквивалентностной парадигматической оси. Такой подход ориентирует на изучение закономерностей словообразования путём целостного охвата гомогенных явлений, детерминированных общей словообразовательной функцией.

Анализируя взаимоотношения СТ внутри СК, можно выдвинуть следующую гипотезу: СТ, входящие в одну СК, – это не безразлично-равноправный ряд элементов, а сложная иерархическая организация однопорядковых единиц, где возможны отношения как дополнительной, так и свободной дистрибуции входящих в неё членов, где возможны СТ-доминанты и т. д.

Перед тем как представить фрагмент описания одной из СК слов, обозначающих признак по действию, следует подчеркнуть, что семантика отглагольных адъективов, являющихся объектом нашего исследования, усложняется тем, что мотивирующая основа – глагол – тоже является носителем признака в широком понимании (носителем процессуального признака). Оперирование признаковыми и процессуальными сущностями отличается от оперирования предметными сущностями. Абстрактные относительные прилагательные, мотивированные понятием действия, дают бесценный материал для понимания когнитивной деятельности человека.

Словообразовательные категории адъективов с общим транспозиционным значением «признак по действию»

СК отглагольных адъективов мы называем, вслед за Е. С. Кубряковой, отражательными, как «не имеющие прямых аналогов в реальном мире и созданные одним только языковым определением (то есть операцией с уже готовыми знаками языка)» [9, с. 214].

1. В словообразовательной системе современного русского языка прилагательные со значением «признак по действию» представляют значительный пласт русской лексики. Охарактеризуем его с количественной стороны. По нашим подсчётам, по таким словарям, как САН-17, САН-4, у СТ насчитывается 3748 дериватов, которые реализуются в 28 регулярных типах. Кроме того, имеется около тысячи производных, образованных от девербативных существительных (*nomina actionis*), которые имеют тождественную целевую предназначённость

и дефинируются в толковых словарях, как «относящийся к действию», «характеризующийся действием».

Большая часть производных образована суффиксальным способом (3537 слов). Прилагательных, образованных при помощи конфиксов, – 211. Наиболее регулярные из них продуцированы по моделям «не- + основа глагола + -им» (99), «не- + основа глагола + -н» (64), «бес- + основа глагола + -н» (16).

Среди суффиксальных образований наиболее многочисленны девербативы с суффиксом -енн- (488 или 13,79 %), -н- (482, 13,62 %), -нн- (458, 12,94 %), -тельн- (437, 12,35 %), которые в сумме составляют 52,7 % от общего числа дериватов, образованных суффиксальным способом. Несколько меньше производных с суффиксом -л- (7,01 %), -льн- (6,87 %), -лив- / -чив- (5,03 %), -ен- (4,52 %), -т- (4,43 %), -ом- / -им- (2,88 %).

Кроме образований непосредственно от глагольной основы, наблюдается достаточно большое количество отымённых прилагательных, образованных как минимум на второй ступени от имён существительных со значением отвлечённого действия на -ка, -о, -аж при помощи суффикса -н-. Все модели высокорегулярны и представлены большим количеством слов. Так, производных от существительных на -ка в САН-17 насчитывается 411 (*наковать* → *наковка* → *наковочный*), от существительных с нулевым суффиксом словарь фиксирует 224 деривата, образованных при помощи суффикса -н- (*продать* → *продажа* → *продажный*).

В качестве мотивирующих основ для отглагольных прилагательных могут выступать и производные, и непроизводные глаголы. Некоторые суффиксы ведут себя индифферентно к признаку производности / непроизводности мотивирующей основы, и, наоборот, такие форманты как, -к-, -абельн-, -уч / ач-, способны сцепляться лишь с основами непроизводных глаголов несовершенного вида.

Обе группы глаголов активны в продуцировании прилагательных. Так, отсубстантивные глаголы дают 674 деривата, отадъективные – 315. Наиболее активны здесь суффиксы -нн-, -виш-, -н-, -тельн-, -ющ / ащ-, -льн-, -ен-.

Глаголы, образованные от числительных, наречий, междометий, звукоподражаний в исходе цепочки, немногочисленны: *раздвоенный, удвоенный, двоильный, противительный, множительный, поддакивающий, убавкивающий, хряский*.

2. При анализе эмпирического материала можно отметить, что анализируемые дериваты неоднородны даже в пределах одного СТ, что обусловлено их способностью выполнять различные частные функции. Большое количество внутритиповых образований распределяется по нескольким СЗ, т. е. суффиксы отглагольных прилагательных могут быть монофункциональными (-льн-, -абельн-) и полифункциональными (-тельн-, -н-). По нашим наблюдениям,

суффиксы девербативных прилагательных способны выполнять от одной до пяти функций, из которых превалирует чаще всего одна, иногда две. И наоборот, одно значение может выражаться несколькими формантами. В таких случаях наблюдаются не одно-однозначные отношения между содержанием и формой его выражения.

В связи с этим возможна их дифференциация по функциональному признаку. Следуя этому принципу, среди отглагольных прилагательных можно выделить следующие СК:

- 1) служащий, предназначенный для действия, названного мотивирующим словом (*вязальный, сборочный*);
- 2) характеризующийся признаком по действию, названному мотивирующим словом (*переливный, зыбкий*);
- 3) склонный к действию, названному мотивирующим словом (*драчливый, задиристый*);
- 4) находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим словом (*возбуждённый, усталый*);
- 5) подвергшийся действию, названному мотивирующим словом (*чищенный, одетый*);
- 6) способный подвергаться действию, названному мотивирующим словом (*видимый, раздражимый*);
- 7) не способный совершить действие или не способный подвергнуться действию, названному мотивирующим словом (*невыносимый, безустанный*);
- 8) производящий действие, названное мотивирующим словом (*утешительный, освежающий*);
- 9) пригодный для действия, названного мотивирующим словом (*читательный, транспортабельный*).

В данной статье мы рассматриваем особенности функционирования однопорядковых аффиксов первой группы, их взаимодействие и соотносительную продуктивность в разных позициях в составе СК. Поэтому нас интересуют такие параметры производящих глаголов, влияющих на реализацию словообразовательного потенциала, как вид и производность / непроизводность глагола.

При сравнении графов производных с различными частями речи в исходе цепочки можно отметить их структурный параллелизм, просто по сравнению с цепочками с глаголами в исходной позиции появляются дополнительные предшествующие ступени. Иными словами, при появлении глагола в цепочке с исходным именем начинают действовать закономерности отглагольной подсистемы, и дальнейшее развёртывание цепочки соответствует тому, что происходит в чисто отглагольной цепи преобразований.

Компактность графов зависит от таких факторов, как возможность использования в качестве мотиватов основы глаголов разных грамматических классов, а также моно-

или полифункциональность образующего суффикса. Так, суффикс *-уч-* способен присоединяться только к непроизводным или отсубстантивным глаголам несовершенного вида, а суффикс *-тельн-* присоединяется к глаголам обоих видов. Монофункциональный суффикс *-льн-* встречается значительно реже, чем полифункциональный *-н-*.

Приведём фрагмент описания СК со значением «служащий, предназначенный для действия, названного мотивирующей основой». Возьмём для анализа позицию с непроизводным или отымённым глаголом совершенного вида в качестве производящей основы.

В данную конфигурацию в качестве опорного её члена входят глаголы совершенного вида типа *решишь, дашь, простит, кончит*. Потенциально здесь возможны 4 модели с суффиксами *-н-*, *-тельн-*, *-льн-*, притом суффикс *-н-* способен присоединяться как к глагольным, так и к именным основам, входя в два разных СТ.

Но при анализе мы не увидим дериватов с суффиксами *-льн-* и *-н-*, потому что от глаголов совершенного вида прилагательные с этими формантами не образуются.

Словообразовательный процесс мог бы пойти через опосредованное звено – имя существительное, но здесь вступают в силу другие ограничения. Во-первых, от глаголов отвлечённой семантики не образуются существительные на *-ка*, обозначающие бытовое или профессиональное конкретное действие. В свою очередь от глаголов конкретного значения существительные на *-ка* в данной группе не образуются тоже, хотя причины здесь могут быть разными. Например, а) действие фонетических ограничений для определённых сочетаний согласных (так, невозможны дериваты на *-ка* от глаголов *простить, уменьшить, уплотнить, удобрить, опреснить* и др.), б) действие семантических ограничений (существительные от глаголов *ранить* → *ранка*, *решишь* → *решка* были бы омонимичны уже имеющимся в языке существительным с предметным значением) и др. В итоге СТ «основа существительного + *-н-*» здесь тоже не работает.

Из-за отсутствия у названных синонимичных суффиксов словообразовательных возможностей в данной позиции всю работу по продуцированию отглагольных прилагательных берёт на себя *-тельн-*, образуя производные от глаголов I, V, X словоизменительных классов¹⁵: *воспитательный, образовательный, указательный*, причём преимущественное положение занимают дериваты, продуцированные глаголами X1 класса – *оборонительный, распространительный, простительный*. Мотивируются они как непроизводными глаголами: *обеспечить* → *обеспечительный*, *истребить* → *истребительный*, так и достаточно

¹⁵ Классификация словоизменительных типов приводится по РГ-80 (с. 647–663).

широко отымёнными глаголами: *свобода* → *освободить* → *освободительный*, *правда* → *оправдать* → *оправдательный*, *ясный* → *объяснить* → *объяснительный*, *скорый* → *ускорить* → *ускорительный*.

Данные адъективы могут выражать два частных словообразовательных значения. Так, значение «служащий, предназначенный для действия, названного мотивирующим словом» наблюдается в словах *выпрямительный*, *вычислительный*, *заградительный*. Все они толкуются в словарях через формулу «служащий, предназначенный для действия». В другом значении дериваты с суффиксом *-тельн-* синонимичны прилагательным / причастиям, оформленным суффиксом *-ущ / -ащ-* («производящий действие»), что также отражается в толковых словарях русского языка. Так объясняются *удовлетворительный*, *уладительный*, *уличительный* и др. Здесь такая функция не представляет интереса для нас, потому как мы описываем те прилагательные, которые имеют значение «служащий, предназначенный для действия», ведь именно в этом значении они конкурируют с дериватами на *-льный* и *-ный*. Но интересно попутно отметить, что полифункциональный суффикс

-тельн- способен продуцировать наряду с однозначными и многозначные слова.

Заключение

В данной статье мы проанализировали не только некоторые теоретические вопросы, остающиеся в дискуссионном поле лингвистики, но и представили конкретное описание работы однофункциональных суффиксов в одной из позиций: деривация от непроемных или отымённых глаголов совершенного вида. Мы убедились, что в данной конфигурации отчётливо выражены отношения дополнительной дистрибуции между СТ.

Свои закономерности обнаруживаются и при анализе взаимодействия синонимичных суффиксов в позициях от непроемных глаголов несовершенного вида, перфектных и имперфективных глаголов. Некоторые из позиций отражают отношения свободной дистрибуции, и тогда мы говорим о словообразовательных синонимах.

Описание СК отглагольных прилагательных в таком разрезе представляется актуальным, т. к. могло бы прояснить не только количество и объём СК данного класса слов, но и работу внутри категорий однопорядковых СТ.

Литература

1. Грязнова В. М. Словообразовательная категория личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 32 с.
2. Трубицина И. А. Словообразовательные категории имён существительных со значением единичности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 24 с.
3. Белякова Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 170 с.
4. Борисова О. Б. Словообразовательная категория суффиксальных вещественных имён существительных с мутационным словообразовательным значением в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2000. 21 с.
5. Громакова О. Н. Словообразовательная категория суффиксальных отглагольных абстрактных имён существительных со значением «состояние человека» в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 23 с.
6. Иванова О. Я. Лингвокультурная специфика словообразовательной категории локативности (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 221 с.
7. Толстова И. О. Словообразовательная категория названий орудий труда в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 188 с.
8. Косова В. А. Словообразовательные категории русского языка: проблемы теории. Казань: Новое знание, 2014. 204 с.
9. Кубрякова Е. С. К построению типологии словообразовательных категорий // Морфемика и словообразование современного русского языка / сост. Л. В. Зубова, Ю. В. Меньшикова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 205–216.
10. Функциональная лингвистика. Георусистика. Лингводидактика: сб. науч. работ, посвящённый юбилею А. Н. Рудякова / отв. ред. Ю. В. Дорофеев. М.: Азбуковник, 2015. 363 с.
11. Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе: Изд-во Киргизского гос. ун-та, 1969. 165 с.
12. Алпеева Л. В. Закономерности словообразования отглагольных прилагательных в современном русском языке с учётом степени их производности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 18 с.

13. Алпеева Л. В. Становление эмических единиц в дериватологии // *Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: мат-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Северный Чарльстон, США, 6–7 февраля 2018 г.)* 2018. Т. 2. С. 102–105.
14. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во МГУ, 1969. 154 с.
15. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 203 с.
16. Манучарян Р. С. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий (на материале русского и армянского языков) // *Вопросы семантики*. М., 1971. С. 121–123.
17. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
18. Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // *Филологические науки*. 1992. № 3. С. 78–90.
19. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 247 с.
20. Алпеева Л. В. Некоторые проблемные точки обучения атрибутивной лексики // *Язык. Культура. Образование: материалы Межвуз. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. / под общ. ред. Захаровой Л. В.* СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 27–31.
21. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. 116 с.
22. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
23. Данилина Ю. С. Концептуализация словообразовательных процессов // *Символ науки*. 2016. № 10-3. С. 73–75.
24. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / отв. ред. Н. Н. Шпиляная. М.: Ленанд, 2014. Т. 1. 640 с.
25. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / ред. Н. В. Мельник, Н. Д. Голев. М.: Ленанд, 2016. Т. 2. 432 с.
26. Абдулганеева И. И. Когнитивное словообразование как один из сегментов репрезентации языковой картины мира // *Перевод и сопоставительная лингвистика*. 2016. № 12. С. 114–116.
27. Манучарян Р. С. Проблемы исследований словообразовательных значений и средств их выражения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ереван, 1975. 53 с.
28. Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 60 с.

Word-Formation Categories of Adjectivities with the Meaning "Attribute by Action" in the Modern Russian Language

Larisa V. Alpeeva ^{a, @, ID}

^a Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 4, 2 Krasnoarmeiskaya St., Saint-Petersburg, Russia, 190005

[@] lars41@yandex.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0001-5329-5306>

Received 03.03.2019. Accepted 25.06.2019.

Abstract: In modern cognitive linguistics, the controversial matters of the definition of invariant units in derivatology still remain relevant. The selection of such a unit as a word-formation category, despite the intensification of its study in recent decades, raises many questions. The most relevant of them are the following: the correlation of onomasiological and derivational categories, the reflection of concepts in derivational categories, the type of meaning, which the identification of derivational types is based on; the scope and typology of derivational categories, their possible hierarchy, and the interaction of derivational types within one category. This article features the above-mentioned key problems and the author's point of view on the volume of the given emic unit. The author emphasizes the redundancy of bringing to the definition a word-formational category of such formal criteria as part of speech of the generating and derived fundamentals and the method of word-formation since they are not related to the functional analysis of language units. The empirical material is relevant, since Russian linguistics know no description of derivative adjective vocabulary, neither in synchronous nor in diachronic aspects. There is but one research based on Pskov dialects. The object of study is a new layer of the vocabulary analyzed as suggested by the author. This article presents a fragment of the description of the word-formative category of adjectivities with the value "attribute by action". A careful study of the material resulted in the following conclusions. In the same word-

formation category, relations of additional or free distribution between single-function word-formation types are possible, depending on the grammatical qualities of the motivating verb (its type and derivativeness). This fact has an explanatory effect on adjectives with this meaning in the language and predicts the appearance of new lexemes and other changes in word-building categories.

Keywords: derivational type, derivational meaning, verbal adjectives, cognitive derivation, linguistic picture of the world, concept, derivational system, free distribution, additional distribution

For citation: Alpeeva L. V. Word-Formation Categories of Adjectivities with the Meaning "Attribute by Action" in the Modern Russian Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 788–800. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-788-800>

References

1. Griaznova V. M. *The word-formation category of masculine personal nouns in the nineteenth-century Russian literary language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saint-Petersburg, 1993, 32. (In Russ.)
2. Trubitsyna I. A. *The word-formation categories of nouns with the meaning of singularity in the modern Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2006, 24. (In Russ.)
3. Beliakova G. V. *The word-formation category of suffixal locative nouns in the modern Russian language*. Astrakhan: Astrakhanskii universitet, 2007, 170. (In Russ.)
4. Borisova O. B. *Derivative category of suffixed real nouns with mutational generic meaning in modern Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2000, 21. (In Russ.)
5. Gromakova O. N. *The word-formation category of suffixal verbal abstract nouns with the meaning "human condition" in the modern Russian literary language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2008, 23. (In Russ.)
6. Ivanova O. Ia. *Linguocultural specificity of the word-formational category of locality (on the material of Russian and English languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Stavropol, 2004, 221. (In Russ.)
7. Tolstova I. O. *Derivative category of the names of tools in the modern Russian literary language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Stavropol, 2006, 188. (In Russ.)
8. Kosova V. A. *Derivative categories of the Russian language: theory problems*. Kazan: Novoe znanie, 2014, 204. (In Russ.)
9. Kubriakova E. S. To building a typology of word-formation categories. *Morphemic and word formation of the modern Russian language*, comps. Zubova L. V., Menshikova Iu. V. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2014, 205–216. (In Russ.)
10. *Functional linguistics. Georistics. Linguodidactics*, ed. Dorofeev Iu. V. Moscow: Azbukovnik, 2015, 363. (In Russ.)
11. Zenkov G. S. *Questions of the theory of word formation*. Frunze: Izd-vo Kirgizskogo gos. un-ta, 1969, 165. (In Russ.)
12. Alpeeva L. V. *Patterns of word formation of verbal adjectives in modern Russian, taking into account the degree of their production*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1989, 18. (In Russ.)
13. Alpeeva L. V. On the formation of emic units in derivatology. *Fundamental science and technology – promising developments: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., North Charleston, USA, February 6–7, 2018*. North Charleston, 2018, 102–105.
14. Revzina O. G. *Structure of derivational fields in the Slavic languages*. Moscow, 1969, 154. (In Russ.)
15. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov*. Praha, 1962, 203.
16. Manucharian R. S. Some questions of the comparison of word-formation categories (on the material of the Russian and Armenian languages). *Semantics issues*. Moscow, 1971, 121–123. (In Russ.)
17. Zemskaja E. A. *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Prosveshchenie, 1973, 304. (In Russ.)
18. Gak V. G. Comparative Pragmatics. *Filologicheskie nauki*, 1992, (3): 78–90. (In Russ.)
19. Ianko-Trinititskaja N. A. *Reflexive verbs in modern Russian*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962, 247. (In Russ.)
20. Alpeeva L. V. Some problem points learning attributive vocabulary. *Language. The culture. Education: Proc. Interunivers. Sci.-Prac. Conf., part 1*, ed. Zaharova L. V. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGETU "LETI", 2015, 27–31. (In Russ.)
21. Kubriakova E. S. *Parts of speech in onomasiological lighting*. Moscow: Nauka, 1978, 116. (In Russ.)
22. Kubriakova E. S. *Types of language values. Derivative semantics*. Moscow: Nauka, 1981, 200. (In Russ.)
23. Danilina Iu. S. Conceptualization of word-formation processes. *Simvol nauki*, 2016, (10-3): 73–75. (In Russ.)
24. Language personality: modeling, typology, portraying. *Siberian linguistics*, ed. Shpilnaya N. N. Moscow: Lenand, 2014, vol. 1, 640. (In Russ.)

25. Language personality: modeling, typology, portraying. *Siberian linguistics*, eds. Melnik N. V., Golev N. D. Moscow: Lenand, 2014, vol. 2, 432. (In Russ.)
26. Abdulganieva I. I. Cognitive word formation as one of segment representation linguistic world. *Perevod i sopostavitelnaia lingvistika*, 2016, (12): 114–116. (In Russ.)
27. Manucharian R. S. *Problems of research of word meanings and their expression*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Erevan, 1975, 53. (In Russ.)
28. Soboleva P. A. *Applicative grammar and word formation modeling*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1970, 60. (In Russ.)

Предлоги и падежные формы русского языка как предмет идентификационной лингвистики

Николай Д. Голев^a; Галина В. Напреенко^{b, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

^b Кемеровский государственный медицинский университет, 650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а

@ vila1991@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-4404-0560>

Поступила в редакцию 23.05.2019. Принята к печати 05.08.2019.

Аннотация: Статья посвящена изучению служебных слов русского языка в идентификационном аспекте. Тема включена в контекст более общей проблемы наличия и степени проявления идентификационной функции у различных единиц языка на его различных уровнях, в том числе морфологическом, в частности проблемы ее различий в словах, принадлежащих разным частям речи, и словоформам, относящихся к разным грамматическим категориям. Непосредственным предметом анализа в данном исследовании являются служебные части речи – предлоги, а также падежные формы и приписываемые им субъектами речи грамматические значения. Источник материала – интернет-переписка двух авторов. Статья включена в парадигму исследований, направленных на выявление и описание количественных закономерностей распределения единиц, свойств и отношений в текстах, прежде всего – закономерностей, связанных с установлением коэффициента устойчивости / вариативности таковых единиц, свойств и отношений. В решении этого вопроса авторы исходят из положения о том, что разные единицы имеют разный коэффициент: одни стремятся к полюсу устойчивости, другие меняют коэффициент в зависимости от разных характеристик текста. Для решения поставленных задач авторами применяется один из статистических методов исследования текста – статистический критерий К. Пирсона. Примененный метод, связанный с определением частотности рассматриваемых лексем во фрагментах текстов разных авторских профилей, позволил обнаружить идентификационный потенциал текстов, принадлежащих разным авторам.

Ключевые слова: идентификация текста, идентификатор, служебные части речи русского языка, лексико-количественный метод, критерий К. Пирсона

Для цитирования: Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Предлоги и падежные формы русского языка как предмет идентификационной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 801–810. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-801-810>

Введение

Настоящей статьёй мы намерены поставить вопрос о наличии у элементов языковой системы идентификационной функции, проявляющейся в отношении к языковому материалу (прежде всего – тексту). Данная функция в самом широком плане отражает способность элементов нести информацию о системе в целом. В частности, элементы и фрагменты текста несут в себе отпечаток всего текста. Автор текста вольно или невольно следует инерционной энергетике текста, поэтому каждый последующий фрагмент воспроизводит его предшествующие и предстоящие особенности. Отсюда вытекает возможность автороведческого анализа и квалификации авторской принадлежности текста, что в силу практической надобности нередко становится предметом лингво-экспертных исследований, например [1–6]. Говоря об идентификационной функции, мы имеем

в виду более широкий контекст. Целое как совокупность текстов определенного автора – частный случай целого. Таковым может быть и текст безотносительно к автору: целое как совокупность текстов определенного жанра, типа речи, дискурса (гендерного, возрастного и др.), эпохи и т. п. Столь же разнообразны и элементы, рассматриваемые как носители идентификационной функции, – от буквы до речевого жанра. В настоящее время под изоморфизмом части и целого подразумевается системно-структурный изоморфизм, причем чаще всего количественная структура текста, членами системных отношений (парадигм) предстают элементы в их количественном измерении и количественных оппозициях членов парадигм. Все сказанное обосновывает употребляемое нами далее выражение *идентификационная лингвистика*, которым мы хотели бы обозначить очерченное направление лингвистического

анализа. В предлагаемой статье квантитативному анализу такого направления подвергаются единицы морфологического плана – части речи (в нашем случае служебные слова) и их функционально-семантические группировки (в нашем случае предлоги), реализуемые во фрагментах одного и того же текста и двух разных текстах.

Идентификационная функция речевых произведений и особенности предлогов и союзов по отношению к ней

Предварительно выскажем два общих соображения, значимых для дальнейшего анализа. Считаем важным, говоря об идентификационной функции элементов, иметь в виду некоторые тенденции квантитативных показателей, выявляемых в тексте. С одной стороны, они могут отражать устойчивые и постоянные соотношения количеств, характерные для всех русских текстов. Такие характеристики по сути представляют собой системные квантитативные характеристики данных элементов или их разрядов. Подобными устойчивыми характеристиками являются текстовые частоты отдельных букв и их разрядов, например: гласных и согласных букв, йотированных и нейотированных гласных, твердых и мягких согласных, твердого и мягкого знака – в любом русском тексте такие соотношения в принципе тождественны или приближаются к таковым. Можно предположить и наличие тенденций к вариативности частотных характеристик букв и их типов в зависимости от функциональных типов текстов, текстов, принадлежащих разным эпохам или текстам разных поэтов. Можно предположить устойчивость соотношения слов, начинающихся на одну букву (об этом говорят толковые словари), одноморфемных и неодноморфемных слов и т. д.

Морфологические элементы русского языка в данном аспекте – не исключение, о чем говорят уже имеющиеся работы, прежде всего в области частей речи [7–13]. Гораздо меньше исследованы категории и парадигмы в их пределах. Тенденцию к устойчивости здесь поддерживает то обстоятельство, что морфологические элементы в языках сильного синтетического типа (к которым относится и русский язык) детерминируются в первую очередь синтактикой, элементами прагматики и семантики здесь также несомненно проявляются (в категориях залога, наклонения, лица, возможно – времени, категории полноты-краткости; мы полагаем, например, что выбор причастий и деепричастий более свободный, здесь прагматилистический фактор силен, в отличие от инфинитива, которым управляет синтаксис). Но в целом роль семантики и прагматики в выборе морфологических форм не столь значительна. Данное обстоятельство приводит к тому, что, подчиняясь законам синтагматики, говорящий не имеет большой свободы

выбора и действует автоматически в рамках предписываемых синтагматикой алгоритмов. Такова грамматическая категория падежа и увязанная с ней система предложно-падежных форм. Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой морфологические категории могут выступать в качестве языкового материала, обладающего идентификационным потенциалом. Нужно полагать, что выбор морфологических категорий как обязательных единиц текста осуществляется неосознанно. В данном исследовании идентификационно-статистическому анализу подвергается грамматическая категория падежа.

В последней мы находим своеобразный компромисс между синтагматикой и семантикой (номинативностью). В этом плане данная статья является продолжением ранее опубликованной нами (в соавторстве) статьи, посвященной идентификационному потенциалу категории падежа [14], в которой данная функция включена в парадигму противопоставления константных и неконстантных членов морфологических категорий, результаты показали, что статистический расчет падежных форм может служить материалом для идентификации и характеристики идиостиля автора.

В настоящей статье акцент сделан на идентификационных возможностях предложного компонента предложно-падежной системы русского языка. В его трактовке мы исходим из тезиса, согласно которому предлог берет на себя фиксацию номинативного компонента обозначения ситуации и одновременно функции управления определенной падежной формой управляемого существительного.

Следующие фрагменты призваны проиллюстрировать в конкретно-исследовательском плане высказанные теоретические положения.

Предлоги в аспекте оппозиции постоянных и вариативных квантитативных характеристик

Содержание в тексте определенного набора признаков, отражающих авторскую индивидуальность, позволяет говорить о наличии идентифицирующей функции у тех или иных языковых параметров. Мы полагаем, что предлоги как служебная часть речи, создавая особое строение предложений, выражая отношения между членами предложения, могут выражать неосознанное предпочтение автора, имеющее в квантитативном соотношении идентификационный потенциал данной части речи: могут выполнять идентифицирующую функцию текста и устанавливать принадлежность текста одному или разным авторам; идентифицировать фрагменты текстов (по принадлежности фрагментов текстов одному автору) или дифференцировать фрагменты текстов по данному признаку.

Данные частотных словарей и количественные данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹ дают возможность ответа на вопрос о том, являются ли предлоги жестко распределёнными по текстам русского языка или их распределение вариативно. В указанном аспекте были выявлены данные по предлогам НКРЯ и Корпуса русского литературного языка (КРЛЯ)². Данные занесены в таблицу 1, в которой представлены основной корпус и подкорпус устной речи НКРЯ и основной корпус и корпус «Драма» в КРЛЯ. Для сопоставления данных о частотности было использовано в качестве единицы измерения количество словоупотреблений на миллион – *imp* (*instances per million words*).

Таблица 1. Количественные данные по предлогам из НКРЯ и КРЛЯ, *imp*

Table 1. Quantitative data on the prepositions of the Russian National Corpus and Corpus of Standard Written Russian, *imp*

Предлог	НКРЯ		КРЛЯ	
	основной корпус	устный подкорпус	основной корпус	подкорпус «Драма»
на	15173	11169	15472	11407
возле	104	24	160	46
в (во)	31805	22705	27990	17638
у	4110	8592	5260	8735
перед	650	314	608	433
за	4116	3901	3919	4003
между	718	353	451	112
по	5980	4774	4425	2708
под (подо)	1264	539	1166	632
с (со)	12686	8907	11284	9076
над (надо)	603	190	641	423
около	275	133	285	51
от	3845	2044	3325	2162
из-за	246	242	336	388
из-под	89	24	95	41
к (ко)	6174	3920	5446	3983
о (об, обо)	4257	3426	3864	3600
через	781	520	727	500

Отчетливо видно, что предлоги являются высокоупотребляемыми в речи, при этом данные по корпусам имеют небольшие различия. Эти различия не являются существенными, на их основании нельзя утверждать, что их употребление, фиксируемое в квантитативном индексе, является

зависимым от подкорпуса (функциональной разновидности языкового материала), гораздо больше оснований утверждать об их тенденции к постоянству квантитативного индекса. Прежде всего, это касается наиболее частотных предлогов – *в, на, с, у, к, о*. Эту мысль доказывает сопоставление представленных данных с Частотным словарем русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова³. Частотный словарь отражает частоту словоупотребления в русском языке. Таблица в Частотном словаре представляет собой указание ранга (порядкового номера в частотном словаре), слова и частотность употребления слова. Порядок слова обратно пропорционален частоте словоупотребления: чем чаще употребляется слово, тем ниже его порядковый номер. Предлог *в* имеет ранг 2, *на* – 4, *с* – 8, *к* – 15, *у* – 21, *о* – 31.

Согласно Частотному словарю предлоги *в, на, с* входят в десять самых частотных слов русского языка. Сопоставление указанных данных с данными НКРЯ показывает, что эти предлоги являются частотными в разных корпусах текстов, их частотность характерна для языка в целом, а значит и в конкретном тексте их частотность гипотетически должна быть высокой. В связи с этим возникает проблема возможности выявления идентификационного потенциала у данных слов.

Проблема наличия или отсутствия грамматической (синтагматической) или семантической (номинативной) природы выбора пишущим предлога разрешается путем проведения эксперимента. В эксперименте приняли участие тринадцать испытуемых: пол – женский (одиннадцать человек), мужской (два человека); возраст – от 19 до 22 лет; социальный статус – студенты 3, 4 и 5 курсов, обучающиеся на гуманитарных программах.

Испытуемым было предложено описать четырнадцать изображений, взятых из учебника по немецкому языку⁴ (рис.). В учебнике изображения приводились в качестве иллюстраций к упражнению на предлоги и слова, необходимые для пространственного ориентирования. Изображения были следующими: мультипликационный персонаж нарисован в том или ином пространственном отношении к достопримечательностям Берлина (под Бранденбургскими воротами или у Красной ратуши и т. д.). Инструкция к эксперименту: Опишите каждую из предложенных картинок одним предложением, отвечая на вопрос «Где находится медведь?» и сделайте запись под соответствующими номерами.

¹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).

² Корпус русского литературного языка. Режим доступа: <http://narusco.ru/> (дата обращения: 25.10.2018).

³ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1090 с. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.10.2018).

⁴ Themen Aktuell 1. 2010. С. 99–100.

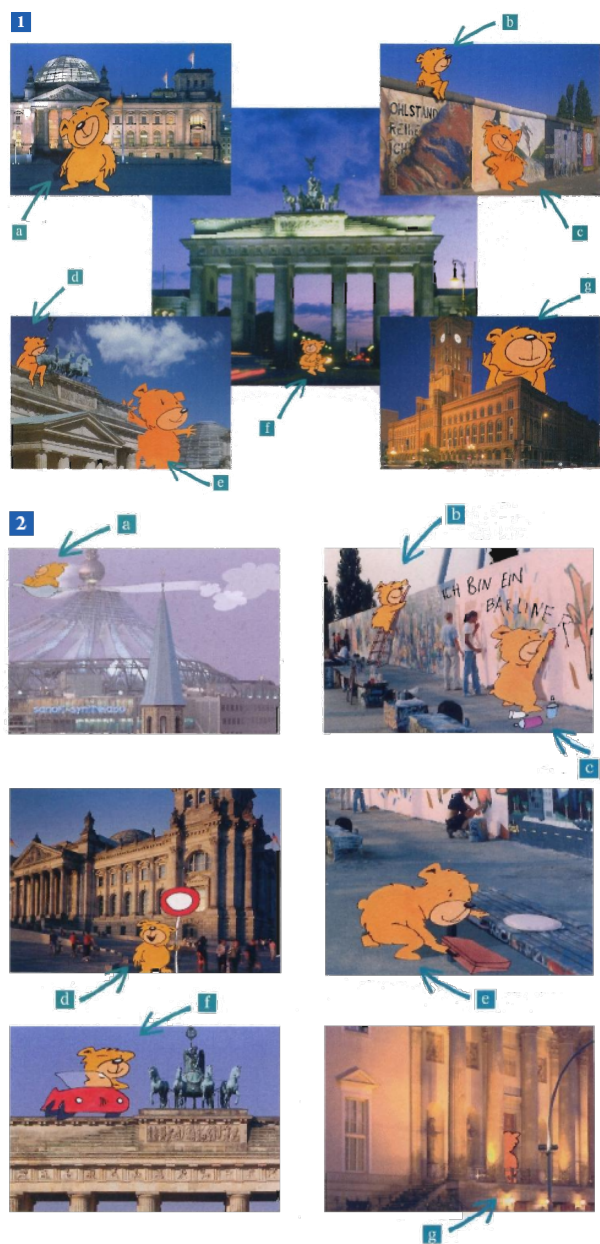

Рис. Иллюстрации к упражнению на предлоги и слова, необходимые для пространственного ориентирования
Fig. Illustrations for the exercise on prepositions and words necessary for spatial orientation

Результаты эксперимента показывают разнообразие языковых единиц, используемых информантами при описании иллюстраций. Например, иллюстрация, на которой изображен анимационный медведь между колоннами Французского собора, описывалась следующими способами: *прячется в проходе; стоит за колонной; между колонн, на крыльце здания; медведь возле библиотеки; мишка заходит в театр; беспредложное описание: мишка идет домой*. Иллюстрация,

на которой изображен медведь под Бранденбургскими воротами, описана информантами следующим образом: *под аркой, возле арки, сидит на дороге, сидит у арки во Франции* и т. д. Все полученные варианты предлогов сгруппированы в таблицу 2, которая отражает распределение частоты употребления предлогов для описания каждой иллюстрации. В таблице иллюстрации обозначены буквами A1, B1, C1, D1, E1, F1, G1, A2, B2, C2, D2, E2, F2, G2.

Результаты, отражающие общее количество частоты предлога, используемого для описания иллюстрации, при сопоставлении с данными НКРЯ (таблица 1) и данными Частотного словаря русского языка показывают, с одной стороны, наличие постоянной высокой частоты употребления предлогов (это касается непосредственно предлогов, входящих в 10 самых частотных слов русского языка – *в, на*), с другой стороны, показывают вариативность употребления предлогов, гипотетически несущих идентифицирующую функцию. Идентификационный потенциал может выражать, например, предлог *возле*, который в Частотном словаре имеет ранг 1088 (т. е. частота его употребления в языке невысока), однако по результатам эксперимента является вторым по частоте выбора информантами для описания картинки.

Таким образом, вариативность (в том числе лексическая), характерная для языка в целом, проецируется непосредственно на вариативность при индивидуальном выборе предлога в каждой отдельной ситуации речевого общения. Данный выбор осуществляется из ряда синонимичных единиц, представленных разнообразием языка.

Апробация гипотезы прошла на материале текстов интернет-переписки двух авторов. Восемь писем Автора 1 (пол: женский; социальный статус: студент; возраст (на момент написания): 18 лет) были рассмотрены в качестве единого текста и составили в общей сложности 9261 слово (Текст 1). Двенадцать писем Автора 2 (пол: женский; социальный статус: студент; возраст (на момент написания): 18 лет) также были проанализированы как одно речевое произведение, которое составило 8989 слов (Текст 2). Подсчет единиц был осуществлен с помощью компьютерной программы *Microsoft Word Starter 14.0.5128.5000* (32-разрядная)⁵. Переписка осуществлялась посредством электронной почты в течение трех месяцев. Письма, отобранные для анализа, являются близкими по тематике, в них обсуждаются одни и те же события, предметы, лица, присутствуют вопросы одного автора и ответы на них другого.

Были исследованы некоторые простые первообразные предлоги: *в (во), до, без, вокруг, за, из, к (ко), между, на, о (об), около, от, по, под, при, про, с (со), у*. В таблице 3 представлены данные по выделенным выше предлогам *в, на, с, у, к, о*.

⁵ Расчеты произведены студентом О. Раевой.

Таблица 2. Результаты эксперимента, отражающие предпочтения испытуемых в выборе предлога при описании иллюстрации
Table 2. Results of the test in preposition preferences during picture description

Предлог	Иллюстрации														Всего
	A1	B1	C1	D1	E1	F1	G1	A2	B2	C2	D2	E2	F2	G2	
на	7	12	4	12	2	2	5	9	9	4	3	6	9	1	85
возле	3	–	3	2	1	1	–	–	–	5	4	5	1	1	26
в	1	1	–	1	2	2	2	3	–	–	1	–	6	2	21
у	1	–	2	–	1	1	–	–	1	4	2	–	–	–	12
перед	3	–	2	–	1	1	–	–	–	–	3	–	–	–	10
за	–	–	–	–	–	–	4	–	1	–	–	–	–	4	9
между	–	–	–	–	4	1	–	–	–	–	–	–	–	4	9
по	–	–	1	–	–	2	–	1	1	–	–	–	3	–	8
под	–	–	–	–	–	5	–	–	–	–	–	3	–	–	8
с	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	2	–	–	–	4
над	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	3
около	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	3
от	1	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	3
из-за	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
из-под	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
к	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
о	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
через	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Всего	17	13	13	16	11	15	13	17	15	14	16	15	19	12	206

Важным критерием является соотношение количества употребления предлогов на количество словоупотребления в тексте. В таблице 3 предлоги расположены согласно их рангу в Частотном словаре русского языка.

Описательный анализ показывает, что различие в количестве употреблении предлогов в текстах 1 и 2 не является существенным. Особенно это относится к частоте употребления самых частотных предлогов в русском языке (2 и 4 ранг): *в* и *на*. Гипотезу относительно отсутствия идентификационного потенциала у предлогов с наиболее высокой частотой употребления, характерной для языка, описательный анализ подтверждает. При этом предлоги, имеющие наименьшую частоту употребления в языке, могут обладать, по нашему мнению, наибольшим потенциалом (таблица 4).

Статистические способы обработки информации позволяют получить результаты с различной степенью достоверности [15]. В рамках данного исследования апробируется статистический критерий К. Пирсона (или χ^2). Отметим, что данный критерий не раз рассматривался в качестве одного из возможных методов идентификации текста [16–19]. Нулевая гипотеза данного исследования такова: между генеральными параметрами (т. е. общими признаками) сравниваемых групп (Текст 1 и Текст 2) разница равна нулю, а наблюдаемые различия носят не систематический, а исключительно случайный характер.

Таблица 3. Ранг и частотность употребления некоторых предлогов в исследуемых текстах

Table 3. Rank and frequency of the use of some prepositions in the texts under study

Ранг	Предлог	Частотность употребления	
		Текст 1	Текст 2
2 (76)	в (во)	233	198
4	на	145	111
8 (77)	с (со)	91	143
15 (444)	к (ко)	57	56
21	у	41	84

Таблица 4. Количественные данные по предлогам, имеющим наименьшую частоту употребления в языке

Table 4. Quantitative data on the prepositions with the lowest frequency of use in the language

Ранг	Предлог	Частотность употребления	
		Текст 1	Текст 2
51	до	31	19
63	при	10	2
755	вокруг	0	2

В исследованиях обычно принимается 5 %-й уровень значимости [20], которому соответствует 95 %-й уровень надежности. Мы также используем данную величину, и это значит, что если фактически полученная величина χ^2 ($\chi^2_{\text{ф}}$) окажется меньше его критического значения ($\chi^2_{\text{ст}}$), которое представлено в специальной таблице, то нулевая гипотеза будет подтверждена. И наоборот, если значение $\chi^2_{\text{ф}}$ окажется больше значения $\chi^2_{\text{ст}}$, тогда величина коэффициента Тамбовцева (ТМВ) ($\chi^2_{\text{ф}}/\chi^2_{\text{ст}} > 1$), то нулевая гипотеза будет опровергнута.

Итак, необходимо вычислить сумму значений χ^2 для каждого из анализируемых предлогов. Предлог *без* в Тексте 1 встретился 4 раза на 8989 слов, а в Тексте 2 – 9 раз на такое же количество слов. Необходимо произвести следующие вычислительные шаги для определения значения критерия К. Пирсона: $9+4=13$; $9-4=5$; $5^2=25$; $\chi^2=25/13=1,92$. Прделаем те же шаги для остальных исследуемых предлогов. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Результаты вычисления значений χ^2 относительно употребления исследуемых предлогов

Table 5. Values of χ^2 relative to the use of the prepositions under study

Предлог	Частота встречаемости		χ^2
	Текст 1	Текст 2	
в (во)	233	198	2,84
до	31	19	2,88
без	4	9	1,92
вокруг	0	2	2
за	27	24	0,18
из	26	27	0,02
к (ко)	57	56	0,01
между	3	1	1
на	145	111	4,51
о (об)	41	50	0,89
около	3	3	0
от	23	25	0,08
по	44	42	0,05
под	6	2	2
при	10	2	5,33
про	21	18	0,23
с (со)	91	143	11,55
у	41	84	14,79
$\Sigma \chi^2$	–	–	50,28

Необходимо определить соотношение вычисленного и критического значения χ^2 (т. е. величину ТМВ). Для этого необходимо вычислить число степеней свободы по выше формуле $k=(c-1)(z-1)$, где c – число строк в таблице, а z – число граф. Из этого следует, что $k=(18-1)(2-1)=17*1=17$. Нами также выбран 5 %-й уровень значимости. Обращаясь к таблице критических значений χ^2 -критерия

Пирсона [20, с. 271], выясняем, что критическое значение χ^2 , соответствующее уровню значимости 5 % и числу степеней свободы 17, равно 27,59.

Вычислим коэффициент ТМВ по формуле $\chi^2_{\text{ф}}/\chi^2_{\text{ст}}=50,28/27,59=1,82$. Значение ТМВ > 1 (или $\chi^2_{\text{ф}} > \chi^2_{\text{ст}}$), а это значит, что предположение о том, что между общими признаками сравниваемых текстов разницы равна нулю, а наблюдаемые различия носят не систематический, а исключительно случайный характер, должно быть отвергнуто в соответствии со статистическим законом.

Эмпирические данные подтвердили тот факт, что Текст 1 и Текст 2 написаны разными авторами. Такой результат говорит об эффективности применения χ^2 -критерия К. Пирсона как статистического метода.

Номинативный аспект семантики падежных форм

Категория падежа – это словоизменительная категория имени, которая реализуется в системе ряда форм, противопоставленных друг другу. Значение данной категории заключено в выражении отношения имени к другому слову в составе словосочетания или предложения. Падеж способен реализовывать свои как присловные, так и неприсловные позиции и связи. Существует комплекс основных, самых общих значений, присущих падежу и совпадающих и в присловных, и в неприсловных его позициях [21]: объектное (отношение предмета к действию, которое направлено на этот предмет), субъектное (отношение предмета к действию, которое совершается самим этим предметом) и определительное (отношение предмета к другому предмету, действию, состоянию либо к целой ситуации, которая этим отношением характеризуется). Семантический компонент падежных форм не обладает признаками обязательности, регулярности и стандартности, он сильно вариативен, и тенденция к константности проявляется в них не всегда достаточно четко.

Так, для именительного падежа характерны значения субъектное и определительное, для родительного падежа – субъектное, определительное (исключая обстоятельственное) и предметное, дательному падежу присущи субъектное и объектное значения, винительному падежу – объектное, творительный падеж выражает определительное и объектное значения, а значения предложного падежа во многом совпадают со значениями беспредложных падежных форм.

Очевидно, что выполняющие различные синтаксические функции падежные формы характеризуются целым спектром значений. Эти значения обязательны для выражения в русском языке, т. к. без них невозможно будет составить ни словосочетание, ни простейшее предложение. Но сам процесс выражения этих значений настолько бессознателен, что он «ускользает от подделок» [22].

В связи с этим предположением мы решили обратиться к падежным формам анализируемых в данной работе текстов и проверить, насколько однородными являются Текст 1 и Текст 2 с этой точки зрения. Однако, на наш взгляд, необходимо обратиться к частотным и высокочастотным единицам рассматриваемых речевых произведений. Дело в том, что в силу ограниченного количества имеющихся в русском языке падежей, каждый из них может встретиться в том или ином языковом материале. Для нас же будет показательным то, какие падежные формы и грамматические значения приписывают субъекты речи частотным, а вместе с этим и значимым для них единицам текста.

В ряд частотных словоформ были включены имена существительные и личные местоимения (ед. ч. и мн. ч.), встречающиеся в тексте более десяти раз. Выявление частотности было произведено с помощью компьютерной программы *Simple Word Sorter Verion 1.0*⁶. Далее было определено количество тех или иных падежных форм с учетом омонимичности (например, *его* – Р. п. или В. п. в соответствии с контекстом и т. д.).

Сопоставляя полученные данные, мы увидели, что количество словоформ в форме И. п. приблизительно одинаково для Текста 1 и Текста 2. Это объяснимо с точки зрения общих закономерностей построения речевого высказывания. Форма И. п. в роли первого актанта, т. е. подлежащего, в предложении является регулярной и продуктивной моделью построения коммуникативной единицы. Так принято обозначать субъект действия, что является непосредственной репрезентацией действительности, в которой тот или иной объект вещественного мира наделен в сознании человека определенного рода активностью. Это и отражается структурной стороной языка.

В случаях с остальными падежными формами при поверхностном анализе нельзя однозначно сказать о достоверном различии или очевидном сходстве Текста 1 и Текста 2. Необходимо обратиться к более надежным способам обработки информации – например, к χ^2 -критерию К. Пирсона.

Нулевая гипотеза в данном случае будет совпадать с предыдущей: разница между признаками сравниваемых групп равна нулю и различия, наблюдаемые между ними, носят исключительно случайный характер. Только под признаками в данном случае подразумевается распределение по падежным формам.

Перед непосредственным проведением вычислительных операций необходимо отметить, что в крайних классах недопустимо количество вариантов менее 5. В таком случае их необходимо объединить с частотами соседних классов. Число степеней свободы (k) определяется уже

по вторичному числу классов [20]. Данное замечание является актуальным для наших вычислений, в связи с чем данные были модифицированы (таблица 6). После произведенных модификаций данных таблицы были вычислены значения χ^2 для каждой группы и определена их сумма.

Таблица 6. Результаты вычисления значений χ^2 относительно употребления падежных форм

Table 6. Values of χ^2 relative to the use of case forms

Падеж	Частота словоупотреблений		χ^2
	Текст 1	Текст 2	
И. п.	521	524	0,01
Р. п.	63	82	2,49
Д. п.	76	120	9,88
В. п.+Т. п.+П. п.	76+0+1=77	90+0+0=90	1,01
$\Sigma \chi^2$	–	–	13,39

Следующим шагом стало сопоставление полученного значения χ^2 ($\chi^2=13,39$) и его критического значения. Уровень значимости был принят такой же, как и в предыдущем вычислении (α) – 5 %. Для определения табличного значения χ^2 необходимым осталось вычислить число степеней свободы: $k=(c-1)(z-1)=(4-1)(2-1)=3$. При таких значения α и k критическое значение χ^2 -критерия (χ^2_{st}) соответствует числу 7,81. Вычисленный коэффициент ТМВ= $\chi^2_{ф}/\chi^2_{st}=13,39/7,81=1,71$, это позволяет нам говорить о том, что различия, наблюдаемые между Текстом 1 и Текстом 2, носят систематический характер и не являются случайными. Нулевая гипотеза опровергается. Так, употребление той или иной падежной формы является индивидуальным для разных субъектов речи и может обладать идентификационным потенциалом.

Заключение

Несмотря на высокочастотность употребления ряда предлогов в русском языке, некоторые из них могут проявлять идентифицирующую функцию, характеризуя тем самым авторские предпочтения (выраженные неосознанно). Нами была проведена проверка эффективности одного из статистических методов χ^2 -критерия К. Пирсона на материале распределения предлогов в тексте. Проведенный методический эксперимент позволил убедиться в том, что предлоги действительно являются единицами, которые бессознательно используются человеком для выражения отношений, существующих в действительности. Разнообразие синонимичных рядов в языке предоставляет выбор, индивидуальный для каждого. Применив χ^2 -критерий и опровергнув

⁶ Расчеты произведены студентом О. Раевой.

гипотезу о случайности наблюдаемых в тексте различий, мы пришли к выводу об эффективности данного статистического метода. Использование критерия К. Пирсона относительно падежных форм, реализованных в тексте, выявляет вариативность способов их выражения, продиктованную индивидуальным характером субъекта речи. Можно говорить об универсальности критерия К. Пирсона и возможности его эффективного применения. Полагаем,

что характер распределения в текстах временных форм будущего простого и будущего сложного (*я спую песню и я буду петь песню* и т. д.), употребление сочинительных и подчинительных союзов и особенности структуры предложений также могут быть проанализированы с помощью критерия К. Пирсона. Данное предположение необходимо апробировать в последующих исследованиях.

Литература

1. Распопова Т. А. Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2015. № 1. С. 133–144.
2. Абрамкина Е. Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 158–163. DOI: 10.17223/15617793/415/22
3. Морозов А. В. Автороведческая экспертиза текста договора // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 290–297.
4. Суркова А. С. Проблема идентификации автора текста в юрислингвистике // Будущее технической науки: мат-лы 3-й молодежной науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 26–27 мая 2004 г.) Н. Новгород: НГТУ, 2004. С. 51–52.
5. Резанова З. И., Романов А. С., Мещеряков Р. В. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6. С. 38–52.
6. Тамбовцев Ю. А., Тамбовцева Л. А., Тамбовцева Ю. Ю. Тексты Бахтина, Волошина и Медведева: авторство или плагиат? // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 08 апреля 2011 г.) / отв. ред. А. В. Колмогорова. Новокузнецк: OBERON, 2011. С. 402–421.
7. Морозов Н. А. Лингвистические спектры // Изв. императорской АН, отд. яз. и словесности XX. 1915. Кн. 4. С. 93–134.
8. Чашин С. В. Применение методов машинного обучения «с учителем» для атрибуции текста: отдельные подходы и промежуточные результаты при идентификации авторов русскоязычных текстов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. № 1. С. 139–147.
9. Тихомирова Е. А. Статистический анализ в задаче идентификации автора текста, написанного на естественном языке // Наука и образование: научное издание МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2017. № 6. С. 131–146. DOI: 10.7463/0617.0001245
10. Муха А. В., Розалиев В. Л., Орлова Ю. А., Заболеева-Зотова А. В. Автоматизированный подход к определению авторства текста // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. № 14. С. 51–54.
11. Марусенко М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 469–473.
12. Головина Т. А. Квантитативный анализ лингвоперсонологического функционирования частей речи (на материале художественных произведений: тип текста – описание) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 120. С. 94–105.
13. Головина Т. А. Части речи в лингвоперсонологическом пространстве // Университетская филология образованию: человек в мире коммуникаций: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций». Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 86–87.
14. Голев Н. Д., Горюнова М. Е. Текст как объект квантитативно-морфологического исследования // Культура и текст. 2018. № 2. С. 216–229.
15. Захаров М. П. Автоматизация автороведческих исследований // Судебная экспертиза. 2007. № 4. С. 63–69.
16. Тамбовцев Ю. А., Тамбовцева А. Ю., Тамбовцева Л. А. Типология распределения некоторых лингвистических единиц в тексте как показатель авторства текста // Вестник Омского университета. 2008. № 2. С. 88–96.
17. Степаненко А. А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17–25. DOI: 10.17223/15617793/415/3
18. Батура Т. В. Математическая лингвистика и автоматическая обработка текстов на естественном языке. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 166 с.
19. Зенков А. В. Новый метод стилеметрии на основе статистики числительных // Компьютерные исследования и моделирование. 2017. Т. 9. № 5. С. 837–850. DOI: 10.20537/2076-7633-2017-9-5-837-850
20. Лакин Г. Ф. Биометрия. М.: Высш. шк., 1980. 293 с.

21. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 788 с.
22. Тамбовцев Ю. А. Фонотипологическая близость лингвистических объектов по критерию «хи-квадрат» // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2010. Т. 8. Вып. 3. С. 46–54.

Prepositions and Case Forms of the Russian Language as a Subject of Identification Linguistics

Nikolay D. Golev^a; Galina V. Napreenko^{b, @, ID}

^a Kemerovo State University, 66 Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

^b Kemerovo State Medical University, 22a, Voroshilov St., Kemerovo, Russia, 650029

@ vila1991@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-4404-0560>

Received 23.05.2019. Accepted 05.08.2019.

Abstract: The article features Russian vocabulary from the aspect of identification linguistics, i.e. identification function on the morphological level, e.g. in various parts of speech and word forms belonging to different grammatical categories. The analysis focuses on auxiliary parts of speech, namely prepositions, related case forms, and grammatical meanings. The research is based on Internet correspondence. The article is included in the paradigm of research aimed at identifying and describing quantitative patterns in the distribution of units, properties, and relationships in texts and patterns of the stability / variability coefficient of units, properties, and relationships. The authors assume that different units have a different coefficient: some tend to be stable while others change their coefficient depending on different characteristics of the text. The research employed the method of Pearson's statistical criterion. The applied method determines the frequency of lexemes in texts belonging to different author profiles and reveals their identification potential.

Keywords: text identification, identifier, auxiliary parts of speech of the Russian language, lexical-quantitative method, Pearson's criterion

For citation: Golev N. D., Napreenko G. V. Prepositions and Case Forms of the Russian Language as a Subject of Identification Linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 801–810. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-801-810>

References

1. Raspopova T. A. Judicial authors examination: experience of research. *Ezhegodnik NII fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy*, 2015, (1): 133–144. (In Russ.)
2. Abramkina E. E. The interview memo authorship examination: basic special aspects and the method of the analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (415): 158–163. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/415/22
3. Morozov A. V. Authorship examination of contract texts. *Legal Linguistics*, 2004, (5): 290–297. (In Russ.)
4. Surkova A. S. Issues of authorship identification in legal science. *The Future of Technical Science: Proc. 3rd youth Sci.-Prac. Conf.*, Nizhny Novgorod, May 26–27, 2004. Nizhny Novgorod: NGTU, 2004, 51–52. (In Russ.)
5. Rezanova Z. I., Romanov A. S., Meshcheryakov R. V. Selecting text features relevant for authorship attribution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2013, (6): 38–52. (In Russ.)
6. Tambovtsev Iu. A., Tambovtseva L. A., Tambovtseva Iu. Iu. Texts by Bakhtin, Voloshina, and Medvedev: authorship or plagiarism? *Problems and Prospects of Language Education in the XXI Century: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Novokuznetsk, April 08, 2011, ed. Kolmogorova A. V. Novokuznetsk: OBERON, 2011, 402–421. (In Russ.)
7. Morozov N. A. Linguistic Spectra. *Izvestiia imperatorskoi AN, otd. iaz. i slovesnosti XX*, 1915, book 4, 93–134. (In Russ.)

8. Chaschin S. V. Application of machine learning supervised learning methods in text attribution: distinct approaches and intermediate results in identification of the authors of Russian texts. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy*, 2018, (1): 139–147. (In Russ.)
9. Tikhomirova E. A. The statistical analysis in the problem of the author identification of a natural language text. *Nauka i obrazovanie: nauchnoe izdanie MGTU im. N. E. Bauman*, 2017, (6): 131–146. (In Russ.) DOI: 10.7463/0617.0001245
10. Mukha A. V., Rozaliev V. L., Orlova Y. A., Zaboloeva-Zotova A. V. Automated approach to authorship attribution. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, (14): 51–54. (In Russ.)
11. Marusenko M. A. Identifying the authorship of anonymous and pseudonymous texts by methods of applied linguistics. *Applied linguistics*. Saint-Petersburg: SPbGU, 1996, 469–473. (In Russ.)
12. Golovina T. A. Quantitative analysis of the lingua-personal functioning of parts of speech in descriptive fiction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (120): 94–105. (In Russ.)
13. Golovina T. A. Parts of speech in lingua-personal space. *University Philology Education: People in the World of Communications: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "Communication in the Modern World: Man in the World of Communications"*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005: 86–87. (In Russ.)
14. Golev N. D., Goryunova M. E. Text as object of quantitative-morphological research. *Kultura i tekst*, 2018, (2): 216–229. (In Russ.)
15. Zakharov M. P. Automation of authorship examination. *Sudebnaia ekspertiza*, 2007, (4): 63–69. (In Russ.)
16. Tambovtsev Iu. A., Tambovtseva A. Yu., Tambovtseva L. A. Typology of distribution of several linguistic units in text as authorship index. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2008, (2): 88–96. (In Russ.)
17. Stepanenko A. A. Gender attribution in social network communication: the statistical analysis of pronouns frequency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (415): 17–25. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/415/3
18. Batura T. V. *Mathematical linguistics and automatic processing of texts in natural language*. Novosibirsk: RITs NGU, 2016, 166. (In Russ.)
19. Zenkov A. V. A novel method of stylometry based on the statistic of numerals. *Computer research and modeling*, 2017, 9(5): 837–850. (In Russ.) DOI: 10.20537/2076-7633-2017-9-5-837-850
20. Lakin G. F. *Biometrics*. Moscow: Vyssh. shk., 1980, 293. (In Russ.)
21. *Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress Intonation. Word formation. Morphology*, ed. Shvedova N. Yu. Moscow: Nauka, 1980, 788. (In Russ.)
22. Tambovtsev Iu. A. Phono-typological closeness of linguistic objects by the "Chi-square" criterion. *Vestnik NSU. Series: Information Technologies*, 2010, 8(3): 46–54. (In Russ.)

Информативность публицистических текстов XVIII в. в журналах Н. И. Новикова

Елена Р. Корниенко ^{a, @, ID}

^a Северный государственный медицинский университет, 163000, Россия, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51

@ er-kor@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-9451-3517>

Поступила в редакцию 08.04.2019. Принята к печати 02.08.2019.

Аннотация: В статье рассматривается стилистическая специфика текстов журналов 2-й половины XVIII в., издаваемых русским просветителем Н. И. Новиковым. Языковые и композиционные особенности выявляются в сопоставлении с современной стилистической моделью публицистики. Автором обозначены доминанты стиля анализируемых текстов: диалогичность, воспитательная функция, синтез педагогического и публицистического дискурсов. В исследовании акцент сделан на стилистическом своеобразии заголовков статей и особо отмечается, что специфика языка публицистики Н. И. Новикова детерминирована его языковой коммуникативной личностью, целевыми установками информирования читателя. Методом исследования в данной статье выступает анализ тематического, композиционного, фактологического, модального видов информативности публицистического текста. Семантико-стилистический анализ заголовков публицистических статей журналов позволил выделить сюжетные, номинативно-констатирующие, жанровые, пространственные, прецедентные, адресные заголовки, имеющие информативную функцию и проникающие границы. На базе анализа выразительных ресурсов текстов отмечена специфика их использования и типичность для идиостиля Н. И. Новикова. Скрепляющим композиционным элементом анализируемых текстов служит образ реального индивидуального автора, реализуемый в различных текстовых образах и актуализируемый в контексте создаваемого стилистического эффекта диалогичности. Областью применения результатов исследования являются персонология и история журналистики. Собранный языковой материал может быть применен в создании учебных пособий по стилистике и риторике.

Ключевые слова: дискурс, тропы, риторические фигуры, идиостиль, информативность, диалогичность, эксплицитность

Для цитирования: Корниенко Е. Р. Информативность публицистических текстов XVIII в. в журналах Н. И. Новикова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 811–820. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-811-820>

Введение

Произведения русского просветителя, журналиста, книгоиздателя 2-й половины XVIII в. Н. И. Новикова весьма обширны и характерны для той эпохи: культура, политика, мораль, философия. Указанная многоаспектность является стилистической константой публицистики вообще: «В публицистической литературе освещаются разнообразные вопросы, представляющие интерес для общества и являющиеся актуальными в определенный момент. К ним относятся идеологические, политические, экономические, философские, морально-этические вопросы культуры, искусства, повседневной жизни, производства и т. д.» [1, с. 12]. Особенности стилистики анализируемой публицистической литературы детерминируются принадлежащими ей социально-педагогическими функциями. Н. И. Новиков своими статьями демонстрирует социальную многоплановость

транслируемых идей Просвещения [2]. Тематическая информативность его текстов вербализируется посредством авторской организации и синергетического структурирования лексического поля текста и / или дискурса. Научную лингвистическую основу исследования составляют труды М. Я. Блоха [3], Ю. В. Головневой [4], Н. И. Клаузиной [5], И. С. Ленской [6] и др.

Задача нашего исследования заключается в выявлении специфики языка публицистики XVIII в. на материале изданий Н. И. Новикова, в сопоставлении с современной стилистической моделью, в определении констант стиля на новом оригинальном текстовом материале. Журнальное наследие Н. И. Новикова многожанрово. Спецификой языка можно считать жанровую рефлексю [7; 8], поскольку автор сам относит текст к той или иной группе: мы находим *предисловия, предуведомления, листы, письма* и др. Главной стилистической

константой публицистики признается конструктивный принцип – сочетание экспрессии и стандарта, конгломерат информативной и воздействующей функций. Исследование текстов позволяет выделить следующие типы информативности: тематическая, композиционная, фактологическая, модальная.

Методы и материалы

Методом исследования в настоящей работе выступает анализ тематического, композиционного, фактологического, модального видов информативности публицистического текста [9–15]. Предметом семантико-стилистического анализа определена диктема [16–20], рассматриваемая исследователем М. Ф. Шацкой как единица дискурса и текста [21, с. 180–181], не имеющая строгих синтаксических границ, структурно организованная вокруг информационного ядра – слова, словосочетания, краткой фразы. Посредством анализа выразительных ресурсов публицистических текстов рассматривается специфика их использования и типичность для идиостиля Н. И. Новикова.

Источником исследования являются изданные русским просветителем 2-й половины XVIII в. Н. И. Новиковым журналы «Трутень», «Живописец», «Кошелек», «Утренний свет», «Вечерняя заря», «Московское ежемесячное издание», «Прибавления к Московским ведомостям» и др. Материалом для данной работы послужила авторская картотека, содержащая более 500 диктем, извлеченных из публицистических текстов журналов¹.

Тематическая информативность: ключевые слова и деривационные гнезда

Под тематической информативностью мы понимаем способность публицистических текстов расширять границы представлений о том или ином вопросе. Тематическая группа, определяющая социальный вектор текста, формируется вокруг ключевого слова или деривационного гнезда [22; 23]. В качестве примера рассмотрим ключевые слова и деривационные гнезда дискурса Н. И. Новикова.

1. Тема человека как существа социального и физического репрезентируется лексическим полем, организованным вокруг имени существительного *человек* в его грамматических формах (ед. ч. *человек*, мн. ч. *человеки* и *люди*). Человек выступает как субъект (*из разумного человека переделываются в бессмысленных обезьян*), как объект действий и эмоций (*любовь к человеку; рассмотрев человека физически, рассмотрим теперь его нравственно; если человек почтем за цель всего мира*), как элемент системы (*человек есть существо разумное и свободное*). Основным дериватом выступает прилагательное *человеческий*, получающее

мелиоративное значение даже в нейтральных диктемах (*высокое человеческое достояние; человеческий разум по своей природе может преуспевать и приводить в совершенство свои способности*). Человек служит объектом классификации, которую автор производит с помощью синтагматических средств. Наиболее типичным является атрибутивное словосочетание или полупредикативное сочетание: *молодой человек; разумный человек, любящий порядок; подъяческого рода люди*. Семантические синонимы (*старик, живописец, женщина*) конкретизируют описываемые ситуации. Решая стилистические задачи, автор допускает нарушение лексической сочетаемости. Одним из излюбленных приемов Н. И. Новикова является ирония (*пожилой юноша сей*). Публицист XVIII в. остается в традициях своей эпохи, выбирая роль судьи и мудреца, предлагая читателям сентенции, нравоучения и обобщения морально-психологического характера (*всякий молодой человек истинно почитает токмо то, что он чувствует* и др.).

2. Тема нравственности неразрывно связана с темой человека и репрезентируется лексическим полем, организованным вокруг деривационного гнезда: *нравы* (лексическое значение связано с формой множественного числа), *нравственный, нравственность, нравоучитель*. Данное понятие описывается как объект (*исправление нравов; перемена нравов; нравоучители*), имеющий локализацию (*нравственность в человеке*), рассматривается как признак конкретных физических предметов (*нравственное существо; нравственность какого-либо существа*), процессов (*нравственность действий; нравственные деяния; нравственное и разумное воспитание*), абстрактных явлений (*нравственная совесть; нравственное чувство; нравственный смысл; нравственная свобода*). Понятие *нравы* по воле автора становится признаком признака и носителем / обладателем признака, ср.: *нравственно доброе и доброта нравов*. Важно, что синтагматическая частотность сближает понятия *доброта* и *нравственность* в дискурсе Н. И. Новикова.

3. В наследии Н. И. Новикова мерилom нравственности является отношение к отечеству. Лексическое поле, репрезентирующее тему отечества последовательно, четко выделяется в исследуемом дискурсе. Ядерную позицию занимает имя нарицательное *отечество*. Лексическое значение включает пространственную сему, но обозначаемое словом пространство не имеет четких границ, что порождает полисемию, ср.: *будучи рожден и воспитан в недрах отечества; я принужден был удалиться из отечества; ученому человеку, как говорят, целый свет отечество*. Как мы уже отметили, отношение к отечеству становится критерием для деления людей по аксиологическому основанию: *оказать хотя*

¹ Источник всех примеров в данной статье см.: Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. 336 с.

малейшую услугу моему отечеству; часть древности спасем для пользы нашего отечества; из числа любителей своего отечества. Притяжательные местоимения атрибутируют отечество как личный и социальный объект (*мое, наше*).

4. Тема науки репрезентируется лексическим полем, организованным вокруг имени существительного, которое зафиксировано в банке примеров-диктем преимущественно в форме множественного числа. Выдвинем предположение, что постепенное вытеснение в дискурсе и языке формы науки формой ед. ч. наука обусловлено интеграцией областей познания. У Н. И. Новикова науки есть локус, имеющий границы (*разврат в науках; начала наук и художеств*), объект познания (*юношество наше может учиться всем языкам и всем наукам*), субъект, обладающий признаками (*успех наук*), метафоризированное существо (*науки еще как бы сномотягощены бывают, и великого стоит труда, чтоб возбудить их от глубокого сна*). Номинация науки синтагматически объединяется с другими понятиями в мелиоративное поле текста, например в смысловом ряду однородных членов: *препятствовали приращению вкуса или успеху наук*. В ближайшую приядерную зону анализируемого лексического поля входит синоним ученый – имя прилагательное или субстантиват (*государство сделать ученым, великое число ученых*).

Композиционная информативность: повторы, призывы, заголовки

Под композиционной информативностью мы понимаем организацию текста, позволяющую адресату получить информацию о тексте – его содержании и форме. Язык публицистических статей журналов Н. И. Новикова, следуя традициям XVIII в., обладает рядом особенностей. На композиционном уровне важную роль в текстах журналиста играют повторы. Повторы организуют синтаксический параллелизм, усиливающий модальную информацию текста: *Там рубил неверных... Там не имел он никакия жалости... Там отнятием неприятельских земель служил...* Авторским приемом создания эмотивного рисунка текста является дублирование риторического обращения: *О науки! науки! бесполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки; О Россия! Россия!*²

На жанрово-композиционном уровне выделим излюбленный речевой жанр публициста – призыв. Здесь морфологически значимы повелительные формы глагола: *устыдитесь, государи мои строгие судьи; послушай, да не заплачь; воспитывай детей твоих счастливыми и полезными гражданами; приучайте их (детей) к трудолюбию; предшествоуйте*

им (детям) и в сем своим примером, назначайте какие-нибудь удовольствия или увеселения..., радуйтесь перед оными; послушайся меня, добивайся этого места. Призывы формируются различными синтаксическими средствами, в том числе используются вопросительные конструкции с частицей: *Не хочется ли вам, чтобы...? Не желаете ли, чтобы...? Не того ли вы ищете, чтобы...?* Активность данного жанра определяется тем, что в денотативную структуру текста Н. И. Новиков включает фигуру читателя, с которым вступает в эксплицитную коммуникацию. Читатель объявляется и учеником мудреца-автора, и судьей его творчества: *Вот, любезный читатель, краткое начертание трудов и намерений наших; прими сии посильные упражнения и суди о них беспристрастно. Беспристрастный суд твой будет для нас полезнее, нежели неосновательная критика словотолков*.

Основным композиционным элементом, организующим информативность данного типа, является заголовок. Заголовки современного медиадискурса довольно подробно описаны в работе В. А. Марьянич [24]. Остановимся на том стилистическом своеобразии заголовков, которое отличает публицистические тексты той эпохи от современных. Прежде всего, в заголовках статей отмечаем частотное употребление предложной конструкции: *О добродетели; О образовании разума; О образовании сердца; О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия; О некоторых главных препятствиях доброму воспитанию; О влиянии успеха наук в человеческие нравы и образ мыслей; О достоинстве человека в отношениях к богу и миру*. Заголовок оформляется неполным предложением, что характерно для современного официально-делового стиля: *О награждении сотрудников; О наложении дисциплинарного взыскания; Об изменении технического регламента и т. п.* В подобных сочетаниях с объектным значением компонентов прослеживается их способность указывать на лексическое значение эллипсированного глагола.

Важно подчеркнуть, что в рассматриваемом дискурсе отсутствует стилистический прием обратного заголовка, выполняющего исключительно аттрактивную функцию и не соответствующего содержанию. Заголовки Н. И. Новикова реализуют информативную функцию в классическом варианте – отражают содержание текста через ключевое слово, поэтому предложно-падежная конструкция является оптимальной. Эксплицированная композиционная информативность не исключает воздействующую функцию, напротив: данный репрезентант сильной позиции четко и сжато отражает содержание материала.

² Статьи и заметки из журнала «Живописец» 1772 год. Часть 1. Лист 4 // Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. С. 97.

В ряде случаев предложный заголовок содержит указание на функциональный тип речи – *рассуждение*: *Рассуждение о бессмертии души; Философическое рассуждение о совести вообще*. Рассуждение в дискурсе Н. И. Новикова меняет речевой статус – это не функциональный тип речи с определенной композиционной структурой, состоящей из тезисов и аргументов, а «зонтичный» жанр. Семантика отглагольного существительного соответствует авторской маске мудреца, усиливая воздействующую функцию.

Проведем семантико-стилистический анализ заголовков другого типа. Классифицируя данный композиционный элемент, мы выделили следующие группы.

1. Сюжетные заголовки, организованные диктемами, которые описывают некое событие, его фрагмент, а также его причины или следствия: *Отрывок путешествия в *** И*** Т***; Человек, наедине рассуждающий о неудоборешимых пневматологических, психологических и онтологических задачах; Следствия худого воспитания; О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук; Расставание или последнее прощание с читателями*.

2. Номинативно-констатирующие заголовки, репрезентирующие, как правило, абстрактные понятия, которые становятся предметом рассмотрения в статье: *Истины; Новая логика; О характере сатиры в журналах «Всякая всячина» и «И то и сё»*.

3. Жанровые заголовки, содержащие указание на жанр или его прямую номинацию: *Письмо уездного дворянина к его сыну; Разговор; Рецепты; Ведомости; Перевод; Известие, полученное с Еликона или дополнение ко второму листу второй части Живописца; Заключение журнала под названием «Утреннего света»*.

4. Пространственные заголовки, включающие топонимы различных групп: *Из гостиного двора; Из Миллионной; Из Твери; Из Коширы*.

5. Прецедентные заголовки, цитирующие пословицы, поговорки или оформленные по аналогичной структуре словосочетания: *В новый год новое счастье; Малого пожалеешь, да большее потеряешь; Замок для дурака, а печать для умного*.

6. Адресные заголовки, содержащие указание на прямой или косвенный адресат текста: *Вельможам, Средостепенным, Мещанам, Бедным, Поселянам*.

Данные группы имеют проникающие границы. Так, заголовки *Отрывок путешествия в *** И*** Т***, Письмо уездного дворянина к его сыну* и др. можно отнести к сюжетным и жанровым.

Отметим, что иногда Н. И. Новиков уточняет заголовок посредством вреза или лида, первого абзаца, передающего основную мысль содержания статьи. Заголовок и начальное предложение лида соотносятся с помощью последовательной или параллельной связи. Например, заголовок *О некоторых главных препятствиях доброму воспитанию* и начальное предложение лида: *бывают при воспитании предметы, не составляющие самого воспитания, но принадлежащие только к распоряжкам оного, однако имеющие превеликое влияние в образовании детей, так, что становятся они... препятствиями доброму воспитанию*³. Аналогичным примером является заголовок *Английская прогулка* и лид *прогуливаясь третьего дни по берегу...* В приведенных примерах композиционные элементы соотносятся по способу последовательной связи. Заголовок *О образовании разума* параллельно соединен с лидом *образовать разум, или дух, детей называется вперять в них справедливые представления о вещах...* Начальное предложение лида представляет собой содержательное высказывание, в то же время заголовок – это его усеченный вариант, включающий лексемы с предельной коммуникативной нагрузкой. Подобные заголовки имеют непосредственную связь с ключевой диктемой, являются актуализированными конструкциями и считаются эллиптическими.

Фактологическая информативность

Под фактологической информативностью понимается насыщенность журнальных материалов неизвестными, новыми фактами, сведениями, которые могут иметь эмпирический или теоретический характер. О фактологической информативности статей Н. И. Новикова можно также судить по заголовкам: *О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук; О всеобщей и последней цели воспитания и о частях его; Скифская история; О научных сочинениях в России* и др. Публицист использует прием намеренного погашения фактологической информативности, см.: *Отрывок путешествия в *** И *** Т***; Письмо к НКЛ; ЛКСВЧ; ЛДЖНСКМ*. С помощью приема эксплицитного умолчания («звездочки», аббревиатуры) организуется интеллектуальный диалог с читателем, актуализируются общие пресуппозиции. В результате данной стратегии на первый план выходит модальная информативность текста, понимаемая нами как организация текста, в результате которой формируются стилистические эффекты, задуманные автором и имеющие концептуальное значение (концептуализирующиеся в картине мира читателя).

³ Статьи из журнала «Прибавления к Московским ведомостям». О некоторых главных препятствиях доброму воспитанию // Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. С. 266.

Модальная информативность, образ реального индивидуального автора

Модальная информативность есть результат действия речевых механизмов модальности в широком (текстовом) понимании данной категории, охватывающем дискурсивные средства от языковых средств (оценочные слова, модальные глаголы и проч.) до коммуникативных единиц (установки, интенции, восприятие и др.).

Модальная информативность непосредственно связана с образом автора публицистических статей. В связи с этим для нас особый интерес представляет четырехуровневая модель образа автора, соотносящаяся с дискурсом и включающая следующие компоненты:

- 1) реального коллективного автора (субъекты, создавшие текст; «портрет» издания);
- 2) реального индивидуального автора («портрет» личности журналиста);
- 3) образа автора в узком понимании (идиостиль, речевая маска, роль);
- 4) автора-персонажа [24, с. 25].

В поле зрения нашего исследования находится образ реального индивидуального автора, т. е. специфика языка публицистических статей журналов Н. И. Новикова детерминирована его языковой коммуникативной личностью, целевыми установками информирования читателя. Отметим, что в анализируемых текстах реализуются различные речевые стратегии и речевые маски; иногда Н. И. Новиков создает образ автора-персонажа, например в переписке с императрицей.

Осуществляя коммуникативное намерение уйти от книжной речи и приблизить язык к реальной речевой действительности, Н. И. Новиков в публицистических статьях использует разговорные, просторечные средства. Так, находим в текстах журнала «Кошелек» разговорные слова, относящиеся к знаменательным частям речи (*девка, дурак, убавка, ересь, пособить, сказывал, читывал, надобно, особливо, эдакое*), служебные слова (*почто*), устойчивые выражения (*в том ни греха, ни стыда нет, вытащено на свет, дерет уши*), народную метафорику (*не могло прийти ему в голову; шататься по трактирам и народным гульбищам; проматывать деньги*). Автор использует речевую маску человека из народа, показывает, что ничем не отличается от простого обывателя и, соответственно, принимает роль частного человека. Из этого следует, что активное включение в текст разговорных и просторечных выражений снижает публицистическую / журнальную

речь до бытового уровня, ликвидирует границы между книжным и разговорным стилями, что обуславливает доступность текста.

Однако разговорные единицы решают не только задачу демократизации публицистики: используя эти языковые средства, автор в ряде случаев добивается стилистического эффекта, который обуславливает ироничное восприятие читателем текста. Механизм иронии работает на коротких фрагментах (речевых отрезках) в результате взаимодействия языковых средств и культурных пресуппозиций, например: *... и могу, опричь жены, десять иметь любовниц и всех их обманывать; она еще хороша* (о глубоко престарелой женщине)⁴. Таким образом, спецификой образа автора в текстах Н. И. Новикова является то, что публицист использует прием полукоткрытой маски: он не скрывает, а напротив, всеми доступными средствами дает понять читателю, что роль простака является временной и помогает автору отразить пороки действительности.

Оценочность, эксплицитность оценки

Модальность как отношение автора к изображаемому миру наиболее отчетливо проявляется через оценочность. В публицистических статьях Н. И. Новикова частотны оценочные выражения, имеющие ярко выраженный социальный характер. Объект оценки – человек и общество, основания – этические, жанровая форма – сентенция: *А ныне развращение во нравах учителей наших столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли; Такое сочинение будет похвально, полезно, удивительно и принесет великую честь всему государству*⁵. Оценка нередко формулируется с помощью прецедентного высказывания, имеет форму пословицы, например: *Нужда и бедность мать вымыслов; Ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много наделала; Не сули мне журавля в небе, а дай синицу в руки*. Автор преимущественно выбирает эксплицитные формы: номинации объектов и признаков с однозначной оценочной семой, входящей в денотат лексического значения (*развращение; глупые русские церемонии, модные вертопрашки*), оценочные предикаты (*глупо, похвально, полезно*), предикатные группы, репрезентирующие оценку на основе культурных пресуппозиций (*изъяснение добродетелей потеряли; принесет великую честь государству*). В группу оценочной лексики включаются суффиксальные дериваты сниженной окраски (*придворный господчик, бедное дворишко, лицом к подушке, листочки ваши читаю, гульбища, словечушка молвить*). Средством оценки также

⁴ Статьи из журнала «Кошелек». 1774 год. Лист пятый. Продолжение письма // Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. С. 174–175.

⁵ Статьи из журнала «Кошелек». 1774 год. Вместо предисловия. Лист первый // Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. С. 158–161.

становится словосложение (*праведельность, чистосердечие, бумагомаратели, своемыслие, многоречие, трудолюбец, богодухновенные, Неудобо-разумо-и-духодеятелен*).

Оценки в текстах Н. И. Новикова категоричны в результате использования интенсификаторов: *совсем потеряли, столь велико, великую честь*. Интенсификация может происходить в рамках внутренней формы слова. К приемам интенсификации оценки относится использование имен прилагательных в превосходной степени (*позднейшие, нежнейшие, славнейшие, самомалейший, премудрая, пребедные, преславное, прескверное, преимущественнейший, наилучшие*), в ряде случаев – сложение (*самолучшие, самомалейший*).

Эксплицитность оценки является доминантой публицистического стиля. Однако не всегда в анализируемых текстах авторские оценки лежат на поверхности. В текстах, созданных с использованием масок рассказчиков, Н. И. Новиков выстраивает «аксиологические зеркала», т. е. предлагает «перевернутые» оценки, которые вступают в конфликт с культурными нормами читателя. Оценочные суждения в этом случае логически выводятся. Например, рассказчик-персонаж рассуждает: *Глупо делают родители их что поручают воспитание детей своих мне; а я, напротив того, делаю очень умно, желая получать деньги даром*⁶. Первая часть высказывания совпадает с авторской оценкой (*глупость родителей, приглашающих иностранных гувернеров*), вторая демонстрирует несовпадение языковой и аксиологической картин мира персонажа и автора: предикат *умно* соответствует оценочной интерпретации рассказчика, однако читатель на основе пресуппозиций (пейоративная оценка ситуации *получать деньги даром*) оценивает действия персонажа как *непорядочные, нечестные*. В отдельную группу выделим оценочные выражения с адмиративным основанием, которые не столько констатируют оценку, сколько задают ее вектор (*весьма странные и любопытства достойные разговоры*).

Изобразительно-выразительные и композиционные средства

Безусловно, основным средством модальной информативности являются изобразительно-выразительные и композиционные средства, позволяющие читателям понять интенции и замысел автора. Рассматривая текст как функционально-стилевую категорию [25], отметим специфику использования средств выразительности в текстах Н. И. Новикова.

1. Тропические средства. Метафора как стилистическое средство характерна для публицистики анализируемой эпохи. Н. И. Новиков активно использует стертые

и авторские метафорические структуры различной функциональной окраски – от разговорных до высоких поэтических, ср.: *счастье от меня отлучилось; превращение русского кошелька во французский; прилеплен к наукам; бросили истинные драгоценные жемчуги*. Особенностью стиля публициста стало употребление метафор с ироничной окраской (*патриот в свободное от чесания волос время обещается сделать проект, из разумного человека переделываются в несмысленных обезьян*).

2. Как мы уже указывали, преувеличение относится к особенностям аксиологического рисунка текстов Н. И. Новикова. Данный семантический эффект реализуется посредством **гиперболы, климатической градации, морфологических средств** (*предки наши во сто раз были добродетельнее нас, паче и паче возвеличится Россия*).

3. Риторические фигуры. На уровне синтактики необходимо выделить риторические восклицания, обладающие мелиоративным значением: *Какая добродетель!; Какое человеколюбие!* Восклицательная семантика может быть выражена грамматическими средствами и не подкрепляться пунктуационно: *О когда бы силы человеческие возмogli, дабы ко просвещению россиян возвратить и прежние их нравы, погубленные введением кошельков во употребление*. В приведенном фрагменте мы наблюдаем соединение семантики оценки и желательности.

4. К риторическим восклицаниям примыкают **вопросительные конструкции**: *Чему будете вы обучать воспитанников, поручаемых вам? Как потерпят учителя, ничего не знающего? Как захотят ни за что бросать не малую сумму денег? За чужую глупость какая мне нужда ответствовать? Какая мне нужда в том, что... молодые люди разоряться будут? Для чего ж льстите вы в глаза другу вашему? Почто его обманываете и оставляете в заблуждение? Для чего пользуетесь его слабостями?* Риторический вопрос скрывает в форме отрицательный ответ.

Также типичны для идиостиля писателя вопросительные предложения, имеющие не риторический, а логический характер, выступающие средством связности текста, организующие рассуждение (*Где... найти можно такую оплошность... ?*) или диалог персонажей (*Как и где могли вы столько выискать вопросов?*). В тексте выстраиваются вопросно-ответные конструкции, выполняющие функции аргументов: *Астрономия умножит ли красоту мою паче звезд небесных? – Нет; на что же мне она? Математика прибавит ли моих доходов? – Нет; чорт ли в ней! Физика изобретет ли новые таинства в природе... ? – Нет; куда она годится! История покажет ли мне человека...? – Нет; какая*

⁶ Статьи из журнала «Кошелек». 1774 год. Лист третий // Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. С. 166–167.

ж в ней нужда? География сделает ли меня любезнее? – Нет; так она и не достойна моего внимания.

Вопросительные предложения являются наиболее эксплицитным средством создания эффекта диалогичности, который является стилистической доминантой текстов Н. И. Новикова. Диалоги персонажей представлены в текстах не только в форме прямой речи, но и в конструкциях, контаминирующих прямую и косвенную речь: *Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание. Но, может быть, скажут покровители и защитники грубости, что мы видим многих ученых, которые более предаются порокам и заблуждению... Так, конечно: но сие не от наук происходит, но от невежества в науках*⁷.

5. В рамках синтагмы автор использует традиционные стилистические средства – **эпитеты и инверсии**. Эпитеты, как правило, служат средством оценки объекта путем присвоения ему пейоративного или мелиоративного признака: *блаженная страна, волшебное наименование француза, нежные обстоятельства*. Эпитеты имеют книжный, в ряде случаев ироничный характер. Инверсия позволяет делать логические акценты, но чаще автор с помощью изменения порядка слов стилизует речь, приближая ее к разговорной (*слышал я, заметил я, приобрел я; в должность учителя вступаю я, сделаюсь я учителем и купцом; острые ваши языки к тому способны, детям своим вы говорите*). Имитация разговорности является одной из основных задач в произведениях публициста, которая решается комплексом синтаксических средств – определенно-личными предложениями, подхватами-повторами, вставными конструкциями, парцелляцией, например: *я принуждена была смотреть*

*за курами – ты хохочешь, потерпи пожалуй. – За курами, за гусями и деревенскими бабами*⁸. Таким образом, в стиле Н. И. Новикова с помощью стилистических средств задаются два речевых вектора: книжный и разговорный.

Заключение

Тематическая, фактологическая, композиционная и модальная информативность объединяются в поле текста статей Н. И. Новикова. Взаимодействие видов информации соответствует константам публицистического стиля и подчиняется воспитательной направленности большинства текстов журналов просветителя. В то же время языковая специфика его произведений позволяет говорить о формировании идиостиля писателя [26] и корреляции различных дискурсов [27]. Скрепляющим композиционным элементом анализируемых текстов служит образ реального индивидуального автора, реализуемый в различных текстовых образах и актуализируемый в контексте создаваемого стилистического эффекта диалогичности. Частотность вопросительных, восклицательных, вопросно-ответных конструкций, стилистические приемы иронии и сатиры, обращения составляют специфику публицистических статей журналов, изданных русским просветителем 2-й половины XVIII в. Н. И. Новиковым, который намеренно уходит от книжности в журнальной речи, подавая информацию в доступной форме. Воспитательная функция, тематическое наполнение, доступность языка и стилистический эффект диалогичности обуславливают синтез публицистического и педагогического дискурсов в наследии журналиста и педагога Н. И. Новикова.

Литература

1. Бутакова А. Д. Семантические парадоксы в условиях языковой игры (на материале периодики): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 171 с.
2. Ким Л. Г. Субъектность текста как фактор вариативности его интерпретации // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4. С. 144–153.
3. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.
4. Головнева Ю. В. Основные свойства и модели элементарной единицы текста // Филологические науки в России и за рубежом: мат-лы Междунар. науч. конф. (СПб., 20–23 февраля 2012 г.) СПб.: Реноме, 2012. С. 115–118.
5. Клашина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. М.: МГУ, 2003. С. 269–289.
6. Ленская И. С. Проблема невербализованного содержания текста // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: мат-лы Всеросс. науч. конф. Иркутск: ИГЛУ, 1998. С. 109–110.
7. Коробов С. В. Публицистический текст: вопросы жанровой дифференциации // Молодой ученый. 2018. № 2. С. 245–247.
8. Чобанян К. И. Тема как жанрообразующий фактор контента информационных телеканалов (на примере каналов си-эн-эн и «Россия 24») // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 2. С. 3–20.

⁷ Статьи из журнала «Московское ежемесячное издание». 1781 год. Предисловие // Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. С. 206.

⁸ Статьи и заметки из журнала «Трутенъ». 1769 год. Лист VI. 9 февраля // Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М.: АН СССР, 1961. С. 71.

9. Вальтер Н. В. Текстовая категория информативность в событийном репортаже // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 4. С. 377–379.
10. Величко М. А. Информативная насыщенность как необходимое условие для успешного речевого воздействия в рекламном дискурсе // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2017. № 3. С. 9–13
11. Икатова И. И. Взаимодействие рубрик информации в «погодных» диктемах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2. С. 80–84.
12. Рябова Е. С. Информативность газетного текста для разных групп читателей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2011. Т. 13. № 2-4. С. 987–988.
13. Туницкая Е. А. Информативно-прагматический аспект полипредикативного высказывания // Лексико-грамматический анализ языковых единиц в семантическом и прагматическом аспектах / под ред. Н. В. Путилиной. М.: МГОУ, 2008. С. 42–49.
14. Туницкая Е. А. От актуального членения высказывания к информативной структуре дискурса (на материале французского языка) // Современные гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 71–79.
15. Юзманов П. Р. Категория информативности в русском и немецком документном образовательном тексте / дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2012. 22 с.
16. Великая Е. В. Диктема и ее просодические признаки: просодические маркеры стилизации диктемы // Вопросы прикладной лингвистики. 2014. № 13. С. 25–38.
17. Давыдова Е. А. Функциональная специфика перифраза на уровне денотемы и на уровне диктемы в публицистическом тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 14–16.
18. Давыдова Е. А. Функциональные составляющие повтора и перифраза на диктемном уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-2. С. 80–82.
19. Захватова Е. А. Монолог-диктема как структурная языковая единица речи (на материале английского сценического монолога) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 12-1. С. 112–121.
20. Зубков М. Д. Языковая личность оратора в свете теории диктемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 12–20.
21. Шацкая М. Ф. Диктема – единица текста или дискурса? // Мова. 2012. № 17. С. 179–182.
22. Гавадзин О. Я. Номинативные процессы в бытовой лексике Покуття // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2. С. 43–46.
23. Солганик Г. Я. Лексика газеты (Функциональный аспект). М.: Высш. шк., 1981. 111 с.
24. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2013. 38 с.
25. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Мир книги, 1998. 210 с.
26. Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия»: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007. 205 с.
27. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.

The Informativity of Publicistic Texts of the XVIII Century in N. I. Novikov's Journals

Elena R. Kornienko ^{a, @, ID}

^a Northern State Medical University, 51, Troitsky Ave., Arkhangelsk, Russia, 163000

@ er-kor@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-9451-3517>

Received 08.04.2019. Accepted 02.08.2019.

Abstract: The article deals with the stylistic specificity of journal text of the second half of the XVIII century, published by N. I. Novikov. The author identifies linguistic and compositional features in the comparison with the modern style model of publicism. The author analysed the dominant features of the texts: dialogicality, educational function, and the synthesis of pedagogical and publicistic discourse. The study focuses on the stylistic uniqueness of the titles and emphasizes that the specificity of N. I. Novikov's journalistic language was determined by his linguistic personality, as well as by the target settings of informing the reader. The research method included analyses of thematic, compositional, factual, and modal types of information content of the media text. A semantic and stylistic analysis of headlines made it possible to define the following types: plot, nominative-ascertaining, genre, spatial, precedent, and address headlines, which had an informative function and penetrating boundaries. Analysing the expressive resources of the texts, the author observed the specifics and typical use of Novikov's idiostyle. The strengthening compositional element of the analysed texts is the image of a real individual author, implemented in various textual images and actualised in the context of the stylistic effect of dialogicality. The field of application of the research results includes stylistics and rhetoric.

Keywords: discourse, tropes, rhetorical figures, idiostyle, informativity, dialogicality, explicitness

For citation: Kornienko E. R. The Informativity of Publicistic Texts of the XVIII Century in N. I. Novikov's Journals. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 811–820. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-811-820>

References

1. Butakova A. D. *Semantic paradoxes in a language game (based on periodicals)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2014, 171. (In Russ.)
2. Kim L. G. Text subjectness as a factor in its interpretation variability. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2009, 66(4): 144–153. (In Russ.)
3. Blokh M. Ya. Dicteme in the level structure of the language. *Voprosy iazykoznanii*, 2000, (4): 56–67. (In Russ.)
4. Golovneva Yu. V. Basic properties and models of an elementary text unit. *Philological Sciences in Russia and Abroad: Proc. Intern. Sci. Conf. (Saint-Petersburg, February 20–23, 2012)*. Saint-Petersburg: Renome, 2012, 115–118. (In Russ.)
5. Klushina N. I. General features of a journalistic style. *Media language as an object of interdisciplinary research*, ed. Volodina M. N. Moscow: MGU, 2003, 269–289. (In Russ.)
6. Lenskaia I. S. The problem of non-verbalized text content. *Problems of verbal communication and presentation of knowledge: Proc. All-Russian Sci. Conf. Irkutsk: IGLU, 1998*, 109–110. (In Russ.)
7. Korobov S. V. Journalistic text: questions of genre differentiation. *Molodoi uchenyi*, 2018, (2): 245–247. (In Russ.)
8. Chobanyan K. I. Topic as the genre-determining factor for commercial and state-owned news channel content (based on CNN and "Rossiya 24" news channels). *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2016, (2): 1–20. (In Russ.)
9. Valter N. V. Category of informativity in event reports. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*, 2017, 3(4): 377–379. (In Russ.)
10. Velichko M. A. Informative congestion as a necessary condition for a successful linguistic manipulation in advertising discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (3): 9–13. (In Russ.)
11. Ikatova I. I. Interaction of information layers in "weather" dichtemas. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2012, (2): 80–84. (In Russ.)
12. Ryabova Y. S. The informativity for various groups of readers. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN (Social'ny'e, gumanitarny'e, mediko-biologicheskie nauki)*, 2011, 13(2-4): 987–988. (In Russ.)

13. Tunitskaya E. L. Informative-pragmatic aspect of a polypredicative statement. *Lexical and grammatical analysis of linguistic units in the semantic and pragmatic aspects*, ed. Putilina N. V. Moscow: MGOU, 2008, 42–49. (In Russ.)
14. Tunitskaya E. L. From the actual division of the utterance to the informative structure of the discourse (based on the French language). *Sovremennye gumanitarnye issledovaniia*, 2010, (5): 71–79. (In Russ.)
15. Yuzmanov P. R. *Informative category in Russian and German documentary educational text / discourse*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 2012, 22 s. (In Russ.)
16. Velikaya E. V. Dicteme and its prosodic features: prosodic markers of dicteme stylization. *Voprosy prikladnoi lingvistiki*, 2014, (13): 25–38. (In Russ.)
17. Davydova E. A. Functional specificity of periphrasis at the level of denoteme and at the level of dictation in a journalistic text. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2010, (6): 14–16. (In Russ.)
18. Davydova E. A. Functional components of repeat and periphrasis at dictemic level. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (1-2): 80–82. (In Russ.)
19. Zakhvatova E. A. Monologue-dicteme as a structural linguistic unit of speech (based on stage monologue). *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018, (12-1): 112–121. (In Russ.)
20. Zubkov M. D. Lingual personality of the orator from the dicteme theory point of view. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2015, (1): 12–20. (In Russ.)
21. Shackaya M. F. Dicteme – is it a text unit or a discourse unit? *Mova*, 2012, (17): 179–182. (In Russ.)
22. Gavadin O. Ya. Nominative processes in an everyday vocabulary of the Pokuttya. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, (8-2): 43–46. (In Russ.)
23. Solganik G. Ya. *Newspaper vocabulary (Functional aspect)*. Moscow: Vyssh. shk., 1981. 111. (In Russ.)
24. Mar'yanchik V. A. *Axiological structure of a media-political text: lingua-stylistic aspect*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Arkhangelsk, 2013, 38. (In Russ.)
25. Valgina N. S. *Text theory*. Moscow: Mir knigi, 1998, 210. (In Russ.)
26. Chernysheva T. A. *Idiostyle in the newspaper and journalistic discourse: the case of the newspaper "Izvestia"*. Cand. Philol. Sci. Diss. Cherepovets, 2007, 205. (In Russ.)
27. Grigorieva V. S. *Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects*. Tambov: Izd-vo TGTU, 2007. 288. (In Russ.)

Электронный художественный текст в рамках текстологии постструктурализма

Светлана А. Кучина^{a, @, ID}

^a Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

@ svkuchina@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-3430-688X>

Поступила в редакцию 12.03.2019. Принята к печати 27.05.2019.

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена электронного художественного текста. Цель данного исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей электронных художественных текстов в рамках текстологических идей постструктурализма. Появление электронного художественного текста во многом обусловлено не только развитием информационных компьютерных технологий XXI в., но и философскими и лингвистическими идеями постструктуралистов. Постструктуралистская перспектива в проекции нового типа текста не была повторена буквально на технологическом уровне его реализации, однако общие постулаты постструктуралистов относительно концепции текста (ризоматичность, децентрированность, фрагментарность, интертекстуальность, симулятивность) нашли отражение в структуре электронного художественного текста. В частности, попытка выстроить в электронной среде единство семиотически разнородных компонентов становится своего рода отражением постструктуралистской идеи о дезорганизованном характере мира, хаотичности. Стремление обеспечить навигацию внутри этого многокомпонентного единства за счет гиперссылок на основе ключевых слов является продолжением мысли о тотальной взаимосвязанности всех элементов структуры – интертекстуальности. Феномен интертекстуальности, определивший кульминацию децентрализма и номадизма в формах существования текста, тесно связан с концепцией ризомы и гипертекстуальности. В исследовании используются общенаучные методы наблюдения и описания в сочетании с методом сравнительного анализа языкового материала. Материалами исследования являются электронные художественные тексты на основе *Adobe Flash* и *HTML*. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что именно восприятие и сам процесс погружения в электронную виртуальную реальность произведения, подкрепленную в большинстве случаев ее визуальной реализацией, а не артефакт как конечный продукт деятельности автора, становятся главными в электронной литературе XXI в. Электронный художественный текст является воплощением постструктуралистского представления о новом эстетическом объекте, утратившем свою целостность, композиционную однозначность, стабильность и открывшийся воздействию извне.

Ключевые слова: ризоматическая структура, эпистема, языковая игра, деконструкция, иммерсия, виртуальная реальность, гипермедиа

Для цитирования: Кучина С. А. Электронный художественный текст в рамках текстологии постструктурализма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 821–829. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-821-829>

Введение

Появление феномена электронного художественного текста обусловлено рядом факторов, связанных с комплексным развитием современной цивилизации и человеческого общества: социально-философскими, информационно-технологическими и художественно-эстетическими. Именно эти факторы, подкрепленные исследовательскими теориями в рамках заданных направлений, оказали существенное влияние на формирование первоначальной концепции электронного текста и последующей ее реализации. Одними

из первых о новом типе художественного текста начали говорить постструктуралисты в связи со сменой общей парадигмы научного знания.

Постструктурализм мы понимаем как общее название для ряда подходов в философско-гуманитарном направлении научной мысли 1970–1980-х гг., нацеленных на семиотическое определение окружающей действительности, изучение природы знака и аспектов соотношения элементов его внутренней структуры (означаемого и означающего), осуществляющих при этом пересмотр структуралистской

парадигмы и акцентирующих свое внимание на внеструктурных параметрах структуры и когнитивных процессах, связанных с их постижением¹. Представителями постструктурализма являются Р. Барт [1], Ж. Бодрийяр [2], Ж. Делез, Ф. Гваттари [3], Ж. Деррида [4], Ю. Кристева [5], Ж.-Ф. Лиотар [6], М. Фуко [7] и др. Несмотря на метафорический характер многих исследований, существующих скорее не как целостная концепция, а как спектр разносторонних работ в едином проблемном поле, постструктуралистский дискурс имеет очень четкие тематические, мировоззренческие и терминологические отличия от предшествующих и последующих за ним направлений.

Цель данного исследования предполагает выявление структурно-семантических особенностей электронных художественных текстов в рамках текстологических идей постструктурализма. В работе используются общенаучные методы наблюдения и описания в сочетании с методом сравнительного анализа языкового материала. Актуальность исследования обусловлена недостаточной степенью изученности феномена электронного художественного текста. Вместе с тем электронная литература в настоящее время является активно развивающимся явлением и одним из знаковых компонентов электронной коммуникации, что определяет необходимость анализа электронных произведений и систематизацию полученных знаний. Научная новизна обусловлена тем, что выявленные в ходе анализа структурно-функциональные особенности электронных художественных текстов позволяют систематизировать конститутивные характеристики электронных произведений, их структурные компоненты и функции, а также встроить электронные художественные тексты в историко-культурную парадигму.

Электронный художественный текст и феномен деконструкции

Деконструкция как ключевой и универсальный подход в постструктурализме, применяемый исследователями этого направления к различным социальным, культурным и лингвистическим феноменам, предполагает разрушение всех готовых (актуализированных ранее) интерпретационных моделей при анализе того или иного культурного явления, вследствие чего происходит включение изучаемого объекта в необъятный контекст других явлений культуры, социума, литературы. Анализ в этом случае превращается в бесконечный интерпретативный процесс, релятивизирующий любое понятие (в том числе и текст), а проблема поиска истины лишается смысла. Таким образом, язык в логоцентрическом подходе постструктуралистов

оказывается ненадежной лабильной средой, которая не может нести никакого однозначного смысла.

Идея деконструкции рождает тезис о несамотождественности текста и знания, которое человек получает с помощью языка, что говорит о проблематичности эпистемы, существующей в ту или иную эпоху [6]. Под эпистемой М. Фуко понимает «социально-исторические условия функционирования любого вида знания, выраженные в определенном понимании соотношении языка и внешнего мира, "слов" и "вещей"»². В зависимости от типа эпистемы (ренессансной, классической и современной) в культуре наблюдаются разные типы взаимоотношения слова и вещи. Через равноправное существование в ренессансе слово и вещь переходят в разряд означаемого и означающего в классическую эпоху, и наконец происходит расподобление слова и предметного мира, концепция *представления* рушится, человек оказывается замкнутым в языковом пространстве, осознает противоречивость собственного бытия, поскольку в современном мире между «словами» и «вещами» пролегал пространство «немыслимого». Во многом эта ситуация достигается за счет перехода человечества в следующую стадию своего развития – «информационное общество» [8]. По М. МакЛюэну, тип общества в значительной степени определяется преобладающим в нем типом коммуникации, который напрямую связан со скоростью передачи данных. В результате электронной революции и перехода к цифровым средствам передачи данных содержание коммуникации отступает на второй план, становится во многом ситуативным, случайным процессом, а медиа, используемые в коммуникативных процессах, получают все больше и больше доступа к манипулированию сознанием людей, превращая коммуникацию в «тотализирующий дискурс» [7]. Все эти факторы свидетельствуют об отсутствии нейтральности и объективности в современной эпистеме.

Одной из ключевых тенденций в глобальной структуре современных средств массовой информации является мистификация массового сознания, вызывающая к жизни многочисленные мифы и не имеющие отношения к отражению объективной реальности процессы, явления и объекты, что ведет к фундаментальной трансформации современной культуры. В этой связи идея гиперреальности, или виртуальной реальности, сформулированная Ж. Бодрийяром, имеет решающее значение. Гиперреальность описывается ученым через понятие симуляции действительности, которая означает обретение знаками, образами, символами самодостаточной реальности и превращение их в симулякры. Симулякры

¹ Постструктурализм // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Мн., 2001. Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/poststruct.html> (дата обращения: 08.01.2019).

² Там же.

представляют собой пустые формы, знаки, не представляющие никакой действительности [2].

За счет развития информационных технологий гипертекст получает возможность материальной реализации в электронной форме, обретает в виртуальной гиперреальности электронного мира свой материальный статус. Понятие виртуальности интересовало ученое сообщество еще со времен схоластической философии. Однако именно в эпоху информационного общества оно приобретает особое значение в связи с образованием специфической нематериальной электронной среды, где получают реализацию основные свойства виртуальности: порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, иммерсивность / погруженность [9, с. 21–22]. Понятие виртуальной реальности может рассматриваться в рамках психологического подхода, а именно как теория психологических виртуальных личностей [10], а также в парадигме когнитивных и социальных исследований моделей и явлений, которым не всегда соответствуют реальные физические процессы [11]. Отталкиваясь от различных теорий виртуальности, электронная виртуальная реальность информационных технологий представляет собой альтернативную среду, созданную различными электронными средствами массовой информации и коммуникации, своего рода «ментальную карту информационных ландшафтов в памяти компьютера в сочетании с программным обеспечением»³. Виртуальная реальность представляет собой «противоположность естественному физическому пространству – содержит информационный эквивалент вещей. Виртуальное пространство заставляет нас чувствовать, будто бы мы имеем дело прямо с физической реальностью» [12].

В виртуальной гиперреальности материализуется децентрализованная, ризоматическая, фрагментарная структура электронного художественного текста, под которым мы понимаем единую и завершенную систему вербальных (языковых единиц) и невербальных (графика, видео, аудио, анимация, программный код) компонентов, объединенных определенной коммуникативно-прагматической и интерпретативной установкой автора и читателя, реализуемой только в условиях электронной среды (глобальной сети Интернет или автономных носителей электронных данных), в которой вербальный и невербальные элементы образуют единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое.

Ризоматичность и децентрированность

Ризоматичность и децентрализованность электронного художественного текста может быть объективирована уже на этапе создания произведения. Различные программные среды и утилиты для создания электронной художественной литературы представляют процесс написания произведения как некий набор алгоритмов по созданию определенного количества элементов (текстонов) произведения, которые являются автономными фрагментами / сегментами художественного текста. Впоследствии читатель электронного художественного произведения получит возможность выстраивать собственную траекторию постижения произведения, комбинируя в свободном порядке элементы художественного текста. Помимо различных приложений (*Microcosm*, *WebThing*, *HyperWave*, *HaperCard* и др.) для создания нелинейного текста, разработанных в 1990–2000-е гг., в настоящее время широко используются утилиты для построения интерактивных электронных нарративов нового поколения, а именно *Twine*, *Choicescript*, *Quest* и др.

Все они по большому счету представляют собой визуализацию структуры нелинейного художественного произведения (рассказ, роман и др.) уже на стадии авторской работы с текстом в электронной виртуальной реальности. Например, *Twine* разработано на основе *HTML 5* и *Javascript* как приложение для браузера, которое не требует от своих пользователей специальных навыков программирования⁴. Интерактивный электронный рассказ (новелла, роман) на момент написания автором в *Twine* выглядит как определенное количество текстовых сегментов, текстонов, представляющих собой отдельные информационные единицы текста фиксированного объема. После того как все текстовые фрагменты произведения готовы, автор выстраивает между ними все возможные варианты связей, ссылок и условий их выполнения при выборе читателя – скриптон (рис.).

Своеобразным прообразом нелинейных интерактивных электронных художественных текстов являются так называемые рассказы, выстроенные по типу «выбери свое приключение», «книга-игра» (*CYOA literature*, *choose-your-own-adventure*). В данном типе литературных произведений в печатном формате переход между текстами читателя осуществляли с помощью простого перелистывания страниц (Если ты отвечаешь: «Я попробую», открой страницу 4. Если ты отвечаешь: «Нет уж, спасибо», открой страницу 6⁵). Электронная среда представляет гораздо больше возможностей для реализации данного типа повествования

³ Там же.

⁴ Klimas C. Twine license. Режим доступа: http://twinery.org/wiki/twine_licenses (дата обращения: 08.01.2019).

⁵ Паккард Э. Тайна заброшенного замка. М.: Радуга, 1995. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=192644&p=1> (дата обращения: 08.01.2019).

в рамках электронной виртуальной реальности. Связи между текстами в электронных рассказах объективированы на визуальном уровне за счет «гипертекстовых» ссылок [13, с. 27]. Это позволяет скрывать от читателя все остальные элементы произведения, которые оказываются вне его траектории постижения текста (имеются в виду текстовые фрагменты, которые он не выбирает). В интерактивных текстах на основе *Twine*, а также *Inform 7*, *Choicescript*, *Quest*, *Inklewriter* и других платформ все альтернативные фрагменты нарратива (истории) скрыты / свернуты под ключевые слова гипертекстовых ссылок (см., например, Куртов М. Курехин: вторая жизнь⁶).

Гипертекстовая ссылка в этом смысле становится соотносимой с понятием *намеренно маркированная интертекстуальность*, когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами или их фрагментами, что в свою очередь смыкается с концепцией актуализации или выдвижением в художественном дискурсе, которое предполагает, что «намеренное и сознательное усиление какой-либо структурной или семантической черты возможно даже у самой нейтральной единицы» [14, с. 116]. Вместе с терминами *выдвижение* и *актуализация* в данном контексте значимо понятие *прагматический фокус*, которое подразумевает «специальную обработку вниманием» определенных участков информации в тексте [15, с. 316].

Именно виртуальная электронная среда за счет интерактивности позволяет заменить мысленную интерпретацию

реальным воздействием, позволяющим буквально трансформировать художественный текст. Еще более выраженной в визуальном плане становится нелинейная структура гипермедийных электронных художественных текстов, в которых переход от одного текстового фрагмента осуществляется по-прежнему на основе гиперссылки, но интерактивным становится не текстовый фрагмент (ключевое слово), а тот или иной объект / предмет фикционального мира, представленный на экране. Под фикциональным (от англ. *fiction*) миром мы понимаем повествуемый мир художественного текста. В фикциональном произведении фиктивными являются все тематические компоненты повествуемого мира – персонажи, места, времена, действия, речи, мысли, конфликты и т. д. [16, с. 34–35]. Так, в электронном художественном тексте *Fallow* Р. Гиванс и М. Онг⁷ интерактивные анимированные изображения (летающая птица, искрящееся солнце, уголок конверта и т. п.), которые по сути являются гиперссылками, при активации приводят к появлению новых сегментов текста. В данном типе текстов интертекстуальность становится визуализированной интертекстуальностью, которая выражается в соотношении визуального кода изображения с вербальным текстом. «В этих случаях речь идет о том, что на основе интерпретации существующих визуальных изображений выстраивается иное содержательно-смысловое единство» [14, с. 122–123].

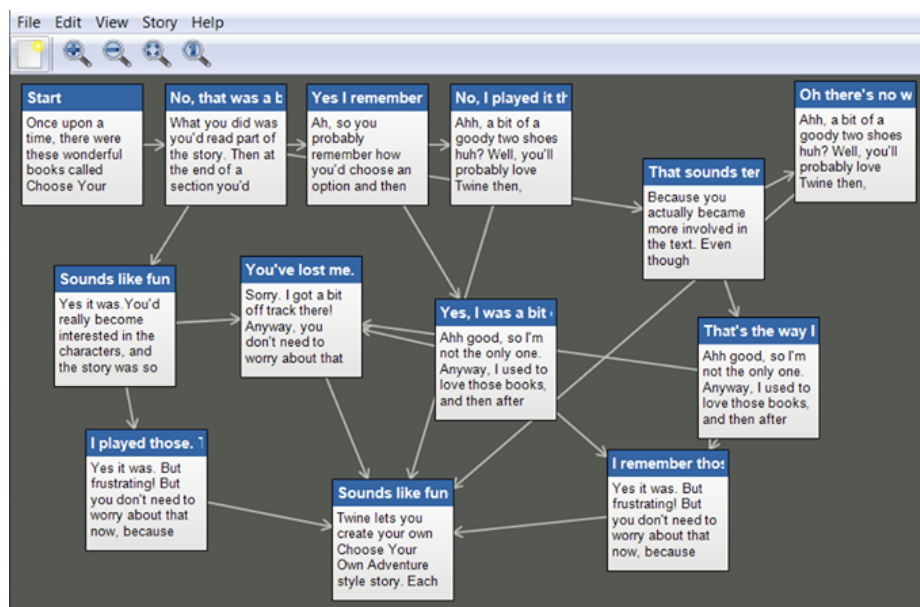

Рис. Структура электронного художественного текста в режиме редактирования в приложении *Twine*
Fig. Electronic literary text structure in Twine

⁶ Куртов М. Курехин: вторая жизнь // Electronic Literature Collection, ed. Boluk S., Flores L., Garbe J., Salter A. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2016. Режим доступа: <http://collection.eliterature.org/3/work.html?work=kuryokhin> (дата обращения: 08.01.2019).

⁷ Givens R., Ong M. Fallow. Режим доступа: <http://www.bornmagazine.org/projects/fallow/> (дата обращения: 08.01.2019).

Коммуникативная и симулятивная структуры

Особый статус в этой связи получают вопросы, обращенные к свободе выбора для читателя, которому становится доступно конструирование сюжета произведения, наполнение его содержанием. Примером может послужить электронный художественный текст *Entre Ville* Дж. Карпентер⁸. Графическое оформление представлено в виде интерактивной записной книжки с аудиовизуальным рядом. Открывая произведение, слева читатель видит лишь начало текста и должен использовать стрелки-указатели, чтобы осуществить переход к следующим фрагментам. На правой «странице» читатель видит набросок дома, являющегося интерактивным компонентом повествования, при наведении курсора на окна дома появляются цветные картинки, с их помощью читатель переходит к мультимедийным компонентам произведения. Вокруг записной книжки также расположены интерактивные элементы – изображения (цветы, почтовый штамп, собака и др.), активация которых отсылают читателя к факультативным сюжетным линиям.

Несмотря на то, что в значительной степени выбор, осуществляемый реципиентом, предопределен, т. к. автор электронного художественного текста создает все альтернативные фрагменты произведения и позволяет читателю выбирать только из определенного набора текстовых и невербальных элементов, тем не менее именно читатель создает собственный вариант текста с теми фрагментами, которые он выбрал и расположил (буквально – на экране монитора, ментально – в своем сознании) в определенном порядке. Ключевым свойством электронного художественного текста в виртуальной реальности, опосредованной информационными технологиями, становится не репрезентация художественного мира, а коммуникация, осуществляемая по каналу *автор – художественный текст – читатель*. Коммуникация становится непреложным элементом системы действий. Стремясь к пониманию, читатель прилагает интерпретационные усилия, выявляя смысл сообщения автора в контексте определенной ситуации. Электронный художественный текст как новый эстетический объект меняет созерцательную (отстраненную) позицию читателя на активную роль участника коммуникативного процесса, без которого художественное произведение просто не существует.

Именно в этом контексте получает свою актуализацию понятие языковой игры, находящееся в основании постструктуралистского понимания читателя как источника смысла, поскольку в процессе чтения автор, текст и читатель превращаются в единое бесконечное поле для игры

письма [17, р. 383]. Вслед за Л. Витгенштейном [18; 19] концепция языковых игр получает свое развитие в работах Ж.-Ф. Лиотара [6], Ж. Деррида [4]. Так, Ж.-Ф. Лиотар определяет феномен языковой игры как методологическую основу в культуре постмодерна, отмечая «в основе всего нашего метода: говорить значит бороться – в смысле играть» [6, с. 43]. Под языковой игрой в данном случае понимается выявление инвариантных способов употребления языковой системы с последовательным сохранением ее кода (например, выделение с помощью языковых средств одного объекта из ряда подобных, пространственная или временная локализация объекта относительно говорящего и т. п.). Следуя данной концепции, любая произнесенная фраза может рассматриваться как ход, сделанный в языковой игре. Большинство электронных художественных текстов легко встраиваются в постструктуралистское представление языковой игры как концепции построения множества нарративов, не подчиненных единой тотальной идее. В этом смысле автор электронного художественного произведения предоставляет своему читателю не готовый текст, а своего рода набор правил игры и элементов для конструирования множества вариантов текстов. Сам текст, по мнению Ю. Кристевой, является не чем иным, как дискурсом, в котором «получатель также включен в дискурсивный универсум книги. Он, стало быть, сливается с тем другим текстом (другой книгой), по отношению к которому писатель пишет свой собственный текст» [5, с. 457].

Особый отклик в структуре электронного художественного текста получает феномен симулятивности и симулякра Ж. Бодрийяра. Прежде всего, это выражается в визуальном конструировании фикционального мира, не имеющего референциальной основы в объективной действительности, в виртуальной гиперреальности. Конечно, в той или иной степени все художественные тексты (в том числе и электронные) могут рассматриваться как симуляция реальности, в которой представлены фиктивные / фикциональные миры с разветвленной структурой (система персонажей, организация художественного пространства и времени и т. д.). «Референциальные обозначающие в фикциональном тексте не указывают на определенные внетекстовые реальные референты, а относятся только к внутритекстовым референтам изображаемого мира» [16 с. 32]. Таким образом, получается «парадоксальная псевдореферентная функция или денотация без денотата» [20, с. 365]. В электронной литературе есть жанры, которые в большей степени иллюстрируют и объективируют концепцию симулятивности. К ним относятся

⁸ Carpenter J. R. *Entre Ville* // Electronic Literature Collection, ed. Borrás L., Memmott T., Raley R., Stefans B. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2011. Режим доступа: http://collection.eliterature.org/2/works/carpenter_entreville/index.html (дата обращения: 08.01.2019).

интерактивные рассказы (повести / романы / драмы), разработанные на основе систем виртуальных реальностей (*Virtual Reality World*), под которыми мы понимаем технологию неконтактного информационного взаимодействия, которая создает с помощью мультимедийной среды иллюзию присутствия в реальном времени в стереоскопическом представленном фикциональном мире. К разновидностям данных систем, которые используются в электронной литературе наиболее часто, относится шлем виртуальной реальности / *HDM-display*. В данном формате, в частности, опубликована последняя глава электронной повести К. Пуллинджер *Inanimate Alice. Perpetual Nomads*⁹, комната виртуальной реальности / *CAVE* (например, интерактивная драма *Unheimlich*¹⁰), а также перчатка виртуальной реальности (например, *Reading Glove* Дж. и К. Таненбаум¹¹) и др.

Однако в некоторых жанровых разновидностях электронной литературы понятие виртуальной реальности экстраполируется на уровне идейного конструкта произведения, его глубинной структуры. Так, электронный художественный текст в формате нетпрова (*Netprov / Networked Improvised Narrative*) [21] предполагает формирование нарративной структуры электронного произведения на основе вымышленного события (мистификации), выдаваемого авторами в электронной виртуальной реальности (микроблоги, социальные сети) за действительное. Нетпров не имеет высокой степени визуализации созданной техническими средствами виртуальной реальности, при этом фиктивное событие, описываемые в данном типе электронных нарративов, и множество порождаемых им микронарративов (обсуждение в социальных сетях, микроблогах, флэш мобы, рекламные слоганы) постепенно превращается в чистую фикцию реальности, симулякр.

Заключение

Несмотря на критику теории симулятивности [22–25], почти все исследователи отмечают, что, пожалуй, одной из сфер, в которой симуляция работает безоговорочно, обозначая окончательный разрыв и исчезновение границ между реальностью и ее видимостью, является художественная литература. Именно к художественному тексту, его нарративной концепции как модели для построения плюралистического видения мира (децентрализованно-

го, фрагментарного, лишенного причинно-следственных связей и ценностей) апеллируют и сами постструктуралисты, утверждая, что наиболее адекватное постижение реальности достижимо лишь с помощью метафорического ее осмысления, превращения литературы (художественного текста, нарратива) в модель для всех текстов культуры.

Электронный художественный текст во многом рождается в момент его восприятия реципиентом. Именно восприятие и сам процесс погружения в электронную виртуальную реальность произведения, подкрепленную в большинстве случаев ее визуальной реализацией, а не артефакт как конечный продукт деятельности автора, становятся главными в электронной литературе XXI в. Электронный художественный текст является воплощением постструктуралистского представления о новом эстетическом объекте, утратившем свою целостность, композиционную однозначность, стабильность и открывшийся воздействию извне. Принципиальная открытость художественного текста обретает в формате электронной виртуальной реальности вполне буквальный, а не фигуральный смысл. Она демонстрируется не только с помощью произведений, имеющих высокую степень визуализации и интерактивности за счет использования технологии виртуальной реальности, но и в специфических жанрах, актуализируемых с помощью социальных сетей (например, нетпров). Виртуальная среда электронного дискурса позволяет сменить пассивную и созерцательную роль читателя на активную и действенную позицию. В современном пространстве электронной художественной коммуникации (*автор – художественный текст – читатель*) именно читатель становится центром, аккумулирующим смысловой потенциал произведения. Вместе с тем стоит отметить, что свобода читателя электронного художественного текста имеет амбивалентный статус. С одной стороны, внешний слой произведения (*surface*) выглядит абсолютно открытым для интеракции и воздействия, с другой – читатель выбирает лишь те компоненты электронного нарратива, которые создал автор в соответствии с определенной прагматической и интерпретативной установкой. Мы можем говорить о том, что автор электронного художественного текста работает непосредственно не с текстом (конкретной его реализацией в рамках заданных повествовательных линий), а занимается конструированием текстопорождающей системы.

⁹ Pullinger K. Inanimate Alice. Perpetual Nomads. Режим доступа: <https://inanimatealice.com/adventures/> (дата обращения: 08.01.2019).

¹⁰ Unheimlich. Режим доступа: <https://vimeo.com/19026289> (дата обращения: 13.08.2019).

¹¹ Tanenbaum J., Tanenbaum K. Reading Glove // Electronic Literature Collection, ed. Boluk S., Flores L., Garbe J., Salter A.. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2016. Режим доступа: <http://collection.eliterature.org/3/work.html?work=reading-glove> (дата обращения: 08.01.2019).

Литература

1. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома («Тысяча плато», глава первая) // Альманах «Восток». 2005. № 11/12. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 08.01.2019).
4. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. 237 с.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 201 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 407 с.
8. МакЛюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатной культуры. Киев: Ника-центр, Эльга, изд. дом Дмитрия Бурого, 2003. 206 с. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenberg.pdf (дата обращения: 08.01.2019).
9. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 519 с.
10. Носов Н. А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–164.
11. Чертов Л. Ф. Виртуальное пространство изображений // Виртуальное пространство культуры: мат-лы науч. конф. (СПб., 11–13 апреля 2000 г.) СПб.: СПбФО, 2000. С. 53–55.
12. Хайм М. Метафизика виртуальной реальности. От наивного реализма к ирреализму // Возможные миры и виртуальная реальность / сост. В. Я. Друк, В. П. Руднев. М., 1995. Вып. I. С. 96–128.
13. Дедова О. В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 4. С. 22–36.
14. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. М.: URSS, 2013. 232 с.
15. Ван Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. Лингвистика текста С. 259–336.
16. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
17. Perrone-Moises L. L'intertextualite critique // Poetique. 1976. № 27. P. 372–384.
18. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
19. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. II. 206 с.
20. Женетт Ж. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
21. Marino M., Wittig R. Netprov: Elements of an Emerging Form // Dichtung Digital. 2012. № 42. Режим доступа: <http://www.dichtung-digital.de/en/journal/aktuelle-nummer/?postID=577> (дата обращения: 08.01.2019).
22. Hayles K. N. The Borders of Madness // Science Fiction studies. 1991. Vol. 18. № 3. P. 321–323.
23. Sobchack V. Baudrillard's obscenity // Science Fiction studies. 1991. Vol. 18. № 3. P. 327–329.
24. Porush D. The architextuality of transcendence // Science Fiction studies. 1991. Vol. 18. № 3. P. 323–325.
25. Ballard J. G. A Response to the Invitation to Respond // Science Fiction studies. 1991. Vol. 18. № 3. P. 329.

Electronic Literary Text in the Framework of Post-Structuralism Textology

Svetlana A. Kuchina^{a, @, ID}

^a Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073

@ svkuchina@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-3430-688X>

Received 12.03.2019. Accepted 27.05.2019.

Abstract: The article features the phenomenon of electronic literary text. The research objective was to identify the structural and semantic features of electronic literary texts within the framework of post-structuralism. The electronic literary text resulted not only from the development of information technology: it is also the product of the development of philosophical and linguistics ideas of post-structuralism. The post-structuralism perspective was not repeated exactly on the technological level of the electronic text representation. However, the post-structuralist text theory was reflected in the electronic literary text structure, i.e. its rhizomatic, decentered, fragmentary, intertextual, and simulation character. In particular, the attempt to build cohesion of semiotically diverse components in the electronic environment reflects the post-structuralists idea of chaos and disorganization. The attempt to provide the navigation in this multi-component unity by the key-word hyperlinks reflects the idea of the total interconnectivity of all structural components, i.e. intertextuality. The phenomenon of intertextuality defines the culmination of decenterment and nomadism in the text theory. It is connected with the rhizomatic concept and hypertextuality. The research used electronic literary texts based on Adobe Flash and HTML. The research employed general scientific methods, such as monitoring and description, in conjunction with the method of comparative linguistic analysis. The author concludes that the text perception and electronic virtual world immersion become much more important than the artifacts in the electronic literature of XXI century. The electronic literary text became the poststructuralist concept of the new esthetic object, lost its integrity and composition stability, and opened itself to external input.

Keywords: rhizome structure, episteme, language game, deconstruction, immersion, virtual reality, hypermedia

For citation: Kuchina S. A. Electronic Literary Text in the Framework of Poststructuralism Textology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 821–829. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-821-829>

References

1. Barthes R. *Selected Works. Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, 1989, 616. (In Russ.)
2. Baudrillard J. *Simulacrum and simulation*. Moscow: POSTUM, 1989, 240. (In Russ.)
3. Deleuze J., Guattari F. Rhizome (A Thousand Plateaus, Chapter One). *Almanakh "Vostok"*, 2005, (11/12). Available at: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (accessed 08.01.2019). (In Russ.)
4. Derrida J. *Letter and distinction*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000, 237. (In Russ.)
5. Kristeva Yu. Bakhtin, word, dialogue and novel. *French semiotics: From structuralism to poststructuralism*. Moscow: Progress, 2000, 427–457. (In Russ.)
6. Lyotard J.-F. *The Post-Modern Condition*. Saint-Petersburg: Aletheia, 1998, 201. (In Russ.)
7. Foucault M. *The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences*. Moscow: Progress, 1977, 407. (In Russ.)
8. McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Kiev: Nika-tsentr, Elga, izd. dom Dmitriia Burago, 2003, 206. Available at: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenberg.pdf (accessed 08.01.2019). (In Russ.)
9. Lutovinova O. V. *Linguistic and cultural features of virtual discourse*. Dr. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2009, 519. (In Russ.)
10. Nosov N. A. Virtual Reality. *Voprosy filosofii*, 1999, (10): 152–164. (In Russ.)
11. Chertov L. F. Virtual space of images. *Virtual space of culture: Proc. Sci. Conf. Saint-Petersburg, April 11–13, 2000*. Saint-Petersburg: SPbFO, 2000, 53–55. (In Russ.)
12. Heim M. The Metaphysics of virtual reality. From naive realism to surrealism. *Possible worlds and virtual reality*, comps. Druk V. Ya., Rudnev V. P. Moscow, 1995, iss. I, 96–128. (In Russ.)
13. Dedova O. V. Linguistic concept of hypertext: main notions and terminological paradigm. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2001, (4): 22–36. (In Russ.)
14. Chernyavskaya V. E. *Text in the medial space*. Moscow: USSR, 2013, 232. (In Russ.)

15. Van Dijk T. A. Pragmatics of the text. *New in foreign linguistics*, 1978, vol. 8. Linguistic text, 259–336. (In Russ.)
16. Schmid W. *Narratology*. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2003, 312. (In Russ.)
17. Perrone-Moises L. L'intertextualite critique. *Poetique*, 1976, (27): 372–384.
18. Wittgenstein L. *Philosophical works*. Moscow: Gnozis, 1994, part I, 612. (In Russ.)
19. Wittgenstein L. *Philosophical works*. Moscow: Gnozis, 1994, part II, 206. (In Russ.)
20. Genette G. *Figures*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998, 944. (In Russ.)
21. Marino M., Wittig R. Netprov: Elements of an Emerging Form. *Dichtung Digital*, 2012, (42). Available at: <http://www.dichtung-digital.de/en/journal/aktuelle-nummer/?postID=577> (accessed 08.01.2019).
22. Hayles K. N. The Borders of Madness. *Science Fiction studies*, 1991, 18(3): 321–323.
23. Sobchack V. Baudrillard's obscenity. *Science Fiction studies*, 1991, 18(3): 327–329.
24. Porush D. The architextuality of transcendence. *Science Fiction studies*, 1991, 18(3): 323–325.
25. Ballard J. G. A Response to the Invitation to Respond. *Science Fiction studies*, 1991, 18(3): 329.

оригинальная статья

УДК 81'373.612.2

Диалогическая природа локализованных киноназваний

Светлана А. Панкратова^{a, @, ID}^a Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 191119, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 13[@] svetpankrat@yandex.ru^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

Поступила в редакцию 17.04.2019. Принята к печати 25.06.2019.

Аннотация: Рассматривается локализация англоязычных киноназваний на примере подгруппы диалогических фильмонимов. Цель статьи – исследование феномена дискурсивности массовой коммуникации на примере диалогичных киноназваний, широко распространившихся в отечественном прокате. Более широкий контекст кинодискурса как сложного кинематографического коммуникативного явления, привлекающего вербальность, видеоряд, аудиоряд и запускающего множественную интерпретацию содержания кинопроизведения, позволяет комплексно изучить локализацию фильмонимов. Метод типологического синхронного сравнения (сопоставления) позволяет попарно сопоставить фильмонимы и их перевод для выявления их функциональных особенностей, сходств и различий. Обсуждаемый материал показывает, что современный отечественный кинематограф, в отличие от зарубежного, активно задействует диалогические киноназвания как манипулятивный инструмент привлечения публики в кинозалы. В переводе применяется адаптирующая тактика, нацеленная на приспособление фильмонимов к особенностям принимающей культурной среды. Результаты классификации показывают, что ряд таких дискурсивных киноназваний, как восклицания, стикеры, директивы, декларативы и вопросы, начинают в силу своей эмотивности отражать уровень сознания и образованности массовой публики. Последние десятилетия выявили сдвиг в направлении от неприятия к терпимому отношению ко всему нескромному, наглому, соблазнительному и кричащему, что прежде было нехарактерно для отечественного кинозрителя. Статья выдвигает тезис о том, что освоение иностранного языка подразумевает умение настроиться на одну волну с иной культурой, а пренебрежение к инокультурной специфике не способствует диалогу культур и взаимопониманию.

Ключевые слова: дискурсивность, локализация, манипулятивный дискурс, кинопрокат, эмотивность, картина мира

Для цитирования: Панкратова С. А. Диалогическая природа локализованных киноназваний // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 830–838. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-830-838>

Введение

Киноназвание характеризует фильм при самом первом упоминании, дает первое, пусть даже самое отдаленное представление о его содержании и определяет то место, которое кинокартина займет в прокате. Выбор киноназвания определяется прокатными соображениями, требованием звучности, эмоциональности. В результате сенсационность киноназваний вызывает живой интерес и острейшую полемику как у самих переводчиков, так и у знающих английский язык в целом, чем и определяется *актуальность* исследования киноназваний. Изучение перевода фильмонимов обладает несомненной *новизной* потому, что перевод рассматривается как интеракция, взаимодействие культур в интерпретации.

Два десятка дискурсивных киноназваний англоязычной киноиндустрии, переведенных в отечественном прокате со смысловыми вариациями, стали *объектом* рассмотрения в данной статье. Они изучались на наличие в них элемента диалогичности, обращенности к потенциальному кинозри-

телю, что и послужило *предметом* исследовательского интереса. Основной целью статьи является анализ диалогичности переводных киноназваний как новый тренд при переводе в сфере кино. Дискурсивные фильмонимы принадлежат к кинодискурсу – сложному кинематографическому коммуникативному явлению, задействующему вербальность, видеоряд, аудиоряд и запускающему множественную интерпретацию содержания кинопроизведения. Кинодискурс воплощается в рамках одного или ряда кинопродуктов, отражающих ценностную картину мира создающего их народа, а кинозаголовок является организующим элементом, выполняющим функцию тематизации, оценки, символизации и аттракции (Ю. Найда, У. Матурана, Л. Венути, Дж. Хаус и др.). С точки зрения отражения содержания кинозаголовки могут быть однозначны, двузначны и многозначны, а с точки зрения информативности – информативными и малоинформативными. Связь кинозаголовка с кинопроизведением осуществляется через повторы – как лексические

(дословное воспроизведение), так и образные (повтор образа заголовка), при этом рамочные повторы в начале и финале фильма (от англ. *bookends* – начальные и финальные кадры фильма) организуют его архитектуру. Взаимодействие вербального и невербального кодов создает мощный персуазивный (от англ. *persuasive* – убедительный) эффект, влияющий на формирование национального сознания [1].

Изучение и анализ перевода фильмонимов базируется на методе типологического синхронного сравнения (сопоставления), который позволяет сравнить особенности, сходства и различия фильмонимов для выявления консонантности и диссонантности по отношению к культуре оригинала. Метод синхронного сравнения фокусируется на двух основных типах перевода с позиций сохранности содержательной стороны оригинала – адаптирующий и деформационный перевод. Первый нацелен на приспособление фильмонимов к особенностям принимающей культурной среды для поддержания диалога культур. Последний, деформирующий (трансформирующий), выдвигает на первый план культурную специфику принимающей стороны. Деформирующий перевод имплицитно, что иная культура всегда воспринимается с известной долей отторжения, избежать которого можно способом аккультурации (апроприации), т. е. присвоения инокультурного текста принимающей культурой. Автором идеи приспособления к культурной среде был Л. Вентури, который обозначил два противоположных течения терминами *форенизация* (*foreignization*) и *доместикация* (*domestication*), т. е. «одомашнивание» [2, р. 19–20]. Доместицирующую практику также именуют термином вуалирование, под которым понимается эвфемизация номинации, приводящая к преобразованию сути переводных понятий благодаря преобразованной системе «иностранныости» [3]. Метод синхронного сравнения дополнен методом функционального анализа фильмонимов, учитывающим степень удобства и легкости восприятия результирующего перевода в принимающей культуре.

Изучение киноназваний опирается на широкий круг теоретических ономастических исследований и исследований в области перевода. В средние века норму в переводе установил святой Иероним, оставивший нам в 386–406 гг. латинский перевод Библии. За правило в церковном переводе принимался ведущий к многочисленным туманностям принцип дословности, в согласии с которым калькировались словосочетания и целые грамматические обороты. Основоположник германского протестантизма Мартин Лютер предложил свой, небуквальный и осовремененный перевод священного писания

в 1522–1542 гг. Именно размытость результирующего перевода навела многих переводчиков на мысль о допустимости определенной переводческой свободы, что в своем крайнем выражении отразилось в вольном переводе, или «перепеве». Русский царь Пётр I с его живым умом и любознательностью не мог не столкнуться с проблемой перевода в своей бурной государственной деятельности. Настаивая на переводе фортификационных трактатов, он обратил внимание на их неудовлетворительность. Вот выдержка из его отзыва о подобном переводе: «дело темно и непонятно переведено, и не подлежит речь от речи хранить в переводе, но точно, сенс выразумев, на своем языке уже так писать, как внятнее может быть» [цит. по: 4, с. 41]. Свобода выбора переводчика отразилась в вольном переводе, допускавшем творческие отступления, подражание и опусы по мотивам исходного текста. В своем крайнем выражении эта тенденция проявилась у французских переводчиков, приблизившихся к украшательному переводу У. Шекспира и М. де Сервантеса. Те части произведений, которые казались авторам переводов излишне мрачными, могли совсем изыматься. Думается, такой подход грешит несправедливостью к оригиналу, ибо привнося нечто свое, переводчик отнимает хлеб у автора, лишая последнего собственного особого голоса.

Современная интерпретационная переводческая стратегия состоит в поиске оптимальных переводческих решений в ситуационном контексте. Переводческие находки должны согласовываться с максимальной экономией выражения ради успешности интерпретации (И. С. Алексеева, Е. В. Бреус, Н. К. Гарбовский, В. Е. Горшкова, В. В. Кабакчи, Т. А. Казакова, Б. Н. Климов, В. Н. Комиссаров, В. Н. Крупнов, А. А. Нелюбин, С. С. Толстой, С. В. Тюленев, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер). Классический перевод основывается на ряде научных дисциплин, включающих, прежде всего, языкознание, информатику, психологию и антропологию [5]. О человеческом, интерпретативном лице перевода говорит вся современная ситуация в мире информационных технологий. Развитие средств массовой коммуникации существенно влияет на переводческую деятельность, отмечается в журнале *The Economist*¹. Рынок перевода устроен таким образом, что переводчик-фрилансер может жить в Кентукки, США и работать на Швейцарский банк, но выход в онлайн приводит к дикой конкуренции и тренду на снижение цен перевода – приблизительно 13–15 долларов за 1000 переведенных слов. Переводчикам приходится выбирать – либо искать больше клиентов (что понижает качество перевода), либо выбирать агентство, берущее процент с перевода за поиск клиентов.

¹ Translation platforms cannot replace humans // The economist. 29.04.2017. Режим доступа: <https://www.economist.com/books-and-arts/2017/04/29/translation-platforms-cannot-replace-humans> (дата обращения: 17.05.2019).

Фильмонимы и проблемы локализации

Под локализацией (от лат. *locus* – место) нами понимается перевод и культурно-специфическая адаптация кинопродукта к особенностям принимающей страны или группы населения. Помимо кино и субтитров, закадрового перевода и дубляжа, локализации подвержены программное обеспечение, веб-сайты, компьютерные игры, мобильные приложения, видеоролики. Инструментами локализации в различной степени служат системы автоматизированного перевода (*CAT-tools*), системы машинного перевода (*MT*), списки уже переведенных киноназваний (*backlists*) и элементы краудсорсинга (*crowdsourcing*). Локализация содержит ряд последовательных шагов: 1) знакомство с источником-кинофильмом; 2) извлечение подлежащей переводу информации; 3) перевод; 4) редакция и корректура; 5) адаптация культурного компонента; 6) сверка с уже имеющимися киноназваниями; 7) контроль качества; 8) утверждение названия прокатными органами [6, с. 222]. Локализация ставит целью модификацию продукта для адаптации к нормам местной культуры, сам процесс перевода текста довольно дорог, а затраты могут не окупаться.

Ряд переводческих стратегий, унаследованных от классической теории перевода не могли не оказать влияние на приемы локализации – это приемы, 1) нацеленные на облегчение понимания (к примеру, инференция, антиципация и сегментация); 2) воссоздающие речевое высказывание (синтаксические перестановки, перекодирование и компрессия); 3) предлагающие стратегии выхода из затруднений (генерализация, релятивизация, ослабление, нейтрализация, субституция и аппроксимация). Вместе с тем классическая переводческая стратегия не приветствует немотивированную, эгоцентрическую переводческую интерпретацию.

Любое произведение являет собой целостную информативную систему в ее единстве содержания, лексики, образности. Традиционный перевод подразумевает перекодировку образности и сохранение целостности информации ценою потери частных (Б. Н. Климзо, В. Н. Комиссаров, В. Н. Крупнов, Л. А. Нелюбин). Традиционная схема перевода требует достижения адекватного воздействия на реципиента через соблюдение четырех параметров: структурное соответствие, семантическое соответствие, информационное соответствие в когнитивном аспекте и прагматическое соответствие. Неизбежны потери и добавления, но ожидаемая на выходе равноценность должна быть удалена от поэтической свободы. Как будет показано далее, в переводе киноназваний размыто понятие бережного отношения к оригиналу, чуткость и бережность перевода отступают на задний план перед рыночными соображениями.

Современные теории перевода заявляют, что даже максимально альтероцентричная переводческая перспектива в языковой интерпретации никак не может быть оценочно нейтральной. Здесь нельзя не согласиться с мнением К. И. Леонтьевой, которая полагает, что любые утверждения о верных переводческих стратегиях относительны, поскольку «любая концепция (модель) перевода – это теория с человеческим лицом, продукт интерпретации фрагмента коммуникативной действительности, "вырезанного" из реальности сознанием исследователя» [7, с. 70]. Интерфейсная теория значения постулирует, что носителем смыслов является не знак (текст), а интерпретирующее его сознание. Это направление теории перевода можно обозначить как функционально-социокультурное, ибо оно отстаивает коммуникативную и культурную переводческую составляющую, предполагая учет ситуации, целевой аудитории, типа текста, переводческого задания, т. е. весь набор сопутствующих факторов. Предшественником интерфейсной теории можно считать переводчика Библии С. Джерома, который высказывался так: *Non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu* (Не слово за слово, а значение за значением²). Отсюда следует, что не существует смысла текста, который можно было бы максимально точно передать в переводе, он (новый смысл перевода) конструируется при взаимодействии переводчика с текстовой матрицей, и при этом возможна разная глубина раскрутки «спирали понимания» [8]. Поскольку понимание есть многоуровневый процесс, по-иному видится в наши дни и проблема эквивалентности перевода.

Эквивалентность, краеугольный камень классической теории перевода, уступает место интеракционистскому подходу. Действительно, намеренное приведение читателей к эквивалентному эффекту неизменно осуществляется за счет утраты или модификации оригинала, что делает его вторичным по отношению к переводу. Нельзя не согласиться с Н. Е. Камовниковой, что «такой подход делает перевод не фактом коммуникации, а объектом апроприации, присвоения текста принимающей культурой для последующего использования в своих целях» [9]. М. Чонг предлагает отказаться от понятия *теория перевода* в пользу термина *дискурс о переводе*, подкрепляя предложение мыслью, что академический дискурс о переводе через обучение навязывает переводчикам определенные метакогнитивные модели интерпретации, принципы и нормы перевода [10]. Интерпретация – понятие, допускающее неоднозначность, и она находится в прямой зависимости от личности интерпретирующего информационный повод. Различные модели интерпретации прагматичны, т. к. базируются

² Здесь и далее по тексту перевод сделан автором статьи.

на различных степенях эквивалентности и могут быть ориентированы (как это попытается показать автор данной статьи) не на создание иноязычной копии оригинала, а на реализацию определенной цели. Этой целью может стать синхронизация губ в дубляже, т. н. липсинг (от англ. *lip synchronization*), и прокатная аттрактивность.

Для того чтобы адекватно оценить лингвистические структуры кинозаголовков, мы не можем ограничиваться пределами предложения, требуется выход на дискурс или коммуникативную ситуацию. Ю. Найда был одним из первых исследователей, обосновавших междисциплинарный статус науки о переводе. Перевод, рассматриваемый как технология, основывается, по его словам, на ряде научных дисциплин, включая, прежде всего, языкознание, информатику, психологию и антропологию. Ответ на вопрос – какой перевод лучше – всегда вызывает встречный вопрос – для кого? [11; 12]. Здесь имеется в виду прагматическая ориентированность перевода, т. е. учет ситуации и участников общения, целей перевода, потребностей и ожиданий коммуниканта. Нелишним будет здесь и упоминание опыта античности, ибо уже в античной риторике зародилось понятие диалога, включающее не двух участников, а именно риторическую триаду: оратор – предмет речи – публика. Публика, верили древние, является важнейшим компонентом агона (от греч. *ἀγων* – борьба, состязание), поскольку результат агонального общения состоит в формировании убеждения аудитории. Таким образом, диалог базируется на разделяемом совместном опыте говорящего и слушающего.

Мы полагаем, что кино диалогично, это ментальный, межличностный и общественный диалог. Это беседа, имеющая своим итогом координацию социальных действий по поиску ценностей и определению своего места в мире. Кино диалогично не только потому, что в нем говорят, но и потому, что оно проводит тонкую общественную «настройку». Созвучна идее диалогизма и когнитивистика третьей волны, а в частности теория автопоэза У. Магураны, которая рассматривает язык как поведенческую структуру консенсуальной области, ориентирующую по природе и служащую осуществлению биологической функции адаптации организма к среде с последующим переходом к управлению ею [13].

Как мы глубоко убеждены, в области киноназваний наиболее явно проявляет себя спонтанный семиозис [14, с. 20], в котором значения не передаются от говорящего к слушающему, а создаются слушающим на основе учета ситуации, в которой осуществляется коммуникация. Само узнавание мира, когниция – социальное действие, учитывающее совместный вклад говорящих в освоение мира и установки субъектов, которые ориентированы относительно друг друга [15].

Ориентируемый участник коммуникации не извлекает вопреки общепринятому мнению из языковых знаков значения, вложенные в них ориентирующим, а наделяет их семиотической значимостью сообразно своему индивидуальному социо-культурно-языковому опыту [16, с. 41]. Главная вытекающая из этого проблема – ориентировка прокатчиков и локализаторов на особый круг зрительской аудитории, характеризующейся небогатым жизненным опытом и специфическими, в основном развлекательными, целями и интересами.

Локализация и языковое манипулирование

О манипулятивности заголовка увлекательно повествует В. З. Демьянков в статье о новостном дискурсе. Существенную роль в определении отношения к сообщению, полагает он, играет первая фраза, она оставляет свою «царапину» на знаниях зазевавшегося читателя, а «очистить инфицированное сознание читателя трудно, гораздо проще бдительно читать новости» [17, с. 8–9]. Основа манипулятивного воздействия – общий опыт взаимодействий в консенсуальной области [18]. Диалогические киноназвания как один из эффективных приемов привлечения зрительской аудитории работают в силу своей приближенности к миропониманию потенциального зрителя. Диалогические киноназвания создают особую консенсуальную область взаимодействий, в которой приписывание семиотических значимостей основано на подростковом индивидуальном культурно-языковом опыте ориентируемого.

Следует несколько скорректировать традиционное представление о коммуникации как личном взаимодействии двух адресатов, поскольку коммуникация предполагает и непрямой контакт, наличие реципиентов, не участвующих в диалоге. Именно в медиа- и киносреде коммуникация апеллирует к третьей стороне и оказывает косвенное эмотивное воздействие. Послание, транслируемое киноназванием, можно охарактеризовать как управляемый процесс возникновения значения знака, т. е. знания, возможного при наличии общего опыта. Действительно, для киноназвания характерен полемический тон, направленность к другому, а не к себе. Наше предположение заключается в следующем: отсутствующий, воображаемый собеседник не может выступить в качестве участника коммуникации, но он может переадресовать фильмом, использовать киноназвание как коммуникативный посыл, цитацию.

Итак, кино вовлекает активную часть населения в новую для них действительность, приобретая все большую власть над умами и душами. Любая массовая коммуникация содержит в себе наивное и неявно проявляющееся иррациональное ожидание чуда, чего-то удивительного и необычного. Грамотный переводчик использует это в своих целях,

он может «организовать чудо», удвоив суггестивность воздействия на массовое сознание. Это связано с разнородным составом общества, в котором есть слои, не получившие достаточного образования и профессиональной подготовки и исключенные из социальных процессов. Для них потребность удивительного, чудесного, невообразимого открывает возможность социализации, причастности к настоящему, причастности к общечеловеческим ценностям.

Массовое подростковое сознание характеризуется верой в чудеса. Есть авторы [19], полагающие, что эта вера в невозможное есть симптом деградации культуры, упадка нравов и возвращения к некоему нео-средневековью. Недостаток такого положения дел в том, что это перевод, вводящий в заблуждение, манипулятивный, он подменяет истинные ценности, и от подобной практики следует постепенно отходить в переводе. Проблема в том, полагает М. Ю. Коноваленко, что ложные высказывания эмотивны и эмоциогенны, чем активно пользуются рекламодатели, политологи и прокатчики. Разнообразные манипулятивные стратегии формируют ложные концепты, цели и потребности [19]. Здесь наблюдается явный дисбаланс качества кинопродукта и его прокатного успеха – высокое качество кинопроизведения сужает круг зрителей, а дилетантский фильм о страхах, комплексах, наивных представлениях, о своей формуле счастья будет иметь массовый успех. Причина кроется не только в вере в чудо, но и в репрезентативности, то, что в английском именуется словом *to relate to* (букв. сопереживать, ставить себя на место кого-л.). Так адаптивная природа киноназваний нацеливает на гарантированность эмоционального отклика массового подросткового зрителя.

Говоря о манипулятивности дискурсивных киноназваний, нельзя обойти стороной и одно явное противоречие в напористости предлагаемых киноназваний и традиционности русской культуры. Исторически обусловленный консерватизм русской нации объясняет неприязнь ко всему нескромному, наглому, соблазнительному и кричащему. Другое дело, что «значительная часть создателей массово потребляемых текстов попросту малограмотные и не отягощенные моралью и этическими нормами недоучки, выпавшие из культурно-исторического пространства того общества, чье общественное сознание они формируют» [20, 179–180]. Что касается диалога культур, то наибольшее внимание в сфере кино уделяется техническим достижениям западной культуры, оригинальности дизайна, операторскому мастерству, использованию компьютерной графики. Стиль киноназвания, таким образом, входит в противоречие с консервативной спецификой мировосприятия большинства.

Анализ локализации фильмонимов

Диалогичность переводных киноназваний является новым трендом при переводе в сфере кино. Поэтому автор статьи считает необходимым широко взглянуть на диалог зрителя и киноведа, поскольку, как показывает наблюдение за современными тенденциями, навстречу друг другу идут не только кино и зритель, но даже кино и литература. С. В. Вахитов отмечает, что писатели начинают понимать, что их текст должен быть кинематографичным, чтобы иметь потребительские свойства, привычные рядовому читателю-зрителю. Многие современные писатели, такие как Стивен Кинг, Джон Гришам и Том Кланси, создают произведения, ориентированные как на читателя, так и на зрителя. Современный читатель не терпит описательности, несущественных сюжетных линий, его увлекают динамика и неожиданные повороты. Важная сторона текста – его структуризация, связь частей причинно-следственными отношениями, мотивация последующего эпизода предшествующим. И поскольку кино – это «быстрая» структура, то в литературе она реализуется по принципу кинематографического монтажа сменяющих друг друга эпизодов [20].

Одного взгляда на стандартный сценарий достаточно, чтобы убедиться в этом – требование «одна минута экранного времени – одна страница сценария» в полной мере отражается на дискурсивности кино. В предложении стал преобладать глагол, тропы минимизируются. Сценарии и литературные тексты избавляются от излишних украшательств. Образность, создаваемая при помощи эпитетов, метафор и сравнений, теперь не может быть частью описания. Напротив, в диалоги включаются и описания персонажей. В тексте возникают вкрапления, всевозможные аллюзии, отсылки и скрытые цитирования. Роль метафоры выполняет отдельный образ-деталь, им маркируется определенный персонаж. Основной признак, деталь заменяет портретную характеристику героя, остальное предоставляется воображению читателя. Деталь-метафора несёт идейную нагрузку и представлена крупным планом, словно на нее наезжает камера, а затем она должна сыграть роль в эпизоде, в поворотной точке сюжета.

Проиллюстрируем вышесказанное примером отрывка из сценария фильма-фантастической драмы «Робот по имени Чаппи» (*Chappie*), поставленного в 2015 г. режиссером Нилом Бломкампом. Главные роли исполнили Шарльто Копли, Хью Джекман и Дев Пател. По сюжету гений робототехники Деон впервые создает искусственный интеллект по имени Чаппи и помещает его в тело полицейского андроида. Параллельно с созданием технического чуда разворачивается история криминальной группировки, загнанной в угол полицейскими облавами, где роботы успешно борются с преступниками. Тогда главари преступного мира

замышляют перепрограммировать роботов, и звучит интереснейший диалог с применением эвристических метафор: *Guys, we need, like, a remote. – Like a switch. – What? Excuse me? Okay, the robots are like machines, right? Like a TV. So if we had a remote to switch it off... That's brilliant* – Ребята, нам нужен, типа, пульт. – Как выключатель? – Что? Извини? Да, роботы как машины, так? Как телевизор. Так вот будь у нас пульт, чтобы их выключить... Это великолепно³.

В другом сюжете преступник образно пытается объяснить роботу, что значит простить и помириться, прибегая к доступному для робота термину *reset*: *Really, really, really sorry, Chappie. Do you forgive me? Forgive? Come here. Come, Chappie. Let's you and me reset. Reset? Forgive?* – На самом деле, очень, очень, очень жаль, Чаппи. Ты простишь меня? Простишь? Ну давай, давай перезагрузимся, ты и я. Перезагрузка? Простить?⁴

Таким образом, кино своим неслучайным диалогизмом влияет на применение тропов, на литературу и весь стиль межличностного общения. Литературный образ перестает быть частью классического развернутого описания, он включается в диалог с целью помочь коммуникантам быстро и экономно прийти к взаимопониманию, преодолеть когнитивный диссонанс. Рассмотрение динамики переводных киноназваний последних десятилетий позволило нам выделить ряд дискурсивных фильмонимов в таких современных источниках, как билборды, рекламные сайты типа Кинопоиск и газеты Петербургский телезритель⁵.

Более десятка локализованных киноназваний можно подразделить на смысловые категории:

1) восклицания:

- Здравствуй, папа, Новый год! (*Daddy's Home*) (2015), семейная комедия;
- Ох, уж эти детки! (*Rugrats*) (2006), сериал;
- Уж кто бы говорил! (*Look Who Is Talking*) (1989), семейная комедия.

2) стикеры:

- Мои парни – животные (*Unleashed*) (2017), романтическая комедия;
- Мой папа – псих (*California King*) (2007), комедия;
- Мой парень – киллер (*Mr. Right*) (2015), романтическая комедия;
- Мой парень – псих (*Silver Linings*) (2012), романтическая комедия;
- Моя девушка – монстр (*Colossal*) (2016), драма.

3) директивы:

- Напролом! (*The Hard Way*) (1991), детективная комедия;
- Поймай толстуху, если сможешь (*Identity Thief*) (2013), комедия;
- Ты водишь! (*Tag*) (2018), эксцентрическая комедия;
- Хватай и беги (*Freaks of Nature*) (2015), фантастическая комедия ужасов.

4) декларативы:

- Секса не будет!!! (*Blockers*) (2018), комедия;
- С меня хватит (*Falling Down*) (1993), сатирическая драма;
- Я заберу твои деньги (*Blood Money*) (2017), криминальный триллер.

5) вопросы:

- Кто наш папа, чувак? (*Father Figures*) (2017), комедия.

Обсуждение локализации дискурсивных фильмонимов

Хотелось бы прокомментировать выявленные закономерности. Разговорность киноназваний-восклицаний имеет ясную цель – вовлечь потенциального зрителя в ситуацию, переживаемую героем или героиней. Это весьма прямолинейный прием, на который «клянут», как уже отмечалось, в основном подростки, которые и являются самым массовым зрителем. С точки зрения соответствия киноназвания содержанию фильма наблюдается диссонанс, о верности сюжетной канве не идет речи. В семейной комедии *Здравствуй, папа, Новый год!*, поставленной Шоном Андерсом, отцы Дасти (в исполнении Марка Уолберга) и Брэда (Уилл Фарелл) объединяются для организации праздника для своих детей. Девизом семейного праздника становится «ответственное отцовство», предполагающее прощение обид и открытость к диалогу. Но анонсированная в заголовке радость не имеет ничего общего с тайной вражды и скрытой конкуренцией между отцами-родителями детей. Дети от предыдущих браков и бывшие супруги никак не способствуют безоблачному воссоединению, а с горем пополам достигнутый нейтралитет Дасти и Брэда готов рухнуть на глазах у всех. Следует отметить, что в наши дни существуют гораздо более современные средства аттрактивности – раскрывающие фабулу фильмов сайты и трейлеры. И тем не менее вышеприведенные «киноназвания-шедевры» продолжают зазывать в кинозалы как в старые добрые ярмарочные времена.

Киноназвания-стикеры особенно полюбились российским кинопрокатчикам своей формулой *X есть Y*, знакомой многим по бытовым инскрипциям на городских

³ Chappie. Режим доступа: <https://www.scripts.com/psearch/chappie> (дата обращения: 17.05.2019).

⁴ Там же.

⁵ Петербургский телезритель. Режим доступа: http://www.tzt.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=28&Itemid=14 (дата обращения: 17.05.2019).

поверхностях. Причем объект именования, как и в подобных настенных надписях, получает нелестную характеристику – псих, киллер, животное. Остается загадкой, чем близки локализаторам подобные приемы, ведь за ними теряется увлекательная фабула. Так, например, в комедии 2007 г. *Мой папа – псих*, поставленной Майклом Кэхиллом, отец Чарли (в исполнении Майкла Дугласа) уговаривает свою 16-летнюю дочь Миранду отправиться на поиски клада – чисто приключенческий сюжет, который и без того должен привлечь молодежь. Интрига в том, что отец на самом деле по сюжету недавно прошел курс лечения в психиатрическом заведении и подобного рода заголовок выглядит, как нам представляется, некорректно.

Киноназвания-директивы имеют давнюю традицию, уходящую корнями в советское прошлое, когда лозунги об объединении пролетариев и выполнении пятилетних планов красовались на всех значимых зданиях всех советских городов. Единственным удачным призывом-киноназванием следует признать *Ты водишь!* – это эксцентрическая комедия в постановке Джеффа Томсича, повествующая действительно об игре в салки в самых неподходящих местах и ситуациях тридцатилетних друзей в исполнении Джереми Реннера и Айлы Фишер. В других примерах сами директивы носят явно криминальный и мизогинный характер, как в фантастической комедии 2015 г. *Хватай и беги* в постановке Робби Пикеринга. Показательно, что из трехсот киноназваний автору встретилось лишь одно диалогичное иноязычное название (*Who Gets the Dog?*) семейной комедии 2016 г., которое звучит вот так: *Имущество с хвостом*.

Заключение

Суммируя, выскажем несколько соображений о языковой природе локализованных киноназваний. Киноназвания являются неотъемлемой частью кинодискурса, который в значительной мере есть феномен интерпретационный, использующий разные шкалы оценки событий. В рамках

этой шкалы и существуют креолизованные поликодовые кинотексты, которые задействует как вербальность, так и видео- и аудиоряд. В силу того, что когнитивный контекст формируется указанными компонентами, интерпретация запускается на множественной основе, что зачастую ведет к когнитивному диссонансу [21, с. 554]. При этом важно, что испытываемый потенциальным зрителем когнитивный диссонанс (в глазах прокатчиков и локализаторов) не есть черта негативная, она нацелена на эффективное воздействие. Складывается впечатление, что дискурсивные киноназвания, среди которых мы выделили восклицания, стикеры, директивы, декларативы и вопросы, в какой-то мере отражают уровень сознания и образованности массовой публики.

Последние десятилетия выявили сдвиг в направлении от неприятия к терпимому отношению ко всему нескромному, наглому, соблазнительному и кричащему, что прежде было нехарактерно для отечественного кинозрителя. Наша культура всегда была открыта новому, необычному, а осваивая языки, мы стремимся увидеть образ мира говорящих на английском языке американцев и британцев, знать культурный минимум из того, что окружает людей за рубежом в их повседневной жизни. В идеале они не должны быть для нас психологически чужими. Мы не впадаем в крайности и не намерены поступать как англичане, но умение поставить себя на чужое место, сопереживать всегда были русской национальной чертой характера. В противном случае мы, даже освоив иностранный язык, не сможем настроиться на ту же волну, не сможем договориться. Вывод в том, что диалогизм как манипулятивная стратегия перевода активно применяется рекламодателями, политологами и кинопрокатчиками в своих узко прагматичных целях. Формирование вкусов и предпочтений массового зрителя, базирующееся не на разумном интеллекте, а на эмоциональном отклике, оказывается в заложниках у кассовых сборов.

Литература

1. Петухова Т. И. Языковая актуализация концептуальных пространств как фактор формирования ценностного аспекта кинотекста // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 357–359.
2. Venuti L. *Translator's Invisibility*. London; N. Y.: Routledge, 1995. 205 p.
3. Нефедова Л. А. Лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 230 с.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высш. шк., 1983. 149 с.
5. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика: Эволюция связей // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: мат-лы науч.-практ. конф. (13 февраля 1999 г.). М.: Военный ун-т, 1999. С. 254–257.
6. Мищенко И. А. Проблемы подготовки переводчиков с точки зрения работодателя // Перевод. Язык. Культура: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 08 апреля 2016 г.). СПб.: ЛГУ им. А. А. Пушкина, 2016. С. 222–225.

7. Леонтьева К. И. Дискурсивная онтология, субъектный принцип, перспективация: интегративный анализ переводческой деятельности с антропоцентрических социокогнитивных позиций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 69–79. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-69-79
8. Залевская А. А. Что там, за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.: Директ-Медиа, 2014. 328 с.
9. Камовникова Н. Е. На правах сильного: художественный перевод в контексте языковой политики // Перевод. Язык. Культура: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 08 апреля 2016 г.). СПб.: ЛГУ им. А. А. Пушкина, 2016. С. 154–158.
10. Cheung M. From "Theory" to "Discourse": The Making of a Translation Anthology // Translating Others. Manchester: St Gerome, 2006. Vol. 1. P. 87–101.
11. Nida E. A. Translating Meaning. San Dimas, Cal., 1982. 123 p.
12. House J., Blum-Kulka S. Introduction in Interlingual and Intercultural Communication. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986. 240 p.
13. Maturana H. R., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht; London: Reidel, 1980. 141 p.
14. Залевская А. А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку // Лингвистические парадигмы и лингводидактика 7. Иркутск: БГУЭП, 2002. С. 9–21.
15. Geeraerts D., Cuyckens H. Introducing cognitive linguistics // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. Geeraerts D., Cuyckens H. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 3–21.
16. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП, 2008. 316 с.
17. Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5–13. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13
18. Linell P. Approaching Dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 1998. 123 p.
19. Коноваленко М. Ю. Ложь в общении: как защитить себя от обмана. М.: Сфера, 2001. 96 с.
20. Вахитов С. В. Использование приемов кинематографии в художественном тексте // Актуальные вопросы развития индустрии кино и телевидения в современной России / отв. ред. А. Д. Евменов. СПб.: СПбГИКиТ, 2016. Ч. 2. С. 179–183.
21. Нелюбина Ю. А. Профессиональная лексика как основа операции инференции в кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 550–554.

The Dialogical Nature of Localized Filmonyms

Svetlana A. Pankratova ^{a, @, ID}

^a St. Petersburg State University of Film and Television, 13, Pravda St., St. Petersburg, Russia, 191119

@ svetpankrat@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

Received 17.04.2019. Accepted 25.06.2019.

Abstract: The article introduces readers to the problem of localization of English filmonyms as exemplified by a subgroup of film titles with a dialogic nature. The research features the phenomena of mass communication discursivity based on film titles with a dialogic nature in modern Russian film distribution. The method of typological synchronous comparison (juxtaposition) allowed the author to compare filmonyms and their translations in order to discover their functional peculiarities, similarities, and differences. The material shows that modern cinematography, unlike film industry abroad, makes an active use of dialogical filmonyms as a manipulative instrument of attracting filmgoers to cinema halls. The translation activates an adaptive tactics in order to accustom filmonyms to the peculiarities of the accepting cultural background. The classification revealed that a range of filmonyms with a dialogical nature, i. e. exclamations, stickers, appeals, declarations, and questions, reflect the mass conscience due to their emotivity. In the last decades, the shift in mass conscience signifies the tendency for tolerance to everything immodest, impudent, seductive, and blatant, which was previously uncharacteristic for the Russian film industry. The article postulates that learning a foreign language implies the ability to tune on the same wavelength with the foreign culture, whereas disrespect for the foreign cultural specifics doesn't facilitate the cultural dialogue and mutual understanding.

Keywords: discursivity, localization, manipulative discourse, film distribution, emotivity, picture of the world

For citation: Pankratova S. A. The Dialogical Nature of Localized Filmonyms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 830–838. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-830-838>

References

1. Petukhova T. I. Language representation of conceptual spaces as a factor of value aspect formation in cinematic text. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2016, (26): 357–359. (In Russ.)
2. Venuti L. *Translator's Invisibility*. London; N. Y.: Routledge, 1995, 205.
3. Nefedova L. A. *Lexical means of manipulative influence in everyday communication (based on the material of the modern German language)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1997, 230. (In Russ.)
4. Fedorov A. V. *Fundamentals of the general theory of translation*. Moscow: Vyssh. shk., 1983, 149. (In Russ.)
5. Shveitser A. D. Translation and Linguistics: The Evolution of Connections. *Translation Theory and Methods of Training Translators: Proc. Sci.-Pract. Conf. (February 13, 1999)*. Moscow: Voennyi un-t, 1999, 254–257. (In Russ.)
6. Mishchenko I. A. Problems of training translators from the employer's point of view. *Translation. Language. Culture: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf. (Saint-Petersburg, April 08, 2016)*. Saint-Petersburg: LGU im. A. A. Pushkina, 2016, 222–225. (In Russ.)
7. Leontyeva K. I. Discourseontology, the subject principle, perspectivation: an integrative agent-centered sociocognitive perspective on translating. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2017, (4): 69–79. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-69-79
8. Zalevskaya A. A. *What is there behind the word? Problems of the interface theory of the word meaning*. Moscow: Direkt-Media, 2014, 328. (In Russ.)
9. Kamovnikova N. E. Sword law: fiction translation in the context of the language policy. *Translation. Language. Culture: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf. (Saint-Petersburg, April 08, 2016)*. Saint-Petersburg: LGU im. A. A. Pushkina, 2016, 154–158. (In Russ.)
10. Cheung M. From "Theory" to "Discourse": The Making of a Translation Anthology. *Translating Others*. Manchester: St Jerome, 2006, vol. 1, 87–101.
11. Nida E. A. *Translating Meaning*. San Dimas, Cal., 1982, 123.
12. House J., Blum-Kulka S. *Introduction in Interlingual and Intercultural Communication*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986, 240.
13. Maturana H. R., Varela F. J. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht; London: Reidel, 1980, 141.
14. Zalevskaya A. A. Corporation semantics and integrative approach to language. *Linguistic paradigms and linguodidactics 7*. Irkutsk: BGUEP, 2002, 9–21. (In Russ.)
15. Geeraerts D., Cuyckens H. Introducing cognitive linguistics. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, eds. Geeraerts D., Cuyckens H. Oxford: Oxford University Press, 1995, 3–21.
16. Kravtchenko A. V. *The cognitive horizon of linguistics*. Irkutsk: BGUEP, 2008, 316. (In Russ.)
17. Demyankov V. Z. Knowledge transfer and cognitive manipulation. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2017, (4): 5–13. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13
18. Linell P. *Approaching Dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 1998, 123.
19. Konovalenko M. Iu. *Lies in communication: how to protect yourself from deception*. Moscow: Sfera, 2001, 96. (In Russ.)
20. Vakhitov S. V. The use of cinematography in a literary text. *Actual problems of the development of the film and television industry in modern Russia*, ed. Evmenov A. D. Saint-Petersburg: SPbGikIT, 2016, part 2, 179–183. (In Russ.)
21. Nelyubina Yu. A. Professional signs as basis of inference operation in film discourse. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2016, (26): 550–554. (In Russ.)

Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения*

Ирина В. Савельева^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ saviren1973@mail.ru

ID <http://orcid.org/0000-0003-4437-8489>

Поступила в редакцию 11.04.2019. Принята к печати 01.08.2019.

Аннотация: Интерес к вопросам порождения вторичного текста связан с многосторонностью данного продукта речемыслительной деятельности. Возможности Интернета значительно активизируют создание производных текстов, позволяют расширить форматы виртуальной коммуникации. Формирование новых жанров и типов текстов, а также модификация уже существующих выводят проблему исследования механизмов порождения текста на новый уровень. В данной работе описывается интернет-комментарий как результат вторичной текстовой деятельности личности. Изучение сетевых откликов, опубликованных к новостным интернет-материалам, проводится с позиций лингвоперсонологического и лингвoseмиотического подходов к рассмотрению феномена текстопорождения. В результате установлено, что знаковый образ события оказывает существенное влияние на комментирующую деятельность читателя. Это дает основания для выделения семиотической модели порождения вторичного текста. Анализ текстовых репрезентаций данной модели показывает, что семиотический взгляд на текст-стимул может отражаться в комментирующих репликах на эксплицитном и имплицитном уровнях. Предлагаются такие варианты семиотической модели, как метаязыковая, имитационная, межъязыковая, межсемиотическая и интертекстуальная, выделяемые на основании разных подходов к декодированию исходного текста. Сложная природа феномена интернет-комментария, связанная с его вторичностью и новой коммуникативной средой, обуславливает комплексный подход к изучению данного типа текста. Поэтому в перспективе исследования – описание когнитивной, аксиологической и прагматической моделей текстопорождения.

Ключевые слова: вторичное текстопорождение, первичный текст, семиотическая доминанта, текстовые маркеры, код, семиотический аспект, текстоцентрический аспект

Для цитирования: Савельева И. В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 839–849. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849>

Введение

Исследовательский интерес к вторичному тексту как продукту речемыслительной деятельности связан с общей тенденцией изучения различных аспектов функционирования человека в природе и обществе. Сегодня, по мнению ряда ученых, концепция текстовой вторичности является одной из доминирующих в теории порождения текста [1–6]. Феномен вторичного текстопорождения видится учеными как универсальная текстовая категория. Исследуются отношения первичности / вторичности, исходности / производности, простоты / сложности в контексте детерминант порождения [7]. Отмечается, что вторичный текст может быть репродукцией первичного текста с разной степенью компрессии и новым порождением, представляющим

собой смысловое развитие первичного текста [5]. «Кодовые трансформации, протекающие при восприятии текста и его (вос)производстве, можно выявить, сопоставляя два текста – первичный и вторичный (вторичные)» [8, с. 35]. Установлено, что связь между текстом-стимулом и текстом-реакцией по линиям *форма – содержание – функция* может варьироваться от сильной (как в диктантах и изложениях) до нулевой (как в сетевых комментариях) [8; 9].

Во многих исследованиях текстовой вторичности за основу берется определение, сформулированное в работе Л. М. Майдановой. Производный текст, с ее точки зрения, – продукт, «перенесенный» в новую коммуникативную среду, изначально существовавший вне ее, а также созданный на базе другого текста со сменой авторства

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522.

(авторской интенции). Данное определение акцентирует внимание на смене экстралингвистического контекста и в связи с этим интенции и коммуникативных целей субъекта вторичного текста [10].

Вместе с этим взгляд на вторичный текст с антропоцентрических позиций, его структурно-содержательные особенности во многом детерминированы ментально-лингвальным комплексом личности. Способность личности воспроизводить прочитанный материал в бесконечном количестве вариантов демонстрирует серьезный речетворческий потенциал, который содержится во вторичном тексте. Формирование мотива, замысла, ментальной проекции текста – все эти процессы, с одной стороны, тесно взаимодействуют при вторичном текстопорождении, а с другой – каждый из них может в большей мере повлиять на уникальность или стереотипность результата [3; 11–14].

С точки зрения И. Т. Вепревой, исследование спонтанной речевой деятельности человека, не ограниченное строгими жанровыми и прочими канонами, «позволяет заглянуть в "черный ящик" сознания, реконструировать различные этапы речемыслительного процесса» [15, с. 35].

Исследованию вторичного текста как «знакового комплекса» (термин М. М. Бахтина) уделяется внимание в рамках лингвосемиотики. По словам Ю. М. Лотмана, всегда есть необходимость для «мыслящей» семиотической структуры получить начальный импульс от другой мыслящей структуры, а для текстогенерирующих механизмов – получить для запуска их деятельности некий текст извне [16, с. 4]. Текст представляется устройством, образованным как система разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение [17, с. 10]. Особое внимание уделяется производности и семиотичности мышления человека, творящего мир вокруг себя посредством текстов, использующего преобразования кодов разного порядка, но преимущественно словесных. Семиотический подход к исследованию вторичного текста сегодня не теряет актуальности в связи со спецификой нового формата общения – интернет-коммуникации, породившей электронный полимодальный формат текста, и в связи с возросшей потребностью рассматривать текстовую (и шире – дискурсивную) деятельность человека в контексте культурных и социальных связей [17; 18].

Среди подходов интегративного характера используется текстодериватологический, нацеленный на выявление особенностей восприятия исходного текста посредством анализа серии производных, созданных в результате его прочтения, базирующийся на универсальной общеязыковой антиномии производства / воспроизводства [8, с. 37]. Первичный и вторичный тексты, прежде всего, изучаются в аспекте межтекстовой деривации. Фактически данный подход зиждется

на идее общности наиболее существенных, конститутивных признаков текста 1 (исходного) и текста 2 (производного).

Сегодня актуален и персонологический подход, устанавливающий системные корреляции между свойствами вторичного текста и особенностями личности пишущего [19]. Потенциальная множественность «дочерних» текстов позволяет определить вариативность интерпретации смысла одного «головного» текста как базовую характеристику текстобразования с учетом фактора адресата [20; 21]. Взгляд на вторичный текст с позиций лингвоперсонологии позволяет осмыслить его свойства в системе устойчивых корреляций с персонными свойствами его автора. Вторичный текст – это «зеркало» личности, соответственно, его анализ дает возможность реконструировать разные свойства автора: от психоэмоциональных до социокультурных. Подобный вектор исследований имеет два основных направления: от свойств личности к отражению их в тексте и наоборот. Первый подход к анализу текстов и выделению оснований для их классификации имеет персоноцентрический характер. Исследователем выделяется некоторый ряд персонных свойств и проводится исследование наличия системных корреляций между данными свойствами и текстовыми продуктами, например тексты, написанные экстравертами и интровертами [22]. Второй принцип, т. е. реконструирование типов языковой личности на базе текстового анализа, получил название текстоцентрического. Данные подходы синтезируют классические исследования текста и данные, полученные из других областей языкознания: психолингвистики, лингвокультурологии, лингвосемиотики, лингвополитологии [23–26].

Цель излагаемого исследования – описать одну из моделей текстопорождения вторичного текста – семиотическую, выделяемую на основании комплекса текстовых маркеров, указывающих на первоочередную роль знакового мышления языковой личности.

Материалы и методы

Научный взгляд на такой непростой объект в плане вторичного текстопорождения, как интернет-комментарий, требует учета нескольких сторон данного феномена. Помимо производной природы данного типа текстов, наличия осцилирующей связи между текстом-стимулом и реактивным текстом, важно принимать во внимание тот факт, что смысловое сцепление отдельных комментариев в интернет-пространстве превращает в реальность мысль, высказанную Л. М. Майдановой о том, что все тексты «создают всеобщий и бесконечный диалог» [10]. Поэтому вторичность текстов-комментариев сочетается с высокой степенью их диалогичности. По сути ответ на вопрос, особенно если этот ответ имеет эллиптическую форму, также возможно рассматривать

как производный текст. Неслучайно часть комментариев представляют собой виртуальную беседу, где пользователи включены в интерактивное текстообразование, один отвечает другому на его реплику и т. д. (рис.). Причиной тому служат возможности новых коммуникационных технологий. Интернет-среда обуславливает возможность замены устного общения, характеризующегося такими свойствами, как спонтанность и необратимость, замещение или сопровождение словесного кода невербальными средствами взаимодействия, значительная опора на контекст, на общение письменное [27]. Последнее в «довиртуальную» эпоху существенно отличалось от устного общения. Базовыми качествами письменной коммуникации считались подготовленность и большая формальность, синтаксическая развернутость и возможность отсрочки контакта с адресатом [28].

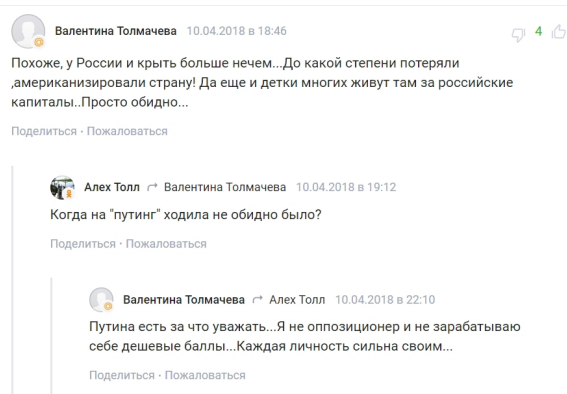

Рис. Очередность реплик в ленте комментариев
Fig. Taking turns in the commentary thread

С появлением возможности обмена письменными сообщениями в режиме онлайн произошло смещение и смешение характеристик письменной и устной коммуникации. В этой связи интернет-комментарий как жанр компьютерно-опосредованной коммуникации представляет собой образец спонтанной письменной речи, написанной без учета канонов классического «довиртуального» письма. Интернет-комментарий таким образом синтезирует свойства письменного и устного общения, в связи с чем отличается естественностью языковых конструкций, оперативностью и возможностью создания поликодовых вариаций [18; 29; 30]. Он одновременно представляет фрагмент собственного размышления и обращения к другим. Интернет-комментарий не нацелен на получение ответа, но любой отклик может получить неограниченное количество реакций за неопределенный период времени.

Второе важное свойство интернет-комментария заключается в том, что он, безусловно, продукт обыденного метаязыкового сознания. Порождение текста, рассматриваемое как реакция реципиента на вербально представленный объект, сопровождается генерированием метаязыковых высказываний. Процесс превращения мысли в суждение в данном случае в значительной степени детерминирован имеющимися в исходном тексте языковыми средствами и его структурой. Тем не менее метаязыковая функция является универсальной и возникает при речепорождении любого высказывания [15]. Неявный механизм воздействия стратегий исходного текста на читателя представляет сложность для установления степени его воздействия и дает возможность для творческого разнообразия в виде комментирующей деятельности. Интернет-«коммент» – результат обыденного толкования событий (в нашем исследовании преимущественно политических) сквозь призму личностных смыслов и политических взглядов. Кроме того, воздействие источника на адресата, в значительной степени медиатизированное средой, характеризуется «двойственностью картины мира, поскольку включает в себя объективную действительность и ее отражение в нашем сознании, т. е. реальную действительность и идеальный мир человека» [31, с. 36].

Данное исследование впитывает научные традиции текстового анализа, проводимого в лингвоперсонологии, текстодеватологии, лингвосомиотике. Первые два направления стали методологической основой исследования, а лингвосомиотический подход позволил осмыслить проблему порождения вторичного текста как продукта онлайн-среды с холистических, т. е. более абстрактных позиций. Анализ текстов-источников и комментариев к данным текстам проводится с привлечением методик лингвоперсонологического и дериватологического описания, а также с использованием общенаучных приемов наблюдения, сравнения, классификации и интерпретации. Сопоставление текстов и наблюдение за линиями текстопорождения, следуя которым авторы комментариев создают свои отклики в интернет-пространстве, основывается на результатах, полученных в области исследований вторичного текста.

Результаты

Способность человека воспринимать кодифицированную информацию, как вербальную, так и невербальную, реализуется в онлайн-комментировании. Например, в любой ленте комментариев к политическим новостям можно найти реакции, содержащие критику сообщества: *Ой...ну не надо громких слов; Как меня умиляет либеральная словесная диарея*¹.

¹ Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США // Lenta.ru. 06.04.2018. Режим доступа: https://lenta.ru/comments/news/2018/04/06/steel_aluminium/ (дата обращения: 04.04.2019); Авторские орфография и пунктуация здесь и далее сохранены.

Как мы понимаем, в данном случае отзывы, которые едва ли можно назвать положительными, направлены на некоторую группу предшествующих откликов. Реципиенты «макросообщения» (т. е. посылки, выводимой в результате прочтения всех сообщений, входящих в пространство веб-страницы) реагируют на символическую репрезентацию мира как на нечто, имеющее физическую природу. Интенциональной установкой авторов данного высказывания является оценивание коллективного вербального продукта. Очевидно, что исходный текст и его невербальные элементы (фотографии, композиционное структурирование) воспринимаются как естественный источник, мотивирующий адресата к порождению нового текста.

Построение вторичного текста по семиотической модели текstopорождения (СМТ) детерминировано знаковым образом события и его способностью побуждать адресата к вербализации своей реакции, предопределять его речевую деятельность с позиций интенциональности. Читатель сообщения, воплощенного в словесной форме, как первичного текста статьи, так и серии комментариев, отбирает и ассимилирует уже имеющиеся, записанные в виде вербального кода смыслы. Затем определенные фрагменты или отдельные единицы исходного текста переходят в разряд собственных и вплетаются в новую форму. Этот процесс усвоения готовых языковых единиц, актуализируемых в конкретных речевых ситуациях, имеет всеобъемлющий характер, т. к. имитационная способность личности играет большое значение в процессе восприятия языкового кода. Подобное воспроизведение готовых вербальных единиц указывает на СМТ эксплицитного характера, т. к. означающее текста либо сохраняется, либо трансформируется в незначительной степени. Таким образом, на эксплицитном уровне можно выделить четыре типа СМТ: метаязыковой, имитационный, межсемиотический и межъязыковой.

Декодирование сообщения, содержащегося в первичном тексте или в одном из вторичных, сопровождается не только ассимиляцией единиц из воспринимаемого текста-стимула, их семантизацией, включением в субъективный контекст. Реципиент также способен воспроизвести, извлечь из памяти клишированные компоненты культурного кода: литературы, музыки, искусства, кинематографа, паремийного фонда и т. д. Данный подход указывает на имплицитный характер порождения текста по семиотической модели. Это дает возможность отнести ряд комментариев к текстам, создаваемым по СМТ на имплицитном уровне, и, соответственно,

выделить пятый тип СМТ – интертекстуальный. Предложенная классификация представлена в таблице.

Проиллюстрируем действие представленных типов семиотической модели текstopорождения на примерах комментариев к медиаматериалам интернет-издания Lenta.ru, освещающим темы санкционных мер в отношении России в апреле 2018 г.

В основе СМТ 1 – комментирование композиционных-структурных компонентов источника или фрагментов текстов-реакций: заголовка, предложения, словосочетания, ключевого слова. Так, в комментариях к статье «Россия отказалась "скоропалительно" реагировать на санкции США» один из пользователей пишет: *Вот вам ещё вариант заголовка. «Россия в ответ на санкции искоренила коррупцию. Америка в шоке»*². Семиотическая линия текstopорождения прослеживается в решении переименовать статью. Ирония, использованная в альтернативном заголовке, предложенном читателем, сопровождается метаязыковыми средствами: вербальными и графическими. Вывод – данный текст образован по эксплицитному типу СМТ 1.1.

Комментирование цитаты – распространенный прием в интернет-откликах. Он также указывает на эксплицитную модель порождения по семиотическому принципу. Например, Евгений А оставил следующий комментарий: *«во главу угла нужно ставить собственные интересы Москвы» как точно сказано! оно и делается так последние 25 лет*³. Его внимание привлек фрагмент статьи, поэтому заключен в кавычки и рассматривается как объект для метаязыковой рефлексии и комментирования. Фраза *как точно сказано* является метаязыковым маркером, указывающим на осознанное восприятие стимула в форме семиотического продукта. Данный комментарий продуцирован по типу СМТ 1.2.

Прием комментирования с метатекстовыми элементами может синтезировать разные вербальные единицы, заимствуя их из нескольких источников: текста статьи, реплик других пользователей. В интернет-комментарии к материалу «Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США» читаем: *Российские металлурги... Дальше можно не читать! Кого металлургами обозвали, Алёшку Мордашова, сумевшего в 27 лет скупить всю Северсталь и ему подобных? Это здесь они сила под прикрытием несменного, «короли госзаказа» и т. д. А там они просто вороватая ветошь, которой необходимо отрубить щупальца и в так называемой «стальной войне» с США у них нет ни единого шанса!*⁴ Наблюдаемые здесь метатекстовые

² Россия отказалась «скоропалительно» реагировать на санкции США // Lenta.ru. 10.04.2018. Режим доступа: https://lenta.ru/comments/news/2018/04/10/peskov_response/ (дата обращения: 04.04.2019).

³ Там же.

⁴ Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США ...

показатели указывают на рефлексию, эксплицирующую декодирование автором серии сообщений участников беседы. Разворачивание текста осуществляется посредством включения отдельных языковых единиц, извлеченных из разных текстов-источников. Они оформлены метатекстовыми маркерами вербального и невербального кодов. Выражения *далее можно не читать и так называемые* относятся к вербальным рефлексивам, а пунктуационные знаки цитирования – к невербальным. Вывод – порождение вторичного текста по эксплицитному типу СМТ 1.3.

Отметим, что в семиотической модели производства вторичного текста часто используются приемы реконтекстуализации и редефинирования. Одним из распространенных способов продуцирования вторичного текста по семиотической модели является заимствование из текста-источника ключевых слов. Это связано с процессами распределения смыслов, заложенных в вербальном стимуле, сопровождаемыми компрессией информации. Сплав данных смыслов с линией собственных размышлений происходит с опорой на узловые единицы текстового источника. Иллюстрацией этих приемов служат комментарии к уже упомянутому материалу, фрагмент которого содержит следующие слова: *Ранее стало известно, что российские власти обсуждают проект создания специальных **офшоров** для поддержки бизнесменов, попавших в санкционные списки США*⁵. В ответ на данное высказывание пользователь *dmitri shuster* пишет: *Их всех самих надо отправить в **офшоры** и пусть там эти либералы и олегархи сами собой командуют. А России в этих условиях необходима национализация всей промышленности*. Иностранное слово, являющееся ключевым в исходном тексте, в комментарии получает другое преломление: офшоры должны стать местом ссылки для противников народа и России. Развитие этой идеи наблюдаем еще в одном тексте, оставленном пользователем Анатолием Бассурманом: *Классные офшоры. Надо еще эти острова забором обнести с колючей проволокой, чтобы туда никто не проник с проверкой и чтобы деньги не убежали. И желательно этим бизнесменам на этих островах дать военную охрану с ядерным оружием и гиперзвуковым, чтоб уж точно офшоры были в безопасности*⁶. Размышления автора на тему создания офшоров сопровождаются модальностью рекомендации. Его «квазисоветы» имеют ироничную тональность, на самом деле демонстрирующую интенцию выразить недовольство действиями власти. Семиотически продуцируемая проекция источника представлена вариантами ключевого слова. По-видимому, первый вариант *офшоры*

взят из собственного тезаурусного фонда (т. к. англицизм *offshore* в оригинальном написании содержит две буквы *f*), а второй – из текста источника. Вывод – порождение процитированных текстов по эксплицитному типу СМТ 2.1.

Еще один вариант проецирования вербального компонента исходного текста на плоскость субъективного восприятия автора производного наблюдается в комментарии пользователя Ивана Поспелова к статье «Россия отказалась "скоропалительно" реагировать на санкции США»: *поспешный ответ на санкции США мог бы стать ошибочным, во главу угла нужно ставить **собственные интересы**. Песков, огласи собственные интересы. Ну то что жена американка мы знаем*⁷. Первое предложение вторичного текста воспроизводит исходный текст. Задача автора вторичного текста – точнее понять посыл в сообщении, его цель – семиозис значений, заложенных в словосочетании *собственные интересы*. Поэтому далее автор формулирует вопрос-обращение, в котором повторяет ключевую фразу и встраивает ее в новый контекст. Вывод – порождение текста по эксплицитному типу СМТ 2.2.

Символический, опосредованный текстом образ события может иметь негетерогенный характер. Включение иконических компонентов в новостной гипертекст стимулирует комментирование. Обратив внимание на фотографию С. Пескова, опубликованную в материалах статьи «Россия отказалась "скоропалительно" реагировать на санкции США», пользователь Павел Судоплатов пишет в своем отклике: *Аж **поседел** весь от санкций*⁸. Очевидно, что стимулом для реплики явился как вербальный код, передаваемый через ключевое слово *санкции*, так и визуальный. Оценка внешности политика содержит иронию, поэтому цель данной реплики – выразить негативное мнение о политике. Вывод – порождение текста по эксплицитному типу СМТ 3.1.

Дополнительный скрытый посыл, сообщаемый той же фотографией, переводит в словесный код другой пользователь с никнеймом КОТ БАЮН: *Я слышу голос Америки! ФОТО!* В комментарии происходит «озвучивание» политика. Во избежание ошибочной интерпретации текста дается пояснение, что этот пост – реакция на визуальный код. Вывод – порождение текста по СМТ 3.2.

Варианты четвертого типа семиотической модели текстопорождения детерминированы участием в построении текста разных языковых кодовых систем. Чаще всего встречается включение англицизмов, причем не их транслитерированный вариант, а аутентичная графическая форма. В семантическом пространстве текста они могут занимать разное положение.

⁵ Россия отказалась «скоропалительно» реагировать на санкции США...

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Таблица. Типы семиотической модели текстопорождения

Table. The types of semiotic model of text production

Способ трансформации	Тип СМТ	Вариант СМТ
Типы СМТ (эксплицитный уровень)		
Процесс кодирования / декодирования сопровождается разъяснением вербального или иного кода	СМТ 1. Метаязыковой. Вербальный код исходного текста осознается реципиентом и маркируется во вторичном тексте особыми единицами метаязыкового кода – рефлексивами	СМТ 1.1. Комментируется одна из сильных позиций исходного текста
		СМТ 1.2. Комментируется фрагмент исходного текста
		СМТ 1.3. Все вторичные тексты воспринимаются как единый макротекст и комментируются обобщенно
	СМТ 2. Имитационный. Вербальный код исходного текста имеет дискретные проявления во вторичном тексте в виде готовых заимствованных единиц	СМТ 2.1. Элементы текста-источника, его ключевые слова и словосочетания становятся объектами семантизирующей деятельности, во вторичном тексте происходит приращение или смещение смысла
СМТ 2.2. Высказывание из текста-источника выступает в роли инициирующего и сопровождается экспликацией отношения комментирующего		
Визуальный код разъясняется через вербальный код	СМТ 3. Межсемиотический. Поликодовый характер исходного текста (например, сочетание иконического и словесного кодов) становится стимулом для порождения текста	СМТ 3.1. Дается общая оценка иконического сообщения
		СМТ 3.2. Вторичный текст – результат интерпретации иконического компонента первичного текста
Означивание объекта на одном языке подвергается осмыслению на другом	СМТ 4. Межязыковой. Владение несколькими языками позволяет автору «переключать коды» в процессе порождения	СМТ 4.1. Иноязычные элементы вводятся в текст в соответствии с правилами грамматической валентности субстрата
		СМТ 4.2. Иноязычные элементы вводятся в текст с маркированием их межязыковой идентичности
Типы СМТ (имплицитный уровень)		
Привлекается иной культурный код	СМТ 5. Интертекстуальный. Вербальный код исходного текста актуализирует имплицитные связи с полученным прежде семиотическим опытом воспринимающего (считывание внутренней формы текста и ассоциативная переработка сообщения, поиск аналогичных символически зафиксированных ситуаций)	СМТ 5.1. Связь между исходным текстом и прецедентным феноменом (цитатой из фильма, художественного произведения и т. д.) домысливается адресатом, т. к. архетип дан в оригинальном виде
		СМТ 5.2. Связь между исходным текстом и прецедентным элементом во вторичном тексте имеет индекс, либо архетип трансформирован автором (например, сильные элементы архетипа остаются, а слабые заменяются, как в пародии, используются аллюзии, стилистические или синтаксические имитации)

В следующем примере английское выражение беспереводным образом используется в качестве равноправного лексического элемента. Пользователь AQUARIUS пишет: *какое временное пользование??де ге не рат, пока ты платишь property taxes земля твоя*. На эту реплику немедленно следует ответ собеседника с псевдонимом Paul Hard: **property tax**-- *Этот налог в основном используется муниципалитетами для ремонта дорог, строительства школ и удаления снега или других аналогичных услуг. Ставки налога на имущество и виды имущества, которые облагаются налогом местными органами власти, несколько отличаются в разных муниципалитетах и штатах*. Здесь мы наблюдаем две разные стратегии включения в текст иноязычных слов: первый комментатор включает словосочетание *property taxes*, связывая его с другими членами синтагматического единства, а второй выделяет его по принципу словарной статьи, поясняя его значение, но не предлагая перевод. В первом примере вариант модели СМТ 4.1., а во втором – СМТ 4.2.

Доминантой вторичного текста могут стать имплицитные компоненты вербального кода: прецедентные тексты, аллюзии, структурные инновации, стилизации. Если в сознании читателя возникает ассоциация с предыдущим семиотическим опытом (например, с художественными произведениями или известными образцами кинематографа), то результатом становятся реплики следующего характера: *А теперь Горбатый! Я сказал, – Горбатый!*⁹ Написан этот текст к статье «США подготовили санкции против госдолга России». Прочтение материала заставило читателя вспомнить известный фильм, в котором Глеб Жеглов вызывает главаря банды сдать последним, акцентируя тем самым его статус. Таким образом, цитирование фразы героя указывает на имплицитный стимул, перекодирование смыслов источника заставило автора комментария прибегнуть к еще одному культурному коду – кинематографу. Вывод – порождение текста по СМТ 5.1.

Другим примером служит реплика пользователя в ответ на другой комментарий к материалу о стальных санкциях США: *"Экономист Слава Рабинович" звучит как начало бородатого анекдота. Его вам не Мойша напел!*¹⁰ В данном тексте содержится отсылка к серии известных анекдотов о людях еврейской национальности. Однако в тексте нет прямого цитирования образцов данного литературного жанра. Но заключенные в кавычки фразы и прецедентные имена являются индексами названных текстов. Вывод – порождение текста по СМТ 5.2.

Обсуждение и выводы

В контексте обыденных политических интернет-дискуссий комментарии, продуцируемые пользователями по СМТ, представляют собой образец политической демагогии, производимой в ином, сниженном стилистическом регистре. Балансируя на грани между полемикой и рассуждением об одном и том же предмете посредством «словесного экзерсиса», вторичные тексты данного типа как бы «нанизываются» на ось центрального, спорного, нуждающегося в легитимации вопроса из сферы политики.

Согласно наблюдению за межтекстовыми связями, эксплицированными в аспекте первичности / вторичности, мы делаем вывод о том, что одной из ведущих моделей порождения вторичного текста является семиотическая. Данная модель выделяется на основании знакового характера человеческого мышления и познания объективной действительности. Вторичная, опосредованная символическими формами (семиотическая) действительность имеет для языковой личности онтологический статус. Это существенное качество ментально-лингвальной сферы человека находит отражение в текстах вторичного типа. На этом основании семиотически обусловленное текстопорождение может быть представлено как модель, получающая вариативное воплощение в конкретных текстах-откликах. Мы различаем эксплицитный и имплицитный уровень проявления данной модели. На эксплицитном уровне характер смены кода (как внутри одного – словесного, но со сменой личности автора) явно выражен в тексте, тогда как на имплицитном переключение кодов происходит в диахроническом аспекте и не является явным, а идентифицируется только посредством лингвистического анализа.

Одним из распространенных типов семиотической модели текстопорождения можно считать метаязыковой тип СМТ. С одной стороны, продуцирование с элементами метатекста свидетельствует о первом, поверхностном уровне понимания первичного текста. Тем не менее способность личности осознанно воспринимать текст как знаковый комплекс и выражать свою рефлексия является индикатором глубоких, скрытых мыслительных процессов.

Имитационный тип также несет в себе следы считывания «формы». Но по причине слабой связи комментария с текстом-источником на фактуально-содержательном уровне, характерной для интернет-комментария, такое «считывание» может дополняться рассуждениями о политике с житейских или философских, коллективистских или индивидуалистских позиций, с привлечением примеров из собственной жизни. Поэтому имитационный тип может

⁹ США подготовили санкции против госдолга России // Lenta.ru. 10.04.2018. Режим доступа: https://lenta.ru/comments/news/2018/04/10/new_sanctions/ (дата обращения: 04.04.2019).

¹⁰ Российский бизнес ступил на тропу стальной войны с США ...

сигнализировать об ассиметрично сформированных уровнях понимания исходного медиатекста.

Следующий тип, межсемиотический, характеризуется поликодовым характером интернет-страниц и полимодальностью их восприятия. Сам по себе тип порождения текста с межсемиотическими переходами не является инновационным. Хотя осмысление визуальных объектов и их описание говорит о сложном, комплексном восприятии действительности и о стремлении *homo loquens* выразить образный компонент мышления посредством языкового кода.

Что касается межъязыкового типа СМТ, то этот вариант модели порождения характерен для определенного типа личности комментатора. Поэтому здесь можно сделать вывод о корреляции данного типа с персонными свойствами автора, владеющего по меньшей мере двумя языковыми кодами. В то же время существование данного типа порождения обусловлено новой коммуникативной средой – Интернетом, обогатившим русскоязычных пользователей лексикой англо-саксонского происхождения.

Семиотические связи между исходным текстом и комментариями, рассматриваемыми как вторичные, могут быть скрытыми и существовать на уровне языковой памяти. В связи с этим лингвистический анализ позволяет установить наличие еще одного варианта СМТ – интертекстуального. Данный вариант отражает ассоциативно-динамический характер человеческого мышления. В результате появляются тексты, в состав которых входят прецедентные компоненты текстового (шире – культурного) фонда.

Подводя итоги, отметим, что семиотическая модель текстопорождения является типизированной формой представления своей точки зрения адресатами текстов СМИ. Однако в соответствии с вариативным характером речевой деятельности личности данная модель функционирует совместно с другими, такими как когнитивная, аксиологическая, прагматическая и пр. Эта концепция идейно согласуется с различными подходами к осмыслению проблемы текстопорождения в лингвистике. Задачи их описания – в перспективе исследования.

Литература

1. Агранович Н. Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 152 с.
2. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
3. ИONOBA C. B. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: ВолГУ, 2006. 380 с.
4. КИМ А. Г. Интерпретационное поле как реализация вариативно-интерпретационного потенциала текста (на материале лингвистического эксперимента) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 203–212.
5. Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 4. 2017. С. 52–61. DOI: 10.15593/2224-9389/2017.4.5
6. Сайкова Н. В. Деривационный текст и деривационная личность в лингводидактическом аспекте (на материале текстов изложений и сочинений учащихся) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты: мат-лы науч.-практ. конф. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГУ, 2004. Ч. 3. С. 129–136.
7. Мельник Н. В. Дериватологическая и лингвоперсонологическая интерпретация вторичного текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4. С. 148–153.
8. Мельник Н. В. Деривация русского текста: лингвистические и персонологические аспекты. М.: Ленанд, 2014. 280 с.
9. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 25 с.
10. Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Битенская Г. В., Богуславская Н. Е., Гиниатуллин И. А., Кожевникова Н. А., Майданова Л. М., Матвеева Т. В., Мурзин А. Н., Сахарный А. В., Сиротинина О. Б., Чернухина И. Я. Человек – Текст – Культура. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 81–104.
11. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Либроком, 2009. 240 с.
12. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, Академия, 2008. 368 с.
13. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
14. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. 382 с.
15. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
16. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
17. Садченко В. Т. Вторичный семиозис в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2009. 38 с.

18. Радина Н. К., Александрова Н. С. Семиотика мультимедийного текста: креолизованные тексты в профессиональной онлайн-коммуникации (на материале официального сайта НИУ ВШЭ) // Вопросы психолингвистики. 2016. № 30. С. 164–180.
19. Ергалиева С. Ж., Мельник Н. В. Лингвоперсонология политического интернет-комментария (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 604–609.
20. Ким Л. Г. Интерпретационные стратегии в рецептивной деятельности адресата речевого произведения // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 8. С. 130–135.
21. Ким Л. Г., Голев Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.
22. Попова О. А., Денисова Э. С., Оленев С. В., Паули Ю. С., Прокудина И. С., Шпильная Н. Н., Татаринцева Е. Н., Артемова Т. В., Аввакумова Е. А., Киркинская Т. И., Иванцова Е. В. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. Кемерово: КемГУ, 2009. 384 с.
23. Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 128–137.
24. Богачанова Т. Д. Текстовое проявление особенностей языковой личности: типологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 162–169. DOI:10.21603/2078-8975-2018-2-162-169
25. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Дзюба Е. В., Кошкарлова Н. Н., Кондратьева О. Н., Никифорова М. В., Пирожкова И. С., Руженцева Н. Б., Солопова О. А. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. 308 с.
26. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев). Кемерово: КемГУ, 2015. 220 с.
27. Абросимова Е. А., Кравченко Ю. Д. Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента) // Медиаскоп. 2017. № 2. 18 с.
28. Абдуллина Л. Р. Эволюция жанра комментария: теоретический аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 7. С. 129–132.
29. Романтовский А. В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ // Коммуникативные исследования. 2017. № 4. С. 150–164. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164
30. Носовец С. Г. Редакционный комментарий как элемент новостного текста СМИ в социальных сетях: прагматистические особенности (на материале пабликов СМИ в "ВКонтакте") // Медиаскоп. 2018. № 2. 17 с.
31. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 36–44.

Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model*

Irina V. Saveleva^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ saviren1973@mail.ru

ID <http://orcid.org/0000-0003-4437-8489>

Received 11.04.2019. Accepted 01.08.2019.

Abstract: The phenomenon of secondary text production has become a focal point due to the integrative nature of this speech product. The possibilities of the Internet greatly enhance the creation of derivative texts, thus expanding the formats of virtual communication. The formation of new genres, as well as the modification of existing ones, brings the problem of studying the mechanisms of text generation to a new level. This paper describes the Internet comment viewed as a secondary textual activity of the individual. An analysis of the network response, posted to online news content, has been conducted from the standpoint of linguopersonological and linguosemiotic approaches to the text construction. Importantly, the iconic and discursive patterns of the event have a significant impact on the reader's commenting activity. This makes it possible to highlight the semiotic model of secondary text generation. The analysis of text representations of this model shows that the semiotic "view" on the text stimulus can be reflected in the comments at the explicit and implicit levels. The authors propose the typology of the semiotic model including five variants, i.e. metalinguistic, simulation, cross-language, transmutational, and intertextual. The variants can be allocated on the basis of different approaches to source text decoding. The complex nature of the phenomenon of Internet commentary, determined by its secondary character and new communicative environment, provides a comprehensive approach to the study of this type of text. In the future, the study can provide a description of cognitive, axiological, and pragmatic models of text production.

Keywords: production of a secondary text, primary text, semiotic dominant, textual markers, code, semiotic aspect, text-centered aspect

For citation: Saveleva I. V. Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 839–849. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-839-849>

References

1. Agranovich N. B. *The cognitive-communicative approach to a secondary text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2006, 152. (In Russ.)
2. Verbitskaya M. V. *The theory of secondary texts (the study of modern English)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 47. (In Russ.)
3. Ionova S. V. *Approximation of secondary texts' content*. Volgograd: VolGU, 2006, 380. (In Russ.)
4. Kim L. G. Interpretation field as the realization of the variant text interpretation potential (based on experimental data). *Siberian Journal of Philology*, 2010, (1): 203–212. (In Russ.)
5. Nesterova N. M., Popova Yu. K. The problem of differentiating primary and secondary texts. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2017, (4): 52–61. (In Russ.) DOI: 10.15593/2224-9389/2017.4.5
6. Saikova N. V. Derived text and derived personality in linguodidactic aspect (the study of students' essays). *Natural written Russian speech: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, ed. Golev N. D. Barnaul: AltGU, 2004, part 3, 129–136. (In Russ.)
7. Melnik N. V. Derivatological and lingvopersonological interpretation of secondary texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (4): 148–153. (In Russ.)
8. Melnik N. V. *Derivation functioning of the Russian text: structural and personality approaches*. Moscow: Lenand, 2014, 280. (In Russ.)
9. Saveleva I. V. *The variability of text production and text generation strategies: linguistic personality approach (the study of political Internet commentary)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2013, 25. (In Russ.)

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, research project № 19-012-00522.

10. Maydanova L. M. Speech intention and the typology of secondary texts. Bitenskaya G. V., Boguslavskaya N. E., Giniatullin I. A., Kozhevnikova N. A., Maydanova L. M., Matveeva T. V., Murzin L. N., Sakharov L. V., Sirotinina O. B., Chernukhina I. Ya. *Man – Text – Culture*. Ekaterinburg: IRRO, 1994, 81–104. (In Russ.)
11. Dridze T. M. *Language and social psychology*. Moscow: Librokom, 2009, 240. (In Russ.)
12. Leontyev A. A. *Psychology of interaction*. Moscow: Smysl, Akademiia, 2008, 368. (In Russ.)
13. Zhinkin N. I. *Speech as a conductor of information*. Moscow: Nauka, 1982, 159. (In Russ.)
14. Zalevskaya A. A. *Introduction into psycholinguistics*. Moscow: RGGU, 2000, 382. (In Russ.)
15. Veprev I. T. *Linguistic reflection in Post-Soviet period*. Moscow: OLMA-PRESS, 2005, 384. (In Russ.)
16. Lotman Yu. M. Inside thinking worlds. *Human – text – semiosphere – culture*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 464. (In Russ.)
17. Sadchenko V. T. *Secondhand semiosis in fiction*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Vladivostok, 2009, 38. (In Russ.)
18. Radina N. K., Aleksandrova N. S. Semiotics of multimedia text: creolized texts in professional online-communication (based on the HSE official website). *Voprosy psikholingvistiki*, 2016, (30): 164–180. (In Russ.)
19. Yergaliyeva S. Zh., Melnik N. V. Linguistic personology aspect of political internet commentary analysis: the case study of Russian and Kazakhstan web sites. *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2018, (6): 604–609. (In Russ.)
20. Kim L. G. Interpretation strategies in receptive activities of the addressee of the speech work. *Russian language and culture in the global cultural network: Proc. XIII MAPRYAL Congress (Granada, Spain, September 13–20, 2015)*. Saint-Petersburg: MAPRIaL, 2015, vol. 8, 130–135. (In Russ.)
21. Kim L. G., Golev N. D. On the relations of an addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretativism. *Siberian Journal of Philology*, 2008, (1): 144–153. (In Russ.)
22. Popova O. A., Denisova E. S., Olenev S. V., Pauli Yu. S., Prokudina I. S., Shpilnaya N. N., Tatarintseva E. N., Artemova T. V., Avvakumova E. A., Kirkinskaya T. I., Ivantsova E. V. *Linguopersonology and personality-oriented language teaching*. Kemerovo: KemGU, 2009, 384. (In Russ.)
23. Golev N. D., Shpilnaya N. N. Ordinary medical communication (types of discursive practices). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (1): 128–137. (In Russ.)
24. Bogachanova T. D. Text manifestation of the linguistic persona features: typological aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 162–169. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-162-169
25. Chudinov A. P., Budaev E. V., Dzyuba E. V., Koshkarova N. N., Kondratyeva O. N., Nikiforova M. V., Pirozhkova I. S., Ruzhenceva N. B., Solopova O. A. *Linguistic analysis of political discourse: theory and method*. Ekaterinburg: UrGPU, 2016, 308. (In Russ.)
26. Saveleva I. V. *The variability of text production and text generation strategies: linguistic personality approach (the study of political Internet commentary)*. Kemerovo: KemGU, 2015, 220. (In Russ.)
27. Abrosimova E. A., Kravchenko Yu. D. *Reader comment as a phenomenon of media text interpretation (based on internet comments and experiment data)*. Mediaskop, 2017, (2): 18.
28. Abdullina L. R. Development of a genre of the comment: theoretical aspect. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (7): 129–132. (In Russ.)
29. Romantovskiy A. V. Mass discourse of problematization as a basis of communication on forums of e-media. *Communication Studies*, 2017, (4): 150–164. (In Russ.) DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164
30. Nosovets S. G. Editorial comment as an element of mass media news text in social networks: pragmastylistic features (based on mass media communities in "VKontakte"). *Mediaskop*, 2018, (2): 17. (In Russ.)
31. Alefirenko N. F. Cognitive-semiological paradigm in linguo-cultural studies. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2006, (1): 36–44. (In Russ.)

That и *this* в сопоставлении с *tom* и *этом*

Александр В. Теренин^{а, @}

^а Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, 423600, Россия, г. Елабуга, ул. Казанская, 89

[@] Tteerenin@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.03.2019. Принята к печати 23.04.2019.

Аннотация: Аннотируемая статья обобщает наблюдения автора в области использования английских указательных местоимений *this* и *that*. Концентрируется внимание на противоречии между употреблением, предписываемым языковой системой, и узусом, принятым языковым коллективом. Речь идет о способности местоимения *that* выступать в функциях своего противочлена по оппозициям *this – that* и *it – this / that*. В качестве методологической основы избрана теория оппозиционной редукции, основы которой излагаются вслед за кратким обзором литературы, посвященной изучению природы указательных местоимений. Далее следует описание процедуры исследования, которое включало в себя статистическую, экспериментальную и аналитическую составляющие. В инструментарий входили также и элементы сопоставительного анализа английских и русских указательных местоимений, что в конечном итоге было необходимо для реализации дидактической задачи. Рассуждения автора сопровождаются текстовыми иллюстрациями, из которых следует, что основным условием, способствующим редукции оппозиции по сопредельности, является анафорическая референция, которая чаще всего сопровождается ударной позицией местоимения. В заключение отмечается стремление местоимения *that* закрепить за собой статус универсального указательного местоимения, склонного подменять собою как местоимение *this*, так и местоимение *it*. Это обстоятельство составляет одну из специфических особенностей английских указательных местоимений по отношению к русским, что, в свою очередь, создает дополнительные проблемы для студентов, изучающих английский язык.

Ключевые слова: указательные местоимения, референция, оппозиционная редукция, нейтрализация, транспозиция, анафорическое употребление, антецедент

Для цитирования: Теренин А. В. *That* и *this* в сопоставлении с *tom* и *этом* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 850–859. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-850-859>

Введение

Сопоставление указательных местоимений английского и русского языков может показаться простой и не заслуживающей внимания задачей. Если отвлечься от диалектной специфики и специфики их парадигм, то отношения *this – that* и *этом – том* предстанут в виде простой и известной всем оппозиции, общей для каждого из языков. Между тем характеристика *this / that* и *этом / том* как местоимений близкой или отдаленной референции является лишь общей и весьма приблизительной. В действительности же они вступают в более сложные отношения, установление которых требует рассмотрения данных единиц с учетом факторов как языкового, так и психологического свойства. В исследованиях такого рода сегодня нет недостатка. Они ведутся в разных направлениях, как в рамках частного, так и сопоставительного языкознания.

Впрочем, настоящая работа не является собственно сопоставительной. Обращение к русскому языку понадобилось нам для того, чтобы решить сопутствующую задачу, о которой

будет упомянуто позже. Основной же целью является обобщение результатов, полученных в ходе изучения специфики указательных местоимений английского языка в плане их замещающей активности. При этом под замещающей активностью в статье имеется в виду не способность местоимения выступать в функциях существительного прилагательного или иной части речи, а способность членов местоименной оппозиции замещать друг друга. Названная цель диктует необходимость коротко остановиться на предпосылках исследования, которые лежат в двух областях: изучении природы местоимений и теории оппозиционного замещения.

Теоретические основы и предпосылки исследования

Как уже упоминалось, исследования в области указательных местоимений осуществляются в разных направлениях. В их числе можно назвать изучение семантики местоимений [1–3], условий их выбора [4], их роли в организации текста [5–7], поиск новых особенностей их функционирования в речи [8; 9]. Заметное место занимают работы

сопоставительного плана, нацеленные на решение дидактических задач [10–13]. Совокупные результаты исследований позволяют судить о том, что указательные местоимения в каждом языке имеют как общие, так и различительные черты.

Область пересечения английских и русских местоимений можно наблюдать в их типологии и номенклатуре их основных функций. В каждом из языков указательные местоимения подразделяются на два типа: адъективные и субстантивные. При этом оба типа способны указывать на предмет, явление или событие в пространстве, во времени и в развертывании текста. Для первой из этих категорий, т. е. референции в пространстве, ее направление не имеет большого значения. Объект может занимать позицию и справа, и слева, и спереди, и сзади от говорящего. Для выбора местоимения принципиальным является близость объекта или его отдаленность в субъективных представлениях говорящего. Впрочем, эти же факторы являются принципиальными для двух других категорий (референции во времени и в развертывании текста). Именно они и формируют языковые оппозиции, общие для обоих языков: *this – that* и *этом – том*.

В отличие от референции в пространстве референция во времени, так же как и в развертывании текста, является разнонаправленной. Здесь различают обращение к антецеденту в прошлом или будущем, если референция осуществляется во времени; или анафорическое и катафорическое употребление, если дело касается референции в развертывании текста. При этом выбор того или иного местоимения определяется характером взаимодействия левостороннего или правостороннего употребления со степенью приближенности объекта к обозначающему его местоимению. Именно в этом направлении осуществляется поиск и каталогизация типичных употреблений *этом / том* или *this / that*.

Так, Е. В. Падучева выделяет в общей сложности пятнадцать типов употребления русских указательных местоимений [3], а вместе со своим соавтором Н. М. Стойновой говорит о двенадцати подтипах адъективных *этом* и *том* лишь только в составе временных оборотов [4]. Не менее разнообразным является использование указательных местоимений в английском языке. К. Ковентри, Д. Гриффитс и К. Гамильтон, например, описывают шесть экспериментов, доказывая, что выбор местоимения для референции в пространстве зависит от множества психологических причин [14]. Несколько схожие результаты получают Е. В. Тымчук и М. А. Федорова. Не отрицая физических факторов, названные авторы связывают выбор указательного местоимения в английском языке также и с категориями когнитивной психологии [15, с. 97, 98, 109].

Стремление найти зависимость употребления того или иного местоимения от физического или психологического восприятия действительности человеком характеризует как российское, так и зарубежное языкознание. Между тем в работах зарубежных исследователей можно наблюдать и несколько иной подход. Некоторые из них связывают выбор местоимения с типом языкового регистра, в котором разворачивается коммуникация. Признавая способность указательных местоимений отражать определенный участок действительности, авторы Лонгмановской грамматики, например, приводят количественные данные употребления *this* и *that* по четырем регистрам: устной коммуникации, текстам новостей, художественной литературе, научной прозе. Согласно этим данным, количественные показатели употребления *this* и *that* соотносятся как один к пяти в устном общении, – один к двум в художественной литературе, – пять к двум в научной прозе. В текстах новостей эти местоимения распределяются поровну [16, р. 349]. Приводимые данные обращают на себя внимание зависимостью отношений *this* и *that* от того, насколько интенсивно тот или иной регистр задействует неформальный стиль. Очевидно, что наиболее активным в этом плане является устное общение. Художественная литература, хотя и является высоким искусством, тем не менее широко использует неформальный стиль для отображения языкового поведения персонажей. Тексты новостей также привлекают сниженные формы, однако используют их в меньших пропорциях. Наконец, академическая проза практически не допускает неформальных оборотов в свой дискурс, и неслучайно, что именно здесь *this* доминирует над *that* в своем употреблении.

Исключительную активность *that*, вероятно, можно объяснить относительностью таких понятий, как «близость» или «отдаленность». И эта относительность заставляет язык искать какое-то универсальное средство, нейтрализующее оценку сопредельности. Существуют языки, где указательные местоимения образуют более чем двучленную оппозицию по своей сопредельности, и в этом случае нейтрализующую функцию зачастую принимает на себя местоимение средней отдаленности [13; 17]. Однако в языках, таких как английский или русский, эту функцию выполняет один из членов бинарной оппозиции.

В отечественном языкознании это явление называют оппозиционной редукцией или оппозиционным замещением. Оба наименования вошли в лингвистический обиход благодаря работам М. Я. Блоха, в которых приводятся подробные описания данного явления, его разновидности и условия протекания [18]. Суть этого явления состоит в способности одного члена оппозиции выступать в значении другого. Так, например, существительное в единственном

числе может обозначать множество, глагол в настоящем времени – выражать будущее или прошедшее, превосходная степень прилагательного – функционировать в качестве степени положительной и т. д. Оппозиционное замещение в интерпретации М. Я. Блоха имеет две разновидности: нейтрализацию и транспозицию. Нейтрализация освобождает замещающий член от его собственной функции, возлагая на него функции противочлена. Транспозиция частично оставляет функции замещающего члена при нем самом и наделяет его новой ролью, не свойственной ему в обычном языковом употреблении [18, с. 31–36].

Между тем первые описания процессов, имеющих отношение к оппозиционному замещению, принадлежат Н. С. Трубецкому, который ввел понятие нейтрализации и иллюстрировал его примерами из фонологии [19]. Во второй половине XX в. проблема оппозиционной редукции стала рассматриваться и в прочих отраслях языкознания. Начиная с 60-х гг. прошлого века практически каждое описание грамматических оппозиций в морфологии и синтаксисе не обходится без освещения вопросов их нейтрализации [20–23].

Анализ оппозиционной редукции не потерял своей актуальности и в настоящее время. В последние годы защищаются диссертации и публикуются статьи, трактующие вопросы оппозиционной редукции под различными углами зрения [24; 25]. Одна из наших предыдущих работ посвящена нейтрализации залоговых значений в английском языке [26].

В завершение этого обзора отметим все же, что современные описания оппозиционной редукции в области морфологии стремятся по возможности более полно охватить категории глагола, существительного и реже прилагательного. Местоимение как часть речи, реализующая свои свойства в многочисленных оппозициях, несправедливо обходится вниманием. Между тем всем известна, например, способность английского личного местоимения в объектном падеже использоваться в значении именительного падежа (*It was me and Bob against the world once more*). Практически тот же механизм наблюдается в употреблении указательного местоимения отдаленной референции (*that*) в функции местоимения близкой референции (*this*).

Предварительные наблюдения позволили нам предположить, что английские местоимения *this / that* проявляют существенную и весьма заметную специфику в плане своей способности редуцировать оппозиционные различия. Именно это обстоятельство и побудило автора провести небольшое исследование, нацеленное на то, чтобы подтвердить или опровергнуть данное предположение. Наряду с этим мы преследовали и сопутствующую задачу – установить, насколько очевидной является редуцирующая активность указательных местоимений для студентов, изучающих английский язык.

Исследование и результаты

Настоящее исследование проводилось в несколько этапов. На первом из них мы обратились к статистической обработке повести Дж. Боуэна «*A street cat named Bob*» и ее перевода на русский язык. Выбор книги определялся ее новизной: описываемые в ней события происходили в 2007–2008 гг. Следовательно, и язык повести является современным. Мы остановились на двух версиях повести (оригинале и переводе) в силу того, что единое содержание обеспечивало наличие сходных ситуаций, где английские и русские местоимения используются в единой референции.

Конечно, было бы излишне самонадеянным полагать, что любому употреблению *this / that* в оригинале сопутствовало бы использование *этот / тот* в переводе. В силу различий в системной организации русского и английского языков, а также благодаря переводческим трансформациям многие эпизоды в русскоязычной версии обходятся без указательных местоимений, даже если такие местоимения наличествуют в тексте оригинала. И наоборот, указательные местоимения *этот / тот* часто появляются в переводе при их отсутствии в соответствующем эпизоде оригинала. Тем не менее случаи прямого перевода *this / that* оказались также немалочисленными.

Результаты статистической обработки отражаются в таблицах 1 и 2. Однако прежде чем перейти к их рассмотрению, отметим, что в отличие от английских *this / that* русские указательные местоимения имеют довольно широкую парадигму. Соответственно, наименования *этот / тот* используются в таблицах и далее не только в собственных значениях, но и в значениях всех своих словоформ по категориям падежа и рода.

Таблица 1. Употребление *this – that* и *этот – тот* в исследуемой повести

Table 1. Occurrences of *this – that* and *этот (этот) – тот (тот)* in the story under analysis

Местоимение	Количество употреблений
This	188
That	956
Этот	460
Тот	455

Данные таблицы 1 говорят о том, что употребление *that* в исследуемой повести в пять раз превышает употребление *this*. Однако эти данные еще нельзя считать отражающими редуцирующую активность указательного *that*, поскольку приводимые цифры включают в себя и все омонимичные формы. К ним относятся *that* как союз или относительное местоимение, *that* или *this* в функции, свойственной

наречию (*that far, that simple, this much* и т. п.), а также *that* или *this* в некоторых прочих значениях. Это же замечание справедливо и в отношении русских местоимений *этом* и *том*, которые также имеют омонимы среди частиц, союзов или иных языковых единиц (*то и дело, то... то, то ли, при этом* и т. д.). Вот почему соотношения *this / that* или *этом / том* (как они представлены в таблице) характеризуют лишь доминирование одной звуковой формы над другой.

Для получения более наглядной картины статистическая обработка упомянутой выше повести и ее перевода была продолжена в двух направлениях. Во-первых, из общего числа употреблений исключались случаи, где *this* и *that*, а также их русские эквиваленты не имели ярко выраженного указательного значения. Во-вторых, статистика уточнялась в соответствии с типом указательного местоимения: адъективного или субстантивного. Полученные результаты приводятся в таблице 2.

Таблица 2. Употребление указательных *this – that* и *этом – том* в субстантивной и адъективной позициях в исследуемой повести

Table 2. Occurrences of pronominal and adnominal *this – that* and *etot (этом) – tot (том)* in the story under analysis

Местоимение и его позиция	Количество употреблений
Английские указательные местоимения	
<i>This</i> в субстантивной позиции	105
<i>That</i> в субстантивной позиции	363
<i>This</i> в адъективной позиции	80
<i>That</i> в адъективной позиции	105
Русские указательные местоимения	
<i>Этом</i> в субстантивной позиции	312
<i>Этом</i> в адъективной позиции	148
<i>Том</i> в субстантивной позиции	206
<i>Том</i> в адъективной позиции	218

Комментируя данные таблицы 2, отметим, что *a priori* отдаленную и близкую референцию в языковой действительности можно считать как равновероятную. Поэтому доминирование одного указательного местоимения над другим можно рассматривать как результат его употребления вместо своего противочлена. Исходя из этого, констатируем, что местоимение *that* проявляет достаточно очевидную активность в этом плане. Его употребление превышает употребление *this* как в субстантивной, так и в адъективной позиции. Иная картина наблюдается в использовании русских

местоимений *этом* и *том*. Их распределение в тексте является практически равномерным.

Между тем представленные данные вряд ли свободны от погрешностей, которые неизбежны в силу нескольких причин. Так, например, в статистику употребления русских *этом / том* вмешивается возможность их использования при переводе личного местоимения *it*. В таких случаях установление статуса местоимения *это* в языковых реализациях зачастую является невозможным. С равной вероятностью его можно идентифицировать и как эквивалент местоимения *it*, и как эквивалент указательных местоимений *this / that*. В английских же текстах вмешательство личного или формального *it* в статистические данные невозможно в силу того, что оно имеет звуковую форму, отличную как от *that*, так и от *this*. С другой стороны, функциональное сходство *it, this* и *that* не исключает нейтрализующей активности *that* или *this*, но уже в рамках иной оппозиции, а именно оппозиции *it – this / that*.

Представляется, что наиболее надежными являются статистические данные, характеризующие частотность адъективного использования рассматриваемых местоимений. Вероятность вмешательства омонимичных форм в статистику здесь невелика, а синтаксическая специфика их использования в обоих языках сходна.

Итак, несмотря на возможные погрешности, приводимая статистика позволяет нам укрепиться в следующем предположении. В английском языке местоимение отдаленной референции может выступать в качестве своего противочлена. Это предположение подтвердилось на последующих этапах: в ходе изучения текста повести, а также в ходе эксперимента, в котором принимали участие студенты.

Изучение текста показало, что наибольшую активность местоимение *that* проявляет в тех случаях, когда оно используется в субстантивных значениях при анафорической референции (см. также: [27, p. 36]).

(1) *I had a bit of tuna in the fridge so I mixed it up with some mashed up biscuits and gave **that** to him as well¹.*

(2) *It was another grey morning, but I knew I couldn't use **that** as an excuse.*

(3) *At one point she started doing telemarketing training videos. **That** did quite well for a while.*

(4) *We were both thinking that I'd be gone for six months or so. **That** was the plan.*

В каждой из приводимых иллюстраций указательное местоимение используется в контексте, непосредственно примыкающем к описанию антецедента, т. е. в близкой референции. Тем не менее референция осуществляется

¹ Здесь и далее авторство иллюстративного текста не обозначается, поскольку все примеры извлечены из книги Bowen J. A Street cat named Bob. London: Hodder and Stoughton, 2012. 288 p. и ее перевода Боуэн Дж. Уличный кот по имени Боб (пер. с англ. Е. И. Колябиной). М.: Рипол классик, 2014. 384 с.

при помощи сильного члена оппозиции *that*. При этом, как свидетельствуют примеры, антецедент может обозначать как материальный объект, так и какое-то событие, явление или действие. Соотношение *this* и *that* в подобных случаях определяется пропорцией один к трем (таблица 2).

Адъективное *that* в схожих ситуациях также довольно широко употребляемо, однако его доминирование над *this* менее очевидно. Его использование превышает употребление *this* незначительно (таблица 2).

(5) *I just passed my time away there, taking drugs and playing guitar. Not necessarily in **that** order.*

(6) *For the short term, however, I was his guardian and I was determined to try and fulfil **that** role to the best of my ability.*

(7) *Each night he'd find a way of getting into the building. Eventually he decided that he'd won **that** particular battle.*

(8) *I had made the princely sum of £63.77. We may have had a lucky break last night, but **that** money wouldn't keep us going for long.*

Подчеркнем еще раз, что очевидного преимущества адъективного *that* над *this* в анафорическом использовании не наблюдается. Тем не менее приводимые выше примеры иллюстрируют употребление *that* в близкой референции и, следовательно, его способность к нейтрализации оппозиции *this* – *that*.

Что касается правосторонней референции, подобные случаи употребления *that* в исследуемой повести немногочисленны. Впрочем, справедливости ради отметим, что катафорическое использование указательных местоимений оказалось нехарактерным для исследуемой повести вообще. Референция на последующий текст осуществляется с помощью других средств, а немногочисленные случаи местоименной катафоры осуществляются здесь при помощи *this*. Это положение, кстати, соответствует наблюдениям ряда исследователей [2; 17].

(9) *"Nothing, I just wanted to give Bob **this**" – she smiled. She then produced a laminated travel card with Bob's photograph on it.*

(10) *"Well, put it **this** way, what does he need?" – she said.*

(11) *Put it **this** way: we didn't get booked for Glastonbury.*

(12) *All of a sudden I heard **this** really loud, piercing bark. What happened next seemed like it was in slow motion ... The Rottweiler was on the loose.*

В дополнение к сказанному сделаем еще несколько замечаний в отношении использования *this* или *that*.

Как уже упоминалось, близость или отдаленность объекта референции есть понятия относительные, а сознание человека задействует различные процессы для их оценки [28]. Субъективность такой оценки очевидна, например, в следующем обмене репликами, где собеседники, упоминая об одном и том же объекте (корзине для переноски кошек), употребляют разные местоимения.

(13) *"Oh, **that's** not mine" – I said. "Oh, don't worry, it's OK. We've got loads of spares, you can have **this** one".*

Употребление *that* в функциях своего противочлена по оппозиции может имплицировать неприязнь говорящего по отношению к объекту референции.

(14) *As far as I'm concerned you're a beggar. **That's** what you and **that** cat are doing.*

(15) *I decided immediately that I didn't want **that** box in the house any more.*

Первое из этих высказываний иллюстрирует неприязнь одного из персонажей к рыжему коту и его хозяину как к основным конкурентам. Во втором примере речь идет о коробке, которая напоминала главному герою повести о его наркотическом прошлом. В обоих случаях использование *that* в близкой референции имплицировало отрицательные эмоции.

Среди причин или условий, обеспечивающих доминирование *that* над *this*, можно назвать его способность к синтаксическому стяжению с глаголом *be* в настоящем времени (*that's* = *that is*), чего нельзя сказать о местоимении *this*. Наконец, местоимение *that* чрезвычайно употребительно в т. н. клефт-конструкциях, т. е. конструкциях типа *that is what, that is how, that is where* и т. д.

(16) *What you get is half the price on the label. If you go to a pub and sell the stuff **that's** what you could expect to get.*

(17) *My pitch should have been on the eastern side of Covent Garden, near the Royal Opera House and Bow Street. **That's** where the musicians were supposed to operate, according to the Covent Guardians.*

(18) *It was a different matter when people turned their aggression on Bob. **That's** when my protective instincts really took over.*

Активность *that* в построении подобных предложений настолько велика, что с его помощью осуществляется и катафорическая референция, что, как уже упоминалось, данному местоимению несвойственно.

(19) ***That** was why busking had been so good for me. It was legal. It kept me straight.*

(20) *In my teenage opinion, he was a prick – and **that** was what I called him. Nick the Prick.*

Популярность *that* в подобных предложениях, вероятно, связана с ударной позицией местоимения. Однако сначала отметим, что в классическом варианте клефт-конструкция имеет несколько иной вид. Во-первых, ее первая часть имеет собственный предикатив, выраженный существительным, местоимением или иной частью речи; во-вторых, нормативным в таких предложениях является использование местоимения *it*. Например: *It is **she** who has done it*. Фонетическое оформление подобных моделей предполагает акцентирование предикатива. Между тем

предикатив клефт-конструкции может выражаться имплицитно или элиминироваться. В этом случае ударная позиция переносится на формальное *it*, которое принимает на себя реферирующую функцию и которое заменяется местоимением *that*. Смену местоимения можно объяснить тем, что *that* в силу своей фонетической организации является более удобным для ударного произношения. Особенно иллюстративными в этом плане являются следующие примеры. В примере 21 акцентированно подчеркивается содержание, уже выраженное конструкцией с безударным *it*. В примере 22 ударное произношение *that* диктуется противопоставлением по линии *уйти – вернуться*.

(21) *I played pretty much the same stuff over and over every day. It was what people liked. That's what the tourists wanted to hear.*

(22) *That's where he had come from – and I assumed that's where he would want to return.*

Впрочем, акцентирование *that* сопровождается его использованием не только в клефт-конструкциях, но и во многих прочих моделях.

(23) *From the way it was leaking pus, the wound must have been a few days old, maybe even a week. That suggested another possibility to me.*

(24) *He told me that my mother had been in contact with him desperately trying to find out where I was. That was a measure of how worried she'd become.*

(25) *It was easier to play that version because it was an acoustic piece. I also played "The Man in Black" by Johnny Cash. That was a good busking song and it was appropriate too.*

В приводимых примерах (как, впрочем, и во многих других) местоимение *that* служит еще и средством связи со смежным предложением. Конечно, фонетическое оформление может иметь несколько вариантов, причем одной из альтернатив является акцентирование *that*, небольшая пауза и завершение высказывания. Последнее предложение аналогично примеру 21. *That* и *it* выступают здесь, соответственно, как ударный и безударный варианты одного и того же обозначающего.

Остановимся далее на характеристике уже упомянувшегося эксперимента. Эксперимент проводился в 2017–2018 учебный год в группе выпускного курса в течение одного семестра. Повесть, на основе которой проводилось исследование, была предложена студентам в качестве книги для домашнего чтения с последующим обсуждением каждой главы в ходе занятий по практике речи. При этом в число заданий по главам входил обратный перевод предложений, включающих в свой состав

местоимения *этот* и *тот*. Предложения для перевода извлекались из русскоязычной версии повести и предлагались студентам в расширенном контексте, достаточном для того, чтобы оценить характер референции. Перевод осуществлялся непосредственно в аудитории, и студенты были ограничены во времени. В зависимости от объема текста на обдумывание варианта перевода отводилось до 5 минут. Обращение к тексту оригинала в ходе выполнения задания исключалось.

В результате изучения текстов оригинала, профессионального перевода и обратного перевода² студентов выявлено несколько типичных ситуаций (таблица 3).

Комментируя эти ситуации, отметим, что организация высказывания в границах одного национального языка ориентируется на совокупность прецедентов, которая и определяет узус данного языка [29, с. 68]. Для английского языка прецеденты употребления *that* в близкой референции составляют исключительное множество (см., например, статистику Лонгмановской грамматики, приводимую выше). Поэтому каждый случай нейтрализации оппозиции *this – that* стимулирует новое нарушение оппозиционной зависимости и укрепляет употребление *that* в близкой референции как непреложный языковой факт. Однако переводчик должен руководствоваться узусом и нормой принимающего языка, чем, собственно, и вызывается трансформация *that* в *этот*, а не в *тот* (ситуации 2, 5, 6, 7). Впрочем, как отмечают Е. В. Падучева и Н. М. Стойнова, анафорическая функция в ряде случаев допускает произвольный выбор указательного местоимения [4, с. 15]. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в русском языке редуцирующая активность скорее свойственна местоимению *этот*, чем *тот*.

Отметим также, что участники эксперимента не являлись профессиональными переводчиками, как и не являлись исконными носителями английского языка. А их языковая компетентность не была достаточной, чтобы на интуитивном уровне определять механизмы формирования узуса или нормы принимающего языка. Поэтому в поисках эквивалентов указательных местоимений они руководствовались не узусом-принятыми нормами, а буквализмом. Буквализм же, в свою очередь, наблюдается во всех без исключения типичных ситуациях и имеет несколько проявлений: *mom>that; etom>this; emo>it; emo>this; emo>that*.

² Отметим, что обратный перевод выполнялся несколькими студентами, и в индивидуальных вариантах переводы одного и того же предложения звучали по-разному. Однако в типичных случаях индивидуальные расхождения не затрагивали использование местоимений *this, that, it*.

Таблица 3. Адъективное и Субстантивное употребление местоимений

Table 3. Ajectival and substantive use of pronouns

Ситуация	Оригинал	Профессиональный перевод	Обратный перевод студента
Адъективное			
that>тот>that	At that point in my life, I really didn't care	Впрочем, в том момент меня это мало волновало	But at that moment of my life I didn't care about it
that>этот>this	The move to the flat in Tottenham was a key part of that process	И переезд в Тоттенхэм стал ключевым пунктом этого плана	And accommodation in Tottenham was the main item of this plan
this>этот>this	I wonder whether this guy reminds Bob of someone from his past?	Может этом парень напомнил Бобу кого-то из прошлой жизни?	Can this man remind Bob someone from his past?
this>тот>that	My mother and father had separated by this time	К тому времени родители уже развелись	By that time my parents had already divorced
Субстантивное			
that>это>it	That might make matters even worse	Мне казалось, что от этого коту станет только хуже	I thought that it might make the cat feel worse
that>это>this	I think that's a good idea	Думаю, это хорошая идея	I think this is a good idea
that>это>that	That would have been grossly unfair	Это было бы чудовищно несправедливо	That would be very unfair
this>это>it	Inevitably, this had hit me in the pocket	... я решил, что это зашло слишком далеко	... I decided that this had gone too far

Заключение

Резюмируя изложенное, приведем здесь несколько обобщающих замечаний.

1. В английском языке оппозиция указательных местоимений *this – that* подвергается активной редукции. Выходя за рамки прескрипционного употребления, сильный член оппозиции *that* стремится закрепить за собой статус универсального, способного осуществлять как близкую, так и отдаленную референцию. Множественность прецедентов сформировала узус, который противостоит системе по крайней мере в границах устного общения и в повествовательных жанрах, близких к устной коммуникации.

2. В русском языке оппозиция по близости и отдаленности референции остается в основном в пределах употребления, узаконенного языковой системой.

3. Эти различия создают дополнительные проблемы для изучающих английский язык. Программы по английской грамматике в большинстве российских вузов ограничиваются лишь упоминанием об указательных местоимениях, которые к тому же часто носят лишь декларативный характер. Поэтому студенты в основной своей массе не замечают различий в указательных местоимениях двух языков и переносят опыт их употребления из языка родного в язык изучаемый.

Литература

1. Фоменко Л. Н. Указательное местоимение английского языка как одно из средств языкового дейксиса // Вестник ИМСИТ. 2014. № 3-4. С. 69–71.
2. Самохвалова Е. В. Указательное местоимение *this* как средство идентифицирующей референции // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2012. № 2. С. 351–356.
3. Падучева Е. В. Указательные местоимения // Русская корпусная грамматика. 2016. Режим доступа: http://rusgram.ru/Указательные_местоимения#221 (дата обращения: 12.01.2019).
4. Падучева Е. В., Стойнова Н. М. Указательные местоимения *тот* и *этот* в составе временных показателей // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 4. С. 5–17.
5. Алламурадова С. Д. Цепная межфразовая связь с указательными местоимениями в современном русском языке // Вестник института языков. 2013. Т. 4. № 4. С. 11–17.
6. Раздина Т. И. Функционирование указательных местоимений как средств связи в текстах устной и письменной коммуникации в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 633. С. 158–168.

7. Куликов Л. И. О взаимозаменяемости анафорических местоимений ЭТОТ и ТАКОЙ // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1985. № 1. С. 72–74.
8. Федорова М. А. Местоимения и неоднозначность референциальной отсылки // Научные труды КубГТУ. 2016. № 1. С. 10–17.
9. Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R. Demonstrative Pronouns in Natural Discourse // Proceedings of the Fifth Discourse Anaphora and Anaphora Resolution Colloquium. 2004. P. 81–86.
10. Rahimova D. I., Yusupova Z. F. Semantics and pragmatics of demonstrative pronouns in Russian and Turkic languages // Journal of language and literature. 2015. № 6-2. P. 113–116. DOI: <https://doi.org/10.7813/jll.2015/6-2/22>
11. Rustipa K. The Use of Demonstrative Pronoun and Demonstrative Determiner this in Upper-Level Student Writing: A Case Study // English Language Teaching. 2015. № 8-5. P. 158–166. DOI: <https://doi.org/10.5539/elt.v8n5p158>
12. Vaysi E., Salehnejad L. Spatial and Temporal Deixis in English and Persian // International journal of humanities and cultural studies. 2016. № 6-2. P. 1405–1414.
13. Rabadi R. Demonstrative Pronouns in English and Arabic: Are they Different or Similar? // English Language and Literature Studies. 2016. № 6-1. P. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.5539/ells.v6n1p16>
14. Coventry K., Griffiths D., Hamilton C. Spatial demonstratives and perceptual space: Describing and remembering object location // Cognitive Psychology. 2014. № 69. P. 46–70. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2013.12.001>
15. Тымчук Е. В., Федорова М. А. Факторы, влияющие на выбор указательных местоимений в современном английском языке // Научные труды КубГТУ. 2015. № 3. С. 97–109.
16. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2000. 1204 p.
17. Diessel H. Demonstratives. Form, function, and grammaticalization. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1999. 218 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/COG.2006.015>
18. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высш. шк., 2002. 160 с.
19. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.
20. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Академия, 2004. 352 с.
21. Schendels E. Deutsche Grammatik. М.: Высш. шк., 1979. 397 с.
22. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
23. Хлебникова И. Б. Оппозиции в морфологии. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1969. 132 с.
24. Петина С. С. Оппозиционное замещение в морфологии как объект изучения коммуникативно-парадигматической лингвистики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 1. С. 80–86.
25. Морозова Е. Н. Оппозиционное замещение по категории времени (настоящее-будущее) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 1. С. 188–193.
26. Теренин А. В. Нейтрализация залоговых отношений в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7. Ч. 1. С. 177–180. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.39>
27. Levinson S. C. Deixis and Demonstratives // Manual for the 1999 Field Season / ed. by D. Wilkins. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1999. P. 29–40. DOI: <https://doi.org/10.13140/2.1.2103.7446>
28. Gudde H. B., Coventry K., Engelhardt P. E. Language and memory for object location // Cognition. 2016. № 153. P. 99–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2016.04.016>
29. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.

"That" and "This" vs "Tot" and "Etot"

Alexander V. Terenin ^{a, @}

^a Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, 89, Kazanskaya St., Elabuga, Russia, 423600

[@] Tteerenin@yandex.ru

Received 05.03.2019. Accepted 23.04.2019.

Abstract: The abstracted article summarizes the author's observations concerning the use of the English demonstrative pronouns *this* and *that*. The author focuses on the contradiction between what is prescribed by the language system, and what is accepted by the language community. The contradiction mentioned reveals itself in the tendency of the pronoun *that* to accept the functions of its counterparts by the oppositions of *this* – *that* and *it* – *this* / *that*. The speculations of the author are grounded by the theory of oppositional reduction, the fundamentals of which are shortly described after a brief review of literature devoted to the study of demonstrative pronouns. Next, the author passes to the description of the research procedure, which includes statistical, experimental and analytical components. The author's tools also involve elements of comparative analysis of English and Russian demonstrative pronouns, which was ultimately necessary for the implementation of the didactic task. The author's reasoning is accompanied by text illustrations, from which it follows that the main condition contributing to the reduction of the opposition by proximity is anaphoric reference, which is most often accompanied by the stressed position of the pronoun. In conclusion, the author notes the tendency of the pronoun *that* to secure the status of a universal demonstrative, capable of representing both *this* and *it*. This circumstance constitutes one of the specific features of the English demonstrative pronouns in relation to Russian ones, which, in turn, creates additional problems for Russian learners of English.

Keywords: demonstrative pronouns, reference, oppositional reduction, neutralization, transposition, anaphoric reference, antecedent

For citation: Terenin A. V. "That" and "This" vs "Tot" and "Etot". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 850–859. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-850-859>

References

1. Fomenko L. N. English demonstrative pronouns as one of the linguistic deictic resources. *Vestnik IMSIT*, 2014, (3-4): 69–71. (In Russ.)
2. Samokhvalova E. V. The demonstrative pronoun *this* as a means of identifying reference. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*, 2012, (2): 351–356. (In Russ.)
3. Paducheva E. V. Demonstrative pronouns. *Russian corpus grammar*. 2016. Available at: http://rusgram.ru/Ukazatel'nye_mestoimeniia#221 (accessed 12.01.2019). (In Russ.)
4. Paducheva E. V., Stoyanova N. M. Demonstrative pronouns 'tot' (that) and 'etot' (this) as components of tense markers. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2017, 76(4): 5–17. (In Russ.)
5. Allamurodova S. D. The connection between the words by means of demonstrative pronouns. *Vestnik instituta iazykov*, 2013, 4(4): 11–17. (In Russ.)
6. Razdina T. I. Functioning of the demonstrative pronouns as means of cohesion in texts of oral and written communication in the English language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, (633): 158–168. (In Russ.)
7. Kulikov L. I. Replaceability of anaphoric pronouns ETOT and TAKOI. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1985, (1): 72–74. (In Russ.)
8. Fedorova M. A. Pronouns and the ambiguity of pronoun reference. *Nauchnye trudy KubGTU*, 2016, (1): 10–17. (In Russ.)
9. Gundel J. K., Hedberg N., Zacharski R. Demonstrative Pronouns in Natural Discourse. *Proceedings of the Fifth Discourse Anaphora and Anaphora Resolution Colloquium*, 2004, 81–86.
10. Rahimova D. I., Yusupova Z. F. Semantics and pragmatics of demonstrative pronouns in Russian and Turkic languages. *Journal of language and literature*, 2015, (6-2): 113–116. DOI: <https://doi.org/10.7813/jll.2015/6-2/22>
11. Rustipa K. The Use of Demonstrative Pronoun and Demonstrative Determiner *this* in Upper-Level Student Writing: A Case Study. *English Language Teaching*, 2015, (8-5): 158–166. DOI: <https://doi.org/10.5539/elt.v8n5p158>
12. Vaysi E., Salehnejad L. Spatial and Temporal Deixis in English and Persian. *International journal of humanities and cultural studies*, 2016, (6-2): 1405–1414.

13. Rabadi R. Demonstrative Pronouns in English and Arabic: Are they Different or Similar? *English Language and Literature Studies*, 2016, (6-1): 16–27. DOI: <https://doi.org/10.5539/ells.v6n1p16>
14. Coventry K., Griffiths D., Hamilton C. Spatial demonstratives and perceptual space: Describing and remembering object location. *Cognitive Psychology*, 2014, (69): 46–70. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2013.12.001>
15. Tymchuk E. V., Fedorova M. A. Factors influencing the referential choice of demonstrative pronouns in the English language. *Nauchnye trudy KubGTU*, 2015, (3): 97–109. (In Russ.)
16. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman grammar of spoken and written English*. Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2000, 1204.
17. Diessel H. *Demonstratives. Form, function, and grammaticalization*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1999, 218. DOI: <https://doi.org/10.1515/COG.2006.015>
18. Blokh M. Ia. *Theoretical outline of English grammar*. Moscow: Vyssh. shk., 2002, 160. (In Russ.)
19. Trubetskoi N. S. *Fundamental of phonology*. Moscow: Aspekt-Press, 2000, 352. (In Russ.)
20. Moskalskaja O. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moscow: Akademiia, 2004, 352.
21. Schendels E. *Deutsche Grammatik*. Moscow: Vyssh. shk., 1979, 397.
22. Bondarko A. V. *Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage)*. Moscow: Prosveshchenie, 1971, 239. (In Russ.)
23. Khlebnikova I. B. *Oppositions in morphology*. Moscow: MOPI im. N. K. Krupskoi, 1969, 132. (In Russ.)
24. Petina S. S. The oppositional substitution in morphology as the research object in communicative paradigmatic linguistics. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta*, 2014, (1): 80–86. (In Russ.)
25. Morozova E. N. Oppositional substitution by the category of tense (present – future). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2008, (1): 188–193. (In Russ.)
26. Terenin A. V. Neutralization of voice relations in the English language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (7-1): 177–180. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.39> (In Russ.)
27. Levinson S. C. Deixis and Demonstratives. Manual for the 1999 Field Season, ed. D. Wilkins. Nijmegen. *Max Planck Institute for Psycholinguistics*, 1999, 29–40. DOI: <https://doi.org/10.17617/2.2573810>
28. Gudde H. B., Coventry K., Engelhardt P. E. Language and memory for object location. *Cognition*, 2016, (153): 99–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2016.04.016>
29. Skrebnev Iu. M. *Theoretical outline of stylistics*. Gorkii, 1975, 175. (In Russ.)

Структура и свойства концепта *экономический заголовок* в немецкоязычной лингвокультуре

Светлана В. Чертоусова^{a, @, ID}

^a Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 430005, Россия, г. Саранск,

ул. Большевикская, 68

@ pippi-langstrumpf@yandex.ru

ID <http://www.researcherid.com/rid/Y-9741-2018>

Поступила в редакцию 19.03.2019. Принята к печати 13.06.2019.

Аннотация: В статье представлены результаты анализа заглавий статей на экономическую тематику из немецкоязычных периодических изданий в период после мирового экономического кризиса. Дается теоретическое обоснование концептуальной природы газетно-журнального заголовка, выделяются его свойства как текстового лингвокультурного концепта. Вербальные репрезентанты концепта *экономический заголовок*, существующего в континууме немецкоязычного экономического медиадискурса, составляют предмет настоящего исследования. Особое внимание уделяется описанию процесса когниции заглавия реципиентом посредством интерпретации заключенного в нем предзнания. В результате анализа выявлены различные когнитивные стратегии журналистов и варьирование вербального наполнения заглавий. Все множество заголовков статей экономической тематики, существующих в немецкоязычной журналистике, признаются актуализаторами концепта *экономический заголовок*. Неизменным при их конструировании является активное включение элементов заголовочного комплекса в процесс когниции текста. Многоуровневая структура позволяет вместить в заглавие максимальный объем информации и предоставить реципиенту необходимый объем предзнания о тематике статьи. Такой подход, ускоряющий процесс когниции заглавия, продиктован недостатком времени у читателя для ознакомления с полным текстом статьи. Принятые нормы построения заглавия как элемента газетно-журнального текста отражают познание экономической реальности в немецкоязычной лингвокультуре.

Ключевые слова: когнитивный потенциал, предзнание, заглавие, заголовочный комплекс, рубрика, экономический медиадискурс, интернет-журналистика

Для цитирования: Чертоусова С. В. Структура и свойства концепта *экономический заголовок* в немецкоязычной лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 860–868. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-860-868>

Введение

Предметная область современной когнитивной лингвистики не ограничивается отдельными словами и словосочетаниями, объективирующими концепты в языке. Принимая во внимание тот факт, что связный текст является продуктом ментальной деятельности автора, концептами признаются любые элементы текста, в том числе и заглавия газетно-журнальных статей.

Несмотря на новизну в представлении заголовка как концепта, отметим некоторые положения современной теории, приемлемые для его изучения. В литературоведении заголовок текста уже провозглашался концептом, в котором заключена основная мысль автора художественного текста [1–3]. В исследованиях подобного рода делается акцент на соотношении заглавия и текста: к примеру, диссертация А. В. Суртаевой посвящена характеристике

и выявлению специфических черт заголовка как ключевого элемента информационной структуры художественного текста [4]. Относительно заголовков статей в периодических изданиях можно отметить, что для них типична большая автономность, т. е. в ряде случаев реципиент ограничивается только просмотром заглавий, не обращаясь к полному тексту статьи. Отсюда можно сделать вывод о содержательно-семантической самодостаточности газетно-журнального заголовка. А значит, структура и концептуальные свойства заглавия могут исследоваться как самостоятельный конструкт вне связи с текстом.

Поскольку заголовок является текстовой единицей, следует обратиться также к исследованиям в области текстового концепта, под которым понимается «фрагмент картины мира, репрезентированной в рамках некоторого текста как замкнутой системы» [5, с. 12]. Вслед за термином

текстовый концепт в лингвистике укрепились и активно используются понятия синтаксический концепт [6], морфологический концепт [7], фразеологический концепт [8], более широкие по содержанию, чем «традиционные» лексические концепты. Предложенный О. В. Орловой когнитивно-стилистический подход к анализу концептов [9] существенно расширяет границы исследования текстовых концептов: они анализируются и в политическом дискурсе [10], и в народных сказках [11].

Предметом настоящего исследования стали заглавия статей экономической тематики на немецком языке. Представляется возможным применить к ним термин *концепт* как представление о данном элементе газетно-журнального текста, локализованное в сознании автора, старающегося вербализовать это представление таким образом, чтобы оно стало носителем нужного ему содержания и при этом делающего это с учетом современной практики составления заголовков, существующей в немецкоязычной лингвокультуре. То есть применительно к экономическому заголовку как концепту можно утверждать, что его содержание и модель построения отражают функционирование основных механизмов познания человеком окружающего мира в немецкоязычной лингвокультуре, а точнее, познание одного фрагмента мира – экономической реальности. Таким образом, основной задачей исследования является анализ синтаксической организации и вербального наполнения заглавий и заголовочных комплексов, представляющих собой структуру и свойства концепта *экономический заголовок*. Кроме того, систематизация требований, предъявляемых к заголовкам в немецкоязычной журналистике, позволит обозначить место концепта *экономический заголовок* в границах немецкоязычного экономического медиадискурса.

Особенностью рассматриваемого концепта является то, что его семантико-синтаксическое наполнение вариативно, поскольку заголовок привязан к тексту статьи, а тексты не могут полностью дублировать друг друга. В отличие от художественного дискурса, где разные тексты могут иметь одинаковый заголовок [12, с. 34], для публицистики подобное явление не характерно. В исследуемом материале случаев дублирования заглавий выявлено не было. Таким образом, под концептом *экономический заголовок* мы будем понимать совокупность всех существующих в журналистике заголовков, ограниченную устоявшейся традицией построения заглавий и реализованную в лингвистическом аспекте в многообразных способах их языковой актуализации. Существование традиции построения газетно-журнального заголовка по определенным канонам подтверждают, на наш взгляд, критерии и рекомендации, выработанные в современной немецкоязычной журналистике и отраженные в учебных пособиях для студентов, научных статьях,

а также в интернет-блогах. Именно единство выделенных требований как в традиционной, так и в онлайн-журналистике позволяет нам расценивать заглавие как целостный концепт, обладающий общими признаками и свойствами.

К заголовку вполне применимо определение концепта как «кванта структурированного знания» [13, с. 4]. Следовательно, процесс интерпретации заголовка читателем есть не что иное как познание текста, т. е. его когниция. Одно из старейших представлений о когниции – это её трактовка как «предзнания» в истолковании текста [14, с. 5]. В настоящей статье мы исходим из положения, что газетно-журнальный заголовок представляет собой предзнание, адресованное реципиенту и предвещающее чтение им текста статьи по следующему принципу: прежде чем реципиент познает текст статьи, он должен познать сам заголовок. Из этого следует, что автор, а вместе с ним и редактор конструируют заголовок таким образом, чтобы он содержал определенный когнитивный потенциал, способствующий его постижению. С этой точки зрения рассматривается такой феномен, как когниция заголовка, т. е. концептуальное представление предзнания тех сфер действительности, которым посвящена статья.

Практическим материалом для исследования послужили заголовки и заголовочные комплексы трех немецкоязычных периодических изданий: специализированного экономического журнала *Wirtschaftswoche*, специализированной газеты *Handelsblatt* и экономической рубрики из универсально-тематического журнала *Der Spiegel* за 2010–2013 гг. Данный временной промежуток выбран в связи с повышенным интересом в обществе к сфере экономики в посткризисный период. С нашей точки зрения, специализированные и неспециализированные издания вмещают все жанрово-стилистическое разнообразие текстов экономической тематики, направленных на максимально широкий круг реципиентов – читателей прессы в целом, что позволяет с большей степенью достоверности определить и описать наполнение концепта *экономический заголовок* в немецкоязычной лингвокультуре.

Материал отобран методом сплошной выборки с последующим ситуативно-контекстуальным анализом. Описание процесса когниции в сфере экономической деятельности осуществляется посредством анализа структуры и вербального наполнения заголовочных комплексов статей. На примере заглавий материалов, посвященных одной теме или новости, выявляются различные когнитивные стратегии авторов представления информации в газетно-журнальном пространстве. Статистический метод позволяет судить о количественных характеристиках использования лексических и синтаксических единиц, являющихся актуализаторами концепта *экономический заголовок* в немецкоязычной лингвокультуре.

Структура текстового концепта *экономический заголовок*

Описание свойств концепта предполагает определение его структуры. Выделение компонентов концепта напрямую зависит от цели исследования. Различные способы структурирования концептов были предложены Ю. С. Степановым, С. Г. Воркачевым, В. И. Карасиком, Г. Г. Слышкиным (см. [15, с. 104–106]). Этапы процесса когнции экономического заглавия возможно проследить на основе анализа типа заголовочного комплекса, его синтаксической модели и лексического наполнения. Значит, лексические единицы, синтаксические конструкции и структурные части заголовочного комплекса будут являться компонентами концепта *экономический заголовок*.

К языковым средствам структурирования предзнания отнесем в первую очередь фактор рубрикации и структуру заголовочного комплекса с точки зрения их когнитивной роли. Строго говоря, семантический компонент будет извлекаться здесь из семиотического компонента, поскольку пространственное расположение элементов заголовочного комплекса фактически представляет собой не языковой, а визуальный код, сближающий заголовочный комплекс с изображениями пространственного характера, такими как схема, график и т. п.

В состав заголовочного комплекса входят помимо собственно заголовка подзаголовок, рубрика, лид, шапка, врез и пр. [16, с. 109]. Все эти элементы текста занимают внетекстовые позиции и содержат информацию, необходимую для правильной интерпретации статьи. Заголовочный комплекс придает газетному тексту структурированность и иерархичность, следствием чего является акцентирование в нем наиболее важных деталей сообщения и обозначение примерного процесса когнции реципиентом всего материала по замыслу автора. Как показал анализ экономических изданий, крупные статьи часто озаглавливаются заголовочными комплексами, в которые входят рубрики: в каждом номере газеты *Handelsblatt* 40 % заглавий содержат рубрику, в журнале *Wirtschaftswoche* частотность рубрикации составляет 60 %, а доля заголовочных комплексов экономических статей в журнале *Der Spiegel* достигает 95 %.

Опишем процесс когнции следующего заглавия из журнала *Der Spiegel*, содержащего рубрику: *Arbeitsmarkt // Wettlauf der Populisten // Die Parteien überbieten sich mit Vorschlägen für eine Hartz-IV-Reform. SPD und Union wollen die Leistungen für Arbeitslose ausbauen, die FDP fordert mehr Staatshilfen für Arbeitende. Den Plänen ist gemeinsam: Sie sind derzeit nicht zu bezahlen*¹ (Рынок труда // Гонки

популистов // Партии выдвигают множество предложений по реформе программы *Hartz IV*. СДПГ и Союз хотят расширить спектр услуг, предоставляемых безработным, Свободные демократы требуют больше помощи со стороны государства для работающих. У всех этих проектов общее только одно: в настоящий момент на них не хватит бюджетных средств²). Статья занимает четыре страницы и снабжена графиками и фотографиями политиков, упоминаемых в тексте. Непосредственно заголовок *Wettlauf der Populisten* является интригующим и не позволяет определить тематику статьи. Следовательно, можно предположить, что реципиент обратится к подзаголовку, где кратко резюмируется новость о дебатах в немецком парламенте по поводу реформ в рамках программы *Hartz IV*, затрагивающих рынок труда. Такова, по нашему мнению, стратегия журналиста – автора данной статьи.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что в процессе окончательной верстки номера над статьей продолжает работу редактор, в обязанности которого входит размещение материала на газетной полосе и при необходимости рубрикация. Именно результаты его работы по структурированию подаваемой информации в удобном для усвоения виде мы и наблюдаем в рассматриваемом примере. Редактор наряду с автором участвует в доведении до реципиента содержания заголовка посредством конструирования информации предваряющего характера. Прежде чем реципиент предпримет попытку интерпретации заголовка, он по мысли редактора должен сосредоточиться на некоторых общих сведениях, касающихся содержания статьи. Рубрика *Arbeitsmarkt* (Рынок труда) периодически появляется в экономическом разделе журнала *Der Spiegel* в рассмотренный период, поэтому она, скорее всего, знакома постоянным читателям еженедельника. Обладая сформированным ранее предзнанием об основных проблемах на рынке труда Германии и, соответственно, потенциальных темах в рамках вышеназванного раздела, реципиенты значительно быстрее интерпретируют заголовок. Следовательно, рассмотренная стратегия редактора ускоряет процесс понимания заглавия.

Помимо рубрики еще одним регулятором процесса когнции является шапка – надзаголовочный элемент, типичный в первую очередь для газеты. Отличие шапки от рубрики состоит в том, что она объединяет несколько общих по тематике статей, при этом сообщаемой в шапке информации придается исключительная важность, что делает ее факультативным элементом заголовочного комплекса. Шапки используются в газете только в случае

¹ Der Spiegel. 2010. № 3. S. 60.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

необходимости [17, с. 149], в том числе и с целью сообщить реципиенту дополнительную информацию-предзнание относительно темы статьи.

Обратимся к выпуску газеты *Handelsblatt*, где на двух страницах под шапкой *Unruhen in Nordafrika* (Беспорядки в северной Африке) размещаются следующие статьи:

- N. Walter: *Ein Marshall-Plan hilft nicht* (Н. Вальтер: План Маршалла здесь не поможет);
- *Gaddafi kämpft, der Westen streitet // Immer heftiger greift Libyens Diktator Gaddafi die von der Opposition eingenommen Städte an. Nun will Venezuela eine Verhandlungslösung erreichen* (Кадаафи борется, Запад ссорится // Все ожесточенней диктатор Ливии Кадаафи нападает на города, занятые оппозицией. Венесуэла хочет достичь мирного разрешения конфликта);
- *Lampedusa: Wenn Libyen erst die Tore öffnet...* (Лампедуза: Если вдруг Ливия распахнет свои двери...);
- *Ägypten: Das Militär treibt Reformen voran und den Premier aus dem Amt*³ (Египет: Военные ускоряют проведение реформ и смещают премьер-министра с должности).

Анализ практического материала подтверждает существующую в мировой журналистике тенденцию помещения в заголовочные комплексы газет максимального объема информации: в рассмотренных номерах газеты *Handelsblatt* 80 % заглавий и заголовочных комплексов относятся к категории информирующих (в отличие от интригующих заглавий, призванных в первую очередь привлечь внимание читателя к материалу). Это в какой-то степени «избавляет» читателя от необходимости обращения к полному тексту статьи, позволяя использовать просмотровое или «лоскутное» чтение (термин Э. А. Лазаревой [18, с. 142]). Такой тип интерпретации реципиентом газетного материала обусловлен постоянно увеличивающимся объемом информации и, соответственно, недостаточным количеством времени у современного читателя для глубокого ознакомления со всеми материалами отдельного номера издания. По этой причине реципиент часто ограничивается прочтением заголовков статей, что требует от журналистов разработки нового формата взаимодействия формы и содержания в газетном тексте с целью облегчения ориентации в огромных объемах информации [19, с. 94]. Одним из средств ускорения когниции заголовка является шапка, которая делает заглавие более «прозрачным» и упорядочивает информацию в пределах каждого номера. Таким образом, при беглом прочтении заголовочных комплексов статей с общей тематикой *Unruhen in Nordafrika* предзнание

помогает реципиенту сформировать общее представление о политической ситуации в указанном регионе, а обращение к текстам статей не обязательно.

Примечательным с точки зрения когниции заглавия представляется пример альтернативной стратегии построения экономического заглавия, когда читатель вынужден возвратиться к интригующему заголовку после прочтения полного текста статьи с целью повторного осмысления его содержания. Подобные интригующие заглавия не позволяют реципиенту определить тематику статьи, намеренно вводя его в заблуждение. Обратимся к следующему примеру из журнала *Der Spiegel*: *Telekom setzt auf Wolke*⁴ (досл. Телеком делает ставку на облако). Статья посвящена развитию «облачных» технологий немецкой телекоммуникационной компанией *Telekom*. Термин из области IT-технологий *облачные услуги* в русском языке является калькой английского выражения *cloud service*, под которым понимается удаленный сервис в Интернете для предоставления множества аппаратных услуг зарегистрированным пользователям. Автор статьи использует прием метонимического переноса и включает в заглавие не существующее в немецком языке выражение *auf Wolke setzen*. Собственно заголовков не содержит никакого предзнания о сообщении, а об игре слов читатель может догадаться лишь после знакомства с полным текстом статьи. Кроме того, без знания значения английского термина правильная интерпретация заголовка невозможна.

При когниции заглавий подобного рода существует вероятность того, что реципиент не захочет ни читать материал полностью, ни повторно возвращаться к заголовку для его повторного осмысления. Вероятно, этим объяснима низкая частотность применения данной когнитивной стратегии в заглавиях рассмотренных экономических статей. Такое структурирование предзнания является скорее исключением, чем правилом в немецкоязычной журналистике.

Вербализация концепта экономического заголовка в современной прессе

Для дальнейших рассуждений относительно концептуальной природы газетно-журнального заголовка представляется необходимым подробнее остановиться на соотношении понятий *концепт* и *семантика*. Термин *семантика* обозначает в современной лингвистике помимо значения слова раздел семиотики, изучающий семантику слов. Семиотический аспект семантики газетно-журнального заголовка был продемонстрирован выше на примерах заголовочных комплексов. Что касается значений слов

³ Handelsblatt. 2011. № 45. S. 18.

⁴ Der Spiegel. 2012. № 8. S. 68.

и предложений в отдельно взятом языке, то их совокупность входит в языковую картину мира народа. Сознание немецкоязычных реципиентов – постоянных читателей экономических текстов – связывает все прочитанные ими заголовки в единое целое, формируя концепт *экономический заголовок*. При этом в данном случае речь идет об экономических заголовках на немецком языке вообще безотносительно к их авторству и источнику. Таким образом, концепт *экономический заголовок* является частью экономической картины мира.

Следует принять к сведению и теорию немецкого логика и философа Готлоба Фреге, сформулированную им в русле логической семантики. Принцип взаимозаменяемости теории Фреге гласит, что имя, обозначая свой денотат, выражает некоторый смысл, который является его концептом. При этом один и тот же денотат может определяться различными концептами и наоборот: различные имена могут иметь одинаковый смысл, в таком случае они будут называться синонимами [20, с. 230].

Применительно к множеству заголовков статей экономической тематики на немецком языке, выступающих актуализаторами концепта *экономический заголовок*, можно выдвинуть предположение, что в процессе их создания авторы вкладывают в них сходные смыслы и руководствуются едиными установленными в немецкоязычной журналистике правилами конструирования текстов подобного рода. Эти правила зафиксированы в современных пособиях для журналистов, а также в интернет-источниках [21–24]. Отдельно следует выделить исследования в области онлайн-журналистики – новом направлении, появившемся в начале XXI в. в связи с бурным развитием интернет-технологий [25–27].

При этом общие принципы построения заголовков выработаны для журналистики в целом, но могут быть применимы и к сфере экономических публикаций. К ним относятся требования к модели построения заголовка, к его содержанию, а также к его лексическому и грамматическому наполнению, среди которых доминантными являются следующие:

1) построение информирующего заголовка в виде распространенного предложения, а интригующего – в виде словосочетания с дополнительной информацией о теме статьи в подзаголовке;

2) ясность и полное сообщение темы статьи в информирующих заголовках для получения реципиентом максимального количества информации за короткий промежуток времени;

3) краткость и точность формулировки заголовка, особенно характерная для онлайн-версий изданий;

4) упрощенный синтаксис используемых в заголовках конструкций;

5) преобладание глагольной лексики в качестве ядра заголовка;

6) учет целевой читательской аудитории при включении в заголовки имен собственных и специальной лексики.

Тем не менее из рассмотренных выше практических примеров становится очевидно, что вербализация концепта *экономический заголовок* в разных изданиях варьируется. Принадлежность анализируемых заголовочных комплексов из трех изданий к одному временному промежутку дает возможность их сопоставления и выявления сходств и различий в их вербальном оформлении. Например, значительное количество статей в специализированных экономических изданиях *Wirtschaftswoche* и *Handelsblatt*, а также в экономической рубрике журнала *Der Spiegel* посвящено финансовому кризису. В рассмотренных заголовках были найдены как отдельные заголовки, так и заголовочные комплексы статей по данной тематике. К примеру, о повышении цен на продукты и услуги во всем мире сообщается следующим образом:

- *Lebensmittel sind global so teuer wie seit 20 Jahren nicht mehr*⁵ (Продукты питания во всем мире уже 20 лет не были настолько дорогими);
- *Zeit zum Sparen // Die Schuldenpolitik Amerikas hat jedes gesunde Maß überschritten. Daher sollte die Bundesregierung die US-Kritik am deutschen Sparpaket ignorieren, sagt Hans-Werner Sinn*⁶ (Время экономить // Американская политика регулирования долговых обязательств перешла все разумные пределы. Федеральному правительству не следовало бы прислушиваться к критике США немецкого пакета экономических мер, считает Ханс-Вернер Синн);
- *Währung // Die Preisfrage // Der Liter Benzin jenseits von 1,50 Euro, und auch Getreide und Strom, Wohnungsmieten und kommunale Gebühren werden immer teurer. Die Inflation nimmt wieder Fahrt auf, sie wird zur Bedrohung für den Wohlstand*⁷ (Валюта // Вопрос цены // Литр бензина уже перешагнул отметку 1,5 евро; хлеб, электричество, аренда жилья и коммунальные услуги также дорожают. Инфляция вновь ускоряется и угрожает благосостоянию населения).

Первый заголовок из газеты *Handelsblatt* является информирующим и кратко передает основное содержание

⁵ Handelsblatt. 2011. № 45. S. 34.

⁶ Wirtschaftswoche. 2010. № 27. S. 42.

⁷ Der Spiegel. 2011. № 2. S. 66.

небольшой по объему заметки: еще никогда прежде продукты питания не стоили так дорого. В случае недостатка времени читатель вполне может ограничиться знакомством с заглавием, поскольку помещенное в него предзнание представляет собой завершенное сообщение, не требующее уточнений или дополнительной информации.

Заголовок *Zeit zum Sparen* из журнала *Wirtschaftswoche* также заключает в себе основную мысль статьи – необходимость сокращения расходов бюджета в кризисное время. Подзаголовок здесь уточняет содержание, подчеркивая необоснованность критики некоторых американских экономистов утвержденного пакета экономических мер в Германии. В данном случае процесс когнитивной деятельности от общего к частному: неблагоприятная финансовая ситуация в мире проецируется на комплекс мер по борьбе с кризисом отдельной страны.

Интерпретация заголовка из журнала *Der Spiegel* невозможна без знакомства с рубрикой и подзаголовком. Состоящее всего из одного существительного заглавие *Preisfrage* (вопрос цены) является достаточно абстрактным понятием, не позволяющим реципиенту получить какое-либо предзнание о содержании статьи. Прецизионная лексика для правильной интерпретации заголовочного комплекса расположена в подзаголовке, а рубрика скорее классифицирует материал в пределах одного выпуска журнала, нежели влияет на процесс когнитивной деятельности.

Схожая ситуация с варьированием вербального наполнения заглавий статей по одной тематике наблюдается в сообщениях о зависимости европейских стран от поставок российской нефти:

- *Rohöl // Abhängigkeit von Russland wächst*⁸ (Нефть // Зависимость от России растет);
- *Und jährlich grüßt der Energiekonflikt mit Russland // Wegen Differenzen über den Preis stoppt Moskau vorübergehend den Öltransit durch Weißrussland. Und mit der Ukraine droht der nächste Gasstreit*⁹ (И вновь разгорается энергетический конфликт с Россией // Из-за разногласий в цене Москва временно блокирует транзит нефти через Белоруссию. С Украиной возможны споры по «газовому вопросу»).

В то время как заголовок из журнала *Der Spiegel* кратко передает основное содержание сообщения, заглавие из газеты *Handelsblatt* обозначает тему материала, однако содержит исключительно эмоционально-оценочную информацию – мнение автора о сложившейся ситуации. Такой пример подтверждает существование в немецкой лингвокультуре заглавий с ярко выраженной авторской коннотацией.

Приведенные выше примеры иллюстрируют разнообразие когнитивных стратегий авторов при освещении одной темы или события: интригующие заглавия побуждают читателя обратиться к полному тексту статьи, при этом их содержательность отходит на второй план. Использование рубрикации, напротив, позволяет ускорить процесс когнитивной деятельности и сообщить реципиенту необходимое предзнание для правильной интерпретации текста. Шапка используется для акцентирования информации, представляющей, по мнению автора, особую значимость для понимания содержания статьи.

Каждая из указанных выше стратегий может преобладать при произвольной выборке заглавий в зависимости от типа передаваемого сообщения, политики издания или авторских предпочтений. Тем не менее нельзя считать отдельную модель заголовка или стратегию его построения единственно верной, т. к. все они имеют право на существование при условии выполнения заглавием его основной функции – названия текста.

Заключение

Предпринятый анализ заголовочных комплексов статей по экономике на немецком языке, сопровождаемый теоретическими обоснованиями выдвигаемых положений, позволяет описать процесс когнитивной деятельности заголовка как предзнание об экономической действительности, сообщаемое автором реципиенту посредством структурных и лексико-синтаксических средств. Ментальная природа конструирования заглавия дает возможность перенесения исследований такого рода в сферу когнитивной лингвистики и квалификация заголовка как концепта. Таким образом, под концептом *экономический заголовок* в статье понимается унифицированная модель всех заглавий статей экономической тематики, созданных в определенный промежуток времени (в данном случае начало XXI в.) в немецкоязычной лингвокультуре, а также типичный набор лексических средств, необходимых для их вербализации.

Заголовок экономического текста, рассмотренный в формате текстового концепта, видится как достаточно самостоятельная единица, призванная не только сообщать о содержании текста, но и являться носителем собственных содержательных признаков. Общие характеристики, присущие рассмотренным заголовкам и заголовочным комплексам, представляют собой свойства концепта *экономический заголовок*.

⁸ Der Spiegel. 2010. № 1. S. 53.

⁹ Handelsblatt. 2010. № 2. S. 16.

Описываемая ментальная деятельность продуцента в процессе создания заглавия отражает часть экономической картины мира немецкого народа, а особенности составления заголовка как элемента газетного текста и предъявляемые к нему требования составляют этнокультурную специфику описываемого концепта.

Полученные результаты представляют практический интерес для лингвокультурологических исследований языковой картины мира народов, а обращение к текстам СМИ делает исследование актуальным для специалистов в области медиакommunikation и переводоведения.

Литература

1. Васильева Т. В. Когнитивные механизмы формирования и функционирования заголовка // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 154–171.
2. Веселова Н. А. Онтология заглавия в лирике // Проблемы и методы исследования литературного текста. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1997. С. 25–33.
3. Ракитина С. В., Ефремова Н. В. Заглавие как основной текстовый концепт (на материале книг Н. М. Амосова «Мысли и сердце» и Ф. Гуглова «Сердце хирурга») // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 48–53.
4. Суртаева А. В. Заглавие художественного текста как элемент его информационной структуры: на материале англоязычных художественных произведений XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 21 с.
5. Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 283 с.
6. Тарасенко Е. В. К вопросу о базовых синтаксических концептах // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 117–120.
7. Беседина Н. А. Морфология: от морфемы к морфологически передаваемому концепту // Научный результат. 2015. № 1. С. 4–13.
8. Ковалева Л. В. Особенности фразеологических концептов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 4. С. 85–92.
9. Орлова О. В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 34–37.
10. Камышева О. С., Петров М. В. Культурные концепты в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 268–270.
11. Болонева М. Л. Концепты Woman и Man в дискурсе сказки // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. С. 41–49.
12. Турлачова Е. Ю. Заголовок англоязычного прозаического текста в аспекте его структурной модели (на материале коротких рассказов XIX–XXI веков) // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 1-2. С. 33–40.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. 32 с.
14. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
16. Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 165 с.
17. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект-Пресс, 2004. 288 с.
18. Лазарева Э. А. Конституирующие особенности интернет-рекламы // Политическая лингвистика. 2008. № 3. С. 142–148.
19. Зекеева П. М., Морозова М. Е. Заголовочный комплекс как социотехнический конструкт в немецкой публицистике // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего: межвуз. сб. науч. тр. Пенза, 2011. Вып. 15. С. 93–97.
20. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект-Пресс, 2000. 512 с.
21. Schneider W., Esslinger D. Die Überschrift: Sachzwänge – Fallstricke – Versuchungen – Rezepte. Wiesbaden: Springer VS, 2015. 178 S.
22. Hooffacker G. Journalismus lehren: 10 Jahre Journalistenakademie. München: Verlag Dr. Gabriele Hooffacker, 2010. 147 S.
23. Thompson M. 10 questions to help you write better headlines // The Complete Guide to Article Writing: How to Write Successful Articles for Online and Print Markets. Writer's Digest Books, 2013. 298 p.
24. Liesem K. Professionelles Schreiben für den Journalismus. Springer-Verlag, 2015. 173 S.

25. Machill M. Journalistische Recherche im Internet: Bestandsaufnahme journalistischer Arbeitsweisen in Zeitungen, Hörfunk, Fernsehen und Online. Berlin: Vistas, 2008. 406 S.
26. Neuberger Ch. Journalismus im Internet: Profession – Partizipation – Technisierung. Berlin: Springer-Verlag, 2009. 354 S.
27. Fraas C., Meier S., Pentzold Ch. Online-Diskurse: Theorien und Methoden transmedialer Online-Diskursforschung. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2014. 432 S.

Structure and Characteristics of the Concept "Economic Headline" in German Linguaculture

Svetlana V. Chertousova ^{a, @, ID}

^a Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya St., Saransk, Russia, 430005

@ pippi-langstrumpf@yandex.ru

ID <http://www.researcherid.com/rid/Y-9741-2018>

Received 19.03.2019. Accepted 13.06.2019.

Abstract: The research features an analysis of the headlines of economic articles published in German periodicals after the global economic crisis. The paper gives a theoretical basis of the conceptual nature of headlines and characterizes the phenomenon as a textual linguacultural concept. The subject of the present research is verbal representations of the concept "economic headline" to be found in German economic media discourse. The paper focuses on the description of the process of headline cognition that the recipient performs by interpreting the foreknowledge inherent to a headline. The analysis revealed different cognitive strategies of text producers and the variation in the verbal content of headlines. All the headings of economic articles published in German periodicals actualize the concept of "economic heading". The frequent inclusion of headline complex elements into the process of text cognition is typical for modern economic headlines. Their multilevel structure allows keeping the maximum information content as it provides the recipient with the necessary foreknowledge concerning the subject area of the article. This method accelerates the headline cognition process and results from the fact that the recipient has no time to read the whole article. The established norms of headline construction in German journalism reflect the cognition of economic reality in German linguaculture.

Keywords: cognitive potential, foreknowledge, headline, headline complex, section, economic media discourse, online journalism

For citation: Chertousova S. V. Structure and Characteristics of the Concept "Economic Heading" in German Linguaculture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 860–868. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-860-868>

References

1. Vasiljeva T. V. Cognitive mechanisms for the shaping and functioning of headline. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2006, (1): 154–171. (In Russ.)
2. Veselova N. A. Heading ontology in lyric poetry. *Problems and methods of literary text research*. Tver': Izd-vo Tver. un-ta, 1997, 25–33. (In Russ.)
3. Rakitina S. V., Efremova N. V. The title as the main text concept (based on a study of N. M. Amosov's "Hearts and Minds" and F. G. Uglov's "The Heart of a Surgeon"). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, (2): 48–52. (In Russ.)
4. Surtaeva A. V. *Headline of literary text as an element of its information structure: based on headlines of English literary texts of XX–XXI centuries*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saint-Petersburg, 2012, 21. (In Russ.)
5. Churilina L. N. *Lexical structure of literary text: principles of anthropocentric approach*. Saint-Petersburg: RGPU im A. I. Gertsena, 2002, 283. (In Russ.)

6. Tarasenko Ye. V. To the question of the basic syntax concepts. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, (5): 117–120. (In Russ.)
7. Besedina N. A. Morphology: from morpheme to morphological concept. *Nauchnyi rezul'tat*, 2015, (1): 4–13. (In Russ.)
8. Kovaleva L. V. Specific features of phraseological concepts. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 2018, (4): 85–92. (In Russ.)
9. Orlova O. V. On cognitive-stylistic and cognitive-discursive approaches to the study of concepts. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2009, (326): 34–37. (In Russ.)
10. Kamysheva O. S., Petrov M. V. Cultural concepts in politic discourse. *Politicheskaya lingvistika*, 2015, (1): 268–270. (In Russ.)
11. Boloneva M. L. Concept Woman and Man in the discourse of fairy tales. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, (1): 41–49. (In Russ.)
12. Turlacheva E. Yu. Headline of English prosaic text in terms of its structure model (based on short stories of XX–XXI centuries). *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (1-2): 33–40. (In Russ.)
13. Popova Z. D., Sternin I. A. *The notion of "concept" in linguistic research*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1999, 32. (In Russ.)
14. Demiankov V. Z. Cognition and text understanding. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2005, (3): 5–10. (In Russ.)
15. Popova Z. D., Sternin I. A. *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007, 314. (In Russ.)
16. Lazareva E. A. *System-stylistic features of newspapers*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1993, 165. (In Russ.)
17. Gurevich S. M. *Newspaper: yesterday, today, tomorrow*. Moscow: Aspekt-Press, 2004, 288. (In Russ.)
18. Lazareva E. A. The constituent peculiarities of the internet-advertising. *Politicheskaya lingvistika*, 2008, (3): 142–148. (In Russ.)
19. Zekieva P. M., Morozova M. E. Headline complex as a socio-technical construct in German journalism. *XXI century: results of the past and problems of the present*. Penza, 2011, iss. 15, 93–97. (In Russ.)
20. Frege G. *Logic and logical semantics*. Moscow: Aspekt-Press, 2000, 512. (In Russ.)
21. Schneider W., Esslinger D. *Die Überschrift: Sachzwänge – Fallstricke – Versuchungen – Rezepte*. Wiesbaden: Springer VS, 2015, 178.
22. Hooffacker G. *Journalismus lehren: 10 Jahre Journalistenakademie*. München: Verlag Dr. Gabriele Hooffacker, 2010, 147.
23. Thompson M. 10 questions to help you write better headlines. *The Complete Guide to Article Writing: How to Write Successful Articles for Online and Print Markets*. Writer's Digest Books, 2013, 298.
24. Liesem K. *Professionelles Schreiben für den Journalismus*. Springer-Verlag, 2015, 173.
25. Machill M. *Journalistische Recherche im Internet: Bestandsaufnahme journalistischer Arbeitsweisen in Zeitungen, Hörfunk, Fernsehen und Online*. Berlin: Vistas, 2008, 406.
26. Neuberger Ch. *Journalismus im Internet: Profession – Partizipation – Technisierung*. Berlin: Springer-Verlag, 2009, 354.
27. Fraas C., Meier S., Pentzold Ch. *Online-Diskurse: Theorien und Methoden transmedialer Online-Diskursforschung*. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2014, 432.

Семантика и прагматика слова в масонской традиции

Александр А. Шунейко ^а; Ольга В. Чибисова ^{а, @}

^а Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27

[@] olgachibisova@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.05.2019. Принята к печати 19.06.2019.

Аннотация: Проблематика исследования связана с тем, что научный способ восприятия и интерпретации языковых единиц не является единственным. Кроме него существует масса иных, среди них – восприятие языковых единиц в эзотерической традиции. Такое восприятие по многим параметрам существенно отличается от научного. Но именно этим оно и интересно. Оно предлагает иной тип интерпретации единицы, который в перспективе способен обогатить представление о ней или, по крайней мере, предложить вариант детализации общепринятых понятий. Именно этим обусловлен выбор темы исследования: выявление и описание структуры и функций восприятия масонами слова. Актуальность определяется тем, что, обращаясь к прагматической стороне важной языковой категории, оно даёт инструмент не только для её углублённого восприятия, но и для корректировки представлений о её использовании. Научная новизна проявляется в обнаружении верифицируемых характеристик единицы, которые в своей совокупности создают целостное представление о функционировании коммуникативного феномена. Целью исследования стало детальное выявление семантического наполнения и функциональной атрибуции коммуникативной единицы в том её виде, в каком она на протяжении трехсот лет воспринималась и использовалась отечественными и зарубежными масонами, по разным причинам концентрирующими своё внимание на проблемах филологии. Достигнута эта цель была с помощью применения семантического, коммуникативного и функционального анализа. В ходе исследования этим типам анализа подвергались конкретные словоупотребления и группировались с учетом того, какой компонент значения или какая функциональная направленность у них превалирует. Результат исследования – выявление масонского представления о типологии слова, которая включает в себя ряд взаимосвязанных единиц, выполняющих различные функции.

Ключевые слова: масонство, коммуникативная единица, значение слова, вид слова, функция слова, восприятие, коннотация, использование

Для цитирования: Шунейко А. А., Чибисова О. В. Семантика и прагматика слова в масонской традиции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 869–880. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-869-880>

Введение

Масонская традиция существует не менее трёхсот лет. Большинство внутренних и внешних работ масонов было напрямую связано с проблемами филологии и коммуникации. Масоны создали особые системы вовлечения и воспитания новых членов, которые по сути своей являются коммуникативными или филологическими процедурами. Благодаря этому они накопили очень большой и разнообразный опыт восприятия, анализа и использования языковых единиц. Этот опыт нуждается в детальном анализе, потому что реально или потенциально содержит в себе информацию, которая способна расширить представления о функциональном использовании языковых единиц и их специфике. Именно этим определяется актуальность исследования, цель которого – выявить и охарактеризовать то, каким образом с семантической и прагматической точек

зрения масоны воспринимают слово. Для реализации этой цели были использованы методы семантического, коммуникативного и функционального анализа, которые в своей совокупности позволяют выявить комплексные характеристики объекта и охарактеризовать его со всех актуальных позиций.

Авторы отдают себе отчёт в том, что при всей герметичности масонства на протяжении веков в нем существовали, возникали и даже отмирали различные направления, иногда находившиеся в конфликте друг с другом. Их трактовки основных терминов и понятий могли вызывать существенные разногласия или хотя бы расходиться в нюансах. Свое влияние могли оказать и конфессиональное окружение, существенно различавшееся в разных странах, и традиция, к которой возводило себя то или иное направление

масонства, и, наконец, язык, на котором говорили и писали конкретные масоны.

Но при этом авторы считают необходимым декларировать и реализовать панхронический подход к проблеме и использовать анализируемый материал вне хронологической шкалы и без учета существовавших в масонстве направлений. Это позволяет сделать учет источников раннего периода развития масонства и апелляции к современным практикам. Авторы считают нужным подчеркнуть неизменность масонского знания и масонской практики, которые не следует смешивать с декларациями его «истинности». Масонство по преимуществу является носителем единой и неизменной картины мира, и исследуемое в статье понятие *слово* имеет неизменные на протяжении веков характеристики, не подверженные воздействию обстоятельств и естественной эволюции.

Авторы понимают всю сложность заявленной темы и сознательно стремятся к обобщению и, как следствие, неизбежному частичному упрощению постановки проблемы, что необходимо для выявления сущностно важных дифференциальных характеристик выбранного для анализа понятия.

Выявление обобщённого представления о слове в рамках определённой культурной, конфессиональной, национальной, жанровой или авторской традиции – проблема, с одной стороны, достаточно древняя и традиционная, с другой же – новая, актуальная и до сих пор не имеющая однозначного разрешения. Атрибуция в первую очередь зависит от того, в каких масштабах и каком аспекте эта проблематика воспринимается и в каких границах авторы видят термин слова: как конкретную репрезентацию, лексему или как категориальную единицу. Почтенный возраст и традиционность связаны с исследованиями конкретных лексем в рамках той или иной так или иначе определённой традиции. В этом направлении достигнуты значительные успехи. В качестве примеров приведём работы, отобранные таким образом, чтобы показать максимальный разброс подобных исследований с точки зрения избираемых авторами границ, определяющих сферу анализа материала. К таким работам относятся анализы номинаций человека в северных диалектах хантыйского языка [1], окказиональных сложных слов Дж. Джойса [2], слова *индивидуальность* в СМИ [3], а также исследования составляющих древнего славянского слова *Слово* [4], заимствованного из сферы политики слова *импичмент* [5], заимствованного из китайского языка слова *жемчуг* [6] и новых значений старого слова *риторика* [7]. Список подобных работ, которые осуществляются

применительно к конкретным лексемам на различных определённых языковых срезах, можно продолжать бесконечно.

Но не так многочисленны и гораздо более новы исследования, в которых слово воспринимается не на уровне лексемы, а на уровне категориальной единицы, обобщающей характеристики множества лексем, функционирующих в конкретной сфере. Одним из самых существенных источников и методологических образцов анализа восприятия слова как категориальной единицы можно считать работу В. П. Григорьева «Поэтика слова» [8], в которой раскрываются характеристики экспрессы – обобщённые качества слова, представленного в поэтической речи и организующего её. Сейчас подобные исследования, связанные уже не с поэтическим языком, проводятся всё чаще. В качестве примеров можно привести анализы дискурсивных слов [9], слова в политическом дискурсе США [10], репрезентации нуминозных эмоций [11], деривационных типов слов и их лингвистической значимости [12]. Их объединяет стремление выявить функциональные характеристики единиц, отобранных по тому или иному принципу.

Очевидно, что полное представление о лингвистической единице предполагает исследования первого и второго типов. Но при этом немаловажно, что прагматические характеристики выявляются в первую очередь при раскрытии восприятия категориальной природы. Образец такого раскрытия и предлагается в статье. При этом материал исследования с учетом того, что именно Великобритания является родиной современного масонства, берется из англоязычных источников, начиная с 1823 г.

Результаты

В языковой картине мира масонов слово *Слово* перманентно обозначает целостную коммуникативную единицу, высказывание или текст. Так, в предисловии к своей книге Дж. С. Надь представляет ее читателю следующим образом: «Слово перед тобой – это то, что я хотел бы получить, когда меня вознесли»¹ [13, р. iv]. Это может быть объяснено древним архаичным и библейским восприятием лексемы *слово*. Она по своему содержанию была тождественна с идеей, выражая живое высказывание, речь, и, по сути, являлась номинацией целостной коммуникативной единицы.

Если рассматривать Слово Божие в том понимании, в каком оно представлено в Ветхом Завете, то оно является не простым высказыванием Бога, а выражением его могущества, высшим проявлением которого выступает сотворение мира. Что касается Нового Завета, то в нем

¹ Здесь и далее по тексту перевод сделан авторами статьи.

ключевым значением Слова Божьего становится сам «Иисус Христос и Его подвиг спасения, совершенный ради людей, который постигается в вере»².

Такая единица ни в современных, ни в древних представлениях к слову как совокупности графем, ограниченных с двух сторон пробелами, не сводима. Важно помнить и о том, что слово в значении *единица лексического уровня языка* возникло гораздо позже, чем слово в значении *текст, идея, коммуникативная единица*. А в тех источниках, на которые ориентируются масоны, и в тех источниках, которые продуцируют они сами, безусловно, доминирует именно второе понимание слова.

Это можно наглядно продемонстрировать на примере следующих разновидностей слов, неоднократно встречающихся в масонских текстах:

1. Божье слово – слово, произнесенное Богом.
2. Потерянное слово – слово-олицетворение Высшей мудрости.
3. Слово Мастера – слово-заменитель Божьего слова.
4. Слово Масона – слово, сказанное масоном.
5. Поэтическое слово – слово, созданное поэтом или писателем.

Необходимо подчеркнуть, что контексты использования всех пяти перечисленных единиц указывают на то, что они находятся между собой в отношениях гораздо более сложных, чем простая полисемия или омонимия. С одной стороны, они могут быть рассмотрены как полисемия или омонимия родо-видового типа. С другой – они могут быть восприняты как единая целостная единица, в зависимости от контекста актуализирующая тот или иной оттенок своего значения. Случаи свободного варьирования этих единиц в контексте свидетельствуют, что при достаточно четкой детализации они могут допускать отождествления. То есть мы имеем дело со сложным семантическим комплексом, который может быть охарактеризован как слитно раздельный или раздельно слитный в зависимости от той точки зрения, с которой мы будем его анализировать.

Виды слова в масонских текстах

1. Божье слово

Высокая частотность употребления словосочетания *божественное слово* различными авторами в различных текстах сводится к утверждению, что Бог своим словом создал

Вселенную и все ее составляющие. Следует отметить, что Слово используется в богословском смысле для того, чтобы донести до ума представление о «том Великом существе, которое является единственным творцом нашего существования, ... а также самое ясное и совершенное разъяснение Его силы и качеств»³, которые человеческий разум способен понять. Несколько другое значение Слово приобретает в солнечном мифе о Хираме, выдержка из которого приведена в книге Папюса: «Солнце во время летнего солнцестояния возбуждает у каждого песню возрождения, и потому Хирам, изображающий солнце, имеет законное право дать ему священное слово, т. е. жизнь»⁴.

Сравним эти значения со значениями Слова Божьего, указанным в Библейской энциклопедии: «новозаветное слово Божье может называться и "словом о кресте", "словом истины", "словом жизни", "словом примирения", "словом спасения", "словом благодати"; или просто "словом"»⁵.

Масонским символом божественного слова является подсвечник, особенно с семью рожками, упоминаемый Г. Оливером [14, р. 355]. А. Г. Маккей описывает подсвечник как символ духа Господа и свет Его лица, который «озаряет нас через его глаза, наблюдая за нами и ободряя нас в благородной и славной работе по превращению себя в живые камни для духовного храма»⁶, который предназначен быть вечным жилищем масонов.

2. Потерянное слово

Масонская литература изобилует ссылками на Слово Божье и на то, как оно было потеряно. Существует много вариантов мифов о Потерянном Слове, но главная идея, пересказываемая в катехизисах, сводится, приблизительно, к следующему. В здании Храма Соломона Хирам был Мастером-каменщиком. В 12 часов полудня, когда люди, как обычно, ушли, чтобы отдохнуть, он пришел, чтобы осмотреть работы. Когда он вошел, у трех входов в храм расположилось три негодая, которые считались тремя товарищами-ремесленниками. Когда Хирам подошел к первым вратам, один из них потребовал от него Слово Учителя. Мастер ответил, что он не получит слова таким образом, но время и терпение когда-нибудь приведут его к нему. Каменщик, не удовлетворенный этим ответом, нанес Хираму удар, который заставил его шататься. Хирам пошел к другим вратам, где к нему обратились с таким же требованием.

² Библейская энциклопедия Брокгауза. Режим доступа: <https://bible.by/lexicon/brockhaus/word/3629/> (дата обращения: 05.03.2019).

³ Mackey A. G. Encyclopedia of freemasonry and its kindred sciences. Режим доступа: http://www.phoenixmasonry.org/mackeys_encyclopedia/c.htm (дата обращения: 05.03.2019).

⁴ Папюс (А-р Жерар Энкокс). Генезис и развитие масонских символов или То, что должен знать мастер. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/genezis-i-analiz-masonskih-simvolov-read-504845-24.html> (дата обращения: 05.03.2019).

⁵ Библейская энциклопедия Брокгауза...

⁶ Mackey A. G. Encyclopedia of freemasonry...

Ответив такими же словами, он получил еще больший удар. От третьего удара он умер.

В. А. Уилмхерст уверен, что это не просто преступление, совершенное при строительстве здания в одном из восточных городов; это моральное трагическое событие, постигшее все человечество. Смерть Хирама означала, что люди потеряли способность Высшей Мудрости и Святой Истины, которые Хирам олицетворяет. Из-за этой катастрофы человечество сегодня находится в мире несовершенного знания, ограниченных способностей, шаткого счастья, вечного труда, боли и смерти [15].

Масоны трудятся в своих Ложах, чтобы сделать себя идеальным зданием, надеясь, что когда дом их земной скинии будет закончен, Потерянное Слово Божественной Истины, наконец, будет обнаружено⁷. А пока масон должен довольствоваться замещающим словом, Словом Мастера. Оно позволяет ему работать как Мастер Масона до того времени, когда персонал Небесной Ложи будет укомплектован воскресшими сыновьями всего человечества [16, р. 36].

3. Слово Мастера

Слово Мастера считается особым словом, которое можно получить только после того, как человека посчитают достойным этого. Кроме того, оно может быть передано только при определенных условиях. Ритуал посвящения в Мастера делает основной упор на стадию ритуальной смерти. В то время как посвящаемого с завязанными глазами проводят через ложу, трое братьев осаждают его, бьют по голове и груди и сбивают с ног. После этого они рассказывают ему легенду о Хираме. Этот ритуал часто вызывает такой страх или отвращение, что кандидат тут же убегает из Ложи. В качестве альтернативы некоторые ложи кладут брата на пол, заливают его лицо кровью, а затем велют занять свое место в Ложе. Братья учат кандидата секретному Слову Мастера, обнимая его и удерживая на весу. Отсюда и формулировка, что кто-то поднял (вознес) Мастера [17, р. 77].

Слово Мастера означает «главное или основное», а также «универсальное или первоизданное» слово [18, р. 137]. Масоны путешествуют на Восток в поисках наставлений и на Запад, чтобы распространять полученные знания. Следовательно, Мастер Масон изменяет свое направление движения и начинает движение на запад. Это путешествие, включающее в себя обучение и благотворительное воспитание тех, кто следует за ним, со всеми обязательствами, которые подразумевает это звание [18, р. 243].

Поскольку Слово Мастера является словом-заменителем Слова Божьего, сама речь Мастера может быть приравнена к Слову Божию, истинность которого выявляется сама собой, особенно если Мастер проповедует масонскую доктрину⁸.

В: Откуда я знаю, что все это так?

О: Я известен тебе как Мастер Масон?

В: Я знаю, что ты такой.

О: Тогда у тебя есть Слово Мастера Масона, что все это правда [13].

4. Слово Масона

Слово Масона гораздо больше, чем просто слово. К тому же это секретный знак, передаваемый во время рукопожатия, благодаря которому масоны узнают и знакомятся друг с другом. Это может быть и значимое отсутствие знака там, где он должен быть [19]. В цитируемом Д. Кнупом письме от 1697 г. говорится, что этому сигналу столько же лет, сколько прошло со времен Вавилона, когда масоны-каменщики не могли понять друг друга и разговаривали знаками. У других авторов возникновение сигнала относится ко времени старшего Соломона. Как бы то ни было, тот, кто знает этот сигнал, подзовет своего брата масона к себе, не окликая его или не привлекая ничьего внимания⁹. Некоторые люди считали, что масоны идентифицировали друг друга, занимая какую-то позу, которая была недостаточно эксцентричной, чтобы ее мог заметить кто-либо, кроме коллеги-каменщика, который знал, что искать [20].

Форма предоставления масонского слова представляет собой серию инструкций для тех, кто допускает «человека, принимающего слово», и в общих чертах указывает на то, что нужно сказать ему и что он должен сказать. Иницируемый давал клятву секретности, в которой обещал не раскрывать ни словом, ни письмом даже часть того, что он увидит или услышит, не рисовать ее острием меча или любого другого инструмента на снегу или песке. После этого он шел с самым молодым каменщиком, от которого узнавал знак, позы и слова своей ложи¹⁰.

В одном из первых катехизисов «Экспертиза масона» (1723) так описана церемония принятия в ученики:

(8) *Вверяет чередующимся шепотом.*

(9) *Он приводит «свое лицо в должный порядок», чтобы получить слово.*

(10) *Он получает слово taughtbin.*

(11) *Он читает рифму.*

(12) *Мастер отвечает рифмой [21].*

⁷ Там же.

⁸ Библийская энциклопедия Брокгауза...

⁹ Кноор D. The Mason Word. The Prestonian Lecture for 1938. Режим доступа: <https://freemasonsareus.wordpress.com/2014/05/08/the-mason-words-part-one-of-six/> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁰ Там же.

Затем Мастер, взяв в руку немного виски и воды, выливает их на голову новоиспеченного ученика. Чтобы подтвердить это, Д. С. Смит ссылается на протокол логи от 22 января 1741 г. и предполагает, что существует вероятность того, что данная практика восходит к оперативным дням [22].

Следует отметить, что сами ритуалы опознавания и посвящения масонов также называются Словом Масона. Д. Стивенсон объясняет это протестантским влиянием на масонство после Реформации. Новая кальвинистская церковь в Шотландии считала, что единственное надежное руководство к истине лежит в Библии, часто называемой Словом [20, р. 136]. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон пишут, что первоначальное значение Слова Божьего как Слово Бога в конкретной ситуации устного общения было перенесено и на записанное Слово Бога, превращенное в наставление, и на собрание священных текстов в целом [23]. Это было продолжено в Апокрифах, в Мудрости Соломона: «Он сотворил все Своим Словом, и Его Слово убило неверующих». Таким образом, просто называя свои секреты Словом Масона, масоны объединили сильные коннотации абсолютной истины и таинственной силы [20, р. 136].

5. Поэтическое слово

Масоны относятся к создаваемому ими слову как проявлению своего божественного дара, выделяющего их среди множества обычных людей. Они считают этот дар внеположенной себе категорией, предначертанием свыше, возложенной на него миссией спасения человечества. Поэтому они стремятся сделать его таким же могущественным и влиятельным, как и Божье слово. Это означает, что они хотят направить словесную энергию на преобразование окружающего их мира, приведение его в соответствие с теми ценностями и идеалами, которые проповедует масонство.

Таким образом, роль писателя или поэта в обществе может восприниматься в качестве роли ретранслятора информации, занимающего промежуточное положение между высшим миром и реальным миром, одновременно связанного с ними обоими, наделенного божественной волей и промыслом. Иными словами, он является субстанцией, соединяющей «духовное с материей; он есть последний из духов и первый из существ материальных» [24, с. 156].

Масонство считается школой добродетели, поэтому для писателей-масонов и поэтов-масонов корректная речь означает не только умелое использование поэтического слова. Прежде всего, она характеризуется чистотой намерений и побуждений, отсутствием персональной отрицательной оценки чьих-либо действий и открытым

каналом для постижения высшего знания и личностного духовного роста.

В тематическом плане поэтическое слово – это текст, отражающий масонскую картину мира и связанную с ней систему ценностей в положительном ключе. Его автором, как правило, является масон, но адресация текста может быть очень широкой. Основная лингвистическая характеристика поэтического слова – его неэгоцентричность. Информация, сообщаемая в подобном тексте, существует будто бы вне авторства, времени и места, т. е. помещается в нелокализованном бытийном, метафизическом плане [25].

Функции слова

1. Идентифицирующая функция

С. Б. Моррис связывает появление масонского слова именно с его идентифицирующей функцией, т. е. необходимостью отличать каменщиков-непрофессионалов от специалистов, входящих в профессиональные объединения. По его мнению, в XVI и XVII веках в Шотландии возникла необходимость в исключении кованов (работников, не состоящих в профсоюзе) из законной работы каменщиков¹¹. Он предполагает, что масонское слово использовалось в качестве персонального средства опознавания вместо профсоюзного билета.

Эта точка зрения не противоречит мнению большинства историков, которые сходятся в том, что ряд основных идей и практик масонства имеют свои корни в ложах каменщиков или импровизированных гильдиях, которые организовывались на строительных площадках в позднем Средневековье. С. Биэгетти [17, р. 27] подтверждает, что большинство ремесленных гильдий хранили секретные знаки или пароли, чтобы отличать подготовленных мастеров от учеников. Дж. С. Надь полагает, что для оперативных масонов Слово Учителя было простым: это была способность создать правильный угол, чтобы они могли использовать его для выполнения качественной работы [13].

Согласно Д. Стивенсону [20, р. 9], между концом XVI в. и началом XVIII в. то, что было тайной гильдией ремесленников, стало популярным братским обществом для образованных джентльменов (не каменщиков), которых привлекало социальное братство масонов, эзотерический ритуализм, символизм и мифология. Они придали символическое значение винтовой лестнице, пять ступеней которой обозначают пять человеческих чувств: слух, зрение, осязание, обоняние и вкус. Наиболее важными для масонов считаются первые три: слышать (слышать слово), видеть (видеть знак) и чувствовать (чувствовать рукопожатие), благодаря которым «один масон может узнать другого как в темноте, так и при свете» [16].

¹¹ Morris S. B. The Hidden Secrets of a Master Mason. Educational Lodge No. 1002, A. F. & A. M. 1988. Bulletin № 106.

В наш век компьютерных технологий масоны изобретают новые способы идентификации и проверки членства. Работа М. Бонда и Г. Данезиса [23] посвящена описанию протоколов (наборов правил), обеспечивающих безопасный обмен информацией между компьютерами, и способам их переноса в реальную коммуникацию людей офлайн. В частности, авторами предлагается использовать стеганографическую трансляцию, интерактивную аутентификацию, отрицаемую аутентификацию и канал лжи.

2. Объединяющая функция

Консолидирующая функция выражается в том, что сам факт наличия Слова и знание его является особой характеристикой масонского братства, критерием противоположения между масонами (своими) и профанами (чужими). А. Г. Маккей, рассуждая на тему семантики слова *профаны*, пишет о том, что в Масонстве оно принято во всеобщее обращение в своем древнем значении «вне Храма, посторонний», следовательно, профанировать означает не входить в храм и не принимать участие в торжествах. В таком случае слово *профан* не имеет обидных коннотаций, масоны так называют человека, непосвященного в их тайны, подобно тому, как в других профессиях в похожих ситуациях используется слово *неспециалист*¹².

Во времена возникновения масонства типичной формой организации ремесла каменщиков была городская ремесленная гильдия, которая выполняла не только экономические, но и социальные задачи. К последним относятся помощь членам гильдии, переживающим трудные времена, поддержка вдов и сирот умерших масонов. По мнению Д. Стивенсона, это была своего рода искусственно созданная семья, члены которой соединялись общими интересами, подкрепленными клятвами и ритуалами [20, р. 13].

Масонская ложа интерпретируется как идеальный мир, место, где все люди являются братьями. Во время многих масонских церемоний образуется так называемая цепь объединения, символизирующая готовность масонов в любой момент оказать помощь своим Братьям и Сестрам:

*Нога к ноге, неважно где,
Пусть вдалеке от мне назначенной дороги,
Коль брат в беде,
К нему приду и разделю его тревоги*¹³.

Выстраиваемый масонами Храм знаменует собой объединение всего человечества. Промыслом Бога род человеческий есть единое объемлющее братство, в котором сам Бог выступает как его Досточтимый Мастер, а весь мир

представляет собой Его ложу. Дух и милосердие масонства состоит в том, как заключает Ф. Бейли, что все его ресурсы предназначены для блага рода человеческого [16].

3. Конспирологическая функция

Масонство считается секретным обществом, т. к. оно обладает всеми характеристиками, присущими подобным организациям. Согласно классификации М. Паркера [26], первым критерием является продолжительный срок ее существования. Вторым – то, что вступление в организацию должно быть отмечено ритуалом. Третий критерий – наличие иерархии и необходимости инициации для перехода на более высокий уровень. Четвертый – отсутствие сведений о повседневной деятельности и избыток информации о необычном и неясном.

Выявление местонахождения, состава и других деталей организации невозможно, т. к. эта информация передается только ее членам. После того как посвященному был дан знак, поза и слово его ложи, он приносил клятву хранить ключи: «с не меньшей болью, чем та, когда у меня вырежут язык и когда меня похоронят под водой»¹⁴. Конституция масонов предписывает им быть осторожными в своих словах и манере держаться, чтобы самый проницательный незнакомец не смог обнаружить или выяснить то, что ему не следует знать. Каждый этап масонских встреч предельно ритуализирован: офицеры лож прибегают к секретным словам и жестам, чтобы сообщить время и место проведения мероприятия и изолировать ложу от внешнего мира.

В 1798 г. президент Адамс заметил, что масонское общество, которое обладает умением узнавать друг друга по знакам, которые никто не может распознать, и властью принуждать всех людей в любое время сохранять секрет, «может быть использовано для любой подозрительной цели» [27, р. 333]. Он был не единственный, кому пришла в голову эта идея. В 1650-х гг. Церковь Шотландии, опасаясь, что Слово Масона может быть связано с колдовством, вызвала нескольких каменщиков к ответу перед общим собранием церкви. Они отказались раскрыть Слово, но взамен предложили, чтобы собрание выбрало одного из своих членов для прохождения обряда инициации с тем, чтобы тот затем заверил остальных членов собрания в невинности масонских тайн. Никто не осмелился согласиться из-за страха, что инициация включает в себя какое-то богохульство. Запрос был отклонен [28, р. 58]. В 1822 г. в России масонство было запрещено высочайшим рескриптом Александра I.

¹² Mackey A. G. Encyclopedia of freemasonry...

¹³ Там же.

¹⁴ Knoop D. The Mason Word...

Можно предположить, что в средневековой масонской гильдии секреты, которые ученик мог узнать, были связаны с их профессией, например с конструированием арки. Секреты, которые хранят современные масоны, являются, скорее всего, чем-то личным, что они хранят в своих сердцах и что они не намерены сообщать кому-либо, кроме своих собратьев. Фактически это открытый секрет, познаваемый каждым в соответствии с его поисками и способностями. Его нельзя выучить за другого человека или постичь в одиночку, как многие другие заслуживающие знания вещи¹⁵.

4. Инструментальная функция

Инструментальная функция слова состоит в том, что оно воспринимается в качестве стимула к выполнению масонами различных видов работ. Главная из них – это мышление, понимаемое как процесс получения знания о таких объектах, свойствах и отношениях мира, которые не могут быть восприняты чувствами. Оно превосходит все другие виды деятельности, на которые способен человек, поэтому масонство стремится развивать умственные способности своих братьев. Цель масонства всегда состояла в том, чтобы сохранить мудрость и философию жизни, которые передавались в мистической форме с начала времен и из-за своей древности становились малопонятными. Но более важным, чем знание, приобретенное наукой, по мнению С. Биэгетти, является чудо самого открытия, т. е. оно позитивно воздействует на тело, эмоции и дух [17].

Слово является регулятором и физической работы, направляя её в нужное русло. Например, даже женщины, которых не допускали (и не допускают до сегодняшнего дня) во многие масонские ложи, способствовали воссозданию масонского символического мира и его значений. Масоны часто поручали своим женам и дочерям шить и вышивать свои масонские одеяния, и это только один из многих способов, которыми женщины не только обрабатывали, но и воспроизводили масонское слово.

К инструментальной функции слова можно также отнести укрепление братских связей во время совместной трапезы любви (агапы) после заседаний ложи, во время проведения праздников или поминок. Масонское членство позволяет наслаждаться спокойным и тихим вечером в компании других, которым необходимо избавиться от напряжения и разочарования бурной жизни, восстановить свои внутренние ресурсы и вернуть веру в человеческую природу. Польза агапы при правильном ее проведении состоит в том,

что она способствует поддержанию надлежащего образа жизни масонов и поэтому имеет большое церемониальное и социальное значение¹⁶.

Слово, выступающее в виде уставов, конституций и нормативов, регулирует поведение масонов не только в Ложе среди собратьев, в присутствии незнакомых людей, но и в кругу родных и близких. Им предписывается вести себя, как приличествует нравственному и умному человеку; в частности, не говорить своей семье, друзьям и соседям о проблемах ложи, а поступать согласно своей чести и достоинству. Кроме того, масоны должны учитывать состояние своего здоровья, т. е. не засиживаться в компании других масонов слишком долго или допоздна после того, как закончена работа Ложи. Им надлежало избегать обжорства или пьянства, чтобы их семьи не чувствовали себя пренебрегаемыми и обиженными, а сами масоны могли выйти на работу на следующий день [28].

Инструментальная функция слова проявляется в наличии наказаний, налагаемых на масона за проступки. Так, в клятве масона, приведенной в катехизисе «Тайна Франкмасонства» (1730), перечислены такие кары, как «вынуть мое сердце через сосок моей левой груди, вырвать с корнем мой язык из свода моего рта, сжечь мое тело и развеять пепел» [21, р. 37]. А. Г. Маккей отвергает это, утверждая, что масонские наказания ни в коем случае не относятся к каким-либо человеческим наказаниям, т. е. к тем, которые могут быть нанесены человеческой рукой или инструментом. Клятва масона означает, что если он предаст оказанное ему доверие, он достоин такого наказания, и что если такое наказание будет наложено на него, оно будет справедливым. «Ритуалистические наказания масонства находятся в руках не человека, а Бога, и должны быть причинены Богом, а не человеком»¹⁷.

5. Магическая функция

Масоны в немаловажной степени сами способствовали тому, чтобы создать общественное мнение о том, что они обладают магией, связанной с оккультными знаниями и силами. Примером тому может служить стихотворение, созданное Х. Адамсоном в 1638 г.:

*Пророчествовать можем неспроста,
Ведь все мы братья Розы и Креста:
Масона Слово и второе зрение,
Нам гарантируют это умение¹⁸.*

Второе зрение (ясновидение) – это необычная способность, которая позволяет людям знать, что происходит

¹⁵ Там же.

¹⁶ Mackey A. G. Encyclopedia of freemasonry...

¹⁷ Там же.

¹⁸ Dawkins P. The FRA. Rosie Cross Cipher 287. Режим доступа: https://www.fbrt.org.uk/pages/essays/The_Fra_Rosie_Cross_Cipher_287.pdf (дата обращения: 05.03.2019)

в другом месте или что произойдет в будущем. Масонское слово, поставленное рядом со вторым зрением, недвусмысленно говорит о том, что оно имеет прямое отношение к дару пророчества.

Кроме того, не-масоны считали масонское слово сверхъестественным, потому что оно включало невидимое общение. Оно заключалось в способности тайно идентифицировать собратьев-каменщиков и делать это на расстоянии, причем окружающие не замечали, как это было выполнено, или даже не предполагали, что это происходило. Поэтому люди были склонны считать, что в этом задействована магия, подобно тем случаям, когда ведьма вызывает к себе духов.

Д. Стивенсон [20, р. 134] описывает случай, происшедший в 1695 г. в Шотландии. Анджо Маки наблюдал в своем доме явление полтергейста. Кроме него в доме находились пять служителей церкви и девять других уважаемых граждан, которые видели перемещающиеся предметы и самовозгорания и слышали непонятные шумы. Жители прихода решили, что поскольку Маки был по профессии каменщиком, он получил Слово Масона в обмен на клятву отдать дьяволу своего первого ребенка. Но священник утверждал, что Маки понятия не имел, что это такое. Итак, масонское слово было расценено как форма поклонения дьяволу.

В наше время вера в магическую силу масонского слова не становится меньше, и находятся люди, которые не против попробовать раскрыть древние масонские секреты. Им предлагается книга, написанная Леоном Майло Дюкеттом, который признается, что он является одновременно и масоном, и колдуном и предлагает различные способы вызывания духов¹⁹.

6. Креативная функция

Особенно настоятельно подчеркивается присутствие творческой силы у божественного слова: «Бог сотворил небо и землю, и все, что на них. Чтобы утвердить Свое творение, Он благословил животных и людей, особо выделив тех, кто должен был служить Его Промыслу»²⁰. Бог дал людям пищу, одежду, детей, землю, имущество и успех.

Эта совокупность высказываний, кроме того, что она отражает приверженность к широко распространенной библейской максиме, служит отправной точкой для выделения наиболее существенных признаков иных типов слова. В ее основе лежит гипотеза, что если человек является отображением отличительных признаков и особенностей Бога, он в определенной степени также способен править миром посредством своего слова. По этой причине творческая функция Слова Бога транспонируется на слово человека,

а именно Слово Мастера, Слово Масона и поэтическое слово: «Распахните двери сынам человеческим, ... и пусть все Мастера Господа расширяют Храм Господень, озаряя его светом мира. Пусть ваше Слово исцеляет и воскрешает живых из мертвых» [16]. Таким образом, духовные практики масонов фактически выступают способом реализации креативной функции слова. Важно, что к этим действиям их обязывают и нормативные документы Франкмасонства (конституции, уставы и директивы), которые отдают явный приоритет словесному творчеству.

Примером таких текстов являются зодческие работы масонов, потому что в процессе становления и принятия в качестве масона центральным направлением является подготовка, презентация и обсуждение коротких эссе по заранее определенной теме.

То, что литературное творчество обладает особой значимостью в деятельности масонов, находит свое выражение в высшей ступени Голубой Ложи масонства – *стихотворстве*. Из этого следует, что литературное творчество считается не только обязательным элементом внутреннего совершенствования индивидуума, но и его финалом, суммирующим приобретенные в процессе этой деятельности добродетели. В символической лестнице степени Рыцарь Кадош две ступени именовались *грамматика* и *риторика*.

Творчество неслучайно имеет такой высокий статус. Вероятно, он базируется на признании неких эксклюзивных функций, выполняемых поэтическим словом в процессе совершенствования человека. С этим напрямую связана следующая функция слова – просветительская.

7. Просветительская функция

Просветительство, которое осуществляется преимущественно посредством слова, является важной частью социальной роли масонов. Ф. Бейли констатирует, что «история человечества запечатлена в работе трех степеней Голубой Ложи, которая раскрывает ритм тройственной работы Прошлого, Настоящего и Будущего» [16, р. 34]. Предполагается, что Ученик учится, чтобы стать более просвещенным человеком, искать знания со свободой, пылкостью и усердием. Предполагается, что Подмастерье должен сам производить знания и делиться ими. Предполагается, что Мастер продолжает поиски мудрости, т. к. понимает, что нет более страшного врага, чем невежество [15].

Слово *предполагается* используется здесь, потому что масон свободен сам решать, на что будет похоже его путешествие. Но конечной целью масонства считается построение вечного царства блаженства и гармонии, в котором между

¹⁹ Дюкетт Л. М. Ключ к ключу Соломона. Тайны магии и масонства. М.: Клуб Касталия, 2016. 194 с.

²⁰ Библийская энциклопедия Брокгауза...

всеми народами вселенной будут торжествовать идеалы свободы, равенства и братства. Путь к нему лежит через перевоспитание и просвещение всех людей.

Первостепенное значение в процессе формирования личности масоны отводят искусству, т. е. поэтическому слову. Своей главной работой они считают возрождение греховного человека, который раздвоился на душу и тело. Именно эту работу выполняет масонское творчество, объединяющее братьев в единую цепь, способную восстановить единство человеческой сущности [24].

Например, в своем стихотворении «Заповедь» Редьярд Киплинг излагает важнейшие моральные принципы масонской этики. Эти стихи – целая программа жизни человека, идеальная модель, на которую следует ориентироваться в повседневной действительности. Во-первых, это воспитание чувства внутренней свободы, противостоящей как внутреннему, так и внешнему давлению. Во-вторых, это развитие высоких нравственных качеств, таких как терпение, милосердие, простота и честность и т. д. То есть поэтическое слово в масонской системе мировосприятия является объектом с четко определенным прикладным планом.

Заключение

Независимо от вида слова и исполняемой им функции реализация его позитивной способности активно действовать зависит от того, кем и как продуцируется слово. Первое условие предопределяет, что говорящий (пишущий) человек должен обладать особым талантом, воспринимаемым им и слушателями (читателями) как божественный дар. Второе условие оговаривает обстоятельства речепроизводства: высоконравственное поведение индивидуума, его непрерывная духовная работа над собой, способность выходить за пределы материального мира для контакта с высшими силами. Кроме того, рассмотренные в данной работе разновидности масонского слова создают в социальной среде масонов такое специфическое лингвокультурное пространство, полноправным членом которого невозможно стать без обращения к слову в своей повседневной практике. Таким образом, словом в масонской традиции называется реальный объект, своей внешней формой сходный с традиционно понимаемым вербализованным текстом, внутренняя форма которого обладает реализованной или потенциальной энергией преобразовывать зримые и невидимые миры.

Литература

1. Каксин А. Д. Группы слов, связанных с номинацией, характеристикой и оценкой человека, в северных диалектах Хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 2. С. 18–24. DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-18-24
2. Наугольных Е. А. Оказиональное сложное слово Дж. Джойса: специфика и перевод // Язык и культура. 2017. № 38. С. 70–79. DOI: 10.17223/19996195/38/5
3. Игнатов И. А. Слово «индивидуальность» и особенности его функционирования в языке средств массовой информации // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 243–251. DOI: 10.17223/18137083/66/20
4. Лопатина А. Б. Исследование составляющих древнего славянского слова «Слово», его образов и смыслов, и современное значение этого слова // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2-1. С. 151–155.
5. Тань И. Заимствованные слова сферы политики и их понимание носителями русского языка (на примере слова «импичмент») // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6. С. 185–190. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10627
6. Гун Л., Касимова О. П. Развитие семантики заимствованных из китайского языка слов (на примере слова жемчуг) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 167–171.
7. Ухова Л. В., Гусева Л. А. «Новые значения старых слов»: к вопросу о статусе слова риторика // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 180–183.
8. Григорьев В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979. 344 с.
9. Ефанова А. Г. Семантика нормы прогнозируемости в высказываниях с дискурсивными словами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 70–86. DOI: 10.17223/19986645/50/5
10. Иванова С. В., Чанышева З. 3. Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 821–843. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-821-843
11. Пашков С. М. Языковые средства репрезентации нуминозных эмоций (на материале англоязычного текста Библии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.6>
12. Шарандин А. Л. Слово и формы слова: деривационные типы, лингвистическая значимость и функции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 207–213. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-207-213

13. Nagy J. S. Building Hiram. Uncommon Catechism for Uncommon Masonic Education. Lutz, Florida: Promethean Genesis Publishing, 2009. Vol. 1. 162 p.
14. Oliver G. The Antiquities of Free-masonry: Comprising Illustration of the Five Grand Periods of Masonry. G. and W. B. Whittaker, Ave-Maria Lane, 1823. 399 p.
15. Whilmhurst W. L. The Meaning of Masonry. Humphries and Co, 1922. 254 p.
16. Bailey F. The Spirit of Masonry. London: Lucis Press Ltd, 1979. 160 p.
17. Biagetti S. The Only Universal Monarchy. Freemasonry, Ritual, and Gender in Revolutionary Rhode Island, 1749–1803. Submitted in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2015. 458 p.
18. DeHoyos A., Morris S. B. Freemasonry in Context: History, Ritual, Controversy. Lexington Books, 2004. 349 p.
19. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. On the Question of the Semiotic Typology of Signs // Journal of Language and Education, 2016. № 2(2). P. 43–51. DOI: 10.17323/2411-7390-2016-2-2-43-51
20. Stevenson D. The Origins of Freemasonry, Scotland's Century, 1590–1710. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 263 p.
21. Carr H. An Examination of the Early Masonic Catechisms. Leicester: Bros. Johnson, Wykes & Paine, 1946. 68 p.
22. Smith D. C. History of the Ancient Masonic Lodge of Scoon and Perth, no. 3 (the Lodge of Scone). Cowan & Company, limited, 1898. 340 p.
23. Bond M., Danezis G. The Dining Freemasons (Security Protocols for Secret Societies) // Security Protocols 2005. Lecture Notes in Computer Science / eds. Christianson B., Crispo B., Malcolm J. A., Roe M. Springer, Berlin, Heidelberg, 2005. Vol. 4631. P. 258–265.
24. Сахаров В. И. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149–164.
25. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Non-egocentricity as a characteristic of Masonic texts // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 1. С. 73–84. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-7
26. Parker M. Secret Societies: Intimations of Organization // Organization Studies. 2016. Vol. 37. № 1. P. 99–113.
27. Stauffer V. The Bavarian Illuminati in America: The New England Conspiracy Scare, 1798. Courier Corporation, 2006. 374 p.
28. Handbook of Freemasonry / eds. Bogdan H., Snoek J. A. M. Leiden: Brill, 2014. 670 p. DOI: 10.1163/9789004273122

Semantics and Pragmatics of the Word in Masonic Tradition

Alexander A. Shuneyko ^a; Olga V. Chibisova ^a,[@]

^a Komsomolsk-on-Amur State University, 27, Lenina Ave., Komsomolsk-on-Amur, Russia, 681013

[@] olgachibisova@yandex.ru

Received 26.05.2019. Accepted 19.06.2019.

Abstract: The issue of the research is connected with the fact that the scientific way of linguistic perception and interpretation is not the only one. There are many other ways, including the interpretation of linguistic units in the esoteric tradition. Such interpretation differs significantly from the scientific one. However, this is precisely what makes it interesting. It offers a different type of understanding, which, in the long term, is capable of enriching the concept of the unit, or at least elaborating the generally accepted concepts. Hence, the research topic was the identification and description of the structure and functions of the Masonic perception of the word. From the pragmatic side of an important language category, it provides a tool not only for its in-depth perception, but also for correcting the ideas about its usage. Scientific novelty manifests itself in the discovery of verifiable characteristics of the unit, which together create a holistic view of the functioning of the communicative phenomenon. The research objective was to identify the semantic content and functional attribution of the communicative unit in the form in which it has been perceived and used by national and foreign Masons for three hundred years. The research employed semantic, communicative, and functional analyses. Specific cases of word usage were subjected to these types of analysis and were grouped according to the prevailing component of meaning or functional orientation. The Masonic typology of the word was revealed to include a number of interrelated units that perform various functions.

Keywords: freemasonry, communicative unit, meaning of the word, type of the word, function of the word, perception, connotations, use

For citation: Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Semantics and Pragmatics of the Word in Masonic Tradition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 869–880. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-869-880>

References

1. Kaksin A. D. Groups of the words connected with the nomination, the characteristic and assessment of the person in northern dialects of the Knanty language. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij*, 2017, (2): 18–24. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2017-2-18-24
2. Naugolnykh E. A. Occasional compound word of James Joyce: characteristics and translation. *Iazyk i kul'tura*, 2017, (38): 70–79. (In Russ.) DOI: 10.17223/1996195/38/5
3. Ignatov I. A. The word "individuality" and peculiarities of its functioning in the mass-media language. *Siberian Journal of Philology*, 2019, (1): 243–251. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/66/20
4. Lopatina A. B. The study of the ancient Slavic word «Word», its image and meaning, and the modern meaning of the word. *International Journal of Experimental Education*, 2016, (2-1): 151–155. (In Russ.)
5. Tan Y. Borrowed words in the field of politics and their understanding by the native Russian speakers (on the example of the word "impeachment"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, (6): 185–190. (In Russ.) DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10627
6. Gong L., Kasymova O. P. Semantic development of the words borrowed from Chinese: on the example of the word pearl. *Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2018, (6): 167–171. (In Russ.)
7. Ukhova L. V., Guseva L. A. "New meanings of old words": the issue of the status of the word "rhetoric". *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, 23(4): 180–183. (In Russ.)
8. Grigoriev V. P. *Poetics of the word. The case of Russian Soviet poetry*. Moscow: Nauka, 1979, 344. (In Russ.)
9. Efanova L. G. The semantics of the norm of predictability in statements with discursive markers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2017, (50): 70–86. (In Russ.) DOI: 10.17223/19986645/50/5
10. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. A word in the context of a cultural and historical universe: Some case studies from the US political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, 22(4): 821–843. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-821-843.
11. Pashkov S. M. Language means of representing numinous emotions (based on the material of the English Bible text). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 2018, 17(1): 52–62. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.6
12. Sharandin A. L. Word and word form: derivational types, linguistic significance and functions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 207–213. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-207-213
13. Nagy J. S. *Building Hiram. Uncommon Catechism for Uncommon Masonic Education*. Lutz, Florida: Promethean Genesis Publishing, 2009, vol. 1, 162.
14. Oliver G. *The Antiquities of Free-masonry: Comprising Illustration of the Five Grand Periods of Masonry*. G. and W. B. Whittaker, Ave-Maria Lane, 1823, 399.
15. Whilmhurst W. L. *The Meaning of Masonry*. Humphries and Co, 1922, 254.
16. Bailey F. *The Spirit of Masonry*. London: Lucis Press Ltd. 1979, 160.
17. Biagetti S. *The Only Universal Monarchy. Freemasonry, Ritual, and Gender in Revolutionary Rhode Island, 1749–1803*. Submitted in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2015, 458.
18. DeHoyos A., Morris S. B. *Freemasonry in Context: History, Ritual, Controversy*. Lexington Books, 2004, 349.
19. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. On the Question of the Semiotic Typology of Signs. *Journal of Language and Education*, 2016, 2(2): 43–51. DOI: 10.17323/2411-7390-2016-2-2-43-51
20. Stevenson D. *The Origins of Freemasonry, Scotland's Century, 1590–1710*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 263.
21. Carr H. *An Examination of the Early Masonic Catechisms*. Leicester: Bros. Johnson, Wykes & Paine, 1946, 68.
22. Smith D. C. *History of the Ancient Masonic Lodge of Scoon and Perth, no. 3 (the Lodge of Scone)*. Cowan & Company, limited, 1898, 340.

23. Bond M., Danezis G. The Dining Freemasons (Security Protocols for Secret Societies). *Security Protocols 2005. Lecture Notes in Computer Science*, eds. Christianson B., Crispo B., Malcolm J. A., Roe M. Springer, Berlin, Heidelberg, 2005, vol. 4631, 258–265.
24. Sakharov V. I. The myth of the Golden Age in Russian Masonic literature of the XVIII century. *Voprosy literatury*, 2000, (6): 149–164. (In Russ.)
25. Shuneyko A. A., Chibisova, O. V. Non-egocentricity as a characteristic of Masonic texts. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*, 2019, 5(1): 73–84. (In Russ.) DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-7
26. Parker M. Secret Societies: Intimations of Organization. *Organization Studies*, 2016, 37(1): 99–113.
27. Stauffer V. *The Bavarian Illuminati in America: The New England Conspiracy Scare, 1798*. Courier Corporation, 2006, 374.
28. *Handbook of Freemasonry*, eds. Bogdan H., Snoek J. A. M. Leiden: Brill, 2014, 670. DOI: 10.1163/9789004273122

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com

Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com

Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска: Лоншакова К. А., Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 13.09.2019.

Дата выхода в свет 07.10. 2019.

Печать офсетная. Бумага Sveto Сору. Формат А 4. Усл. печ. л. – 39,3. Уч.-изд. л. – 32.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.